

Владислав Зубок

История
Сталинизма

НЕУДАВШАЯСЯ ИМПЕРИЯ

Советский Союз в холодной войне
от Сталина
до Горбачева

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

VLADISLAV M. ZUBOK

A FAILED EMPIRE

**THE SOVIET UNION IN THE COLD WAR
FROM STALIN TO GORBACHEV**

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA PRESS
2007

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ВЛАДИСЛАВ ЗУБОК

НЕУДАВШАЯСЯ ИМПЕРИЯ

Советский Союз в холодной войне
от Сталина
до Горбачева

Москва
2011

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63
З-91

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Зубок В. М.

З-91 Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В. М. Зубок ; [авторизованный пер. с англ. М. Мусиной]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 671 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1543-1

Книга профессора истории Университета Темпл (США) Владислава Зубока посвящена изучению мотивов и интересов Советского Союза в холодной войне. На ее написание повлияли новые источники и методологические находки: автор использовал большой массив ранее не доступных архивных документов — от записей, сделанных на заседаниях Политбюро, шифротелеграмм, которыми обменивались руководители компартий, до мемуаров бывших коммунистических лидеров и интервью с их помощниками, дипломатами, разведчиками и военными.

Книга предназначена историкам, политологам, преподавателям и студентам, всем интересующимся историей международных отношений СССР.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-8243-1543-1

©University of North Carolina Press, 2007
©Мусина М. Ш., перевод на русский язык,
2011
©Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Российская политическая
энциклопедия», 2011

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)63

3-91

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,

Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),

В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Зубок В. М.

3-91 Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В. М. Зубок ; [авторизованный пер. с англ. М. Мусиной]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 671 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1543-1

Книга профессора истории Университета Темпл (США) Владислава Зубока посвящена изучению мотивов и интересов Советского Союза в холодной войне. На ее написание повлияли новые источники и методологические находки: автор использовал большой массив ранее не доступных архивных документов — от записей, сделанных на заседаниях Политбюро, шифротелеграмм, которыми обменивались руководители компартий, до мемуаров бывших коммунистических лидеров и интервью с их помощниками, дипломатами, разведчиками и военными.

Книга предназначена историкам, политологам, преподавателям и студентам, всем интересующимся историей международных отношений СССР.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-8243-1543-1

©University of North Carolina Press, 2007

©Мусина М. Ш., перевод на русский язык, 2011

©Издание на русском языке, оформление.

Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2011

*Моим родителям —
Людмиле Михайловне Зубок
и Мартину Львовичу Зубоку*

Эта книга была написана по-английски и выпущена университетским издательством в Соединенных Штатах в серии «Новая история холодной войны» в 2007 г. Книга вызвала интерес и была переведена на ряд языков, включая испанский, польский и даже эстонский. Но появление ее русского издания является для автора особо радостным событием. По сути, речь идет о втором рождении его труда. Переводить с чужого языка на родной оказалось нелегким занятием. Итальянцы называют это *traduttore — traditore*: «предательская» буквальность перевода съедает многие заложенные в тексте смыслы. Авторизованный перевод, подготовленный совместно с М. Ш. Мусиной, был еще одной проверкой книги на ясность аргументов и точность фактов. Читателю судить, насколько удачным оказалось это предприятие.

Работа над русским изданием была важной и потому, что историк всегда выступает в качестве медиума — посредника между прошлым и своими современниками. Книга была написана для американских специалистов, но также и для более широкого англоязычного читателя, как правило, незнакомого с проблематикой и фактами советской истории. Работая над русским текстом, автор также ориентировался не только на суд профессионалов, но на всех, кто интересуется отечественной историей. Автор родился в России, прожил в ней половину своей сознательной жизни и поэтому (может быть, самонадеянно) считает, что российский читатель поймет его книгу лучше, чем житель США. Вместе с тем он адресует свой труд и молодежи России, для которой холодная война и советская империя уже стали такими же смутными абстракциями, каким они являются для молодых американцев и англичан.

Термин «империя» в заголовке и тексте книги не вызвал комментариев на Западе, но может вызвать отторжение у некоторых российских читателей. Автор не придает этому понятию негативного смысла и тем более не опускается до банальных метафор («империя зла» и т. п.). Этот термин обозначает Советский Союз и страны Варшавско-

го договора, т. е. многонациональное государство, построенное при Ленине и Сталине, вместе со странами советской зоны влияния, где режимы были выстроены по советскому образцу, с помощью московских советников, и где находились советские войска. Одной из целей книги было показать, как характер советского государства и режима отразились на особенностях советской империи, почему эта империя так рано столкнулась с глубокими структурными проблемами и массовыми антиимперскими настроениями и в конце концов развалилась, проиграв в соперничестве с западными капиталистическими демократиями.

Великий русский поэт, гражданин двух империй, писал: «Если выпало в империи родиться — лучше жить в провинции, у моря». При всей ностальгии по советскому прошлому, которая до сих пор ярко проявляется в российском общественном мнении, поражает скромное количество качественных исследований, посвященных Советскому Союзу как субъекту международных отношений, тому, как делалась советская дипломатия и как складывались и разрывались имперские связи. Если не считать мемуаров дипломатов и сборников документов, исторических исследований внешней политики СССР в годы холодной войны за последние двадцать лет появилось совсем немного. Автор рассчитывает, что выход его труда на русском языке стимулирует дискуссию по этой теме, привлечет больше молодых исследователей к работе в дипломатических архивах и, может быть, поможет лучше понять, откуда пришла и куда идет новая Россия.

Владислав Зубок, Филадельфия, 31 января 2011 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена изучению мотивов и интересов Советского Союза в холодной войне — глобальном противостоянии с Соединенными Штатами и их союзниками. В России и других странах бывшего «социалистического содружества» рассекречен большой массив ранее недоступных архивных документов. Возникла возможность изучать те моменты советского прошлого, которые долгое время были окутаны тайной. Количество и разнообразие источников, проливающих свет на политическую, общественную и культурную жизнь в СССР, поражает воображение. Сегодня можно, даже не выходя из дома, по Интернету, изучать записи заседаний Политбюро, читать шифротелеграммы, которыми обменивались руководители компартий; анализировать процесс преобразования импульсов из Кремля в политику на местах и даже читать личные дневники сотрудников аппарата ЦК. Книжные полки заполнены мемуарами бывших коммунистических лидеров и их помощников, дипломатов, разведчиков и военных. Создан большой задел «устной истории» — записей детальных интервью с участниками событий и конференций, где они отвечают — с большей или меньшей откровенностью — на перекрестный допрос историков. Эти записи, наряду с дневниками, доносят до сегодняшнего дня эмоции, нравственный контекст, человеческий акцент давно ушедших лет.

Мне повезло: в 1990-е гг. я оказался вовлечен в ряд проектов «устной истории» и работал во многих архивах, что позволило скорректировать и дополнить сухой язык документов разговорами с ветеранами, видными дипломатами, военными, политиками. В результате возникла идея и возможность написать не просто о фактической стороне конфронтации двух великих держав и гонке смертельно опасных вооружений. За любым историческим событием стоят люди — их амбиции, надежды, порывы и преступления, заблуждения и ошибки. За большинство решений и действий советского государства кто-то из этих людей нес непосредственную ответственность, кто-то являлся исполнителем. К тому же СССР вел холодную войну на многих направлениях и во многих измерениях. Линия фронта могла быть зримой и незримой; она проходила и через КПП «Чарли» между Вос-

точным Берлином и американской зоной Западного Берлина, и через московскую кухню, где собирались диссиденты и стукачи и велись разговоры о «социализме с человеческим лицом». Водоразделы проявлялись всюду: от заседаний Политбюро в Кремле до посиделок в студенческих общежитиях. Холодная война была войной нервов и материальных ресурсов, но также это была борьба идей и ценностей, смыслов и образов (1).

Глобальность этой борьбы предполагает ее международное, междисциплинарное исследование. Такое изучение вопроса стало возможным лишь после окончания конфронтации. Исследования последних десятилетий дают возможность взглянуть на политику и поведение СССР в годы противостояния более широко — гораздо шире, чем позволяет формат дипломатических переговоров или двухсторонних отношений — в контексте истории *социалистической империи*. Историки убедились, что вне этого контекста нельзя объяснить многие действия руководителей Кремля: советская политика, поставив целью строительство, а затем и удержание имперского пространства, нередко оказывалась заложницей поведения союзников и сателлитов СССР — заложницей их собственных мотивов, их ошибок, их слабости. Наиболее поразительные находки в новой историографии о холодной войне говорят о сложнейшем взаимодействии Советского Союза и Китайской Народной Республики, Северной Кореи, Восточной Германии, Афганистана и других стран, попавших в советскую орбиту (2).

Открывшиеся горизонты, новые источники и методологические находки повлияли на написание этой книги. Хочу упомянуть и о других обстоятельствах. Я родился и получил образование в Советском Союзе, там я начал формироваться как профессиональный историк. Но затем жизнь превратила меня в «космополита»: с начала 1990-х я живу и работаю в США. Последние пятнадцать лет моей жизни я сновал между Москвой и Вашингтоном, Санкт-Петербургом и Филадельфией интенсивно работал в российских, американских, британских и восточноевропейских архивах, участвовал в многочисленных международных научных конференциях, обменивался информацией с коллегами, приобрел многих друзей, единомышленников и критиков. Работая одним из основных консультантов в 24-серийном телевизионном проекте компании CNN, посвященном истории холодной войны, я задумался о громадной роли СМИ в формировании наших зрительных образов, коллективных представлений и коллективной памяти о том, как прошедшее транслируется в «историю». Наконец, преподавательская деятельность в ряде университетов, и прежде всего в Университете Темпл (Филадельфия), месте моей постоянной работы, убедила меня в том, что уроки прошлого и знания о нем не

переходят к последующим поколениям автоматически, а требуют непрерывных усилий ученых и преподавателей. Каждое поколение усваивает и осмысливает историю как бы заново. Еще я понял, что если постоянно не изучать, не обсуждать и не переосмысливать события еще недавнего прошлого, то оно превращается в параграфы учебника — далеко не всегда качественные — или в сухую статистику. Прошло всего лишь два десятилетия после окончания холодной войны, а она уже основательно подзабыта. Былое поросло травой, а сорняки — искажения, мифы, упрощенные трактовки — растут и множатся с пугающей быстротой. Между тем без понимания того, что происходило в то время, с 1945 по 1991 г., невозможно понять, как и почему возник тот мир, в котором мы живем сегодня, и почему в этом мире нет Советского Союза.

Настоящая книга является продолжением исследования, которое я начинал совместно с Константином Плешаковым еще в начале 1990-х гг. (3). Основная концепция, предложенная уже тогда для объяснения мотивов и поведения советского руководства, остается прежней — речь идет о революционно-имперской парадигме. Сталин и его преемники главными целями государственной политики считали укрепление безопасности и усиление могущества СССР. Соперничая с целым миром, советские вожди всеми доступными средствами отстаивали интересы советского государства. Вместе с тем мотивацию внешнеполитической деятельности Сталина и его преемников невозможно отделить от их *образа мыслей* и от понимания того, *что это были за люди*. Руководители СССР, как, собственно, и вся советская элита, а также миллионы советских граждан, являлись наследниками великой и страшной революции, опрокинувшей царскую Россию и поднявшей на щит мессианскую идеологию о бесклассовом обществе. Для того чтобы объяснить мотивы и действия СССР в холодной войне, необходимо, по меньшей мере, попытаться понять, как советские вожди, партийно-государственная номенклатура и народ воспринимали окружающий мир и самих себя в этом мире. Один из способов приблизиться к истине — обратить взгляд на господствовавшую идеологию. Другой способ понять эти мотивы — принять во внимание невероятную трагедию народа, особенно испытания, пережитые им во время войны, которая стала для десятков миллионов советских граждан Великой Отечественной. Есть и третий способ — изучить жизнь и мышление советских руководителей и представителей высшей номенклатуры, социокультурные факторы, способствовавшие их формированию.

Книга состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена наиболее важным внешнеполитическим событиям и действиям советского руководства на том или ином этапе холодной войны. Первая

глава посвящена огромному наследию, оставленному Второй мировой войной, влиянию войны на советскую партийную номенклатуру и общество в целом. Глава объясняет, как из опыта войны выросло желание обеспечить гарантии безопасности государству, режиму личной власти И. В. Сталина, но также достичь геополитического господства и создать мировую империю. Вторая глава разъясняет, почему сталинская внешняя политика, с таким успехом распространившая геополитическое влияние СССР в Европе и Азии, помогла подорвать хрупкое послевоенное сотрудничество между великими державами и способствовала началу холодной войны. В третьей главе, на примере политики СССР в послевоенной оккупированной Германии, показано, как расчеты Кремля сталкивались с реальностью и динамикой «советизации» послевоенной Центральной и Восточной Европы. В четвертой главе анализируется поворот в советской внешней политике после смерти Сталина, который был вызван не только сменой идеологических и геополитических акцентов, но и внутрипартийной борьбой за власть и идеологической риторикой. В главе пятой исследуется влияние термоядерной революции и создания межконтинентальных баллистических ракет на представления руководства СССР о безопасности. Особое внимание в этой главе уделено уникальному «вкладу» Хрущева в возникновение самого опасного кризиса за всю историю холодной войны и последовавшую за этим гонку вооружений.

Глава шестая чрезвычайно важна, так как поднимает тему социально-культурных изменений в советских элитах и обществе, тему десталинизации структур и сознания — актуальную для России по сей день. В ней дается оценка романтического, оптимистического периода «оттепели»; анализируются первые серьезные трещины на фасаде послесталинского «единодушия», появление разномыслия и инакомыслия среди молодых людей, которые зачастую причисляли себя к «шестидесятникам». Все эти явления мощным эхом отзовутся четверть века спустя — при М. С. Горбачеве. Седьмая глава знакомит читателей с политикой разрядки, проводимой СССР, особое внимание в ней уделено личности Леонида Ильича Брежнева как главного инициатора и творца этой политики. В восьмой главе описываются причины, которые привели политику разрядки к закату, а советские войска — в страны Африки, а потом в Афганистан. Девятая глава повествует о том, как происходил переход верховной власти от кремлевской «старой гвардии» к Михаилу Сергеевичу Горбачеву и его единомышленникам из поколения «шестидесятников». В десятой главе главное внимание сосредоточено на различных интерпретациях событий, связанных с окончанием холодной войны и распадом СССР. В ней я предлагаю и собственную их оценку, основанную пре-

жде всего на исключительной роли личности Горбачева, его мессианской, оптимистической идеологии «нового мышления», пришедшей на смену революционно-имперской парадигме.

Разумеется, невозможно в рамках одной книги исчерпывающе осветить все события холодной войны, которыми был так насыщен этот исторический период. Хочу заранее извиниться за возможные упущения и адресовать читателя к обширному списку авторитетных книг и научных статей, в которых, благодаря скрупулезному труду историков из различных стран, можно найти ответы на многие сложные вопросы по истории холодной войны. Отсутствие многих деталей и вынужденная краткость в изложении ряда тем в этой книге перекрываются, на мой взгляд, ее панорамным характером и хронологическим охватом. Мне хотелось остановиться на том, что я считаю самым важным и существенным, не превышая при этом разумных рамок книжного формата. Все же я с огорчением вынужден признать, что главной проблемой для меня стала нехватка источников и литературы с глубоким анализом финансово-экономической истории СССР. Из заключительных глав книги становится очевидным, что недуги, преследовавшие советскую экономику в эпоху брежневского застоя и последующий период (1970–1980-е гг.), породили серьезные финансовые перекосы, постоянные дефициты и скрытую инфляцию. Неумение и нежелание партийного руководства справиться с этими недугами, отсутствие в Кремле ясных стратегических приоритетов, грубое нарушение баланса между целями и средствами, привело к тому, что СССР начал жить не по средствам, перенапрягся в попытках сохранить и расширить свое влияние в мире и в конце концов надорвался. В экономике и финансах кроется важнейшая причина крушения советской империи. Кроме того, более глубокое изучение вопросов, связанных с военным строительством и оборонной промышленностью СССР, несомненно, помогло бы мне подкрепить некоторые из моих гипотез и прийти к более обоснованным заключениям в отношении тех или иных внешнеполитических шагов советского государства. Видимо, лучшая книга — это всегда та, которую еще предстоит написать.

Эта работа не смогла бы появиться на свет, если бы не многолетняя поддержка со стороны друзей и коллег. Мне необычайно повезло: вот уже в течение нескольких лет я вхожу в международную сеть исследователей, занимающихся историей холодной войны. Эта сеть образовалась в значительной мере благодаря усилиям Проекта по международной истории холодной войны при Международном научном центре Вудро Вильсона. Любимая мной «ветеранская» футболка с малопонятной для посторонних аббревиатурой CWINP (Cold War International Research Project) напоминает мне о годах

«штурма и натиска», о многочисленных встречах с коллегами, из которых я извлек необычайно много и благодаря которым многому научился. Руководители проекта Джеймс Хершберг, Дэвид Вульф и Кристиан Остерман никогда не скупились на время, советы и замечания, помогали редактировать мои первые англоязычные статьи и с необычайной щедростью знакомили меня с только что рассекреченными архивными данными. Я также выражаю сердечную признательность Мелвину Леффлеру, Джеффри Бруксу, Вильяму Волфорту, Джеймсу Блайту, Филиппу Бреннеру, Джеку Мэтлоку, Роберту Инглишу, Рэймонду Гартхоффу, Лео Глуховски, Марку Крамеру, Жаку Левеку, Одду Арне Вестаду, Норману Наймарку, Виктору Заславскому и Эрику Шираву за то, что они делились со мной своими мыслями, фактами и критическими комментариями. Выдающийся американский историк Мелвин Леффлер ознакомил меня с результатами своей работы по истории холодной войны. Мы обменялись с ним неопубликованными главами не только в духе «мирного сосуществования», но и взаимной солидарности исследователей. Американско-китайский историк Чэнь Цзянь, с которым мы родились в один день (правда, с разницей в десять лет), помог мне разобраться в тонкостях отношений КНР к своему «старшему брату» Советскому Союзу в годы «великой дружбы».

Я начал писать эту книгу в то время, когда работал в Архиве национальной безопасности в Вашингтоне. Этот неправительственный исследовательский центр, существующий полностью на деньги частных фондов, уникальнен своим духом равенства, интеллектуальной свободы и преданности общему делу — ознакомлению широкой публики с информацией о государственной политике США. Уже много лет архив открыт для всех исследователей и публики в главной библиотеке Университета Джорджа Вашингтона. Директор Томас Блэнтон и его заместитель по исследованиям Малкольм Бирн, исследователи Вильям Бурр, Уилл Ферроджиаро, Питер Корнблу, Сью Бехтель и Светлана Савранская добились многого в поиске и выявлении неизвестных документов периода холодной войны в различных архивах, разбросанных по свету. «Братство» архива помогало и продолжает помогать мне в моей исследовательской работе, во всех моих начинаниях.

Начиная с осени 2001 г. исторический факультет Университета Темпл стал для меня вторым домом и началом моей преподавательской карьеры. Университет для меня — прежде всего лаборатория, где историки сталкиваются каждодневно с проблемами передачи своих знаний, представлений, уроков молодым людям, никогда не жившим в годы холодной войны. Именно в университете понима-

ешь, что чтение — лишь один из методов передачи знаний, хотя и важнейший. Постоянный диалог, новые вопросы, споры в обсуждении прошлого не менее важны. Мой коллега, историк дипломатии и разведки Ричард Иммерман, убедил меня в том, что некоторые параллели, которые я обнаружил в подходах и действиях США и СССР при принятии ими решений — особенно когда дело касалось стран третьего мира, — вовсе не являются плодами моего воображения. Другие коллеги, особенно Джеймс Хилти, Говард Сподек, Джей Локенауэр, Дэвид Фарбер, Петра Геддэ и Уиллям Хичкок, оказывали мне всестороннюю поддержку — профессиональную и человеческую. Мой друг Ральф Янг своими рассказами «за рюмкой чая» помог мне лучше понять, как американцы в 1950–1960-х гг. воспринимали советскую угрозу.

Невозможно представить, как бы я написал эту книгу, если бы не помощь и рекомендации многих замечательных российских историков и архивистов. В их числе Владимир Печатнов, Сергей Мироненко, Олег Наумов, Наталья Егорова, Наталья Томилина, Татьяна Горяева, Зоя Водопьянова, Олег Скворцов, Юрий Смирнов, Леонид Гибианский, Елена Зубкова и Рудольф Пихоя. Сергей Кудряшов, главный редактор журнала «Источник», постоянно помогал мне в моей научной работе и делился архивными новостями. Бывший Президент Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе любезно нашел время, чтобы дать мне интервью, и разрешил поработать в Президентском архиве в Грузии. Мне хочется выразить глубокую признательность сотрудникам Фонда Горбачева, Российского государственного архива социальной и политической истории, Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального архива общественных движений Москвы, Президентского архива Грузии и государственных архивов Армении за то, что они терпеливо относились к моим бесконечным просьбам и предоставляли мне все новые папки с документами и рулоны микрофильмов.

Я многое почерпнул для себя и из рассказов ветеранов холодной войны — политиков, дипломатов, военных, разведчиков. Только с их помощью я в очередной раз убедился, насколько важна роль личностей в истории холодной войны, а также сумел увидеть, какова доля правды, искажений и умолчаний в документах из официальных архивов. Особую благодарность я испытываю к Анатолию Сергеевичу Черняеву, Анатолию Федоровичу Добрынину, Георгию Хосроевичу Шахназарову, Карену Нарсесовичу Брутенцу, Георгию Аркадьевичу Арбатову, Георгию Марковичу Корниенко, Николаю Николаевичу Детинову, Виктору Павловичу Стародубову, Виктору Михайловичу

Суходреву, Ростиславу Александровичу Сергееву, Егору Кузьмичу Лигачеву, Серго Анастасовичу Микояну, Дэви Стурра, Олегу Александровичу Трояновскому и Александру Николаевичу Яковлеву. Многих из них, увы, уже нет в живых. Без общения с ними я бы многого не смог понять и написать об этом в книге. Также я выражаю благодарность Олегу Скворцову, который предоставил мне записи своих интервью с рядом членов администрации Горбачева, взятых им в рамках проекта «Конец холодной войны». Этот проект проводился под эгидой Архива национальной безопасности и Института всеобщей истории РАН.

Финансирование моих научных изысканий в России, Грузии и Армении осуществлялось благодаря грантам, полученным от Корпорации Карнеги в Нью-Йорке. Возможность продолжать исследования на различных стадиях работы и просто писать, не думая о хлебе насущном, я смог благодаря ряду людей и институтов в США, Германии, Норвегии, Венгрии и Италии. Хотел бы выразить за это особую благодарность Йохену Лауферу, Михаэлю Лемке, Михаэлю Туману, Геиру Лундестаду, Олафу Ньолстаду, Чабе Бекешу, Альфреду Рибери, Иштвану Реву, Леопольдо Нути, Виктору Заславскому, Елене Ага-Росси и Сильвио Понсу. Сотрудники научных институтов Коллегиума Будапешт, Центра по изучению истории в Потсдаме, Центра высшего образования в Лукке, Центра фонда Рокфеллера в Белладжии и Свободного университета Гвидо Карли в Риме создавали мне прекрасные условия для того, чтобы я смог завершить рукопись книги и подготовить ее к печати.

Я особо благодарен тем, кто внимательно прочел мою рукопись — всю или частично. Крупные американские историки Джон Льюис Гэддис и Уильям Таубман читали ранние варианты рукописи и каждый раз подсказывали мне, как сделать текст более сжатым и доходчивым, а аргументы — более четкими и актуальными. Ральф Янг, Боб Уинтермут и Ута Крессе-Райна стали первыми читателями англоязычного текста книги. Свое мнение о тех или иных сюжетах и главах высказали историки Джеффри Брукс, Вильям Уолфорт, Дэвид Фарбер, Ричард Иммерман, Петра Геддэ, Виктор Заславский, Говард Сподек и Дэвид Зирлер. Всем им я глубоко за это признателен. Издательство Северной Каролины согласилось напечатать эту книгу на английском языке, и сотрудники издательства Чак Гренч и Паула Уолд оказали мне неоценимую помощь в доводке рукописи и устранении множества погрешностей. Все оставшиеся ошибки и недочеты в книге — на моей совести.

Написание книг и научная работа требуют тишины и покоя, что невозможно без уважения, веры и неустанной заботы родных и близ-

ких. Моя жена Елена была со мной в самые творческие и самые тяжелые минуты, связанные с написанием этой книги. Разговоры с моим сыном Мишей дали мне надежду, что и молодым россиянам будет интересно узнать, почему СССР проиграл холодную войну и распался. Наконец, мне было крайне важно, чтобы мои родители, Людмила Михайловна и Мартин Львович Зубок, увидели эту книгу именно в 2007 г., пусть даже не на русском языке. Они прожили долгую и трудную жизнь, и холодная война была для них не историей, а повседневностью. Им я и посвятил мой труд.

Глава 1

СОВЕТСКИЙ НАРОД И СТАЛИН – МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ, 1945

Рузвельт думал, [что русские] придут поклониться. Бедная страна, промышленности нет, хлеба нет — придут и будут кланяться. Некуда им деться. А мы совсем иначе смотрели на это. Потому что в этом отношении весь народ был подготовлен и к жертвам, и к борьбе.

Молотов, июнь 1976

Нами руководит не чувство, а рассудок, анализ, расчет.

Сталин, 9 января 1945

24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади лил сильный дождь. Но десятки тысяч военнослужащих из элитных частей советской армии этого почти не замечали. Войска стояли по стойке «смирно», готовые пройти торжественным маршем по главной площади страны в ознаменование триумфальной победы над Третьим рейхом. На трибуну Мавзолея Ленина вышли руководители Советского Союза: первым, в отдалении от всех, на Мавзолей поднялся И. В. Сталин. Ровно в десять часов под бой курантов из ворот Спасской башни Кремля верхом на белом коне выехал маршал Георгий Жуков. По его сигналу Парад Победы начался. Кульминация торжества наступила, когда воины, украшенные орденами и медалями, стали бросать к подножию Мавзолея знамена и штандарты разгромленных немецких дивизий. Пышность и размах парада впечатляли, но и вводили в заблуждение. Советский Союз праздновал победу, однако силы этого великана были подорваны. «Сталинская империя победила за счет запасов народной крови», — делает вывод британский историк Ричард Овери (1). До сих пор военные историки и демографы не могут сойтись на том, сколько именно крови было пролито ради победы. На Западе многие считали, что людские ресурсы Советского Союза безграничны, но это было не так. В конце Второй мировой войны Советская армия нуждалась в резервах не меньше германской. Неудивительно, что советское руководство и специалисты, которые подсчитывали размер ущерба,

нанесенного советской экономике за время фашистской оккупации, побоялись обнародовать данные о человеческих потерях. В феврале 1946 г. Сталин сказал, что СССР потерял убитыми 7 млн человек. Никита Хрущев в 1961 г. уже говорил о 20 млн. С 1990 г., когда состоялось дополнительное официальное расследование, считается, что потери в войне составили 26,6 млн, включая 8 668 400 личного состава вооруженных сил. Впрочем, судя по заявлениям некоторых российских ученых, и это число еще не является окончательным (2). С высоты прошедших десятилетий становится ясно, что победа Советского Союза над фашистской Германией оказалась пирровой.

Огромные потери на полях сражений и среди гражданского населения явились результатом нашествия Германии и злодеяний нацистов, но также результатом вопиющих ошибок, безответственности и неумелости советского политического и военного руководства. Советский подход к ведению войны с начала и до конца отличался ужасающим безразличием к человеческой жизни. Для сравнения: общие потери США в живой силе в армии и на флоте на двух театрах военных действий, в Европе и на Тихом океане, не превысили 293 тыс. человек за почти четыре года войны.

Факты, ставшие доступными после распада Советского Союза, подтверждают данные, полученные американской разведкой в 1945 г.: советская экономика была катастрофически ослаблена (3). Согласно официальным советским данным, общий размер экономического ущерба оценивался в 679 млрд рублей. Эта сумма, заключали советские эксперты, «превосходит национальное богатство Англии или Германии и составляет треть всего национального богатства Соединенных Штатов». Более поздние советские расчеты, которые включали в цену войны «продуктивную стоимость» потерянных человеческих жизней, дали астрономический результат — 2,6 трлн рублей (4).

Новейшие исследования показывают, что подавляющее большинство в советских верхах и простой народ не желали конфликта с Западом и хотели вернуться к мирной жизни. Вместе с тем поведение советского государства в мировой политике, особенно в Восточной Европе, было жестким и бескомпромиссным. На Ближнем и Дальнем Востоке Советский Союз действовал силовыми методами, добиваясь сфер влияния, военных баз и доступа к нефти. Все это, наряду с идеологической риторикой, породило столкновение между СССР, с одной стороны, и ее западными союзниками, Соединенными Штатами и Великобританией, с другой. Противоречие между устремлениями советских людей и внешним поведением советского государства очевидно. Не ясно только, каким образом удалось поднять измучен-

ную и разрушенную страну на противостояние с могущественным Западом, что двигало Советским Союзом на международной арене и каковы были долгосрочные цели и замыслы Сталина.

Триумф и похмелье

Война против фашистской Германии, несмотря на ее ужасы, раскрепостила советский народ (5). Во время повального государственного террора в довоенные годы границы между добром и злом непрерывно размывались: любой человек, мужчина или женщина, еще сегодня считавшийся «советским гражданином», на завтра мог стать «врагом народа». Паралич, охвативший общество в результате Большого террора 30-х гг., сошел на нет в суровых испытаниях войны, и многие люди снова обрели способность самостоятельно мыслить и действовать. В траншеях и окопах ковались узы воинского братства, и сослуживцы вновь могли доверять друг другу. Так же как в странах Европы во время Первой мировой войны, в СССР за годы Великой Отечественной сформировалось целое поколение фронтовиков или, как их называли, «поколение победителей». Те, кто принадлежал к этому сообществу, именно на фронте утоляли свою потребность в дружбе, сплоченности и взаимовыручке — в тех человеческих отношениях, которых им часто недоставало дома в мирное время. Для некоторых фронтовиков это переживание стало самым главным воспоминанием на всю оставшуюся жизнь (6).

Война глубоко повлияла и на многое другое. Бездарность и грубые ошибки высших и местных властей, безответственность и беспардонная ложь, проявившиеся в полной мере в ходе катастрофического отступления советских войск в 1941–1942 гг., подорвали авторитет государственных и партийных органов, многих советских руководителей. А «освободительный поход» Красной армии в Восточную и Центральную Европу в 1944–1945 гг. позволил миллионам людей вырваться за пределы окружающей советской действительности и впервые увидеть собственными глазами, как живут люди в странах, где нет советской власти. Военное лихолетье придало жертвенную силу романтическому идеализму, с которым шли на фронт лучшие представители молодой советской интеллигенции. Вдохновленные идеей справедливой антифашистской войны, с опытом всего того, что они увидели в заграничном походе, идеалисты в шинелях мечтали о смягчении политической и культурной обстановки в собственной стране. Они мечтали о том, что союз с западными демократиями даст шанс на появление в Советском Союзе гражданских свобод и соблюдение советским режимом конституционных прав (7). Эти мечты

разделяли даже люди с большим жизненным опытом, казалось бы, не питавшие особых иллюзий на этот счет. В разговоре с Ильей Эренбургом писатель Алексей Толстой размышлял: «А что будет после войны? Люди теперь не те...» Анастас Микоян, входивший в ближайшее окружение Сталина, позже вспоминал, что миллионы советских людей, вернувшиеся из Европы домой, «стали другими людьми — с более широким кругозором, с другими требованиями. Это создавало благоприятные условия для дальнейшего развития нашей страны и было препятствием для произвола». Повсюду царило неведомое раньше ощущение того, что народ заслужил лучшую жизнь, и власть должна это учитывать (8).

В 1945 г. некоторые наиболее образованные и нравственно развитые офицеры советской армии испытывали те же чувства, что некогда ощущали декабристы, вернувшиеся в Россию после победы над Наполеоном. Один из таких ветеранов вспоминал: «Мне казалось, что за Отечественной войной непременно последует бурный общественный и литературный подъем — как после войны 1812 года, и я торопился принять во всем этом участие». Молодые интеллигентно-фронтовики ждали от государства награды за их жертвы и страдания. Они хотели большего доверия и права на активную общественную роль, а не только «бесплатных билетов на проезд». Среди этих фронтовиков были будущие вольнодумцы, участники общественно-культурной «оттепели» после смерти Сталина, сторонники реформ Михаила Горбачева (9).

Война перекроила национальное самосознание советских людей так, как ни одно другое событие со времен революции 1917 г. Главным образом этот касалось русских, чье национальное самоощущение прежде подавлялось советским режимом и проявлялось не столь сильно, по сравнению с другими этническими группами, проживавшими на территории СССР (10). Еще со второй половины 1930-х гг. основная масса партийных работников и государственных чиновников была этнически русской, а в основу новой доктрины официального патриотизма легла история русского государства. В фильмах, учебниках истории, художественной литературе Советский Союз изображался наследником Российской империи. В советском пантеоне героев и образцов для подражания вместо деятелей «международного пролетариата» появились князья и цари — «собиратели земли русской». Вторжение Германии не только завершило эту трансформацию исторической памяти, но и сделало ее необратимой. Русские люди вновь обрели чувство национального единства (11). Николай Иноземцев, будущий директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, служивший в годы войны сержантом в артиллерийской разведке, написал в своем дневнике в июле 1944 г.: «Рус-

ские — самый талантливый, самый одаренный, необъятный своими чувствами, своими внутренними возможностями народ в мире. Россия — лучшее в мире государство, несмотря на все наши недостатки, перегибы в разные стороны. Русь — основа нашего государства, и не надо стыдиться об этом говорить. Родина, наша замечательная русская родина — выше всего». Он же записал в день Победы: «Сердца всех наполнены гордостью и радостью: “Мы, русские, — все можем!” Теперь об этом знает весь мир. И это лучшая гарантия нашей будущей безопасности» (12).

Вместе с тем война также проявила и уродливые, отталкивающие черты советского общества, отразившиеся прежде всего на поведении советской армии в Европе. В советской системе люди легко превращались из жертв в палачей. Сталинизм унижал и оскорблял человеческое достоинство, поощрял подлость и проповедовал насилие. Многие из призванных в советскую армию бойцов выросли среди уличной шпаны, ничего не знали, кроме жизни в трущобах и фабричных бараках. Их нравственные представления, и без того шаткие, рухнули, как только они обрели власть победителей над побежденными (13). Тысячи советских солдат и офицеров, пересекавшие границы Польши, Румынии, Болгарии и Югославии, с бешеным упоением стали предаваться мародерству и пьянству, уничтожать имущество граждан этих стран, убивать мирных жителей, зверски насиловать женщин. Безжалостное насилие над мирным населением, беспощадный погром домов и имущества опустошили Пруссию и волна за волной обрушились на занятые советской армией территории Третьего рейха (14). В конце войны советский военный корреспондент Григорий Померанц был потрясен тем, «сколько мерзости может вылезть из героя, прошедшего от Сталинграда до Берлина. И как равнодушно все смотрят на эту мерзость. Если бы русский народ так захотел гражданских прав!» (15).

Новоявленный патриотизм порождал в победителях чувство превосходства и оправдывал жестокость в отношении к побежденным. Кровавая битва за Берлин стала венцом нового русского культа жертвенной войны и народного величия (16). Пропаганда Победы вытесняла из памяти миллионов подробности этого завершающего войну побоища (излишнего с военной точки зрения, т. к. Третий рейх был обречен), как и жестокого обращения победителей с немецкими женщинами. Культ Сталина принял массовый характер, широко распространившись как среди русских, так и среди людей других национальностей, населявших СССР. Ветеран войны, писатель Виктор Некрасов, вспоминал: «Увы! Мы простили Сталину все! Коллективизацию, тридцать седьмой год, расправу с соратниками, первые дни поражения» (17). Многие годы спустя фронтовики, ветераны

Великой Отечественной войны, продолжали отмечать День Победы как общенародный праздник, и многие из них пили за Сталина как за своего верховного главнокомандующего.

В наступившей мирной жизни положительные и отрицательные последствия войны смешались, утратив свои очертания. Трофеи в виде всевозможных безделушек, нарядных платьев, наручных часов, фотоаппаратов, которые солдаты привозили домой из Европы, производили такое же сильное впечатление, что и американское продовольствие, поставляемое по ленд-лизу. Советские люди, военные и трудящиеся, а также члены их семей, постепенно стали догадываться, что они живут не в самом лучшем обществе в мире, как это им внушалось государственной пропагандой (18). Немало солдат в оккупационных зонах уходило в самоволку. Другие, пользуясь военными пропусками, колесили по всей оккупированной «срединной Европе», сходились с местными женщинами и, переодевшись в гражданское платье, растворялись среди населения. Возвращаться на Родину, нищую и разоренную, им явно не хотелось. Те же самые ветераны войны, которые изводили грабежами гражданское население Европы, стали с пренебрежением относиться к сотрудникам НКВД и Смерша, этих всемогущих органов террора. Фронтовики вступали в споры с официальными пропагандистами и не думали отмалчиваться на партийных собраниях. Согласно многочисленным рапортам, красноармейцы и офицеры конфликтовали с местным начальством и даже распространяли листовки с призывами «свергнуть власть несправедливости». Особисты из Смерша доносили о высказываниях некоторых командиров, считавших, что «надо взорвать этот социалистический бардак ко всем чертям». Особенно широко подобные разговоры ходили среди военнослужащих в частях советской армии, расквартированных в Австрии, Западной Германии и Чехословакии (19).

Мятежные настроения так и не переросли в мятеж. После невероятного напряжения в прошедшей войне большинство ее участников погрузились в состояние общественного оцепенения, с трудом приспосабливаясь к повседневной жизни. Померанц вспоминает, что «многие демобилизованные солдаты и офицеры потеряли тогда упругость воли, нажитую на войне, и стали, как тряпка, как ветошка, которыми можно вытирать пол. Рухнуло целое царство отношений, сложившееся под огнем, и все мы, со своими орденами, медалями и нашивками за ранения, стали ничем». В сельской местности, в провинциальных городках и поселках бывшие фронтовики спивались, тунеядствовали и воровали. В Москве, Ленинграде и других крупных городах молодые люди, прошедшие войну и способные к руководящей работе, обнаружили, что желаемых целей в общественно-политической жизни страны можно достичь, лишь двигаясь по партийной лестнице. Кто-

то из них пошел по этому пути. Много было тех, кто с головой ушел в учебу, желая получить образование, но, конечно, многие просто жили, встречались с девушками и догуливали оборванную войной молодость (20).

Подобная пассивность в значительной мере была вызвана тем состоянием эмоционального потрясения и огромной физической усталости, которое испытывали многие участники войны по возвращении домой. Как-то раз, вскоре после демобилизации из армии, Александр Яковлев, в будущем крупный партийный работник и соратник Горбачева, стоял на железнодорожной платформе своего родного городка, наблюдая за шедшими мимо эшелонами, в которых перевозили советских военнопленных из немецких концлагерей в Сибирь, в лагеря уже советские, и внезапно он осознал, что происходит вокруг. «Деревню продолжали грабить до последнего зернышка. В городах сажали в тюрьму за прогулы и опоздания на работу. Не хотелось верить, но все очевиднее становилось, что лгали все — и те, которые речи держали, и те, которые смиренно внимали этим речам» (21). Еще один ветеран войны, философ Александр Зиновьев, вспоминал: «Положение в стране оказалось много хуже того, как мы его представляли по слухам, живя за границей в сказочном благополучии [в частях советской армии за границей]. Война все-таки вымотала страну до предела» (22). Особенно тяжкий урон понесли деревни и села России, Украины и Белоруссии: в некоторых регионах колхозы потеряли больше половины трудоспособного населения, в основном мужчин (23).

В отличие от американских солдат, которые возвращались в благополучную страну, получали от государства бесплатное образование в университетах и находили хорошую работу, большинство советских ветеранов сталкивалось на родине с неустройством и разрухой. Их ждали бесчисленные трагедии, страдания искалеченных людей, разбитые жизни миллионов вдов и осиротевших детей. Около двух миллионов человек, имевшие физические увечья или психические расстройства, официально считались инвалидами. Даже здоровых с виду ветеранов войны подкашивали необъяснимые болезни, и госпитали были забиты молодыми пациентами (24).

Советские люди истосковались по мирной жизни, им хотелось покоя, стабильности. Чувство душевной усталости от войны и всего, что с ней связано, пронизывало общество — это ощущалось повсеместно как в городе, так и на селе. Исчезли настроения шапкозакидательства и наивный, романтический патриотизм, так вдохновлявшие учащуюся молодежь в конце 1930-х (25). В то же время советскому народу не хватило энергии и общественной солидарности, чтобы закрепить результаты той «стихийной десталинизации», которая началась было в годы Великой Отечественной войны. Удивительный подъем народ-

ного духа в военное время так и не стал, в особенности среди русских людей, той почвой, на которой могло вырасти самоуважение отдельной личности, способной отстаивать свои интересы в обществе. Многие боготворили Сталина более, чем когда-либо раньше, почитая его как великого вождя (26). Для многих слоев советского общества победа во Второй мировой войне стала навсегда ассоциироваться с понятиями великодержавной мощи, безличной «народной славы» и ритуальной скорби по погибшим (27). Культивируемая сталинской системой ненависть ко всему иностранному, страх враждебного окружения продолжали бытовать в сознании широких масс. Многие простые граждане, несмотря на новый социальный опыт, все еще были склонны верить официальной пропаганде, которая всю вину за отсутствие незамедлительного улучшения жизни и неудовлетворительные итоги войны перекладывала с советской власти на западных союзников. С началом холодной войны подобное состояние умов в народе весьма пригодились Сталину. Он учитывал его, когда намечал послевоенную внешнюю политику и стал искоренять недовольство и инакомыслие внутри страны.

Соблазны «социалистического империализма»

В советских высших кругах понимали, что победа в войне стала возможной в результате героических усилий всего народа, а не только благодаря руководству Сталина. На роскошном приеме в Кремле 24 мая 1945 г., устроенном в честь военачальников Красной армии, подобные умонастроения буквально витали в воздухе, и Сталин, казалось, с ними считался. Как вспоминал Павел Судоплатов, сотрудник НКВД и организатор партизанского движения в годы войны, «мы чувствовали себя его детьми и наследниками. Подчеркнутое внимание Сталина к молодым генералам и адмиралам показывало, что будущее страны он связывал с нашим поколением». Казалось, что Сталин согласится управлять страной совместно с этим новым классом советской номенклатуры. Именно на них он опирался в годы войны (28).

В то же время победа над фашистской Германией, а также триумф советской мощи в Европе укрепили доверие советской партийной и военной элиты к Сталину. Микоян вспоминал, как он радовался новой атмосфере товарищества, которая возникла вокруг Сталина в годы войны. «Я вновь почувствовал доверие и дружеское отношение к Сталину...» Микоян был убежден, что жестокие чистки 30-х гг. никогда не вернуться и «начнется процесс демократизации в стране и партии» (29). Большинство гражданских и военных чинов-

ников, этнические русские и обрусевшие, боготворило Сталина не только как военного полководца, но и как вождя русского народа. С официальных трибун в период войны вновь зазвучало слово «держава». На свет появлялись кинофильмы и романы, в которых восхвалялись русские князья и цари, строившие сильное Российское государство — на страх врагам внешним и внутренним. На том же приеме, который описывал Судоплатов, Сталин произнес тост: «За русский народ!» Вождь сказал: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение». По словам вождя, русский народ в годы самых тяжелых поражений продолжал доверять своему руководству, и это доверие «оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу». Вождь, не жалевший русских крестьян ни во время коллективизации, ни на полях сражений, теперь цинично величал русский народ «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза» (30).

На новых советских пограничных территориях, особенно в Прибалтике и на Украине, а также на Северном Кавказе, осуществлялась политика русификации местного населения. Это означало не только подавление нерусских культур на местах, но и депортацию сотен тысяч латышей, литовцев, эстонцев и западных украинцев в Сибирь и Казахстан. На место депортированных прибыли десятки тысяч переселенцев из России, Белоруссии и русскоязычной Восточной Украины. Органы НКВД, действуя совместно с Московской патриархией Русской православной церкви, восстановленной Сталиным, начали борьбу с влиянием Ватикана на католические приходы, а также на приходы униатской Украинской церкви, расположенные на западных территориях Советского Союза (31).

На наиболее важные и ответственные должности в государственных структурах назначались этнические русские. В то же время в госаппарате начались, первоначально без шума и огласки, чистки, направленные против «иностранцев», прежде всего евреев. Во время войны Сталин и его аппарат сделали, по мнению историка Юрия Слезкина, неожиданное открытие: «советские евреи оказались не только национальностью, но и этнической диаспорой», с множеством родственников по всему свету. Также Сталин пришел к выводу, что советская интеллигенция, значительная часть которой состояла из евреев, тоже «была не вполне русской — а значит не полностью советской». Советские войска обнаружили нацистские лагеря смерти в Польше, но в средствах массовой информации редко появлялись материалы о массовом истреблении еврейского населения фашистами. Упорно замалчивались и факты героизма евреев, сражавшихся на

фронте. Александр Щербаков, секретарь ЦК ВКП(б), в годы войны — начальник Главного политического управления РККА и Совинформбюро, по личному указанию Сталина развернул негласную кампанию по «очистке» органов пропаганды от евреев. Антисемитизм вырос и в низах: многие советские граждане смотрели на евреев как на тех, кто предпочитает отсиживаться в тылу, избегая передовой. Массовый антисемитизм разрастался, подобно лесному пожару, при явном попустительстве и завуалированной поддержке официальных властей. В послевоенное время практика плановой «чистки» государственного аппарата от евреев быстро распространилась на все советские учреждения и организации (32).

Использование традиционной русской символики и потворство антисемитизму, с одной стороны, помогали манипулировать массами, но с другой стороны, порождали неизбежное противодействие и в долгосрочном плане заключали в себе серьезную угрозу для режима. В то время как русские люди восхваляли великого вождя, представители других национальностей, к примеру украинцы, чувствовали себя уязвленными и даже оскорбленными. Противоречие между идеологией «пролетарского интернационализма» и откровенно националистической пропагандой порождало сомнения. Проявления государственного антисемитизма пошатнули веру многих руководителей и общественных деятелей, евреев и неевреев, в мудрость власти. Чем больше Сталин манипулировал национальными чувствами людей, тем больше появлялось скрытых очагов напряжения в советской бюрократии и обществе. Разрушительные последствия этого для коммунистической власти проявились значительно позже (33).

Еще один фактор скреплял узы, связывающие кремлевского вождя с советскими руководителями: это был разделяемый элитами великодержавный шовинизм и поддержка ими внешней экспансии. После победы под Сталинградом Советский Союз стал играть ведущую роль в коалиции великих держав, и эта роль вскружила головы многим представителям советской номенклатуры. Даже старые большевики, видные дипломаты Иван Майский и Максим Литвинов, заговорили на языке имперской экспансии. В своих служебных записках они строили планы расширения сфер влияния СССР и завоевания стратегически важных позиций на суше и море. В своей записке наркому иностранных дел Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства в январе 1944 г. Майский писал, что Советскому Союзу необходимо «стать столь могущественным, что ему уже больше не могла бы быть страшна никакая агрессия в Европе или в Азии. Более того, чтобы ни одной державе или комбинации держав в Европе или в Азии даже и в голову не могло прийти такое намерение». Майский писал о том, что после разгрома союзни-

ками Японии СССР следует присоединить к себе Южный Сахалин и цепь Курильских островов. Кроме того, он предлагал заключить с Финляндией и Румынией долгосрочные пакты взаимопомощи с тем, чтобы СССР смог разместить в этих странах «необходимое количество баз — военных, воздушных, и морских». Также Майский считал, что «СССР должно быть гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому заливу» (34). В ноябре 1944 г. Литвинов направил Сталину и Молотову докладную записку, в которой указывалось, что в сферу советского влияния в послевоенной Европе (без уточнения характера этого «влияния») нужно включить Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, «славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию». В июне и июле 1945 г. Литвинов настаивал на том, что СССР следует добиваться своего присутствия на территориях, традиционно входящих в зону интересов Британии, как, например, территории в районе Суэцкого канала, Сирии, Ливии и Палестине (35).

Георгий Димитров, занимавший должность генерального секретаря Коминтерна до его роспуска в 1943 г., а затем назначенный заведомом международной информации ЦК ВКП(б), полагал, что Красная армия является более важным инструментом истории, чем революционные движения. В конце июля 1945 г., когда проходила Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, Димитров и его заместитель Александр Панюшкин писали Сталину и Молотову: «Положение в странах Ближнего Востока, приобретающих все большее значение в современных международных условиях, настоятельно требует нашего пристального внимания, активного изучения обстановки в этих странах и организации соответствующих мероприятий в интересах нашего государства». Димитров и Панюшкин предлагали «увеличить штаты миссий в этих странах и полностью укомплектовать их подготовленным составом арабистов» (36). Дух «социалистического империализма», витавший среди советских руководителей высшего и среднего звена, совпадал с намерениями и честолюбивыми замыслами самого Сталина. Подобные настроения оказались на руку кремлевскому вождю, и он в послевоенное время продолжил преобразование Советского Союза в военную сверхдержаву.

Сталин пустил в оборот тезис о том, что все славянские народы должны создать союз, дабы в будущем вместе противостоять немецкой угрозе. Эти слова находили громадный отклик среди русской части советской элиты. Нарком танковой промышленности Вячеслав Малышев слышал на приеме в Кремле в марте 1945 г., как Сталин назвал себя новым «славянофилом-ленинцем», и записал в своем дневнике: «Целая программа на многие годы». Новая трак-

товка идеи панславизма, заимствованной из дореволюционных источников, находила большую поддержку среди русских должностных лиц. Генерал-лейтенант Александр Гундоров, возглавлявший Всеславянский комитет, организацию, созданную в годы войны для связи с антифашистскими движениями в оккупированных Германией славянских странах Европы, планировал созвать Первый Всеславянский конгресс в начале 1946 г. Он заверял Политбюро в том, что многочисленное «новое движение славянских народов» уже существует. Леонид Баранов, курировавший работу Всеславянского комитета в ЦК партии, называл русский народ «старшим братом» польского. Молотов до конца своих дней полагал, что русские — единственный народ с «каким-то внутренним чутьем», способный на то, чтобы строить социализм с «размахом, в мировом масштабе». В мышлении значительной части русских чиновников и военных стремление расширить границы советского государства и его влияние в мире все больше отдавало традиционным для царской России великодержавным шовинизмом (37).

Для большого числа советских военачальников и других высокопоставленных чиновных лиц, оказавшихся на занятых советской армией территориях Европы, империализм обретал вполне зримое корыстное воплощение. Отбросив в сторону большевистский кодекс, предписывавший личную скромность и отвращение к частной собственности, они вели себя словно испанские конкистадоры в погоне за военными трофеями. Дача маршала Георгия Жукова под Москвой стали походить на музей редких мехов и фарфора, живописи, изделий из золота, бархата и шелка. Маршал авиации Александр Голованов забрал себе все, что находилось на загородной вилле Геббельса, и самолетом отправил в Советский Союз. Уполномоченный НКВД в Германии Иван Серов, по некоторым данным, присвоил запрятанный нацистами клад, в котором находилась корона короля Бельгии (38). Остальные советские маршалы, генералы и начальники спецслужб отправляли домой самолеты и поезда, доверху забитые дамским бельем, столовым серебром и мебелью, а также золотыми изделиями, антиквариатом и живописью. В течение первых месяцев, пока царила неразбериха, советские командиры и гражданские чиновники вывезли из Германии 100 тыс. железнодорожных вагонов с различными «строительными материалами» и «домашней утварью». Среди этой утвари было 60 тыс. роялей, 459 тыс. радиоприемников, 188 тыс. ковров, почти 1 млн «предметов мебели», 264 тыс. настенных и напольных часов, 6 тыс. вагонов с бумагой, 588 вагонов с фарфором и другой столовой посудой. Сюда же входило 3,3 млн пар обуви, 1,2 млн единиц верхней одежды, 1 млн головных уборов, а также 7,1 млн курток, платьев, рубашек и предметов нижнего белья. Для советских людей Германия

превратилась в гигантскую барахолку, где они брали бесплатно все, что хотели (39).

Даже те советские руководители, кто не отличался личной алчностью, считали, что огромные страдания и жертвы Советского Союза в войну должны быть в достаточной мере компенсированы Германией и ее союзниками. Иван Майский, возглавлявший специальную комиссию по военным репарациям, записал в своем дневнике, пока ехал в феврале 1945 г. по территории России и Украины в Ялту, где проходила конференция лидеров стран коалиции: «Следы войны и вдоль всего пути: справа и слева разрушенные здания, исковерканные пути, сожженные деревни, поломанные водокачки, кучи кирпича, взорванные мосты». Во время переговоров с западными союзниками Майский ссылаясь на страдания советского народа как на один из аргументов в пользу того, чтобы брать с Германии более высокие репарации и вывезти немецкое промышленное оборудование в Советский Союз (40). Некоторые советские граждане даже полагали, что СССР кровью миллионов купил себе право иметь сферы влияния и захватывать чужие территории. Так, например, секретные сотрудники органов безопасности в Ленинграде в своем донесении передают слова, сказанные одним профессором философии: «Я не шовинист, но вопрос о территории Польши и вопрос о наших отношениях с соседями очень меня беспокоит после всех потерь, которые мы понесли в войне». Позднее этот тезис станет весьма широко использоваться в качестве оправдания советского господства в Восточной Европе и территориальных претензий к соседним странам (41).

Историк Юрий Слезкин сравнил сталинский Советский Союз с «коммуналкой», где все главные («титulyные») нации имеют в своем распоряжении отдельные «комнаты», но также и «заведения общего пользования» — армию, органы безопасности и внешнюю политику (42). И в самом деле, руководители национальных республик вели себя точно так же, как обитатели настоящих советских коммунальных квартир, пряча за демонстрацией приверженности духу коллективизма свои частные интересы. По сути, победа во Второй мировой войне стала для руководства этих республик удобным моментом для расширения своих владений за счет соседей. Партийным лидерам Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана тоже не терпелось пожить чужими территориями — их, так же как и русское начальство, вдохновляли националистические устремления. Среди партийной номенклатуры самую значительную по численности и влиятельности группу, после русских, составляли украинцы. Они ликовали, когда в 1939 г., после подписания пакта с нацистской Германией, Западная Украина вошла в состав СССР. В 1945 г. Сталин, аннексировав Карпатскую Украину у Венгрии и Северную Буковину у

Румынии, так же присоединил их к Советской Украине. Несмотря на множество ужасных преступлений, совершенных сталинским режимом против украинского народа, украинское партийное руководство боготворило Сталина, считая его собирателем украинских земель. Кремлевский вождь сознательно поддерживал эти настроения. Однажды, разглядывая послевоенную карту СССР в присутствии руководителей разных республик, Сталин с удовлетворением отметил, что он «вернул» Украине и Белоруссии «их исторические земли», которые находились под иностранным владычеством (43).

Руководители Армении, Азербайджана и Грузии не имели возможности открыто лоббировать свои националистические интересы. Однако ничто не мешало им продвигать эти интересы в рамках задачи построения великой советской державы. После того как советские войска достигли западных границ СССР и осуществили «воссоединение» Украины и Белоруссии, власти Грузии, Армении и Азербайджана начали вслух высказывать мысль о необходимости воспользоваться благоприятной возможностью и вернуть «земли предков», находящиеся во владении Турции и Ирана, чтобы объединиться со своими кровными братьями, живущими на этих территориях. Уже в 1970-е гг. Молотов вспоминал, что в 1945 г. руководители Советского Азербайджана хотели «увеличить их республику почти в два раза за счет Ирана. У нас была попытка, кроме этого, потребовать район, примыкающий к Батуми, потому что в этом турецком районе было когда-то грузинское население. Азербайджанцы хотели азербайджанскую часть захватить, а грузины — свою. И армянам хотели Арарат отдать» (44). Архивные материалы ясно свидетельствуют о том, что долгосрочные замыслы Сталина успешно сочетались с национальными устремлениями партийных лидеров советских республик Закавказья (см. главу 2).

Экспансионистские и великодержавные настроения советских элит, как русских, так и нерусских, их планы расширения сфер влияния и захвата территорий порождали ту энергию, которая работала на сталинский проект послевоенного утверждения СССР в качестве мировой державы. Эта энергия при ином состоянии умов могла быть направлена на внутреннюю работу, на улучшение жизни людей. Чем больше партийные и государственные верхи поддерживали внешнюю экспансию и участвовали в разграблении Германии, тем легче было Сталину ими повелевать.

Советский Союз и Соединенные Штаты

Вторжение Гитлера в СССР 22 июня 1941 г. и нападение Японии на США 7 декабря 1941 г. впервые в истории свели вместе две стра-

ны, до этого далекие друг от друга. Советский Союз приобрел могучего и богатого союзника. Стратегическими партнерами Сталина в союзе против держав «Оси» стали Франклин Делано Рузвельт и его команда прогрессивных реформаторов, осуществивших «Новый курс». Никогда еще у советской власти не было таких щедрых партнеров. В самый тяжелый для СССР момент войны, когда немецкие войска неумолимо продвигались к берегам Волги, Рузвельт пригласил Советский Союз совместно с Америкой участвовать в решении проблем послевоенной безопасности. Во время переговоров Молотова и Рузвельта в конце мая 1942 г. американский президент сказал Молотову о том, что «для того, чтобы воспрепятствовать возникновению войны в течение ближайших 25–30 лет, необходимо создать международную полицейскую силу из 3–4 держав». После войны, продолжал Рузвельт, «победители — США, Англия, СССР — должны сохранить свое вооружение. Страны-агрессоры и соучастники агрессоров — Германия, Япония, Франция, Италия, Румыния, и даже больше этого, Польша и Чехословакия — должны быть, во-первых, разоружены, а во-вторых, в дальнейшем необходимо, чтобы нейтральные инспекторы наблюдали за разоруженными странами и не давали бы им возможности секретно вооружаться, как это делала Германия в течение 10 лет». «Если этого окажется недостаточным, тогда четыре полицейских будут бомбить эти страны». Конечно, заключил Рузвельт, «мы не можем объявить об этом открыто до окончания войны, но мы должны договориться по этому вопросу заранее». Это необычное предложение застигло Молотова врасплох, однако спустя двое суток Сталин дал своему наркому указание незамедлительно заявить Рузвельту о том, что советская сторона целиком поддерживает его идею о мировых полицейских. Подводя итоги советско-американских переговоров 1942 г., Сталин выделил «договоренность с Рузвельтом о создании после войны международной вооруженной силы для предупреждения агрессии» (45).

Для того чтобы избежать огласки и критики со стороны антисоветски настроенных республиканцев и антикоммунистов в собственной демократической партии, президент Рузвельт, его доверенное лицо Гарри Гопкинс и другие члены администрации поддерживали не только официальные, но и неофициальные каналы связи с Кремлем. Позднее эти доверительные отношения станут объектом острой критики; враги Рузвельта будут утверждать, что в окружении президента гнездились советские агенты влияния (подозрения пали и на Гопкинса) (46). Несомненно, однако, что стремление членов окружения президента выстроить доверительные отношения с Советским Союзом, дружелюбие Рузвельта и его благосклонность к Сталину во время Тегеранской (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) и особенно Ялтинской конференции (4–12 февраля 1945 г.) исходили из долгосрочных

расчетов на то, что советско-американское партнерство сохранится и после войны.

У советских руководителей, представлявших различные органы государства, складывалось довольно сложное отношение к американскому союзнику. США уже давно заслужили уважение и даже восхищение у тех представителей советского аппарата, кто занимался вопросами техники и промышленности. Еще в 1920-е гг. большевики обещали модернизировать Россию, превратить ее в «новую Америку». Среди советских управленцев и инженеров были популярны такие термины, как «тейлоризм» и «фордизм» (связанные с именами Фредерика Тейлора и Генри Форда, заложивших основы новейшей технологии организации труда и управления производством в Америке) (47). Сталин сам в это время призывал советских трудящихся соединить «русский революционный размах» с «американской деловитостью». В период индустриализации, с 1928 по 1936 г., сотни «красных директоров» и инженеров, включая члена Политбюро Анастаса Микояна, ездили в США, чтобы учиться организации массового производства и управлению современными предприятиями в различных областях, включая машиностроение, металлургию, мясомолочную промышленность и так далее. В Советский Союз оптом ввозились американские технические новшества, в том числе оборудование для производства мороженого, булочек «хот-дог», безалкогольных напитков, а также строились крупные универмаги по типу американского Масы's (48).

Контакты с американцами в годы войны и особенно американские поставки по ленд-лизу подтверждали обыденные представления о Соединенных Штатах как о стране, обладающей исключительной экономической и технической мощью. Даже Сталин в узком кругу своих соратников признавался, что, если бы американцы и англичане «не помогли нам с ленд-лизом, мы бы не справились с Германией. Слишком много мы потеряли в первые месяцы войны» (50). Основная часть одежды и других потребительских товаров, поступавшая в страну по ленд-лизу, предназначавшаяся гражданскому населению, присваивалась чиновниками всех рангов. Но и то немногое, что доставалось остальным, вызывало восхищение. Вместе с пропагандистской кинохроникой военного времени, наряду с ленд-лизом, в советское общество стало проникать американское культурное влияние. Высшее руководство страны и члены их семей имели доступ к просмотру голливудских фильмов, включая знаменитую «Касабланку» с Хэмфри Богартом и Ингрид Бергман. Служащие некоторых советских учреждений, в том числе Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), устраивали неформальные просмотры американского кино. Даже Джордж Кеннан, советник посольства США в

Москве в 1945–1946 гг., скептически оценивавший способность Запада влиять на Россию, признавал, что «невозможно переоценить» то благосклонное расположение к Америке, которое порождали голливудские киношедевры (51). В период с 1941 по 1945 г. тысячи советских руководителей из числа военных, торговых представителей и сотрудников спецслужб побывали в Соединенных Штатах. Динамизм, с которым развивалась эта страна, размах американского образа жизни вызывали у советских визитеров разноречивые чувства: идеологическую враждебность, восхищение, замешательство, зависть. Спустя много лет эти люди вспоминали свое посещение Америки и делились своими впечатлениями с родственниками и детьми (52).

Восприятие советскими элитами Америки и американцев зависело от их культурного и идейного кругозора. Очень мало кто из советских руководителей, даже самого высокого ранга, понимал, как устроены американское общество и государственная власть. Первый посол СССР в США, Александр Трояновский, который до этого служил послом в Токио, недоумевал: «Если Японию можно было сравнить с роялем, то Соединенные Штаты представляли собой целый симфонический оркестр» (53). Диалогу между советскими людьми и американцами мешало и то, что они разговаривали во всех смыслах на разных языках. Советский новояз был, впрочем, непереводим ни на один язык мира. Сказывались и нравы общества, где было принято демонстрировать «советскую гордость» по отношению ко всему иностранному (54). Подавляющее большинство сталинских назначенцев испытывало раздражение от общения с американцами, которые казались им самонадеянными, развязными, уверенными в своем богатстве и превосходстве. Маршал Филипп Голиков, начальник советской военной разведки (ГРУ), возглавлявший советскую военную миссию в Соединенные Штаты, был взбешен манерой обращения с ним Гарри Гопкинса, помощника Рузвельта и в целом наиболее дружественного к СССР члена близкого окружения президента США. В своем дневнике Голиков написал, что Гопкинс «показал всем своим нутром распоясавшегося фарисея, предельно зазнавшегося и зарвавшегося прихвостня большого человека». Он возомнил, что «мы, люди Советского государства, должны перед ним держаться и чувствовать себя просителями: молча, терпеливо ждать и быть довольными крохами с барского стола». Гораздо позднее Молотов выразил схожие чувства в отношении уже самого президента США: «Рузвельт думал, [что русские] придут поклониться. Бедная страна, промышленности нет, хлеба нет — придут и будут кланяться. Некуда им деться. А мы совсем иначе смотрели на это. Потому что в этом отношении весь народ был подготовлен и к жертвам, и к борьбе» (55).

Несмотря на помощь, доставляемую американскими конвоями через Северную Атлантику и Иран в СССР, многие советские чиновники и военачальники пребывали в уверенности, что США преднамеренно откладывают наступательную операцию в Европе с тем, чтобы русские и немцы истощили друг друга как можно больше (56). Советские власти воспринимали американскую помощь как законную плату за огромный вклад СССР в борьбу с гитлеровской Германией, как нечто само собой разумеющееся, не затрудняясь выражениями благодарности и любезности. Американцев это возмущало. В январе 1945 г. Молотов представил Министерству финансов США официальный запрос о предоставлении Советскому Союзу ссуды, составленный скорее в духе требования, чем просьбы о помощи. Это был очередной случай, когда Молотов отказался «клянчить крохи с барского стола». Кроме того, в советских высших кругах сложилось убеждение, что давать русским ссуду выгодно самим американцам — ведь на эти деньги потом будет закупаться американское оборудование, а в Москве были уверены, что после войны в США неизбежно наступит спад промышленного производства. Советские сотрудники, приезжавшие в США для обеспечения поставок по ленд-лизу, связанные, как правило, с разведкой, охотились за американскими промышленными и техническими секретами, в чем им помогало и немалое число тех американцев, которые симпатизировали «героической России». Советские представители вели себя бесцеремонно, подобно гостям, которые после радушного приема и щедрого угощения беззастенчиво прихватывают с собой ювелирные украшения хозяев (57).

Линия поведения Рузвельта заключалась в том, чтобы относиться к СССР как к равному партнеру и великой державе, и постепенно советские высшие круги привыкли принимать это как должное. В конце 1944 г. Сталин попросил у Рузвельта согласия на восстановление «прежних прав России, нарушенных в результате вероломного нападения Японии в 1904 году», включая владение Южным Сахалином и Курилами, а также базой в Порт-Артуре и Китайско-Восточной железной дорогой (58). Рузвельт поддержал советские требования, не особенно вникая в детали. По свидетельству А. А. Громыко, тогдашнего советского посла в США, Сталин с удовлетворением заметил: «Америка заняла правильную позицию. Это важно с точки зрения наших будущих отношений с Соединенными Штатами» (59). В Москве многие ожидали, что руководство США с таким же пониманием отнесется к советским планам в Восточной Европе. В конце 1944 г. руководство советской разведки, вспоминал Павел Судоплатов, пришло к заключению, что «ни у американцев, ни у англичан нет четкой политики в отношении послевоенного будущего стран Восточной Европы. У союзников не существовало ни согласованности в этом

вопросе, ни специальной программы. Все, чего они хотели, — это вернуть к власти в Польше и Чехословакии правительства, находившиеся в изгнании в Лондоне» (60).

Большинство советских руководителей верили в то, что американо-советское сотрудничество продолжится и после войны. Громыко в июле 1944 г. пришел к выводу, что, «несмотря на все возможные трудности, которые, вероятно, будут время от времени появляться в наших отношениях с Соединенными Штатами, существуют безусловные предпосылки для продолжения сотрудничества между нашими странами в послевоенный период» (61). Литвинов видел главную задачу послевоенной внешней политики в том, чтобы предотвратить возникновение блока между Великобританией и США против Советского Союза. Он писал в секретных записках, что послевоенные отношения с Великобританией после войны могут строиться «на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства», в то время как Соединенные Штаты уйдут из Европы, вернувшись к своей обычной политике изоляционизма. Даже сам Молотов, на склоне лет мысленно возвращаясь в 1945 г., утверждал: «Нам было выгодно, чтоб у нас сохранялся союз с Америкой. Это важно было» (62).

В отсутствие общественных опросов невозможно сказать, насколько эту мысль разделяли тысячи советских руководителей среднего и низшего звена, не говоря уж о миллионах советских граждан. Много, однако, говорит о больших симпатиях к Америке и американцам, распространившихся в народе. В 1945 г. в советские газеты и центральные органы власти поступило немало писем с одним и тем же вопросом: «Будут ли Соединенные Штаты помогать нам также и после войны?» (63).

Ялтинская конференция, на которой Рузвельт продолжал поддерживать многие советские предложения, стала еще одной дипломатической победой Сталина. В советских бюрократических структурах царил оптимизм. Казалось, для советской послевоенной дипломатии открывались поистине безграничные горизонты. Комиссариат иностранных дел (НКВД) распространил среди советских дипломатов за рубежом циркуляр с информацией об итогах Ялтинской конференции со следующим мажорным заключением: «Общая атмосфера на конференции носила дружественный характер, и чувствовалось стремление прийти к соглашению по спорным вопросам. Мы оцениваем конференцию как весьма положительный факт, в особенности по польскому и югославскому вопросу, также по вопросу о репарациях». Американцы, вопреки опасениям Ставки, не воспользовались открывшейся им дорогой на Берлин, уступив славу (и потери) от взятия столицы рейха советским войскам. Сталин был очень доволен и

в своем ближнем окружении хвалил генерала Дуайта Эйзенхауэра, главнокомандующего союзными силами в Европе, за его «благородство». Позже, в августе 1945 г., Сталин даже оказал Эйзенхауэру и послу США А. Гарриману невиданную честь, пригласив их стоять рядом с ним на трибуне Мавзолея Ленина во время парада советских физкультурников (64).

Историки спорят, изменил ли Рузвельт незадолго до смерти свое благожелательное отношение к идее послевоенного сотрудничества с СССР или все-таки нет. Известно, что американский президент был встревожен доходившими до него известиями о поведении советских войск в Польше и других странах Восточной Европы, а также возмущен подозрениями, возникшими у Сталина в ходе «Бернского инцидента». Именно по этому поводу он направил Сталину необычно жесткую телеграмму (65). Внезапная кончина президента Рузвельта 12 апреля 1945 г. стала для Кремля полной неожиданностью. Оставляя свою запись в книге соболезнований в резиденции американского посла в Москве на Спасопесковской площади, Молотов «казался глубоко взволнованным и опечаленным». И даже Сталин, как отмечает один из его биографов, был, видимо, потрясен внезапным уходом из жизни Рузвельта (66). Сталин потерял партнера по Большой тройке, великого государственного деятеля, с которым можно было договариваться по-крупному о послевоенном мировом порядке. Новый президент, Гарри С. Трумэн, был величиной неясной, политиком из провинциального Миссури, и его высказывания в адрес Советского Союза не обещали Москве ничего хорошего. Понятно, почему советская сторона боялась испортить советско-американские отношения в то время, когда послевоенный торг только начинался. Опасения такого рода сказались на поведении Молотова во время его первой официальной встречи с Трумэном 23 апреля 1945 г. Новый хозяин Белого дома обвинил Советский Союз в нарушении Ялтинского соглашения по Польше и прервал встречу с советским министром, не дожидаясь его возражений. Громыко, который участвовал в этой встрече, позже рассказал дипломату О. А. Трояновскому, что Молотов был явно встревожен. «Он опасался, как бы Сталин не возложил на него ответственность за этот эпизод». Вернувшись в советское посольство, Молотов долго не мог найти нужных слов, чтобы написать отчет Сталину о встрече с Трумэном. «Наконец, он позвал Громыко, и они вдвоем принялись смягчать острые углы». В результате в этом отчете, ныне хранящемся в архиве МИД РФ, нет и следа нападок американского президента и растерянности Молотова (67).

Вскоре после смерти Рузвельта офицеры советской разведки, работавшие в Соединенных Штатах, стали сообщать центру об опасных тенденциях, указывающих на скрытую смену позиций в Вашингтоне

в отношениях к Советскому Союзу. Для них не было новостью существование многочисленных антикоммунистически настроенных сил среди католиков и в профсоюзном движении, не говоря уже о широком спектре реакционных движений и организаций, боровшихся против «Нового курса» Рузвельта. Все эти силы выступали против союза с Москвой и обвиняли администрацию в «умиротворении» сталинского режима. Ряд высших американских военных (среди них генерал-майор ВВС США Кертис Лемэй, генерал армии Джордж Паттон и другие) открыто говорили о том, что после победы над «фрицами» и «япошками» надо «покончить с красными» (68).

Первый тревожный звонок отчетливо прозвучал в Москве в конце апреля 1945 г., когда администрация Трумэна без уведомления прекратила поставки СССР по ленд-лизу. Советской экономике грозило сокращение поставок оборудования, деталей и сырья на сумму 381 млн американских долларов — это могло нанести ощутимый удар по промышленному производству на исходе войны. Государственный комитет обороны (ГКО), государственный орган, фактически заменивший во время войны Политбюро ЦК КПСС, принял решение выделить 113 млн долларов из золотовалютного запаса страны, чтобы закупить недопоставленные по ленд-лизу детали и материалы (69). После протестов, последовавших из Москвы, США возобновили поставки, сославшись на бюрократическую неразбериху. Но это объяснение не рассеяло подозрений советского руководства. Представители СССР в Соединенных Штатах, многие высокопоставленные чиновники в Москве, контактировавшие с американцами, выражали, правда, в сдержанной форме, свое возмущение. Они единодушно расценили этот эпизод как попытку администрации Трумэна использовать экономические рычаги для политического давления на Советский Союз. Однако высшее руководство реагировало несколько иначе. Молотов в своих инструкциях советскому послу в США приказывал: «Не кланяться перед американскими властями насчет поставок. Не высовываться вперед со своими жалкими протестами. Если США хотят прекратить поставки, тем хуже для них». Сдерживая эмоции, сталинское руководство ориентировало государственный аппарат на то, чтобы рассчитывать только на собственные силы (70).

В конце мая глава нью-йоркской резидентуры Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ, преемника НКВД) телеграфировал в Москву, что «экономические круги», которые прежде не имели никакого влияния на международную политику Рузвельта, в настоящее время предпринимают «организованные попытки изменить политику [Соединенных Штатов] в отношении СССР». От американских «друзей» — коммунистов и сочувствующих им — НКГБ

узнал, что Трумэн водит дружбу с «ярыми реакционерами» в сенате конгресса США, такими как сенаторы Роберт Тафт, Бертон К. Уилер, Альбен Баркли и другие. В телеграмме сообщалось, что «реакционеры возлагают особые надежды на то, чтобы прибрать руководство внешней политикой [Соединенных Штатов] полностью в свои руки, отчасти потому, что [Трумэн] явно неопытен и плохо информирован в этой области». В заключение телеграмма сообщала: «В результате прихода [Трумэна] к власти следует ожидать значительной перемены во внешней политике [Соединенных Штатов], прежде всего в отношении СССР» (71).

Советские разведчики и дипломаты, работавшие в Великобритании, сигнализировали в Москву о недружественных настроениях, которые появились у Черчилля в ответ на действия Советского Союза в Восточной Европе, особенно, в Польше. Посол СССР в Лондоне Федор Гусев докладывал Сталину: «Во время своей речи Черчилль говорил о Триесте и Польше с большим раздражением и нескрываемой злобой. По его поведению видно было, что он с трудом сдерживает себя. В его речи много шантажа и угрозы, но это не только шантаж. Мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией... в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени». В это же время ГРУ перехватило указание, переданное Черчиллем фельдмаршалу Бернardu Монтгомери, о необходимости собрать и сберечь немецкое оружие для возможного перевооружения германских военнослужащих, сдавшихся в плен западным союзникам. По словам высокопоставленного сотрудника ГРУ М. А. Мильштейна, это донесение отравило сознание кремлевских руководителей новыми подозрениями (72).

В июле 1945 г. казалось, что зловещие прогнозы в отношении администрации Трумэна не сбываются. Самому Трумэну хотелось добиться от Сталина участия советской армии в войне против Японии, и он старался убедить американскую общественность в том, что продолжает политику Рузвельта в отношении СССР. Гарри Гопкинс, уже смертельно больной, совершил свою последнюю поездку в Москву в качестве специального посланника Трумэна и, проведя долгие часы в переговорах со Сталиным, привез в Вашингтон договоренности, которые, казалось, могли дать компромиссное решение польского вопроса и других острых проблем, которые разъедали единство союзников. В Кремле, в дипломатических и разведывательных кругах тревожные настроения пошли на спад. Первые дни Потсдамской конференции (проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г.) давали повод для оптимизма и уверенности в будущем советско-американских отношений. Оказалось, однако, что это были последние дни «золотой поры» в существовании Большой тройки. Американо-советское

сотрудничество близилось к концу — напряженность в отношениях союзников после войны стала стремительно нарастать.

Фактор Сталина

Советский дипломат Анатолий Добрынин в разговорах с Генри Киссинджером рассказывал, как в 1943 г. Сталин, сидя в своем купе в поезде, ехавшем из Москвы в Баку (откуда он должен был лететь в Тегеран для участия в совещании Большой тройки), приказал оставить его одного. «В течение трех дней он не читал никаких донесений, никаких документов, а лишь смотрел в окно, собираясь с мыслями» (73). Рассказ Добрынина вряд ли правдив (по дороге на Тегеранскую конференцию Сталин регулярно получал телефонограммы и шифровки), но прекрасно отражает ту ауру мистической тайны и величия, которая окружала Сталина и которая запомнилась начинающему дипломату. И в самом деле: о чем думал тогда Сталин, глядя на разрушенную страну, проплывавшую за окнами поезда? Вряд ли мы когда-либо об этом узнаем. Сталин предпочитал обсуждать вопросы устно, в узком кругу. На бумаге свои мысли он излагал лишь в тех случаях, если не было другого выхода — например, когда находился на отдыхе на побережье Черного моря и почти ежедневно посылал своим соратникам по Политбюро указания о том, как вести дипломатические переговоры и другие дела. Сталинские соратники — и в этом тоже был умысел вождя — должны были сами догадываться о его планах и намерениях. Сталин умел производить на людей впечатление, но умел также и сбивать с толку, вводя в заблуждение даже наиболее опытных экспертов и аналитиков.

Вождь СССР был человеком многих образов и личин, с некоторыми из которых он настолько сросся, что они органически входили в его «я». Он родился и вырос на Кавказе, в этническом «котле», где традиции кровной мести соседствовали со скорыми революционными расправами. Жизненный опыт рано научил Сталина лицедейству (74). Кем только не пришлось быть Сталину за свою жизнь! Он был и учеником семинарии, и грузинским «кинто» (великодушным разбойником в духе Робин Гуда), и скромным, преданным учеником Ленина, и «стальным» большевиком, и великим полководцем, и даже «корифеем всех наук». Сталин даже сменил свое национальное лицо, превратившись из грузина в русского. На международной арене он играл роль политика-реалиста, с которым можно иметь дело, и ему удалось убедить в своем «реализме» своих заграничных партнеров. Аверелл Гарриман, посол США в Москве в 1943–1945 гг., вспоминал, что в то время он считал Сталина «более информированным, чем Рузвельт, и более прагматичным, чем Черчилль, — в некотором смыс-

ле самым эффективным политиком из всех руководителей воюющих держав». Генри Киссинджер в своем курсе международной политики, который он читал в Гарвардском университете, говорил и писал, что сталинский подход к внешней политике «строго соответствовал принципам “реальной политики”, которые были приняты в старой Европе» и царской России на протяжении столетий (75).

Был ли Сталин на самом деле «реалистом»? В телеграмме, которую он в сентябре 1935 г. отправил в Москву, находясь на отдыхе у Черного моря, можно обнаружить одно из замечательных проявлений сталинских суждений о международных отношениях. В Германии Гитлер уже находился у власти два года, а фашистская Италия, бросив вызов Лиге Наций, готовилась к военному вторжению в Эфиопию. Нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов был уверен, что для противостояния растущей угрозе со стороны складывавшегося тандема фашистской Италии и нацистской Германии Советскому Союзу следует обеспечить собственную безопасность во взаимодействии со странами западной демократии — Великобританией и Францией. Литвинов (Макс Валлах), еврей из Белостока, большевик-интернационалист старой закалки, понимал, что Германия и Италия представляют главную опасность для СССР и для мира в Европе. В годы самых страшных сталинских чисток Литвинов привлек на сторону СССР немало друзей, выступая в Лиге Наций против агрессии фашистов и нацистов — в защиту коллективной безопасности в Европе (76). Сталин, как уже давно предполагали некоторые историки (77), считал деятельность Литвинова полезной, однако резко возражал против его трактовки развития международных событий. В своей телеграмме, посланной с черноморской дачи Молотову и Лазарю Кагановичу, Сталин писал, что Литвинов не понимает международной обстановки: «Старой Антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две Антанты: Антанта Италии и Франции, с одной стороны, и Антанта Англии и Германии, с другой. Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем и другим, чтобы они могли драться. Нам вовсе невыгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой» (78).

Сталин рассчитывал на затяжной конфликт между двумя империалистическими блоками — нечто вроде повторения Первой мировой войны, где Советский Союз оказался бы в стороне и выигрыше. Мюнхенское соглашение между Великобританией и Германией в 1938 г. убедило Сталина в том, что он правильно оценивал международную ситуацию (79). Заключение пакта с нацистами в 1939 г. было попыткой еще раз спровоцировать «драку» в Европе между двумя империа-

листическими блоками. Хотя состав этих блоков оказался совсем не тот, который представлялся ему в 1935 г., кремлевский стратег так никогда и не признал, что катастрофически просчитался относительно намерений Гитлера, а линия Литвинова оказалась верной.

Революционно-большевистская идеология с самого начала формировала представления Сталина о том, как следует вести себя в международных делах. В отличие от европейских и дореволюционных российских государственных деятелей, приверженцев «реальной политики», большевики оценивали баланс сил и использование силовых методов сквозь призму идеологического радикализма. Они пользовались дипломатическими уловками, чтобы сохранить за Советским Союзом роль оплота мировой революции (80). Большевики верили в неминуемый крах системы либерального капитализма. Они также верили, что, вооружившись знанием научной теории Маркса, получили огромное преимущество перед государственными деятелями и дипломатами буржуазных стран. Большевики высмеивали попытки Вудро Вильсона построить мир на принципах либерального сотрудничества, обуздать традиционную практику силовых игр и борьбы за сферы влияния. Для Ленина и его соратников «вильсонизм» был либо лицемерием, либо глупым идеализмом. Политбюро и Наркомат иностранных дел были не прочь заниматься, по выражению Л. Б. Красина, «втиранием очков всему свету», особенно буржуазным политикам и общественным деятелям западных демократий (81).

Нельзя сказать, однако, что взгляды Сталина на устройство мира лишь копировали большевистское мировоззрение. Его собственное видение международных отношений складывалось постепенно, питаясь из различных источников. Одним из таких источников стал внутривластный опыт вождя. В 1925–1927 гг. Сталин вырабатывал свою собственную внешнеполитическую платформу в ожесточенной борьбе за власть против оппозиции, в полемике с Троцким, Зиновьевым и другими большевистскими вождями. К примеру, он возражал троцкистам, которые считали, что Коммунистическая партия Китая должна выйти из союза с Гоминьданом (Народной партией). После переворота Чан Кайши, едва не окончившегося полной гибелью китайской компартии, Сталин не признал своей ошибки — это значило бы усилить оппозиционеров. С 1927 по 1933 г. Сталин вместе со своими соратниками навязал мировому коммунистическому движению тезис о «третьем» периоде революционного развития мира. Этот тезис пророчил приближение нового тура революций и войн, который «должен потрясти мир гораздо глубже и шире, чем подъем 1918–1919 годов, и по размаху будет продолжением Октября 1917-го, приведя к победе пролетариата в ряде капиталистических стран» (82). Эта доктрина прекрасно сочеталась со сталинской «ре-

волюцией сверху» внутри СССР. Вместе с тем эта доктрина расколола единый антифашистский фронт в Германии и облегчила приход к власти Гитлера.

Годы борьбы за власть в Кремле, успешного устранения всех соперников и драматичных поворотов в строительстве большевистского государства приучили Сталина к терпению и выдержке. Он научился не упускать возможностей, реагировать на резкие перемены ситуаций и уходить от ответственности за ошибки и провалы. По верному замечанию американского политолога Джеймса Голдгайера, Сталин «старался сохранить свободу рук и не обнаруживать своих намерений до тех пор, пока не появится уверенность в решительной победе». Сталин прекрасно чувствовал властную конъюнктуру и добился абсолютной власти, объединяясь с одними коллегами, чтобы разбить других, что позволило ему в итоге уничтожить всякую оппозицию его единовластия. Логично заключить, что и во внешнеполитических делах Сталин был склонен действовать по тому же сценарию (83).

Сталин обладал неординарным, но крайне жестоким умом, сильным, но мрачным, мстительным и подозрительным — на грани параноидальности — характером. Это наложило мощный отпечаток на его восприятие мира. В отличие от многих большевиков, свободных от национальных предрассудков и уверенных в светлом коммунистическом будущем для всего человечества, он был одержим идеей власти, ненавидел все иностранное и утопил большевистские иллюзии в мрачном цинизме (84). Для Сталина внешний мир, как и жизнь партии и страны, были источником опасностей до тех пор, пока он не мог их контролировать. Молотов рассказывал позднее, что они со Сталиным «ни на кого не надеялись — только на собственные силы» (85). В воображаемом Сталиным мире никому нельзя было доверять, любое сотрудничество рано или поздно оказывалось игрой с нулевым результатом. Опора на собственную силу и применение этой силы были для него гораздо более надежными факторами в международных делах, чем дипломатия и государственные соглашения. В октябре 1947 г. Сталин изложил эти взгляды с предельной, обнаженной ясностью на встрече с группой просоветски настроенных британских парламентариев, членов Лейбористской партии, которых он пригласил на свою дачу на Черноморском побережье. «В международных отношениях, — вещал Сталин своим гостям, — господствует не чувство жалости, а чувство собственной выгоды. Если какая-нибудь страна увидит, что она может захватить и покорить другую страну, то она это сделает. Если Америка или какая-нибудь другая страна увидит, что Англия находится в полной от нее зависимости, что у нее нет других возможностей, то она ее съест. Слабых не жалеют и не уважают. Считаются только с сильными» (86).

В 1930-е гг. геополитическое наследие царской России, исторической предшественницы СССР, стало еще одним очень важным источником, питавшим взгляды Сталина на международную политику (87). Много и внимательно читая историческую литературу, Сталин уверовал, что он является продолжателем геополитического проекта, начатого русскими царями. Особенно ему нравилось читать о российской дипломатии и международных делах в канун и во время Первой мировой войны. Он тщательно изучал труды Евгения Тарле, Аркадия Ерусалимского и других советских историков, которые писали о европейской «реальной политике», о коалициях великих держав, а также о территориальных и колониальных завоеваниях. Когда партийный теоретический журнал «Большевик» собрался напечатать статью Фридриха Энгельса, в которой классик марксизма оценивал внешнюю политику царской России как угрозу всей Европе, Сталин написал Политбюро пространную записку, где встал на сторону царской России и критиковал Энгельса за его антирусскую позицию (88). Во время празднования годовщины большевистской революции в 1937 г. Сталин сказал, что русские цари «сделали одно хорошее дело — создали огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство». Мысль о том, что Советский Союз является наследником великой Российской империи, дополнила список тех идей, на которые опирались сталинская внешняя политика и пропаганда внутри страны. Сталин даже нашел время для того, чтобы критиковать и редактировать конспекты школьных учебников по истории России, выстраивая их в соответствии с его изменившимися убеждениями. Хрущев вспоминал, как в 1945 г. «Сталин считал, что он, как царь Александр после победы над Наполеоном, может диктовать свою волю всей Европе» (89).

С первых же месяцев прихода к власти в России Ленину и членам большевистской партии приходилось балансировать между революционными амбициями и государственными интересами. Отсюда берет начало советская «революционно-имперская парадигма», в которой марксистская идеология оправдывала территориальную экспансию.

Сталин предложил новую, более стабильную и эффективную интерпретацию этой парадигмы. В 1920-е гг. большевики видели в Советском Союзе оплот мировой революции. Теперь Сталин видел в нем «социалистическую империю». Все свое внимание он сосредоточил на вопросах безопасности СССР и его расширении. Однако для решения этих задач требовалось, чтобы в странах, граничащих с Советским Союзом, в конечном счете произошла смена власти и общественно-экономической системы.

Сталин был убежден, что международные отношения определяются конкуренцией капиталистических стран и нарастанием кризиса капиталистической системы, что переход к социализму в мировом масштабе неизбежен. Из этой главной установки проистекали еще два убеждения. Во-первых, западные державы, по мнению Сталина, в краткосрочной перспективе могли сговориться между собой против Советского Союза. Во-вторых, Сталин верил, что в долгосрочной перспективе, если проявлять осторожность и выдержку, то СССР под его руководством переиграет лидеров капиталистических стран и любую из их комбинаций. В самые тяжелые времена нацистского нашествия Сталину удавалось быть на высоте и задавать тон в дипломатической игре между членами Большой тройки. Он сразу поставил вопрос о признании союзными демократиями территориальных приобретений СССР, включая часть Финляндии, Прибалтику, Западную Белоруссию, Западную Украину и Молдавию, которых добился в годы союза с Гитлером. В то же время Сталин не спешил излагать свои планы на бумаге и уточнять послевоенные границы советских амбиций и сфер безопасности, справедливо полагая, что чем дальше и чем больше будет у СССР сил и международного признания, тем больше с ним будут считаться его партнеры. В то же время в октябре 1944 г., когда Черчилль в ходе своих переговоров в Москве сам предложил Сталину наметить «в процентах» сферы преобладающего влияния СССР и Великобритании на Балканах, советский вожь легко пошел на это. Советско-британское «процентное соглашение» было моментом, когда революционно-имперская парадигма Сталина столкнулась с «реальной политикой» Черчилля. Британский премьер, предвидя советское военное вторжение на Балканы, стремился поставить предел советскому влиянию дипломатическим соглашением о разделе сфер влияния в этом регионе. Сталин, хотя и визировал «процентное соглашение», в дальнейшем не останавливался перед тем, чтобы полностью вытеснить Великобританию из Восточной Европы, включая и Северные Балканы. Там, где была Красная армия, там устанавливались просоветские коммунистические режимы.

Во время бесед с югославскими, болгарскими коммунистами и коммунистами других стран Сталин с удовольствием облачался в мантию «реалиста», чтобы преподать урок-другой своим неопытным младшим партнерам. В январе 1945 г. кремлевский вожь поучал югославских коммунистов: «В свое время Ленин не мечтал о таком соотношении сил, которого мы добились в этой войне. Ленин считался с тем, что все будут наступать на нас, и хорошо будет, если какая-либо отдаленная страна, например Америка, будет нейтральной. А теперь получилось, что одна группа буржуазии пошла против нас, а другая — с нами» (92). Несколькими днями позже Сталин повторил ту же мысль в присутствии тех же югославов и бывшего главы Ком-

интерна Георгия Димитрова. В записи Димитрова он дополнил эту мысль пророчеством: «Сегодня мы сражаемся в союзе с этой группой буржуазии против другой, а в будущем мы будем сражаться и против этой группы» (93).

Выдавая себя перед своими приверженцами за осторожного «реалиста», Сталин обозначал и пределы того, что советская армия сможет сделать для коммунистов в Центральной Европе и на Балканах. Когда Василь Коларов, болгарский коммунист, работавший вместе с Георгием Димитровым над созданием просоветской Болгарии, предложил присоединить прибрежную часть Греции к Болгарии, Сталин ответил на это отказом. Молотов вспоминал позже: «Невозможно было. ...Я посоветовался в ЦК [т. е. со Сталиным], мне сказали, что не надо, не подходящее время. Пришлось помолчать. А Коларов очень напирал на это» (94). Примерно так же Сталин отреагировал на надежды греческих коммунистов на то, что Красная армия поможет им прийти к власти в Греции: «Они ошибались, считая, что Красная армия может дойти до Эгейского моря. Мы не можем этого сделать. Мы не можем послать наши войска в Грецию. Греки совершили глупость». В другом документе Сталин добавил: «Если бы Красная армия туда пошла, конечно, там картина была бы иная, но в Греции без флота ничего не сделаешь. Англичане удивились, когда увидели, что Красная армия в Грецию не пошла» (95). Сталин предпочел в этом пункте соблюдать «процентное соглашение» с Черчиллем, согласно которому Греция оставалась целиком в сфере влияния Великобритании. Кремлевский вождь решил, что будет «глупой ошибкой» выступить против Великобритании в Греции, пока Советский Союз не закрепил за собой другие завоеванные им позиции. Существовали приоритетные задачи, для решения которых требовалась поддержка британского правительства или, по крайней мере, его нейтралитет. Сталину нежелательно было раньше времени ссориться с одной из держав, входивших в союзную ему «группу буржуазии». Подобная тактика «услуги за услугу» прекрасно себя оправдала: в течение месяцев, вплоть до своей отставки в августе 1945 г., Черчилль воздерживался от публичной критики Советского Союза за его нарушения ялтинских принципов в Румынии, Венгрии и Болгарии.

Весной 1945 г. превосходство Сталина над его западными партнерами в ведении международных дел казалось несомненным. Советская армия, действуя совместно с югославскими, болгарскими и албанскими коммунистами, вихрем прошла по Балканам. Много лет спустя Молотов с удовольствием вспоминал: «Тут-то они просчитались. Вот тут-то они не были марксистами, а мы ими были. Когда от них пол-Европы отошло, они очнулись. Вот тут Черчилль оказался, конечно, в очень глупом положении». (96). В этот момент самомне-

ние и амбиции Сталина достигли апогея. Советский народ и руководство страны еще праздновали окончание войны, а Сталин уже вовсю занимался строительством «социалистической империи».

Строительство империи

Нет сомнений, что Сталин любой ценой намеревался удержать Восточную Европу в советских тисках. Кремлевский вождь рассматривал территорию Восточной Европы и Балкан сквозь призму своих стратегических замыслов — как возможную буферную зону перед западными границами СССР. В XX в. силы Европы вторглись в Россию с Запада дважды — в ходе двух мировых войн. Учитывая это, сама география Европы предписывала кремлевскому руководству контроль над двумя стратегическими коридорами: один — через Польшу в Германию, в самое сердце Европы, другой — через Румынию, Венгрию и Болгарию на Балканы и в Австрию (97). Вместе с тем речь шла не просто о геополитических планах. Беседы Сталина с зарубежными коммунистами раскрывают идеологическую составляющую того, как он понимал безопасность. Сталин исходил из того, что страны Восточной Европы можно удержать в сфере влияния Москвы только в том случае, если в них со временем будет создан новый общественно-политический порядок по образу и подобию Советского Союза (98).

Для Сталина два аспекта советской политики в Восточной Европе — построение системы безопасности и установление там нового строя — являлись сторонами одной медали. Вопрос заключался в том, как добиться выполнения обеих задач в оптимальном режиме. Некоторые советские руководители, среди них Никита Хрущев, надеялись, что после войны *вся Европа* может стать коммунистической (99). Сталину этого тоже хотелось, но он знал, что баланс сил для этого не достаточно выгоден. Он был убежден: пока американские и британские войска находятся в Западной Европе, у французских или итальянских коммунистов нет ни малейшей надежды на приход к власти. Кремлевский «реалист» был намерен как можно дольше сохранять сотрудничество в рамках Большой тройки и выжать из своих временных капиталистических союзников максимум возможных уступок. Оптимальным сценарием для Сталина было бы, если бы конфликт между СССР и западными союзниками из-за Восточной Европы не разразился слишком рано и не разрушил преждевременно сотрудничество великих держав.

Именно поэтому, как вспоминал Молотов, в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции Сталин придавал огромное значение «Декларации об освобожденной Европе». Рузвельт при разработке этого

документа стремился учесть опасения американцев польского происхождения и других выходцев из Восточной Европы, критиковавших президента за сотрудничество со Сталиным. В Ялте Рузвельт продолжал считать, что США сможет добиться большего от Сталина, обращаясь с ним как с партнером, несмотря на репрессии советских властей в Восточной Европе. Кроме того, президент надеялся, что подпись Сталина на декларации будет удерживать советские власти от явного насилия, особенно в Польше (100). Сталин, со своей стороны, расценил подписание декларации как косвенное признание Рузвельтом права Советского Союза на зону влияния в Восточной Европе. Американский президент уже признал советские стратегические интересы на Дальнем Востоке. Молотов был обеспокоен тем, что американский проект декларации содержал формулировки, которые предполагали присутствие союзных представителей на территории стран, оккупированных Красной армией, а также демократическое самоопределение этих стран. Сталин ответил: «Ничего, ничего, поработайте. Мы можем выполнять потом по-своему. Дело в соотношении сил» (101). Советский вожь рассчитывал, что сохранение сотрудничества с США не помешает, а скорее поможет ему в осуществлении его целей.

Советский Союз и его коммунистические соратники в Восточной Европе действовали по двум направлениям. Первое, широко афишируемое, направление — общественно-политические реформы, уничтожение традиционных имущих классов (многие представители этих классов уже бежали из стран, занятых советскими войсками, опасаясь репрессий и обвинений в сотрудничестве с нацистской Германией), раздача земель крестьянам, национализация промышленности, а также создание многопартийной парламентской системы. Все это в советском лексиконе получило название «народной демократии». Второе, негласное, направление — аресты и репрессии, подавление вооруженного подполья, деятельность советских органов безопасности и армейских структур по строительству институтов власти, которые позднее могли бы вытеснить многопартийную «народную демократию» и подготовить установление коммунистических режимов советского образца. В рамках второго направления советские агенты внедрялись в руководство служб безопасности, полиции и вооруженных сил, просоветские лица и коллаборационисты ставились на ключевые позиции в политических партиях. Одновременно политические активисты и журналисты, которые придерживались некоммунистических и антикоммунистических взглядов, всячески дискредитировались и устранялись из политической жизни, а позднее и ликвидировались физически.

Сталин намечал общие контуры этой политики и ее детали во время личных встреч и в зашифрованной переписке с коммунистами Восточной Европы, а также через своих помощников. Ежедневный контроль над осуществлением политических предписаний был возложен на людей из сталинского окружения: Андрей Жданов действовал в Финляндии, Клемент Ворошилов — в Венгрии и Андрей Вышинский — в Румынии. В партийном аппарате на них смотрели как на «проконсулов» в новых имперских владениях (103). В Восточной Европе «проконсулам» и другим советским должностным лицам помогали советские военные власти, органы безопасности, а также коммунисты-экспатрианты, многие из них еврейского происхождения, прибывшие в свои родные страны из Москвы в арьергарде Красной армии (104).

Всеобщая неразбериха, послевоенная разруха и разгул национализма, а также коллапс «старого порядка» в Восточной Европе помогли Сталину и советским властям достигать поставленных целей. С приходом советских войск в Венгрию, Румынию и Болгарию, невольных сателлитов нацистской Германии, в этих странах вырвались наружу давно зревшие там идейная борьба и социальные конфликты. В каждой из этих стран имелись острейшие этнонациональные проблемы, давние, иногда многовековые обиды на соседей. Многие в Польше и Чехословакии горели желанием избавиться от потенциально неблагонадежных национальных меньшинств, прежде всего от немцев (105). Сталин умело использовал эти настроения в своих интересах. В своих беседах с политиками из Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии, часто ссылаясь на угрозу, исходящую от Германии — «смертельного врага славянского мира». Он убеждал югославов, румын, болгар и поляков в том, что Советский Союз сочувствует их территориальным устремлениям и готов выступить арбитром в территориальных спорах. Он поддерживал политику этнических чисток в Восточной Европе, в результате которой со своих мест проживания было согнано 12 млн немцев и несколько миллионов венгров, поляков, и украинцев. Вплоть до декабря 1945 г. Сталин подумывал о том, чтобы воспользоваться идеями панславизма и преобразовать Восточную Европу и Балканы в многонациональные конфедерации. Позднее советский вождь отказался от этого проекта. Причины этого отказа до сих пор до конца не ясны. Возможно, Сталин считал, что ему будет легче иметь дело с малыми национальными государствами, чем с конфедерациями. Также, вероятно, сказалось растущее раздражение на Тито и югославских коммунистов, имевших свои амбиции на Балканах (106).

Решающим фактором для становления режимов советского типа в Восточной Европе было присутствие там советских вооруженных

сил и деятельность советских секретных служб. Польская Армия крайова (АК) упорно сопротивлялась сталинским планам строительства просоветской Польши (107). Во время Ялтинской конференции (и после нее), когда зашел спор по поводу будущего Польши, между СССР и западными союзниками вспыхнули первые искры раздора. В кулуарах конференции Черчилль заявлял, что учрежденное в Люблине просоветское правительство Польши «держится на советских штыках». И он был совершенно прав. Сразу же по окончании Ялтинской конференции генерал НКВД Иван Серов докладывал из Польши Сталину и Молотову о том, что польские коммунисты желают избавиться от главы польского правительства в изгнании Станислава Миколайчика. Сталин санкционировал арест шестнадцати руководителей Армии крайовой, но Миколайчика приказал не трогать. Несмотря эту предосторожность, западная реакция на аресты была очень резкой. Черчилль и Антони Иден выразили протест против «возмутительных» действий советских властей. Особенное неудовольствие Сталина вызвало то обстоятельство, что к британскому протесту присоединился Трумэн. Сталин, отвечая публично на эти обвинения, сослался на необходимость арестов, «чтобы обеспечить тылы Красной армии». Аресты продолжились. К концу 1945 г. 20 тыс. человек из польского подполья, значительная часть довоенных польских элит и государственных служащих, оказались в советских тюрьмах и концлагерях (108).

Румыния также доставила немало проблем Москве. Политические элиты этой страны не скрывали своих антисоветских и антирусских настроений и открыто обращались за поддержкой к британцам и американцам. Премьер-министр Николае Радеску и руководители «исторических» партий — Национал-царанистской (крестьянской) и Национал-либеральной — не скрывали своего страха перед Советским Союзом. Румынские коммунисты, вернувшиеся в Бухарест из Москвы, где они находились в эмиграции, создали Национальный демократический фронт, куда вошли социал-демократы. При негласной поддержке советских властей они спровоцировали государственный переворот против Радеску, что в конце 1945 г. поставило страну на грань гражданской войны. Сталин отправил в Бухарест Вышинского, который в ультимативной форме потребовал от румынского короля Михая отставки Радеску и назначения премьер-министром просоветского деятеля Петру Гроза. Для убедительности ультиматума Сталин приказал двум дивизиям выдвинуться на позиции в окрестностях Бухареста. Союзные западные державы не стали вмешиваться. Однако представители США в Румынии, и среди них — посланец Государственного департамента США Бертон Берри и глава американской военной миссии Кортландт ван Ренслер Скайлер, пришли в ужас от

советских действий. С этого момента они стали с гораздо большим сочувствием относиться к румынским страхам перед советской угрозой. Учитывая растущее недовольство Запада, Сталин решил пока оставить в покое короля Михая, так же как и руководителей обеих «исторических» партий (109).

К югу от Румынии, на Балканах, партнером Сталина и главным его союзником было коммунистическое руководство Югославии. В 1944–1945 гг. Сталин полагал, что идея создания конфедерации славянских народов, в которой ведущую роль возьмут на себя югославские коммунисты, станет хорошим тактическим ходом в построении просоветской Центральной Европы, к тому же отвлечет внимание западных держав от советских планов по преобразованию политических и социально-экономических режимов этих стран. Однако у победоносного командира югославских партизан, коммуниста Иосипа Броз Тито, имелись собственные далеко идущие планы. Он и другие югославские коммунисты требовали, чтобы Сталин поддерживал их территориальные притязания к Италии, Австрии, Венгрии и Румынии. Они также рассчитывали на помощь Москвы в строительстве «великой Югославии», которая бы включала в себя Албанию и Болгарию. Какое-то время Сталин подавлял в себе раздражение, которое вызывали у него югославские амбиции. В январе 1945 г. он предложил югославским коммунистам создать с Болгарией «двухединое государство по типу Австро-Венгрии» (110).

В мае 1945 г. судьба итальянского города Триест и прилегающих к нему территорий Гориции-Градиски стала дополнительной большой темой в отношениях Советского Союза с Югославией. Италия и Югославия оспаривали эти земли еще с 1919 г. Югославские войска захватили Триест, но западные державы потребовали вернуть город Италии. Сталин не желал ссориться с союзниками и принудил югославов отвести войска, чтобы уладить этот вопрос с англо-американцами. Нехотя югославское руководство подчинилось Москве, однако Тито не смог сдержать чувства разочарования. В одной из публичных речей он сказал, что югославы не желают «служить разменной монетой» в «политике сфер влияния». Для Сталина это было наглой выходкой. Должно быть, именно с этой минуты он стал относиться к Тито с подозрением (111). И все же в течение всего 1946 г., пока шли тяжбы с западными державами по разработке мирных договоров с бывшими союзниками Германии, кремлевское руководство поддерживало территориальные претензии Югославии в Триесте (112). Вероятно, в этот период идея панславизма еще не выветрилась из умов советских руководителей. К тому же Италия, с точки зрения Сталина, отошла к западной сфере влияния, а Югославия занимала ключевое место на южном фланге советского периметра безопасности.

В Восточной Европе и на Балканах Сталин действовал, мало считаясь с западными союзниками и совершенно беспощадно. Тем не менее он взвешивал и рассчитывал свои шаги, наступая и отступая, когда это требовалось, чтобы избежать преждевременного столкновения с западными державами и не поставить тем самым под угрозу достижение других важных внешнеполитических целей. Особенно важной среди этих целей была задача создания советского плацдарма в Германии (см. главу 3). Другой важнейшей целью была предстоящая война с Японией и утверждение советских позиций на Дальнем Востоке.

В течение нескольких месяцев после Ялтинской конференции у Сталина была великолепная возможность получить большие территориальные и геополитические барыши за вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. В 1945 г. Сталин и советские дипломаты считали, что Китай целиком зависит от США. В этой связи они намеревались расширить как можно больше сферу советского присутствия в этой стране и на Тихом океане в целом, с тем чтобы не допустить в этом регионе американской гегемонии вместо гегемонии поверженной Японской империи. В частности, Сталин добивался включения китайской Маньчжурии в советский пояс безопасности на Дальнем Востоке (113). 24 мая, на торжественном приеме в Кремле в честь Победы, Сталин сказал присутствующим: «Не забывайте, что хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте». Что означают эти слова на деле, Сталин продемонстрировал во время переговоров с правительством гоминьдановского Китая в Москве в июле — августе 1945 г. (114). Ялтинские соглашения с Рузвельтом и его негласная поддержка советских притязаний на Дальнем Востоке были подтверждены Трумэном, и это дало Сталину громадную фору в дипломатической игре с Гоминьданом. День за днем Сталин наращивал давление на китайское правительство, добиваясь от него согласия рассматривать СССР в роли гаранта китайской безопасности против вероятной японской угрозы после войны. Сталин сообщил министру иностранных дел Китая Сун Цзывэню, главе китайской делегации, что требования вернуть СССР базу Порт-Артур и КВЖД, а также требование признания Китаем независимости Монголии «объясняются необходимостью усиления наших стратегических позиций против Японии» (115).

У Сталина имелись кое-какие рычаги и в самом Китае, которые, как он прекрасно сознавал, были важны в переговорах с Гоминьданом. Кремль был единственным возможным посредником в китайской гражданской войне между Национальным правительством и Коммунистической партией Китая (КПК), которая контролировала северные китайские территории, прилегавшие к Монголии. У Советского

Союза был еще один ресурс: уйгурское сепаратистское движение в Синьцзяне было создано на советские деньги и вооружено советским оружием. Во время переговоров в Москве Сталин предложил Китаю гарантию территориальной целостности в обмен на требуемые уступки. «Что касается коммунистов в Китае, — сказал Сталин Сун Цзывэню, — то мы их не поддерживаем и не собираемся поддерживать. Мы считаем, что в Китае есть только одно правительство. Мы хотим честных отношений с Китаем и объединенными нациями» (116).

Руководство Гоминьдана упорно противилось давлению Кремля, особенно в вопросе о признании независимости Монголии, которая с 1921 г. находилась под советским протекторатом. Однако выбора у Чан Кайши и его министра иностранных дел не было. Им было известно, что через три месяца после окончания военных действий в Европе, по договоренности между СССР и США, планируется вторжение Красной армии в Маньчжурию. Они опасались, что в этом случае Советский Союз передаст власть в Маньчжурии в руки КПК. 14 августа 1945 г. руководство Китая подписало Договор о дружбе и союзе с СССР. Поначалу казалось, что Сталин держит свои обещания: КПК была вынуждена вступить в переговоры с Гоминьданом об условиях перемирия в многолетней гражданской войне. Впоследствии китайские коммунисты утверждали, что Сталин их предал и сорвал их революционные планы. Однако в тот момент Мао Цзэдун вынужден был признать, что в действиях Сталина присутствовала определенная логика: США поддерживали Гоминьдан, и вмешательство СССР на стороне КПК означало бы разрыв американо-советского партнерства (117).

Весомое участие Советского Союза в Ялтинской и Потсдамской конференциях, во время которых члены Большой тройки совместно вырабатывали решения о послевоенном устройстве Европы и Дальнего Востока, не только сделало необратимым предстоящее вторжение СССР на территорию Маньчжурии, но и дало Москве основание заявлять о своих особых правах в этом регионе. Трумэн не имел возможности открыто возражать против советского влияния в Монголии и Маньчжурии и лишь призывал к соблюдению там американских принципов «открытых дверей» для торговли и бизнеса. Гарриман неофициально уговаривал Сун Цзывэя не поддаваться давлению Сталина, но даже ему пришлось признать, что китайцам «никогда не удастся достичь соглашения на более благоприятных условиях со Сталиным». В итоге Сталин вырвал у Гоминьдана уступки, которые даже выходили за рамки того, что было обговорено с Рузвельтом в Ялте и до нее (118).

Далеко идущие планы вынашивались Сталиным и в отношении Японии. В ночь с 26 на 27 июня 1945 г. Сталин собрал членов Полит-

бюро и высших военачальников, чтобы обсудить с ними военные действия против Японии. Маршал Кирилл Мерецков и Никита Хрущев защищали план высадки советских войск на севере Хоккайдо, самого северного из основных японских островов. Против этого предложения выступил Молотов, доказывая, что подобная операция будет в глазах США грубым нарушением достигнутых в Ялте соглашений. Маршал Георгий Жуков назвал предложение о высадке десанта на Хоккайдо авантюрой. На вопрос Сталина, сколько потребуется войск, Жуков доложил: четыре полнокровные войсковые армии. Сталин закрыл совещание на неопределенной ноте, но будущее показало, что он склонялся к осуществлению этого замысла. Он считал, что занятие Красной армией северной части Японии может позволить Советскому Союзу играть роль оккупационной державы в этой стране и, следовательно, повлиять на ее будущее. В глобальных планах Сталина контроль над Японией и недопущение ее ремилитаризации были такой же ключевой задачей, как и контроль над Германией (119).

27 июня 1945 г. в газете «Правда» появилось сообщение о том, что Сталину присвоено высшее воинское звание — Генералиссимус Советского Союза. Вождь советских народов достиг пика величия и мирового признания. Спустя три недели открылась Потсдамская конференция, которая подтвердила основные положения Ялтинских соглашений о сотрудничестве, достигнутых между тремя великими державами. Формат Большой тройки был очень благоприятен для сталинской дипломатии и осуществления его замыслов. С первых дней работы конференции в Потсдаме делегация Великобритании, которой вначале руководил Черчилль (затем, после его поражения на выборах, эту работу продолжили новый премьер-министр, лидер партии лейбористов Клемент Эттли и министр иностранных дел Эрнст Бевин), последовательно выступала против советской делегации по всем основным пунктам обсуждения. В частности, британские руководители подвергли острой критике действия советских властей в Польше, а также отвергли претензии СССР на долю репараций в виде промышленного оборудования из Рурской области. Советники Трумэна, в числе которых был американский посол в Москве Аверелл Гарриман, склоняли президента и его нового госсекретаря Джеймса Бирнса, поддержать жесткую линию Великобритании. Однако Трумэн все еще нуждался в СССР в качестве союзника в войне против Японии, и он не спешил идти на поводу у англичан. Более того, Трумэн и Бирнс с пониманием отнеслись к требованию Сталина участвовать в распределении репараций с западных зон оккупации Германии и согласились с советским предложением создать единую союзную комиссию по управлению Германией. Реагируя на тревожные новости о произволе советских властей и их союзников в Восточ-

ной Европе и на Балканах, Трумэн внес было предложение назначить союзную комиссию для наблюдения за ходом выборов в Румынии, Болгарии, Венгрии, Греции и других странах. Сталин на это возразил, что американцы исключили Советский Союз из союзно-контрольной комиссии по Италии, после чего Трумэн быстро свернул обсуждение этой темы. После окончания Потсдамской конференции Молотов сообщил Димитрову, что «основные решения конференции были в нашу пользу». Западные державы, добавил он, подтвердили, что Балканы останутся в зоне влияния СССР (120).

Удар молнии

6 августа 1945 г. американская атомная бомба уничтожила Хиросиму; через три дня другая бомба испепелила Нагасаки. Ведущий советский физик-ядерщик Юлий Харитон вспоминал, что в Москве эти шаги расценили как «атомный шантаж против СССР, угрозу новой, еще более ужасной и разрушительной войны» (121). От послевоенной эйфории в советских верхах не осталось и следа. На ее место вновь пришла гнетущая неопределенность. Английский журналист Александр Верт вспоминал, как многие советские руководители говорили ему, что победа над Германией, давшаяся СССР с таким трудом, теперь, можно считать, «пошла прахом» (122).

20 августа 1945 г. для руководства атомным проектом кремлевский генералиссимус создал Специальный комитет с чрезвычайными полномочиями, заявив, что создание собственного атомного оружия — это дело, которое должна поднять вся партия. Это означало, что данный проект становится первоочередным для Советского Союза, и отвечать за его осуществление будет вся партийно-государственная номенклатура, как отвечала она в 1930-е гг. за коллективизацию и индустриализацию. Атомный проект стал первым проектом тотальной послевоенной мобилизации всех ресурсов страны. Советская атомная бомба создавалась в обстановке повышенной секретности, и проект этот оказался невероятно дорогостоящим. Руководителям военной промышленности, таким как Дмитрий Устинов, Вячеслав Малышев, Борис Ванников, Михаил Первухин и еще сотням других, пришлось вернуться к тому образу жизни, который они вели во время войны против Германии — без сна и отдыха. Многие участники проекта позже сравнивали свою работу с боями на фронтах Великой Отечественной войны. Как вспоминал один из очевидцев, «работы приняли грандиозный, сумасшедший размах». Вскоре были запущены еще два грандиозных оборонных проекта: по созданию ракетной техники и по строительству системы противовоздушной обороны (123).

Среди американских историков до сих пор ведутся споры о мотивах, побудивших Трумэна принять решение сбросить атомные бомбы на японские города. Ряд ученых считают, что Трумэн сделал это не столько для того, чтобы выиграть войну и сократить американские потери, сколько для того, чтобы поставить на место Советский Союз (124). Как бы там ни было, атомная бомбардировка произвела неизгладимое впечатление на советское руководство. Все тревожные сигналы, поступавшие до сих пор в Кремль, обрели теперь отчетливые контуры реальной угрозы. Соединенные Штаты все еще оставались союзником СССР, но кто мог гарантировать, что в ближайшем будущем они не станут опять его противником? Внезапный рассвет ядерной эры, наступивший в самый разгар советского триумфа, усугубил состояние неопределенности, царившее в умах советских людей. Власть Сталина покоилась на революционных мифах и страхе Большого террора, но также и на мистическом авторитете, который он один умел внушить советским бюрократам, военным и миллионам простых советских людей. Только Сталин мог защитить страну от новой угрозы извне. Хиросима заставила советских руководителей сомкнуть ряды вокруг вождя, пытаясь скрыть за фасадом показной бравады тревогу о будущем (125).

Правящая верхушка также надеялась, что под руководством Сталина Советский Союз не упустит плоды своей великой победы и сможет построить завоеванную жизнями миллионов «социалистическую империю». Что касается простых советских людей, обескровленных многолетней бойней и измученных тяготами послевоенной мирной жизни, то им оставалось лишь верить в безграничную мудрость кремлевского вождя и молитвенно заклинять: «Лишь бы не было войны».

Глава 2

СТАЛИН НА ПУТИ К ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ, 1945–1948

Я считаю верхом наглости англичан и американцев, считающих себя нашими союзниками, то, что они не захотели заслушать нас как следует... Это говорит о том, что у них отсутствует элементарное чувство уважения к своему союзнику.

Сталин — Молотову, сентябрь 1945

Не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду.
Ох, и будет! Если вообще что-нибудь уцелеет.
Наш престиж падает, жутко просто.
За Советским Союзом никто не пойдет.

Из беседы советских генералов

В. Гордова и Ф. Рыбальченко,

Москва, декабрь 1946

18 июня 1946 г. корреспондент Си-би-эс Ричард Хоттлет брал интервью у Максима Литвинова на его московской квартире. Американец был поражен кровотечениями старого большевика, бывшего наркома иностранных дел СССР. Хоттлет тщательно записал все, что он услышал, и вскоре эти записи через посольство США были доставлены в Вашингтон, где с ними ознакомился Трумэн и высшие чиновники Госдепартамента. Кремлевское руководство, по словам Литвинова, приняло на вооружение отжившую концепцию безопасности — за счет расширения контролируемой территории. Бывший нарком опасался, что эта концепция приведет СССР к столкновению с западными державами, к вооруженному противостоянию на грани войны (1).

Решения Ялтинской и Потсдамской конференций Большой тройки не только узаконили границы советской сферы влияния в Восточной Европе и советское военное присутствие в Германии, но и придали законную силу советской экспансии на Дальнем Востоке, в Маньчжурии. Несмотря на растущее напряжение между западными державами и Советским Союзом, формат переговоров Большой

тройки осенью 1945 г. еще оставлял руководству Кремля некоторые надежды, к примеру, на возможность получения репараций из западных зон Германии, на американские займы и расширение торговых отношений. Однако одновременно с продолжением переговоров с союзниками Сталин пошел на ряд шагов по расширению советской империи, которые были не только не согласованы с союзниками, но и испытывали на прочность терпение западных держав. Пессимизм Литвинова, понимавшего смысл этих шагов, был оправдан: поведение Кремля производило горячее для будущей холодной войны. Но почему Сталин остановил свой выбор на «отжившей концепции безопасности»? Какими расчетами и мотивами он руководствовался? В какой мере выбор Сталина был предопределен характером и состоянием советского режима?

Против «атомной дипломатии» США

Бомбардировка Хиросимы и Нагасаки нарушила расчеты Сталина. Стало ясно, что США могут достичь победы над Японией без полномасштабного вторжения на ее территорию. Опасаясь, что Япония может капитулировать до того, как СССР вступит в войну, Сталин отдал приказ советской армии вторгнуться в Маньчжурию на несколько дней раньше назначенного срока. Но именно это вторжение привело к тому, что война на Тихом океане закончилась еще скорее, чем хотелось бы кремлевскому вождю. Император Японии, опасаясь советского вторжения, поспешил принять американские условия капитуляции (2). В большой спешке советские войска заняли всю Курильскую гряду, включая «спорные» и по сей день Кунашир и Итуруп. 19 августа, уже после объявления о японской капитуляции, Сталин еще планировал высадку советских войск на Хоккайдо. В письме к Трумэну он требовал согласия США на советскую оккупацию всей гряды Курильских островов. Более того, Сталин просил «включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо». Ссылаясь на историю японской оккупации Дальнего Востока в 1919–1921 гг., он писал Трумэну: «Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории». Трумэн признал за Советским Союзом право на Курилы, но решительно отказал Сталину в оккупации Японии. 22 августа Кремль отдал приказ отменить высадку на Хоккайдо. Американские войска оккупировали всю Японию, и генерал Дуглас Макартур фактически стал ее единоличным правителем. Принимать в расчет интересы советских союзников он не собирался (3).

На Дальнем Востоке, как и в Европе, обнажились разногласия между СССР и США по поводу устройства послевоенного мира. Вслед за Трумэном и Макартуром американский Госдепартамент начал проявлять большую жесткость в отношении Москвы. Американские представители в Румынии и Болгарии получили указания от госсекретаря США Джеймса Бирнса, предписывающие им совместно с англичанами оказывать поддержку оппозиционным силам и протестовать против грубых нарушений «Декларации об освобожденной Европе» со стороны СССР. 20–21 августа американские и британские дипломаты поставили в известность короля Румынии, регента Болгарии и советских членов союзных контрольных комиссий в этих странах о том, что они не намерены признавать новые просоветские правительства в Бухаресте и Софии до тех пор, пока туда не войдут кандидаты от оппозиции. Это был первый случай, когда США и Великобритания выступили единым фронтом, настаивая на буквальном исполнении положений Декларации о совместных действиях трех союзных правительств в оккупированных странах. Получалось, что западные державы отнюдь не даровали в Потсдаме Советскому Союзу свободу действий на Балканском полуострове. На территориях, занятых советскими войсками, такое развитие событий возродило надежды на помощь Запада и усложнило реализацию советских планов в Восточной Европе и на Балканах. От Латвии до Болгарии поползли слухи о том, что неизбежна война между США и СССР, что американцы сбросят на Сталина атомную бомбу и заставят его убраться из оккупированных европейских стран. Министр иностранных дел Болгарии, к большому неудовольствию коммунистов, объявил о том, что выборы в этой стране будут отложены до тех пор, пока не будут созданы условия для наблюдения за ними Союзной контрольной комиссии, состоящей из представителей всех трех великих держав. «Возмутительно! Капитулянтское поведение», — записал в своем дневнике Георгий Димитров. Советские источники в Софии сообщали Москве о сильном и скоординированном давлении со стороны англичан и американцев (4).

Озабоченность советских властей усиливало то обстоятельство, что Бирнс и британский министр иностранных дел Эрнст Бевин теперь действовали заодно, точно так же, как весной 1945 г. Трумэн и Черчилль выступили по польскому вопросу. Сталин немедленно дал указание генералу Сергею Бирюзову, начальнику советских вооруженных сил в Болгарии: «Никаких уступок [западному давлению]. Никаких изменений в составе правительства». Вызванным срочно в Москву Димитрову, Коларову и Трайчо Костову Сталин выговаривал: «Вы перетрусили... перепугались и смутились. Никто не требовал от вас изменения состава правительства. Отсрочили

выборы, ну и поставьте точку на этом». Вождь требовал от болгар поддерживать «нормальные отношения с Англией и Америкой» и стараться организовать карманную оппозицию, чтобы не было придинок Запада. Сталин с презрением отзывался о правительстве лейбористов: «Бевин напоминает мне Носке, такой же мясник, грубый, самоуверенный, малокультурный. А Эттли не имеет никаких особых качеств вождя. Дураки получили власть в большой стране и не знают, что делать с ней. Они эмпирики... своего плана по внешней политике не имеют» (5).

Тем не менее в глазах Сталина события на Балканах, а также в Японии могли, в случае советских уступок, стать началом политического контрнаступления Запада, особенно учитывая изменение мирового соотношения сил после Хиросимы. Многие из тех, кто входил в ближайшее окружение Сталина, а также представители военных и научных кругов думали примерно так же. Это ощущение сходно с теми выводами, к которым много лет спустя пришли американские историки, в том числе Гар Альперовиц: американская дипломатия после Хиросимы приняла характер «атомной дипломатии» — США использовали монополию на атомное оружие как веский аргумент давления на СССР (6).

11 сентября в Лондоне открылась первая конференция министров иностранных дел держав-победительниц. Эта встреча стала, по выражению русского историка Владимира Печатнова, «первой серьезной пробой сил» в послевоенной дипломатической игре внутри Большой тройки. Сталин неотступно следил за ходом переговоров, находясь на отдыхе, на правительственной даче на Черном море. Он дал указание Молотову отстаивать Ялтинские соглашения, которые, по его мнению, закрепили принципы взаимного невмешательства великих держав в сферы влияния друг друга. Ожидая, что англо-американцы будут требовать уступок в отношении Румынии и Болгарии, Сталин писал Молотову шифротелеграммой: «Румыны чувствуют себя хорошо, будут держаться крепко и по всем данным махинации союзников будут разбиты. Необходимо, чтобы ты также держался крепко и никаких уступок союзникам насчет Румынии не делал». Вождь указывал Молотову на прецедент с оккупацией Италии, где западные союзники действовали без консультаций с Советским Союзом. Если западные державы будут упорствовать по Балканам, то Москва не подпишет мирный договор с Италией. Сталин рассуждал: «Может получиться то, что союзники могут заключить мирный договор с Италией и без нас. Ну, что же? Тогда у нас будет прецедент. Мы будем иметь возможность, в свою очередь, заключить мирный договор с нашими сателлитами без союзников. Если такой поворот дела приведет к тому, что данная сессия Совета министров окажется без

совместных решений по главным вопросам, нам не следует опасаться и такого исхода» (7).

В первые же дни конференции Бирнс предложил пригласить Францию и Китай для обсуждения мирных договоров со странами — сателлитами Германии — Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией. Молотов дал на это свое согласие, не запросив мнения Сталина. Он не придавал значения этому предложению, полагая, что американцы просто хотят повысить роль постоянных членов Совета Безопасности ООН в мирных переговорах. Однако Сталин рассматривал любое начинание западных политиков как часть их крупного замысла, направленного на подрыв концепции особых сфер влияния — концепции, которая была легализована, по его мнению, Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями. Промашка Молотова привела его в ярость. Он приказал своему недалёковидному наркому отозвать свое согласие на участие Китая и Франции в обсуждении договоров. Молотов признал, что совершил «крупное упущение», и немедленно выполнил сталинский приказ. Тем не менее, начиная с этого эпизода, Сталин утратил прежнее доверие к своему министру. Ему стало казаться, что Молотов расслабился, утратил прежнюю закалку. В результате конференция застряла на обсуждении процедурного вопроса (8).

Бирнс, даже если у него и было намерение сыграть в Лондоне в «атомную дипломатию», вовсе не желал стать в глазах общественности виновником срыва совещания. Надежды на послевоенное сотрудничество великих держав были тогда велики и в США. 20 сентября американский госсекретарь предпринял попытку спасти конференцию, предложив Молотову заключить договор между США и СССР о демилитаризации Германии на срок от двадцати до двадцати пяти лет. В своем послании Сталину Молотов рекомендовал принять предложение Бирнса, «если американцы более или менее пойдут нам навстречу по балканским странам». Однако Сталин не собирался выводить советские войска из Германии и не верил в обещания американцев (9). Кремлевский правитель объяснил Молотову, что предложение Бирнса преследует четыре цели: «Первое — отвлечь наше внимание от Дальнего Востока, где Америка ведет себя как завтрашний друг Японии, и тем самым создать впечатление, что на Дальнем Востоке все благополучно; второе — получить от СССР формальное согласие на то, чтобы США играли в делах Европы такую же роль, как СССР, с тем чтобы потом в блоке с Англией США взять в свои руки судьбу Европы; третье — обесценить пакты о союзе, которые уже заключены СССР с европейскими государствами; четвертое — сделать беспредметными всякие будущие пакты СССР о союзе с Румынией, Финляндией и т. д.» (10).

Сталинские разъяснения прекрасно отражают суть его мышления. Ощущение вечной угрозы и происков врагов соседствует здесь с расчетом на советскую гегемонию в Европе после ухода оттуда американских войск. В ответ на предложение Бирнса по Германии Сталин велел Молотову предложить американцам рассмотреть вопрос о создании Союзной контрольной комиссии по Японии, наподобие той, что была учреждена в Германии. Монопольная оккупация Японии американцами представляла в глазах Сталина не меньшую угрозу интересам СССР, чем американская атомная монополия. Бирнс, поддержанный Бевиним, отказался даже обсуждать встречное предложение СССР. Сталин был взбешен. В телеграмме Молотову он писал: «Я считаю верхом наглости англичан и американцев, считающих себя нашими союзниками, то, что они не захотели заслушать нас как следует по вопросу о Контрольном совете в Японии. Один из союзников — СССР заявляет, что он недоволен положением в Японии, а люди, называющие себя нашими союзниками, отказываются обсудить наше заявление. Это говорит о том, что у них отсутствует элементарное чувство уважения к своему союзнику» (11).

Сталин был все еще заинтересован в сотрудничестве с США и старался избегать каких-либо знаков неуважения к Трумэну (12). Эта сдержанность, однако, не распространялась на Бирнса, который и был, по мнению Сталина, творцом «атомной дипломатии». 27 сентября Сталин дал указание Молотову демонстрировать «полную непреклонность» и не думать ни о каких уступках Соединенным Штатам, пока американцы не согласятся вернуться к формату Большой тройки. Он писал Молотову: «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю и заставить пойти на уступки». Вождь резюмировал: «Возможно и то, что совещание Совета кончится ничем, короче говоря — провалом. Нам и здесь нечего горевать. Провал конференции будет означать провал Бирнса, по поводу чего нам горевать не приходится» (13). Молотов все еще сохранял надежду, что после нескольких дней жесткого торга американцы предложат компромиссные решения, которые всех устроят (14). Однако Сталин не хотел компромиссов. Его тактика заключалась в том, чтобы блокировать конференцию. В результате международный форум завершился 2 октября, так и не выйдя из тупика.

Первоначально тактика Сталина принесла ему желаемый результат. Бирнс был действительно огорчен тем, что его международный дебют закончился провалом и ему не удалось достичь соглашения с СССР. Его решимости противостоять советским проискам в Центральной Европе заметно поубавилось. Бирнс поручил американскому послу в Москве Авереллу Гарриману лично встретиться со Сталиным и найти выход из создавшегося тупика. Соратники Сталина

в Кремле считали, что Гарриман должен подождать до возвращения вождя с отдыха, но сам Сталин понял, что американцы пошли на попятную. 24–25 октября вождь любезно принял Гарримана на своей черноморской даче в Гагре. Во время этой встречи Гарриман заметил, что Сталин «все еще раздражен тем, что мы отказались дать разрешение на высадку советских войск на Хоккайдо». Советский руководитель пожаловался на то, что генерал Дуглас Макартур самостоятельно принимает решения, не считая нужным оповещать о них Москву. Он заявил, что Советский Союз не согласен играть роль «американского сателлита на Тихом океане». Видимо, размышлял вслух Сталин, Советскому Союзу следует устраниваться и предоставить возможность американцам делать то, что они хотят. Лично он, Сталин, никогда не одобрял политику изоляционизма, но, «видимо, теперь Советскому Союзу следует следовать этим курсом» (15).

Вернувшись в Москву, Гарриман сообщал в Вашингтон, что Сталин «к любым нашим действиям относится с крайней подозрительностью». Вместе с тем американский посол еще не считал Восточную Европу потерянной для США. По его мнению, этот регион еще можно было сохранить открытым для американских торгово-экономических интересов и культурного влияния (16). Гарриман не осознавал, что для Сталина этот вопрос был уже решен — англосаксам не место ни в Восточной Европе, ни на Балканах. 14 ноября, принимая польских коммунистов на той же даче в Гагре, Сталин сказал, что они должны «отвергнуть политику открытых дверей», которую навязывают им американцы. Он предупредил своих гостей о том, что англо-американцы стремятся «оторвать от СССР его союзников — Польшу, Румынию, Югославию и Болгарию» (17).

Хоть Сталин и решил закрыть Восточную Европу для западного влияния, это вовсе не означало, что он отказался от дипломатической игры с западными державами, в особенности с США. Бирнс вдруг стал для него излюбленным партнером. Решающим фактором в смене сталинского отношения к Бирнсу было то, что госсекретарь уступил требованию Советского Союза исключить Францию и Китай из процесса обсуждения условий мирных договоров в Европе. В своей телеграмме от 9 декабря, отправленной с Черноморского побережья в Кремль «квартету» из членов Политбюро, отвечающих за внешнюю политику (Молотов, Берия, Маленков и Микоян), Сталин писал: «Мы выиграли борьбу по вопросам, обсуждавшимся в Лондоне, благодаря нашей стойкости», заставив Соединенные Штаты и Великобританию отступить по вопросу об ООН и на Балканах. На этот раз он лишь пожурил Молотова за то, что тот поддался давлению и угрозам со стороны Соединенных Штатов. «Очевидно, что, имея дело с такими партнерами, как США и Англия, мы не можем добиться

чего-либо серьезного, если начнем поддаваться запугиваниям, если проявим колебания. Чтобы добиться чего-либо от таких партнеров, нужно вооружиться политикой стойкости и выдержки» (18). Вождь продемонстрировал своему ближнему окружению, что и после войны оно нуждается в его повседневном контроле и жестком руководстве.

В декабре Бирнс приехал на встречу министров иностранных дел Большой тройки в Москву, и Сталин принял его как почетного гостя. Правда, американцы так и не пошли навстречу советским требованиям о создании Союзной контрольной комиссии в Японии, однако Сталин, видимо, надеялся, что в сотрудничестве с Бирнсом советская дипломатия сможет добиться благоприятных результатов в вопросе о германских репарациях, а также в обсуждении мирных договоров с Германией и ее бывшими сателлитами. Бирнс не пытался разыгрывать атомную карту, не действовал в тандеме с англичанами и даже не поднял скользкую тему о советских действиях по расколу Ирана, которые уже тогда были предметом озабоченности в Лондоне и Вашингтоне. В общем, обе стороны вели переговоры в духе взаимных уступок и компромиссов, где Сталин был часто в выигрыше, и еще раз закрепили договоренности о разделении сфер влияния в мире (19).

Кроме того, Бирнс согласился признать правительства Болгарии и Румынии, образованные под сильным советским давлением. Советская сторона лишь должна была внести косметические изменения в составе этих правительств и заверить, что будет уважать политические свободы и права оппозиции. Сталин тут же вызвал к себе из Софии Георгия Димитрова, направленного туда в качестве «руки Москвы», и велел ему подобрать «пару представителей из оппозиции» и дать им «незначительные портфели» в правительстве Болгарии. Болгарские оппозиционеры пришли в отчаяние. Но Бирнс был доволен, а Гарриман отмечал, что с преодолением балканского кризиса «русских как будто подменили и в дальнейшем не составляло труда работать с ними по многим другим мировым проблемам» (20).

Сталинская политика «увязки» между вопросом о Балканах и остальными договоренностями великих держав сработала вполне успешно. 7 января 1946 г. Сталин поделился своим победным настроением с руководителями болгарской компартии: «Ваша оппозиция может убираться к черту. Она бойкотировала эти выборы. Три великие державы признали эти выборы. Разве это не ясно из решений Московского совещания о Болгарии?» «Наглеца» Николу Петкова, лидера болгарской оппозиции, как считал Сталин, «надо поставить на место так, как поставили румынского короля». И пусть ответственность за это падает на СССР. «Вас могут обвинить в срыве Московских решений, а нас не могут, не посмеют. Главное в том, чтобы разложить оппозицию» (21). Сталинские методы ведения дел на

Балканах не изменились и после того, как 5 марта 1946 г. Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне, штат Миссури, в которой он предостерег Соединенные Штаты о том, что вся Восточная Европа теперь оказалась за железным занавесом и под усиливающимся господством Москвы. Призыв Черчилля создать американо-британский союз для сдерживания СССР вселил нерешительность в руководителей компартий восточноевропейских стран, в том числе болгарских коммунистов. Сталин, зная об их сомнениях, продолжал оказывать на них давление. Он упрекнул Димитрова в излишней осторожности и приказал ему немедленно покончить с болгарской оппозицией (22).

С другими европейскими странами в советской зоне влияния Сталин вел себя деликатнее. Финляндии, несмотря на опасное соседство и общие границы с СССР, удалось избежать советизации. На встрече с финской делегацией в октябре 1945 г. Сталин назвал политику СССР по отношению к Финляндии «великодушием по расчету». Он сказал: «Если мы будем обращаться с соседями хорошо, они ответят нам тем же». Расчетливое «великодушие» в отношении финнов, однако, имело четкие пределы: сталинский подручный Андрей Жданов, назначенный главой Союзной контрольной комиссии по Финляндии, следил, чтобы эта страна заплатила СССР наложенные на нее военные репарации, в основном лесом и другим сырьем, до последней тонны (23). С тем же «расчетом» Сталин делал вид, что Советский Союз учитывает обеспокоенность Великобритании и США ростом давления на оппозиционные группы в Польше. В мае 1946 г. Сталин советовал польским коммунистам и представителям других просоветских партий, приехавшим на консультацию в Москву, действовать аккуратнее, не нарушая Ялтинских и Потсдамских соглашений. Он велел им не трогать лидера польской Крестьянской партии Станислава Миколайчика, хотя сам и считал, что тот делает «то, что ему прикажет английское правительство, волю которого он выполняет». Но когда поляки упомянули о том, что фултонская речь Черчилля вдохновила оппозицию, которая теперь ждет, что западные державы придут их «освобождать», Сталин заявил, что Соединенные Штаты и Великобритания не готовы к разрыву с СССР. «Они пугают и будут пугать, но если не дать запугать себя, то пошумят, пошумят и успокоятся». В заключение он заверил польских лидеров, опасавшихся, что Запад не признает новых границ Польши с Германией: «Англичане и американцы не смогут нарушить решение о западных землях Польши, поскольку с этим не согласится Советский Союз. Должно быть единство трех великих держав» (24).

Сталинское противостояние американской «атомной дипломатии» не ограничивалось Центральной Европой — оно распространи-

лось и на Дальний Восток. В октябре Кремль повел жесткую линию в отношениях с Гоминьданом и начал посылать обнадеживающие сигналы китайским коммунистам в Янани и Маньчжурии, готовым к борьбе против «буржуазного» национального правительства. Китайские историки связывают эту перемену в поведении кремлевского руководства с отказом Соединенных Штатов признать роль Советского Союза в делах Японии во время конференции министров иностранных дел в Лондоне (25). Однако не только «атомная дипломатия» Бирнса подвигла Сталина на подобные шаги. В конце сентября Сталину доложили о том, что в Маньчжурии для оказания помощи Гоминьдану высаживаются американские морские пехотинцы (26). По всей видимости, вождь увидел в этом угрозу изменения баланса сил в Восточной Азии в пользу американцев, что в дальнейшем грозило советским планам в Маньчжурии. Советские власти усилили помощь КПК в формировании и вооружении Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в Маньчжурии. Сталин рассчитывал, что усиление китайских коммунистов в Маньчжурии станет хорошим противовесом американскому влиянию на Гоминьдан. В то же время советский вождь знал, что согласно международным договоренностям советским войскам вскоре придется оставить Маньчжурию. По этой причине советские войска ускоренными темпами демонтировали и увозили из этого региона большое количество построенных здесь Японией промышленных предприятий.

В конце ноября Трумэн направил прославленного военачальника, генерала Джорджа Маршалла, с дипломатической миссией в Китай, чтобы разведать обстановку. Прибытие американского генерала в Китай совпало по времени с отказом Сталина от «политики непреклонности». Советские представители в Маньчжурии возобновили сотрудничество с местным руководством Гоминьдана и запретили китайским коммунистам захватывать крупные города. На Дальнем Востоке, как и в Европе, Сталин давал понять американцам, что он готов, как и прежде, сотрудничать в духе Ялты.

Глава Китайской Республики Чан Кайши отлично понимал, что в руках Сталина остаются большие рычаги в борьбе за Северный Китай, включая Монголию, сепаратистов в Синцзяне и, главное, китайских коммунистов. В декабре 1945 — январе 1946 г. Чан Кайши вновь попытался найти взаимопонимание с кремлевским правителем. На этот раз он послал на переговоры в Москву не проамерикански настроенного Сун Цзывэня, а своего собственного сына, Цзян Цзинго, который провел юность в Советском Союзе и даже вступил в свое время в ВКП(б) (27). Несмотря на эти биографические детали, Москва встретила Цзяна с недоверием. Заместитель наркома иностранных дел Соломон Лозовский в своей докладной

записке руководству писал, что Чан Кайши «пытается маневрировать между США и СССР». Это противоречило советским замыслам не допустить американского экономического и политического присутствия в Маньчжурии, вблизи советских границ. Лозовский резюмировал: «Если до войны хозяевами Китая были англичане и частично японцы, то сейчас хозяином в Китае будут Соединенные Штаты Америки. Соединенные Штаты претендуют на проникновение в Северный Китай и в Маньчжурию... Мы избавились от японского соседа на нашей границе, и мы не должны допустить, чтобы Маньчжурия стала ареной экономического и политического влияния другой великой державы». Сам Сталин не смог бы выразиться яснее. Лозовский предлагал решительные меры для сохранения советского экономического контроля над Маньчжурией (28).

15 декабря Трумэн, посоветовавшись с Маршаллом, объявил, что Соединенные Штаты воздержатся от вмешательства в ход гражданской войны в Китае. Известие об этом было на руку Кремлю, так как ослабило позиции Чан Кайши как раз накануне переговоров в Москве. Цзян Цзинго конфиденциально сообщил Сталину о том, что национальное правительство Китая готово пойти на «очень тесное» сотрудничество с СССР в обмен на помощь Кремля в восстановлении власти Гоминьдана на территории Маньчжурии и Синьцзяна. Кроме того, Чан Кайши соглашался на демилитаризацию советско-китайской границы и гарантировал СССР «ведущую роль в экономике Маньчжурии». Однако при этом Чан Кайши настаивал на том, что «политика открытых дверей», т. е. присутствие американцев в Северном Китае, должна продолжаться, и дал понять Сталину, что не готов ориентироваться исключительно на Советский Союз (29).

Сталин предложил заключить соглашение об экономическом сотрудничестве на северо-востоке Китая, которое бы исключало американское присутствие. Но вождь вряд ли верил в то, что Гоминьдан пойдет на это. Целью Сталина был полный контроль над Маньчжурией. После неизбежного вывода советских войск легче всего его можно было установить, поддерживая вооруженные силы КПК в качестве противовеса национальному правительству Гоминьдана и американцам. По этой причине Сталин решительно отклонил просьбу Чан Кайши воздействовать на Мао Цзэдуна, заявив, что не может давать советов китайским коммунистам. Одновременно он рекомендовал китайским коммунистам до поры до времени вести себя сдержаннее и дислоцировать свои силы лишь в сельской местности и небольших городках Маньчжурии (30).

Сведения о возможном советско-китайском сближении, направленном против интересов США, дошли до Вашингтона, и американцы отреагировали жестко. В феврале 1946 г. правительство США выну-

дило Чан Кайши прервать двусторонние экономические переговоры с Москвой. Кроме того, они предприняли попытку дискредитировать китайско-советский Договор о дружбе и союзе, опубликовав секретные договоренности по Китаю, достигнутые Рузвельтом и Сталиным накануне Ялты. В ответ на это советские представители демонстративно отвергли «политику открытых дверей» на северо-востоке Китая. И хотя Москва объявила о полном выводе советских войск из Маньчжурии, Народно-освободительной армии Китая был дан сигнал занять основные города этого региона своими силами (31).

Борьба за Северный Китай после окончания Второй мировой войны, казалось бы, началась для Сталина успешно. Но попытка закрепить достигнутое обернулась для Москвы непоправимым сбоем в сотрудничестве между великими державами на Дальнем Востоке. Сталин стремился затянуть сроки вывода войск из Маньчжурии, вынудить Гоминьдан к экономическим уступкам СССР, а также препятствовать «политике открытых дверей» в этом регионе. Частично это ему удалось, но ценой передачи инициативы китайским коммунистам (32). Несмотря на все интриги, Сталин так и не смог превратить Маньчжурию исключительно в зону советского влияния. В конце концов ему пришлось уступить эту территорию НОАК в обмен на обещания Мао Цзэдуна начать стратегическое партнерство с Советским Союзом.

Попытки экспансии на южных рубежах

Три месяца, с мая по начало августа 1945 г., были временем, когда перед Советским Союзом, казалось, открывались глобальные перспективы. Ощущение невиданных горизонтов было столь сильно, что даже атомная бомбардировка Хиросимы не заставила советского вождя отказаться от своих далеко идущих планов. Сталин создавал буферную зону безопасности в Центральной Европе и на Дальнем Востоке, а также предпринял попытки экспансии в Турции и Иране.

В течение столетий правители России мечтали получить контроль над турецкими проливами (Босфор и Дарданеллы), соединяющими Черное и Средиземное моря. В 1915 г., в разгар Первой мировой войны, в которой Турция выступала на стороне Германии и Австро-Венгрии, Великобритания и Франция пообещали поддержать стремление России закрепить за собой проливы и прибрежную зону Турции как территории, входящие в сферу российского влияния. Однако в ноябре 1917 г. случился большевистский переворот, и это секретное соглашение утратило силу. В ноябре 1940 г., во время советско-германских переговоров в Берлине, Молотов по указанию Сталина настаивал, чтобы Болгария, турецкие проливы и весь регион

Черного моря вошли в советскую сферу влияния. В ходе переговоров уже со своими западными партнерами по антигитлеровской коалиции Сталин вновь настойчиво выдвигал вопрос о проливах. Он настаивал на пересмотре Конвенции 1936 г. о статусе проливов, подписанной в Монтрё, согласно которой Турции позволялось возводить оборонные сооружения на проливах и во время войны закрывать их для судов всех воюющих иностранных государств (33). Сталин считал, что советский военно-морской флот должен иметь право выхода в Средиземное море в любое время, независимо от желания турецких властей. На Тегеранской конференции в 1943 г. Черчилль и Рузвельт согласились с необходимостью пересмотра некоторых положений Конвенции Монтрё, а в октябре 1944 г., во время секретных переговоров со Сталиным в Москве, Черчилль на словах согласился поддерживать советские запросы (34).

В 1944–1945 гг. советские дипломаты, а также сотрудничавшие с НКВД ученые — историки и специалисты по международному праву — сошлись в едином мнении: настал уникальный момент, когда можно поднять «вопрос о проливах» и решить его раз и навсегда в пользу СССР. В ноябре 1944 г. Литвинов писал Сталину и Молотову о том, что надо уговорить Великобританию включить проливы в зону «ответственности» Советского Союза. Другой специалист из Комиссариата иностранных дел предположил, что лучший способ гарантировать интересы безопасности советского государства — это заключить «двустороннее советско-турецкое соглашение о совместном контроле над проливами» (35). Эти предложения, несомненно, учитывали настроения наверху: в Кремле также полагали, что после впечатляющих побед советской армии Великобритания и США не смогут не признать преобладающее влияние СССР в Турции, хотя бы исходя из принципа «географической близости» (36).

Советская армия легко овладела Болгарией, и позже ходили слухи, что кое-кто из военачальников уговаривал Сталина вторгнуться на территорию Турции (37). Однако, наученная горьким опытом Первой мировой войны, Турция хранила строгий нейтралитет и не пропускала германский флот через проливы. Следовательно, предложения для оккупации не было, и советские войска не могли силой оружия поддерживать дипломатию Москвы. Тем не менее Сталин решил действовать в одностороннем порядке — без предварительных согласований с западными союзниками, в добрую волю которых он не верил. 7 июня 1945 г. Молотов по указанию Сталина встретился с послом Турции в Москве Селимом Сарпером. Он отверг предложение Турции подписать новый договор о дружбе с Советским Союзом. Вместо этого Молотов потребовал от Турции, в нарушение Конвенции Монтрё, договориться о режиме совместной защиты проливов в

мирное время. Советский Союз требовал предоставить ему право на строительство совместно с турками военных баз в проливах Босфор и Дарданеллы. Кроме того, Молотов, к удивлению и возмущению турецкой стороны, стал настаивать на возвращении Советскому Союзу «спорных» территорий восточных вилайетов, которые Советская Россия уступила Турции по условиям договора 1921 г. (38).

Недавно открывшиеся документы свидетельствуют: Сталин рассчитывал внезапным натиском сломить турок, лишив их возможности маневрировать между Британской империей и Советским Союзом. Получение контроля над черноморскими проливами являлось первоочередной геополитической задачей для СССР, который в этом случае превращался в средиземноморскую державу. Территориальные претензии являлись второй по значению задачей, подчиненной решению первой.

Для того чтобы присоединить к СССР области Восточной Турции в районе Артвина, Карса и озера Ван, Сталин рассчитывал на «армянскую карту». В этих областях во времена Османской империи проживало свыше миллиона армян, которые в 1915 г. подверглись жестокому избиению и насильственной депортации. Согласно Севрскому мирному договору, составленному в августе 1920 г., эти области должны были стать территорией суверенного «Армянского государства». Однако армяне, выступавшие в союзе с греками, не смогли противостоять турецкой армии, во главе которой стоял Мустафа Кемаль (Ататюрк). Большевистское правительство под руководством Ленина (куда, кстати, входил и Сталин) заключило союз с кемалистской Турцией и в советско-турецком договоре 1921 г. отказалось от «армянских» областей. Весной 1945 г. армяне всего мира связывали свои надежды на «восстановление исторической справедливости» согласно Севрскому договору. Организации армянской диаспоры, включая богатейшую из них, проживавшую в США, обращались к Сталину с коллективными прошениями организовать массовое возвращение армян в Советскую Армению — в надежде на то, что через некоторое время они смогут с помощью СССР вернуться на исторические земли, отторгнутые Турцией. В мае Сталин поручил руководству Советской Армении изучить возможности для массовой репатриации армян. По его расчетам, эта репатриация могла поколебать решимость западных держав защищать Турцию — советские требования получали благопристойное историческое и «гуманитарное» прикрытие (39).

Правительство Турции заявило Москве, что оно готово заключить двустороннее соглашение, однако отвергло территориальные претензии Советского Союза, как и требование о «совместной» защите черноморских проливов. Тем не менее Сталин, как вспоминал

позднее Молотов, приказал ему продолжать давить на турок (40). Накануне Ялтинской конференции Сталин заявил одному из руководителей болгарских коммунистов, Василию Коларову, что «для Турции нет места на Балканах» (41). Вероятно, кремлевский руководитель ожидал, что американцы, все еще заинтересованные в участии СССР в военных действиях на Тихом океане, будут сохранять нейтралитет по турецкому вопросу. В Потсдаме представители Великобритании и Соединенных Штатов подтвердили свое безусловное согласие внести изменения в Конвенцию о контроле над проливами. Но Трумэн неожиданно выступил с контрпредложением открыть свободное и неограниченное судоходство по международным и внутренним водным путям, включая Дунай, и возражал против строительства каких-либо укреплений в зоне турецких проливов. Несмотря на это, советское руководство оценило результаты Потсдамской конференции положительно, в том числе и в отношении советских шансов на проливы. 30 августа, непосредственно перед встречей министров иностранных дел в Лондоне, Сталин сказал болгарским коммунистам, что проблема турецких баз на Дарданеллах «обязательно будет решена на этой конференции». Он добавил, что в противном случае Советский Союз поднимет вопрос о приобретении баз на Средиземном море (42).

В Лондоне Молотов представил союзникам проект предоставления Советскому Союзу мандата на управление Триполитанией (Ливией), бывшей итальянской колонией в Африке. Этот план был не просто тактической уловкой, как долгое время полагали западные историки. В нем отразились амбиции Сталина превратить Советский Союз в средиземноморскую державу. Из шифропереписки Сталина с Молотовым выясняется, что советское руководство было обнадежено устным обещанием, данным госсекретарем администрации Рузвельта Эдвардом Стеттиниусом еще в апреле 1945 г. на конференции в Сан-Франциско, поддержать советский мандат на одну из бывших итальянских колоний в Северной Африке. Времена, однако, изменились, и американцы приняли сторону Великобритании, выступавшей против советского военно-морского присутствия в Средиземном море. Узнав об этом, Сталин дал указание Молотову потребовать базу, по крайней мере для торгового флота. И снова — дружный отпор западных держав. В конечном счете американско-британское сопротивление помешало Советскому Союзу добиться столь желанного присутствия в Средиземноморье (43).

Турецкое правительство, ощутив поддержку западных держав, также проявляло неуступчивость. Кто знает, если бы Сталин в июне 1945 г. предложил турецкому правительству заключить двусторонний союз, гарантирующий безопасность и особые привилегии в про-

ливах, но без строительства баз, возможно, Турция и пошла бы на такое соглашение (44). Но угроза суверенитету и территориальные претензии со стороны СССР задели национальные чувства турок и вызвали у них реакцию, на которую совсем не рассчитывали в Кремле. После смерти Сталина Хрущев обнародовал его замыслы на пленуме ЦК: «Разбили немцев. Голова пошла кругом... Давай напишем ноту, и сразу Дарданеллы отдадут. Таких дураков нет. Дарданеллы — не Турция, там сидит узел государств. Нет, взяли, ноту специальную написали, что мы расторгаем договор о дружбе, и плюнули в морду туркам» (45). Эпизод с давлением на Турцию показал, что могущество Сталина имело свои пределы. Сталинское упование на силу, взявшее в этом случае верх над традиционной осмотрительностью вождя, вызвало сильное противодействие. Сталин не желал признавать поражения и не прекращал «войну нервов» против Турции, то усиливая нажим, то делая вид, что готов идти на уступки.

Новые документы, найденные азербайджанским историком Джамилем Гасанлы, дают представление о сталинской тактике и методах. В конце 1945 — начале 1946 г. Кремль использовал националистические настроения в Грузии и Армении в качестве орудия для политического нажима на Турцию (46). Националистические страсти в этих республиках особенно обострились к концу войны, и Сталин умело ими манипулировал. Архивные документы показывают, что уже в 1945 г. между армянскими и грузинскими коммунистами началась тайная борьба вокруг того, кому достанутся отнятые у турок земли. Активность армянской диаспоры по всему миру и видная роль Армении в планах Сталина обеспокоили грузинское руководство, которое вынашивало собственный «национальный проект» в отношении восточных турецких вилайетов. Хрущев утверждал в 1955 г., что Лаврентий Берия совместно с руководителями Грузии якобы уговаривал Сталина попробовать отобрать у Турции юго-восточную часть Черноморского побережья. В своих воспоминаниях об отце сын Берии также пишет об этом (правда, этому источнику вряд ли можно доверять) (47). В мае — июне 1945 г. грузинские дипломаты и историки получили в Москве задание «изучить вопрос» об исторических правах Грузии на турецкие земли в районе Трабзона (Трапезунта), населенные народностью лазы, которая предположительно имеет общие этнические корни с древними грузинами. Дэви Стуруа, сын председателя Верховного Совета Грузии, вспоминал много лет спустя, с каким нетерпением его семья и другие грузины предвкушали «освобождение» этих территорий. И если бы Сталину удалось захватить эти земли, он, по мнению Стуруа, «стал бы Богом в Грузии». В сентябре 1945 г. руководители Грузии и Армении представили в Кремль записки с обоснованием притязаний на одни и те же области

в Турции. Товарищи по партии, проповедующей интернационализм, не стеснялись в выражении откровенно националистических чувств как в отношении турок, так и в отношении друг друга (48).

2 декабря 1945 г. в советской прессе было опубликовано решение Совнаркома СССР о начале репатриации зарубежных армян в Советскую Армению. 20 декабря советские газеты напечатали статью двух авторитетных грузинских академиков-историков под названием «О наших законных претензиях к Турции». Эта статья (основанная на их собственных докладных записках, представленных ранее Молотову и Берии) содержала призыв к «мировой общественности» о помощи: вернуть грузинскому народу «земли предков», отнятые турками много лет назад. В это время на Южном Кавказе ходили упорные слухи, что Советский Союз готовится к войне с Турцией. В Болгарии и Грузии были замечены военные приготовления советских войск (49).

Слухи о готовящейся войне с Советским Союзом вызвали антисоветские настроения в Турции, вылившиеся в крупную антисоветскую и антирусскую демонстрацию в Стамбуле в начале декабря 1945 г. Докладывая об этих событиях в Москву, советский посол С. А. Виноградов предложил представить их Вашингтону и Лондону как свидетельство «фашистской опасности» в Турции. Он также намекал, что «антисоветская фашистская демонстрация в Турции» может стать хорошим предлогом для разрыва дипломатических отношений с Турцией и для «принятия мер по обеспечению безопасности», иными словами, для приготовлений к войне. 7 декабря Сталин прислал Виноградову грозную отповедь, напоминая, что не дело посла планировать советскую внешнюю политику. «Вы должны понимать, что мы не можем делать турецкому правительству каких-либо официальных представлений по поводу роста фашизма в Турции, так как это является внутренним делом турок». Предложение посла использовать ситуацию для наращивания войск вдоль советско-турецкой границы Сталин назвал «легкомысленным до мальчишества». Он писал: «Бряцание оружием может иметь провокационный характер... Нельзя терять головы и делать необдуманные предложения, которые могут привести к политическим осложнениям для нашего государства. Продумайте это и впредь будьте более рассудительными, к чему Вас обязывает Ваше ответственное положение и занимаемый Вами пост» (50).

Кремлевский вождь все еще надеялся, что ему удастся сломить растущее сопротивление западных держав и осуществить советские планы в отношении Турции. «Армянская карта» и письмо грузинских академиков были подготовлены ко времени проведения встречи министров иностранных дел стран Большой тройки в Москве

16–26 декабря 1945 г., чтобы повлиять на ход обсуждения этого вопроса. Сталину хотелось привлечь на свою сторону Бирнса, не спугнув его. Чутье кремлевского правителя подсказывало ему, что нужно на время оставить Турцию в покое и нацелиться на Иран, где шансы на успех советской экспансии казались в то время весьма высокими.

Сталинская политика в отношении Ирана явилась еще одной попыткой достичь стратегических целей с помощью активизации национально-освободительных устремлений среди местного населения. Еще до начала Второй мировой войны Иран стал втягиваться в орбиту нацистской Германии. В 1941 г., после нападения Гитлера на Советский Союз, советские войска вместе с британскими союзниками оккупировали Иран, который был поделен на советскую и британскую зону примерно так же, как в 1907 г. Персия была поделена между Британской и Российской империями. Согласно соглашениям, подписанным в Ялте и Потсдаме, после окончания войны Великобритания и СССР обязывались вывести все свои войска из Ирана в течение шести месяцев. Между тем в Политбюро было принято решение получить доступ к иранской нефти, а поскольку правительство в Тегеране не хотело предоставлять СССР нефтяные концессии, Сталин решил использовать население Южного Азербайджана (северо-западной части Ирана) для достижения этой цели. Первый секретарь компартии советской республики Азербайджан Мир-Джафар Багиров неоднократно призывал Сталина воспользоваться военной обстановкой и присутствием советских войск в Иране для «объединения» советских и иранских азербайджанцев. Американский историк Фернанде Шейд справедливо заключила, что в отношении Ирана Сталин решил использовать азербайджанский национализм в качестве козырной карты в «традиционной силовой игре, где он хотел сорвать максимальный куш, не рискуя разрушить отношений с западными союзниками» (51).

Иранская нефть, как и нефть вообще, чрезвычайно интересовала Сталина. Стремительный бросок механизированных частей гитлеровской армии по направлению к нефтеперегонным заводам и приискам в Грозном и Баку в 1942 г. еще раз показал вождю важность «борьбы за нефть» в обозримом будущем. Бывший нарком нефтяной промышленности Н. К. Байбаков вспоминал, как в 1944 г. Сталин неожиданно спросил его: «Товарищ Байбаков, вы думаете, союзники нас раздавят, если увидят такую возможность раздавить?» Сталин пояснил, что если западным державам удастся помешать СССР получить доступ к запасам нефти, то все советское вооружение, все танки и самолеты, окажется бесполезным. «Нефть — это душа военной техники». Байбаков вышел из кабинета Сталина «с беспокой-

ством в сердце: стране нужно много, очень много нефти, иначе нас они раздавят» (52).

Уже в 1943–1944 гг. Сталин занялся вопросами разработки нефтяных месторождений в Иране и разведки советских запасов нефти за Уралом, считая это важнейшей частью послевоенных экономических планов Советского Союза. Пока шла война и советские войска стояли в Иране, Кремль пытался узаконить свое право на добычу нефти в Северном Иране. Иранское правительство не испытывало симпатий к коммунистам, как и подавляющее большинство в меджлисе (парламенте) страны, склонявшееся в сторону британцев. Иранцы противились советским предложениям. 16 августа 1944 г. Берия доложил Сталину и Молотову о том, что «англичане, а возможно, и американцы ведут скрытую работу по противодействию передаче нефтяных месторождений Северного Ирана для эксплуатации Советским Союзом». В докладе подчеркивалось, что «США активно начали добиваться нефтяных контрактов для американских компаний в иранском Белуджистане», и в заключение делается вывод, что «успех нефтяной политики США на Ближнем Востоке начал ущемлять британские интересы и привел к обострению англо-американских противоречий». Берия советовал приложить усилия к заключению советско-иранского соглашения о нефтяных концессиях в Северном Иране и принять решение «об участии Советского Союза в англо-американских переговорах по нефти». Последнее предложение означало, что Советский Союз мог войти в «нефтяной клуб» трех великих держав в Иране (53).

Сталин оставил без внимания последнее предложение Берии, однако очень хорошо усвоил первое. В сентябре 1944 г. в Тегеран была направлена правительственная комиссия во главе с С. И. Кавтарадзе, заместителем Молотова и давним товарищем Сталина по партии, с поручением заключить соглашение о нефтяной концессии. Несмотря на сильное давление, премьер-министр Ирана Мухаммад Саид отказался вести переговоры с советской делегацией до окончания войны и полного вывода иностранных войск с иранской территории. В июне 1945 г. политика Советского Союза в отношении Ирана вступила в новую и более агрессивную фазу. Посоветовавшись с членами «тройки», состоявшей из Молотова, Кавтарадзе и Багирова, Сталин отдал приказ исследовать нефтяные месторождения на территории Северного Ирана (в Бендер-Шах и Шахи) с тем, чтобы в конце сентября начать бурильные работы (54).

Стратегические планы Сталина в Иране были связаны не только с видами на иранскую нефть: им также двигало желание держать западные державы подальше от советских границ — в особенности это касалось США. Джордж Кеннан, поверенный в делах США

в Москве, разгадал этот замысел. Английский консул в Мешхеде оказался столь же проникательным. В своих мемуарах он написал: «Прежде всего, именно действия [нефтяных компаний] “Стандард” и “Шелл” по закреплению за собой права на разведку нефти в Персии изменили поведение русских: вместо союзников в горячей войне они стали противниками в холодной войне» (55). Критерии безопасности для Сталина в Северном Иране были теми же, что в Синьцзяне и Маньчжурии: советский контроль над стратегическими коммуникациями и полный запрет на деятельность западных предпринимателей, и даже просто на присутствие иностранных подданных в районах вдоль советских границ.

Между поведением СССР в Маньчжурии и его действиями в Иране можно обнаружить и другие параллели. Пока советская армия находилась в Иране, она оставалась самым главным фактором влияния Сталина в этой стране. В самом Иране у Кремля также имелись союзники, что позволяло ему воздействовать на иранское правительство. Некоторой поддержкой среди интеллигенции левого толка, прежде всего среди антизападно настроенных иранских националистов, пользовалась Народная партия (Туде), организация марксистско-ленинского типа, созданная еще во времена Коминтерна. Тем не менее события 1944–1945 гг. доказали, что сил партии Туде недостаточно, чтобы можно было делать на них ставку. Сталин решил разыграть азербайджанскую национальную карту, создать в дополнение к советской армии и Туде еще одну управляемую силу — сепаратистское движение в Северном Иране. В этом случае Сталин смог бы шантажировать иранское правительство — точно так же, как он поступал с Гоминьданом, используя китайских коммунистов в Маньчжурии и синьцзянских сепаратистов (56).

6 июля 1945 г. Сталин одобрил секретное постановление «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана». Это постановление имело своей целью начало подготовительной работы по образованию в составе иранского государства национально-автономной азербайджанской области с широкими правами, поддержку сепаратистских движений в Гиляне, Мазандаране, Горгане и Хорасане, а также «помощь» автономистскому движению иранских курдов. Постановление предусматривало снабжение сепаратистов оружием, печатными станками и деньгами. Ответственными за руководство операцией назначались замнаркома обороны СССР и член ГКО Н. А. Булганин и первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана и Бакинского горкома партии М. Багиров. Повседневное практическое осуществление этого плана ложилось на плечи Багирова и группу советских советников в Тебризе и Тегеране, в основном этнических

азербайджанцев. Орудием советской политики среди иранских азербайджанцев должна была стать новая Азербайджанская демократическая партия (АДП), созданная на советские деньги и с помощью советников из Баку и политуправления советских войск в Северном Иране (57). В разговоре с глазу на глаз Сталин сообщил Багирову, что настало время для объединения советского и иранского Азербайджана. Багиров и партийные кадры Азербайджана с энтузиазмом взялись за выполнение поставленной задачи (58).

Даже британские и американские власти признавали, что для национально-освободительного восстания в Северном Иране горячего хватало: Советскому Союзу оставалось только чиркнуть спичкой (59). Лишь одно усложняло задачу Сталина: из-за внезапного окончания войны с Японией для проведения операции оставалось слишком мало времени. Как справедливо заметила исследовательница Л. Летранж-Фосет: «Вряд ли случайным стечением обстоятельств было то, что создание АДП почти в точности совпало по времени с окончанием войны с Японией, а значит, с началом шестимесячного периода», в течение которого Москва, Лондон и Вашингтон договорились полностью вывести свои войска из Ирана. В сентябре часы начали отсчет времени, оставшегося до окончания этого срока (60).

С конца сентября по декабрь 1945 г. при активном участии Багирова, советских военных и сотрудников НКВД были созданы новые властные структуры в иранском Азербайджане. Тегеранское правительство практически полностью утратило контроль над северо-западными провинциями, а его органы управления в этих провинциях были распущены. Игнорируя ветеранов Туде, которые с болью в сердце протестовали против расчленения Ирана, советские операторы в командном порядке «слили» местные органы Туде с новыми структурами АДП, подчинив их, таким образом, контролю из Баку. Руководство Туде, куда еще входили коминтерновские кадры революционного движения 1920-х гг., мечтало сделать Иран авангардом антиколониальной борьбы на Среднем Востоке и в Южной Азии. Сталин и Багиров, разумеется, не собирались считаться с этими утопическими желаниями. Советское посольство в Тегеране дало указание руководителям Туде воздерживаться от революционной деятельности в главных иранских городах. Москве не хотелось, чтобы у англичан и американцев появился удобный предлог поддержать иранское правительство против «коммунистической угрозы». Между тем пока иранские революционеры-националисты негодовали, азербайджанское население Северного Ирана, и прежде всего торговко-купеческие слои, восторженно отзывались на создание движения за азербайджанскую автономию. Казалось, розыгрыш национальной

карты вот-вот принесет политическую победу Москве и поставит Тегеран на колени (61).

В декабре 1945 г., накануне встречи Сталина с Бирнсом и Бевином в Москве, появилось официальное сообщение о создании в Иране двух автономий: Иранского Азербайджана и Республики Курдистан. Обе были немедленно признаны советскими оккупационными властями. Борьба за нефть и политическое влияние в Иране между СССР, Великобританией и США вступила в решающий этап. Сталин, как он часто делал, предпочитал не раскрывать перед западными партнерами все свои козыри сразу. Возможно, он ожидал, что англичане и американцы в конечном счете захотят решить будущее Ирана на трехсторонней конференции (62). Действительно, на встрече в Москве Бирнс не поддержал англичан, выступивших с протестами о подстрекательстве советскими властями сепаратизма в Иране. Госсекретарь США жаждал завоевать доверие Сталина и достичь с ним соглашения по главным вопросам (63).

В действиях Сталина угадывалась старая схема. Уже не первый раз советский лидер принимал сторону тех своих подчиненных, кто выражал экспансионистскую позицию, и весьма умело нагнетал шовинистические настроения среди советской правящей верхушки. Вождь действовал на том или ином участке международной арены напористо, но скрытно, прибегая к уловкам и никогда не показывая свои карты в игре. В Кремле пользовались тем, что в избранных для советской экспансии районах уже имеются революционные или национально-освободительные силы, однако для реализации собственных целей предпочитали, где только могли, создавать псевдодвижения сверху, под своим контролем. И хотя Сталин делал вид, что действует в рамках решений, согласованных с другими великими державами, он постоянно стремился размыть эти рамки и достичь своего, испытывая терпение и волю западных держав. Подобный образ действий позволил Сталину добиться впечатляющих тактических побед в Восточной Европе и на Дальнем Востоке. Однако кремлевский правитель не признавал, что каждая такая победа имеет свою цену и съедает тот громадный политический капитал, который Советский Союз набрал в общественном мнении западных стран за время войны. Пришло время, когда этот капитал, облегчавший проведение сталинской дипломатии, оказался исчерпан.

От иранского кризиса к доктрине сдерживания

Иранское правительство осознало, что в сложившихся обстоятельствах вести переговоры о сепаратистах ему придется непосредственно

с Москвой. 19 февраля 1946 г. новый премьер-министр Ирана Ахмад Кавам эс-Салтане прибыл в Москву для встречи со Сталиным. Переговоры длились в течение трех недель. Пока шла война с Германией, Кавам занимал, казалось, просоветские позиции. Сталин и Молотов действовали по методу «кнута и пряника»: с одной стороны, Молотов на встречах с Кавамом сильно давил на него, добиваясь нефтяных концессий для Советского Союза и обещая посредничество между Тегераном и сепаратистскими режимами. Кавам был вежлив, но непреклонен, он ссылаясь на закон, принятый меджлисом, который запрещал предоставлять какие-либо концессии до полного вывода иностранных войск с территории Ирана. После безрезультатных встреч с Молотовым и долгого ожидания иранского премьера принял, наконец, Сталин. Запись этой встречи до сих пор не найдена, но по косвенным сведениям кремлевский вождь предлагал Каваму поменять иранскую Конституцию и самому править страной, без всякого меджлиса. Он обещал, что советские войска не дадут его в обиду. Для подкрепления последнего довода советские танковые части начали выдвигаться в направлении Тегерана. Иранский руководитель уклонился от сталинской «помощи», но устно пообещал ему, что, как только пройдут выборы в меджлис, он добьется для Советского Союза нефтяной концессии. На этом переговоры в Москве закончились, и Кавам вернулся в Тегеран, взяв с собой нового советского посла Ивана Садчикова, бывшего заведующего отделом Ближнего Востока Министерства иностранных дел СССР. Садчиков должен был осуществлять постоянную связь между иранским лидером и Кремлем (64).

Вскоре оказалось, что иранский политик перехитрил Сталина. Азербайджанский историк Джамиль Гасанлы делает вывод, что иранский премьер-министр «вовремя и верно расценил возможности США в послевоенном мире» и стал ориентироваться на Вашингтон, а не на Москву. 2 марта 1946 г. истек срок присутствия иностранных войск на территории Ирана. СССР открыто нарушал договоренности. Кавам еще не вернулся из Москвы, а по совету американских дипломатов Министерство иностранных дел Ирана и меджлис уже решили обратиться с протестом в ООН — блестящий ход, который смешал советские карты в Иране. «Иранский кризис» взбудоражил те круги в американском обществе, которые верили в Объединенные Нации и надеялись не повторить ошибок Лиги Наций в 1930-е гг., пресечь в зародыше источники возможной агрессии, укрепить уважение к международному праву и обязательствам. С точки зрения этих людей под угрозой оказалось не просто будущее иранской нефти, а прочность послевоенного мира (65).

К марту 1946 г., когда разгорался конфликт между СССР и Ираном, во внешнеполитических и военных кругах США возобладало

настороженное, если не сказать отрицательное отношение к Советскому Союзу: если раньше американские политики стремились завоевать доверие Сталина, то отныне каждый шаг Кремля расценивался как очередное проявление скрытых агрессивных замыслов. Трумэн принял решение послать в черноморские проливы линкор «Миссури» ВМФ США: формально — для доставки в Стамбул тела внезапно умершего турецкого посла, а фактически — для оказания помощи Турции перед лицом советского ультиматума. 28 февраля Бирнс, которому Трумэн сделал выговор за его мягкость в отношении Советов, публично заговорил о курсе «терпения и твердости» в отношениях с Советским Союзом. Через день после встречи Сталина с Кавамом Джордж Кеннан послал из посольства США в Москве «длинную телеграмму» в Госдепартамент. В этом меморандуме, мгновенно разошедшемся по вашингтонским кабинетам власти, Кеннан разъяснил, что Соединенным Штатам никогда не удастся сделать из Советского Союза надежного партнера по международным делам. Он предложил взять на вооружение стратегию сдерживания советского экспансионизма. 6 марта Черчилль в присутствии Трумэна произнес свою речь о железном занавесе в колледже американского городка Фултон, а на следующий день Вашингтон направил в Москву ноту протеста, в которой говорилось, что Соединенные Штаты не могут «оставаться равнодушными» к задержке вывода советских войск из Ирана. Иранский премьер-министр покинул Москву в тот день, когда газета «Правда» опубликовала гневную отповедь Сталина Черчиллю. Как заметил один историк, поддержка Ирана весной 1946 г. «означала переход Соединенных Штатов от пассивной к активной внешней политике» в послевоенном мире (66).

Слушания по Ирану на заседании Совета Безопасности ООН были назначены, по настоянию американцев, на 25 марта. В процессе подготовки к полемике на этом заседании Молотов и дипломаты МИД СССР обнаружили, что Советский Союз находится в дипломатическом вакууме. «Мы начали цупать этот вопрос — никто не поддерживает», — вспоминал Молотов (67). Сталин не предвидел таких серьезных последствий иранского кризиса. К поднявшейся шумихе вокруг Ирана он вначале отнесся лишь как к еще одной войне нервов, проверке советской воли на прочность, выяснению отношений между политическими фигурами, как бывало уже не раз. То, что американцы активно вмешались в его игру, вызвало у Сталина раздражение, но он не решился на прямую конфронтацию с США. За день до начала слушаний в ООН кремлевский правитель отдал приказ немедленно вывести войска из Ирана и дал указание советскому послу в Тегеране Садчикову потребовать от Кавама отозвать иранские претензии в ООН. Но если Сталин думал, что таким способом выиграет игру,

то он ошибался. Давление на Иран вкупе с агрессивным поведением в отношении Турции позволило антисоветски настроенным кругам в администрации Трумэна взять верх, а кампания против советской угрозы, развернувшаяся в американской прессе, получила новый сильный импульс.

Когда упавший духом лидер АДП Джафар Пишевари начал роптать о том, что советские власти «предали» его и его движение, Сталин счел нужным направить ему в ответ личное послание. С хладнокровным цинизмом вождь народов писал, что Пишевари неправильно оценивает «сложившуюся обстановку как внутри Ирана, так и в международном разрезе». Присутствие советских войск в Иране «подрывало основы нашей освободительной политики в Европе и Азии». Вывод советских войск, продолжал Сталин, сделает незаконным присутствие англичан и американцев в других странах, что позволит «развязать освободительное движение в колониях и там сделать свою освободительную политику более обоснованной и эффективной. Вы как революционер, конечно, поймете, что мы не могли иначе поступить» (68).

На первых порах дипломатическое поражение СССР не выглядело таким уж очевидным. В апреле 1946 г. Кавам согласился предоставить нефтяные концессии Советскому Союзу, оговорившись, что должен получить одобрение на этот шаг у вновь избранного меджлиса. И лишь в сентябре Сталин наконец-то осознал, что выборы в иранский парламент так и не назначены и, следовательно, вопрос о концессиях «может повиснуть в воздухе». Как водится, он отругал своих подчиненных, прежде всего Молотова и МИД, за то, что они проглядели иранскую уловку, но наказывать никого не стал (69). В октябре премьер-министр Ирана, заручившись поддержкой англичан и американцев, начал наступление против сепаратистов с намерением восстановить власть Тегерана на северо-западе страны. Оставленные без советской военной поддержки, власти самопровозглашенных автономий — курдской и азербайджанской — были обречены. Когда иранские правительственные войска вошли на территорию северных провинций, Сталин оставил повстанцев на произвол судьбы. Только после настоятельных просьб Багирова он согласился дать политическое убежище в СССР верхушке АДП и некоторому числу беженцев — но не более того. Несмотря на это поражение азербайджанского национализма в Иране, Багиров, как и многие другие жители Советского Азербайджана, не теряли надежды, что, «в случае военного конфликта» между Советским Союзом и Ираном, удастся аннексировать иранские территории и «воссоединить» Азербайджан (70). Однако затевать конфликт с западными державами из-за Азербайджана кремлевский вождь не собирался.

Незадолго до этого Сталин терпит еще одно внешнеполитическое поражение — в войне нервов с Турцией. 7 августа 1946 г. советское руководство направило турецкому правительству ноту, в которой заново озвучило советское «предложение о совместном контроле» над черноморскими проливами. На этот раз советская нота не содержала ни слова о территориальных притязаниях, и советские дипломаты намекнули, что если соглашение по проливам будет достигнуто, то все претензии будут сняты. Однако турки, уже чувствовавшие за своей спиной поддержку Вашингтона и Лондона, и в этот раз ответили решительным отказом. И опять новый ход Сталина в этой войне нервов неожиданно обернулся против него самого: в глазах американских политиков и военных Советский Союз превращался в главный источник угрозы послевоенному миру. Основываясь на противоречивых разведданных, в которых переоценивалась концентрация советских войск в Болгарии, у границ Турции, кое-кто в политических и военных кругах Америки впервые стал подумывать о возможности применения атомного удара по Советскому Союзу, в том числе по заводам на Урале и нефтяным предприятиям на Кавказе. На этот раз, судя по некоторым свидетельствам, Сталин осознал, что его балансирование на грани конфликта рождает негативные последствия и опять пошел на попятную. Публично он демонстрировал свое безразличие к американской атомной монополии, но за его бравадой крылось молчаливое признание американской мощи (71).

Сталин оказался не готов схлестнуться с Соединенными Штатами по турецкому вопросу — к огромному огорчению грузинских руководителей. Акакий Мгеладзе, сталинский любимец и один из высоких партийных деятелей Грузии, в частной беседе с маршалом Федором Толбухиным, командующим Закавказским военным округом, выразил свое разочарование. Мгеладзе жаловался, что украинцы «вернули себе» все земли, а грузины все еще ждут. Толбухин с большим сочувствием отнесся «к чаяниям» грузинского народа. Но грузинам, как и азербайджанцам, пришлось удовлетвориться существующими границами своих республик (72).

Ключевым фактором, который спутал Сталину его расчеты, стало поведение Соединенных Штатов. Начиная с февраля 1946 г. американцы взяли на вооружение новую стратегию: они стали активно выступать в защиту не только Турции и Ирана, но и Восточной Европы, рассматривая страны и области на этих территориях в качестве потенциальных жертв «коммунистической экспансии». С осени 1945 г. США стали играть определяющую роль на мировой арене. И после февраля 1946 г. администрация Трумэна приняла решение сдерживать Советский Союз, кардинально отступив от рузвельтовской политики втягивания сталинского режима в клуб «великих держав».

Американская политика стала смещаться от поиска сотрудничества к твердому противодействию «проискам Москвы». Поскольку таковой была и позиция Великобритании, особенно после ухода в оппозицию консерваторов и победы лейбористов в июле 1945 г., вероятность успешной дипломатической игры Сталина в формате Большой тройки начала быстро таять.

В начале 1946 г. Советский Союз все еще пользовался громадным авторитетом в мире, и на Западе у него было огромное число сторонников (73). Однако самых влиятельных друзей он уже лишился. Со смертью Рузвельта, болезнью и смертью Гарри Гопкинса, уходом с политической арены Генри Моргентау, Гарольда Икеса и других членов рузвельтовской команды реформаторов для Советского Союза навсегда завершилась эра «особых отношений» с Соединенными Штатами. Единственным видным союзником Сталина в американском правительстве оставался министр торговли, бывший вице-президент Генри Уоллес, который открыто выступал за продолжение сотрудничества с Москвой и после войны. В сентябре Уоллес разругался с Трумэном и вышел из состава его правительства, но решил установить прямую связь со Сталиным через каналы советской разведки. В конце октября 1945 г. Уоллес встретился с резидентом нелегальной разведки НКГБ в Вашингтоне и высказал ему следующие мысли: «Трумэн — это мелкий политикан, случайно занявший теперешний пост. Он часто имеет “благие” намерения, но слишком легко поддается влиянию окружающих его лиц». По словам Уоллеса, «за душу Трумэна борются сейчас две группы». К одной, меньшей, принадлежал сам Уоллес. Другая, более мощная и влиятельная, включает госсекретаря Бирнса и настроена крайне антисоветски. Члены этой группы в правительстве «проталкивают идею доминирования англосаксонского блока, состоящего в основном из США и Англии». Этот блок, по их мнению, должен был противостоять «крайне враждебному славянскому миру», руководимому СССР. Уоллес оговорился, что СССР «мог бы значительно помочь этой меньшей группе», но от конкретного обсуждения вопроса уклонился (74).

Резидентура НКГБ переслала этот материал в Москву, и он был доведен до сведения Сталина. Разумеется, Сталин не собирался менять своих принципов ведения международных дел, чтобы помогать Уоллесу и американским левым, среди которых было немало тайных коммунистов и им сочувствующих. Тем не менее он, по всей видимости, решил не использовать Уоллеса и других своих сторонников в текущей борьбе за общественное мнение американцев, приберегая эту карту до следующих президентских выборов.

Нам неизвестно, что думал Сталин о поступающих к нему донесениях от сотрудников аналитических и разведывательных служб, в которых уделялось внимание ухудшению образа Советского Союза в американской прессе и общественном мнении. Осенью 1945 г. для советской разведдеятельности в Северной Америке наступили тяжелые времена. Из советского посольства в Оттаве бежал шифровальщик ГРУ Игорь Гузенко, который сообщил канадским властям об обширной сети советских осведомителей, среди которых были видные ученые и государственные чиновники в Канаде и США. В начале ноября американка Элизабет Бентли пришла в ФБР и дала показания о своей шпионской деятельности. В годы войны Бентли была руководительницей сети нелегальных коммунистов, насчитывавшей десятки человек, которые работали на советскую разведку и занимали видные посты в американских государственных структурах. Эти разоблачения вызвали эффект снежного кома. Они не только дали веское подтверждение подозрениям Трумэна и других членов политической верхушки США в отношении СССР, но и привели к «консервации» работы десятков ценнейших агентов советской разведки в США, Канаде, и Великобритании, о которых могли знать Гузенко и Бентли. Лишь 24 ноября глава НКГБ В. Меркулов направил доклад Сталину, Молотову и Берии с объяснением причин этого невиданного провала. Американский историк Аллен Вайнштейн и бывший сотрудник КГБ Александр Васильев, получившие доступ к документам по этому делу в начале 1990-х гг., пришли к выводу, что из-за предательства Бентли «вся разведработа НКГБ в Соединенных Штатах была практически заморожена» и более шестидесяти советских агентов оказались в списках ФБР. Чтобы вывести этих агентов из-под удара и обезопасить оставшихся, НКГБ законсервировал на долгие месяцы не меньше полусотни важнейших источников информации, включая Дональда Маклина, работавшего секретарем посольства Великобритании в Вашингтоне и числившегося в анналах советской разведки под оперативным именем Гомер. Документы из архива ГРУ не попали в руки исследователям, но очевидно, что советская военная разведка также прекратила контакты со своей сетью агентов в Северной Америке. Все работники проваленных резидентур, действовавшие под дипломатическим прикрытием, были отозваны в СССР (75).

Таким образом, Сталин и остальное военно-политическое руководство СССР внезапно оказались в почти полном неведении относительно того, что творилось в политических кругах Америки, да еще в тот самый момент, когда происходил резкий переход от политики сотрудничества к политике сдерживания СССР. Советское руководство оставалось в неведении весь период перехода к холодной войне.

Советская разведывательная деятельность в США возобновилась только в 1947 г. и в значительно меньшем объеме, чем до провалов. Советская политическая разведка в США еще долго оставалась без ценной агентуры и опытных кадров, способных организовать разведывательную работу.

Но даже после предательства Гузенко и Бентли Сталин был осведомлен о резком ужесточении позиции Соединенных Штатов по отношению к СССР. Историк Владимир Печатнов выяснил, что советской разведке все-таки удалось раздобыть в Вашингтоне текст «длинной телеграммы» Кеннана. Кроме того, Сталин и Молотов не могли не понимать, во что может вылиться американо-британский союз с геополитической точки зрения: экономический потенциал Америки и ее атомная монополия в сочетании с военными базами Британской империи, расположенными по всему земному шару, — эта комбинация ставила Советский Союз в опасное окружение. И все же это не повлияло на внешнеполитическое поведение Сталина. Печатнов задается вопросом: понимал ли Сталин, «что его собственные действия порождают все большее противодействие». Вероятнее всего, нет (76).

Как заметил американский историк Джон Гэддис, влияние идеологизированных оценок сказалось и на экспансионистских предприятиях Сталина и на его убежденности, что эти предприятия сойдут ему с рук. Сталин полагал, что капиталистические державы, раздираемые противоречиями и несовместимыми интересами по поводу передела мира и ресурсов — в соответствии с ленинской теорией империализма, — не смогут надолго объединиться против Советского Союза. Давая оценку своим западным оппонентам, Сталин делал упор на «империалистическую» сущность их поведения. Члены лейбористского правительства в Лондоне, искавшие сотрудничества с США, проявляли, с точки зрения Сталина, позорную несамостоятельность и заслуживали презрения. Эрнест Бевин и Клемент Эттли, сказал он в ноябре 1945 г., «большие дураки, они находятся у власти в великой стране и не знают, что с ней делать. Они эмпирически ориентированы» (77). В отличие от Бевина, которого Сталин ни во что не ставил, к Черчиллю, матерому империалисту, вождь испытывал гамму чувств, от ненависти до уважения.

Сталин ожидал, что после войны обязательно начнется экономический кризис и противоречия между капиталистическими державами резко обострятся (78). К тому же сталинский экспансионизм был связан с внутренней политикой, а она заключалась в постоянной мобилизации сил народа для подготовки к будущей войне, разжигании русского шовинизма, использовании других форм национализма и в конечном счете в утверждении абсолютного культа вождя-спасителя.

Кремлевская политика «социалистического империализма» в 1945–1946 гг. нуждалась в подпитке и получала ее из неисчерпаемого резервуара националистических чувств и чаяний советских руководящих элит и даже широких, шовинистически настроенных масс населения.

Документы не позволяют определить, сознавал ли Сталин, что его осторожность и скрытность оказались тщетными, а тактика выкручивания рук на Балканах, в Турции и Иране обернулась нарастанием конфликта с западными державами. Для историков, однако, должно быть совершенно очевидно, что именно это поведение Сталина, наряду с советскими действиями в Германии, Польше, на Дальнем Востоке, помогло открыть дорогу холодной войне. Сталинская тактика в отношении Турции и Ирана способствовала началу тесного послевоенного сотрудничества Великобритании и Соединенных Штатов и кристаллизовала мнение американской политической верхушки о том, что необходимо оказать решительный отпор «советскому экспансионизму». Самоуверенность победителя, чувство непогрешимости и превосходства над своими западными партнерами сыграли со Сталиным нехорошую шутку. Вождь народов начал действовать за границей почти так же грубо, как он привык действовать у себя в стране, опираясь в решении территориальных и политических задач на силы советской армии, тайной полиции и послушных его воле деятелей. Что же касается дипломатических шагов и формирования благоприятного общественного мнения, то эти направления оказались катастрофически запущены — именно это предвидел и этого опасался М. М. Литвинов. Неспособный признать собственные ошибки на международной арене, Сталин продолжал их усугублять, пока напряжение между СССР и США не вылилось в полномасштабную конфронтацию. Когда же конфликт стал очевиден, кремлевский вождь отказался отступать и предпочитал идти на обострения. Он истолковывал отношения с Западом в черно-белых категориях марксизм-ленинизма как исторически неизбежную схватку, где только перевес в грубой силе может принести успех и где нет ни постоянных друзей, ни верных партнеров и союзников. При таком мировоззрении Сталину ничего и не оставалось, кроме как встать на путь военной мобилизации всей мощи СССР и тех стран, которые попали под контроль Кремля.

Разумеется, не только Сталину следует приписывать ответственность за развязывание холодной войны. Превращение Америки в мировую державу и решимость администрации Трумэна использовать американскую мощь для возрождения либерального капитализма в Европе и сдерживания советской экспансии в других районах мира стали самой главной и неприятной неожиданностью для Сталина.

Многие историки согласны в том, что Соединенные Штаты взяли на себя роль сверхдержавы не только в ответ на политику советских властей, но и в соответствии с собственными представлениями о будущем устройстве мира. Программа построения «свободной и демократической» Европы и сдерживания коммунизма, составленная в духе Вудро Вильсона и подкрепленная атомной монополией, а также финансовой, промышленной и торговой мощью Соединенных Штатов, стала новой и по-своему революционной силой, в корне изменившей структуру и характер международных отношений. В политических кругах США и американском обществе всегда находились влиятельные лица, которые, как отмечает американский автор У. Смайзер, считали, что «только [Соединенным Штатам] можно иметь глобальные интересы и держать вооруженные силы во всем мире». В представлении таких людей, верящих в американскую исключительность, Советскому Союзу можно было позволить участвовать в послевоенном устройстве, но только как региональной, а не мировой державе (79). И все же остается лишь гадать, насколько быстро сторонники американской мировой гегемонии победили бы громадную инерцию изоляционизма и усталости в американском обществе после войны, не приди им на помощь образ советской коммунистической угрозы, подкрепленный действиями Сталина. Именно страх перед этой новой угрозой сделал лозунг особой миссии США как «лидера свободного мира» безальтернативным.

Кремлевский вождь перенес на послевоенное время те уроки, которые он извлек из наблюдения и изучения международных отношений *европейских* стран в XIX и в первые десятилетия XX в. Но именно эти уроки, наряду с идеологическими убеждениями, не позволили Сталину вовремя распознать мощные мотивы, двигавшие *американской* политикой участия в мировых делах. Сталин допускал, что изоляционизму США когда-нибудь придет конец, но он не мог предположить, что идеи об «американском веке», о которых начали говорить в США в годы Второй мировой войны, так скоро воплотятся в жизнь, и что американцы останутся в Западной Европе и Японии с целью их переустройства на рыночно-либеральных принципах. Вплоть до осени 1945 г. Сталин извлекал множество выгод из сотрудничества с Вашингтоном. Опыт общения с администрацией Ф. Рузвельта дал ему основания считать, что он и в дальнейшем сможет договариваться с американцами и расширять зоны советского влияния в мире за счет Великобритании и других европейских держав, не встречая сопротивления США. Сталин никак не мог предвидеть, что администрация Трумэна возьмет принципиальный, по сути, идеологический курс на сдерживание советской экспансии в любой части света и даже поставит под сомнение сферу советского влияния в Восточной Ев-

ропе. Более того, советский вождь не мог предвидеть, что доктрина сдерживания станет стратегией для правящих кругов США на десятилетия вперед.

Сталину все же удалось избежать одной большой ошибки. Он не хотел идти на лобовое столкновение с Западом и тщательно следил за тем, чтобы его экспансионизм всегда имел благовидное прикрытие — с точки зрения советских интересов безопасности или интересов этнических и национальных движений. Советский лидер предпочитал изобразить дело так, что не он, а западные державы отступают от духа ялтинско-потсдамских соглашений и мешают СССР воспользоваться законными плодами своей победы. Позднее Молотов воскликнет: «Ну что значит холодная война? Обостренные отношения. Все это просто от них зависит или потому, что мы наступали. Они, конечно, против нас ожесточились, а нам надо было закрепить то, что завоевано» (80). Большинство советских граждан разделяло подобное мнение. В течение многих последующих лет они будут пребывать в убеждении, что Сталин лишь оборонялся, и одни лишь Соединенные Штаты развязали холодную войну.

Начало холодной войны внутри СССР

Сталин опасался, что после Хиросимы, на фоне общего состояния расслабленности и усталости после войны, советская верхушка будет по инерции придерживаться курса на продолжение сотрудничества с западными державами даже ценой значительных уступок. Мягкотелое, с точки зрения вождя, поведение Молотова во время конференции в Лондоне подтвердило эти подозрения Сталина и вызвало его гнев (81). Вернувшись в Москву в начале октября 1945 г., Молотов был вынужден в порядке «самокритики» покаяться в своих ошибках перед своими подчиненными на коллегии Народного комиссариата иностранных дел. Он рассказывал о конференции как о битве, где «некоторые американские и британские круги» развернули «первую дипломатическую атаку на внешнеполитические завоевания Советского Союза» (82).

Но на этом неприятности Молотова не закончились. В начале октября Сталин впервые с довоенного времени уехал отдыхать на Черное море. Официальное сообщение ТАСС об отъезде вождя дало повод слухам о его тяжелой болезни. За время войны кремлевский вождь сильно постарел, и иностранные журналисты начали гадать о его возможном уходе на покой. В корреспонденциях этих журналистов, проходивших цензуру специального отдела НКВД, не только пересказывались слухи о болезни и возможной отставке Сталина, но даже назывались имена его вероятных преемников — Молотова

и Жукова. Читая на отдыхе ежедневно присылаемые ему материалы ТАСС с обзорами иностранной прессы, Сталин заподозрил своих ближайших подручных (Берию, Маленкова, Молотова и Микояна) в том, что они специально распространяют подобные слухи, чтобы подготовиться к отстранению его от государственных дел. На свою беду, Молотов, выступая на приеме для иностранных журналистов и, видимо, хлебнув лишнего, намекнул на возможное ослабление государственной цензуры в отношении зарубежных средств массовой информации. Узнав об этом, Сталин уже не сомневался, что Молотов не только виновник клеветнических слухов в иностранной печати, но и стремится добиться расположения западных держав, укрепляя свою международную репутацию за счет стареющего вождя. Сталин тут же отправил «тройке» своих замов (Берии, Маленкову и Микояну) в Кремль шифрограмму, в которой приказывал им разобраться с этим эпизодом. Их попытка вступить за Молотова еще больше разозлила Сталина, усмотревшего в их действиях круговую поруку — наихудший из возможных грехов в сталинском окружении. Он написал «тройке» грозную отповедь: «Никто из нас, — назидает Сталин, — не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы? До вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем». Одним росчерком пера он исключил Молотова из узкого круга высшего руководства и предложил Берии, Маленкову и Микояну снять его с руководящих постов. Коллеги Молотова зачитали ему убийственную сталинскую телеграмму. В их отчете вождю они писали: «Молотов после некоторого раздумья сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился. Напомнили ему об ошибках». Лишь через несколько дней после телеграммы Молотова с мольбой о прощении и доверии Сталин согласился дать испытательный срок своему старому другу Вячеславу и разрешил ему продолжить переговоры с Бирнсом (83).

Готовя взбучку Молотову, Сталин одновременно щелкал кнутом над головами остальных своих подручных. В ответ на публикацию в советской прессе речи Черчилля, комплиментарной в отношении СССР и Сталина, он писал им: «У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впа-

дают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу... Я уже не говорю о том, что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня» (84). В этой телеграмме заключена основная суть идеологической кампании, которая разразилась через несколько месяцев, — агрессивная ксенофобия и изоляция советского общества от «тлетворного влияния Запада». Эта кампания вынудила всех подчиненных Сталина в подтверждение своей преданности вождю выказывать рвение на новом идеологическом фронте — истреблять на корню «низкопоклонство перед Западом» в госаппарате и среди населения СССР.

Насколько обоснованы были сталинские подозрения? Вполне допустимо, что в случае смерти или устранения Сталина от власти его подчиненные избрали бы менее амбициозный и более миролюбивый курс в отношениях с западными державами, прежде всего США. Никто из кремлевских вождей не обладал уникальным сталинским талантом создавать себе и своей стране врагов на пустом месте и придумывать самые зловещие сценарии развития международных событий. Кроме того, помощники Сталина, как и другие представители номенклатуры, были не прочь наконец-то завершить перманентную «войну со всеми и против всех» и насладиться наступившим наконец-то миром. Окружение Сталина видело и понимало, что страна обессилена и разорена — это очевидно по тем шагам, которые эти люди предприняли в 1953 г., как только тирана не стало. В то же время подручные Сталина сами были невольниками революционно-имперской парадигмы, во имя которой строилась советская сверхдержава. Они были отравлены ксенофобией и изоляционизмом, их помыслы разрывались между планами мирного строительства, искушениями «социалистического империализма» и боязнью за свою власть и жизнь. Некоторые из них желали сотрудничества с Западом, но боялись впасть в зависимость от американских финансов и западной торговли, ослабить советскую автаркию и утратить свободу действий на мировой арене.

Осенью 1945 г. в советских партийно-правительственных кругах обсуждался вопрос: нужно ли Советскому Союзу участвовать в международных экономических и финансовых организациях (Международный валютный фонд и Всемирный банк), создание которых было намечено в июле 1944 г. на международной валютно-финансовой конференции в Бреттон-Вудсе. Те из высших руководителей, кто непосредственно занимался вопросами государственного бюджета, фи-

нансов, различных отраслей промышленности и торговли, считали, что как с практической, так и с экономической точки зрения СССР должен участвовать в этих структурах. Нарком финансов Арсений Зверев утверждал, что присутствие в этих организациях — пусть даже в качестве наблюдателя — поможет Советскому Союзу в будущем вести переговоры по внешней торговле и по кредитам с Западом. Этой же позиции придерживались Микоян и Лозовский. Они считали, что американские кредиты и передовые технологии необходимы для восстановления советской экономики. Остальные руководители, в том числе председатель Генплана Николай Вознесенский, высказывались против такого участия, считая, что иностранные долги подрвут экономическую независимость СССР. В октябре 1945 г. бывший посол в Великобритании, глава комиссии по репарациям Иван Майский в своей докладной записке Молотову предостерегал: американцы дают займы англичанам для того, чтобы с их помощью открыть дорогу для финансово-экономической экспансии США внутрь Британской империи. Особую тревогу, по его мнению, внушало то, что американцы настаивают на своем контроле над расходованием займов и «требуют от англичан отмены государственной монополии торговли» (85).

Как считает Владимир Печатнов, к февралю 1946 г. в кругах советского руководства возобладали изоляционистские взгляды. Некоторые должностные лица разделяли со Сталиным «нежелание делать советскую экономику более открытой и прозрачной и нежелание отдавать часть советского золотого запаса» в распоряжение Международного валютного фонда, что требовалось для участия в нем. В результате Сталин принял решение не присоединяться к Бреттон-Вудской системе. В марте эта позиция уже была оглашена в официальных сообщениях Наркомфина: СССР не будет участвовать в международных финансовых организациях, чтобы не давать повода западным державам считать, что советская система слаба и готова безоглядно уступать «под нажимом США». Когда Молотова спросили об этом в 1970 г., он сказал, что американцы «затягивали нас в свою компанию, но подчиненную компанию. Мы бы зависели от них, но ничего бы не получили толком, а зависели бы, безусловно» (86).

9 февраля 1946 г., готовясь к первым послевоенным «выборам» в Верховный Совет СССР, генералиссимус выступил с речью на собрании избирателей Сталинского округа (впоследствии Бауманского района) Москвы, проходившем в Большом театре. В этой речи Сталин определил новые параметры и задачи для номенклатуры коммунистической партии и органов государственной власти СССР. В речи, пронизанной идеологической риторикой, провозглашался откровенно односторонний курс на укрепление безопасности за счет наращивания советской военно-промышленной мощи.

Подводя итоги войны, вождь преподнес победу над фашизмом исключительно как достижение советского общественного и государственного строя, ни разу не удостоив своих западных союзников добрым словом. Собравшийся в зале партийно-хозяйственный актив воспринял речь вождя как наказ — превратить в ближайшем будущем Советский Союз в мировую державу, не только догнать, но и превзойти «достижения науки за пределами нашей страны» (намек на будущую гонку атомных вооружений), а также «поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем». «Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новые пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать». Эту речь Сталин написал сам, несколько раз правил ее и даже определил, какой должна быть реакция собравшихся слушателей, собственноручно вставив в черновик после наиболее важных, с его точки зрения, параграфов такие фразы, как «бурные аплодисменты», «все встают, бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию» и т. п. (87). Речь передавалась по радио, была напечатана в газетах многомиллионным тиражом. Наиболее проницательные слушатели и читатели сразу же поняли: надежды на лучшую жизнь после войны можно похоронить, как и планы послевоенного сотрудничества с западными союзниками. Сталин приказал своей номенклатуре готовиться к еще одному большому скачку, который будет стоить населению СССР много крови, пота и слез (88). Многие обозреватели восприняли это выступление как окончательный отказ Сталина от сотрудничества с западными членами Большой тройки.

В сущности, этот новый курс означал, что послевоенный период станет для советского общества временем всеобщей мобилизации и подготовки к будущим неотвратимым «случайностям». Судя по официальной статистике, военные расходы упали с 128,7 млрд рублей в 1945 г. до 73,3 млрд рублей в 1946 г. Дальнейшее падение, однако, прекратилось, и после 1947 г. они вновь начали расти. При этом надо иметь в виду, что официальные цифры не включают в себя стоимость атомного проекта, который оплачивался из «особых» государственных фондов. В планы на 1946 г. входило построить 40 новых военно-морских баз. Началось строительство гигантских военных и научно-исследовательских комплексов. Вместе с тем отрасли экономики, производящие потребительские товары, прежде всего сельское хозяйство, по-прежнему оставались в бедственном положении, на что указывают официальные данные, представленные Сталину наркомом финансов А. Зверевым в октябре 1946 г. (89):

	1940	1942	1944	1945
Хлеб (млн т)	24,0	12,1	10,0	11,0
Мясо (тыс. т)	1417	672	516	624
Масло (тыс. т)	228	111	106	117
Сахар (тыс. т)	2181	114	245	465
Одежда (млн шт.)	183,0	54,0	47,0	50,0
Обувь (млн пар)	211,0	52,7	67,4	66,1

Материальное состояние советских людей, победителей в войне, упало до показателей, которые были значительно ниже довоенных, и гораздо ниже, чем у побежденных немцев. Государство реквизирировало во время войны значительную часть доходов населения, побуждая и принуждая людей отчислять часть своей зарплаты на покупку облигаций военного займа, делать взносы в фонд обороны (хотя многие жертвовали добровольно), и повышая косвенные налоги. Несмотря на эти изъятия, у некоторых слоев населения, особенно связанных с черным рынком, образовались денежные сбережения, которые они не могли потратить и не хранили в государственных сберкассах. В связи с товарной бедностью это создавало высокий уровень инфляции и заградительные цены на колхозных рынках (90). Даже уровень довоенной жизни, весьма низкий, в 1946 г. казался советским людям недостижимой мечтой.

Речь Черчилля в Фултоне о железном занавесе пришлась Сталину как нельзя кстати. Кремлевскому вождю представилась отличная возможность предупредить советских граждан о предстоящих лишениях. 14 марта 1946 г. газета «Правда» напечатала ответы т. Сталина на вопросы своего корреспондента в связи с речью Черчилля. На самом деле и вопросы, и ответы Сталин написал сам и тщательно отредактировал весь текст, так же как и свою «предвыборную» речь. Вождь народов назвал Черчилля «поджигателем войны» и даже сравнил своего бывшего союзника с Гитлером, обвинив его в приверженности к «английской расовой теории», согласно которой «нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война». Сталин умышленно составил отповедь бывшему партнеру по Большой тройке в самых грубых тонах: он хотел обозначить свое непримиримое отношение к попыткам Запада вторгнуться в сферы влияния СССР в Восточной Европе. Сталинский ответ словно хотел перевести стрелки народных чаяний с ожиданий сотрудничества и помощи от западных стран на

надежды, что новой войны с этими западными странам, может быть, удастся избежать. Именно этот страх перед новой войной и надежда народа на его мудрое руководство были нужны Сталину для того, чтобы осуществить планы мобилизации всей страны (91).

Сталин поручил Андрею Жданову начать пропагандистскую кампанию в этом направлении — вскоре она получила название «ждановщины», хотя ее подлинным дирижером был кремлевский вождь. Во время войны Жданов, возглавлявший партийную организацию Ленинграда, «отличился» провальной организацией обороны, эвакуации и снабжения города. Но Сталин не оставил своего довоенного любимца без дел: для выполнения указаний по разгрому свободолюбивых настроений в стране этот функционер подходил великолепно. Жданов родился в высокообразованной семье: его отец, как и отец Ленина, был инспектором народных училищ, мать была дворянкой, окончила Московскую консерваторию. Как человек из культурной среды, Жданов выделялся среди сталинских подручных хорошей русской речью. В апреле 1946 г. он направил в центральный аппарат партии и всем пропагандистам на местах «приказ товарища Сталина»: решительно пресекать саму мысль о том, что «советским людям нужно время, чтобы прийти в себя после войны и т. п.» (92).

Еще одной мишенью сталинской кампании стали советские военачальники. Сталин был недоволен тем, что военная верхушка почиывает на лаврах, растрчивает боевой дух в пьяных загулах, распутстве и стяжательстве. Вместе с тем кремлевский вождь не доверял покорителям Европы, подозревая их в бонапартизме. Сталину хотелось приструнить генералитет и заодно сбить настроения военной вольницы, распространенные в войсках. Тем более что волей-неволей пришлось пойти на массовую демобилизацию. Согласно данным американской разведки, к сентябрю 1946 г. численность личного состава советской армии сократилась с 12,5 млн до 4–5 млн человек (93). В марте 1946 г. первая пробная чистка партийных и военных кадров затронула верхние эшелоны «поколения победителей». Против нескольких военачальников, государственных деятелей и инженеров-специалистов было заведено «авиационное дело». Своих должностей внезапно лишились нарком авиапромышленности генерал Шахурин и командующий ВВС маршал авиации Новиков — якобы за то, что они вооружали Красную армию «бракованными» самолетами. Они были немедленно арестованы (94).

Примерно в это же время сталинские органы госбезопасности донесли, что маршал Г. К. Жуков вагонами вывозил из Германии различное имущество и предметы роскоши для личного пользования. Сталин хорошо запомнил, что иностранная пресса называла Жукова возможным преемником вождя и что Эйзенхауэр приглашал его

приехать «в любое время» в США с визитом. После унижительного разбирательства всенародно признанного героя, открывшего Парад Победы, сняли с должности главноначальствующего советских оккупационных сил в Германии и без лишней огласки отправили командовать Одесским военным округом (95). Тогда же был снят с постов секретарь ЦК партии, член Оргбюро, и начальник Управления кадров Г. М. Маленков, верный соратник Сталина, отвечавший во время войны за авиационную промышленность (впрочем, его после заступничества Берии Сталин довольно скоро простил и вернул в свой ближний круг). Кремлевский диктатор демонстрировал всему аппарату: никакие боевые заслуги в прошлом не являются достаточной защитой от кар и унижений в будущем. И словно вдобавок ко всем обидам и несправедливостям в отношении ветеранов войны и многомиллионного народа Сталин в конце 1946 г. отменил официальное празднование Дня Победы над Германией, перенеся выходной день с 9 мая на 1 января.

Грубое унижение ветеранов войны заставило некоторых из них пробудиться от эйфории и увидеть отвратительную реальность сталинского правления. Именно в это время службы НКГБ по приказу Сталина стали следить за всеми высшими военными чинами советской армии, подслушивать и записывать их разговоры; содержание их доносилось вождю. После развала СССР в руки историкам попала запись разговора между генералом армии Василием Гордовым и бывшим начальником его штаба генералом Филиппом Рыбальченко, который состоялся в конце декабря 1946 г., накануне Нового года. Гордов, участник боев под Сталинградом, Берлином и Прагой, безжалостно расходовавший жизни своих солдат на полях сражений, был одним из тех, кто симпатизировал Жукову и поплатился за это своим высоким положением. Обида и водка развязали языки опальным генералам. Они сошлись во мнении, что на Западе люди живут гораздо лучше советских людей, а жизнь в деревнях стала просто нищенской. Рыбальченко говорил: «Вот жизнь настала — ложись и умирай! Озимый хлеб пропал, конечно. Все жизнью недовольны. Прямо все в открытую говорят. В поездах, везде прямо говорят. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Все колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца». Гордов поинтересовался, «как бы выехать куда-нибудь за границу... на работу в Финляндию уехать или в Скандинавские страны». Генералы сетовали на то, что никто не помогает СССР, и пришли к выводу, что сталинская политика конфронтации с англо-американским блоком может привести к войне с западными державами, которая закончится поражением Советского Союза. В заключение Рыбальченко сказал: «Думаю, что не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду. Ох, и будет! Если вообще что-

нибудь уцелеет. Наш престиж падает, жутко просто. За Советским Союзом никто не пойдет» (96).

Недовольные генералы прекрасно осознавали, какова роль Сталина в развязывании новых репрессий. И когда Рыбальченко предложил Гордову пойти к Сталину и покаяться, тот просто высмеял это предложение. С апломбом военачальника-победителя он воскликнул: «Кому? Подлости буду честно служить, дикости?! Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут!» Спустя три дня, уже разговаривая наедине с женой, Гордов признался, что когда он проехал по районам (в качестве депутата Верховного Совета), то увидел, в какой нищете и лишениях там живут люди, и «совершенно переродился». «Я убежден, что если сегодня распустить колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!» и делал вывод: Сталин «разорил Россию, ведь России больше нет» (97).

Такая прямая и жесткая критика в адрес Сталина со стороны советских элит, даже в келейных разговорах, была по тем временам редкостью (98). Тем не менее к концу 1946 г. недовольство в кругах высшего руководства положением в стране росло: жестокая засуха поразила наиболее плодородные земли на Украине, в Крыму, Молдавии, Поволжье, в центральных областях России, на Дальнем Востоке, в Сибири и Казахстане. Из-за природного бедствия, усугубленного нехваткой людских и материальных ресурсов после войны, возникла реальная опасность массового голода (99). Сталин вместо того, чтобы предотвратить катастрофу, продолжал упорно игнорировать наступление голода, так же как он поступал в 1932–1933 гг. в разгар коллективизации.

Как и в 1930-е гг., Сталин запретил употреблять само слово «голод» даже в секретной служебной переписке. Он предпочитал говорить о спекуляции и хищениях и обвинять во всем «вредителей», из-за которых якобы и возникли перебои с хлебоснабжением населения. Кремлевский руководитель знал, что в государственных закромах хранятся громадные «стратегические» запасы зерна, неуклонно пополняемые на случай новой войны. Однако он не позволял выделить эти резервы для продажи населению или для отпуска по карточкам. Кроме того, в советском Гохране было 1500 тонн золота, на которое можно было закупить продовольствие за границей. Позже Молотов и Микоян вспоминали, что Сталин запретил продавать это золото. Более того, вождь надменно отказался от продовольственной помощи, которая полагалась России по линии ЮНРРА (Администрации по вопросам оказания помощи и восстановлению объединенных наций). Сталин разрешил предоставить эту помощь Украине и Белоруссии, да и то в ограниченном объеме. Тем временем руководитель

Кремля обещал советским ставленникам в правительствах Польши и Чехословакии, а также коммунистам в Италии, что СССР окажет этим странам помощь продовольствием: хлеб, конфискованный у голодающего русского и украинского крестьянства, использовался для поднятия рейтинга зарубежных коммунистов (100).

Внутри СССР Сталин проводил ту же политику, что и до войны: режим обирал до последней нитки население, доводя людей до полной нищеты, особенно крестьян и сельскохозяйственных рабочих, с тем чтобы получить средства на восстановление тяжелой промышленности, создание и производство новых вооружений. В период с 1946 по 1948 г. налоги на крестьян увеличились на 30 %, а к 1950 г. они подскочили на 150 %. К тому же государство отказалось возвращать деньги по военным облигациям — миллиарды рублей, которые оно «одолжило», а, по сути, конфисковало у советских людей. Среди населения, которое едва сводило концы с концами, принудительно производилось размещение очередного облигационного госзайма (101).

Безусловно, Сталин знал о том, что многие люди недовольны властями. Но он также понимал, что только сам аппарат власти, его руководящие круги могут представлять для него настоящую угрозу. Микоян вспоминал: Сталин «знал качество русского мужика — его терпимость», долготерпение (102). Постепенно кадровые чистки, которые задумывались как средство обуздания гордыни и своенравия военно-политических элит, вылились в новый виток репрессий. В 1945 и 1946 гг. число официальных обвинений, выдвинутых Особым совещанием при НКВД, сократилось с 26 до 8 тыс., однако к 1949 г. выросло до 38,5 тыс. (103). В январе 1947 г. генерал Гордов, его жена и генерал Рыбальченко были арестованы, как и многие другие крупные военачальники и члены их семей (104). В это время кадровые чистки все еще носили ограниченный характер, осуществлялись втихомолку, без публичного обсуждения. Но уже спустя пару лет, когда холодная война окончательно разделит мир на два противоположных лагеря, кремлевский диктатор начнет готовить одно за другим большие кровопускания, в том числе и среди представителей высших кругов страны.

Сталин «укрепляет единство» советского общества

Под предлогом растущего противостояния СССР с Западом Сталин полностью подчинил властный аппарат страны и ее элиты своей воле. После войны Сталин, мобилизуя советское общество, мыслил уже не столько классовыми, сколько этническими и имперскими ка-

тегориями, выстраивал строгую иерархию старших и младших народов. Нагнетание международной обстановки давало ему повод не только жестоко карать провинившиеся малые народы, но и проводить русификацию советских руководящих кадров на всех уровнях. Как заметил историк Н. Наймарк, «война — удобное прикрытие для проведения властями этнических чисток», она «позволяет правителям расправляться с мятежными нацменьшинствами в условиях приостановки действия гражданского права» (105).

Значительная роль в деле укрепления советского общества и всей страны отводилась «борьбе с космополитизмом». Так называлась развязанная государством антисемитская кампания. Еще до начала холодной войны Сталин резко переменял свое отношение к евреям: из полезной, легко мобилизуемой в интересах СССР международной диаспоры они превратились в потенциальную «пятую колонну» внутри советского общества. Вождю повсюду мерещились еврейские заговоры: внутри советского руководства, в еврейских организациях Соединенных Штатов, даже среди еврейской родни собственного ближайшего окружения. Еще с 1920-х гг. многие члены Политбюро, включая В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина и А. А. Андреева, были женаты на женщинах из еврейских семей, участниц и сторонниц большевистской революции. Теперь это обстоятельство преобрело в глазах Сталина новый зловеющий смысл (106). В 1946 г. Жданов разослал во все партийные организации инструкцию Сталина: ускорить процесс выявления и удаления «космополитических» кадров, а именно евреев, с государственных должностей, в том числе с ключевых постов в области пропаганды, идеологии и культуры. Первый удар в свете новых приоритетов был нанесен по Совинформбюро — всемирно известному органу советской пропаганды военных лет. Когда один из партийцев, направленных Ждановым «укреплять кадры» в Совинформбюро, не мог взять в толк, кто же там является врагом-космополитом, Жданов сказал ему со всей откровенностью: надо «кончать с этой синагогой». Более двадцати лет многие евреи, коммунисты и беспартийные, верно служили советскому режиму, пополняя ряды профессиональной и культурной элиты страны. Теперь настала пора от них избавляться и продвигать русских, украинцев и представителей других народов советской империи (107).

В течение осени 1947 и в начале 1948 г. группа известных деятелей сионистского движения уговаривала Москву прислать в Палестину «пятьдесят тысяч добровольцев» из числа советских евреев, чтобы они помогли им справиться с арабами и основать независимое еврейское государство. Взамен сионисты обещали учитывать советские интересы. В советском МИД специалисты по Ближнему Востоку с большим скептицизмом отнеслись к этой просьбе, равно как и к идее

поддержки Израиля вообще: среди них преобладала та точка зрения, что приверженцы идеи сионизма в силу своей классовой сущности будут выступать, скорее всего, на стороне США, а не СССР. Как ни странно, несмотря на растущий антисемитизм и чистку аппарата от евреев внутри страны, Сталин отверг доводы скептиков. Весной 1947 г. постоянный представитель СССР в ООН Андрей Громыко выступил с поддержкой образования отдельного арабского государства — в то время как западные государства еще стояли за единую арабо-еврейскую Палестину. Позже Сталин санкционировал массивную военную поддержку сионистам через территорию Чехословакии и одобрил разрешения, данные правительствами стран Восточной Европы, на эмиграцию евреев из этого региона на Ближний Восток. В мае 1948 г., когда в Палестине разразилась арабо-еврейская война, Советский Союз, даже не дожидаясь ее окончания, признал государство Израиль де-юре, прежде чем это сделали Соединенные Штаты. В 1970-х гг. Молотов задним числом утверждал, что «все, кроме Сталина и меня», были против этого решения. Он пояснил, что отказ признать Израиль позволил бы врагам СССР изобразить дело так, будто Москва выступает против национального самоопределения евреев (108).

Вероятно, Сталин решил, что поддержка сионистского движения в Палестине может помочь ослабить влияние Великобритании на Ближнем Востоке. К тому же он, должно быть, рассчитывал на то, что новорожденный Израиль будет хронически слаб и зависим от внешней помощи и что разногласия между англичанами и американцами, многие из которых выступали против поддержки отдельного еврейского государства в Палестине, обострятся. Не исключено, что вождь рассчитывал обрести в Израиле советскую базу на Средиземноморье — еще одна попытка после неудачного ультиматума туркам и провала затеи с североафриканскими колониями (109).

К удивлению Сталина, еврейские вооруженные силы быстро разгромили войска нескольких арабских государств и одержали решительную победу в войне. Помощь советской техникой и людьми сыграла в этом не последнюю роль. Но, как и предсказывало большинство экспертов, Израиль отказался стать советским сателлитом, предпочитая опираться на поддержку администрации Трумэна и правительства Эттли, а также на помощь американского и британского еврейства. Кремлевский вождь увидел, какую бурную радость вызвало появление государства Израиль среди евреев в самом Советском Союзе. Даже жена Ворошилова, Екатерина Давыдовна (Голда Горбман), фанатичная большевичка, в день, когда было объявлено о создании государства Израиль, сказала своим близким: «Вот теперь и у нас есть родина». К этому времени Еврейский антифашистский

комитет (ЕАК) превратился, по мнению Сталина, в «центр антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки». Сталин стал подозревать все старшее поколение евреев, ассимилировавшихся в русскую культуру и принявших коммунистический режим, в сионизме и связи с сионистскими кругами Соединенных Штатов и Израиля. Сталину было хорошо известно, что многие советские евреи считают Соломона Михоэлса, выдающегося актера, возглавлявшего ЕАК, своим неофициальным лидером. В конце войны руководство ЕАК обратилось к Молотову через его жену Полину Жемчужную, а также к Ворошилову и Кагановичу с просьбой рассмотреть вопрос о создании еврейской советской республики в Крыму. Израиль еще не существовал, а Сталин уже начал принимать меры для пресечения сионистского заговора, который, как ему мнилось, зреет внутри Советского Союза. В январе 1948 г. по приказу кремлевского вождя Михоэлс был убит сотрудниками МГБ. Чтобы скрыть убийство, была инсценирована автокатастрофа. В конце 1948 г. были арестованы и допрошены остальные руководители ЕАК. Им, помимо прочего, было предъявлено обвинение в том, что они якобы планировали превратить Крым в сионистско-американскую базу на территории Советского Союза. В январе 1949 г. МГБ арестовало С. А. Лозовского — заместителя Молотова, бывшего главу Совинформбюро и политического куратора ЕАК. Жена Молотова тоже была арестована. Молотов голосовал за арест. Потом он вспоминал, что когда на заседании Политбюро Сталин «прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну, у меня коленки задрожали». Были арестованы еврейские жены и других высокопоставленных лиц — «всесоюзного старосты» Михаила Калинина и Александра Поскребышева, личного секретаря Сталина (110). Это оказалось всего лишь началом широкомасштабной кампании, направленной на искоренение «сионистского заговора». Апогей этой компании настал незадолго до смерти Сталина, во время арестов по «делу кремлевских врачей». Было объявлено, что арестованные врачи, лечившие высших советских руководителей и членов их семей, по указке американского сионистского центра «Джойнт» намеревались физически уничтожить партийное и военное руководство страны. Многие советские евреи, включая высокопоставленных государственных служащих и выдающихся деятелей культуры, жили под страхом неминуемого ареста или депортации в Сибирь (111).

Бредовые обвинения Сталина в адрес ЕАК в намерении отделить Крым от СССР были отзвуками навязчивых мыслей вождя о безопасности южных рубежей. Он, похоже, не мог примириться с тем, что ему не удалось «додавить» Турцию и Иран. Турция, получившая в те

чение 1947–1948 гг. финансовую и военную помощь от американцев, превратилась в ключевого союзника Соединенных Штатов на Средиземноморье и Балканах. Иран продолжал балансировать между великими державами. В то же время Сталин не сдержал обещаний, данных народам Южного Кавказа, и эти неоплаченные векселя осложняли обстановку в регионе. Руководители компартий Грузии, Армении и Азербайджана, все до единого назначенцы Сталина, продолжали подковерную борьбу, вели себя словно сварливые соседи по коммунальной квартире. После того как мечта о возвращении «земель предков», находившихся во владении Турции, не осуществилась, руководители Грузии и Армении начали плести интриги против Азербайджана. Первый секретарь компартии Армении Григорий Арутюнов посылал в Москву жалобы на то, что ему негде размещать и нечем кормить репатриантов, которых пригласили из расчета новых территорий (правда, вместо предполагаемых 400 тыс. в Советскую Армению вернулось лишь 90 тыс. армян). В качестве выхода из создавшегося положения Арутюнов предложил переселить в Азербайджан примерно такое же число крестьян-азербайджанцев, живших на территории Армении. Кроме того, он выступил с предложением вывести из состава Азербайджана Нагорный Карабах, давний предмет спора между армянами и азербайджанцами, и включить его в состав Советской Армении. Багиров в ответ выдвинул возражения и встречные требования. Азербайджанцы, а также грузины жаловались в Москву на рост «армянского национализма» (112).

В декабре 1947 г. Сталин согласился с предложением Арутюнова о выселении азербайджанских крестьян за пределы Армении. Однако перекраивать границы республик он не захотел. Вместо этого кремлевский вождь решил «почистить» Южный Кавказ от подозрительных элементов. В сентябре 1948 г. на круизном лайнере «Победа» (германском трофее), перевозившем армянских репатриантов из-за рубежа в Армению, возник пожар. Известие об этом крайне насторожило Сталина. Находясь на своей черноморской даче, он телеграфирует Маленкову: «Среди армянских репатриантов есть американские агенты, которые подготовили диверсию на теплоходе “Победа”». На следующий день Маленков шлет ответную телеграмму: «Вы, конечно, правы. Примем все необходимые меры». Тут же Политбюро издало секретное решение о прекращении армянской репатриации (113). В апреле — мае 1949 г. вышло постановление Политбюро о том, что все «армянские националисты» (в которые был зачислен ряд репатриантов, прибывших со всех концов света), а также все «бывшие турецкие граждане» из Армении, Грузии и Азербайджана должны отправиться на поселение в Казахстан и Сибирь. Подверглись депортации и черноморские греки. Всего в 1944–1949 гг. с территории Юж-

ного Кавказа были депортированы 157 тыс. человек (114). Подобная «чистка» не покончила с напряженностью в межнациональных отношениях. Тем не менее Сталину удалось снова взять под контроль политическую жизнь в регионе, где бушевали националистические страсти, подогретые его зарубежными авантюрами.

Жертвами сталинских чисток стали и представители русского народа — по официальной версии, ведущего титульного народа СССР. Сталин нанес смертельный удар по «ленинградцам», т. е. по тем партийным и государственным деятелям Российской Федерации, в основном русских, выдвинувшимся из Ленинграда, кто за годы войны и блокады приобрел популярность в городе своими организаторскими качествами и личным мужеством. Эти представители партийно-хозяйственной номенклатуры полагали, что Сталин и впредь будет опираться на них, теперь уже в вопросах послевоенного хозяйственного строительства. Лидерами «ленинградцев» был председатель Госплана СССР Николай Вознесенский, председатель Совета министров РСФСР и член Оргбюро Михаил Родионов, секретарь ЦК ВКП(б) и член Оргбюро Алексей Кузнецов, а также первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Петр Попков. Все они были людьми Жданова, и Сталин первоначально их продвигал. Берия и Маленков, видевшие для себя угрозу в возрастающем влиянии этой группы, делали все возможное, чтобы скомпрометировать «ленинградцев» в глазах вождя. Вскоре им предоставился удобный случай. В феврале 1949 г. Сталин санкционировал расследование по «ленинградскому делу», а также по «делу Госплана» против Вознесенского. Обуреваемый подозрениями диктатор снял Родионова, Кузнецова, Попкова, а затем и Вознесенского со всех занимаемых ими постов. Не прошло и полгода, как все четверо были арестованы органами МГБ, вместе с ними арестам подверглись еще 65 человек из числа руководящих работников, а также 145 членов их семей и родственников. Сталин поручил Маленкову организовать специальную тюрьму для партийных кадров. «Следствие» длилось больше года, арестованных жестоко истязали, добиваясь нужных следователям показаний. Сталин заставлял членов Политбюро, включая Маленкова и министра обороны Николая Булганина, лично проводить допросы. 1 октября 1950 г. Вознесенский, Родионов, Кузнецов, Попков в числе 23 советских и партийных руководителей были тайно казнены и захоронены в безымянных могилах. Примерно в это же время расстреляли и арестованных генералов, среди них Гордова, Рыбальченко и маршала Григория Кулика (115).

Всего за какие-то несколько лет Сталин, по сути, украл у народов Советского Союза — подлинных победителей во Второй мировой войне — все лавры и плоды победы. Диктатор так и не позволил сво-

им подданным насладиться счастьем мирного времени. Разумеется, вряд ли кремлевский вождь смог бы добиться этого без поддержки десятков, сотен тысяч добровольных помощников как среди военных, так и гражданских высших кругов. Ветераны войны, большинство русского народа не были готовы к борьбе за гражданские свободы, рассуждали по принципу «сила соломой ломит», и вновь опустили до положения послушных «винтиков» в механизме государственной машины. Многие из них приветствовали и активно поддерживали превращение СССР в мировую империю, ракетно-атомную сверхдержаву. Пробудившееся в начальстве и народе за годы Отечественной войны национальное самосознание выродилось в шовинизм, в обществе воцарилась внушенная пропагандой убежденность в агрессивных происках «империалистического Запада», якобы готовящегося к войне против Советского Союза. Оставаясь во власти этих представлений и настроений, миллионы советских граждан не сомневались в мудрости Сталина и, несмотря на голод и жестокие трудовые и жизненные условия, обожествляли своего лидера (116). Многие ветераны стали считать, что советский контроль над Восточной Европой — естественное и необходимое следствие их победы, компенсация за поруганные мечты о хлебе насущном, счастье и благополучной жизни после войны. Постоянные авралы, накачки, проработки оправдывались внешней опасностью, страхи репрессий вытеснялись из сознания страхом будущей войны, возмещались культом непобедимой советской военной мощи, воинствующим антиамериканизмом и враждебностью Западу в целом. Подобное мировоззрение на долгие годы станет основной отличительной чертой большинства русских людей в СССР (117).

К ужасу и смятению идеалистов-интернационалистов в партии и комсомоле, советская печать и радио беззастенчиво разжигали настроения великорусского шовинизма и одновременно обрушивались с площадной руганью на «безродных космополитов», занимаясь «разоблачением» деятелей культуры, скрывавших свою еврейскую «национальность» под русскими псевдонимами. Настоящий погром произошел в университетах. На заседании истфака МГУ, во время которого профессоров-евреев травили и изгоняли с работы, молодой историк, член партии и ветеран войны Анатолий Черняев услышал от своего друга-партийца такое объяснение: «С еврейским засильем идет борьба. Партия очищается от евреев. Им никакого доверия. Никакого ходу в общественную жизнь». Лишь немногие, в их числе молодые ветераны войны, осмеливались выступать открыто против антисемитской кампании. Они тут же исключались из партии и исчезали из университетов (118). Антисемитам из числа профессоров и аспирантов эта кампания, направляемая по линии партийных ор-

ганов с самого верха, внушила такое же чувство всевластия и бесконтрольности, которое ощущали рядовые нацисты при Гитлере. Вот как еще один свидетель описывал таких людей: «Война дала им вкус к власти. Они были не способны критически мыслить. Они учились, чтобы стать хозяевами жизни» (119).

На ученом совете истфака в МГУ в марте 1949 г., во время которого должны были осудить профессоров-космополитов (среди них был и дед автора этой книги Лев Израилевич Зубок), историк Сергей Сергеевич Дмитриев поинтересовался у своего коллеги Бориса Федоровича Поршнева, что лежит в основе этой кампании. И услышал в ответ: «Война. Готовить нужно народ к новой войне. Она близится» (120). Наступление холодной войны, вначале ставшее досадным сбоем во внешних планах, стало в какой-то момент подспорьем для планов Сталина внутри страны: внешняя угроза помогала оправдать и антисемитскую кампанию, и депортацию армян, азербайджанцев и греков, и подобные же депортации из Западной Украины и Прибалтики. Холодная война помогала сплачивать великорусское ядро созданной им «социалистической империи». Кроме того, страхи перед новой войной помогали искоренять недовольство и разногласия среди руководящей верхушки. Большинство в госаппарате, армии и госбезопасности были убеждены, что Запад готовится напасть на Советский Союз и что надо готовиться к отпору агрессору.

Эта убежденность еще более окрепла, когда в июле 1946 г. Соединенные Штаты провели в присутствии международных наблюдателей испытания двух атомных бомб на атолле Бикини в Тихом океане. Испытания проводились спустя лишь две недели после того, как американцы обнародовали свой план, который касался «международного контроля» атомной энергии, к тому же накануне мирной конференции в Париже (с 29 июля по 15 октября 1946 г.), созывавшейся с целью обсудить условия мирных договоров с Германией и ее сателлитами. Свидетелями атомных испытаний стали двое советских наблюдателей, которые сообщили об их результатах кремлевскому руководству. Один из них, генерал-майор НКГБ Семен Александров, профессор-геолог и специалист по поиску урановых месторождений для советского атомного проекта, привез в Москву отснятый им во время испытаний фильм и показал его в Кремле, а также у себя дома друзьям и коллегам (121).

В советских политических кругах не сомневались, что атомная монополия США служит инструментом американской послевоенной дипломатии и угрожает безопасности СССР. Даже самые образованные и проницательные члены советской элиты разделяли сталинские представления о послевоенном устройстве мира. Писатель Константин Симонов, прослуживший военным корреспондентом всю

войну — от начала трагического отступления советской армии летом 1941 г. и до взятия Берлина в 1945 г., — причислял себя к «поколению победителей». В начале 1946 г. по решению Политбюро его в составе небольшой группы, куда входили другие журналисты и писатели, послали в Соединенные Штаты с пропагандистской миссией. Зрелище достатка и сытости Америки после советской разрухи поразило Симонова. Он был также обеспокоен ростом антисоветских настроений, которые наблюдались в американском обществе. По возвращении на родину Симонов доложил о своих впечатлениях Сталину и, по совету вождя, написал пьесу «Русский вопрос», в которой американские политики и газетные магнаты замыслили развязать войну против Советского Союза и настраивают против него простых американцев. Главный герой пьесы, прогрессивный американский журналист, жаждет разоблачить этот политический заговор. Он едет в Советский Союз и собственными глазами убеждается, что русские не хотят новой войны. Несмотря на заказной и непрекротно агитационный характер пьесы, нет сомнений в том, что Симонов страстно верил в то, о чем писал. Как может Советский Союз угрожать кому-либо, когда сам он понес такие огромные потери? Симонов был убежден, что если Советский Союз не восстановит народное хозяйство и если его народ не пойдет на новые жертвы, то гибель страны неизбежна. Сталину пьеса Симонова понравилась. Отрывки из нее были напечатаны и читались по радио. Пьеса была включена в постоянный репертуар многих театров Советского Союза и стран Восточной Европы. По ее мотивам режиссер Михаил Ромм снял фильм, который смотрели миллионы советских зрителей. Даже годы спустя Симонов продолжал считать, что выполнил важную задачу: в 1946 г. Советский Союз стоял перед суровым выбором — либо отомобилизоваться перед лицом внешней угрозы, либо погибнуть (122).

Сталин ставил своей целью создание «социалистической империи» — несокрушимой, защищенной со всех флангов. Однако сама эта империя покоилась на уязвимом фундаменте. История человечества знала процветающие и долговечные империи, такие как Афины и Рим, персидская, китайская и британская. Эти империи строились с помощью военной силы, но также и с помощью законов, финансовых рычагов, и также за счет блеска своих элит, их умения демонстрировать свое культурно-цивилизационное превосходство над «варварами». Эти империи в лучшие периоды своего существования умели кооптировать и цивилизовать элиты захватываемых территорий, проявлять терпимость к религиям покоренного населения, развивать торговлю, строить разветвленную инфраструктуру — иными словами, убеждали миллионы своих подданных в преимуществах большого, мощного, культурного государства (123). Сталинская «со-

циалистическая империя» исповедовала интернационалистические принципы марксизма-ленинизма, популярные в определенной части европейской интеллигенции. Но в странах, только что освобожденных от нацизма, советские власти начали внедрять «новый порядок» по большевистско-сталинским лекалам: уничтожение традиционных элит, включая интеллигенцию и церковь, и строительство тоталитарной системы в экономике и общественной жизни. Сталинская империя лишила население подчиненных ей стран Восточной Европы гражданских свобод и имущества, свободы совести, права на достойную, зажиточную жизнь, свободную информацию и общение с внешним миром — всего, чем многие в этих странах уже привыкли пользоваться. Эта империя лишала людей чувства собственного и национального достоинства, предлагая взамен лишь пародию на социальную справедливость. Кроме того, с точки зрения многих восточноевропейцев, империя Сталина несла им не новую высшую цивилизацию, а азиатское варварство.

Советское государство, построенное на крови миллионов людей всех национальностей, спекулировало на национальных чаяниях и умножало народные страдания. Эта империя расширялась и укреплялась не только на штыках, но и за счет веры в коммунистическую идеологию среди интеллектуалов, образованной молодежи средних классов и подверженной шовинистической пропаганде части рабочих и бедняков, проживавших на обширной территории Европы и Азии. В странах, где побеждали коммунисты, марксистско-ленинское учение подменяло собой религию. Вершину имперской пирамиды, возведенной на вере людей в призрачное светлое будущее, венчал культ самого Сталина, непогрешимого вождя всех времен и народов. Вождя, который на деле оказался простым смертным: кончина Сталина неминуемо должна была вызвать громадный кризис всей его империи и борьбу за право на престол между его преемниками.

Главное, что на Западе Советскому Союзу противостоял уверенный в себе, большой, богатый и энергичный соперник. США, используя свою финансовую и экономическую мощь, помогли послевоенному возрождению и до известной степени перерождению стран Западной Европы и Японии. Там удалось воссоздать или создать заново либерально-демократические ценности на основе стремительного развития капиталистической экономики и общества массового потребления. Вместо борьбы каждого против всех западные капиталистические демократии, прежде всего Соединенные Штаты и Великобритания, начали сотрудничать: вначале в военно-политической сфере — против советской и коммунистической угрозы, а затем в сфере торговли и экономики, постепенно формируя всемирный капиталистический рынок. Борьба с таким обновленным и солидарным

Западом в долгосрочной перспективе не оставляла Сталину никаких шансов на победу. Впервые со всей болезненной для советской стороны очевидностью это проявилось в Германии, где Кремль попытался превратить советскую зону оккупации в основной стержень своей империи в Центральной Европе и передовой край в противоборстве с западными союзниками. Вместо этого Советский Союз приобрел для себя в лице Восточной Германии тяжелую экономическую обузу и постоянный источник геополитической конфронтации.

Глава 3

ПУТЬ К РАЗДЕЛУ ГЕРМАНИИ, 1945–1953

Что нам этот социализм в Германии? Была бы буржуазная Германия, только бы миролюбивая.

Берия, май 1953

Кто может из марксистов трезво судить вообще, который стоит на позициях, близких к социализму и к советской власти, кто может думать о какой-то буржуазной Германии, которая будет миролюбивой и под контролем четырех держав?

Молотов, июль 1953

Раздел Германии на два государства, форпосты двух противостоящих военно-политических блоков — одно из самых драматических следствий конфликта между Советским Союзом и западными державами. На Западе написано немало книг о том, как американские и британские политики, а также военные сознательно шли на создание Западной Германии с целью сдерживания советского влияния в Европе (1). Чего же добивался Сталин? Сведения об этом все еще неполны и противоречивы. Владимир Семенов, назначенный Сталиным в 1946 г. верховным комиссаром СССР в Восточной Германии, вспоминал пятнадцать лет спустя о тех «тончайших дипломатических ходах», которые предпринимал Сталин, проводя политику СССР по германскому вопросу (2). Но, к сожалению, тексты шифрограмм Сталина Семенову и другим советским представителям в Германии, хранящиеся в российских архивах, до сих пор имеют гриф секретности.

Нехватка документов, как обычно, дает исследователям простор для споров и гипотез, нередко полярно противоположных. Некоторые ученые считают, что Сталин предпочитал иметь в центре Европы единую некоммунистическую Германию, а не создавать отдельное сателлитное государство — Германскую Демократическую Республику (ГДР) (3). Отдельные специалисты даже полагают, что Сталин не собирался советизировать Восточную Германию, а вышло это

случайно, как бы по ходу дела, в результате импровизаций на местах (4). При всем уважении к авторитету и знаниям этих ученых, с их мнением нельзя согласиться. Доступные источники и сведения указывают на то, что Сталин считал будущее Германии делом большой политики и не терпел от своих подчиненных импровизаций по этому вопросу. Все также говорит о том, что Сталин, несмотря на густой пропагандистский камуфляж, прикрывавший его истинные намерения демонстрацией стремления построить единую, нейтральную Германию, на самом деле эту идею никогда не поддерживал. «Нейтральная» Германия еще могла бы устроить Сталина при условии ухода из нее западных оккупационных войск. Но США в одностороннем порядке уходить из Германии не собирались. И Сталин уже в 1945 г. начал подготовку к созданию в советской оккупационной зоне государства-сателлита, плацдарма для постоянного советского военно-политического присутствия в центре Европы.

К этому же подталкивали и советские экономические интересы. Зона оккупации в Германии, как уже отмечалось, стала источником разнообразных благ для советской стороны. После окончания войны из Восточной Германии в Советский Союз хлынул поток трофеев. Для высших советских военных и хозяйственных руководителей эта территория превратилась в источник самообогащения, для людей промышленности и науки — в кладезь передовых технологий и оборудования. Немаловажная деталь: в оккупированной советскими войсками Саксонии немедленно началась промышленная добыча урана, который впоследствии стал использоваться для создания первых советских атомных бомб.

В действиях тысяч советских военных и политических советников в Восточной Германии присутствовали, осознанно или бессознательно, могучие психологические мотивы и идеологические установки. По окончании Второй мировой войны миллионы советских людей — не только Сталин и военно-политические элиты — были озабочены будущим Германии. «Германия социалистическая» — мечта революционеров-большевиков в начале 1920-х гг. — станет на десятилетия в глазах миллионов советских людей самым убедительным свидетельством того, что больше воевать с немцами не придется. Неимоверные испытания и жертвы прошедшей войны требовали в общественном мнении советских людей чего-то большего, чем «нейтральная, миролюбивая» Германия, в возможность существования которой мало кто верил.

Разумеется, раздел Германии диктовался в первую очередь геополитическими расчетами вождя. Сталин не собирался выводить советские войска из центра Европы. По мере того как усиливалось противостояние Советского Союза с Западом, усиливалась и группировка

советских войск в Восточной Германии. Сотни тысяч советских военнослужащих готовились уже не для оборонительной войны, а для наступательных операций, для выхода в кратчайший срок к берегам Ла-Манша и отрогам Пиренейских гор.

Но оказалось, что Восточная Германия стала не только ключевым, но и самым уязвимым звеном в советской империи. Сталин, считая себя специалистом по национальному вопросу, всегда помнил о силе германского национализма и стремился использовать его в своей большой игре. Он считал, что вину за раскол германского народа нужно во что бы то ни стало возложить на западные державы. Вот почему Советский Союз не афишировал того обстоятельства, что Восточная Германия постепенно интегрируется в советскую империю, и не стал наглухо закрывать границу между Восточной и Западной Германией, а также границу с западными зонами в Берлине. В этой связи Германия стала уникальным местом, где сравнительно открыто происходило формирование двух обществ — демократического капитализма и сталинского «социализма». В самые первые годы оккупации казалось, что советские власти успешно консолидируют «свою Германию» и даже опережают в этом процессе западные державы. Однако уже в конце жизни Сталина стало очевидно, что борьба двух систем в важнейшей стране Европы только начинается и что в этой борьбе, если границы между востоком и западом Германии останутся открытыми, Советский Союз обречен на поражение.

Установление оккупационного режима

Судя по документам, советские власти начали верстать планы по оккупации Германии в 1943 г., еще до того, как первый советский солдат ступил на землю Восточной Пруссии. Впрочем, по понятным причинам эти планы носили достаточно неопределенный характер. Сталин выжидал. Советский дипломат Иван Майский записал в своем личном дневнике: «Наша цель состоит в том, чтобы предупредить возникновение новой агрессии со стороны Германии». Но, с точки зрения большевиков, «внутренние гарантии» достижения этой цели «могут быть созданы только полнокровной и глубокой пролетарской революцией в результате войны и созданием в Германии прочного советского строя». Майский, однако, не видел внутри Германии таких гарантий. Поэтому он предлагал «внешние гарантии», а именно «сильное и длительное ослабление Германии, которое сделало бы для нее физически невозможной какую-либо агрессию» (5). Спустя двадцать лет маршал Родион Малиновский и маршал Сергей Бирюзов будут утверждать, что в 1945 г. они исходили из того, что германская экономика должна быть максимально ослаблена. По их словам, Ста-

лин «сознательно разрушал» экономику Пруссии. «Он не верил, что мы останемся в Германии, и боялся, что все это снова будет против нас». «Он верил и не верил. У него было две установки. Даже если бы мы не удержались в Германии, то это было бы величайшей победой для России. Понимаете! Но не для коммунистов [в Германии]» (6).

Сталин всегда с подозрением относился к Западу и до самого конца Третьего рейха опасался сепаратного мира между Германией и западными державами. Во время конференции в Крыму он сделал вид, что Советский Союз не слишком заинтересован в немецких репарациях (7). По мнению Майского, Сталин решил «не пугать союзников нашими требованиями, заинтересовать союзников открывающимися перед ними возможностями». Более того, кремлевский вождь сократил планы по использованию германских военнопленных в качестве рабочей силы для восстановления советских городов и народного хозяйства (8). На самом деле заинтересованность СССР в экономической эксплуатации Германии была огромной. 11 мая 1945 г. Сталин указал Маленкову, Молотову, председателю Госплана Николаю Вознесенскому, Майскому и другим чиновникам высшего звена на необходимость скорейшего демонтажа и переброски немецких военно-промышленных предприятий в Советский Союз в целях обеспечения восстановления экономики промышленных районов, особенно Донбасса. Во время этого обсуждения Молотов подчеркнул, что нужно успеть демонтировать все промышленное оборудование в Западном Берлине, пока он не перешел под контроль западных держав. «Слишком дорого обошелся нам Берлин» (9).

В планах Кремля относительно будущего Германии главное место отводилось вопросам о границах и зонах оккупации (10). Сталин и его окружение перекроили карту Германии. Пруссия, «осиное гнездо германского милитаризма», была уничтожена. Восточная часть Пруссии вместе с Кенигсбергом отошла к Советскому Союзу. Западная ее часть, вместе с городом Данциг, вошла в возрожденную Польшу. Кроме того, Сталин решил передать Польше германские земли Силезию и Померанию — в качестве компенсации за территорию Восточной Польши, населенную преимущественно украинцами и белорусами, которую Советский Союз аннексировал в 1939 г. и удержал за собой в конце войны. Все немецкое население восточногерманских земель было изгнано или убежало само — от террора советской армии. Советские власти поддерживали политику поляков и чехов по изгнанию всех этнических немцев с земель, на которых они жили столетиями. Западные союзники не возражали. К концу 1945 г. в общей сложности 3,6 млн немцев Пруссии наряду с 10 млн немцев из других частей Восточной Европы стали изгнанниками, потеряли свои дома и земли или были убиты. Большая часть беженцев из восточных земель ока-

зались в той части Германии, которая была оккупирована западными союзниками. Геополитическая и этническая карта Восточной и Центральной Европы радикально изменилась (11).

Первоначально, на конференции в Ялте, руководство западных держав было склонно сотрудничать с Советским Союзом в германском вопросе и договориться о разделе Германии на несколько государств. Сталин на словах с этим соглашался, но, по-видимому, с самого начала не верил в такое сотрудничество и готовился к борьбе за Германию с западными союзниками. В конце марта 1945 г. группе чехословацких руководителей, посетивших его с визитом, он сообщил о том, что западные державы «постраются спасти немцев и сговориться с ними» (12). 11 мая 1945 г. на заседании ГКО на Старой площади Маленков сослался на слова Сталина: «Германия поражена силой оружия, но за души немцев нам еще придется повоевать — тут битва будет трудной и длительной» (13). А 4 июня 1945 г., на встрече с немецкими коммунистами, Сталин рассказал им, что план расчленения Германии «имелся у англо-американцев», но лично он, Сталин, был против этого. И все же, добавил он, в перспективе «будет две Германии — несмотря на все единство союзников». Что Сталин при этом имел в виду, источник не поясняет. Но с самого начала отсутствие в Германии единого правительства, которое могло бы стать правопреемником Германской республики веймарского периода (1919–1933 гг.), делало ситуацию крайне неопределенной. Чтобы дать немецким коммунистам возможность укрепить свои позиции в политической жизни Германии, Сталин настоял на их объединении с социал-демократами в партию «немецкого единства». Такая партия могла бы, по советским замыслам, распространить свое влияние и на западные зоны. Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) была создана в зоне советской оккупации в феврале 1946 г. (14).

Однако не эта партия, а Советская военная администрация в Германии (СВАГ) стала ключевым институтом для претворения в жизнь советской политики на оккупированной германской территории. К началу 1946 г. СВАГ, конкурируя по численности с западными оккупационными властями, выросла в большую бюрократическую машину. Ее аппарат насчитывал до 4 тыс. сотрудников, которые, как и подобало представителям державы-победительницы, имели значительные привилегии: двойную зарплату — в советских рублях и немецких марках; лучшие условия жизни, чем у высокопоставленных чиновников в Советском Союзе; права и статус, позволявшие им помыкать теми, кто еще недавно был «господствующей расой» Европы. Поскольку этот аппарат работал на «передовом крае» и был подвержен опасным влияниям, исходившим из западных зон, за ним присматривали две конкурирующие спецслужбы — МВД и МГБ (15).

Георгий Жуков, первый главноначальствующий СВАГ, довольно скоро утратил этот пост: Сталина беспокоила всенародная слава маршала, к тому же обладавшего своевольным характером. Сменивший Жукова на этой должности маршал Василий Данилович Соколовский, бывший учитель сельской школы, был образованным и вместе с тем скромным и непритязательным человеком (16). В помощь военному начальнику СВАГ Сталин ввел должность политсоветника. В феврале 1946 г. эту должность занял Владимир Семенович Семенов: ничто в прошлой жизни 34-летнего кандидата наук и дипломата среднего звена не предвещало такую стремительную карьеру. Семенов решил ознакомиться с архивными материалами оккупации Наполеоном германских государств и Пруссии в начале XIX в. Увы, молодой дипломат не нашел в архивах ничего, что помогло бы ему в предстоящей деятельности, беспрецедентной по сложности и масштабам (17).

Сталин, давая указания Военной администрации и Семенову, прибегал к осторожным и обтекаемым формулировкам — к этому его вынуждала неясность политической ситуации в Германии, а также неопределенность в отношениях с западными державами. И хотя Сталин ни на минуту не сомневался, что за Германию предстоит бороться, ему было не совсем понятно, до какой степени Америка готова ввязаться в эту борьбу. Еще в октябре 1944 г. Черчилль в беседе со Сталиным сказал, что «американцы, вероятно, не намерены участвовать в долговременной оккупации [Германии]» (18). Однако с осени 1945 г. произошло множество событий, которые свидетельствовали об обратном: американцы останутся в Германии надолго. После Хиросимы руководители США стали вести себя гораздо более самоуверенно и оспаривали право Советского Союза на господствующее положение в Центральной Европе и на Балканах. Отныне главным вопросом для Сталина были не столько американские намерения, сколько необходимость сохранения и закрепление советского военного присутствия в Центральной Европе, прежде всего в Германии.

В сентябре 1945 г. Сталин отверг предложение госсекретаря США Джемса Бирнса подписать договор, предполагавший демилитаризацию Германии на срок от двадцати до двадцати пяти лет. Во время переговоров с Бирнсом в Москве в декабре 1945 г. Сталин, удовлетворенный решением американцев придерживаться формата сотрудничества, выработанного на конференциях в Ялте и Потсдаме, заявил, что «в принципе» согласен обсудить идею о демилитаризации Германии. Но это был всего лишь тактический маневр. Сталина по-прежнему не устраивала идея Бирнса. Со всей очевидностью это проявилось в феврале 1946 г., когда Бирнс предъявил советской стороне свой проект договора о демилитаризации Германии. Несколько

месяцев Сталин, его дипломаты и военные обсуждали американское предложение. Против предложения американцев выступило почти все высшее военное и дипломатическое руководство страны. В мае 1946 г. 37 человек, включая членов Политбюро, представили на рассмотрение Сталину свои заключения (19). Жуков писал: «Американцы желают как можно скорее закончить оккупацию Германии и удалить вооруженные силы СССР из Германии, а затем поставить вопрос о выводе наших войск из Польши, а в дальнейшем и из Балканских стран» (20). Заместитель министра иностранных дел Соломон Лозовский в своей докладной записке был даже более категоричен. «Принятие проекта Бирнса, — писал он, — привело бы к ликвидации оккупационных зон, к выводу наших войск, к экономическому и политическому объединению Германии и к экономическому господству Соединенных Штатов Америки над Германией». А это, в свою очередь, «означало бы и военное возрождение Германии, а через несколько лет — германо-англо-американскую войну против Советского Союза». Министерство иностранных дел подготовило заключение, в котором делался вывод о том, что правительство США, выдвигая предложение о демилитаризации Германии, преследует следующие цели: покончить с оккупацией Германии; сорвать получение СССР репараций; отойти от решений, принятых союзниками на Крымской и Берлинской конференциях; ослабить влияние СССР на Германию в европейских вопросах; ускорить восстановление реакционной Германии с тем, чтобы использовать ее против Советского Союза. Эти выводы превратились в общепринятый набор установок, который стал использоваться в дальнейшей дипломатической переписке в тех случаях, где нужно было дать общую оценку американской внешней политике (21).

Ни в одном советском документе по Германии нет и намека на то, что советское руководство сколько-нибудь основательно пересмотрело оборонительные возможности страны ввиду ядерных возможностей американцев. Однако память об атомном облаке над Хиросимой, безусловно, сказывалась на раздумьях по германскому вопросу в Кремле. В беседе с Бирнсом 5 мая 1946 г. Молотов поинтересовался, почему «в мире нет почти ни одного уголка, куда бы США не обращали своих взоров», и почему американцы «всюду организуют свои авиационные базы», включая Исландию, Грецию, Италию, Турцию, Китай, Индонезию и другие страны (22). С этих баз, как прекрасно понимали Сталин, Молотов и советский Генштаб, американские бомбардировщики с атомным оружием на борту могли с легкостью нанести удар по любой точке Советского Союза. Позже, в начале 1950-х гг., это обстоятельство привело к значительному наращиванию советского военного присутствия в Центральной Европе — с тем,

чтобы в случае ядерной атаки Соединенных Штатов нанести ответный, а может быть, и превентивный удар против союзников США в Западной Европе.

Сталин и все высшее руководство страны пришли к единому мнению, что если вывести войска с территории Восточной Германии, то Советский Союз лишится повода и возможности разворачивать свои вооруженные силы в Центральной Европе и на Балканах. В этом случае опустошенная войной Германия вместе с другими странами Центральной Европы автоматически попадет в зависимость от экономической и финансовой помощи США — разумеется, на американских политических условиях. Лучший способ этого избежать — продлить совместный оккупационный режим на неопределенный срок. Жуков, Соколовский и Семенов намеревались «тем не менее воспользоваться американской инициативой, чтобы связать им руки (и британцам тоже) на будущее в германском вопросе» (23). А тем временем, быть может, в капиталистических странах наконец-то наступит неизбежный после войны экономический кризис, и Соединенные Штаты, отказавшись от своих планов на господство в Европе, снова вернутся к политике изоляционизма.

Между тем сами американцы, охладев к идее сотрудничества с Советским Союзом в Германии, перешли к методам «сдерживания» советской угрозы. Бирнс достиг соглашения с Бевиным о том, чтобы объединить управление американскими и британскими зонами. Так была создана Бизония. В своей речи 6 сентября 1946 г. в Штутгарте госсекретарь США, прибывший сюда в сопровождении сенатора-республиканца Артура Вандерберга и сенатора-демократа Тома Конэлли, заявил: «Мы не собираемся уходить. Мы здесь остаемся». В заключение речи Бирнс предложил, чтобы именно Соединенные Штаты, а не Советский Союз, стали основным гарантом будущей суверенной демократической Германии. Пообещав передать германскому правительству контроль над Руром и зарейнскими землями, Бирнс вдобавок намекнул, что Соединенные Штаты вовсе не считают новую границу Германии с Польшей (по линии Одер — Нейссе) окончательной (24).

Речь Бирнса укрепила кремлевские власти во мнении о том, что администрация США желает избавиться от советского присутствия в Германии и не признает за Советским Союзом сферы влияния в Центральной Европе. И все же трактовать речь госсекретаря можно было двояко — в более «мягкой» форме или в более «жесткой». Сторонник «жесткой линии» заместитель Молотова Сергей Кавтарадзе писал, что Соединенные Штаты «потенциально являются самым агрессивным государством. Если возможность новой войны не исключена, то, несомненно, ее возглавят США». Превратив Германию в свою базу

и устранив в ней присутствие «советского фактора», американцы «могут реально рассчитывать на доминирующее диктаторское положение в Европе». Согласно этой оценке, речь госсекретаря являлась частью стратегического плана, нацеленного на Советский Союз. Другие высшие чиновники советского МИД писали, что Бирнс хочет мобилизовать «германскую реакцию» и «германских националистов» против Советского Союза, однако они не называли действия американцев агрессивным планом. Некоторые из сотрудников МИД продолжали настаивать на том, что политический и дипломатический компромисс по германскому вопросу все еще возможен (25). Тем не менее из имеющейся внутренней переписки нельзя определить, какова могла быть основа такого компромисса.

Решающее слово, разумеется, оставалось за Сталиным. Кремлевский властитель обсуждал положение дел в Германии с Молотовым, Вышинским, Деканозовым, Жуковым, Соколовским и другими, но по-прежнему уклонялся от прямых оценок. Ставя задачи перед будущими лидерами СЕПГ Вальтером Ульбрихтом и Вильгельмом Пеком, Сталин пользовался революционной лексикой большевиков: «программой-минимум» было сохранить единство Германии на буржуазно-демократической (Веймарской) основе; «программа-максимум» обуславливала построение социализма в Германии в соответствии с советским пониманием «демократического пути» развития этой страны (26). Как бы ни относиться к подобным рассуждениям, очевидно, что Сталин тянул время и не спешил с советизацией в зоне советской оккупации — в надежде на то, что влияние немецких коммунистов распространится на территорию остальной Германии. Сталинский двухэтапный план развития событий имел бы смысл в том случае, если бы в мире действительно разразился послевоенный экономический кризис и Соединенным Штатам пришлось бы вывести свои войска из Западной Германии. Однако этого не произошло — ни в 1946 г., ни после.

В своем дневнике Семенов вспоминал, что Сталин встречался с ним и с немецкими коммунистами, по меньшей мере, «каждые два-три месяца». Кроме того, он утверждал, что получал прямые указания от Сталина по стратегическим вопросам, которые нацеливали на то, чтобы мало-помалу строить в советской зоне «новую Германию». По словам Семенова, существуют записи «более сотни» бесед со Сталиным на тему планов политического строительства в послевоенной Германии. Однако в книге учета посетителей Сталина отмечено только восемь встреч Семенова и делегаций восточных немцев с советским вождем в Кремле, а поиски сведений о других встречах в архивах не увенчались успехом (27). Существенно пошатнувшееся

здоровье все более вынуждало Сталина делегировать текущие дела в Германии своим заместителям и чиновникам.

Как уже было упомянуто, Сталин давал своим подчиненным довольно расплывчатые указания по Германии, а то и вовсе избегал четких инструкций. Это объяснялось тянущейся неопределенностью в решении германского вопроса, но были и факторы внутривнутриполитического характера. Сталин любил сохранять недосказанность, сеять междоусобицу среди своих подчиненных, а затем играть роль посредника в их конфликтах. Он допускал и даже поощрял различные, порой противоречащие друг другу интерпретации политики в отношении Германии. Из-за политических интриг в высших эшелонах советской бюрократии затруднялась деятельность СВАГ. Советские органы управления в Германии подчинялись различным ведомствам в Москве, включая Наркомат обороны и Министерство иностранных дел. При этом некоторые из должностных лиц имели возможность напрямую доносить свои соображения до Сталина и его заместителей и заручаться поддержкой различных отделов ЦК партии. Каждый из функционеров СВАГ отвечал за определенный участок работы в соответствии с поставленными планами и задачами, и там, где их деятельность пересекалась, нередко возникали конфликты. Отдельные советские представители имели дело с различными группами в восточногерманском обществе и вынуждены были считаться с их интересами. Все эти факторы усугубляли хаос и нескоординированность в советских действиях в Германии (28).

Нет оснований считать, что именно Семенову принадлежала исключительная роль в осуществлении советской политики на территории Германии (29). Были и другие важные и относительно автономные исполнители этой политики. Одним из них был руководитель Управления политической информации и пропаганды СВАГ полковник Сергей Иванович Тюльпанов — военный интеллектual с познаниями в области международной экономики и опытом пропагандистской работы. Тюльпанов, похоже, имел могущественных покровителей в Москве. Среди них были влиятельные помощники и любимцы Сталина: Л. З. Мехлис, возглавлявший Государственную штатную комиссию при правительстве, а также член Политбюро и секретарь ЦК А. А. Кузнецов, один из «ленинградских партийцев», которому подчинялось Управление кадров ЦК. Имея таких покровителей, Тюльпанов вплоть до 1948 г. мог действовать со значительной долей автономии от политсоветника Семенова. Он курировал средства массовой информации и цензуру, кинематограф, деятельность политических партий и профсоюзных организаций, а также отвечал за политику СВАГ в области науки и культуры в советской зоне оккупации. Тюльпанов оставался на своей должности даже по-

сле того, как несколько раз подвергся резкой критике со стороны некоторых весьма высокопоставленных лиц, обвинявших его в провале советских ставленников на первых выборах в восточной зоне и в том, что пропаганда коммунистических идей в Западной Германии провалилась (30).

Советские интересы в Германии были так многообразны и противоречивы, что Соколовскому, Семенову, Тюльпанову и другим сотрудникам СВАГ приходилось проводить в жизнь сталинские замыслы, действуя нередко на свой страх и риск. Представители Военной администрации, наводя порядок в восточной Германии, имели в виду прежде всего порядок советского образца, поскольку иного они не знали. В то же время они понимали, что плохое обращение с гражданским населением в советской зоне оккупации только осложнит борьбу за всю Германию (31). За демонтаж военно-промышленных предприятий жители Восточной Германии получили своеобразную компенсацию: рацион их питания в голодные послевоенные годы был лучше, чем у немцев в западных оккупационных зонах, и гораздо лучше, чем у русского, белорусского или украинского населения в СССР. В самый разгар жесточайшей засухи в СССР Сталин не стал добиваться репараций с немцев сельскохозяйственными продуктами, хотя это могло бы спасти жизни многих советских граждан, прежде всего крестьян, от голодной смерти (32).

В октябре 1945 г. Сталин даже попытался обуздать советские наркоматы, которые занимались разграблением промышленного потенциала в восточной зоне. В конце концов, надо было сохранить немецкий рабочий класс — базу для будущего просоветского режима. В ноябре он сообщил посетившим его польским коммунистам, что Советский Союз планирует оставить некоторые предприятия в Германии и будет только получать их конечную продукцию. Советские власти организовали 31 акционерное общество (SAG), которые действовали на базе 119 немецких заводов и фабрик, первоначально предназначавшихся к вывозу. К концу 1946 г., констатирует историк Норман Наймарк, «примерно тридцать процентов всего промышленного производства на территории Восточной Германии принадлежало СССР». Стратегическое значение имело советское государственное акционерное общество «Висмут» в Саксонии, которое занималось добычей и обогащением урана — топлива для первых советских атомных бомб (33).

Советское руководство и различные советские ведомства долго не могли определиться с приоритетами, что было важнее: выстроить новую Германию в зоне советской оккупации, или получить с нее репарации, или побороться за всю Германию целиком? В этом точки зрения МИД, военных и хозяйственников в корне расходились. Пе-

ревозка демонтированных немецких промышленных предприятий в Советский Союз продолжалось даже после сталинских директив: это диктовалось нуждами советского народного хозяйства, а также осуществлением гигантских военных программ. Когда западные союзники летом 1946 г. отклонили все заявки советской стороны на поставку в СССР ресурсов и оборудования из западных зон Германии, это привело к новой волне демонтажа предприятий в советской зоне (34). Только в связи с нарастанием напряженности в отношениях с Западом, когда западные зоны оккупации, по соглашению между США и Великобританией, стали сливаться в одно западногерманское государство, противоречия в приоритетах разрешились сами собой. СВАГ и восточногерманские коммунисты стали все более явно заниматься преобразованием и консолидацией Восточной Германии в отдельное целое. Эта цель становилась все более приоритетной.

Интеграция Восточной Германии в советский блок

С первых дней оккупации без всяких согласований с союзниками советские власти начали осуществлять в восточной зоне Германии строительство нового общества и государства. Уже в 1945 г. советские власти и немецкие коммунисты провели радикальную земельную реформу: крупные поместья были поделены на участки и розданы в собственность хуторским крестьянам. Семенов вспоминал, что Сталин очень внимательно следил за ходом земельной реформы. В свое время большевики удержали власть и победили в Гражданской войне главным образом потому, что позволили крестьянам забрать у помещиков землю и имущество. То же самое, полагал Сталин, могло помочь привлечь и немецких крестьян. Действительно, немецкие хуторяне-*бауэры* были не прочь прибрать к рукам земли землевладельцев-*юнкеров*, тем более что это имело видимость «законности». Земельная реформа в Восточной Германии, как и повсюду в Центральной Европе, была проведена успешно и принесла политические дивиденды советским властям и их назначенцам из числа местных коммунистов (35).

Во время встречи с Ульбрихтом и Пеком в феврале 1946 г. Сталин одобрил концепцию «особого немецкого пути к социализму». Он выразил надежду на то, что образование СЕПГ «послужит хорошим примером для западных зон» (36). Однако в глазах многих немцев, и в особенности немецких женщин, сторонники СЕПГ ассоциировались с советскими войсками — с теми, кто насиловал и грабил в первые недели и месяцы оккупации. В октябре 1946 г. СЕПГ потерпела унижающее поражение на первых после войны муниципальных

ных выборах в советской зоне, особенно в Берлине с пригородами: 49 % избирателей проголосовало за некоммунистические партии центристского и правого толка. Впрочем, советские власти больше никогда не полагались на непредсказуемость волеизъявления избирателей. «Специалисты» из спецслужб, вызванные СВАГ из Москвы, помогли СЕПГ сфальсифицировать итоги последующих выборов. Новоиспеченная партия превратилась в важнейшего проводника политики Кремля в восточной зоне, в главный инструмент построения там политического режима советского образца. На встрече с делегацией СЕПГ в конце января 1947 г. Сталин поучал восточных немцев, как «без лишнего шума» создать секретную службу и полувоенные отряды в зоне советской оккупации. В июне 1946 г. советские власти образовали координационную комиссию для органов безопасности, названную Немецким управлением внутренних дел (37).

Немецкий национализм — еще одна карта, которую Сталин собирался разыграть в Германии. За долгие годы пребывания у власти Сталин усвоил, что национализм может быть гораздо более действенной силой, чем революционный романтизм или коммунистический интернационализм. Молотов вспоминал: «Он видел, что все-таки Гитлер организовал немецкий народ за короткое время. Была большая коммунистическая партия, и ее не стало — смылись! А Гитлер вел за собой народ, ну и дрались немцы во время войны так, что это чувствовалось» (38). В январе 1947 г. Сталин спросил у делегатов СЕПГ: «Много ли в Германии фашистских элементов? В процентном отношении? Какую силу они представляют? Приблизительно можно сказать? В частности, в западных зонах?» Руководители СЕПГ признались, что им об этом не известно. Тогда Сталин посоветовал отказаться от практики, при которой из общественной жизни исключались те, кто сотрудничал с нацистами, и применить «другую — на привлечение, чтобы не всех бывших нацистов толкать в лагерь противника». Нужно разрешить бывшим активистам нацистов, продолжил он, организовать свою собственную партию «с тем, чтобы эта партия работала в блоке с СЕПГ». Вильгельм Пек выразил сомнение в том, что СВАГ разрешит формирование подобной партии. Сталин засмеялся и сказал, что он постарается, чтобы такую партию разрешили (39).

Семенов вел протокол встречи и, в частности, записал следующие сентенции Сталина: «Нельзя забывать, что элементы нацизма живы не только в буржуазных слоях, но также среди рабочего класса и мелкой буржуазии». Кремлевский вождь предложил название для новой партии — Национал-демократическая партия Германии. Он поинтересовался у Семенова, может ли СВАГ найти кого-то из бывших руководителей нацистской партии областного уровня, кто сидит в

тюрьме, чтобы поставить этого человека во главе партии. Когда Семенов ответил, что все они, вероятно, казнены, Сталин выразил сожаление. Затем он предложил, чтобы бывшим нацистам разрешили иметь свою газету, «возможно, даже под названием *Völkische Beobachter*» — именно так назывался официальный орган Третьего рейха (40).

Эти вполне циничные приемы из макиавеллистского арсенала Сталина не только шли вразрез с его прежними утверждениями о «немецкой угрозе», которой он не так давно пугал славянское население стран Центральной Европы, но и смущали многих представителей советской партийной элиты, разделявших настроения народа после войны с германским фашизмом. Предложение Сталина сотрудничать с бывшими нацистами привело в смятение как немецких коммунистов, так и представителей СВАГ — прошел целый год, прежде чем они осмелились приступить к его осуществлению. Лишь в мае 1948 г., после соответствующей пропагандистской подготовки, СВАГ распустила комиссии по денацификации. В июне в Берлине открылся первый съезд Национально-демократической партии Германии (НДПГ). Семенов тайно присутствовал на съезде, прикрывая лицо газетой. По его воспоминаниям, это было «всего лишь первым звеном в цепи важных действий», повлекших за собой создание новых политических сил в Германии с просоветской и антизападной ориентацией. Полная реабилитация бывших нацистов и офицеров вермахта произошла в момент образования ГДР в октябре 1949 г. В советских лагерях остались лишь те из них, кто обвинялся в преступлениях в годы войны (41).

Сталин, видимо, ожидал, что идея централизованной, объединенной, не участвующей в блоках Германии окажется настолько привлекательной для немецких националистов, что они станут попутчиками Советского Союза. Расчетливый вождь также явно хотел настроить немецких националистов против Запада, в то время как Бирнс и американское правительство со своей стороны начали играть на национальных чувствах немцев, изображая США гарантом «свободной Германии» перед лицом советской угрозы. По указанию Сталина советская дипломатия и пропаганда неустанно продвигали идею о централизованном немецком государстве, противопоставляя ее предложениям Запада о федерализации и децентрализации. Западные державы «на самом деле хотят получить четыре Германии, но они всячески это скрывают», заявил Сталин в январе 1947 г. и подтвердил неизменность советской линии: «Должно быть создано центральное правительство, и оно сможет подписать мирный договор». Как замечает один из российских ученых, Сталину «очень не хотелось брать на себя ответственность за развал Германии. Он предпочитал, чтобы эту роль исполнили западные державы». По этой причине он наме-

ренно как бы «отставал на один шаг от действий западных держав» (42). Действительно, каждый шаг советских властей по созданию сепаратных государственных структур внутри советской зоны предпринимался лишь после очередных мер со стороны западных держав по созданию государства в Западной Германии.

До 1947 г. Сталину приходилось сдерживать немецких коммунистов и некоторых энтузиастов из СВАГ, желавших скорейшего «построения социализма» в зоне советской оккупации. Должно быть, он все выжидал момент, когда же в экономической и политической обстановке Европы произойдут глубокие перемены под влиянием экономического кризиса в США, американских президентских выборов и других факторов. Тем временем нерешенный «германский вопрос» все более отравлял отношения между великими державами. Вместо того чтобы уйти из Германии, администрация президента Трумэна занялась долгосрочной программой восстановления экономики в западных зонах. В марте — апреле 1947 г. в Москве прошла вторая сессия Совета министров иностранных дел. Соглашение по Германии опять не было достигнуто. Новый американский госсекретарь Джордж Маршалл уехал из Москвы с глубоким убеждением, что, «пока врачи совещаются, пациент может умереть». Прямым следствием этого заключения было провозглашение администрацией Трумэна программы экономической помощи Европе, получившей известность как план Маршалла. В этом плане отводилось особое место помощи Западной Германии (43).

Поначалу в Кремле не могли понять, чем вызвана новая инициатива США. По предположениям советских экономистов выходило, что Соединенные Штаты в преддверии глубокого экономического кризиса могут вернуться к политике ленд-лиза или стимулировать в Европе новые рынки сбыта для своих товаров. Вновь оживились надежды советских хозяйственников на то, что СССР на этот раз получит американские займы, которые не удалось получить в 1945–1946 гг. На первых порах Советский Союз не связывал план Маршалла с решением германского вопроса. Молотову было дано указание лишь блокировать попытки Запада урезать репарации с Германии, если американцы выдвинут это условием для получения своих займов. После проведения консультаций с лидерами югославских коммунистов Сталин и Молотов решили, что другим странам Центральной Европы также следует направить свои делегации в Париж, где планировалось проведение конференции по вопросам экономической помощи Европе. Правительства Чехословакии, Польши и Румынии уже объявили о своем участии в конференции (44).

Но Сталин неожиданно поменял свое решение. 29 июня 1947 г. Молотов послал Сталину сообщение из Парижа, где он провел кон-

сультации с лидерами Великобритании и Франции: американцы «стремятся воспользоваться этой возможностью, чтобы вторгнуться во внутриэкономические дела европейских стран и в особенности перенаправить потоки европейской торговли в собственных интересах». Первоначально Сталин и Молотов думали использовать совещание европейских государств по плану Маршалла для дипломатической разведки или раскола европейского единства. 5 июля в телеграмме лидерам стран Восточной Европы они рекомендовали «не отказываться от участия в этом совещании, а послать туда свои делегации с тем, чтобы на самом совещании показать неприемлемость англо-французского плана, не допустить единогласного принятия этого плана и потом уйти с совещаний, уведя с собой возможно больше делегатов других стран». Однако уже через два дня, после получения новых разведанных из Парижа и Лондона, в частности о секретных переговорах между США и Великобританией за спиной СССР, Сталин пришел к выводу, что администрация Трумэна вынашивает далеко идущие планы экономической и политической интеграции Европы под своим контролем. И действительно, план Маршалла был нацелен на ограничение советского влияния в Европе путем возрождения экономики европейских стран, и прежде всего Германии. 7 июля 1947 г., выполняя приказ Сталина, Молотов послал правительствам восточноевропейских стран новую директиву. Он «советовал» бойкотировать парижское совещание, так как «под видом выработки плана восстановления Европы» инициаторы плана Маршалла «хотят на деле создать западный блок с вхождением туда Западной Германии» (45). Чехословацкое правительство отказалось прислушиваться к «совету», ссылаясь на то, что экономика их страны зависит от западных рынков и кредитов. Сталин, взбешенный таким ответом, немедленно вызвал в Москву правительственную делегацию Чехословакии и выставил ультиматум: даже простое присутствие чехословацкой стороны на парижской конференции будет расцениваться Советским Союзом как враждебный акт. Запуганные члены делегации заверили хозяина Кремля в своей лояльности. Немного смягчившись, Сталин пообещал, что советские промышленные министерства будут закупать у Чехословакии товары, и «великодушно» пообещал безотлагательно предоставить чехам и словакам продовольственную помощь в размере 200 тыс. тонн зерновых — пшеницы, ячменя и овса (46).

Резкие колебания в действиях советских властей в отношении плана Маршалла наглядно продемонстрировали реакцию Сталина на растущее участие американцев в европейских делах: вначале нерешительность, затем подозрительность и, наконец, яростное контрнаступление. Сталин понял, что план Маршалла грозит переориентацией

всей Германии на Запад. В докладе советского посла в Вашингтоне Н. В. Новикова эти опасения нашли полное подтверждение. В нем сообщалось, что планы США имеют целью строительство блока, который окружит СССР, «пройдет на Запад через Западную Германию» и еще дальше. Сообщения из советских представительств в Лондоне и столицах других западных стран были примерно такого же содержания (47). Судя по тому, как Сталин отчитал правительственную делегацию Чехословакии, «вождь народов», наконец, осознал, что надо отказываться от политики полумер и выжидания — речь шла об удержании советских позиций в Германии и Центральной Европе. Европейским компартиям было приказано сплотить ряды и вступить в Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформбюро или Коминформ) с местом пребывания в Белграде, столице Югославии. В своих директивах западноевропейским коммунистам Сталин инструктировал их отойти от прежней установки на парламентскую деятельность и готовиться к «боевым» действиям. Осенью 1947 г. лидер СССР рассчитывал сорвать план Маршалла в Западной Европе забастовками и демонстрациями. Наибольший размах они получили во Франции и Италии, где коммунистические партии, следуя директивам из Кремля, пытались парализовать экономическую жизнь и вызвать политический кризис. Одновременно в восточноевропейских странах, входивших в советскую сферу влияния, был взят курс на полное отстранение от власти некоммунистических партий и привязку этих стран к Советскому Союзу. При этом Сталин, как обычно, призывал европейских коммунистов действовать с максимальной осторожностью и маскировкой. Ему хотелось, чтобы новый курс на классовую конфронтацию на западе Европы и ускоренную «советизацию» в Восточной Европе выглядел в глазах международной общественности как естественный ход вещей, а не события, управляемые «рукой Москвы» (48).

Сталин еще с 1946 г. размышлял над тем, как усилить контроль над европейскими компартиями, но план Маршалла заставил его поторопиться. Создание Коминформа свидетельствовало о новом подходе: Сталин считал, что для удержания стран Восточной Европы в советской зоне влияния в условиях американского экономического давления нужна железная партийно-идеологическая дисциплина. Компартиям этих стран пришлось отказаться от идеи «национального пути к социализму»; вместо этого они пошли в ускоренном темпе по пути сталинизации, установления полного политического, идеологического и экономического контроля — следуя неукоснительно рецептам советской политики. Насаждение сталинских методов управления привело к «отлучению» от социалистического лагеря Югославии, руководимой Иосипом Броз Тито. В основе межгосударственного

конфликта была сталинская подозрительность в отношении югославского вождя, который слишком много себе позволял, в том числе независимую политику в отношении Албании и Греции. Ненависть, с которой Сталин обрушился на Тито, явилась неожиданностью не только для югославских коммунистов, но и для многих приближенных кремлевского хозяина. Тем не менее Сталин уже демонстрировал подобное поведение раньше, когда устанавливал свою единоличную абсолютную власть: фавориты вождя могли в одночасье пасть жертвой его подозрительности. С руководителями компартий центрально-европейских стран Сталин обращался примерно так же, как вел себя со своими ближайшими подручными — Молотовым и Ждановым. За его внешним обаянием таились болезненная подозрительность, ничем не мотивированная жестокость на грани садизма и презрение по отношению к собственным соратникам. В случае с югославами, однако, коса нашла на камень: Тито не покорился Сталину. В результате Советский Союз потерял важнейшего союзника на Балканах и Адриатике, через которого, в частности, осуществлялась помощь греческим и итальянским коммунистам (49).

В результате консолидации советской сферы влияния в Европе по-сталински советская империя помимо внешних врагов приобрела врага внутри социалистического блока. Как обычно, это стало поводом для террора. Беспощадная кампания по борьбе с «титоизмом» и его «пособниками», развернутая в 1948–1949 гг., имела те же задачи, что и сфабрикованная ранее кампания по борьбе с «троцкизмом». Она помогла Сталину укрепить абсолютную власть и исключить малейшую возможность противодействия, неподчинения его воле. При этом Сталина не покидала мысль ликвидировать Тито, как он поступил с Троцким (50).

Стремительная консолидация советского блока в Восточной Европе привела к значительным изменениям в политике СССР по отношению к Германии. Был взят решительный курс на создание в восточной части Германии государства советского образца, пусть даже в ущерб лозунгам о германском единстве. Сталин не позволил СЕПГ войти в Коминформ. Тем не менее руководители СЕПГ, в том числе и бывшие социал-демократы, выразили свою полную приверженность Советскому Союзу и отказались от участия в плане Маршалла. Осенью 1947 г. Сталин разрешил руководству СЕПГ создавать военизированные отряды под началом Управления внутренних дел, правоохранительного органа, действовавшего в советской зоне. В ноябре 1947 г. в структуре Управления внутренних дел с целью выявления и искоренения любого сопротивления властям в Восточной Германии внесудебными способами был образован Отдел разведки и информации. В июле 1948 г., когда разгорелся Берлинский кризис, высшим со-

ветским руководителем был одобрен план по экипировке и обучению 10 тыс. солдат из Восточной Германии — под видом специальной полиции, находящейся на казарменном положении (51). Эти меры разрабатывались и осуществлялись в обстановке глубочайшей секретности. Сталин полностью осознавал, что подобные действия являются вопиющим нарушением решений, принятых на конференциях в Ялте и Потсдаме, и противоречат всем пропагандистским заявлениям советских властей и дипломатов, на словах выступающих за единство, нейтралитет и демилитаризацию Германии.

В сентябре 1948 г. руководство СЕПГ, вслед за другими восточноевропейскими странами в советской сфере влияния, отвергло концепцию «особого немецкого пути к социализму», которая являлась политической линией партии с момента ее возникновения в 1946 г. Теперь эту концепцию признали «гнилой и опасной», поскольку она усиливала «националистические тенденции». В разгар антиюгославской истерии восточногерманские коммунисты предпочли ссылаться только на советский опыт как бесспорный образец для подражания (52).

С декабря 1947 по февраль 1948 г. после проведения ряда совещаний в Лондоне в отсутствие Советского Союза руководители западных держав приступили к созданию федеративного государства Западной Германии. Решено было включить это государство в план Маршалла, чтобы оно получило американскую помощь, а для скорейшего восстановления экономики в западных зонах выработать схему «международного контроля над Руром». Сталин, возможно, по-прежнему надеялся на то, что экономический кризис капиталистической системы вот-вот произойдет и разрушит планы Запада. Но закрывать глаза на происходящее в Западной Германии он больше не мог. Действовать он решил там, где советские власти имели максимальное преимущество перед западными державами, — в Берлине. В марте 1948 г., отвечая на сетования руководителей СЕПГ по поводу западного присутствия в Берлине, Сталин заметил: «Давайте общими усилиями попробуем, может быть, выгоним» (53). Он задумал осуществить блокаду Западного Берлина, чтобы выдавить союзников из этой части города, или, что еще лучше, заставить их пересмотреть условия Лондонских соглашений, принятых без участия СССР.

С точки зрения Сталина, Лондонские соглашения перечеркивали ялтинско-потсдамские договоренности. Другим ударом по советским интересам было заявление о денежной реформе в Западной Германии и Западном Берлине. Введение новой немецкой марки грозило резким увеличением расходов СССР на оккупацию Германии (в 1947 г. они составляли 15 млрд рублей). До сих пор СВАГ имела возможность свободно печатать старые оккупационные марки, которые имели

хождение по всей Германии. Финансовое отделение Западной Германии от советской зоны оккупации грозило положить конец этому весьма выгодному занятию (54).

Сделав Западный Берлин заложником сепаратистских планов Запада, Сталин надеялся, что вполне может рассчитывать на удачу и одним выстрелом убить сразу двух зайцев. Если западные державы выберут путь переговоров, то это осложнит им задачу создания западногерманского государства. Кроме того, благодаря этим переговорам у СВАГ появится больше времени для подготовки собственной финансовой реформы в советской зоне. Если же западные власти не захотят договариваться, то рискуют потерять свою базу в Берлине. Советский вождь не сомневался, что он сможет оказывать дозированное давление на западные державы в Западном Берлине, не провоцируя военных действий и возлагая ответственность за кризис на неуступчивость англо-американцев. Сталин отдал СВАГ приказ подождать с финансовой реформой в советской зоне до тех пор, пока западные страны не введут в оборот свои денежные знаки в Западном Берлине (55).

Блокируя Западный Берлин, Сталин в очередной раз осуществлял пробу сил. В его действиях расчетливость сочеталась с жесткой решимостью. Кризису вокруг Западного Берлина предшествовали и другие события в Европе. В феврале 1948 г. коммунисты Чехословакии захватили власть в стране. Либерально-демократическое правительство сдалось без боя, что было большой победой для новой коминформовской политики, координируемой из Кремля. В то же время Сталин отдавал себе отчет в том, что Соединенные Штаты и Великобритания никогда не допустят, чтобы прокоммунистические силы одержали победу в Греции. На встрече с югославскими и болгарскими партийными руководителями 10 февраля 1948 г. Сталин сказал, что, «если нет условий для победы» в Греции, «нужно не бояться признать это». Он заявил, что «партизанское движение», поддержанное в 1947 г. Кремлем и югославами, следует «завершить». Югославские коммунисты не согласилась с этим выводом, и это, наряду с другими факторами, спровоцировало раскол между Сталиным и Тито (56).

Пока назревал Берлинский кризис в Италии в апреле 1948 г. прошли первые после провозглашения там республики общенациональные выборы. Итальянская коммунистическая партия (ИКП) имела шансы на победу, но такой исход событий мог привести к переходу Италии из западного в советский блок и таким образом радикально изменить соотношение сил в Европе. Историк Виктор Заславский доказал, что наиболее радикальные силы в ИКП были готовы в случае неудачи на выборах поднять вооруженное восстание. Но лидер партии Пальмиро Тольятти, опытный ученик коминтерновской и

Сталинской школы, понимал международные последствия подобной авантюры. 23 марта Тольятти передал через советского посла просьбу Сталину дать совет итальянским коммунистам. Он предупреждал кремлевского вождя о том, что вооруженное столкновение ИКП с антикоммунистическим лагерем может «привести к большой войне». Тольятти сообщил Сталину, что в случае начала гражданской войны в Италии Соединенные Штаты, Великобритания и Франция будут поддерживать антикоммунистические силы. Тогда ИКП понадобится помощь югославской армии и вооруженных сил других восточно-европейских стран, чтобы удержать контроль над Северной Италией, где коммунистов поддерживали рабочие. Сталин ответил немедленно. Он дал указание ИКП ни в коем случае не прибегать к вооруженному восстанию для захвата власти в Италии (57). Сталин, понимавший, что гражданская война в Италии грозит большой войной, а сама Италия находится вне советской сферы влияния, занял в этом вопросе осторожную, реалистичную позицию. Что же касается Западного Берлина, то он был расположен внутри зоны советской оккупации, и здесь риск был оправдан, шансы на успех точно рассчитаны. Благоприятный исход Берлинского кризиса мог привести к благоприятному для Советского Союза исходу борьбы за всю Германию.

Историк Владимир Печатнов нашел данные о том, что в мае 1948 г., в разгар сталинской попытки блокировать доступ людей, сырья и продовольствия в Западный Берлин, Сталин задумал «мирное наступление» против администрации Трумэна. Его целью было подорвать растущую популярность плана Маршалла, представить действия администрации Трумэна в таком свете, будто именно они являются единственной причиной назревающего раскола Европы и Германии. Сталин, используя секретный канал связи с Генри Уоллесом, баллотировавшимся в президенты от Прогрессивной партии, использовал его в пропагандистской кампании. В своем «Ответе господину Уоллесу», опубликованном в мировой печати, Сталин поддерживал мирные инициативы, выдвинутые Уоллесом, и заверил того: «Никакой холодной войны мы не ведем. Ее ведут США». Сталину хотелось создать впечатление, что преодолеть американско-советские разногласия вполне возможно путем переговоров (58).

Блокада Западного Берлина, к удивлению советского руководства, провалилась. Мягкая зима, изобретательность англичан и американцев, организовавших «воздушный мост», с помощью которого в город доставлялось все необходимое, от угля до продовольствия, а также стоицизм жителей Западного Берлина смешали Сталину карты. Запад преподал Советскому Союзу дорогостоящий урок, введя жесткие экономические контрсанкции против советской зоны оккупации. За понесенный экономикой Восточной Германии ущерб были

вынуждены заплатить советские власти. Наконец, советский бойкот не помешал, а скорее способствовал успеху денежной реформы, осуществляемой союзниками в Западной Германии и Западном Берлине (59). Психологическое воздействие берлинской блокады на западных европейцев и их политические предпочтения было громадным. Берлинский кризис способствовал образованию 9 апреля 1949 г. Североатлантического союза (НАТО), куда вошли США, Канада и десять западноевропейских стран. НАТО политически и навсегда узаконило военное присутствие США в Западной Европе и Западной Германии. 11 мая 1949 г. после кратких переговоров Советский Союз отменил все ограничения по доступу в Западный Берлин и подписал соглашение с тремя западными оккупационными державами. Это соглашение признавало де-факто постоянные права западных союзников на пребывание в Берлине. Кроме того, был подписан отдельный протокол, в котором стороны согласились поделить город на западную и восточную части. 23 мая 1949 г., спустя несколько дней после снятия блокады Берлина, западные зоны стали называться Федеративная Республика Германия (ФРГ).

Сталинская политика в отношении Германии исходила из базовых установок, вытекавших из исторического опыта веймарской Германии и европейской дипломатии в период между двумя мировыми войнами. Эти установки оказались ошибочными в новых условиях. Во-первых, расчет на объединение с германскими националистами не принес советским властям ожидаемых результатов. Сталин не мог понять, что после краха нацистского режима весной 1945 г. подавляющее большинство немцев разуверилось в национальной идее и с подозрением относилось к любым проявлениям национализма. Как показали политические события в Западной Германии после 1948 г., немцам больше всего хотелось нормализации экономической жизни и восстановления традиционного уклада в отдельных германских землях. Отношение к восточногерманским землям в Западной Германии у многих немцев — в отличие от беженцев — было отчужденным: сказывалась историческая память о том, что именно Пруссия стала инициатором создания германского «рейха». Эти настроения проявились в том, что представители различных слоев населения в Западной Германии, особенно ее Рейнских областей, единодушно поддерживали главу Христианско-демократического союза Конрада Аденауэра, твердого сторонника прозападной ориентации. Он стал первым канцлером Федеративной Республики Германия (60).

На советском влиянии вне зоны советской оккупации в Германии, особенно в Западном Берлине, можно было поставить крест. Западные немцы сплотились в своем неприятии коммунистического диктата. До этого они не слишком жаловали оккупантов, но теперь

увидели в них, особенно в американцах, своих защитников от советского давления. Присутствие американских и английских войск в Западной Германии и Западном Берлине отныне обрело поддержку населения. Произошло сближение американских военнослужащих с немецким гражданским населением. После нескольких лет взаимного отчуждения (в основном из-за запретительных мер американских властей) стали возникать многочисленные романы молодых немцев с американскими офицерами: у последних всегда были в изобилии еда, шоколад, нейлоновые чулки и прочий дефицит. Среди немецкого населения укрепилось мнение, что советские военные норовят все отнять, а вот американцы всегда что-нибудь да подарят (61).

Во-вторых, советские расчеты на кризис мирового капитализма в конце 1940-х гг. также оказались ошибочными. Сталин, видимо, предполагал, что такой кризис обострит соперничество между западноевропейскими странами и США — в соответствии с ленинской теорией о внутренних противоречиях капиталистической экономики (62). А на деле послевоенный экономический спад, обозначившийся в 1948 г., оказался значительно менее серьезным, чем опасались на Западе и надеялись в Кремле. Советские мечты о том, что новая Великая депрессия заставит Соединенные Штаты вернуться к политике изоляционизма и примириться с запросами Москвы, не сбылись.

Сталин, как обычно, не признался в своих просчетах. В марте 1948 г. на встрече с руководителями СЕПГ он был вынужден заявить о том, что объединение Германии будет «длительным процессом» и потребует «нескольких лет». Нужно, продолжал он, начать выработку конкретного плана, скажем, конституции, «и втянуть в выработку этого документа население». «Англичане и американцы будут стараться купить немцев, поставить их в привилегированное положение. Против этого есть одно средство — подготовить умы людей к единству». Работа над конституцией объединенной Германии, продолжал он, пойдет СЕПГ только на пользу, потому что коммунисты смогут усилить свою пропагандистскую работу и «умы будут подготовлены к этой идее». Как только это произойдет, «американцы должны будут капитулировать» (63). Во время следующей встречи с восточногерманскими коммунистами в декабре 1948 г. Сталин все еще бравировал своим оптимизмом. Руководители СЕПГ признали, что они потеряли всякую политическую опору в Западной Германии: их самих и тех, кто с ними сотрудничает, считают там «советскими агентами». В ответ кремлевский хозяин лицемерно упрекнул Ульбрихта и его товарищей за то, что они отказались от тактики «особого пути к социализму»: зачем они пытаются сражаться в открытую, подобно тому, как древние германцы сражались голыми против римских легионеров? «Надо маскироваться», — сказал он. Сталин предложил,

«чтобы несколько хороших коммунистов» из Восточной Германии вышли из партии и «отреклись от коммунизма, а затем стали изнутри разлагать» Социал-демократическую партию Германии, главного конкурента партии Аденауэра в Западной Германии — точно так, как это сделали со своими социал-демократическими партиями польские и венгерские коммунисты. «Нынешний премьер-министр Венгрии — это скрытый коммунист, который давно был заслан в партию мелких сельских хозяев Венгрии» (64).

Лидеры СЕПГ, пользуясь тем, что СССР потерпел неудачу, а в Западной Германии провозглашено новое государство, стали настаивать на большем суверенитете Восточной Германии от советских оккупационных властей. Под давлением обстоятельств Сталин разрешил СЕПГ начать подготовку к преобразованию советской зоны оккупации в государственное образование. 7 октября 1949 г. было объявлено о создании Германской Демократической Республики (ГДР). В связи с этим СВАГ была переименована в Советскую контрольную комиссию в Германии (СКК). В январе 1949 г. на совещании с руководителями стран «народной демократии» Сталин учредил Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — советский ответ на план Маршалла и экономическое объединение Запада. Первоочередной задачей СЭВ, согласно документам внутреннего пользования, являлось развитие «основных видов производства, что позволит нам [советскому блоку] отказаться от импорта необходимого оборудования и сырья из капиталистических стран». Однако согласно записям Димитрова, Сталин смотрел и дальше, за пределы Восточной Европы. На совещании он говорил: «В ближайшие 8–10 лет будет происходить экономическая борьба за овладение Европой. Эта борьба будет происходить между США и Англией, с одной стороны, и СССР и странами народной демократии, с другой». Сталин со странным для его натуры оптимизмом расценивал возможность СЭВ в будущем снабжать Европу всем необходимым, от нефти до продовольствия. Он заключил: «Перед нами стоит задача вырвать Европу из лагеря англо-американского империализма». Вскоре ГДР было позволено присоединиться к СЭВ (65).

Некоторые факты свидетельствуют о том, что кремлевский хозяин воспринял провал берлинской блокады и сдачу позиций в Германии как личное оскорбление. Когда блокада близилась к своему бесславному финалу, Сталин возобновил нападки на Молотова и арестовал его жену. Историки Горлицкий и Хлевнюк уверены: то, что наркоминдел едва не лишился головы, «было отчасти той ценой, которую Молотов заплатил за провал советской политики в Германии». В марте 1949 г. Молотов был снят со своей должности. Через год Сталин все еще испытывал крайнее раздражение «мошенническим, ко-

варным и нахальным поведением Соединенных Штатов в Европе, на Балканах, Ближнем Востоке, и в особенности решением о создании НАТО». Вскоре представился повод расквитаться с самодовольными американцами на Дальнем Востоке. Сталин решил оказать помощь северокорейскому коммунистическому лидеру Ким Ир Сёну в его замыслах вторжения в Южную Корею (66).

Корейская война и Восточная Германия

Военные действия в Корее, внезапно начавшиеся в июне 1950 г., привели к резкой милитаризации холодной войны. По словам Молотова, эту войну «нам навязали сами корейцы. Сталин говорил, что нам нельзя было обойти национальный вопрос о единой Корее» (67). Однако решение начать военное вторжение в Южную Корею было санкционировано именно Сталиным, и без массовой советской помощи Ким Ир Сёну никогда бы не смог решиться на свою авантюру. Развязав Корейскую войну, Сталин уничтожил саму возможность мирного объединения Германии. Эта война свела к нулю возможности для мирных переговоров и достижения соглашений в Европе.

Почву для начала Корейской войны подготовило сближение Сталина с Мао Цзэдуном: союз с коммунистическим Китаем в значительной степени побудил Кремль поменять планы и переключить свое внимание с Европы и Германии на Дальний Восток. До 1949 г. СССР оказывал минимальную помощь коммунистам и революционерам в Азии, в частности Мао Цзэду в Китае и Хо Ши Мину во Вьетнаме (68). Победа китайских коммунистов заставила Сталина пересмотреть свои приоритеты. На фоне тупиковой ситуации в Германии и неудач коммунистических партий во Франции и Италии триумф КПК в самой многонаселенной стране мира выглядел особенно впечатляющим. В июле 1949 г. на встрече в Кремле с делегацией КПК Сталин признал, что недооценивал китайских коммунистов и сомневался в их победе. В декабре 1949 г. Мао Цзэдун прибыл в Москву для участия в праздновании семидесятилетия советского руководителя и заключения нового межгосударственного договора взамен старого, который Сталин навязал Чан Кайши. Сталин, однако, не торопился хоронить соглашение с поверженным Гоминьданом. Мао сказал, что не уедет из СССР без окончательного урегулирования китайско-советских отношений. После нескольких недель ожидания Микоян и Молотов уговорили советского вождя начать переговоры с руководителем КПК. В ходе второй беседы с Мао Цзэдуном Сталин согласился пойти на подписание нового советско-китайского договора. Мао притворно выразил удивление таким решением: «Но ведь изменение... соглашения задает решения Ялтинской конференции?»

Действительно, в ялтинских соглашениях и заключалась главная причина прохладного отношения Сталина к Мао. До этих пор советское военно-политическое присутствие в Маньчжурии было как бы признано западными державами, как бы наделяло СССР особыми правами в Европе и Азии. Но вождь сделал выбор: «Верно, задевает, ну и черт с ним!» — ответил Сталин и посоветовал китайцам возглавить революционный процесс в Азии (69).

Переговоры с китайским руководством, сопровождавшиеся жесткими заявлениями и взаимными упреками, шли трудно. Полной неожиданностью для советской стороны было то, что китайцы обратились с настоятельной просьбой вернуть Китаю все имущество на территории Маньчжурии, которым распоряжался СССР, включая железную дорогу и базу Порт-Артур. Сталина это рассердило, но потом он решил, что на данный момент союзнические отношения с Китаем важнее советских интересов в Маньчжурии. Подписание 14 февраля 1950 г. китайско-советского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи и целого ряда других соглашений стало крупнейшим достижением советской внешней политики за все послевоенные годы. Вместе с тем сами переговоры породили у китайцев смешанные чувства и заложили основу для решимости Мао Цзэдуна добиться от советского руководства равноправных отношений: снисходительный тон Сталина и его нежелание отказаться от привилегий и концессий на территории Китая Мао Цзэдун счел для себя оскорбительными (70).

Впервые с 1920-х гг. Сталину предстояло иметь дело с зарубежными коммунистами, которые были независимыми революционными деятелями, а не послушными марионетками на службе у советской внешней политики. Быть может, в этой связи не только в рассуждениях Сталина о международных делах, но и в его поступках вновь стали пробиваться существенные, где-то даже неподдельные нотки революционного романтизма. Сталин договорился с Мао помогать вьетнамской армии Хо Ши Мина. Что касается Кореи, кремлевский вождь поначалу сдержанно относился к просьбам Ким Ир Сена помочь с «освобождением» южной части полуострова от проамериканского режима Ли Сын Мана, а в январе 1950 г. вдруг пошел Киму навстречу и пообещал оказать ему полномасштабную помощь в подготовке к войне. Историк Евгений Бажанов считает, что на сталинское решение повлияли несколько обстоятельств: 1) коммунисты одержали победу в гражданской войне в Китае; 2) СССР овладел атомной бомбой, первое испытание которой состоялось 29 августа 1949 г.; 3) был образован блок НАТО, и холодная война стала приобретать затяжной характер; 4) США не препятствовали победе коммунистов в Китае и, казалось, не были готовы к военному вмешательству на Дальнем Вос-

токе. 30 марта 1950 г. Ким Ир Сен и прежний руководитель корейских коммунистов Пак Хон Ён прибыли в Москву для согласования плана нападения и оставались там до 25 апреля. Сталин утвердил план, но строго предупредил корейцев, что советские военные не будут принимать участия в войне ни при каких обстоятельствах, даже если американцы пошлют свои войска на выручку Южной Кореи (71).

Неожиданное начало Корейской войны вызвало панику в Западной Европе: многим уже мерещились советские танковые армады, врывающиеся в Западную Германию. Однако политические руководители и их советники в США полагали, что ведение военных действий на территории Европы маловероятно. Они заключили, что в Европе, как и в Азии, Советский Союз рискует только тогда, когда есть возможность выиграть наверняка. Забегая вперед, можно сказать, что эти оценки оказались правильными. Сталин, верный своим принципам, лишь на словах подражал революционному романтизму Мао Цзэдуна, на деле же он был не готов на авантюры и тщательно зондировал почву, прежде чем пойти на применение силы. Тем не менее руководство США использовало момент для полномасштабного перевооружения и консолидации западного блока. Администрация Трумэна решила добиться абсолютного военно-стратегического превосходства над СССР. Конгресс США увеличил военные расходы в четыре раза. Ускоренными темпами пошло наращивание потенциала атомного оружия. Американцы сумели убедить правительства Франции и других стран НАТО дать согласие на создание вооруженных сил в Западной Германии, поскольку без немецких солдат остановить наступление советской армии было бы невозможно (72). Не только данные советской разведки, но и открытые материалы западной печати показывали кремлевским руководителям, насколько война в Корее изменила весь геополитический ландшафт в Европе и особенно место Западной Германии в приоритетах НАТО. Федеративная Республика Германия и Франция начали интеграцию своей угольной и сталелитейной промышленности. Угроза войны на территории Германии побудила западные державы ускорить процесс суверенизации ФРГ. Начались дебаты о создании «европейской армии», костяк которой могли бы составить западногерманские дивизии (73).

Вмешательство США в Корейскую войну нарушило планы Ким Ир Сена — «революционного» блицкрига в Южной Корее не получилось. Трумэн без промедления отдал приказ ВВС США нанести удары по северокорейским силам. В Совете Безопасности ООН американцы провели резолюцию, объявлявшую северокорейский режим агрессором, причем, к удивлению всех, советский представитель А. А. Громыко на голосование не явился. Почему это произошло, до сих пор остается загадкой. Одно из объяснений дает переписка

Сталина с коммунистическими лидерами советского блока. В своей телеграмме президенту Чехословакии Клементу Готвальду от 27 августа 1950 г. советский руководитель объяснил свою точку зрения на войну в Азии. Советский Союз, писал он, умышленно воздержался от решающего голосования в Совете Безопасности ООН, признавшем Северную Корею агрессором. Благодаря этому Америка «впуталась в военную интервенцию в Корею и там растрчивает теперь свой военный престиж и свой моральный авторитет». Одновременно самая многонаселенная страна мира — Китай — оказалась в начавшейся войне на одной стороне с Советским Союзом.

Сталин продолжал свои рассуждения: «Допустим, что американское правительство будет и дальше увязать на Дальнем Востоке и втянет Китай в борьбу за свободу Кореи и за свою собственную независимость. Что из этого может получиться? Во-первых, Америка, как и любое другое государство, не может справиться с Китаем, имеющим наготове большие вооруженные силы. Стало быть, Америка должна надорваться в этой борьбе. Во-вторых, надорвавшись на этом деле, Америка будет не способна в ближайшее время на третью мировую войну. Стало быть, третья мировая война будет отложена на неопределенный срок, что обеспечит необходимое время для укрепления социализма в Европе. Я уже не говорю о том, что борьба Америки с Китаем должна революционизировать всю Дальневосточную Азию» (74).

Итак, Сталин с самого начала не исключал затяжной войны в Корею, в том числе между Китаем и Соединенными Штатами, и полагал, что это даже хорошо с точки зрения изменения баланса «мировых сил» в пользу Советского Союза. В течение последующих двух лет высший советский руководитель придерживался подобного сценария. Он благополучно убедил Мао Цзэдуна послать в Корею китайские войска под видом «добровольцев». Сталин заверил китайского лидера в том, что США побоятся пойти на эскалацию военных действий. Ведь за спиной КНР стоит Советский Союз, связанный договорными отношениями. Если даже «из-за престижа» США развяжет «большую войну», то бояться ее «не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, — не представляют серьезной военной силы» (75).

Несмотря на браваду, осмотрительный кремлевский хозяин не стремился к преждевременному столкновению с Соединенными Штатами — будь то в Азии или в Европе. Действия ВВС США производили большое впечатление на Сталина так же, как и на сотни советских военных летчиков, воевавших с американцами в небе над Кореей. В 1951–1953 гг. советская авиационная промышлен-

ность развивалась ускоренными темпами, создавалась реактивная авиация, советский летный состав в Корее учился воевать с американцами. Разрабатывались и создавались новые радиолокационные установки и системы ПВО. Однако отставание от США все еще оставалось большим (76). Советский атомный арсенал состоял всего лишь из нескольких бомб, а средств доставки их до Соединенных Штатов у советской армии не было. Много лет спустя маршал Сергей Ахромеев рассказывал дипломату Анатолию Добрынину о том, что в случае американской атомной атаки Сталин полагался на ядерный ответ СССР. На практике это означало, что советским вооруженным силам нужно было держать в Восточной Германии бронетанковые силы, способные нанести мгновенный удар по войскам НАТО и оккупировать Западную Европу до пролива Ла-Манш. По словам Ахромеева, Сталин был уверен, что бронетанковая угроза Западной Европе сможет уравновесить американскую ядерную угрозу Советскому Союзу. Кроме того, в январе 1951 г. Сталин дал инструкцию всем европейским членам советского блока за два-три года «создать современные и могущественные вооруженные силы» (77). В случае большой войны эти армии должны были играть вспомогательную роль, усиливая превосходство советских сухопутных войск над армиями блока НАТО.

В советских военных планах Германия стала главным театром возможных сражений, и стратегическое значение ГДР возросло чрезвычайно. Весь ход событий, приведший к краху ялтинского миропорядка и революционному радикализму Сталина и Мао на Дальнем Востоке, подсказывал, что Советскому Союзу необходимо менять политику в отношении Германии. Но в 1951 г. ГДР еще оставалась как бы вне той военно-мобилизационной лихорадки, которая охватила весь советский блок. По-видимому, Сталин все еще хотел сыграть на пропаганде мирного воссоединения Германии для того, чтобы усугубить разногласия в НАТО, сорвать процесс ремилитаризации Западной Германии, а также чтобы закамуфлировать лихорадочную подготовку в большой войне. Советская пропаганда выжала все возможное из того факта, что к созданию западногерманской армии были привлечены несколько генералов бывшего гитлеровского вермахта. В сентябре 1951 г. Сталин и члены Политбюро дали указание руководству СЕПГ выступить перед западными державами с предложением о «всеобщих германских выборах с целью создания объединенной, демократической, мирной Германии» (78). Судя по всему, это была чисто пропагандистская акция, направленная на изменение общественного мнения в Западной Европе и ФРГ. Кремль совершен-

но не намеревался проводить подобные выборы, поскольку коммунисты наверняка бы их проиграли.

Руководство ГДР участвовало в этой пропагандистской кампании без особого рвения. Исследования некоторых историков показывают, что Ульбрихт, Пек и их коллеги в правительстве ГДР не были простыми пешками в руках Москвы. Даже исполняя волю Кремля, они преследовали собственные цели. Прежде всего, они хотели построить в Восточной Германии «социалистическое» государство, что значило бы осуществление тех же преобразований, которые уже полным ходом шли в других странах, вошедших в советский блок. Ульбрихта и других восточногерманских коммунистов совершенно не устраивала роль временных правителей, судьба которых зависела бы от переговоров СССР с Западом. Как только им стало известно о западных планах создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), куда должна была войти ФРГ, Ульбрихт и другие стали осторожно, но настойчиво вести дело к полной интеграции ГДР в советский военно-политический блок. В частности, в начале 1952 г., когда западным державам еще только предстояло подписать с ФРГ договор об ограниченном суверенитете Западной Германии («Общий договор») и заключить соглашение о создании ЕОС, руководство Восточной Германии начало со ссылкой на эти обстоятельства изо всех сил подталкивать Москву к аналогичным мерам (79).

Генерал Василий Чуйков, сменивший Соколовского во главе советских оккупационных войск и администрации в Германии, и его политсоветник Владимир Семенов считали, что необходимо срочно отреагировать на процесс суверенизации Западной Германии. В своих донесениях в Москву они предлагали легитимизировать ГДР, создав видимость ее суверенности, независимости коммунистического руководства страны от Кремля. Однако министр иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский, сменивший на этом посту Молотова, не хотел предпринимать ничего, пока не будет указаний Сталина. Он даже выразил сомнение насчет подлинности копии «Общего договора», которую прислали в Москву восточные немцы. Докладная записка, представленная министром в Политбюро, по-прежнему рассматривала ГДР как часть территории «побежденного государства», оставляя за ней право выступать лишь в качестве объекта процесса мирного урегулирования в Германии, а не действовать самостоятельно. Весьма примечательно, что даже в разгар Корейской войны в руководстве СССР продолжали считать, что именно ялтинские международные соглашения придают законную силу советскому присутствию в Германии. В советских дипломатических и военных кругах не спешили с признанием суверенитета ГДР (80).

Сталин по-прежнему не допускал мысли, что Советский Союз может выпустить из рук стратегическую инициативу по решению германского вопроса. Уступая настойчивым просьбам, которые шли к нему от руководства Советской контрольной комиссии и МИД, кремлевский правитель решил разыграть еще один спектакль. После длительной подготовки 10 марта 1952 г. он направил трем западным оккупационным державам ноту, в которой предлагались новые условия мирного договора с Германией. СССР был готов согласиться на объединение страны после проведения в ней свободных выборов, допустить существование немецкой армии и военной промышленности, но при условии неучастия Германии в военных союзах. К сожалению, нет никаких свидетельств, показывающих, какие мысли владели Сталиным в это время. Однако, судя по предыдущим действиям кремлевского вождя, не приходится сомневаться, что это была очередная попытка с его стороны поднять пропагандистскую шумиху вокруг вопроса о единстве Германии, расшатать союз западных держав и посеять разногласия между немцами. При внимательном рассмотрении пунктов советского плана относительно Австрии, которая уже давно стала заложницей германского вопроса и военных замыслов СССР, можно обнаружить, что дипломатия Кремля того времени — всего лишь хитрая уловка, за которой скрывались приготовления к войне. Сталин ничем не рисковал. Правительства западных держав и Федеративной Республики Германия не собирались идти на «нейтрализацию» Германии ни при каких обстоятельствах. Они незамедлительно отвергли ноту Сталина, разглядев в ней пропагандистский маневр Кремля. Впрочем, новой советской инициативе не удалось сорвать планы США и Великобритании по политической и хозяйственной интеграции Западной Германии в западный блок. На Западе продолжились дискуссии и создании «европейской армии» с включением в нее немецких дивизий (81).

На встречах с лидерами СЕГП 1 и 7 апреля 1952 г., почти сразу же после получения отказа западных держав, Сталин раскрыл им свои новые планы. Теперь, заявил он, ГДР сможет присоединиться к остальным «народным демократиям» в подготовке к будущей войне. Отныне молодежь Восточной Германии нужно воспитывать не в духе антивоенной пропаганды, как до сих пор, а готовить ее защищать свою страну от Запада. «Сейчас на Западе думают, что вы совсем не вооружены, что у вас нет сил и вас легко захватить. Пока они так думают, они будут несговорчивыми. Они считаются только с силой. Когда у вас появится какая-то армия, с вами будут разговаривать иначе, — вас признают и любят, так как силу все любят». Вместо 50-тысячной военизированной полиции, Сталин предложил создать полномасштабную армию: 13 дивизий наземной и морской

пехоты, военно-воздушные силы и военно-морской флот, включая подводный, на вооружении — сотни танков и тысячи артиллерийских орудий. Эту армию предполагалось развернуть вдоль западных границ. За вооруженными силами ГДР должны были дислоцироваться советские войска (82).

Во время второй встречи с руководителями ГДР 7 апреля Сталин высказал вслух то, о чем он, видимо, не переставал думать с самого начала советской оккупации. «Американцам нужна армия в Западной Германии, чтобы держать в своих руках Западную Европу. Американцы вовлекут Западную Германию в Атлантический пакт. Они создадут западногерманские войска. Аденауэр сидит в кармане у американцев. Все бывшие фашисты и генералы — тоже». Сталинские слова падали, словно пудовые гири. Наконец-то кремлевский вождь признал, что решение германского вопроса зашло в тупик. И тогда он сказал восточногерманским коммунистам то, что они хотели услышать: «И вы должны организовать свое собственное государство. Демаркационную линию между Западной и Восточной Германией надо рассматривать как границу — и не как простую границу, а как опасную границу. Нужно усилить охрану этой границы. На первой линии ее охраны будут стоять немцы, а на вторую линию охраны мы поставим русские войска». Иными словами, Сталин начал рассматривать ГДР не как переходное образование, а как постоянный стратегический ресурс для Советского Союза. И все же Сталин не стал закрывать границу сектора с Западным Берлином. Обжегшись на неудаче с берлинской блокадой, он лишь «порекомендовал» восточным немцам ограничить перемещения людей через эту границу. «Слишком свободно ходят по Германской Демократической Республике агенты западных держав» (83).

Возраст начал сказываться на работоспособности Сталина, однако его ум оставался острым и опасным для всех, на кого он был нацелен. Вождь строил планы по превращению Восточной Германии в передовой край для будущей войны с Западом. Вместе с тем, сохраняя верность своим взглядам на германский национализм, он по-прежнему настаивал на неослабной пропаганде «германского единства» среди широких слоев населения Западной Германии — социал-демократов и националистов. Он считал, что необходимо влиять на общественное мнение западных немцев и пытаться настроить их против американского военного присутствия в Федеративной Республике. «Надо продолжать пропаганду единства Германии все время. Это имеет большое значение для воспитания народа в Западной Германии. Сейчас это оружие у вас в руках, его надо все время держать в своих руках. Мы тоже будем продолжать делать предложения по вопросам единства Германии, чтобы разоблачать американцев» (84).

Историк Р. Ван Дик приходит к выводу, что решения, принятые Сталиным в апреле 1952 г., «разрешили основное противоречие его политики в Германии» — между реалиями, существовавшими в зоне оккупации, и декларируемой политической линией (85). Вместе с тем эти решения привели к новым проблемам. В последующие месяцы Ульбрихт, вдохновленный новой линией Сталина, развернул кампанию ускоренной советизации жизни в ГДР. 9 июля 1952 г. Политбюро в Москве одобрило резолюцию о «строительстве социализма» в ГДР. В Берлине пленум СЕПГ провозгласил в ГДР «диктатуру пролетариата». Позже Молотов заявил, что Ульбрихт ошибочно воспринял московскую резолюцию как разрешение на *ускоренный* курс построения социализма. Сталин тем не менее не возражал против действий Ульбрихта. В любом случае глава СЕПГ действовал с осознанием того, что выполняет директивы, полученные из Москвы. Всеобщая милитаризация общества в ГДР привела к арестам «вредителей» с последующей конфискацией их имущества, а также к угрозам в адрес «поджигателей войны» и «внутренних врагов». Правящий режим разрушил частный сектор в промышленности и торговле, начал гонения на церковь, а также приступил к коллективизации сельского хозяйства.

Из Москвы приходили производственные планы, астрономические показатели которых были невыполнимы даже для стран со здоровой, развитой экономикой, а что уж говорить о территориях, опустошенных войной и советской оккупацией! Результаты новой политики Сталина — Ульбрихта были катастрофичны: стремительная инфляция, кризис сельского хозяйства и чрезвычайно деформированное развитие экономики. В довершение всего Сталин палец о палец не ударил, чтобы облегчить участь восточных немцев сокращением размеров советских репараций и других выплат. К 1953 г. ГДР уже выплатила репараций на 4 млрд долларов США, но все еще оставалась должна Советскому Союзу и Польше 2,7 млрд долларов и продолжала выплачивать более 211 млн долларов ежегодно из своего бюджета. Кроме того, ГДР платила около 229 млн долларов в год на покрытие издержек советского оккупационного режима. Наконец, с той же сухой расчетливостью, с какой Сталин относился к нуждам китайских и корейских коммунистов (за советское оружие, с которым они воевали в Корее против американцев, им приходилось платить Советскому Союзу в американских долларах), вождь продал молодому немецкому социалистическому государству 66 заводов и фабрик, конфискованных Советским Союзом в Германии. Советские власти оценили их в 180 млн долларов, которые нужно было выплачивать наличными деньгами или товарными поставками (86).

При этом народ в ГДР жил гораздо лучше советских людей. В самом СССР из-за огромных расходов государства на военные нужды уровень жизни населения оставался чрезвычайно низким (87). Но вряд ли жители ГДР думали о том, насколько им повезло по сравнению с их советскими товарищами. Они равнялись на уровень жизни, который существовал в Третьем рейхе и который на их глазах улучшался в Западной Германии. До того как в ГДР был взят курс на ускоренную милитаризацию, условия жизни у восточных и западных немцев практически не отличались. Однако благодаря «экономическому чуду», начавшемуся в ФРГ в 1950–1951 гг., западные немцы по уровню материального благосостояния резко вырвались вперед, оставив жителей ГДР далеко позади. Соединенные Штаты, реализуя план Маршалла и другие программы, оказывали щедрую экономическую и финансовую помощь Западной Германии. Важную роль играло и то, что потребительский рынок США был открыт для немецких товаров. Таким образом, на западе Германии открывались благоприятные экономические перспективы, тогда как на востоке усиливались притеснения и тяготы жизни — все это заставляло многих профессионально обученных и образованных людей, в основном молодежь, покидать ГДР и уходить на Запад. С января 1951 по апрель 1953 г. почти миллион человек перебрались из ГДР в Западный Берлин и Западную Германию. Это были квалифицированные рабочие, фермеры, военные призывники, среди них — многие члены СЕПГ и Союза свободной немецкой молодежи. А среди тех, кто остался в ГДР, росло недовольство. Вальтер Ульбрихт вызывал всеобщее возмущение и даже ненависть (88).

Сталинская политика 1952 г. в ГДР, по-видимому, исходила из расчета на подготовку к будущей тотальной войне. Поступки Сталина в конце его жизни, как и новая архивная документация, дают основание предполагать, что хозяин Кремля уверовал в неизбежность войны с Западом. Весной 1952 г., незадолго до перехода к «строительству социализма» в ГДР, кремлевский вождь утвердил планы формирования 100 военно-воздушных дивизий, в составе которых должно было быть 10 тыс. реактивных бомбардировщиков средней дальности. По численности эта спроектированная армада почти вдвое превосходила то количество, которое командование советских ВВС считало достаточным на случай войны. Начались масштабные военные приготовления на Дальнем Востоке и Крайнем Севере. В том числе изучались возможности массированного вторжения на территорию Аляски. Остается лишь гадать, что бы произошло, если бы Сталин прожил дольше и попытался осуществить свои планы (89).

В последние годы жизни Сталин, по-видимому, начал терять ясное представление о положении дел в Германии. Его занимали другие не-

отложенные дела. Помимо войны в Корее и приготовлений к большой войне Сталин был занят политическими кознями против своих ближайших соратников. Он начал кадровую чистку в спецслужбах, санкционировал расследование «дела кремлевских врачей», организовал откровенно антисемитскую пропагандистскую кампанию и даже нашел время для чистки органов госбезопасности и специального «мингрельского дела», вероятно, сфабрикованного с целью устранить Берию. Свободное время Сталин уделял чтению проектов учебника по политэкономии и написанию собственных теоретических работ по «экономическим проблемам социализма» и даже по вопросам языкознания (90). Тем временем советизированная Восточная Германия начала входить в тяжелый политический и экономический кризис.

Страсти вокруг ГДР

Сталин умер 5 марта 1953 г. Смерть кремлевского вождя позволила наиболее информированным людям из сталинского окружения по-новому взглянуть на советскую политику в отношении Германии. Появилась возможность пересмотреть многие решения, принятые Сталиным, чья ошибочность и несостоятельность уже бросались в глаза (91). Преемники Сталина в Политбюро (в октябре 1952 г. переименованное в Президиум ЦК), а именно Маленков, Молотов и Берия, незамедлительно обратились к западным державам с мирными инициативами, чтобы уменьшить угрозу войны. Совместно с руководством Китая они приняли решение начать переговоры с Соединенными Штатами о перемирии в Корее. Советские власти отказались от политики территориальных претензий и давления в отношении Турции, стали пересматривать отношение к Ирану. Они также разрешили выезд за рубеж советским женщинам, вышедшим замуж за иностранцев (по сталинскому закону 1947 г. они подлежали аресту, и многие из них спасались, живя безвыходно на территории западных посольств). Правящая «тройка» наследников Сталина обсуждала и другие возможные пути снижения международной напряженности, среди них возможность вывода советских войск из Австрии в обмен на обязательство этой страны не входить в военно-политические блоки. В своей совокупности все это выходило далеко за рамки обычных советских кампаний «борьбы за мир» (92).

«Мирные инициативы» Советского Союза были вызваны ощущением надвигающейся войны, которое не на шутку пугало новых кремлевских правителей. Хрущев вспоминал: «В дни перед смертью Сталина мы верили, что Америка нападет на Советский Союз, и мы вступим в войну» (93). В Кремле с тревогой наблюдали за быстрым

ростом американской военной мощи, в том числе и ядерной (в ноябре 1952 г.). США провели первое в мире испытание термоядерного устройства мощностью свыше десяти мегатонн. В Кремле всерьез задумались о том, как избежать столкновения с Соединенными Штатами и добиться мирной передышки для укрепления обороноспособности.

В этом контексте преемники Сталина по-новому взглянули на положение в ГДР, где курс на советизацию вызвал массовое недовольство и бегство на Запад. Еще в марте 1953 г. руководство СЕПГ попросило у советских властей разрешения закрыть границы сектора с Западом и остановить бегство населения из ГДР в ФРГ. Одновременно оно обратилось в Москву с просьбой оказать серьезную экономическую помощь (94). Позднее, в июле, на пленуме ЦК КПСС Молотов так охарактеризовал причины, вызвавшие кризис в Восточной Германии: «Там взяли чрезмерно быстрый курс индустриализации, чрезмерно большой план строительства. Кроме этого, у них есть оккупационные расходы на нашу армию, платят репарации» (95). Тем временем из Западной Германии продолжали поступать тревожные известия. 18 апреля Комитет информации при советском МИД сообщил, что правительство Аденауэра «значительно усиливает пропаганду реваншизма и запугивает западногерманское население угрозой с Востока». Специалисты-международники предупреждали Президиум ЦК о том, что у Советского Союза нет никаких рычагов, чтобы помешать обеим палатам западногерманского парламента, бундестагу и бундесрату, ратифицировать Боннский и Парижский договоры (96).

Кремлевское руководство выжидало почти три месяца после смерти Сталина, не предпринимая ничего в отношении Германии. Подобное промедление было вызвано, разумеется, необходимостью решать другие безотлагательные проблемы. Бои в Корее продолжали уносить жизни тысяч китайцев и северных корейцев и по-прежнему грозили перерасти в крупномасштабные военные действия. В самом СССР никто не мог гарантировать, что после смерти Сталина не возникнут массовые бунты на фоне глубокого недовольства и вопиющей нищеты советских людей. По словам заступившего на пост председателя Совмина СССР Георгия Маленкова, основной задачей нового руководства было «не допустить растерянности в рядах нашей партии, в рабочем классе, в стране. Мы обязаны были сплотить свои ряды...» (97).

Молотов, снова возглавивший Министерство иностранных дел после смерти Сталина, взял на себя инициативу в корректировке политики по германскому вопросу. Необходимо было проанализировать сложившуюся в Германии обстановку и дать ей экспертную

оценку. В помощь работникам МИД в Москву из Берлина приехал Владимир Семенов. Экспертная группа, в которую входили помимо Семенова Яков Малик, Григорий Пушкин и Михаил Грибанов, составляла один план предложений за другим. Выступая в июле 1953 г., Молотов сказал, что «ряд фактов, ставших нам известным в последнее время, сделали совершенно очевидным, что в Германской Демократической Республике создалось неблагоприятное политическое и экономическое положение, что среди широких слоев населения ГДР существует серьезное недовольство». Однако архивные материалы МИД свидетельствуют, что все эти специалисты во главе с самим министром спорили по частностям, не посягая на основы советского подхода к Германии (98). Семенов, как наиболее информированный участник обсуждения, взял на себя смелость внести предложение о том, что Советскому Союзу следует отменить оккупационный статус ГДР и подписать с Ульбрихтом «договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи» (99). Никто из присутствовавших на обсуждении экспертов, однако, не указывал на истинную причину кризиса в ГДР — политику «форсированного строительства социализма», которую проводил с разрешения Сталина Ульбрихт в Восточной Германии.

Записей рабочих обсуждений в МИД не велось или они не сохранились. Судя по косвенным данным, Молотов твердо стоял на своем, считая, что мирные переговоры по Германии — это игра с Западом с нулевой суммой. Он согласился с Семеновым, который предлагал создать более благоприятные условия для социалистического строительства в ГДР, сократив репарации и прочие экономические обязательства страны перед СССР (100). 5 мая Молотов вынес на заседание Президиума предложение о прекращении выплат репараций ГДР к 1955 г. Вместе с тем глава МИД был категорически против того, чтобы закрывать границу сектора в Берлине, как это предлагалось руководством ГДР (101).

Внешне казалось, что в руководящей «тройке» отвечавших за международные дела (Молотов, Маленков и Берия) мало разногласий. На деле, однако, за фасадом показного единства зрело острое соперничество. После смерти Сталина Лаврентий Берия стал руководить Министерством внутренних дел, которое образовалось в результате слияния двух конкурирующих ведомств, соединявших функции разведки и тайной полиции. Таким образом, в руках одного человека оказались все спецслужбы, пограничные войска и многое другое, на чем держался до сих пор сталинский режим. При МВД Берия создал «мозговой центр», который с фантастической продуктивностью начал генерировать для него политические инициативы — как в области внутренней политики, так и в сфере международных отношений.

Для начала Берия дистанцировался от кровавого наследия Сталина и особенно его последних кампаний — против евреев-космополитов и «кремлевских врачей». Мало-помалу он начал доводить до сведения высшей партийной элиты, многие члены которой умудрились сохранить веру в непогрешимость вождя, что именно Сталин инициировал и направлял террор. В Президиуме ЦК он искал поддержки у Маленкова и Хрущева, видимо, надеясь со временем обвести обоих вокруг пальца. Молотов, пользующийся громадным авторитетом среди партийных кадров в связи со своей внешнеполитической деятельностью, представлял собой главного конкурента Берии. Поэтому могущественный шеф тайной полиции начал активно вторгаться в сферу внешней политики (102).

Каковы в то время в действительности были взгляды Берии по германскому вопросу — судить трудно. В своем дневнике, в записях, сделанных более десяти лет спустя описанных событий, Семенов пришел к выводу, что и Берия, и Сталин — оба относились к ГДР как к некоему подручному средству в борьбе за Германию. Берия «захотел обострить эту борьбу летом 1953-го» (103). Как вспоминает Анатолий Судоплатов, старший офицер советской разведки, Берия «перед самым Первомая» 1953 г. поручил ему подготовить «секретные разведывательные мероприятия для зондирования возможности воссоединения Германии». Он заявил Судоплатову, что «нейтральная объединенная Германия с коалиционным правительством укрепит наше положение в мире...». Согласно этому замыслу, ГДР должна была стать автономной областью в составе объединенной Германии. «Берия намеревался, не информируя Молотова и МИД, использовать свои разведывательные контакты для неофициальных подходов к крупным политическим фигурам в Западной Европе» (104). Остается неясным, собирался ли Берия устанавливать неофициальные каналы связи с влиятельными кругами в США и социал-демократами в Западной Германии.

6 мая Берия направил Маленкову, Молотову, Хрущеву, Булганину, Кагановичу и Ворошилову доклад, в котором содержались сведения о катастрофических масштабах бегства из ГДР: с 1952 г. территорию Восточной Германии покинули 220 тыс. человек, в том числе более 3 тыс. членов СЕПГ и Союза свободной немецкой молодежи. Впервые в отчете Берии вина за массовый исход населения возлагалась на руководство ГДР и его неверную политику. Берия выдвинул предложение просить Советскую контрольную комиссию в ГДР выработать рекомендации для сокращения числа беженцев «с тем, чтобы дать необходимые советы нашим немецким друзьям» (105).

В этот момент Ульбрихт совершил оплошность. 5 мая он объявил, что ГДР «уже вступила в новый этап диктатуры пролетариата». Эта

большевистская риторика прозвучала в Восточном Берлине именно в то время, когда Уинстон Черчилль обратился в палату общин с предложением о проведении встречи с новым советским руководством. По мнению Берии, Маленкова, Молотова и других членов правящей кремлевской группировки, курс Ульбрихта на форсированное строительство социализма в ГДР совершенно не способствовал объединению Германии, а значит, мешал возможности расколоть блок НАТО (106). В Президиуме ЦК разгорелись жаркие споры по ГДР. 14 мая, по предложению Молотова, Президиум дал Ульбрихту указание воздерживаться от заявлений подобного рода (107). Одновременно Молотов вместе с экспертами из Министерства иностранных дел признал справедливыми факты, предъявленные в докладе Берии (108). Семенов в своей служебной записке согласился с тем, что необходимо прекратить насильственную коллективизацию сельского хозяйства, а также практику массовых арестов и репрессий среди больших групп населения Восточной Германии. Он даже предложил провести там частичную амнистию. Вместе с тем он считал, что в интересах СССР — упрочить позицию коммунистического руководства ГДР, а не подрывать ее (109). На заседании Президиума 20 мая Молотов критиковал власти ГДР. Скорее всего, он решил держать свои сомнения при себе и не захотел вносить раскол в коллективное руководство (110). Казалось, дни Ульбрихта были сочтены. Сегодня многие историки сходятся во мнении, что в мае — июне 1953 г. впервые советская верхушка допускала возможность радикальных изменений в германской политике.

Внутри коллективного руководства разгорелась полемика. В центре дискуссии оказался вопрос, какая Германия все-таки нужна Советскому Союзу. В проекте постановления Президиума Совмина СССР, подготовленном Берией, предлагалось отказаться от «курса на строительство социализма в ГДР», тогда как на заседании Президиума 27 мая Молотов предложил подвергнуть критике не сам «курс СЕПГ на строительство социализма», а «форсированное строительство социализма». В настоящее время протоколы этого заседания недоступны (или не существуют), и мы не можем знать в точности, что было сказано на заседании 27 мая. До нас дошла только «версия», оглашенная после ареста Берии в июле. Тогда Молотов сообщил на Пленуме ЦК КПСС, что на памятном заседании Президиума Берия оборвал его замечанием: «Что нам этот социализм в Германии, какой там социализм, была бы буржуазная Германия, только бы миролюбивая». По словам Молотова, это замечание вызвало недоумение у остальных членов руководства. «Мы таращили глаза — какая может быть буржуазная Германия миролюбивая... которая навязала одну мировую войну... Вторую мировую войну». В заключение своей июльской речи Молотов сказал: «Кто может

из марксистов трезво судить вообще, который стоит на позициях, близких к социализму или к советской власти, кто может думать о какой-то буржуазной Германии, которая будет миролюбивая и под контролем четырех держав?» (111).

Хрущев и Булганин приняли сторону Молотова. В своих мемуарах Микоян вспоминал, что Берия и Маленков, похоже, выработали общую позицию по германскому вопросу. «Их целью было захватить руководящую роль в Президиуме, и вдруг такое поражение!» После заседания 27 мая Берия будто бы позвонил Булганину и заявил, что тот лишится поста министра обороны, если будет заодно с Хрущевым. Впоследствии в своем письме из тюремной камеры Берия покается в «недопустимой грубости и наглости» в отношении Хрущева и Булганина «при обсуждении по германскому вопросу» (112).

Если тщательно собрать воедино все разрозненные свидетельства и выстроить логическую цепочку событий, то станет очевидным, что не только Берия с Маленковым, но и Молотов с Хрущевым, а также остальные кремлевские руководители ратовали за радикальные перемены в ГДР. Уже потом, когда коллективное руководство избавилось от Берии, бывшие соратники решили, что в список его преступлений следует включить желание «сдать» ГДР западным державам (113). А в начале июня в основу советской политики в германском вопросе были положены тезисы Берии и Маленкова о том, что «курс на форсированное строительство социализма» в ГДР означает увековечивание расчлененной Германии, а «стоять на позиции существования расчлененной Германии — это значит держать курс на новую войну, и притом в недалеком будущем». После бурных обсуждений внутри коллективного руководства 2 июня было принято распоряжение Совета министров СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». Этот документ отличался от всех проектов, предложенных МИД как по содержанию, так и по формулировкам, он шел гораздо дальше рекомендаций СКК от 18 мая и почти дословно вообрал в себя основную часть служебного письма Берии (114). В нем утверждалось, что главной причиной кризисной ситуации, сложившейся в ГДР, является неправильно взятый курс на «ускоренное строительство социализма в Восточной Германии без наличия необходимых для этого реальных как внутренних, так и международных предпосылок». В распоряжении Совета министров косвенно признавалось, что ответственность за эту политику несет Сталин, и предлагалось «считать неправильным проводившуюся в последнее время пропаганду необходимости перехода ГДР к социализму». Предлагался «новый курс», призванный покончить с коллективизацией, распустить немецкие колхозы, сократить «чрезмерно напряженные темпы развития тяжелой промышленности» и добиться «резкого увеличе-

ния производства товаров массового потребления». Кроме того, в документе выдвигались требования сократить расходы на содержание административного аппарата и спецслужб, стабилизировать денежное обращение в ГДР, остановить аресты и освободить из заключения людей, а также прекратить преследование по религиозным мотивам и вернуть конфискованное церковное имущество (115).

«Новый курс» круто менял сталинскую политику, целью которой было превращение Восточной Германии в бастион социализма на случай неизбежной войны с Западом. Теперь будущее ГДР связывалось прежде всего с «мирным урегулированием основных международных проблем». Кремлевское руководство указывало властям ГДР, что необходимо поставить в центр внимания «широких масс германского народа как в ГДР, так и в Западной Германии... задачи политической борьбы за восстановление национального единства Германии и за заключение мирного договора» (116).

2–4 июня для получения директив о смене политического курса в Москву тайно, на советском самолете, прибыла делегация СЕПГ. Ульбрихт, чувствуя, что ему грозит опасность, попробовал было предложить перемены косметического характера. Однако именно в эти дни в Президиум ЦК поступили известия о беспорядках в Болгарии и волнениях в Чехословакии. Такой поворот событий, похоже, еще сильнее склонил кремлевское руководство в пользу немедленного отказа от сталинских методов ведения дел в восточноевропейских странах-сателлитах (117). Согласно записям Отто Гротеволья, Берия сказал руководителям ГДР: «Мы все наделали ошибок [в 1952 г.], никаких упреков». Однако другому члену восточногерманской делегации, также очевидцу событий, запомнилось то, с каким презрением и злостью обращался Берия к Ульбрихту. Маленков тогда тоже высказался: «Если мы не исправим положение сейчас, то случится беда». Кремлевские правители решительно урезали сталинские планы по вооружению ГДР. «Никаких самолетов, никаких танков», — коротко отметил Гротеволь в своих записях об этой встрече (118).

Самым неприятным для руководства СЕПГ было то, что Москва приказала перейти к «новому курсу» немедленно. Руководители ГДР отправили из Москвы на родину телеграмму с указанием: срочно изъять из библиотек и книжных магазинов литературу о «строительстве социализма» в Восточной Германии. Президиум назначил Владимира Семенова верховным комиссаром СССР в Германии и отправил его обратно в ГДР на одном самолете с лидерами СЕПГ — следить за исполнением предписаний Кремля. Новые директивы ставили руководство ГДР почти в безвыходное положение. После целого года мобилизации, пропаганды и репрессий им теперь нужно было незамедлительно идти на попятную, не имея времени даже на то, чтобы

подготовиться и объяснить народу происходящее. Молотов даже порекомендовал, чтобы в газетах напечатали «честные критические материалы» о политике СЕПГ, проводимой с июля 1952 г. (119). Поразительно, что советские руководители совершенно не предвидели, сколь опасным для внутривосточной стабильности коммунистического режима ГДР может стать такой крутой разворот.

Хрущев после ареста Берии утверждал, что и Маленков был в сговоре с Берией по германскому вопросу. Маленков, выступая в свою защиту, произнес слова, существенно прояснявшие его позицию: «Речь шла тогда о том, что мы вели политическую кампанию по вопросу объединения Германии, и я тогда считал, что не следовало выдвигать задачу развития социализма в Демократической Германии». В архиве Маленкова обнаружен проект его речи перед делегацией СЕПГ, где он как бы предвидит будущие обвинения в свой адрес: «Анализ внутреннего политического и экономического положения в ГДР... со всей очевидностью показывают, что мы действительно на всех парах идем, но только не к социализму, а к внутренней катастрофе. Мы обязаны трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен» (120). Если бы «новый курс», а вместе с ним и новая политика Кремля в отношении Германии получили продолжение, ситуация в Европе могла бы радикально измениться. В первые месяцы после смерти Сталина никто из правящей верхушки в Кремле не знал, как строить отношения с Западом. Между тем в международных отношениях наметились новые перспективы. 3 июня британский премьер-министр Уинстон Черчилль намекнул советскому послу Якову Малику о том, что он хотел бы начать конфиденциальный обмен мнениями с новым руководством СССР по закрытым каналам — так же как он некогда контактировал со Сталиным. Черчилль сообщил Малику, что намерен увидеться с президентом Эйзенхауэром и уговорить его провести в ближайшее время встречу руководителей великих держав на высшем уровне, чтобы оздоровить международную обстановку. Премьер-министр Великобритании сказал, что уверен в успехе и что ему удастся «улучшить отношения между странами и создать атмосферу большего доверия, по крайней мере на ближайшие 3–5 лет» (121).

Берия с Маленковым, судя по всему, пытались предложить способы снижения международной напряженности и предотвратить грядущую, по их мнению, большую войну. Берия был особенно активен в использовании в интересах дипломатии каналов спецслужб. Он попытался установить доверительную связь с лидером Югославии маршалом Тито, которого советская пропаганда продолжала клеймить как главаря «фашистской клики». В своей отчаянной записке

из тюрьмы после ареста Берия напомнил Маленкову о том, что готовил «задание по Югославии» по его же совету и согласию. В письме также упоминается и о другом «задании». Подразумевалось просить советского агента влияния Пьера Кота выйти на премьер-министра Франции Пьера Мендеса-Франса с предложением начать тайные переговоры по германскому вопросу. В то время во французском обществе, включая высшие круги, существовали серьезные разногласия по вопросам «европейской армии» и перевооружения Западной Германии. Неизвестно, как бы отреагировали французские руководящие круги на предложение СССР об объединении Германии, но совершенно очевидно, что обострение разногласий внутри НАТО по этому вопросу было бы обеспечено (122).

Между тем политический и экономический кризис в ГДР привел к народному восстанию против коммунистического режима, и это изменило всю ситуацию. 16 июня рабочие Восточного Берлина вышли на демонстрацию с экономическими требованиями (надо сказать, «новый курс» не предусматривал повышение зарплат и снижение норм выработки для рабочих). Массовые демонстрации охватили всю страну и быстро переросли в политические забастовки, в знак протеста против коммунистического режима в ГДР. Толпы жителей Западного Берлина перешли в восточный сектор города и присоединились к протестующим. Ситуация вышла из-под контроля местных властей. Для подавления восстания были использованы советские войска. 17 июня демонстранты были разогнаны, а порядок в столице восстановлен. Постепенно положение в ГДР стабилизировалось. Но июньские события стали первым серьезным звонком, предупреждавшим об уязвимости советского блока (123).

Поначалу было неясно, какое влияние эти события окажут на советское руководство и на «новый курс» в ГДР. Судоплатов в своих мемуарах утверждает, что даже после начала беспорядков в ГДР Берия «не отказался от идеи объединения Германии». Демонстрация советской силы в Восточном Берлине «могла только увеличить шансы СССР на достижение компромисса с западными державами». Берия отправил своих агентов в Западную Германию, чтобы с их помощью наладить негласные связи с местными политиками (124). Одновременно с этим главнокомандующий советскими вооруженными силами в Восточной Германии маршал В. Д. Соколовский, верховный комиссар Семенов и его заместитель по политическим вопросам П. Ф. Юдин направили советскому руководству подробный отчет о беспорядках в ГДР, в котором содержалась уничтожающая критика Ульбрихта. «Тройка» рекомендовала освободить его от обязанностей заместителя премьер-министра ГДР и «позволить ему сосредоточить свое внимание» на партийной работе. Пост генерального секретаря

партии предлагалось отменить, а численность партийного секретариата сократить (125).

По стечению обстоятельств, предложение о сокращении власти партаппарата в ГДР затронуло самую суть той борьбы за власть в Кремле, которая близилась к своему разрешению. В конце мая 1953 г. Никита Хрущев, возглавлявший в то время секретариат ЦК, пришел к выводу, что Берия слишком опасен. Лидер партийного аппарата заподозрил Берию в намерении захватить всю власть в свои руки и расправиться с остальными членами послесталинского руководства. В частности, он подозревал главу спецслужб в намерении совместно с главой правительства Маленковым отодвинуть на задний план секретариат ЦК партии и тем самым выбить почву из-под ног Хрущева. От партийных лидеров союзных республик начали поступать сигналы о том, что Берия действует за спиной Хрущева. Никита Сергеевич понял, что рано или поздно ему придется выступить против Берии. Вполне возможно, что это понимание окрепло после того заседания Президиума 27 мая, на котором обсуждался вопрос о смене курса в ГДР. Хрущев начал тайный стовор против Берии с Молотовым и другими членами высшего руководства. В конечном счете даже Маленков признался Хрущеву, что он боится Берии, и тоже присоединился к зреющему заговору против всемогущего министра внутренних дел (126).

Арест Лаврентия Берии 26 июня во время заседания Президиума Совмина СССР существенно изменил расстановку сил внутри Кремля. В глазах всего партаппарата Хрущев стал героем, организатором смещения Берии. Советские высшие круги, включая военачальников, ненавидевших госбезопасность, увидели в Хрущеве человека, который может освободить их от постоянного страха репрессий. На июльском пленуме ЦК партии, созванном с целью осудить Берию, Хрущев в победных тонах заявил о том, что партийный аппарат должен всегда стоять над государственной бюрократией и более того — над органами госбезопасности. Маленков, который оставался председателем Совета министров, торжественно объявил о том, что «никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника» умершего вождя. «Преемником великого Сталина является крепко сплоченный, монолитный коллектив руководителей партии». Как показало ближайшее будущее, с этого момента, отказавшись от борьбы за единоличное лидерство, Маленков начал уступать политическую инициативу Хрущеву (127).

Советские представители в Германии продолжали слать доклады, в которых упрекали Ульбрихта и партийно-административные органы ГДР в отсутствии политической воли, критиковали их за бездействие во время беспорядков (128). Тем не менее подобная критика

более не встречала понимания и поддержки у советского руководства. Хрущев уважал Ульбрихта и считал его хорошим, надежным коммунистом. Еще важнее было то, что и Хрущев, и Молотов заявили на пленуме ЦК, что идея о «единой миролюбивой Германии» является частью заговора, который готовил Берия. Хрущев сообщил, что Берия показал себя в германском вопросе «как провокатор, как некоммунист. Принять его предложения значило бы, что 18 миллионов немцев отдать под покровительство американцев... Как может нейтральная демократическая буржуазная Германия быть между нами и Америкой? Возможно ли это? Не надо скрывать, что с нами дружба капиталистических буржуазных государств определенная... Берия говорит, что мы договор заключим. А что стоит этот договор? Мы знаем цену договорам. Договор имеет свою силу, если подкреплён пушками. Если договор не подкреплён, он ничего не стоит. Если мы будем говорить об этом договоре, над нами будут смеяться, будут считать наивными». Большинство высших советских и партийных работников, присутствовавших на пленуме, встретили слова Хрущева аплодисментами. Многие из них воевали с гитлеровской Германией и разделяли убежденность Хрущева в том, что воссоединение Германии на «буржуазной» основе обесценит победу в Великой Отечественной войне. Другие считали Восточную Германию главным военным трофеем, а ее промышленность — ключевым придатком к военно-промышленному комплексу СССР. От имени представителей советского атомного проекта выступил его руководитель Авраамий Завенягин, сообщивший пленуму о том, что «в ГДР добывается много урана, может быть, не меньше, чем имеют в своем распоряжении американцы. Это обстоятельство было известно Берии, и он должен был сказать Центральному комитету, чтобы эти соображения учесть». Речь шла о советском урановом проекте в Нижней Саксонии под кодовым названием «Висмут» (129).

Новые веяния немедленно отразились на политике и умонастроениях советских властей в ГДР. Влияние Молотова на внешнюю политику СССР выросло, а прежние инициативы Берии и Маленкова, и не только по германскому вопросу, но и по Югославии и Австрии, были автоматически дезавуированы (130). Президиум ЦК решительно отклонил предложение Семенова снять Ульбрихта со своего поста и отстранить секретариат партии от государственных дел как «не справившийся». Молотов даже заявил, что «Семенов качнулся вправо». Почувствовав перемену ветра, Ульбрихт начал расправляться со своими соперниками в Германии. Еще во время июньских событий Советская контрольная комиссия высоко оценила действия членов Политбюро СЕПГ Рудольфа Хернштадта и Вильгельма Цейсснера, и, по мнению американской исследователь-

ницы Х. Гаррисон, «если бы не помешал эпизод с Берией, [они] бы успешно оттеснили Ульбрихта от власти». Однако теперь, в новой ситуации, советское руководство благосклонно отнеслось к устранению Хернштадта и Цейсснера после того, как Ульбрихт дал понять, что им покровительствовал Берия (131).

На смену позиции Кремля повлияло также и поведение американцев во время восстания в Восточной Германии. Средства массовой информации Соединенных Штатов активно освещали демонстрации протеста, снабжали жителей Восточного Берлина продуктами питания, кроме того, стали настаивать на проведении «свободных выборов» как на предварительном условии для воссоединения Германии. В то же время ни Соединенные Штаты, ни другие западные державы не планировали оказывать помощь восставшим немцам военной силой, поскольку это означало бы войну с Советским Союзом. Даже если Запад, как в это верили многие в советском МИД и разведке, действительно готовился к определенному «дню икс», руководители западных стран понимали, что их возможности для действий внутри советского блока крайне ограничены (132).

После ареста Берии и беспорядков в Восточной Германии все «мирные инициативы» на европейской международной арене, как и сам «новый курс», заглохли. В самом деле, сократить вооруженные силы в Европе было нельзя без решения германского вопроса путем переговоров. Эту головоломку руководители СССР не смогли решить в течение последующих 35 лет. Приход к власти Хрущева, удержание Ульбрихтом власти в ГДР и свертывание «нового курса» похоронили реальную возможность пересмотра политики СССР в отношении Восточной Германии. Миллионам немцев пришлось еще долгие годы жить под властью Ульбрихта и его преемников, в отрыве от западных земель и ожидании чуда, которое позволит им обрести единую, суверенную и свободную Германию.

Глава 4

БОРЬБА В КРЕМЛЕ

И «МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ»,

1953–1957

Примерно в конце 1955 года Молотов поручил одному из своих сотрудников найти в произведениях Ленина цитату, где бы говорилось, что наивность в вопросах внешней политики хуже преступления. Очевидно, эту цитату предполагалось использовать против Хрущева.

*Из воспоминаний Олега Трояновского,
советского дипломата*

Я хочу со всей решительностью, на какую только способен, заявить, что позиция Молотова в этом вопросе является неправильной, глубоко ошибочной и не соответствующей интересам нашего государства.

*Из выступления Андрея Громыко
на пленуме ЦК КПСС, июль 1955*

После смерти Сталина новое кремлевское руководство начало поиски «новой» внешней политики, которая бы помогла вернуть им возможности и пространство для дипломатического маневра, утраченные с началом холодной войны. На XX съезде КПСС, состоявшемся в феврале 1956 г., советское руководство отказалось от сталинского лозунга о неотвратимости наступления нового периода войн и революций. Было признано, что в современную эпоху имеется реальная возможность предотвращения следующей мировой войны, а значит, и возможность долговременного «мирного сосуществования», иначе говоря, мирного соревнования «капиталистической и социалистической систем».

Однако разрядки напряженности в отношениях между Востоком и Западом так и не произошло. Холодная война вновь начала набирать обороты. Обе стороны по-прежнему относились друг к другу с подозрением и опаской. В мемуарах отдельных советских деятелей тех лет встречается мнение о том, что Запад недооценил гибкости

новой внешнеполитической доктрины СССР, упустил благоприятную возможность для международных договоренностей (1). Американские документы подтверждают, что президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр, госсекретарь Джон Ф. Даллес, а также значительная часть специалистов-советологов восприняли перемены в Кремле и его гибкую дипломатию не как шанс к соглашению, а скорее как новую и опасную неопределенность. Непривычные речи советского руководства о готовности вернуться к столу переговоров, риторика «мирного сосуществования» могли, с их точки зрения, подорвать планы вооружения и мобилизации западноевропейской армии, которая совместно с британской армией могла бы взять на себя бремя «сдерживания» советского военного блока. Нежелание Эйзенхауэра вступать в переговоры с Советским Союзом объяснялось еще и тем, что его администрация испытывала на себе давление антикоммунистических сил внутри США и считалась с настроением в обществе, где страх перед «красными» и «русскими» достигли апогея (2).

Внимательный взгляд на рассекреченные советские архивы, однако, обнаруживает, что советская сторона также была не готова к переговорам и компромиссам. В 1953–1957 гг. на процесс выработки внешнеполитических решений в Кремле значительно влияли такие факторы, как внутрипартийная борьба и расклад сил между преемниками Сталина — шла ли речь о политике внутри социалистического блока или же об отношениях с Соединенными Штатами и их союзниками. Рассекреченные документы свидетельствуют: большинство правителей в Кремле, несмотря на все заявления о возможности мирного сосуществования, вовсе не отказывались от основных положений революционно-имперской парадигмы и выступали за продолжение сталинской внешней политики. Революционно-имперский язык и после смерти Сталина остался языком большинства его наследников: для лидера партии обнаружить слабость и колебания перед империалистами Запада было бы равносильно политическому самоубийству. Представители коллективного руководства, стараясь заручиться поддержкой большинства в партийном аппарате и государственных структурах, состязались в идеологической жесткости и наперебой предлагали различные способы укрепления и расширения могущества СССР и его влияния во всем мире. Сторонники компромиссов с Западом, такие как Маленков, отступили в тень. Новый лидер, Н. С. Хрущев, горел желанием вновь заявить об СССР как о лидере мирового революционного движения, а потому начался поиск союзников среди руководителей революционных и национально-освободительных движений на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии, Африке и Латинской Америке (3).

Кто будет разговаривать с Западом?

Члены кремлевской верхушки — те несколько человек, что остались у власти после смерти Сталина в марте 1953 г. и вошли в так называемое коллективное руководство, — прошли невероятно тяжелую школу борьбы за выживание (4). Они прекрасно знали, что значит вести бесконечную борьбу за место под солнцем и что это в любой момент может стоить им жизни. Сталинские подручные постоянно находились под двойным прицелом. Ускользнуть от подозрительного прищур диктатора было почти невозможно, но не менее трудно было избежать заискивающих и завистливых взглядов целой армии нижестоящих партийных и государственных работников, входивших в политическую номенклатуру. За время своего правления Сталин постарался сделать так, чтобы никто из его окружения не чувствовал себя в безопасности, как бы высоко он ни сидел. Незадолго до смерти, на пленуме ЦК в октябре 1952 г., Сталин заявил, что Молотов и Микоян — предатели и, возможно, шпионы западных разведок. Одновременно он расширил состав Политбюро (переименовав его в Президиум ЦК) и включил в него большую группу начинающих партийных деятелей. Вероятно, тем самым Сталин давал понять своим давним соратникам, что в любую минуту сможет поменять их на кого-нибудь другого, более молодого (5).

Между тем кремлевские помощники Сталина, не теряя времени, приспособливались к интригам вождя и даже научились управлять страной во время его длительных осенних отпусков. После избиения ленинградских партийных кадров в 1949 г. члены «ближнего круга» теснее сплотили свои ряды, как бы заключив негласный договор о взаимной терпимости (6). И все же только смерть Сталина помогла некоторым из них спастись от удавок, которые вождь не успел затянуть на их шее: Молотов вернул себе пост министра иностранных дел, Микоян восстановил свое влияние в области внешней торговли, направленное против Берии «мингрельское дело», по которому проводилось расследование в Грузии, было отменено. Все молодые кадры были выведены из состава Президиума. В решающий момент смены власти в стране сталинских преемников связал общий интерес — остаться в Кремле. Это было гораздо важнее личного соперничества и политических разногласий. Бывшие соратники Сталина по Политбюро опасались, что даже намек на отсутствие среди них единства погубит их всех, вдохновит врагов советского режима внутри и вовне (7).

Олигархия у власти, как правило, редко идет на нововведения и перемены. В первые месяцы после смерти Сталина коллективное руководство было вынуждено пойти на крупные новации во вну-

тренней и внешней политике. Новые лидеры не чувствовали, что их власть прочна и легитимна, а потому стремились продемонстрировать собственному народу и всему миру свою способность и решимость руководить страной. И все же на фоне вездесущих портретов и величественных изваяний Сталина личности новых руководителей выглядели блекло. Московский профессор Сергей Дмитриев, увидев в ноябре 1955 г. по телевизору лидеров страны на заседании, посвященном годовщине Октябрьской революции, записал в своем дневнике: «Весь Президиум заседания — прескучный, серый народец. У одного Молотова виден ум и что-то вроде породы на лице. Чувство от зрелища такое: давным-давно прошла и навсегда прошла революция. Истреблены все революционеры, правят и торжествуют бюрократы и ничтожества. Никакого живого, непосредственного чувства, ни одного живого, человеческого, яркого слова, ни одного заметного жеста. Все подтерты, подчищены, безличны. Нету только подписи, как над Дантовым адом» (8).

Преемники Сталина уже не могли править посредством террора, им пришлось искать поддержки у партийных работников, военнослужащих, сотрудников спецслужб и других государственных чиновников. В партийно-номенклатурных кругах все понимали, что принцип коллективного руководства — это ненадолго, и кто-то один из представителей «старой гвардии» в конечном счете станет победителем в грядущей схватке за верховную власть. Редактор ведущего литературного периодического издания выразил эти настроения в своем дневнике: «Коллективное руководство — а кто дирижер?» (9).

После ареста Берии на роль дирижера стал выдвигаться Хрущев. Маленков тем не менее оставался на самом заметном в руководстве посту председателя Совета министров СССР. Многие в стране продолжали считать его преемником Сталина. 8 августа 1953 г., выступая на сессии Верховного Совета, Маленков объявил о мерах «по дальнейшему улучшению благосостояния народа», которые позволят в корне изменить условия жизни советских людей в «ближайшие два-три года». Впервые с 1928 г. государство обещало резко увеличить капиталовложения в сельское хозяйство и производство товаров народного потребления за счет сокращения расходов на оборонную промышленность и машиностроение. Кроме того, Маленков — опять же впервые — объявил о сокращении в два раза налогов на колхозное крестьянство, а также об увеличении разрешенных государством размеров подсобных хозяйств и личных участков крестьян. Эти меры позволили крестьянству буквально за год удвоить личные доходы. Серьезные трудности с продовольствием продолжали изматывать население СССР, но теперь, по крайней мере, колхозникам не надо было уничтожать свои огороды и забивать коров, чтобы не платить

госналог на имущественные излишки. Более того, крестьяне снова могли торговать на рынках мясом и молоком. Маленков обрел среди сельских жителей мгновенную популярность. Крестьяне по всей России пили за его здоровье (10).

В своем выступлении Маленков сделал еще одно яркое заявление: о том, что СССР испытал первую в мире водородную бомбу. По радио со смешанным чувством гордости и тревоги слушал речь Маленкова Андрей Дмитриевич Сахаров — советский физик-ядерщик, один из создателей этой бомбы, находившийся в это время на испытательном полигоне в Казахстане. На самом деле успешное испытание бомбы произошло лишь через неделю после речи. Заявление произвело желаемое впечатление: в глазах лидеров зарубежных стран и всего народа Маленков предстал в качестве лидера ядерной сверхдержавы (11). Но Хрущев истолковал речь Маленкова как популистский жест, попытку добиться «дешевой личной популярности» за счет остального руководства. В особенности он не мог простить и забыть Маленкову то, что тот узурпировал прерогативу выступать в роли главного защитника крестьянства, т. е. большинства народа. Эту роль Никита Сергеевич примерял на себя. В сентябре 1953 г. Хрущев провел специальный пленум ЦК, посвященный новым мерам по развитию сельского хозяйства. А еще через пять месяцев, на следующем пленарном заседании Центрального комитета, Хрущев представил свой план освоения целинных земель в Казахстане — грандиозную программу, обещавшую в сжатые сроки покончить с постоянной нехваткой продовольствия. Эта программа дорого обошлась стране, она задвинула на задний план проблемы российского крестьянства, вызвала в казахских степях экологическую катастрофу. Но зато, как напишет Вильям Таубман, Хрущев «обладал лидерскими качествами, которые отсутствовали у Маленкова» (12).

В сентябре 1953 г. пленум ЦК утвердил Хрущева первым секретарем ЦК КПСС. Никита Сергеевич нравился многим из партийцев, выдвинувшихся при Сталине. Как и многие из них, он был рабоче-крестьянского происхождения, недоучка, прямолинейный до грубости. Вместе с тем за его простецкой внешностью и малокультурной речью скрывался быстрый ум, способность моментально схватывать новую информацию, практицизм и фантастическая энергия. Хрущев, по контрасту со Сталиным, не таился от народа и любил общение. Маленков, желая добиться авторитета среди руководителей производства, а также в научных и культурных элитах страны, вначале пытался журить партийный аппарат за излишнее вмешательство в управление экономикой и культурой. Хрущев, напротив, привлек партийный аппарат на свою сторону и сделал его своим главным орудием в борьбе за власть. Он также взял под свой контроль спец-

службы: подчиненный формально Совету министров, Комитет государственной безопасности (КГБ) с февраля 1954 г. начал на самом деле работать «под контролем партии», а точнее, по указаниям первого секретаря. Первым председателем КГБ стал ставленник Хрущева Иван Серов — бывший высокопоставленный сотрудник НКВД, проводивший сталинские репрессии в Польше и Восточной Германии. Теперь у Хрущева были надежные рычаги, с помощью которых он получал возможность вытеснить председателя Совмина на периферию общественного внимания, ограничить ему доступ к важной информации и даже шантажировать его угрозами рассказать партии о гнусной роли Маленкова в «ленинградском деле». Личная канцелярия Маленкова оказалась в унижительном подчинении секретариату партии, а помощник Маленкова Дмитрий Суханов был позже уволен и арестован якобы за растрату государственных средств и утерю секретных документов. На заседаниях Президиума и пленумах ЦК Хрущев председательствовал, а когда члены коллективного руководства появлялись на публике, шел впереди всех (13).

Борьба за наследие Сталина в эпоху холодной войны напрямую касалась вопроса о руководстве советской внешней политикой. Для многих представителей высшей номенклатуры страны и широких слоев населения умение вести международные дела казалось чем-то сверхъестественным. Кто из коллектива руководителей рискнет примерить на себя сталинскую мантию мирового лидера и сможет разговаривать на равных с лидерами других великих держав? Кто сумеет, сочетая в себе мудрость и проницательность, понять общее направление мирового развития на долгосрочный период и защитить интересы Советского Союза на международной арене? Победитель в кремлевской гонке за первое место получал не только полный контроль над огромной партийно-государственной бюрократической машиной, но и должен был возглавить международное коммунистическое движение, а также все «прогрессивное человечество» в жестокой схватке с мировым капитализмом.

Если бы встреча на высшем уровне произошла вскоре после мая 1953 г., когда о ней заговорил Уинстон Черчилль, то Маленков в качестве главы государства оказался бы в центре внимания международной общественности. Однако к концу 1954 г. время, отпущенное Маленкову для пребывания на политической вершине, закончилось. Хрущев наедине с другими членами Президиума сетовал, что для успешного ведения будущих переговоров с Западом Маленков слишком слаб духом и неустойчив. Этого аргумента было достаточно для того, чтобы 22 января 1955 г. Президиум проголосовал за снятие Маленкова с поста председателя Совета министров. Спустя девять дней пленум ЦК КПСС одобрил это решение (14).

На этом пленуме Хрущев и Молотов впервые заявили партработникам высшего звена о том, что Маленков в мае 1953 г. «полностью был вместе с Берией» по вопросу о «сдаче» ГДР. Хрущев сообщил пленуму о том, что весной 1953 г. он «не раз говорил другим товарищам, в особенности товарищу Молотову: теперь Черчилль так добивается встречи в верхах, а я, честно говоря, боюсь, что когда он встретится лицом к лицу с Маленковым, Маленков испугается и сдастся». Смысл этого высказывания был очевиден: председатель Совмина слабохарактерен, а потому не сможет представлять Советский Союз на встрече с главами капиталистических стран. В своих воспоминаниях Хрущев напишет: «Мы вынуждены были заменить Маленкова... Для бесед в Женеве требовался крепкий человек» (15). Оказалось, что таким человеком мог быть только сам Хрущев.

Изображая верность принципу коллективного руководства, Хрущев отказался совмещать посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР. Взамен он предложил назначить председателем Совмина своего товарища, Николая Булганина, являвшегося на тот момент министром обороны (16). Выбор данной кандидатуры свидетельствовал о явном лицемерии хрущевской критики «слабохарактерного» Маленкова: новый глава правительства был политически несамостоятельной и даже жалкой фигурой. Сталин считал Булганина настолько слабым человеком, что доверил ему возглавлять вооруженные силы (вождь хотел видеть на этом посту человека безвольного, который не станет даже помышлять о военном перевороте). Такой соратник не мог оспаривать у Хрущева руководящую роль в государстве. Одновременно в феврале 1955 г. Хрущев добился еще одной ключевой должности — должности председателя Совета обороны — органа, на который возлагалось рассмотрение вопросов, связанных с Вооруженными силами СССР и обороной страны. В состав совета, в частности, вошли новый министр обороны маршал Георгий Константинович Жуков, союзник Хрущева, а также Вячеслав Александрович Малышев, возглавлявший Министерство среднего машиностроения (под этим названием скрывалась советская атомная программа). По сути, Хрущев стал Верховным главнокомандующим Советского Союза (17). От него эта должность перейдет по наследству всем последующим генеральным секретарям ЦК КПСС — от Леонида Брежнева до Михаила Горбачева.

Руководство Советом обороны позволило Хрущеву освоить области, ему совершенно не знакомые, в том числе международные отношения и деятельность спецслужб. Ранее, в 1953 г., он выступал против некоторых пунктов программы «мирного наступления», поскольку они были выдвинуты его конкурентами. Теперь же Хрущев стал, не признаваясь в этом, возвращаться к внешнеполитическим

инициативам Берии и Маленкова, которые он еще недавно клеймил как «предательские». Казалось, впервые за долгие годы наступал период для спокойной и плодотворной внешней политики, открытой к переменам. Кремлевская верхушка, несмотря на явное лидерство Хрущева, еще какое-то время просуществовала в режиме коллективного руководства. На заседаниях Президиума можно было спорить и искать оптимальные решения. Анастас Микоян, не рвавшийся к единоличной власти, стал умным и лояльным наставником Хрущева по многим вопросам международной политики. Кроме того, как отмечает историк Елена Зубкова: «Маленков, человек компромиссов, уравнивал импульсивного и бестактного Хрущева». Активно включились в процесс выработки решений по внешнеполитическим вопросам и новые члены Президиума ЦК — Жуков, Максим Захарович Сабуров и Михаил Георгиевич Первухин (18).

Молотов, однако, ревниво воспринимал вторжение Хрущева и других во внешнеполитическую сферу и чем дальше, тем больше выступал с критикой инициатив первого секретаря. Уже с осени 1954 г. Молотов и Хрущев на заседаниях Президиума расходились во мнениях чуть ли не по каждой обсуждаемой теме — будь то освоение целинных земель или вопросы обороны и безопасности (19). А в феврале — марте 1955 г., когда проходили переговоры с правительством Австрии о заключении с ней договора на условиях ее нейтралитета, борьба между Молотовым и Хрущевым приняла серьезный оборот. Руководство Австрии опасалось, что стране грозит судьба разделенной Германии, и обратилось к Кремлю с предложением подписать сепаратное соглашение об окончании советской оккупации (20). Молотов выступал против этого. «Мы не можем позволить себе вывести войска из Австрии, — говорил министр иностранных дел, повторяя аргументы, изложенные в секретной служебной записке, подготовленной в ноябре 1953 г., — поскольку на самом деле это будет означать отдать Австрию в руки американцев и ослабить наши позиции в Центральной и Центрально-Южной Европе». Хрущев, напротив, доказывал, что нейтралитет Австрии усилит пацифистские иллюзии в Западной Европе и ослабит НАТО. Президиум поддержал первого секретаря большинством голосов. По воспоминаниям помощника Молотова, «Хрущев стал напрямик договариваться с австрийским канцлером Юлиусом Раабом и быстро довел дело до завершения». По случаю подписания советско-австрийского соглашения был устроен прием, на котором торжествующий Хрущев, пользуясь моментом, отчитал заместителей Молотова из Министерства иностранных дел за то, что они молчат на заседаниях Президиума и не противоречат своему шефу. Теперь, сказал он, им придется действовать не по указке своего начальства, а следовать партийной дисциплине, которая выше

ведомственной. Это был недвусмысленный намек на то, что авторитету Молотова во внешней политике пришел конец (21).

Окончательным ударом по этому авторитету стал визит советской правительственной делегации в Югославию (с 26 мая по 2 июня 1955 г.). Хрущев, Булганин и Жуков принесли извинения за кампанию против Тито, проводимую Сталиным в 1948–1953 гг. Советские лидеры надеялись, что возобновление дружественных отношений с Югославией позволит вернуть эту страну в советский блок и расширить зону геополитического влияния Москвы в Южной Европе и на Балканах. Молотов был категорически против этого визита. Он полагал, что режим Тито никогда не будет надежным партнером СССР. Вооружившись цитатами из трудов Ленина, Молотов заявлял, что те, кто хвалит югославское руководство, «не ленинцы, а обыватели». В результате Молотов даже не был включен в состав делегации (22). В ходе дискуссии по Югославии в Президиуме ЦК ребром встал вопрос: кто из них двоих, Хрущев или Молотов, будет определять, что значит «ленинская» внешняя политика? Растущая пропасть непонимания между двумя членами Президиума заставила Хрущева обратиться за поддержкой к пленуму ЦК, чтобы поставить на место непокорного министра иностранных дел.

Пленум состоялся 4–12 июля 1955 г., накануне Женевской конференции с лидерами Соединенных Штатов, Великобритании и Франции — первой встречи лидеров великих держав с участием Советского Союза после исторических встреч в Ялте и Потсдаме. На этом партийном ареопаге произошло поразительно откровенное обсуждение советской внешней политики и лежащих в ее основе расчетов. Впервые члены Президиума рассказывали всей высшей партийно-государственной номенклатуре не только о своих текущих разногласиях с Молотовым, но и о прошлых промахах и ошибках. Хрущев понимал, что в глазах многих членов ЦК Молотов был человеком, который работал рядом с Лениным и Сталиным. А значит, Хрущеву и его сторонникам нужно было подорвать авторитет Молотова — и как министра иностранных дел, и как старого большевика.

Хрущев подробно рассказал делегатам пленума о том, как проходило обсуждение австрийского вопроса на заседании Президиума ЦК. По его словам, Молотов стоял на абсурдной точке зрения об опасности еще одного аншлюса (поглощения) Австрии Западной Германией. Молотов якобы настаивал на том, что Советский Союз должен оставить за собой право в случае необходимости вернуть свои войска в Австрию (23). Обсуждение югославского вопроса на пленуме затронуло идеологическую сущность советского взгляда на холодную войну. Решение Кремля признать Югославию «социалистической» страной означало бы, что решение Сталина разорвать отношения с

Тито, принятое в 1948 г., было неправильными и что неограниченное право Москвы руководить социалистическим лагерем стоит под вопросом. Молотов считал, что это скользкий путь, опасный для мирового коммунизма и руководящей роли СССР в коммунистическом движении. Его главный тезис заключался в том, что югославский вариант «национального пути к социализму» может стать примером для компартий других стран. В этом случае, предупреждал Молотов, Москва может утратить контроль над Польшей и другими странами Восточной Европы (24).

Хрущев и его союзники твердили: раз Молотов сопротивляется восстановлению дружественных отношений с Югославией, значит, министр иностранных дел превратился в догматика и не способен понять истинные интересы безопасности СССР. Булганин сообщил собравшимся, что возвращение Югославии в советский блок даст советской армии и военно-морскому флоту СССР базы на Адриатическом море. Советские вооруженные силы в случае войны с Западом «имели бы югославскую армию в составе 50, а может быть, и больше дивизий». Югославы дают СССР ключ к Средиземному морю, являющемуся «очень важной, решающей коммуникацией англо-американских вооруженных сил, ибо через Суэцкий канал по Средиземному морю американцы и англичане снабжаются всем необходимым». Хрущев повторил эти доводы в своем выступлении (25).

Еще до начала пленума советскими руководителями было решено, что в расколе между СССР и Югославией 1948 г. виновата «шайка Берии — Абакумова» (в 1943–1951 гг. Виктор Абакумов возглавлял силовые ведомства Смерш и МГБ) (26). Однако на самом пленуме Хрущев вдруг отметил, что ответственность за разрыв отношений с Югославией падает «на Сталина и Молотова». После чего произошел откровенный обмен репликами между двумя политиками:

«Молотов. Это новое. Мы подписывали письмо от имени ЦК партии.

Хрущев. Не спрашивая ЦК.

Молотов. Это неправильно.

Хрущев. Это точно.

Молотов. Вы можете говорить сейчас то, что Вам приходит в голову.

Хрущев. Даже не спрашивая членов Политбюро. Я — член Политбюро, но моего мнения не спрашивали» (27).

Хрущев поведал членам пленума, что разрыв с Югославией — это лишь одна из серии ошибок, совершенных Сталиным и Молотовым после 1945 г., ошибок, которые дорого стоили стране. Первый секретарь сделал поразительное заключение о том, что эти ошибки помогли развязать холодную войну. «Корейскую войну мы начали. А что

это значит? Это все знают...» (Микоян вставил: «Кроме наших людей в нашей стране»). Хрущев продолжал: «Теперь никак не расхлебается... Кому нужна была?» Произнесенные в полемике и сгоряча, эти резкие слова впоследствии были изъяты из стенограммы пленума при подготовке ее к печати (28).

На пленуме авторитет Молотова как специалиста по международным вопросам был окончательно подорван. Он оставался на посту министра иностранных дел до июня 1956 г., но отныне мантия главного творца внешней политики в СССР перешла к Хрущеву. Какое-то время Хрущев чувствовал себя в новой роли не совсем уверенно и стремился разделить ответственность за принятие решений со своими товарищами. В июле 1955 г. на встречу с главами четырех держав в Женеву поехала делегация, в состав которой вошли четыре человека: Булганин, официально значившийся руководителем, Хрущев, Молотов и Жуков. На людях они вели себя как равноправные члены делегации. Однако Эйзенхауэр и другие западные политики быстро вычислили, что настоящий лидер среди них — Хрущев. Теперь они знали, с кем Западу придется разговаривать в Кремле.

«Новая» внешняя политика

Члены правящей олигархии, оказавшейся у власти в Кремле, смотрели на окружающий мир сквозь призму представлений, сформировавшихся при Сталине. Подобно ушедшему вождю, они с недоверием и опаской относились к Соединенным Штатам, сознавая неравенство сил. Их крайне встревожила активность американского правительства по окружению СССР кольцом военных альянсов и баз. Государственный переворот в Иране в 1953 г., когда с помощью ЦРУ был отстранен от власти Мухаммад Моссадык и приведен к власти Шах Реза Пехлеви, целиком опиравшийся на американцев, был лишь одним из ярких примеров американской стратегии. В Кремле также было хорошо известно о взглядах госсекретаря США Джона Фостера Даллеса, который рассчитывал на то, что неуклонное давление Запада на СССР после смерти Сталина «приведет к краху» советского господства в странах Центральной Европы (29). Трояновский вспоминал, что «Хрущев постоянно опасался, что Соединенные Штаты вынудят Советский Союз и его союзников отступить в какой-нибудь части мира» (30).

Тем не менее, в отличие от Сталина, новые правители делали из своих наблюдений несколько другие выводы. Хрущев, Молотов, Маленков и остальные преемники кремлевского вождя поняли то, чего не смог — или в самоослеплении не захотел — понять Сталин. Действия СССР, начиная с блокады Берлина и заканчивая Корей-

ской войной, провоцировали страх в Западной Европе, и именно этот страх перед возможным советским блицкригом подтолкнул западноевропейцев к тому, чтобы создать НАТО и укрыться под американским атомным зонтиком. Теперь советским руководителям хотелось исправить положение: сделать так, чтобы люди на Западе перестали бояться Советского Союза, сыграть на антивоенных чувствах с тем, чтобы подорвать блок НАТО.

В 1954 г. молотовская дипломатия зашла в тупик, что побудило Кремль переосмыслить поведение Советского Союза на международной арене. После того как коммунисты и сторонники генерала Шарля де Голля, имевшие в Национальном собрании Франции большинство голосов, провалили договор о создании «европейской армии» (Европейского оборонительного сообщества), страны — члены НАТО на сессии 23 ноября 1954 г. в Париже согласились принять Западную Германию в свою организацию. Этот шаг обеспечил ФРГ надежное место в союзе западных государств. Кремлевскому руководству стало очевидно, что внешнюю политику в Европе надо менять (31). Судя по отрывочным записям обсуждений этого вопроса в Президиуме, которые вел заведующий общим отделом ЦК КПСС Владимир Малин, новая международная политика Кремля родилась благодаря усилиям коллективного руководства разгрести проблемы и завалы, оставленные Сталиным. Позже она получила собственное развитие и концептуальную основу. Дипломат с большим стажем Андрей Михайлович Александров-Агентов считал, что «инициаторами пересмотра сталинских традиций в этой области, выработки в какой-то мере новаторского подхода к актуальным мировым проблемам были Хрущев, близко сотрудничавший с ним первый год Маленков и постоянно поддерживавший его Микоян» (32).

Александров-Агентов на склоне жизни вспоминал: «Суть новой стратегии... состояла, как я понимаю, из трех основных элементов: максимально укрепить и сплотить вокруг Советского Союза страны народной демократии Восточной и Центральной Европы, создать, где возможно, нейтральную “прокладку” между двумя противостоящими друг другу военно-политическими блоками и постепенно налаживать экономические и иные более или менее нормальные формы мирного сотрудничества со странами НАТО» (33). Новая стратегия, однако, не была политикой статус-кво. Как и опасались многие лидеры западных держав, Хрущев нацелился на подрыв позиций НАТО и стремился в конечном счете выдать США из Европы. Позднее, в феврале 1960 г., Хрущев признался на заседании Президиума, что подрыв западных военных блоков — «это наша самая заветная мечта» (34).

Ради достижения первой цели «новой» внешней политики — укрепления советских позиций в Восточной и Центральной Европе — в мае 1955 г. была учреждена Организация Варшавского договора (ОВД). Подобно тому, как НАТО обеспечивало легитимность присутствия американских вооруженных сил в Западной Европе, созданная Кремлем организация давала Советскому Союзу дополнительные основания для размещения войск в Восточной Европе (35). Как показали вскоре события в Венгрии, рамки нового блока стали удобным прикрытием, позволяющим оправдывать военное вторжение в любую из стран-союзниц для «спасения» там коммунистического режима. Советский Союз якобы действовал не только в собственных интересах, но и в интересах всего соцлагеря. На первых порах, ввиду приближающегося ухода советских войск из Австрии, создание ОВД устранило щекотливый вопрос — как избежать вывода советской армии также из Венгрии и Румынии.

Подписание 15 мая 1955 г. Австрийского государственного договора было первым удачным и смелым шагом новой внешней политики. Этому событию предшествовало два месяца обсуждений в Президиуме ЦК, когда и был сформулирован принцип нейтралитета Австрии (36). Тогда же было решено восстановить дружественные отношения с Югославией, чтобы вернуть эту страну в лоно советского лагеря. Союз с Югославией имел целью как минимум «воспрепятствовать дальнейшему распространению зоны НАТО в Европе» (37). Советская дипломатия разрушила планы США по созданию так называемого Балканского пакта, куда должны были войти Югославия, Греция и Турция. Москва также приветствовала и поддерживала нейтральный статус Швеции и Финляндии. Опираясь на эти прецеденты, кремлевские руководители рассчитывали, что нейтрализм, направленный против американских блоков, распространится на другие части мира. Они даже рассчитывали убедить Западную Европу отказаться от американского оборонного зонтика во имя строительства общеевропейской системы безопасности и сотрудничества.

Цели новой внешней политики выросли из революционно-имперской парадигмы, новые подходы, по сравнению со сталинскими, были гораздо менее конфронтационными. Помимо терпимости к принципу нейтралитета у советских руководителей появилась большая заинтересованность в экономическом сотрудничестве и торговых отношениях с капиталистическим миром. Сталин, желавший оградить Советский Союз от влияний извне, предпочитал полную экономическую самостоятельность, а по сути, изоляцию от мировой торговли, особенно торговли с западными странами (38). Члены коллективного руководства, и прежде всего Микоян, отвечавший за внешнюю торговлю, пришли к выводу, что политика изоляции обре-

кает Советский Союз на отставание и грозит большими издержками. Они вернулись к прежней практике из арсенала ленинской дипломатии начала нэпа, когда советские представители вели энергичные переговоры с капиталистами разных стран, чтобы заполучить необходимые инвестиции и технологии, а заодно добиться поддержки со стороны представителей большого бизнеса для оказания лоббистского влияния на правительства капиталистических стран. Многие в Президиуме в 1955 г. полагали, что толпы капиталистов уже готовы выстроиться в очередь у дверей советских посольств и торгпредств в Париже, Лондоне, Бонне, Вашингтоне и Токио (39).

В число инструментов новой внешней политики Кремля вошли также «народная дипломатия» и пропаганда разоружения. Под «народной дипломатией» имелись в виду поездки в страны Запада советских художников, ученых, писателей, музыкантов и журналистов. Целью таких поездок было разрушить распространившиеся в мире представления о Советском Союзе как о тоталитарном государстве, представить его с привлекательной стороны. Начиная с поездки в Югославию, сопровождение Хрущева и других советских руководителей напоминало, по выражению историка Дэвида Кота, «свиту коронованных особ и принцев эпохи Возрождения — за ними всюду следовали балерины, певцы и пианисты». На заседании Президиума в 1955 г. было принято решение впервые провести в Москве Всемирный фестиваль молодежи и студентов, чтобы все увидели, какая дружелюбная, мирная и открытая атмосфера царит в советском обществе (40). В пропаганде разоружения коллективное руководство пошло гораздо дальше сталинских тактических лозунгов. Хрущев, в отличие от Сталина, действительно ожидал от новых разоруженческих инициатив больших результатов. В мае 1955 г., к удивлению многих, Советский Союз согласился сократить число обычных вооружений в Европе и установить систему наблюдения в пунктах возможного скопления войск (на железнодорожных узлах, в аэропортах и т. д.), чтобы уменьшить страхи Запада относительно внезапного нападения СССР (41). Довольно скоро эти инициативы вынудили Соединенные Штаты пересмотреть собственную позицию и начать переговоры с Советским Союзом. В долгосрочной перспективе Президиум рассчитывал с помощью предложений по разоружению поколебать убежденность Запада в существовании советской угрозы.

Подобная трансформация внешней политики СССР в 1955 г. явилась частью процесса десталинизации в СССР. Описывать эти перемены лишь как следствие борьбы между сторонниками и противниками наследия Сталина было бы сильным упрощением. Внутренняя и внешняя политика Советского Союза менялась из-за того, что после смерти Сталина возникла новая обстановка как внутри страны,

так и за ее пределами (42). В канун XX съезда КПСС политические вожди начали размышлять о том, как связать воедино все элементы новой внешней политики. Вместо сталинской доктрины о неизбежности войны члены руководства решили говорить о миропорядке, где страны капитализма могут сосуществовать и мирно состязаться с Советским Союзом и его союзниками из социалистического лагеря. Главный тезис заключался в том, что новая внешняя политика поможет убедить «мелкую буржуазию» и прочие «колеблющиеся элементы» Запада в мирных намерениях Советского Союза. Маленков, один из соавторов политики «мирного сосуществования», с удовлетворением отметил, что «система сил мира упрочена». Глава Комитета партийного контроля при КПСС Николай Шверник на дискуссии в Президиуме подытожил: «Мы за год сделали большое дело. Убедили массы [на Западе], что мы не хотим войны, расшатали их» (43).

Партийно-государственная номенклатура рукоплескала новому внешнеполитическому курсу. И все же коллективное руководство не могло рассчитывать на автоматическую поддержку съезда. Пленум ЦК в июле 1955 г. показал: тема международных отношений, как это уже было во времена внутрипартийной борьбы 1920-х гг., была связана с вопросами идеологической легитимности и политической власти. Хрущеву, Молотову, Маленкову и другим кремлевским правителям приходилось объяснять и защищать свои позиции по внешней политике на различных собраниях партработников высшего звена, используя аргументы из сочинений и речей Ленина.

Идея «великодержавности» сохраняла свою значительную привлекательность для этнических русских из числа партийных и советских функционеров. Но архитекторы новой внешней политики начали вновь делать акцент на идее пролетарского интернационализма. Они вспомнили популярные лозунги времен Коминтерна о «единстве трудящихся» и «братской солидарности», поблекшие в последние годы сталинского режима. В советском внешнеполитическом мышлении ослабли нотки русского шовинизма, и вновь стал проявляться идейный романтизм, и в этом не последнюю роль сыграл лично Хрущев — его убеждения и неистовый темперамент. В отличие от Сталина, Хрущев не был мрачным и замкнутым пессимистом, не страдал приступами подозрительности и жестокости, верил в людей и удачу. Хрущев считал, что революция в России совершилась не для того, чтобы реставрировать Российскую империю, пусть и под новой вывеской, а чтобы принести трудящимся массам счастье и равенство. Сталин в конце жизни мерялся с русскими царями, великими государственными деятелями и воителями. Хрущев же, наоборот, не сравнивал себя с бедным, необразованным евреем Пиней из полюбившегося ему рассказа украинского писателя Владимира Винниченко

«Талисман». В рассказе Пиня случайно оказался старостой тюремной камеры и, когда надо было кому-то возглавить побег из тюрьмы, не струсил и взял ответственность на себя (44).

Хрущев не был идеологическим догматиком вроде Молотова, да и не знал марксистскую литературу. Вряд ли он штудировал с карандашом те работы Ленина об империализме, которые так повлияли на мировоззрение его оппонента. Аргументам, которые он использовал в полемике на пленумах и Президиуме, недоставало стройности и логики: обычно помощникам Хрущева приходилось заново переписывать его речи, убирать из них вульгаризмы и сводить концы с концами. И тем не менее Хрущев искренне и страстно верил в победу мирового коммунизма. Он надеялся, что мощь советского государства в сочетании с революционными средствами поможет похоронить мировой капитализм. Будучи революционным романтиком, он отвергал осторожный евразийский империализм Сталина. В его представлении весь мир созрел для коммунизма.

В своей дипломатии Сталин цинично и хладнокровно использовал пламенных борцов за коммунистическую идею и всех тех, кто еще не потерял веру в Коммунистический интернационал, для укрепления личной власти и расширения собственной империи. При этом понятия «пролетарская солидарность» и «коммунистическое братство» стали для него пустыми словами. Хрущев, напротив, искренне верил в социальную справедливость и возможность построения коммунистического рая на земле, в солидарность рабочих и крестьян всего мира и в то, что в обязанности Советского Союза входит поддерживать борьбу угнетенных народов за свою независимость. Он серьезно относился к тому моральному и идеологическому капиталу, который заработал Советский Союз в сражениях с фашизмом. Откровенно имперская политика, которую вел Сталин с 1945 г., особенно в отношении Турции, Ирана и Китая, его возмущала. И хотя Хрущев был твердо убежден в том, что Советский Союз имеет полное право на военное присутствие в Восточной и Центральной Европе, он понимал, что грубое давление со стороны СССР на Польшу, Венгрию и другие страны этого региона нанесло огромный ущерб делу коммунизма и скомпрометировало местные компартии (45).

Предлагая простые решения для сложных внешнеполитических задач, Хрущев выражал их большевистским языком «передового рабочего», достигшего высшей партийной должности. Поначалу это привлекло на его сторону многочисленных номенклатурных работников, которые, так же как и он, происходили из рабоче-крестьянской среды и наработали большой стаж в качестве «советских хозяйственников», т. е. возглавляли большие предприятия или работали в центральном и областном управленческом госаппарате. Однако при первом же

появлении неопытного и несдержанного в речах лидера страны на международной арене его прямолинейность начала создавать Советскому Союзу и его союзникам множество проблем. Чем больше напор и темперамент Хрущева брал верх над его первоначальной робостью, тем больше людей в партийной верхушке связывало с ним неудачи и срывы во внешней политике. Глобально-романтическая версия революционно-имперской парадигмы, которую предложил Хрущев, стала вызывать все больший скепсис и раздражение. И все чаще его тайные критики с ностальгией вспоминали об осторожной, макиавеллистской дипломатии Сталина.

Разведка в Женеве

Хрущев постоянно возвращался к речи Эйзенхауэра, в которой президент США обратился в апреле 1953 г. к преемникам Сталина, с призывом отказаться от сталинского наследия. Президиум ЦК воспринял эту речь как ультиматум, однако Хрущев твердо запомнил, на каких именно «четырёх условиях» настаивал президент Эйзенхауэр: перемирие в Корее, урегулирование вопроса в Австрии, возвращение немецких и японских военнопленных из советских лагерей и принятие шагов по сдерживанию гонки вооружений (46). К лету 1955 г. СССР не только выполнил условия Эйзенхауэра по Корее и Австрии, но и предложил собственные инициативы по разоружению, казавшиеся, с точки зрения советского руководства, даже более перспективными, чем те, что выдвигал Вашингтон.

Решение германского вопроса не было включено в список условий, озвученных американской стороной, и это немаловажно. Западные державы, собственно, и не рассчитывали на заключение какого-либо соглашения по объединению Германии. Однако они были не прочь, как СССР при Сталине, заработать на этой теме пропагандистские очки. Еще в начале 1954 г. англичане предложили к рассмотрению план Идена. Суть его заключалась в том, что состав правительства объединенной Германии должен определяться путем свободных выборов (47). Кремлевские политики отвергли план Идена, хоть это и подрывало кредит советских «мирных предложений» в Западной Германии и странах НАТО. После ареста Берии сама идея объединения Германии, тем более по западному сценарию, была для Москвы совершенно неприемлема. Благодаря информации, добытой советскими разведчиками, руководителям Кремля было известно о том, что администрация Эйзенхауэра не готова к серьезным переговорам с СССР (48). Несмотря на тупик в германском вопросе, в Президиуме ЦК надеялись, что им удастся внести раскол в ряды стран — участниц НАТО, заигрывая с правительствами Великобритании и Франции.

Им было известно, в частности, что французское правительство, озабоченное антиколониальной войной в Алжире, было весьма заинтересовано в улучшении отношений с Советским Союзом. Действительно, под немалым давлением союзников Эйзенхауэр и его госсекретарь Джон Ф. Даллес были вынуждены согласиться встретиться в Женеве с новыми советскими руководителями (49).

Главной задачей Хрущева и его соратников, готовившихся к встрече, было выяснить, не замышляет ли администрация Эйзенхауэра начать внезапную войну против Советского Союза. Для всех членов Президиума неожиданное нападение Гитлера 22 июня 1941 г. осталось неизгладимым потрясением на всю жизнь. Они не могли позволить себе еще раз так просчитаться в оценке намерений врага, как просчитался Сталин. Другой целью кремлевской верхушки было дать понять руководству США, что ни ядерный шантаж, ни любой другой нажим не испугает Советский Союз. Хрущев предложил включить в состав делегации маршала Георгия Жукова: предполагалось, что два прославленных военачальника, которые во время войны поддерживали хорошие отношения (в 1945 г. Эйзенхауэр даже приглашал Жукова приехать в Соединенные Штаты, но Сталин был против этой поездки), смогут честно и откровенно поговорить друг с другом. В ходе встреч с Эйзенхауэром и Хрущев, и Жуков изо всех сил стремились донести до него следующее: пусть западные политики не думают, что после кончины Сталина страной некому руководить. Новые правители крепко держат власть в своих руках: они, как никогда, сплочены и пользуются народной поддержкой больше, чем когда-либо (50).

В администрации Эйзенхауэра существовали различные, порой противоречивые мнения о том, какие задачи ей надо решать в Женеве в первую очередь. Как заключает американский историк Ричард Иммерман, план, составленный Джоном Ф. Даллесом для встречи в верхах, «заключался не в том, чтобы урегулировать нерешенные проблемы войны и мира, а в том, чтобы положить начало будущему процессу сокращения советской мощи и вытеснения СССР из Восточной Европы». В узком кругу госсекретарь США обозначил свой главный замысел: «Вынудить русских уйти из стран-сателлитов... Сегодня впервые открывается такая возможность». У президента Эйзенхауэра, и об этом ясно говорят рассекреченные документы, были несколько иные приоритеты: главным для него было установить контроль над ядерным вооружением (51). В целом администрация пошла на встречу в Женеве скрепя сердце. Долгое время президент США и его госсекретарь отказывались идти на какие-либо встречи с вождями коммунистических стран. Теперь им необходимо было пересмотреть свою позицию. Уже после встречи с советскими лидерами в Женеве Даллес меланхолично заметил: «Мы и не собирались ехать в Женеву,

но под давлением мировой общественности были вынуждены туда отправиться» (52).

18 июля 1955 г. члены кремлевской делегации прибыли в Женеву, терзаемые тревогой. Хрущев и его товарищи опасались, что западные державы готовят для них дипломатическую «засаду», выступают с предложениями, к которым Кремль будет не готов. Георгий Корниенко, опытный сотрудник Комитета информации (аналитической службы при Министерстве иностранных дел), вспоминал, как он с группой коллег сопровождал советскую делегацию в Женеву. На протяжении всего времени, пока руководители стран вели встречи и переговоры, эта группа аналитиков работала в тесном взаимодействии с разведслужбами. Корниенко и его товарищи докладывали советской делегации оперативную информацию по результатам прослушивания разговоров в стане противников, сообщали о вероятных изменениях в позициях западных политиков (53).

Тем не менее план «открытого неба», предложенный Эйзенхауэром, был для советской делегации как удар грома в переносном и прямом смысле: в момент речи президента США началась гроза, и в зале заседаний погас свет. Суть плана сводилась к тому, что и США, и Советский Союз открывают свое воздушное пространство для свободной аэрофотосъемки. Президент Эйзенхауэр, обеспокоенный безудержным ростом гонки ядерных вооружений, рассматривал это предложение как возможность «приоткрыть калитку в частокое, чтобы открыть путь разоружению». Новизна и смелость «открытого неба» произвели большой эффект. В действительности в 1955 г. ни американские власти, ни советское руководство не были готовы воплотить эту идею в жизнь. Американцы заметили, что Булганин проявил интерес к их предложению, но Хрущев тут же его отклонил. План «открытое небо», с его точки зрения, был всего лишь попыткой американцев узаконить «наглый шпионаж» Советского Союза (54).

Покидая совещание в Женеве, тройка советских руководителей — Хрущев, Булганин и Жуков — могли вздохнуть с облегчением. Хотя они и не подписали никаких соглашений, но уезжали в полной уверенности, что отныне смогут вести дела с капиталистическими державами не хуже Сталина, а может быть, даже лучше. Западным лидерам на этой встрече не удалось ни запугать их, ни сбить с толку. Немаловажно было и то, что Эйзенхауэр разговаривал с ними без высокомерия, почти как с равными партнерами. Американские источники подтверждают правильность данной оценки (55). Хрущев после Женевы, правда, ошибочно заключил, что Эйзенхауэр — слишком мягкий в обращении, расслабленный и не очень далекий человек, за которого все решает его госсекретарь Джон Фостер Даллес (56). Зато Хрущев и Жуков удостоверились, что американский президент сам

опасается ядерной войны и не собирается ее развязывать. Это подтвердилось во время бесед Эйзенхауэра с Жуковым в неофициальной обстановке (57).

Встреча в верхах породила «дух Женевы», иными словами, надежды на то, что в Европе «потеплеет», наступит разрядка напряженности. Однако вернувшаяся к советской верхушке самоуверенность, приверженность партийной элиты революционно-имперской парадигме уничтожали базу для создания доверительных отношений между Советским Союзом и США, оставляли простор для взаимного страха. Заявляя о готовности принять меры по укреплению доверия, призывая к разоружению, Кремль и военные вовсе не намеревались выполнять этих обещаний. Прежде чем выдвинуть свои инициативы по разоружению, Президиум ЦК тайно проинформировал руководство компартии Китайской Народной Республики: нет никакой угрозы того, что западные инспекторы наводнят секретные советские военные базы, поскольку «англо-американский блок ни за что не согласится на отказ от атомного оружия и на запрет производства этого оружия». К ноябрю 1955 г. от «духа Женевы» не осталось и следа. Молотов, который все еще был министром иностранных дел, категорически отверг все практические предложения о расширении контактов Советского Союза с внешним миром, сближении и взаимопонимании как «вмешательство во внутренние дела» (58).

На Женевском совещании не удалось достичь соглашения по объединению Германии, и это значило, что, разделенная на две части, она оставалась источником опасной нестабильности в Европе. Еще до начала Женевской встречи в верхах западногерманский канцлер Конрад Аденауэр выразил желание приехать в Москву для проведения переговоров. К этому времени Западная Германия вступила в НАТО, Австрийский государственный договор был подписан, и Аденауэр не мог не отреагировать на общественное мнение в ФРГ. Общественность требовала, чтобы он добился договоренности с Советским Союзом хотя бы для освобождения немецких военных, еще находившихся в советском плену. 9 сентября 1955 г. Аденауэр вместе с большой делегацией прилетел в Москву. Переговоры западных немцев с советским руководством оказались сложными и драматичными: недавняя кровавая война еще была свежа в памяти всех участников. Вопрос о едином немецком государстве даже не обсуждался: получалось так, что объединение Германии больше нужно Даллесу и Идену, чем Аденауэру. В результате все-таки были установлены дипломатические отношения между СССР и ФРГ и освобождены последние немецкие военнопленные. Однако сразу же после отъезда Аденауэра советское руководство пригласило в Москву премьер-министра ГДР Отто Гротеволя для того, чтобы подписать с ним двусторонний договор об от-

ношениях, где говорилось о невмешательстве советских войск, «временно находившихся» в Восточной Германии, во внутреннюю жизнь страны. Этим договором советское руководство как бы показывало, что не только не «отдаст» Восточную Германию, но и считает ее суверенной страной (59).

Казалось, советская дипломатия одержала победу. Но на деле руководство СССР загоняло себя в угол, откуда было трудно выбраться без ущерба для собственного престижа. Советская позиция после 1953 г. заключалась в том, что на немецкой земле исторически сложились два немецких государства. Но эта же посылка, по сути, сделала убежденного сталиниста Ульбрихта бессменным лидером ГДР. Ведь даже видимость суверенности давала ему большие рычаги воздействия на советское руководство. Иными словами, теперь не только он зависел от Кремля, но и Кремль стал заложником собственных обещаний своему восточногерманскому сателлиту (60). Кроме того, в глазах немцев Советский Союз становился главным препятствием для объединения Германии. Молотов, как и ранее Сталин, видел в этом большую опасность. В ноябре 1955 г. министр иностранных дел предложил, чтобы советская сторона на словах приняла основные пункты плана Идена в переговорах по Германии. Он заявил на заседании Президиума, что западным державам, если бы они действительно согласились провести всеобщие и свободные выборы по всем землям Германии, пришлось бы заявить, что они готовы отменить членство ФРГ в НАТО и создать Общегерманский совет для воссоединения страны. Более того, им пришлось бы заявить, что они, как и Советский Союз, выведут все вооруженные силы из Германии в течение трех месяцев. Опираясь на разведанные, Молотов утверждал, что западные державы никогда не пойдут на такой шаг, поскольку в нем заключена угроза единству НАТО. Таким образом, Советский Союз, поддержав план Идена, смог бы, ничем не рискуя, восстановить свою репутацию среди немцев, жаждущих воссоединения своей страны (61).

Доводы Молотова казались разумными, но после обсуждения на Президиуме Хрущев безжалостно утопил его предложение. По мнению Хрущева, администрация Эйзенхауэра могла раскусить советский замысел и «согласиться на вывод войск». Кроме того, то обстоятельство, что советское руководство изменило свое отношение к плану Идена, западные державы могли расценить как победу. «Вой поднимут, что позиция силы берет верх». К тому же немцы из ГДР скажут: «Вы нас предаете». Хрущев, поддержанный остальными членами Президиума, заявил, что продолжение линии на раздел Германии не компрометирует советскую политику безопасности в Европе, а скорее наоборот. Он был уверен, что СССР сумеет добиться двух целей одновременно: сохранить социалистическую Восточную Гер-

манию и внести раскол в НАТО. Этот эпизод вновь показал, что Германская Демократическая Республика, созданная некогда как орудие для достижения советских целей в Европе, превратилась в стратегический ресурс, который не может служить разменной дипломатической монетой. В то же время здесь проявилась и борьба политических амбиций. По мнению Трояновского, тогда молодого дипломата, инициатива Молотова могла бы принести СССР большие дивиденды, возможно, американцы даже пошли бы на уступки. Но, вероятно, «Хрущев просто не хотел, чтобы Молотов, отставка которого была уже предreshена, заработал под занавес какие-либо лавры». Германский вопрос оказался замороженным (62).

«Наша поездка в Женеву, — вспоминал позднее Хрущев, — еще раз убедила нас в том, что никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас так же, как мы их». Кремлевские правители пришли к выводу, что новая советская политика поколебала в американцах чувство абсолютно-го превосходства и вынудила их сесть за стол переговоров. Осознание того, что военная угроза отступила, подбодрило Хрущева и его коллег. Вместо первоначального осторожного курса они начали искать возможности для контрнаступления в холодной войне с Западом — особенно за пределами Европы и других основных театров «военных действий». Уже осенью 1955 г. кремлевское руководство обнаружило на арабском Ближнем Востоке новый плацдарм для такого наступления.

Новые радикальные союзники

Сталину в свое время не удалось создать плацдарм для советского влияния на Ближнем Востоке. В январе 1953 г., в разгар «дела кремлевских врачей», Сталин разорвал дипломатические отношения с Израилем: вероятно, он планировал тогда использовать миф о «сионистском заговоре» как повод для развязывания в стране крупномасштабной чистки (63). С 1949 по 1954 г. советская политика на Ближнем Востоке исходила из посылки, что в арабских странах, равно как и в Турции и в Иране, правят реакционные режимы, которые являются пешками в борьбе между англичанами и американцами. Отдельные советские специалисты и дипломаты видели, что в арабских странах есть силы, которые противились американским попыткам создать антисоветский блок в этом регионе, однако никто не решался противоречить официальной линии. После смерти Сталина отношение советского руководства к режимам в арабских и других ближневосточных странах не изменилось. В дипломатических письмах и конфиденциальных меморандумах, адресованных Президиуму

ЦК, руководители Египта — генерал Мухаммад Нагиб и сместивший его с поста премьер-министра генерал Гамаль Абдель Насер — назывались не иначе как «врагами Советского Союза» и даже «фашистами», несмотря на то что они стояли за неприсоединение к каким-либо блокам в холодной войне. Согласно анализу, представленному Комитетом информации при МИД СССР в марте 1954 г., Насер, пользуясь тем, что англичане с опаской относились к вероятному улучшению отношений Египта с Советским Союзом, шантажировал их, домогаясь контроля над Суэцким каналом (64). Исходя из такой установки, в 1953 г. Москва отвергла заигрывания иранского премьер-министра Мухаммада Моссадыка с Советским Союзом и, возможно, упустила шанс наладить отношения с этой страной (65).

Соперничество с Молотовым, а также стремление добиться впечатляющих успехов на международной арене побудило Хрущева и его сторонников взглянуть на Ближний Восток, где в политических и военных кругах арабских стран зрели антизападные и антиимпериалистические настроения, по-другому. В июле 1955 г., сразу же после сокрушительной критики Молотова на партийном пленуме, Президиум ЦК направил секретаря ЦК КПСС Дмитрия Шепилова, одного из фаворитов Хрущева, на арабский Ближний Восток — прозондировать почву. Шепилов встретился в Каире с Насером и пригласил его посетить Москву. Кроме того, он завязал дружеские отношения с главами других арабских государств, которые отказывались примыкать к западным блокам. Шепилов вернулся в Москву с Ближнего Востока в полной уверенности в том, что арабский регион весьма перспективен для «мирного наступления» против западных держав. По случайности Андрей Дмитриевич Сахаров и другие создатели ядерного оружия были приглашены на заседание Президиума именно в тот день, когда там шло обсуждение доклада Шепилова. Один из партийных чиновников, выйдя из зала Президиума в комнату, где дожидались физики, объяснил им, что руководители обсуждают решающую перемену принципов советской политики на Ближнем Востоке: «Вопрос чрезвычайно важный. Отныне мы будем поддерживать арабских националистов» (66). В то время, когда советская политика в Европе и на Дальнем Востоке достигла стратегических пределов, на Ближнем Востоке для нее открылись новые горизонты. Это вскружило головы кремлевских лидеров и способствовало росту революционно-романтических, а зачастую просто шапкозакладательских настроений.

Результаты такого поворота не заставили себя долго ждать. Вялые переговоры между Египтом и Чехословакией о продаже вооружений внезапно завершились сделкой, и в Египет с Сирией хлынул поток оружия советского образца и чехословацкого производства. Москва

поставила Египту полмиллиона тонн нефти и согласилась передать ему технологию развития атомной энергетики. Западные и особенно израильские политики публично и по дипломатическим каналам выражали глубокую озабоченность подобными действиями советских властей (67). Между Москвой и Западом начиналась борьба за арабский Ближний Восток: в течение последующих двух десятилетий это противостояние вызовет беспрецедентную гонку вооружений в регионе и станет причиной трех войн. Первоначально в Москве праздновали победу, поскольку новая политика Кремля сорвала планы Запада по «сдерживанию» Советского Союза, окружив его кольцом блоков и баз на южных рубежах. Но со временем, поскольку СССР начал вкладывать в арабских партнеров значительные средства, Египет и Сирия превратились для советского руководства в дорогой стратегический ресурс, терять который, как и в случае с ГДР, Кремль не мог себе позволить ни в коем случае. Советская ближневосточная политика началась в 1955 г. как геополитическая игра, но в итоге стала одним из факторов, который привел к перенапряжению советской империи в 1970-х гг.

В то время как СССР готовился к прорыву на Ближнем Востоке, советское руководство стремилось укрепить союз с коммунистическим Китаем. Советско-китайские отношения по-прежнему оставались одним из ключевых аспектов внешней политики Кремля. После того как СССР заключил союз с Китаем в феврале 1950 г., его внешняя политика стала напоминать двуглавого орла с герба Российской империи, глядящего и на Запад, и на Восток. После смерти Сталина лидеры Кремля больше не могли, да и не хотели относиться к китайским руководителям как к своим младшим партнерам. Члены Президиума состязались между собой в щедрости в отношении китайцев, предлагая им самые искренние заверения в дружбе и всевозможную «братскую» помощь. В мае — июле 1954 г. Молотову удалось добиться приглашения делегации КНР в Женеву на конференцию по проблемам Индокитая. Глава китайского коммунистического правительства Чжоу Эньлай занял место за одним столом с приехавшими на конференцию представителями США, Франции, Великобритании и СССР. Молотов обращался к делегации КНР с подчеркнутым уважением: он вместе с остальными советскими руководителями считал, что вернуть Китай в клуб великих держав — одна из важнейших задач кремлевской дипломатии (68). В сентябре — октябре 1954 г. Хрущев стал первым руководителем Коммунистической партии Советского Союза, посетившим Китайскую Народную Республику. Эта поездка принесла пользу обеим сторонам: Хрущев воспользовался своим визитом, чтобы отобрать у Маленкова и Молотова скипетр лидерства в международной политике, а китайские лидеры получили благода-

ря этому визиту весомую политическую и экономическую поддержку Москвы, так необходимую им в то время, когда Пекин вступил в борьбу с гоминьдановским Тайванем за прибрежные острова (69).

Хрущев был убежден, что сделал все необходимое для неуклонного развития китайско-советских отношений. Он наконец выполнил обещание Сталина о безвозмездной передаче Китаю всего советского имущества в Маньчжурии: совместных компаний, военно-морской базы в Порт-Артуре и Китайско-Восточной железной дороги. Хрущев отменил все возражения советских хозяйственников, считавших условия советской экономической помощи Китаю чрезмерно великодушными. Историк Одд Арне Вестад считает помощь, оказанную СССР Китаю в 1954–1959 гг., «советским планом Маршалла». Эта помощь по своему объему равнялась примерно 7 % национального дохода СССР. В Китае работали тысячи советских специалистов, помогавших китайцам модернизировать свою промышленность, закладывать основы современной науки и техники, создавать государственные системы развития образования, культуры и здравоохранения. К августу 1956 г. СССР отправлял Китаю большую часть производимого на советских предприятиях новейшего промышленного оборудования, нередко в ущерб собственным планам промышленного развития. В высших кругах партийно-советского руководства распространялся восторженно-романтический взгляд на китайско-советские отношения. Они считались «истинно братскими», основанными на идейной общности, а не на балансе экономических или национальных интересов. Президиум ЦК даже принял решение оказать Китаю помощь в создании собственной ядерной программы. Советские лаборатории, создававшие ядерное оружие, получили указание помочь китайцам создать урановую бомбу и даже доставить в КНР один ее экземпляр (70).

Намерение Пекина «освободить» прибрежные острова Кемой и Матсу, занятые гоминьдановцами, спровоцировало международный кризис (август 1954 — апрель 1955 г.). США твердо встали на сторону правительства Тайваня. Этот кризис вызвал у Москвы смешанные чувства. Кремлевские власти усвоили уроки Корейской войны. Очередная война на Дальнем Востоке могла расстроить советские планы в Европе и, что гораздо опаснее, втянуть Советский Союз в военный конфликт с Соединенными Штатами. На тот момент американские стратегические ядерные силы имели возможность достичь любой точки на территории СССР и уничтожить ее, тогда как советские вооруженные силы еще не могли ответить тем же (71). Тем не менее желание Кремля крепить китайско-советский союз было столь велико, что советские руководители предложили КНР свою полную политическую, экономическую и военную поддержку. Во время

встречи на высшем уровне в Женеве советская делегация обратилась к Эйзенхауэру с просьбой сесть за стол переговоров с руководством КНР и рассмотреть вопрос о мирном урегулировании Тайваньского кризиса (72).

Казалось, отношения между СССР и КНР переживают расцвет. Однако уже зрели семена будущего раскола. Китайская сторона поддерживала идею Варшавского договора, но по поводу других шагов советской дипломатии хранила многозначительное молчание, особенно если это касалось примирения с Тито (73). По мнению китайских руководителей, Кремль по-прежнему играл роль старшего партнера, тогда как им хотелось «равноправных отношений». Историк Чэнь Цзянь полагает, что стремление Пекина добиться во всем «равенства» с Москвой на самом деле являлось отражением традиционного китайского образа мыслей о превосходстве «Поднебесной империи» над «варварами» (74). Если это так, то что бы ни делало советское руководство, китайские союзники все равно остались бы недовольными. В особенности Мао Цзэдун затаил недовольство тем, что Советский Союз сохранил ведущую роль в коммунистическом мире, которая досталась Хрущеву по наследству от Сталина. Мао считал, что идея сопротивления «американскому империализму», которую пропагандировала КНР, является подлинно революционной альтернативой дипломатии разрядки напряженности (75). Тем не менее Чжоу Эньлай принял участие в Бандунгской конференции стран Азии и Африки, проходившей в конце апреля 1955 г. в Индонезии. На этой конференции Китай, совместно с другими странами — участниками форума, подтвердил свою приверженность пяти принципам мирного сосуществования («панча шила»). Эти принципы были заимствованы из буддийской этики: еще в 1952 г. на них начал ссылаться премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, а в июне 1954 г. они легли в основу индийско-китайского соглашения. Позднее выяснилось, что присоединение Китая к Бандунгской декларации было также продиктовано желанием китайцев проводить свою собственную внешнюю политику, а не следовать в фарватере советской.

Критический год

Доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях», сделанный 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС, открыл последнюю и самую драматичную фазу в борьбе за власть между наследниками Сталина. Рассекреченные архивные материалы позволяют выяснить, что происходило внутри партийного руководства накануне этого исторического события (76). По поручению первого секретаря ЦК была создана комиссия по реабилитации чле-

нов партии, репрессированных при Сталине. Эта комиссия подготовила доклад Президиуму о причинах массовых репрессий в партии после убийства С. М. Кирова в 1934 г. Комиссия представила ужасающую картину арестов, пыток и расстрелов многих членов ЦК, произведенных по ложным обвинениям и с полного ведома и по личному указанию Сталина. Перечисление страшных фактов расправ и пыток, изложенных с предельной откровенностью, глубоко потрясли даже самых убежденных сталинистов среди членов Президиума и секретарей ЦК. Глава комиссии Петр Пospelов не мог справиться с нахлынувшими эмоциями во время чтения доклада (77). Тем не менее Молотов, Каганович и Ворошилов выступили против обнародования этих фактов на съезде. Хрущев, видимо, ожидавший сопротивления, пригрозил обратиться напрямую к делегатам съезда. Он прибегнул к уловке, которая помогла ему одержать верх над Маленковым и Молотовым: созвал пленум ЦК и добился от ничего не подозревавших делегатов официального согласия включить в повестку предстоящего съезда специальный доклад о Сталине (78). Хрущев взял за основу своей речи доклад комиссии Пospelова, но сам доклад его далеко не во всем устраивал. Поэтому он продолжал дорабатывать текст речи даже в период работы съезда. Во время выступления Хрущев, по ряду свидетельств, импровизировал и выходил далеко за рамки написанной речи. Как вспоминают очевидцы, речь на съезде была гораздо более эмоциональной и резкой, чем подготовленный текст. Хрущев не выносил полумер: решив покончить с культом Сталина, он обрушился на мертвого вождя со всей яростью, на которую только был способен. Он шел вперед, как танк, готовый подавить любое сопротивление (79).

Некоторое время казалось, что процесс десталинизации и новая внешняя политика идут в увязке, подкрепляя друг друга. Примером может служить стремительная карьера Дмитрия Шепилова, который в июне 1956 г. сменил Молотова на посту министра иностранных дел. Шепилов, прежде занимавший должность редактора газеты «Правда», быстро вырос до секретаря ЦК. Он помогал Хрущеву редактировать текст речи «О культе личности» для съезда. Шепилов обладал качествами, которых не доставало Хрущеву: он был прекрасно образован, имел широкий кругозор и бойкое перо, разбирался в теории марксизма-ленинизма. Первый секретарь рассчитывал, что новый министр иностранных дел будет представлять за рубежом новый облик советской дипломатии — готовой на диалог, компромиссы и ослабление напряженности.

До сих пор борьба Хрущева с Молотовым осложняла повседневную деятельность советского внешнеполитического ведомства. Даже после июльского пленума ЦК 1955 г. сотрудники МИД по-прежнему

ощущали себя как бы между молотом и наковальней, не зная, кого больше слушать — Молотова или Хрущева. Идеи и предложения специалистов-международников использовались в качестве оружия в схватке между министром иностранных дел и первым секретарем ЦК КПСС, и в результате многие дельные предложения, например предложение по германскому вопросу, были загублены, искажены или положены под сукно (80). После снятия Молотова ситуация разрядилась. Вредоносное наслоение личного соперничества на выработку внешнеполитических решений, казалось, ушло в прошлое. Судя по воспоминаниям самого Шепилова, Хрущев относился к нему уважительно и с полным доверием (81).

Сталин и Молотов отсекали советских дипломатов от доступа к разведывательной информации, считали их «винтиками», чье дело — исполнять инструкции, а не участвовать в выработке и коррекции внешней политики. В последние годы жизни Сталина даже работники посольств за рубежом, не говоря уже о сотрудниках центрального аппарата министерства, имели ограниченные контакты с иностранцами. Они боялись своих собственных спецслужб и анонимок коллег. Советские журналисты и писатели, приехавшие в 1955 г. в Нью-Йорк и посетившие миссию СССР в ООН, уехали домой с впечатлением, что советские дипломаты ведут себя «словно раки-отшельники»: избегают какого-либо общения с жителями той страны, в которой работают и о положении в которой должны информировать руководство. Шепилов, придя в МИД, хотел изменить это положение, сделать советских дипломатов менее зажатыми и более эффективными. И действительно, стиль работы этого ведомства начал меняться: руководство стало больше прислушиваться к мнению специалистов, появилась возможность реформировать закостеневшую структуру министерства (82).

Однако эти нововведения не получили продолжения. Хрущеву не нужен был сильный, самостоятельно мыслящий министр иностранных дел. Это стало очевидным во время кризиса на Ближнем Востоке, который был спровоцирован решением египетского лидера Гамалы Абделя Насера национализировать Суэцкий канал. В начале августа 1956 г. Президиум ЦК направил Шепилова в Лондон на международную конференцию по Суэцкому каналу. На первых порах в своих выступлениях на Президиуме (по сохранившимся отрывочным записям) Хрущев стоял за осторожный подход. По мнению первого секретаря, поддержанному Жуковым, Маленковым, Булганиным и другими, СССР не следовало занимать агрессивную, жесткую позицию в отношении Великобритании и Франции, собственников канала. Напротив, тон советских выступлений «должен быть мягкий», а анализ событий — «объективный и глубокий». Западники, говорил

Хрущев, боялся, что «мы хотим отказаться от своих прав по конвенции, хотим вроде проглотить Египет и захватить Суэцкий канал». Шепилов в Лондоне должен убедить англичан и французов, что Советский Союз понимает их беспокойство и заинтересован «только в судоходстве [через канал]». «Принимаю все замечания, — реагировал Шепилов. — Тон спокойный будет» (83).

На совещании в Лондоне Шепилов следовал указаниям придерживаться умеренной позиции и энергично проводил мысль о совместном посредничестве США и СССР в урегулировании кризиса. Он также стремился избежать излишних трений между Советским Союзом, с одной стороны, и с Великобританией и Францией, с другой. Однако западные державы отвергли советские инициативы, и демонстрировать сдержанность стало труднее. Хрущев внезапно сменил умеренную позицию на жесткую, невоздержанную риторику. Быть может, первый секретарь не смог устоять перед открывшейся возможностью проявить солидарность с Насером и осудить империалистические намерения Лондона и Парижа (84). Из Москвы последовала шифровка Шепилову с инструкцией квалифицировать политику США, Англии и Франции по Суэцкому вопросу как политику «открытого грабежа и разбоя». В своих мемуарах Шепилов так выразил дух шифровки: «Перед самым отъездом [из Лондона в Москву] дайте по мордам этим империалистам». Министр, однако, не хотел обострять отношения с западниками и проигнорировал шифровку. Это проявление самостоятельности взорвало Хрущева. 27 августа 1956 г., выступая на Президиуме, Хрущев критиковал своего протеже за «опасную и неправильную вольность» (85). Когда в конце октября 1956 г. Великобритания, Франция и Израиль напали на Египет, запальчивость Хрущева и искушение «дать по мордам» взяли верх над сдержанностью и здравым смыслом. Пригрозив агрессорам самыми решительными мерами, вплоть до применения «ракетных ударов», он в максимально жесткой форме дал понять, что Советский Союз намерен отныне играть ключевую роль на Ближнем Востоке (86).

Начиная с лета 1956 г. главным очагом нестабильности внутри советского блока стала Польша. Польские рабочие в Познани вышли на улицу и были расстреляны войсками польских сил безопасности. Коммунистические лидеры Польши чувствовали, что почва уходит у них из-под ног и, спасая свою власть, стали заигрывать с растущим в стране национальным движением. Коллективное руководство в Кремле, хоть и помирилось с Тито, видело в лозунге «польского пути к социализму», который появился в риторике польских лидеров, смертельную угрозу для Варшавского договора. К тому же нестабильность росла и в Венгрии. Обсуждая эту тему на закрытых заседаниях,

члены Президиума говорили между собой на идеологическом языке газеты «Правда»: «Подрывная деятельность империалистов [Запада] — Познань, Венгрия. Ослабить хотят интернациональные связи под флагом самостоятельности пути. Хотят разобщить и поодиночке разбить». Президиум пошел на ряд мер, чтобы поддержать в Польше коммунистов, верных Москве, в том числе согласился отозвать из органов госбезопасности Польши советских советников КГБ, а также предоставить польскому государству экстренную экономическую помощь (87). Еще свежая память о событиях июня 1953 г. в ГДР все больше тревожила членов советского руководства.

19 октября 1956 г. кремлевские правители и вовсе переполошились, узнав о том, что польские коммунисты, без каких-либо консультаций с Москвой, созывают пленум ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), на котором собираются решать кадровые вопросы. Они хотели, чтобы вместо Эдварда Охаба партию возглавил Владислав Гомулка — бывший руководитель польских коммунистов, в свое время исключенный из партии и отсидевший в тюрьме с 1951 по 1954 г. за «националистический уклон». Более того, польская правящая верхушка выдвинула требование, чтобы советские военные советники покинули Польшу, и в их числе маршал Константин Рокоссовский — советский военачальник, поляк по происхождению, которого Сталин назначил министром обороны Польши. Хрущев и остальные кремлевские властители безо всякого приглашения срочно вылетели в Варшаву и попытались воздействовать на Гомулку и его коллег по партии, используя весь арсенал для запугивания, начиная от крепких выражений до угроз применить военную силу — благо советские войска дислоцировались на польской земле. Поляки не поддались нажиму и настаивали на своем суверенитете. Кремлевская делегация вернулась в Москву 20 октября в крайнем возбуждении. В тот же день Президиум принял резолюцию, в которой говорилось, что «выход один — покончить с тем, что есть в Польше». Отрывочные записи присутствовавшего на заседании Президиума заведующего общим отделом ЦК Владимира Малина в этом месте становятся особенно загадочными, но вполне вероятно, что кремлевские правители решили принять предварительные меры, чтобы задействовать советские войска и сместить польское руководство. Однако даже после того, как Рокоссовский был выведен из состава Политбюро ПОРП, коллективные руководители все еще медлили с применением силы. А 21 октября Хрущев предложил «проявить терпимость» и заявил, что, «учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства». Президиум единодушно принял это предложение (88).

Главной причиной такой разительной перемены, скорее всего, стала речь Гомулки, которую он произнес перед многотысячной толпой

варшавян после того, как кремлевская делегация покинула Польшу. Он торжественно пообещал строить «социализм» и выполнять обязательства перед Организацией Варшавского договора. Еще одним фактором, заставившим Москву сменить гнев на милость, стала реакция китайцев. Поляки выступили с обращением к главам других компартий, и прежде всего к китайским руководителям, в котором просили заступиться за них и не допустить грядущего военного вмешательства со стороны СССР. Позже, когда обстановка в Польше разрядилась, Мао Цзэдун заявил, что Китайская коммунистическая партия «категорически отказалась рассматривать советское предложение [о военном вмешательстве] и попыталась донести до Кремля позицию Китая непосредственно, немедленно направив в Москву свою делегацию во главе с Лю Шаоци». На чрезвычайном заседании Политбюро КПК Мао Цзэдун возложил вину за польский кризис на Москву, которая проявляет склонность к «великодержавному шовинизму». Сразу же по окончании этого заседания он попросил посла СССР в Китае Павла Юдина сообщить Хрущеву о том, что Китай не приемлет военного вмешательства в дела Польши (89).

23 октября в Будапеште и по всей Венгрии начались народные выступления против коммунистического режима. Перед лицом открытой угрозы советской империи в Восточной Европе члены коллективного руководства сплотились и действовали относительно единодушно. И все же политические и личные размолвки давали о себе знать. У сторонников развенчания Сталина и проведения нового внешнеполитического курса были веские причины противиться советской интервенции в Венгрии — ведь это означало перечеркнуть все усилия, с 1955 г. направленные на то, чтобы ослабить страхи перед советской угрозой на Западе. В то же время скептики, прежде всего Молотов, Каганович и Ворошилов, явно считали, что вина за происходящее падает лично на Хрущева и его новую политику. Поскольку внешне члены Президиума сохраняли видимость сплоченности, разлад в их отношениях еще не мог проявиться открыто. Сторонники Хрущева, да и сам Хрущев, меняли свои позиции в зависимости от того, какое направление принимала полемика и как менялся ее контекст. Происходящее на Президиуме в октябре 1956 г. напоминало обсуждение Германского вопроса весной — летом 1953 г.: решение по Венгрии вырабатывалось в обстановке полной сумятицы: положение на местах менялось ежечасно, было запутанным и сложным. Каждый из кремлевских политиков имел свои личные расчеты и политические расклады. 26 октября весь Президиум, включая сторонников и критиков Хрущева, одобрил решение ввести советские войска в Будапешт. А 30 октября, четыре дня спустя, Президиум высказался за проведение переговоров, вывод советских войск и принял Декла-

рацию о равноправных и справедливых отношениях между СССР и «другими социалистическими странами» (90).

Зарубежные наблюдатели долгое время считали, что эта декларация была коварной уловкой со стороны Москвы. Однако из записей Малина на Президиуме историки узнали о том, что декларация явилась результатом затяжных споров в Президиуме в тот момент, когда его члены решили воздержаться от использования военной силы в Венгрии. Это было вызвано известиями о том, что советские войска втянулись в затяжное и кровавое сражение с повстанцами и, несмотря на большое количество убитых и раненых, не могут одержать победу над венгерским народом. Микоян, которого Президиум отправил в Будапешт в качестве специального эмиссара, последовательно и твердо отстаивал линию на переговоры и компромисс. Михаил Суслов, сопровождавший Микояна, был вынужден согласиться с этим мнением. Жуков и Маленков стояли за вывод войск (91).

Непредвиденным фактором, оказавшим влияние на дискуссию в Президиуме, стала позиция делегации Китая во главе с Лю Шаоци. Китайцы приехали в Москву 23 октября для того, чтобы еще раз заступиться за поляков. Вместо этого они стали непрошеными наблюдателями и советчиками во время кремлевского обсуждения венгерского восстания. Поначалу Мао Цзэдун, не зная о том, что творится на улицах Будапешта, дал указание китайской делегации в Москве выступать против советского вмешательства — как в венгерские, так и в польские дела. Китайцы, к удивлению их кремлевских коллег, даже высказали предположение, что советскому руководству следовало бы придерживаться принципов Бандунгской конференции о «мирном сосуществовании» в отношении стран — участниц Варшавского договора. Вероятно, Мао в тот момент считал, что настал подходящий момент для того, чтобы преподать лидерам СССР урок за их имперское высокомерие, а заодно повысить значимость роли КПК в мировом коммунистическом движении — как посредника между Советским Союзом и его восточноевропейскими сателлитами. Под влиянием аргументов в пользу отвода войск, а также позиции китайских коммунистов Хрущев предложил взять курс на переговоры и принять декларацию, основанную на предложении Китая (92).

Предложение уйти из Венгрии раскололо Президиум. Булганин, Молотов, Ворошилов и Каганович отстаивали право Советского Союза вмешиваться в дела «братских партий». Под этим, безусловно, подразумевалось, что для спасения коммунистических режимов в Восточной Европе могут быть использованы советские вооруженные силы. Ответом на эту позицию стала выразительная речь министра иностранных дел Шепилова, выступившего в поддержку вывода войск. Он сказал, что «ходом событий обнаружился кризис наших

отношений со странами народной демократии». В Восточной Европе «антисоветские настроения широки», и декларация должна стать первым шагом к тому, чтобы «устранить элементы командования» в отношениях Советского Союза с остальными членами Варшавского договора, «не дать [Западу] сыграть на данной ситуации». За Шепиловым выступили Жуков, Екатерина Фурцева и Максим Сабуров, и все высказались в пользу отвода войск (93).

Но на следующий день, 31 октября, дух сдержанности в Президиуме испарился без следа. Кремлевское руководство развернулось на сто восемьдесят градусов и все так же единогласно проголосовало за приказ маршалу Ивану Коневу приготовиться к массированному военному вторжению в Венгрию. Максим Сабуров осмелился напомнить, что лишь вчера они сошлись на том, что советское вторжение в Венгрию «оправдывает [существование] НАТО». Молотов сухо возразил: «Вчера половинчатое решение было». Остальные члены Президиума с тем же единодушием высказывали решимость действовать так, «чтобы победа была на нашей стороне», чтобы не дать «задушить социализм в Венгрии» и тому подобное — перечеркивая свои собственные слова, сказанные днем раньше (94).

Некоторые историки объясняют этот поразительный разворот членов Президиума внешними факторами: донесениями советского посла Ю. В. Андропова из Будапешта об ужасных расправах над коммунистами в Будапеште, опасениями Гомулки, что после краха коммунистического режима в Венгрии настанет очередь Польши, и прежде всего известием об агрессии Франции, Великобритании и Израиля против Египта. В самом Советском Союзе было тоже неспокойно: под влиянием революций в Польше и Венгрии началось брожение в Прибалтике и на Западной Украине, демонстрации протеста студентов прошли в Москве, Ленинграде и других крупных городах. Доверие к руководству страны в кругах интеллигенции и других социальных групп под влиянием хрущевских разоблачений Сталина упало (95). Однако все эти события и факторы имели место и за день до решения о вторичном вторжении в Венгрию и не играли решающей роли. Вряд ли объявление Францией и Великобританией о начале военных действий в Египте могло стать причиной столь резкого изменения позиции Хрущева. Например, вот что сказал советский руководитель о Суэцком кризисе 28 октября: «Англичане и французы в Египте заваривают кашу. Не попасть бы в одну компанию». Иными словами, ему не хотелось, чтобы Советский Союз тоже выглядел как агрессор, готовый вторгнуться в другую страну. И тем не менее 31 октября Хрушев произнес совсем другие слова. Сравнивая войну в Египте с ситуацией в Венгрии, он сказал: «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов —

империалистов. Они поймут это как нашу слабость и будут наступать. Мы проявим тогда слабость своих позиций. К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет» (96). Что же произошло? Решающим известием, склонившим чашу весов в пользу военного вторжения, видимо, стало заявление венгерского лидера Имре Надя о том, что его правительство приняло решение о выходе Венгрии из Варшавского договора.

Хрущев оказался в крайне затруднительном положении. Ему не хотелось дезавуировать достижения новой внешней политики и опять выставлять Советский Союз агрессором. Вместе с тем его страшила мысль о том, что СССР потеряет Восточную Европу и тогда его соперники в коллективном руководстве возьмут над ним верх. Опасения Хрущева имели серьезные основания, так как большинство членов партийного аппарата и верхнего эшелона военных кругов считали, что огульное развенчание Сталина на партийном съезде было большой ошибкой (97). 31 октября Хрущев перехватил инициативу у своих самых жестких критиков, которые не пощадили бы его, если бы он «потерял» Венгрию. Также Хрущев упредил возможную критику в свой адрес, предложив не посылать войска, не заручившись согласием китайцев и союзников по Варшавскому договору, а также руководства Югославии. После нескольких напряженных дней, проведенных в перелетах, поездках и консультациях, решение раздавить «контрреволюцию» в Венгрии получило одобрение всех коммунистических лидеров, включая Мао, Тито, Гомулку и даже Пальмиро Тольятти. Утром 4 ноября 1956 г. силы четырех советских армий под командованием маршала Конева вторглись на территорию Венгрии (98).

Позже Микоян написал в своих воспоминаниях, что советское вторжение в Венгрию «похоронило» надежды на разрядку напряженности в Европе на годы. В Советском Союзе процессы либерализации в обществе сменились волной арестов и преследований студентов, рабочих и представителей интеллигенции. Венгерский кризис больно ударил по авторитету первого секретаря. Во время обсуждений на заседаниях Президиума в начале ноября, судя по записям Малина, Хрущев был нехарактерно молчалив. В какой-то момент он пытался, как прежде, покритиковать Молотова за «враждебные идеи». Тот ответил, подразумевая то ли нового советского ставленника в Венгрии Яноша Кадара, то ли самого Хрущева: «Одернуть надо, чтобы не командовал» (99). Китайское руководство стало разговаривать с Хрущевым в новом, высокомерном и наставительном тоне. Согласно китайской трактовке событий, только вмешательство руководства КНР спасло Польшу от советского военного вторжения, а затем помогло Хрущеву преодолеть свои колебания и решиться на «спасение социализма»

в Венгрии (100). Уже после введения Советским Союзом войск в Венгрию Чжоу Эньлай совершил поездку по странам Восточной Европы и 18 января 1957 г. прибыл в Москву. На встрече в Кремле Чжоу указал Хрущеву на три ошибки: отсутствие всестороннего анализа событий, самокритики и консультаций с братскими странами. Китайский премьер-министр покинул Москву, убежденный в том, что Хрущеву не хватает опыта, такта и политической зрелости (101).

Хрущев, чувствуя непрочность своего положения, не захотел портить отношений с Мао и смирился с менторским тоном китайцев. При встрече с Чжоу Эньлаем он покорно внимал критике китайского гостя. На приеме в посольстве Китайской Народной Республики Хрущев призвал всех коммунистов «брать пример со Сталина» в том, как бороться с мировым империализмом. Полгода спустя Молотов с сарказмом напомнил ему об этом: «Конечно, когда Чжоу Эньлай приезжал, мы стали расписываться, что Сталин — это такой коммунист, как дай бог каждому, но когда уехал Чжоу Эньлай, мы перестали это делать. Это не поднимает авторитет нашей партии...» (102).

Когда советско-югославские отношения после примирения в 1955 г. опять испортились, Молотов мог злорадствовать — ведь он всегда утверждал, что Тито и его сторонники не могут быть надежными друзьями и союзниками. На самом деле Тито поддержал решение Кремля ввести войска в Венгрию и убрать венгерского лидера Имре Надя с политической сцены. Однако в силу случайного стечения обстоятельств Надя со своими соратниками попросили убежища в югославском посольстве в Будапеште. Тито был поставлен в сложное положение и, дорожа репутацией Югославии как независимого государства, отказался выдать Надя советским властям. В результате между Тито и кремлевскими правителями возникла недостойная перебранка. 11 ноября 1956 г. Тито выступил с речью в курортном городке Пула, недалеко от своей резиденции, где заговорил о «системных причинах» сталинизма, частично возложив вину за венгерскую трагедию на консервативные силы внутри КПСС. Он также сказал о том, что коммунистические партии можно разделить на два типа — сталинистского или несталинистского. Эта речь привела Хрущева в ярость: он еще долгие годы вспоминал о ней как о «позорной, предательской речи». Президиум ЦК большинством голосов постановил поручить газете «Правда» начать открытую идеологическую полемику с Тито. Ситуация с югославами не улучшилась после того, как сотрудникам КГБ удалось обманом выманить Надя и его сподвижников из посольства Югославии в Будапеште, арестовать и поместить под стражу в Румынии. Позже румыны передали арестантов в руки марионеточного венгерского правительства, возглавляемого Яношем Кадаром. Потом был проведен тайный суд, по приговору которого

Имре Надя и нескольких его товарищей казнили (с одобрения Кремля и руководителей европейских компартий). Тито скорее всего тоже вздохнул с облегчением, правда про себя. Публично югославское правительство осудило эту расправу (103).

Резкие зигзаги во взглядах и подходах подрывали авторитет Хрущева на посту первого секретаря как среди поклонников Сталина, так и среди сторонников перемен. В Центральный комитет стали поступать многочисленные письма от рядовых членов КПСС, полные возмущения и даже оскорблений в адрес хрущевского руководства. Одни требовали реабилитировать Сталина как великого государственного деятеля и предупреждали ЦК, что если Хрущев и дальше будет идти таким же путем, то враги застигнут страну врасплох, нельзя Советскому Союзу терять бдительность и расслабляться. Другие недоумевали, неужели в ЦК КПСС имеются «два Хрущева»: один разоблачает Сталина, а другой призывает советский народ брать с него пример (104).

Конец коллективного руководства

Ослабление позиций Хрущева вдохновило его соперников на совместное выступление против первого секретаря. В июне 1957 г. Молотов и Каганович решили, что наступил удачный момент для того, чтобы добиться смещения Хрущева, и на одном из заседаний Президиума обрушились на него с критикой. Хрущев, как это часто бывает с самоуверенными оптимистами, не ждал нападения. Как вспоминал потом Микоян, «он как будто нарочно создавал себе врагов, но даже не замечал этого». Бывшие сторонники Хрущева — Маленков, Булганин, Ворошилов, Сабуров и Первухин, которых он тоже умудрился оттолкнуть от себя, — согласились отстранить его от руководства партии. Даже Дмитрий Шепилов решил, что Хрущев должен уйти. Большинство Президиума склонялось к тому, чтобы вовсе отказаться от поста первого секретаря и этим укрепить коллективное руководство (105).

Однако отсутствие политического единства среди заговорщиков создавало определенные трудности: Молотов и Шепилов критиковали Хрущева по совершенно разным причинам и с совершенно разных позиций. К тому же участники заговора забыли о том, что в руках Хрущева находятся все рычаги государственной власти. Большинство членов секретариата являлись назначенцами Хрущева и поддерживали именно его. Ключевыми союзниками Хрущева в этот критический момент оказались министр обороны маршал Жуков и председатель КГБ Серов. С помощью членов секретариата, а также Жукова и Серова Хрущев созвал чрезвычайный пленум ЦК,

решением которого была признана его верховная власть, а участники заговора были объявлены «антипартийной группой». Стенограммы июньского пленума 1957 г. хоть и содержат явно предвзятые оценки ситуации — в защиту одержавшего победу Хрущева и против его оппонентов из «антипартийной группы», — все же дают замечательный материал, показывающий, насколько были переплетены в СССР вопросы внутрипартийной борьбы и внешней политики государства (106).

Противники Хрущева обвиняли его в нарушении принципов коллективного руководства, создании своего культа личности и единоличном принятии решений по международным делам и другим вопросам. Молотов осудил мысль, высказанную Хрущевым в интервью газете «Нью-Йорк таймс» в мае: «Мы считаем, что если Советский Союз сможет договориться с Соединенными Штатами, то тогда нетрудно будет договориться и с Англией, Францией и другими странами». Молотов выразил убежденность, что пока существует империализм, следующую мировую войну можно лишь отсрочить, но не предотвратить. Молотов также заявил, что формулировка Хрущева о необходимости договариваться с США игнорирует ленинский принцип об использовании противоречий в лагере империалистов. Эта формулировка Хрущева, продолжал он, «игнорирует все остальные социалистические страны. Нельзя игнорировать ни Китайскую Народную Республику, ни Польшу, ни Чехословакию, ни Болгарию». Помимо критики по вопросам внешнеполитической доктрины Молотов выразил свое недовольство грубыми, неотесанными манерами Хрущева и его неумением «соблюдать достоинство перед иностранными буржуазными деятелями» (107).

Самый сильный отпор противникам Хрущева оказал Микоян. Он напомнил о недавних событиях в Польше, Венгрии и Египте и пришел к заключению, что успешное их разрешение стало возможным не только благодаря единству советского руководства, но и смелым инициативам Хрущева. Кроме того, Микоян обвинил Молотова, Маленкова и Кагановича в том, что они выступали с узкобухгалтерских позиций против развития торгово-экономических отношений с социалистическими странами Восточной Европы, а также нейтральными Австрией и Финляндией. Иначе говоря, они возражали против таких сделок, которые были не выгодны СССР экономически, игнорируя их политическую выгоду. Хрущев же, в отличие от них, считал, что субсидии этим странам жизненно необходимы, поскольку диктуются интересами безопасности СССР. «Надо подвести экономическую базу для нашего влияния на Австрию и укрепления ее нейтралитета, чтобы Западная Германия не была [экономическим и торговым] монополистом в Австрии». То же самое, говорил Микоян, приходится

делать и с советским блоком: «Если сегодня оставить без заказов [на закупки] Восточную Германию и Чехословакию, так весь социалистический лагерь трещать будет. Кому нужен такой лагерь, если мы не можем обеспечить заказами. Вопрос ведь стоит так: или бесплатно кормить рабочих ГДР, или заказы дать; или же в другом случае вовсе потерять ГДР» (108).

Многие из делегатов пленума ЦК в душе симпатизировали консервативным взглядам Молотова. Партийно-государственные элиты страны не верили в разрядку напряженности с западными державами: значительная часть этих людей придерживалась более воинственной и жесткой линии, чем «просвещенное» большинство в Президиуме. Даже критикуя вслед за Хрущевым и Микояном на заседаниях пленума догматизм Молотова и ошибки внешней политики Сталина, большинство делегатов говорило на сталинском идеологическом языке, когда речь заходила о международных делах и военной безопасности. Но не эти вопросы на самом деле побудили это большинство поддерживать Хрущева. Часть делегатов опасалась, что если победят Молотов и Каганович, то «опять польется кровь», вернется террор. К тому же устранение от власти сразу целой группы членов Президиума означало, что назначенцев Хрущева ждет продвижение по службе. Один из выступавших выразил свое неудовольствие Молотовым, который до сих пор видит всех сталинских выдвиженцев «в коротких штанишках» (109). Среди тех, кто сменил членов «антипартийной группы» на руководящих постах в ЦК КПСС, был и Леонид Брежнев. Будущее показало, что после июньского пленума 1957 г. Президиум нового состава оказался весьма посредственным — новые люди у власти по всем статьям уступали представителям старой гвардии по энергии, политическому таланту, образованию и кругозору (110). Однако, с точки зрения Хрущева, у этой «молодежи» было одно положительное качество: он верил, что его назначенцы целиком зависят от него и не подведут.

В октябре 1957 г. Хрущев завершил свое восхождение на вершину тем, что отправил в отставку министра обороны маршала Георгия Жукова — своего главного сторонника, хоть временами и неудобного из-за своей независимости и критических суждений. Как и в предыдущих случаях, для того чтобы узаконить свои действия, Хрущев подготовил и провел внеочередной пленум ЦК КПСС. Стенограмма пленума, проходившего 28–29 октября 1957 г., не позволяет в полной мере пролить свет на неизвестные подробности всего дела. Однако эти материалы явно указывают на то, что у Хрущева были некоторые основания подозревать Жукова, а вместе с ним и начальника ГРУ Сергея Штеменко в «темных делах» за спиной первого секретаря — по крайней мере, Хрущев мог считать эти основания вескими в си-

туации острой борьбы за власть после выступления «антипартийной группы». Впрочем, вероятнее было то, что службы госбезопасности докладывали Хрущеву о Жукове то, что ему хотелось о нем услышать. Незадолго до октябрьского пленума Жуков вместе с новым министром иностранных дел Андреем Андреевичем Громыко внес на рассмотрение Президиума предложение о необходимости принятия американского плана «Открытое небо» о свободной аэрофотосъемке над территорией США и СССР. Министр обороны был убежден, что если Советский Союз примет идею Эйзенхауэра, то американцы от него обязательно откажутся, так как не ждут от Москвы такого шага. Все это, по его мысли, должно было принести дополнительные очки Москве в пропагандистской борьбе с Западом. Хрущев отнесся к данному предложению скептически, а на октябрьском пленуме припомнил этот эпизод, чтобы подвергнуть Жукова дополнительной критике. Он осудил министра обороны за то, что тот был готов допустить слабинку и принять «наглые, совершенно неприемлемые предложения» американцев. И тут же обвинил его чуть ли не в подготовке к нападению на США, заявив, что Жуков на Президиуме говорил примерно следующее: «Нам выгодно принять предложения американцев, нужно разведать их объекты, чтобы нанести удар...» (111). Вновь, и далеко не в последний раз, борьба за власть в Кремле погубила многообещающее дипломатическое начинание, которое могло бы пригасить последующую гонку вооружений.

Помимо сфабрикованных обвинений против Жукова выступления на пленуме содержали высказывания, весьма ценные для понимания хода мыслей и рассуждений среди высшего партийного и военного руководства СССР. Хрущев стремился показать делегатам пленума, особенно военным, что это он, а вовсе не Жуков лучше знает, как сочетать мирное дипломатическое наступление с наращиванием военной силы (112). Как ни терзали некоторых советских военачальников сомнения по поводу того, что говорилось на пленуме об их боевом товарище, все они единодушно поддерживали руководителя партии и осудили Жукова. Великий полководец вторично и уже пожизненно оказался в опале.

Это был последний пленум при Хрущеве, где откровенные высказывания и суждения по вопросам внешней политики служили аргументами или уликами в борьбе за верховную власть. Победа Хрущева над другими олигархами в Президиуме, которые могли и хотели ограничить его власть, положила конец практике коллективного руководства и периодическим схваткам на высокой партийной арене. Хрущев чем дальше, тем больше окружал себя удобными ему фигурами и довольно скоро обнаружил, что обсуждать важные решения на Президиуме ему не с кем — там заседало послушное ему большин-

ство. После изгнания с руководящих постов членов «антипартийной группы» и Жукова обсуждение внешнеполитических вопросов на заседаниях Президиума быстро превратилось в пустую условность, ритуальное круговое одобрение любой инициативы первого секретаря. Сам Хрущев, самоучка с неполным образованием и исключительной напористостью и властными инстинктами, не особенно нуждался в советчиках и специалистах со стороны. Даже те немногие аналитические службы, которые еще существовали в КГБ, МИД и ЦК КПСС, при Хрущеве захирели (113).

Выбор министра иностранных дел на место Шепилова красноречиво говорил о предпочтениях Хрущева. Неулыбчивый Андрей Андреевич Громыко не был рожден блистать на международной сцене, подобно его предшественнику. Но именно это устраивало Хрущева. Он сам собирался вести международные дела и дипломатические переговоры — так же как он полагался на самого себя в анализе данных разведки, деле подъема сельского хозяйства, проектировании нового жилья и прочая, и прочая. Молодой и обходительный дипломат Олег Трояновский, которого Хрущев в апреле 1958 г. выбрал своим помощником по международным делам, вспоминал, что сразу почувствовал: в советской внешней политике близятся большие перемены (114). Советский руководитель, одержавший победу у себя дома, решил, что настал час для решительного прорыва на международном фронте. Хрущев горел желанием доказать партийной элите и военным кругам СССР, что он может превзойти самого Сталина в деле наращивании могущества СССР и его влияния в мире.

Глава 5

ЯДЕРНЫЕ ОПЫТЫ ХРУЩЕВА, 1953–1963

Пусть это изделие [ядерная бомба] висит над капиталистами, как дамоклов меч.

*Хрущев — советским разработчикам
ядерного оружия, июль 1961*

4 октября 1957 г. Советский Союз осуществил запуск первой в мире межконтинентальной ракеты, которая вывела на околоземную орбиту алюминиевый шар размером чуть больше футбольного мяча — «искусственный спутник Земли». Траектория его полета проходила над территорией Северной Америки (1). Сам спутник являлся безобидным аппаратом с радиоустройством. Однако в США прекрасно понимали, что с таким же успехом советская ракета может доставить в любую точку Земли и мощную ядерную боеголовку. Американская пресса и политики заговорили о «ракетном отставании», которое в перспективе дает Советскому Союзу возможность нанести внезапный обезоруживающий удар по американским силам стратегического назначения. Спутник пробудил в американском обществе память о нападении японцев на Пирл-Харбор в декабре 1941 г. и гибели американского Тихоокеанского флота. Америка, защищенная двумя океанами, вдруг ощутила себя уязвимой. Многие американцы начали строить индивидуальные бомбоубежища на случай ядерной атаки. В американских школах ввели обязательные и регулярные уроки гражданской обороны, во время которых дети по команде «атомная атака» прятались под партами, закрывая голову руками. Один из моих друзей, выросший рядом с Нью-Йорком в 1950-е гг., рассказывал мне, что всякий раз после такого упражнения он смотрел в окно на силуэт Манхэттена, чтобы убедиться, стоят ли там еще небоскребы (2).

На самом деле у жителей СССР было больше резонов бояться атомной войны. Баланс стратегических сил с огромным перевесом складывался в пользу Соединенных Штатов. Администрация Эйзенхауэра придерживалась доктрины первого атомного удара в случае

войны с СССР. Как пишет американский военный историк Стивен Залога, советская система противовоздушной обороны была «чрезвычайно дорогостоящей, ненадежной и устаревала на глазах». У Советского Союза долгое время не было возможности нанести ответный удар. Американцы строили военные базы для стратегических бомбардировщиков и ракет не только на своей территории, но и на территории стран-союзниц — Великобритании, Западной Германии, Италии и Турции. В военных планах США, правда, значилось, что ядерное оружие будет применяться лишь в том случае, если советские войска вторгнутся в страны Западной Европы (3). Но те в Советском Союзе, кто знал, что на них нацелено американское оружие, мало верил в его оборонительный характер.

До недавнего времени историки могли только гадать о том, что думали советские политики и военные о термоядерной войне и гонке ядерных вооружений. Американские аналитики предполагали, что угроза ядерной войны оказывала на советское руководство сдерживающее влияние, побуждала его вести себя осторожнее (4). В действительности, как показывают рассекреченные советские документы, все было наоборот. Американская «доктрина сдерживания», построенная на стратегическом превосходстве США, была воспринята советскими лидерами как вызов. В Кремле видели лишь два сценария — пойти на уступки или дать асимметричный отпор (5). Никита Сергеевич Хрущев, по характеру человек азартный и решительный, не колебался в выборе. Его ответом на американское стратегическое превосходство стал ядерный блеф, балансирование на грани войны. Ракетно-ядерное оружие стало для Хрущева последним аргументом в переговорах с «империалистами». А единственно возможной обстановкой для таких переговоров Хрущев считал нажим и нагнетание международной напряженности. Действия Хрущева на международной арене в 1958–1963 гг. граничили с авантюризмом и по степени риска превосходили действия Сталина и других советских лидеров за все годы холодной войны.

Бомба и догма

Сталин умер на заре термоядерной революции. К началу 1953 г. советский военно-промышленный комплекс произвел несколько типов советских атомных бомб, испытал ракеты средней дальности и крылатую ракету и построил вокруг Москвы и в Прибалтике систему противовоздушной обороны (ПВО). Шло строительство атомных подводных лодок, подготавливалась к испытанию первая водородная бомба. Но это было лишь начало. Как вспоминал потом ветеран советской ядерной программы Виктор Борисович Адамский, после-

дующие десять лет, с 1953-го по 1962-й, станут «самыми продуктивными в развитии термоядерных вооружений» (6).

Пока был жив Сталин, атомные разработки были засекречены настолько, что не обсуждались даже на Политбюро. Информация о ходе атомных разработок и испытаниях, проводимых в СССР, была доступна крайне узкому кругу лиц, куда входили сам Сталин, Берия, министр обороны Булганин и несколько высших военных чинов (7). И вдруг в июле 1953 г., на пленуме ЦК КПСС, советская атомная программа оказалась в центре обсуждения в связи с «делом Берии». Члены ЦК узнали о предстоящем испытании «слойки», водородно-литиевой бомбы, созданной в атомной лаборатории «Арзамас-16» (Саров) по расчетам физиков Андрея Дмитриевича Сахарова и Виталия Лазаревича Гинзбурга. Маленков и один из руководителей советского ядерного проекта, Авраамий Завенягин, заявили делегатам пленума, что Берия якобы скрыл от правительства и Президиума ЦК подготовку к испытаниям. Вместе с тем Завенягин с гордостью рапортовал: «Американцы... по распоряжению Трумэна начали работу по водородной бомбе. Наш народ и наша страна не лыком шиты, мы тоже взялись за это дело, и мы думаем, что не отстали от американцев. Водородная бомба в десятки раз сильнее обычной атомной бомбы, и взрыв ее будет означать ликвидацию второй монополии американцев, т. е. будет важнейшим событием в мировой политике» (8).

Успешное испытание первой советской водородной бомбы, проведенное 12 августа 1953 г., сильно повысило настроение советским руководителям. Они даже поверили — как скоро выяснится, напрасно — что Советский Союз захватил лидерство в ядерной гонке. Хрущев с воодушевлением вспоминал: «Никто, кроме нас — ни американцы, ни англичане, — не обладали такой бомбой. Эта мысль меня переполняла...» Физик Сахаров стал любимцем советских правителей. Постановлением Президиума Совета министров СССР от 20 ноября 1953 г. перед учеными и конструкторами ставилась задача довести мощность водородной бомбы до одной-двух мегатонн и создать под этот заряд огромную межконтинентальную баллистическую ракету. Разработка этой ракеты поручалась «фирме Королева» — гигантскому ракетостроительному комплексу, созданному при Сталине. Главный конструктор этого комплекса Сергей Павлович Королев обещал завершить испытания ракеты к концу 1957 г. (9).

Термоядерное оружие, т. е. оружие, на несколько порядков превосходящее по мощности первые атомные бомбы, сразу же стало предметом споров и борьбы в кремлевском руководстве. Обвинения в адрес Берии в том, что он держал в тайне испытание водородной бомбы, остались недоказанными. Но всем членам коллективного руководства было очевидно, что ядерная программа слишком важна для того,

чтобы оставаться в исключительном ведении одного из членов «коллективного руководства». Сразу после ареста и смещения Берии было создано Министерство среднего машиностроения, которое вобрало в себя основные подразделения, отвечавшие за выполнение ядерной программы — Специальный комитет и Первое главное управление при Совете министров СССР. Возглавил это министерство Вячеслав Александрович Малышев, нарком танковой промышленности в годы войны. Малышев не был членом высшего руководства, хотя имел доверительные отношения с Маленковым (10). Впрочем, на этом внутрипартийные разборки вокруг ядерного оружия не закончились.

Вскоре Соединенные Штаты развеяли иллюзии о том, что СССР достиг превосходства в разработке термоядерных исследований. В январе — феврале 1954 г. госсекретарь США Даллес выступил публично с доктриной «массированного возмездия» в случае войны с СССР, а 1 марта Соединенные Штаты начали серию ядерных испытаний невиданной мощности на атоллах Тихого океана. Одно из испытаний окончилось трагедией: мощность одного из взрывов составила 15 мегатонн (миллионов тонн) взрывчатки — в три раза превзойдя расчеты американских ученых. Радиоактивные осадки выпали на поверхность Тихого океана площадью в 7 тыс. квадратных миль. В результате смертельному облучению подверглись японские рыбаки с рыболовного траулера, попавшего в зону заражения. Это происшествие вызвало в Японии шквал протестов, многие политики и ученые выступали с требованием запретить дальнейшие испытания подобного рода. На пресс-конференции 10 марта президент Эйзенхауэр и глава Комиссии по атомной энергии США Льюис Страус были вынуждены подтвердить, что «супербомба», испытанная в Тихом океане, способна уничтожить город Нью-Йорк с пригородами и что термоядерная война будет означать конец всей цивилизации. Тремя месяцами ранее, 8 декабря 1953 г., президент США выступил на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке с проектом «Атомы для мира» с целью развеять представление о Соединенных Штатах как о государстве, готовом развязать термоядерную войну. В своей речи в ООН Эйзенхауэр предлагал направить совместные усилия на изучение и применение атомной энергии в мирных целях и использовать эту энергию для помощи слаборазвитым странам. Но в марте на фоне колоссальных взрывов над Тихим океаном план «Атомы для мира» стал выглядеть фиговым листом, с помощью которого США маскировали свое ядерное превосходство (11).

Советские разработчики ядерного оружия поняли, что американцы совершили теоретический прорыв, который позволил им создавать заряды мощностью в десятки мегатонн. Сахаровская бомба та-

кой мощности дать не могла, и советские ядерщики, включая Игоря Курчатова, утратили к ней интерес. Вскоре они пришли к выводу, что американские термоядерные устройства базируются на использовании энергии атомного взрыва для сжатия термоядерного топлива (дейтерида лития) энергией атомного излучения, в результате чего и начинается термоядерная реакция. Так оно и было. Именно этот эффект «лучевой имплозии» был открыт в 1951 г. в США учеными-эмигрантами Эдвардом Теллером и Станиславом Уламом (12). В момент, когда советские физики напали на эту идею, глава Министерства среднего машиностроения В. А. Малышев попросил Курчатова составить проект ответа на предложение Эйзенхауэра «Атом для мира». Физики-ядерщики увидели в этом возможность привлечь внимание кремлевских руководителей к той, какую опасность миру несет открытие термоядерного оружия. 1 апреля 1954 г. Малышев послал Маленкову, Хрущеву и Молотову записку ученых под заголовком «Опасности атомной войны и предложение президента Эйзенхауэра», которую предлагалось опубликовать в открытой печати (13). Авторы записки предупреждали: «Современная атомная практика, основанная на использовании термоядерной реакции, позволяет практически неограниченно увеличивать взрывную энергию, сосредоточенную в бомбе... Защита от такого оружия практически невозможна, ясно, что массовое применение ядерного оружия приведет к опустошениям воюющих стран... Помимо разрушающего действия атомных и водородных бомб человечеству, вовлеченному в ядерную войну, угрожает еще одна опасность — отравление атмосферы и поверхности земного шара радиоактивными веществами, образующимися при ядерных взрывах. ...Темпы роста производства атомных взрывчатых веществ таковы, что уже через несколько лет накопленных запасов атомных взрывчатых веществ будет достаточно для того, чтобы создать невозможные для жизни условия на всем земном шаре. Взрыв около ста больших водородных бомб приведет к тому же... Таким образом, нельзя не признать, что над человечеством нависла огромная угроза прекращения всей жизни на земле» (14).

По-видимому, Малышев довел мнение ученых до сведения Маленкова еще прежде, чем их записка легла на стол Хрущеву и Молотову. Вероятно, Маленков решил использовать этот новый аргумент для возвращения к политике «мирного наступления», которая была свернута после ареста Берии. Выступая на встрече с избирателями 12 марта 1954 г., председатель Совета министров сказал, что «советское правительство стоит за дальнейшее ослабление международной напряженности, за прочный и длительный мир, решительно выступает против политики холодной войны, ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при современных сред-

ствах войны означает гибель мировой цивилизации». Выступление Маленкова разительно отличалось от советской риторики в отношении атомного оружия. К примеру, речь Микояна, опубликованная в советских газетах в тот же день, содержала привычные фразы о том, что «водородное оружие в руках Советского Союза является средством сдерживания агрессоров и борьбы за мир» (15).

Речь Маленкова выдавала обеспокоенность растущей угрозой ядерной войны. 4 февраля 1954 г. секретариат ЦК КПСС утвердил решение об усовершенствовании подземных бункеров и бомбоубежищ для высших военных и правительства на случай ядерного конфликта. Тем не менее Молотов и Хрущев указали Маленкову на отход от линии партии, обвинив его в идеологической ереси. Они заявили, что пессимистический вывод Маленкова о «гибели цивилизации» способен породить чувство безнадежности у советского народа и его союзников во всем мире, потому что ставит под сомнение неизбежность победы социализма над капитализмом. Кроме того, члены коллективного руководства критиковали Маленкова с позиции большевистского «реализма»: по их мнению, любое проявление страха в связи с ядерными вооружениями может расцениваться противником как признак слабости. Маленков сдался под напором критики и в очередной речи 27 апреля признал, что на самом деле ядерная война приведет к «неизбежному развалу всей капиталистической общественной системы» (16).

Позднее, критикуя Маленкова на пленуме партии, Молотов утверждал, что не о «гибели мировой цивилизации» должны говорить коммунисты, «а о том, чтобы подготовить и мобилизовать все силы для уничтожения буржуазии». Если в случае войны все должны погибнуть, продолжал он, тогда «зачем же нам строить социализм, зачем беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами». С ним были согласны министр обороны Николай Булганин и все высшее военное командование страны. Они отказывались признать, что появление термоядерного оружия ведет к революции в военном деле, обесмысливает прежние военные уставы и планы. 14 сентября 1954 г. на полигоне сухопутных войск в Оренбургской области, севернее поселка Тоцкое, состоялись общевойсковые учения с применением такого оружия. С целью отработки действий войск в обстановке, максимально приближенной к боевой, с бомбардировщика Ту-16 была сброшена и взорвана над полигоном атомная бомба, по мощности примерно равная хиросимской. Наблюдавшие за учением министр обороны Булганин, маршалы и генералы пришли к оптимистическому выводу: если советская армия примет разумные меры предосторожности, она сможет вести наступательные действия даже в условиях атомной войны (17).

Хрущев был под сильным впечатлением разрушительной силы термоядерного оружия. Его сын Сергей вспоминал, что в августе 1953 г. после просмотра фильма об испытании водородной бомбы, снятого специально для руководства страны, Хрущев вернулся домой подавленным. На пленке был запечатлен момент, когда многоэтажные дома разлетались в щепки, а людей сбивало с ног на расстоянии нескольких километров от эпицентра взрыва. Один из очевидцев испытания вспоминал, что «взрыв действительно получился куда сильнее взрыва атомной бомбы. Впечатление от него, по-видимому, превзошло какой-то психологический барьер. Следы первого взрыва атомной бомбы не внушали такого содрогającego ужаса, хотя и они были несравненно страшнее всего виденного еще недавно на прошедшей войне». Хрущев, должно быть, испытал что-то похожее на это чувство. Позже, в беседе с египетским журналистом, он подтвердил, что был потрясен увиденным: «Когда я был избран первым секретарем Центрального комитета и узнал все, относящееся к ядерным силам, я не смог спать несколько ночей» (18).

Оправившись от потрясения, Хрущев рассудил, что, вероятно, и американцы также боятся ядерной войны и что администрация Эйзенхауэра, несмотря на все приготовления и угрозы, не будет рисковать, зная о неотвратимом советском ядерном ответе. Страх перед ужасным оружием, таким образом, мог сработать в пользу СССР, предотвратить начало новой большой войны. Большевик и оптимист, Хрущев решил сыграть на пацифистских настроениях, а между тем делать все, чтобы положить конец превосходству США в стратегических вооружениях. Как только первый секретарь ЦК КПСС укрепил свою власть, он начал менять структуру советских вооруженных сил. В начале 1955 г. он добился прекращения принятой при Сталине программы строительства большого военно-морского флота, доказывая, что корабли все равно не смогут выдержать удара новейших атомных или даже обычных вооружений. Хрущев, как до него и Эйзенхауэр, пришел к убеждению, что в будущей войне доминирующую роль будет играть ракетно-ядерное оружие (19).

Осознание убийственной мощи ядерного оружия не поколебало веры Хрущева в основные постулаты революционно-имперской парадигмы. Правда, в отличие от Сталина и Молотова, он не считал, что именно третья мировая война приведет к всемирной победе коммунизма. Однако он полагал, что при взаимном балансировании на грани войны Советский Союз оказывается в более выгодном положении, чем Соединенные Штаты. Теперь «американский империализм», несмотря на свое экономическое, финансовое, технологическое и военное превосходство, уже не посмеет оспаривать власть коммунистических правительств в странах Восточной Европы. Более того, у СССР

и его союзников появлялись шансы под прикрытием «ядерного зонтика» помочь антиколониальным движениям, борцам с империализмом в Азии, Африке и Латинской Америке. Советское руководство имело еще одно преимущество перед правительством США: оно было более свободно от давления общественного мнения, в том числе пацифистского. Советская пропаганда глушила любые проявления антимилитаристских настроений у населения. Понимая, насколько силен в СССР страх новой большой войны, советские руководители тщательно следили за тем, чтобы не «пугать народ» излишней информацией о ядерном оружии. В 1950-е гг. советских школьников не учили прятаться под партами при атомном взрыве (хотя занятиям по военной подготовке в школах отводилось немало времени). Газеты и радио рассказывали об американских ядерных испытаниях, но деталей не сообщали. Речь Маленкова о «гибели цивилизации» была исключением из правила. Записка Курчатова и его коллег о последствиях ядерной войны, подготовленная в апреле 1954 г., так и не была опубликована (20).

Тем не менее советские люди знали о гонке атомных вооружений и читали о разрушениях в Хиросиме. Не только военные, но и многие гражданские лица с тревогой провожали взглядом летящий в небе самолет — а вдруг это американский бомбардировщик с атомной бомбой на борту. Существовала очевидная нестыковка между реалиями ядерной эры и партийно-идеологической догмой, пришедшей из предыдущей эпохи. Разрыв между практикой и теорией вызывал вопросы у самых правоверных коммунистов, всерьез относившихся к этой теории. Так, летом 1954 г. секретарь ЦК КПСС Петр Поспелов докладывал Хрущеву о «теоретических ошибках» чемпиона мира по шахматам Михаила Моисеевича Ботвинника. В письме, посланном в ЦК КПСС, Ботвинник, убежденный член партии, спрашивал, как можно соотнести опасность ядерного уничтожения с официальным постулатом коммунистической идеологии о том, что все мировые войны развязывались империалистическими «поджигателями войны» в целях наживы? А что если эти империалисты развяжут ядерную войну, только чтобы предотвратить «неизбежную» победу социалистической революции? Быть может, Советскому Союзу следует заранее договориться с мелкой и даже крупной буржуазией капиталистических стран, чтобы предупредить угрозу ядерной войны? Ботвинник заключал: «Если компромисс может избавить человечество от атомной войны и привести к победе революции (без войны), он, по-видимому, не может вызывать возражений». Вопросы и выводы Ботвинника, искреннего коммуниста, метили в самое сердце советской идеологии и пропаганды (21).

22 ноября 1955 г. советские ученые-ядерщики провели успешное испытание бомбы мощностью в 1,6 мегатонны. В отличие от заряда, взорванного в августе 1953 г., эта бомба была действительно «сверхмощной» — основанной на эффекте «лучевой имплозии» и термоядерного синтеза. Теперь Игорь Васильевич Курчатов и его коллеги знали, что им, как и американцам, под силу создавать ядерные бомбы практически неограниченной мощности. Когда испытание закончилось и в домике маршала Митрофана Неделина, военного начальника испытаний, был накрыт праздничный стол, Андрей Сахаров произнес тост за то, чтобы «наши изделия взрывались так же успешно, как сегодня, над полигонами, и никогда — над городами». Сахаров, по его словам, уже тогда испытывал «целую гамму противоречивых чувств, и, пожалуй, главным среди них был страх, что высвобожденная сила может выйти из-под контроля, приведя к неисчислимым бедствиям». Даже Курчатов, научный руководитель советского ядерного проекта, разделял эти опасения — к огромному неудовольствию Хрущева, который терпеть не мог пацифизма в любых его проявлениях (22).

В высших военных кругах царил оптимизм, милитаристская бравада, помноженная на идеологическую уверенность в правоте «нашего дела». Все это подавляло какие-либо сомнения, связанные угрозой ядерной войны. Исключением был маршал Георгий Жуков, сменивший Булганина на посту министра обороны. На встрече с Эйзенхауэром в Женеве июле 1955 г. советский маршал согласился с президентом США в том, что теперь, когда появилось атомное и водородное оружие, многие старые понятия и принципы нуждаются в переоценке. Жуков отметил, что «провел много учений с применением атомного и водородного оружия (*sic*) и лично видел, насколько смертоносно, это оружие». Он добавил, что «если бы в первые дни войны США сбросили 300–400 бомб на СССР, а Советский Союз, со своей стороны, сбросил такое же количество бомб на США, то можно представить себе, что произошло бы с атмосферой». Жуков и Эйзенхауэр пришли к согласию, что лишь последовательные меры по укреплению взаимного доверия и контролю над вооружениями позволят двум сторонам выйти из сложившегося положения и преодолеть взаимные опасения. То, что в последующем Жуков поддержал идею «открытого неба» на обсуждении в Президиуме ЦК, дает основание предположить, что он был искренен в беседах с американским президентом (23).

«Ядерная доктрина» Хрущева

В феврале 1956 г. Хрущев и его коллеги по коллективному руководству решили устранить явное противоречие между партийными догмами и реалиями ядерного века. Выступая на XX съезде КПСС,

Хрущев отказался от сталинской доктрины о неизбежности третьей мировой войны и противопоставил ей принцип «мирного сосуществования» двух систем — капиталистической и социалистической. Однако Хрущев пересмотрел сталинское толкование марксистско-ленинской теории лишь наполовину. Он заявил на съезде, что «пока на земном шаре остается капитализм, реакционные силы, представляющие интересы капиталистических монополий, будут и впредь стремиться к военным авантюрам и агрессии, могут пытаться развязать войну». «Фатальной неизбежности войн нет», заключил первый секретарь, прежде всего потому, что «теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами». Влиятельные круги на Западе, сказал в заключение Хрущев, стали осознавать, что в атомной войне победителей не будет (24).

Хрущев продолжал верить, что ленинская концепция империализма не устарела — просто советское термоядерное оружие стало новым фактором, которое заставит империалистов одуматься. Испытание сверхбомбы в ноябре 1955 г. дало советскому лидеру дополнительный силовой аргумент. Еще одним таким аргументом стал произведенный 20 февраля 1956 г. успешный запуск первой советской баллистической ракеты средней дальности с ядерной боеголовкой. Мысль об ужасной мощи ракетно-ядерного удара овладела воображением Хрущева. И опять, как и после просмотра в 1953 г. фильма о ядерном испытании, он укротил свой страх и стал искать способы применения обретенной мощи. Вывод, к которому он пришел, гласил: «Пусть эти бомбы действуют на нервы тем, кому хотелось бы разжечь войну» (25).

Ближайшей целью Хрущева было создать видимость ядерного равновесия и тем самым подорвать позиции НАТО и других военно-политических союзов, созданных в 1954–1955 гг. президентом Эйзенхауэром и госсекретарем Даллесом. Среди этих союзов была Организация центрального договора (СЕНТО, или Багдадский пакт) и Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО). В Турции, являвшейся членом СЕНТО, были развернуты американские ракеты, и Хрущеву хотелось от этих ракет избавиться. Ему также хотелось, чтобы Соединенные Штаты признали СССР равной державой — и по силе, и по роли в мировых делах. По мнению Хрущева, американцы могли бы пойти на это лишь в том случае, если их поставить перед суровым выбором — между войной и миром. «Есть только два пути, — сказал первый секретарь ЦК на XX съезде партии. — Либо мирное сосуществование, либо самая разрушительная война за всю историю человечества. Третьего пути нет» (26). Хрущеву надо было, чтобы в

это поверили и американцы, а для этого он решил убедить США в том, что не остановится перед применением ужасающего оружия в случае конфликта. Так обращение Хрущева в ракетно-ядерную веру подтолкнуло его не к умеренному и осторожному отношению к ядерному сдерживанию, а к ядерному блефу, намеренному балансированию на грани войны.

В известном смысле Хрущев шел по стопам президента Эйзенхауэра и госсекретаря Даллеса. Эти политики, в душе питая отвращение к перспективе ядерного Армагеддона, тем не менее прилагали все усилия к тому, чтобы США удерживали за собой ядерное преимущество, а значит, могли с помощью «ядерного зонтика» решать свои внешнеполитические задачи. Джон Ф. Даллес, по свидетельству авторитетного американского историка, стремился «найти ядерному оружию какое-нибудь иное применение, нежели роль дамоклова меча, нависшего над миром». В Женеве, во время встречи в верхах в 1955 г., Хрущев почувствовал, что оба американских политика — и Эйзенхауэр, и Даллес — сильно опасаются последствий гонки ядерных вооружений. Хрущев правильно понял, что смыслом игры американцев (правда, он считал Даллеса, а не Эйзенхауэра, главным игроком) состоит в том, чтобы уstrasить Советский Союз, но при этом не напугать сам американский народ и союзников США. И Хрущев решил отплатить американцам той же монетой, переиграть их на их же поле. Хрущев понимал, что Эйзенхауэр как опытный военачальник не позволит противостоянию между Советским Союзом и Соединенными Штатами выйти из-под контроля. Советский лидер решил, что с такими «надежными» партнерами можно балансировать на грани войны, не рискуя полететь вверх тормашками (27).

Поскольку у Советского Союза еще не было межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и надежных бомбардировщиков, способных достичь Соединенных Штатов и нанести ядерный удар, странами, на которых была опробована хрущевская «доктрина» ядерных угроз, оказались страны Западной Европы, входившие в НАТО. В ноябре 1956 г. во время Суэцкого кризиса, когда Великобритания, Франция и Израиль начали войну против Египта, Кремль, по предложению Хрущева, пригрозил агрессорам ракетным ударом. Вместе с тем кремлевское руководство, стремясь нейтрализовать Соединенные Штаты, предлагало послать на Ближний Восток совместную советско-американскую «миротворческую» миссию. Когда англо-французская армада отступила, Хрущев расценил это как первый и несомненный успех своей «ракетной доктрины». На самом деле Лондон и Париж были вынуждены прекратить военные действия из-за давления на них со стороны Вашингтона, однако Хрущев был твердо убежден, что именно советские угрозы сделали свое дело. По его

мнению, «у Даллеса не выдержали нервы». На июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. Микоян заявил делегатам: «Вспомните обстановку: в Венгрии восстание, войска наши заняли Будапешт, англо-французы решили: русские увязли в Венгрии, дай ударим по Египту, помочь они не могут, нельзя им на два фронта воевать. Русских, мол, грязью обольем, а сами Египет прихлопнем, лишим Советский Союз влияния на Среднем Востоке... А мы нашли силы и в Венгрии войска держать, и пригрозить империалистам, что ежели они не прикончат войну в Египте, то может дойти до применения ракетного оружия с нашей стороны. Все признают, что этим мы решили судьбу Египта» (28).

Исход войны в Египте привел к тому, что Хрущев поверил: в международных делах ядерная мощь решает все. Отныне он стал относиться к накоплению ядерного арсенала не только как к средству сдерживания, но как к «продолжению политики иными средствами», как советовал прусский военный теоретик XIX в. Карл фон Клаузевиц (29). Именно поэтому в мае 1957 г. Хрущев в одном из своих интервью сказал, что ход и исход холодной войны зависит в основном от отношений между двумя ядерными гигантами — Советским Союзом и Соединенными Штатами (30).

В августе 1957 г. совершился долгожданный прорыв в советском ракетостроении. Конструкторское бюро Сергея Королева провело успешное испытание ракеты Р-7 («семерки»). Это была первая в мире МБР-ракета, способная выйти на околоземную орбиту. 7 сентября Хрущев наблюдал за одним из запусков «семерки» из бункера. Он разрешил Королеву использовать новую ракету для научного освоения космоса, и 4 октября на околоземную орбиту был выведен искусственный спутник земли — событие, потрясшее весь мир. Неожиданный запуск в космос советского спутника заставил правительство США выделить колоссальные средства для собственных космических исследований, а также для нового и весьма дорогостоящего рывка в гонке вооружений: необходимо было вернуть американской общественности уверенность в превосходстве вооруженных сил США. Хрущев, однако, верил, что добился своего: Соединенные Штаты стали бояться ядерной войны больше, чем Советский Союз. В феврале 1960 г. он сказал на заседании Президиума, что соглашение с Соединенными Штатами стало возможно, потому что американский обыватель «первый раз в жизни начал дрожать, потому что появилась межконтинентальная ракета, которая может достигнуть американских городов» (31).

Военно-промышленный комплекс СССР настроился на массовое производство стратегических ракет и создание для них все более мощных ядерных боеголовок. Однако еще долгое время Советский Союз обладал стратегическим потенциалом в отношении США лишь

гипотетически. Ракета Р-7 оказалась дорогостоящей громадиной, трудной и ненадежной в эксплуатации. 300-тонная ракета работала на топливе из жидкого кислорода, что создавало большие трудности при запуске. Каждая пусковая площадка обходилась в полмиллиарда рублей. В 1959 г. конструкторы-ракетчики начали разрабатывать два других типа ракет — Р-9 и Р-16, однако и они не подходили для серийного развертывания, поскольку работали на жидком топливе и были чрезвычайно уязвимы для атаки с воздуха. Размещение первого поколения надежных межконтинентальных ракет в защищенных подземных шахтах началось только в апреле 1962 г. А пока махины Королева приходилось транспортировать по железной дороге на север России, в Плесецк, где для них были построены стартовые комплексы. К концу 1959 г. только четыре «семерки» и два стартовых комплекса для них находились в рабочем состоянии. Если бы Соединенные Штаты первыми нанесли удар, то у Советского Союза хватило бы времени на запуск только одной ракеты. По данным Сергея Хрущева, ракетчика и сына советского лидера, первые советские МБР были нацелены на американские «города-заложники»: Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго и Лос-Анджелес (32).

В подобных обстоятельствах более благоразумный государственный деятель не стал бы бахвалиться достижениями в области стратегических вооружений. Хрущев поступил наоборот. 15 декабря 1959 г. Кремль объявил на весь мир о создании Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) — нового рода войск в вооруженных силах СССР. За нетерпеливостью Хрущева стояли не только стратегический азарт, но и экономический расчет. Начиная с 1957 г. он обещал «догнать и перегнать» Соединенные Штаты по производству основных продуктов питания, а также резко повысить уровень жизни советских людей. В те годы советская плановая экономика, казалось, сохраняла большой потенциал для развития. Советская экономическая модель привлекала политических лидеров в различных частях света, особенно в Индии, Индонезии, Египте и других странах, освободившихся от колониальной зависимости.

Но уже в 1959 г. советская экономика стала давать серьезные сбои. Уровень жизни, который первоначально повысился в результате реформ 1953 г., оставался низким. Факты опровергали хвастливые заявления Хрущева: советская экономика была неспособна обеспечить «общество массового потребления». Секторы гражданской промышленности, в отличие от военно-промышленного комплекса, развивались плохо или недостаточными темпами. Сельскохозяйственная программа освоения «целинных и залежных земель» после первоначального громкого успеха обернулась огромными трудностями с сохранением и транспортировкой полученных урожаев. А в результате

принятых Хрущевым необдуманных мер по ограничению личных подсобных хозяйств и кооперативов возникла острая нехватка мяса, молока и масла. Грандиозные масштабы экономической помощи Китаю, все возрастающая щедрая помощь Египту и резкое повышение субсидий для Польши и Венгрии после событий 1956 г. — все это ложилось дополнительным бременем на экономику и бюджет СССР. Для того чтобы «скорректировать глубокие диспропорции в народном хозяйстве», советскому правительству пришлось свернуть пятилетний план (в связи с его явным провалом) и заменить его «семи-леткой». Выполнить обещание в достаточном количестве выпускать «и пушки, и масло» оказалось гораздо труднее, чем это представлялось Хрущеву (33).

Между тем безудержно увеличивались затраты на производство новых вооружений, исследовательские и научно-конструкторские программы военного назначения — значительно превышая выделенные для этого ресурсы. С 1958 по 1961 г. производство вооружений в СССР выросло более чем вдвое, а доля национального дохода страны, уходившая на это производство, — с 2,6 до 5,6 %. Стоимость ракет стратегического назначения оказалась значительно выше, чем ожидалось. Сооружение стартовых комплексов и ракетных пусковых шахт, включая новый грандиозный комплекс космических и военных испытаний на железнодорожном разъезде Тюра-Там в Казахстане (космодром «Байконур»), а также строительство гигантских заводов для серийного производства стратегических вооружений требовало огромных капитальных вложений. Ядерные и ракетные проекты фактически были экономикой внутри экономики: они размещались в «закрытых городах», куда привлекались лучшие силы ученых, инженеров и строителей и где создавались весьма приличные условия жизни для них и их семей. В одном из таких «закрытых городов» — Снежинск в предгорьях Среднего Урала (Челябинская область) — разместилась вторая советская ядерная лаборатория. К началу 1960 г. численность населения города уже составляла 20 тыс. человек. Другой «закрытый город», находившийся к северу от Красноярска, в 1958 г. начал производство оружейного плутония. Реактор и 22 цеха были расположены в огромной искусственной пещере на глубине 200–250 м от поверхности земли; комплекс имел собственную систему тоннелей, а также развитую городскую инфраструктуру, которая обслуживала и обеспечивала жильем несколько тысяч ученых, инженеров, рабочих и военных (34).

Чем яснее видел Хрущев, что его обещания экономического роста расходятся с реальностью, тем больше он горел желанием опробовать свою «ракетную доктрину» на деле. Он надеялся прежде всего добиться прорыва в решении германского вопроса — ключевого

вопроса холодной войны. Принудить западные державы к переговорам, закончить холодную войну с помощью ракетно-ядерного блефа означало бы избежать дальнейшей гонки вооружений и сэкономить громадные средства для развития народного хозяйства и улучшения жизни советских людей.

«Ядерная доктрина» и берлинский кризис

В ноябре 1958 г. Хрущев предъявил бывшим союзникам по антигитлеровской коалиции — США, Великобритании и Франции — ультиматум: либо они в течение шести месяцев признают Западный Берлин «вольным городом» и подписывают мирный договор с ГДР, либо СССР сделает это в одностороннем порядке и передаст контроль над въездом в западные секторы Берлина правительству ГДР. Поначалу импульсивный советский руководитель даже хотел заявить об аннулировании потсдамских соглашений 1945 г., согласно которым западные державы могли временно держать свои войска в Берлине. Хрущев считал, что Запад уже давно нарушил эти соглашения. Однако затем советский лидер осознал, что такое публичное заявление может повредить советской дипломатии в долгосрочной перспективе. Поэтому Хрущев сосредоточил свое внимание на преобразовании западных секторов Берлина в «вольный город» и подписании мирного договора между Москвой и ГДР. Как только истек срок ультиматума, Хрущев отложил его, чтобы возобновить позже, — и так в течение четырех лет! (35).

США и остальные западные державы отвергли ультиматум советского лидера, и дело запахло военным конфликтом. Противостояние из-за Западного Берлина привело ко второму большому кризису с начала холодной войны. Но Хрущев надеялся, что под угрозой ядерной войны в Европе НАТО даст трещину, и в какой-то момент показалось, что события пошли по его сценарию. В феврале 1959 г. премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан поспешил в Москву для встречи с Хрущевым, не скрывая своего желания выступить посредником между ним и Эйзенхауэром. Встреча министров иностранных дел по германскому вопросу, которая долго откладывалась, началась в мае в Женеве. А в июле Эйзенхауэр по неформальному каналу передал Хрущеву приглашение приехать в Соединенные Штаты для переговоров. На самом деле президент США планировал увидеть Хрущева только в случае, если переговоры в Женеве создадут возможность для компромисса по Западному Берлину. Но Хрущев приехал в США «просто так», для прямых переговоров с президентом. Итоги встреч с Эйзенхауэром на президентской «даче» в Кемп-Дэвиде 15 и 25–27 сентября 1959 г. были многообещающими,

точнее, так казалось Хрущеву. Эйзенхауэр был максимально уклончив, но признал ситуацию с Западным Берлином «ненормальной». Казалось, он согласился возобновить поиск дипломатического решения германского вопроса в рамках четырехсторонней встречи на высшем уровне, намеченной на весну 1960 г. (36).

Западные исследователи до сих пор спорят о причинах и перипетиях Берлинского кризиса. Американская исследовательница Хоуп Гаррисон пишет: «Хрущева действительно волновало будущее ГДР. Кроме того, ему очень хотелось поднять свой авторитет успешными переговорами с Западом. И то, и другое сильно влияло на его поведение во время кризиса». Другие исследователи убеждены, что советский руководитель действовал в ответ на растущую интеграцию Западной Германии в НАТО. Его беспокоили американские планы «поделиться» с западногерманскими военными контролем над ядерным оружием на территории ФРГ. Эти планы, продолжение ядерной доктрины «первого удара», принятой командованием НАТО, действительно могли обеспокоить Хрущева. Есть документальные свидетельства того, что в Кремле проявляли озабоченность в связи с перспективой получения Западной Германией доступа к ядерным вооружениям (37). С моей точки зрения, у Хрущева было несколько мотивов, побудивших его ввязаться в Берлинский кризис. Во-первых, он считал себя обязанным добиваться гарантий для существования социалистической ГДР. Об этом обязательстве он неоднократно заявлял публично, когда критиковал Берию и Маленкова по германскому вопросу. Во-вторых, он был полон решимости показать всем эффективность своей «ракетной доктрины» — принудить США отказаться от стратегии сдерживания и начать переговоры с Советским Союзом. И, наконец, судя по его речам, он надеялся, что победа, одержанная в Западном Берлине, станет началом крушения западного империализма во всем мире и поможет развитию революционного процесса в Азии и Африке.

Хрущев смеялся над опасениями своего сына Сергея. «Из-за Берлина никто войны не затеет». По словам Сергея Хрущева, его отец «надеялся как следует припугнуть» западные державы, «вырвать согласие сесть за стол переговоров» (38). Советский руководитель чувствовал, что с помощью ядерной мощи Советского Союза он добьется успеха в том, что не удалось Сталину — построить на равных отношениях с Соединенными Штатами. Ему хотелось вернуться к формату отношений между великими державами, сложившемуся на конференциях в Ялте и Потсдаме и уничтоженному после Хиросимы.

Основная ставка в этой рискованной игре делалась на ракетно-ядерные вооружения. Советский руководитель хотел, чтобы правительства и граждане западных стран оказались перед жестким выбо-

ром: либо взять на себя ответственность за последствия термоядерной войны, либо разобрать возведенные ими бастионы антисоветизма. Из поля зрения историков, особенно американских, зачастую выпадает тот факт, что Хрущев в 1958–1961 гг. не только создавал кризисные ситуации, балансируя на грани ядерной войны, но и вел кампанию за разоружение. Советскому руководителю хотелось сгладить впечатление об агрессивности СССР. В апреле 1957 г. Хрущев сказал на заседании Президиума, что Советскому Союзу следует вести мощную кампанию за запрещение ядерных вооружений. Иначе, сказал он, «будут говорить, что мы отказываемся от борьбы против атомного оружия. Мы тогда лишимся поддержки широких масс, оппозиционно настроенных» (39). В ноябре 1958 г. Советский Союз объявил об одностороннем моратории на ядерные испытания (спустя несколько дней после того, как США и Великобритания сделали то же самое). В феврале 1960 г. Хрущев подал на рассмотрение Президиума следующую идею: выйти к американцам с предложением о том, что СССР готов в первую очередь уничтожить свои МБР и ядерные боеголовки при условии, что США ликвидируют свои военные базы, расположенные по периметру советских границ, вместе со стратегическими бомбардировщиками. «Это, собственно, разоружение всех военных союзов, потому что что значит ликвидировать эти базы? Это полетят НАТО, СЕАТО, СЕНТО» (40).

В сентябре 1959 г. Хрущев прибыл в США по приглашению президента Эйзенхауэра и впервые оказался на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН. В пропагандистском запале советский лидер огласил план «всеобщего и полного разоружения». Хрущеву казалось, что его большая игра приносит дивиденды. Он разъезжал по всей Америке, явно получая удовольствие от того, что самая могущественная в мире капиталистическая страна вынуждена, сдерживая свое высокомерие, принимать у себя «коммуниста номер один». Его зять, Алексей Аджубей, и группа советских журналистов талантливо и энергично формировали для советской и восточноевропейской аудитории облик Хрущева — «борца за мир». Внимание к Хрущеву в Америке было дополнительным бонусом, который дала ему его «ракетная доктрина», и советскому лидеру это нравилось. С другой стороны, встреча Хрущева «лицом к лицу с Америкой» выявила его неготовность к серьезным переговорам. Могущество Америки, ее богатство не только произвели на него впечатление, но и настроили на драчливый лад. В глубине души он чувствовал себя неуверенно и все время искал повод, к чему бы придраться, чтобы дать американцам отпор. Вместе с тем он так и не смог вытянуть из Эйзенхауэра каких-либо определенных уступок в вопросе о Западном Берлине (41).

Хрущеву очень хотелось показать советским людям, что его подход к решению международных проблем может принести экономические выгоды, причем немедленные. После широко освещавшейся в прессе поездки по Соединенным Штатам и предвкушая успех встречи на высшем уровне в Париже, на которой он собирался добиться у Запада уступок по германскому вопросу, Хрущев решил обнародовать свои мысли об экономических последствиях разрядки напряженности с США. В декабре 1959 г. Хрущев направил членам Президиума письмо, в котором предлагал радикальный план сокращения вооруженных сил «даже без условий о взаимности со стороны других государств». Советскому Союзу, уверял он, больше не нужна многочисленная армия, поскольку наличие ракетно-ядерных войск является для потенциального агрессора достаточно грозным средством сдерживания. Военная реформа, писал он, стала бы «неотразимым ударом по врагам мира и по поджигателям и сторонникам холодной войны». Этот шаг «ни в коей степени не наносит ущерба нашей обороне, но дает нам большие политические, моральные и экономические выгоды. Если сейчас не использовать этого, то, говоря языком экономиста, это означало бы не использовать в полную мощь накопленные капиталы нашей социалистической политикой и нашей социалистической экономикой». 12 января 1960 г. на заседании Верховного Совета Хрущев объявил о сокращении численности вооруженных сил до 1,2 млн человек в течение трех лет. Было отправлено в отставку четверть миллиона человек из офицерского состава. Эта военная реформа, по мысли Хрущева, была логически связана с созданием месяца ранее Ракетных войск стратегического назначения. Правда, многие бывшие офицеры остались без адекватной материальной компенсации, без возможности получить другую профессию, пенсионное пособие или жилье (42).

Никто не осмелился публично критиковать поспешные шаги Хрущева, но в разговорах между собой многие генералы и офицеры негодовали. Еще во время Суэцкого кризиса в их среде завелись сомнения: стоит ли делать ставку на одно ядерное оружие и строить экспансионистские планы, не подкрепленные реальной военной мощью. Уже после отставки Хрущева один из его критиков скажет: «Тогда мы находились на волосок от большой войны!» Другой подытожит: «В течение последних семи лет Советская страна без всяких к тому серьезных причин и оснований трижды оказывалась на грани войны. Это тоже не случайность, а система, особый “способ” осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам» (43). Высшие военные чины не могли открыто выступать против хрущевской военной реформы, однако в застольных беседах отводили душу, а на практике вставляли палки в колеса, где могли. Начальник Генштаба

маршал Василий Соколовский подал в отставку в знак протеста против непродуманных сокращений в армии. Наиболее образованные генералы воспользовались развернувшейся на страницах закрытого журнала «Военная мысль» теоретической дискуссией, чтобы подвергнуть сомнению чрезмерные упования Хрущева на ядерные вооружения. В статьях, опубликованных в 1960 и 1962 гг., генерал Петр Курочкин, генерал-полковник Амазасп Бабаджанян и другие авторы соглашались с американскими экспертами, в частности Максвелом Тэйлором и Генри Киссинджером: полагаться исключительно на ответный ядерный удар не следует, это будет означать выбор между капитуляцией и самоубийством (44).

Хрущеву не удалось переубедить своих маршалов и генералов, однако следовать своей «ракетной доктрине» он их заставил. Министр обороны Родион Яковлевич Малиновский создал при Академии Генерального штаба рабочую группу для подготовки секретного пособия по военной стратегии в ядерную эпоху и приказал маршалу Соколовскому, одному из главных противников хрущевской военной реформы, взять на себя осуществление проекта. В этом пособии детально разрабатывался тезис о том, что следующая мировая война будет ядерной, и подчеркивалось огромное значение начальной фазы этой войны — нанесения первого ядерного удара. В книге, правда, утверждалось, что Советский Союз владеет ядерным оружием не для того, чтобы вести войну, а чтобы сдерживать Соединенные Штаты. Ядерная война будет слишком разрушительной, а потому ее надо избежать во что бы то ни стало. Рукопись переписывалась неоднократно до тех пор, пока сам Хрущев ее не одобрил. В 1962 г. пособие было издано без грифа секретности под названием «Военная стратегия». По мнению советского лидера, книга должна была «остудить горячие головы» в Америке (45).

Хрущев также столкнулся с критикой, шедшей оттуда, откуда не ждал: со стороны руководства КНР. В ноябре 1957 г., на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, Мао Цзэдун приветствовал достижения Советского Союза в создании ракетно-ядерной мощи и дал понять, что с западным империализмом можно больше не церемониться. В это время советское руководство решило поделиться с китайскими «братьями» ядерными и ракетными технологиями. С 1957 по 1959 г. китайцы получили от советских специалистов подробную документацию по ракетам средней дальности Р-12 и крылатым ракетам, а также полные данные по созданию атомного оружия первого поколения. Советский Союз даже обещал передать китайцам действующий образец атомной бомбы. Но Мао так и не простил Хрущеву развенчания Сталина, которое он расценивал как удар по всему коммунистическому движению и собственному авторитету.

А заявление Хрущева о том, что вся мировая политика сводится к отношениям двух ядерных государств, было и вовсе неприемлемым для китайского вождя. Ведь в таком случае Китай оказывался в ряду второстепенных стран, исключался из круга великих держав (46).

Затаенное недовольство Мао Цзэдуна вышло наружу, когда советское военное командование обратилось к Пекину с просьбой о строительстве в Тихом океане «совместных» баз для советских подводных лодок с ракетно-ядерным оружием на борту, а также радиолокационных станций слежения за тихоокеанской акваторией. Мао гневно отклонил эту просьбу. Советскому послу Павлу Юдину он заявил, что не позволит Советскому Союзу обращаться с Китаем как своей колонией. 31 июля 1958 г. в обстановке строжайшей секретности Хрущев вылетел в Пекин, чтобы успокоить вождя КНР. Но хозяин обдал его холодом: Мао не мог сдержать своего раздражения и обращался с Хрущевым в оскорбительной манере. Мало того, Хрущев был потрясен той пропастью, которая открылась между его взглядами на проблемы ядерной эры и амбициями Мао Цзэдуна. Мао поступил с Хрущевым точно так же, как Сталин обращался с американцами: он пренебрежительно отзывался о ядерном оружии, называя его «бумажным тигром». «Я пытался объяснить ему, — вспоминал Хрущев, — что одна или две ракеты превратят все китайские дивизии в пыль. Но он даже не хотел слушать мои аргументы и, вероятно, считал меня трусом». Вернувшись в Москву, Хрущев не стал делиться своими тягостными впечатлениями от визита с коллегами по Президиуму, однако советско-китайские отношения дали первую серьезную трещину (47).

А китайцы продолжали преподносить советскому руководству все новые сюрпризы. 23 августа 1958 г. Народно-освободительная армия КНР начала обстрел островов у китайского побережья, занятых войсками Гоминьдана. При этом китайцы не предупредили о своих действиях не только Вашингтон, что понятно, но и Москву. Мао говорил в кругу своих приближенных: «Эти острова как дирижерская палочка: пока я ею машу, Хрущев и Эйзенхауэр пляшут». Устраивая провокацию с островами, Мао Цзэдун втягивал руководство США и СССР в опасное балансирование на грани ядерной войны: на этот раз по своему собственному сценарию. В официальном письме в Кремль ЦК КПК предложил Советскому Союзу не объявлять войну Америке даже в том случае, если США применят против КНР тактические ядерные вооружения. Это противоречило советско-китайскому договору 1950 г. Озадаченные Хрущев и остальные члены Президиума написали в Пекин, что такой план действий будет «преступлением перед мировым рабочим движением» и даст врагам «надежду на то, что нас можно расколоть» (48).

Хрущев был готов помогать Китаю в захвате островов, но при условии, что китайцы будут координировать свои действия с Москвой. Напускная бравада Мао Цзэдуна перед лицом ядерной угрозы все больше смущала советского лидера: он подозревал, что дело либо в безответственном догматизме Мао, либо в его «азиатском коварстве». Советского лидера угнетало подозрение, что Мао с ним не считается и, может быть, даже презирует. Хрущев передумал делиться ядерным оружием с китайским союзником. 20 июня 1959 г. Президиум без лишнего шума отменил советско-китайское атомное сотрудничество. Атомная бомба с полным комплектом документации, готовая к отправке по железной дороге в Китай, так и не покинула Арзамас-16. Как вспоминает Трояновский, мысли о Китае не покидали Хрущева (49). Он решил продемонстрировать свою правоту и превосходство на деле. Китайцы закончили обстрел островов, не добившись никаких видимых результатов. Хрущев же, напротив, рассчитывал, что его ракетно-ядерный шантаж позволит ему добиться успеха в Германии и Западном Берлине.

Стратегия дает сбой

Как раз в то время, когда Хрущев предложил одностороннее сокращение советских вооруженных сил, его внешняя политика дала осечку. Первая случилась в Китае, куда советский руководитель поехал в конце сентября 1959 г., сразу же после своей триумфальной поездки по Соединенным Штатам. Очевидно, руководитель СССР действительно считал, что приехал в Пекин триумфатором. Ведь он добился от президента Эйзенхауэра обещания провести в Париже конференцию великих держав по Германии и Западному Берлину. Однако Мао Цзэдун был не намерен мириться со вторым изданием ялтинско-потсдамской «системы» великих держав, исключавшей Китай. Руководители КНР, праздновавшие десятилетие победы китайской революции, решили поучить главу Советского Союза уму-разуму: они обвинили Хрущева в умиротворении американских империалистов и их союзников за счет интересов Китая. К явному удовольствию Мао, Хрущев почти сразу же вышел из себя, и вся встреча вылилась в яростную перебранку. Андрей Громыко и Михаил Суслов, присутствовавшие на этой встрече, пытались вернуть беседу в мирное русло, но все было напрасно. Хрущев вернулся из Китая в плохом настроении, ругая Мао Цзэдуна (50). Он поручил Суслову выступить с докладом о неблагоприятном поведении китайских товарищей на ближайшем пленуме ЦК. Суслов выступил, однако многие коллеги Хрущева из Президиума, большинство советских чиновников, военных и руководителей промышленности не могли себе пред-

ставить, как «коммунисты не могут договориться с коммунистами», и винили во всем Хрущева, его невыдержанность и бестактность.

Критика Мао, однако, заставила Хрущева сомневаться, правильно ли он поступил, положившись на туманные обещания Эйзенхауэра. Не слишком ли велик риск срыва переговоров с Западом? Сокращение армии вызвало острое недовольство в генералитете и среди офицерства. Неясно было, что делать с гигантским военно-промышленным комплексом, с которым были связаны так или иначе до 80 % промышленных предприятий Советского Союза. Старые критики первого секретаря, Молотов, Каганович и Ворошилов, все еще члены партии, не одобряли новых инициатив Хрущева и наверняка ждали их провала. В правительственных кругах и особенно в народе под влиянием массовой пропаганды возникли большие надежды в связи с предстоящей поездкой Хрущева в Париж и намеченным ответным визитом президента Эйзенхауэра в СССР. Если бы встреча завершилась безрезультатно, авторитету первого секретаря в партийной и военной верхушке был бы нанесен невосполнимый урон. Никиту Сергеевича, никогда не отличавшегося умением вести переговоры, опять охватили тревоги и сомнения. А что, если западные лидеры оставят его ни с чем? (51).

1 мая 1960 г. над Уралом советскими ракетчиками был сбит американский самолет-разведчик У-2, летевший из Пакистана в Норвегию для произведения фотосъемки важнейших стратегических объектов на территории СССР. Хрущев ухватился за этот эпизод, чтобы показать не только Западу, но и Китаю, а также собственным военным, что он умеет быть жестким. К его удивлению, Эйзенхауэр публично взял на себя всю ответственность за полет, оправдывая его соображениями национальной безопасности. Хрущев почувствовал себя преданным: американский президент мог бы свалить все на ЦРУ и сохранить доброе имя, но не сделал этого. Вот тебе и партнер на будущих переговорах! Прибыв в Париж, Хрущев отказался встречаться с Эйзенхауэром и потребовал, чтобы тот принес публичные извинения за полет У-2. В противном случае, заявил он, встреча в верхах не состоится, и Эйзенхауэр не сможет приехать в Советский Союз. Президент США извиняться не захотел, и отношения Хрущева с ним были безнадежно испорчены. Все расчеты на то, чтобы снять напряжение между Советским Союзом и Соединенными Штатами, разлетелись в прах. Советский руководитель своими руками уничтожил плоды упорных многомесячных переговоров. Многие советские дипломаты втайне сожалели о провале парижской встречи. Зато министр обороны Малиновский и высшие военные чины не скрывали своего удовлетво-

ния. Казалось, новую доктрину Хрущева можно было забыть и начать вновь укреплять армию и наращивать обычные вооружения (52).

Парижский эпизод выявил презрение Хрущева к дипломатическим условностям: ему было проще громить империализм с международных трибун, чем терпеливо договариваться за переговорным столом. Советский руководитель хотел соглашений с Соединенными Штатами, но идеологически и психологически он не доверял Эйзенхауэру и другим западным политикам. После провала парижской встречи в верхах дипломатическая составляющая доктрины Хрущева лежала в руинах. Советское руководство приняло решение подождать результатов президентских выборов в США в надежде, что у Кремля появится в Белом доме более сговорчивый оппонент.

Кроме того, парижский скандал ясно выявил идеологическую подоплеку международной политики Хрущева. Ему были ножом по сердцу обвинения по его адресу в «уступках империализму», которые шли от Мао Цзэдуна. В январе 1960 г., еще до инцидента с У-2, Хрущев заверил приехавших в Москву делегатов коммунистических партий, что его курс на обуздание угрозы войны и на мирное сосуществование будет означать не меньшую, а большую поддержку национально-освободительных движений в третьем мире. После провала переговоров с западными державами советский руководитель дал полную волю своим революционным инстинктам. Убеденный в том, что советская ядерная мощь поможет ускорить всемирный революционный процесс, Хрущев пошел в поход против колониализма. Он лично возглавил международную кампанию в поддержку национально-освободительного движения в Африке — от Алжира до Конго. Советский специалист по странам третьего мира, Георгий Мирский, вспоминал, что в то время, «когда революционный процесс в странах Запада был заморожен, противоборствующие стороны окопались в своих европейских траншеях по обе стороны “железного занавеса”, а вот мир, освободившийся от колониального господства, мог стать полем маневренной войны, где можно было, используя антиколониальную инерцию, ворваться в “мягкое подбрюшье” империализма, заручиться поддержкой миллионов пробудившихся к новой жизни людей. Это казалось тогда перспективным, многообещающим курсом» (53).

Реанимация «революционной» дипломатии 1920-х гг. почти в духе дипломатии Коминтерна достигла своей кульминации во время памятного визита Хрущева в Нью-Йорк для участия в работе Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре — октябре 1960 г. На этот раз правительство США «из соображений безопасности» не выпустило Хрущева за пределы Манхэттена, и советский руководитель провел там целый месяц, изъездив центр Нью-Йорка вдоль и поперек. Он

развернул кипучую деятельность: предложил отменить должность Генерального секретаря ООН, заменив его «тройкой» представителей от капиталистических, социалистических и нейтральных государств; клеймил на заседаниях ООН колониальную политику западных стран и их сателлитов, воспользовавшись для пущей убедительности своим ботинком, которым стучал по столу; ринулся в Гарлем для встречи с лидером Кубинской революции Фиделем Кастро, который демонстративно поселился в этом негритянском районе. При каждом удобном случае Хрущев ругал американский империализм. В своем послании к членам Президиума он писал, что «настроение у нас неплохое. Ругаем буржуев, капиталистов, империалистов. Ездим, как только возможно, и чем мы больше ездим, тем больше вводим в расход Америку — на горючее, на полицию». Он также добавил, что начинает «считать часы, сколько нам осталось пробыть в этой распроклятой капиталистической стране, в этом логове Желтого Дьявола» — Нью-Йорке. Выходки Хрущева, особенно эпизод с ботинком, повергали в смущение чопорных советских дипломатов (54).

Победа Джона Ф. Кеннеди на президентских выборах в США в ноябре 1960 г. воодушевила Хрущева. Он был рад, что ненавистный ему Ричард Никсон потерпел поражение. К тому же он был убежден, что Кеннеди — легкомысленный, испорченный богатством молодой человек — вряд ли готов к серьезной конфронтации. В то же время Кеннеди вряд ли мог стать «вторым Франклином Рузвельтом», т. е. партнером, с которым можно было бы договориться о завершении глобальной конфронтации. И все же Хрущеву казалось, что, чередуя нажим с переговорами, он сможет принудить молодого президента сменить курс Трумэна — Эйзенхауэра. Его уверенность в этом возросла после первого успешного полета в космос Юрия Гагарина 12 апреля 1961 г. Репутация Кеннеди, напротив, оказалась подмочена провалом операции ЦРУ по высадке отрядов «контрас» на Кубу в районе залива Свиней с целью свергнуть режим Кастро (55). Хрущев не мог упустить такой благоприятный момент, он решил под прикрытием ракетно-ядерного щита вырвать Западный Берлин из-под контроля Запада.

26 мая 1961 г. на заседании Президиума ЦК Хрущев предложил поставить Кеннеди перед фактом: до исхода года Советский Союз подпишет мирный договор с ГДР, и после этого западные державы утрачивают свои оккупационные права на территории Восточной Германии, а Западный Берлин становится «вольным городом» на территории ГДР. Хрущев подчеркнул, что он не угрожает Западному Берлину блокадой, как Сталин. В то же время все авиарейсы и перевозки с территории «вольного города» должны будут контролироваться «суверенной» ГДР. Это в числе прочего положило бы

конец продолжавшемуся бегству на Запад десятков тысяч восточных немцев. Хрущев хотел поставить Кеннеди перед выбором: либо отступить, либо готовиться к ядерной войне из-за «процедурных разногласий» по Западному Берлину. На Президиуме Хрущев признал, что нельзя полностью предсказать, как отреагирует американское правительство: попытка вторжения на Кубу показала, что в Белом доме «нет человека твердого», а решения там скорее «принимаются под влиянием отдельных групп и случайного сочетания явлений». Вместе с тем первый секретарь считал, что «риск, на который мы идем, оправдан». По его словам, вероятность того, что войны не будет, «больше чем 95 %». Американцы не пойдут на войну, зная, что она неминуемо станет ракетно-ядерной. Члены Президиума, к этому времени все назначенцы и подпевалы Хрущева, не возражали ему. Брежнев, Суслов и Громыко выразили ему полную поддержку. Лишь осторожный Микоян заметил, что Соединенные Штаты «могут пойти на военные действия без применения атомного оружия». Но и он, не желая перечить Хрущеву, заявил, что угроза войны минимальна (56). Вдохновленный таким показным единодушием, первый секретарь ЦК КПСС повел себя на встрече с Кеннеди, состоявшейся в Вене 3–4 июня 1961 г., самоуверенно и даже задиристо. Советский дипломат Георгий Корниенко был поражен, когда в неправомерной записи беседы прочел реплику, брошенную Хрущевым американскому президенту: «Если вы развяжете войну из-за Берлина, то уж лучше пусть сейчас будет война, чем потом, когда появятся еще более страшные виды оружия». В ходе правки официальной записи беседы помощники Хрущева опустили эту залихватскую фразу (57).

Многие американские исследователи Берлинского кризиса полагали, что только силовые контрмеры, предпринятые Кеннеди, удержали Хрущева от односторонних действий по Западному Берлину. В доказательство они ссылаются на речь Кеннеди 25 июля 1961 г. В ней президент США объявил о мобилизации резервистов и заявил, что западные союзники будут защищать свои права в Западном Берлине всеми доступными средствами. Историки приводят также речь министра обороны Росвелла Гилпатрика от 21 октября 1961 г., где он впервые авторитетно заявил об огромном преимуществе Соединенных Штатов над Советским Союзом по числу носителей ядерного оружия. «Наша страна обладает ядерными силами возмездия такой смертоносной мощи, — заявил Гилпатрик, — что любой шаг противника, который заставит ввести их в действие, станет для него самоубийственным. По этой причине мы уверены, что Советы не станут провоцировать крупный ядерный конфликт» (58).

В самом деле, Хрущев так и не стал, вопреки угрозам и обещаниям, подписывать односторонний договор с ГДР, несмотря на то что

ему хотелось поддержать режим и суверенитет этого непризнанного Западом государства. Советский лидер сделал это, исходя из собственных соображений. Хрущев по-своему истолковывал поведение американцев, совсем не так, как это хотелось бы Белому дому. Советская разведка неоднократно докладывала кремлевскому лидеру о том, что Пентагон, пользуясь преимуществом США в стратегических вооружениях, разрабатывает план нанесения упреждающего ядерного удара по Советскому Союзу. Но это лишь подогревало его азарт и желание довести игру до победы. Хрущева смущала не решимость Кеннеди, а, напротив, его слабость. В августе 1961 г., на закрытом заседании глав коммунистических партий стран Варшавского договора в Москве, Хрущев вновь пожаловался, что Кеннеди, в отличие от Эйзенхауэра и Даллеса, не может быть предсказуемым партнером в политической игре. Если Кеннеди отступит от края, как это не раз проделывал Даллес, дома «его будут называть трусом» (59).

Но зачем тогда было провоцировать Кеннеди? Непоследовательность Хрущева начала беспокоить даже его союзников и подчиненных. Коммунистические лидеры из стран Варшавского договора, включая Вальтера Ульбрихта в ГДР и Георге Георгиу-Дежа в Румынии, и раньше были недовольны советским руководителем из-за проводимого им курса на десталинизацию. А теперь они начали роптать по поводу хрущевской непоследовательности во внешней политике. Зрело недовольство и среди военных. Олег Пеньковский, высокопоставленный сотрудник ГРУ, а с 1960 г. агент разведок Великобритании и США, сообщал в своих донесениях на Запад о том, что кое-кто из военных роптал: «Был бы жив Сталин, он бы все делал тихо. А этот дурень только грозит и своей болтовней вынуждает наших возможных противников наращивать военную мощь» (60).

Множились признаки того, что политика ракетно-ядерного шантажа себя исчерпала. Удерживать равновесие страхом Хрущеву можно было, лишь демонстрируя все более страшные последствия ядерной войны. А между тем советский ракетный арсенал оставался малочисленным, а строительство укрепленных ракетных шахт для межконтинентальных баллистических ракет обещало растянуться надолго, несмотря на лихорадочную спешку и громадные расходы. В октябре 1960 г. произошла трагедия: новая ракета Р-16 сгорела на стартовой площадке в казахстанском Тюра-Таме в результате самопроизвольного старта двигателей, но прежде всего из-за спешки и вопиющего нарушения техники безопасности. В адском огне погибло 74 человека — конструкторы, инженеры, военные и командующий РВСН маршал Митрофан Неделин. Кремль был готов на любые временные меры без надежного арсенала сдерживания. Генштаб и КГБ соперничали между собой, предлагая диверсии и саботаж против войск США

и НАТО на случай начала ими военных действий (61). 10 июля 1961 г. на совещании с руководителями атомного комплекса и учеными-ядерщиками Хрущев поставил их в известность о решении прервать мораторий на ядерные испытания, которого СССР придерживался с ноября 1958 г. (в ответ на мораторий американцев). Советский лидер с воодушевлением поддержал идею ученых-ядерщиков Андрея Дмитриевича Сахарова и Якова Борисовича Зельдовича испытать новое ядерное «изделие» мощностью в 100 мегатонн. По воспоминаниям Сахарова, Хрущев воскликнул: «Пусть это изделие висит над капиталистами, как дамоклов меч» (62).

Провал переговоров Кеннеди и Хрущева породил в Восточной Германии новую волну слухов о закрытии границы между Западным и Восточным Берлином. Число беженцев в Западный Берлин и оттуда самолетами в ФРГ неудержимо росло. Положение в ГДР ухудшилось настолько, что Ульбрихт предъявил руководству СССР своего рода ультиматум. Он предупредил Хрущева, что если тот еще раз отложит подписание мирного договора и Западный Берлин останется открытым городом, то ситуация может выйти из-под контроля: Советский Союз и коммунистический блок могут «потерять» ГДР. Хрущев уже достаточно имел дело с Кеннеди, чтобы понять, что тот не собирается отказываться от Западного Берлина. В то же время подписание отдельного договора с ГДР, как понимал советский руководитель, могло вызвать ответные меры со стороны Запада. Хрущев боялся не ядерного удара, а болезненных экономических санкций западных стран против ГДР. Кремлевский лидер имел основания считать, что в этом случае экономика Восточной Германии, во многом зависящая от поставок из Западной Германии, просто рухнет и СССР придется спасать своего сателлита ценой огромных затрат; по оценкам специалистов, помощь должна будет составить 400 т золота и по меньшей мере 2 млрд рублей кредитами. Для Хрущева такие расходы были неприемлемы. В качестве выхода из создавшегося положения он решился на строительство стены вокруг Западного Берлина, чтобы остановить «кровопускание» у ГДР и начать восстановление ее экономики, подорванной массовой эмиграцией. 1 августа Хрущев встретился с Ульбрихтом, приехавшим в Москву на очередную встречу коммунистических лидеров, чтобы обсудить ситуацию вокруг Берлина. Глава ГДР сообщил, что в течение двух недель можно подготовиться «технически» к закрытию границы с Западным Берлином. «Проводите это, когда захотите, — дал разрешение Хрущев. — Мы можем пойти на это в любое время». Он добавил: «Если закрыть границу, то и американцы, и западные немцы будут довольны... Все будут довольны. И кроме того, они почувствуют власть».

13 августа 1961 г. весь Берлин был разделен колючей проволокой на две части, и начались работы по возведению постоянной стены из бетона. По мнению Хрущева, Берлинская стена стала своего рода «соломоновым решением». ГДР можно было набраться сил, подготовиться в возможной блокаде со стороны Запада. В то же время Хрущев все еще не отказывался от мысли подписать мирный договор и аннулировать оккупационные права западных держав в Берлине. Советский руководитель был убежден, что экономика Западного Берлина, обнесенного стеной, зачахнет. Он также полагал, что Западная Германия, лишившись своего бастиона на востоке, постепенно перейдет от политики конфронтации к переговорам и экономическому сотрудничеству с советским блоком (63). Хрущев начал по различным каналам предлагать Кеннеди переговоры по Западному Берлину, одновременно продолжая для пущей убедительности бряцать ядерным оружием. В конце августа СССР прекратил соблюдать ядерный мораторий и начал серию испытаний — самых интенсивных в истории советского ядерного проекта. 30 октября, словно отвечая на речь Гилпатрика об американском стратегическом превосходстве, Советский Союз взорвал над Новой Землей за Северным полярным кругом супербомбу поистине чудовищной мощности — в 50 мегатонн. Ее создатели, кстати, были готовы к испытанию «устройства» вдвое большей силы, но возможные разрушения их остановили. Хрущев сообщил съезду партии: «Когда враги мира угрожают нам силой, им должна быть и будет противопоставлена сила, и притом более внушительная» (64).

Несколькими днями раньше, 25 сентября, небольшая стычка между американскими дипломатами и восточногерманскими пограничниками на контрольно-пропускном пункте «Чарли» на Фридрихштрассе в Берлине привела к тому, что США подтянули к этому участку границы свои танки, демонстрируя непризнание суверенитета ГДР и настаивая на своих оккупационных правах. Хрущев немедленно отдал приказ советским танкам также выдвинуться к КПП. Разделенные какой-то парой сотен метров американские и советские танки с ревущими двигателями и нацеленными друг на друга орудиями простояли у КПП «Чарли» всю ночь.

Тем самым, однако, Хрущев показал, что именно он, а не Ульбрихт, контролирует Восточную Германию. И несмотря на грубое советское давление на Запад и нарушение ядерного моратория, советские и американские танки на Фридрихштрассе продемонстрировали, что ситуация в Берлине находится под контролем двух великих держав. В ходе танкового противостояния советский руководитель сохранял полное спокойствие. 26 октября полковник ГРУ Георгий Большаков, друг Роберта Кеннеди, оказавшийся в роли связного между Кремлем и Белым домом, доложил шифровкой из Вашингтона о том, что

президент США желает продолжить переговоры по германскому вопросу и найти компромисс по Западному Берлину. Хрущев приказал отвести танки от КПП «Чарли», и вскоре после этого отошли и американские танки. Однако этот разумный шаг Кеннеди подтвердил предположение Хрущева о том, что президент боится конфронтации и что американцы не начнут войну из-за Западного Берлина (65). Ничто не могло поколебать веру советского руководителя в эффективность своего силового подхода к переговорам с Западом. В январе 1962 г. Хрущев сказал членам Президиума: «Мы должны усиливать нажим». Он сравнил свою политику балансирования на грани войны с наполненной до краев рюмкой. Достаточно следить, чтобы жидкость «через край не перелилась». Хрущев заверил своих коллег в том, что этого не произойдет. Быть может, Кеннеди еще пойдет на уступки под советским нажимом. «Так что эта игра стоит свеч» (66).

Проблема Хрущева заключалась в том, что он заигрался. Революционно-имперская парадигма, которой был привержен советский руководитель, обрекала советскую внешнюю политику на неразрешимые противоречия. С одной стороны, Советский Союз, как в 1920-е гг., поддерживал леворадикальные и революционные движения в Африке, Азии и Латинской Америке, а с другой, искал геополитического примирения с Западом. Хрущев хотел, чтобы западный «империализм» отступил на всех фронтах, включая Западный Берлин, но это было явно несбыточным желанием. Ядерные угрозы Хрущева не могли заменить собой реальные стратегические силы, которых в тот момент у СССР не было. Импульсивные шаги главы советского государства лишь усугубляли сложившуюся ситуацию. Хрущев принимал решения только на основании собственных суждений, фактически без их анализа и критического обсуждения с коллегами по Президиуму, специалистами из МИД, КГБ или Министерства обороны (67). Хуже того, он продолжал смотреть на Кеннеди пренебрежительно, как на молодого, неопытного и слабого политика. На Президиуме ЦК Хрущев сказал, что по германскому вопросу Эйзенхауэр и Кеннеди, наверное, состоят из «одного и того же дерьма». Сахаров запомнил, как Хрущев говорил: «В 1960 году наша политика помогла Кеннеди на выборах. Но на черта нам Кеннеди, если он связан по рукам и ногам?» (68). Казалось, ядерный шантаж избавлял Хрущева от необходимости искать более взвешенные и продуманные подходы к решению международных проблем. Тем временем развитие событий в районе Карибского моря подтолкнуло Хрущева на еще один и крайне опасный шаг. 21 мая 1962 г. он решил направить ядерные ракеты на Кубу.

Кубинский смерч

Кубинский ракетный кризис в октябре — ноябре 1962 г. стал апогеем политики ядерного шантажа. Мир оказался, без преувеличения, на пороге третьей мировой войны (69). Споры о том, почему Хрущев послал ракеты с ядерными боеголовками за тысячи километров от СССР, не прекращаются и по сей день. Некоторые историки связывают рискованную затею Хрущева с желанием сломить сопротивление Запада по вопросу о Западном Берлине (70). Другие утверждают, что ракеты на Кубе должны были помочь СССР одним махом достичь стратегического паритета с США (71). Некоторые историки видят причины кризиса в импульсивном характере советского лидера, который все отчаяннее искал средство преодолеть нарастающие трудности во внутренней и внешней политике. Вильям Таубман пришел к выводу, что для Хрущева «кубинские ракеты были панацеей — правда, панацеей, в конечном счете ничему не помогшей и никаких недугов не исцелившей» (72). Была и еще одна важная причина, которую Хрущев декларировал с самого начала, — защитить Кубу от американской агрессии. Помощь Кубе была связана с верой Хрущева в неизбежную победу коммунизма, в том числе и на Острове свободы в Карибском море. Ядерный шантаж являлся не только политикой, нацеленной на получение Советским Союзом геополитических преимуществ, но и был, по убеждению Хрущева, эффективным инструментом сдерживания американского империализма, средством помочь национально-освободительному движению и в конечном счете способствовать распространению коммунизма во всем мире (73).

Спасти Кубу стало для Хрущева вопросом престижа не только перед лицом зарубежных коммунистических лидеров, особенно тех, кто относился к нему критически. Кубинская революция оказывала громадное влияние на общественное мнение в СССР: не только высшие руководители страны, партийная и военная верхушка, но и широкие слои населения, особенно молодежь и студенты, симпатизировали Фиделю Кастро и его соратникам (74). Чем больше надежд возлагалось в СССР на революции в странах третьего мира, тем сильнее Хрущев ощущал личную ответственность за их успешный исход. Трояновский писал в своих мемуарах, что «над Хрущевым постоянно довлело опасение, как бы США и их союзники не вынудили СССР и его друзей отступить в каком-нибудь пункте земного шара. Он не без оснований считал, что ответственность за это падет на него». Это чувство крепло на фоне критики из Пекина, где Мао Цзэдун обвинял Хрущева в потакании Западу. Историки А. А. Фурсенко и Т. Нафтали нашли свидетельства тому, что эта критика могла сыграть ключевую роль в принятии Хрущевым решения разместить ракеты на Кубе (75).

Хрущев считал, что в скором времени администрация Кеннеди повторит попытку вторжения на Кубу. К этому выводу его подвели донесения разведок, советской и кубинской (76). Рассекреченные архивы американского плана «Мангуста» показывают, что опасения Хрущева были не безосновательны: могущественные круги в администрации Кеннеди действительно хотели «разработать новые и нестандартные подходы, чтобы получить возможность избавиться от режима Кастро» (77).

Искушение подправить стратегический баланс в пользу СССР было также очень велико. По свидетельству Трояновского, Хрущев хотел «хотя бы отчасти» сократить преимущество США по базам и носителям стратегического оружия. В 1962 г. США приступили к развертыванию межконтинентальных ракет «Минитмен» и «Титан», превосходивших качественно и количественно весь мизерный стратегический арсенал СССР. Реальный перевес американцев быстро увеличивался, и это могло подорвать всю хрущевскую политику ядерного давления (78). На Совете обороны первый секретарь доказывал членам Президиума и военным, что «помимо защиты Кубы наши ракеты помогут уравнивать то, что на Западе называют балансом сил». Американцы окружили нас военными базами и держат под ударом всю нашу страну. А тут «американцы сами бы испытали, что означает это положение, когда на тебя нацелены вражеские ракеты» (79). Куба находилась глубоко внутри той зоны, которую США исторически считали сферой своих жизненных интересов. От Кубы до Флориды — рукой подать. Американские вооруженные силы безраздельно господствовали в Карибском море. Все это означало, что доставка и размещение ракет и ядерных боеголовок, а также воинского контингента и обычных вооружений на Кубу должны были осуществляться прямо под носом у американцев. Хрущев выступил в Президиуме с предложением доставить все военные грузы и войска на Кубу в глубокой тайне и лишь затем объявить об этом миру. Если у членов Президиума и Секретариата ЦК и были сомнения, то они о них промолчали. Голосование за план Хрущева было единодушным, о чем свидетельствуют подписи на протоколе решения. Военные дали плану название «Анадырь» — по названию реки и порта на Чукотке. Географическая обманка должна была помочь ввести в заблуждение западную разведку (80).

Администрация Кеннеди не ожидала, что ее враждебные акции против Кубы подвигнут Москву на столь решительный шаг. Американские аналитики исходили из того, что ядерные ракеты никогда не размещались за пределами СССР, и не ожидали такого и в будущем. Они не знали о важном прецеденте: весной 1959 г., в разгар Берлинского кризиса, советские военные разместили в ГДР ракеты средней

дальности вместе с ядерными боеголовками. В августе, когда готовилась поездка Хрущева в США, эти ракеты вернулись на советскую территорию (81). Кстати, этот эпизод подтвердил, что Хрущев использовал ракетно-ядерное оружие не для подготовки к возможной войне, в которую он не верил, а как дополнительный силовой аргумент для принуждения противника к переговорам. После того как Эйзенхауэр пригласил Хрущева приехать в США, необходимость в подобном аргументе отпала.

В июле 1962 г. кубинская делегация во главе с Раулем Кастро прибыла в Москву, чтобы подписать секретное советско-кубинское соглашение о размещении ракет и о других вопросах, касавшихся защиты Кубы. На встречах с кубинцами Хрущев излучал такую самоуверенность, что даже молодые революционеры нашли ее чрезмерной. Если янки и узнают о ракетах раньше, чем будет обнародовано наше соглашение, говорил он кубинским товарищам, то даже тогда беспокоиться не о чем. «Я возьму Кеннеди за яйца. Если будут проблемы, я дам вам знать — это будет вам сигнал, чтобы пригласить Балтийский флот с визитом на Кубу» (82). Но и высшие советские военные, которые втихомолку бранили Хрущева за самонадеянность, не уступали ему в безрассудстве. Маршал Сергей Семенович Бирюзов, командующий РВСН, съездивший на Кубу для того, чтобы провести там рекогносцировку, доложил в Москве, что советские ракеты можно легко спрятать среди кубинских пальм. Это была явная ложь, но военным очень уж хотелось иметь базу в непосредственной близости от главного противника, и они ввели своего верховного главнокомандующего в невольное заблуждение (83). С самого начала план «Анадырь» предусматривал дислокацию на Кубе группы войск, включающей все виды вооруженных сил. На Кубу были отправлены эскадры надводных кораблей Балтийского флота и флотилии подводных лодок. После успешного завершения операции Советский Союз должен был иметь на Кубе 51 тыс. военнослужащих, ракетные и военно-морскую базы (84). Политическая энергия Хрущева и интересы военных придали операции громадное ускорение — уже никто, даже сам Хрущев, не мог остановить реализацию плана «Анадырь»

Атмосферу того времени характеризуют и другие леденящие кровь проекты, которые вынашивались в советском военно-промышленном комплексе. В 1960–1962 гг. руководители советской космической программы, воодушевленные полетами Юрия Гагарина и других космонавтов, стали продвигать идею строительства военных космических станций, способных запускать ядерные ракеты в любую часть территории США. Одним из лоббистов этой идеи был генерал-полковник авиации Николай Петрович Каманин, помощник Главнокомандующего ВВС по космосу. Каманин досадовал, что министр обороны,

главнокомандующий объединенными вооруженными силами Варшавского договора и начальник Генштаба не понимают перспектив милитаризации космоса. 13 сентября 1962 г. Каманин записал в своем дневнике: «Малиновский, Гречко и Захаров упускают наши возможности для создания первыми военной космической мощи – я бы даже сказал, абсолютной военной мощи, которая могла бы содействовать утверждению господства коммунизма на Земле» (85).

В мае 1959 г. на имя Н. С. Хрущева в ЦК КПСС поступила докладная записка с проектом возведения на отмелях по периметру морских границ США и в других стратегически важных пунктах земного шара искусственных островов, которые должны были стать площадками для запуска советских атомных ракет средней дальности. Пакет документов был представлен группой под руководством инженер-майора А. Н. Ирошникова. Авторы данного проекта рассчитывали, что строительство таких островов «в непосредственной близости от жизненно важных центров США» заставит американское правительство «согласиться на переговоры о ликвидации своих авиационных и ракетных баз на территории окружающих СССР государств». Эта записка попала на стол к начальнику Генерального штаба В. Д. Соколовскому, который ее отклонил (86). Испытание 50-мегатонной бомбы в октябре 1961 г. вызвало к жизни и другие немыслимые проекты. Андрей Сахаров, будущий лауреат Нобелевской премии мира, предположил, что такое же устройство можно запускать с подводной лодки в большой торпеде. Позднее, в 1962 г., академик Михаил Лаврентьев написал Хрущеву служебную записку, в которой предложил использовать 100-мегатонное изделие для того, чтобы сгенерировать искусственную волну гигантских размеров, подобно цунами после землетрясения, и направить ее на североамериканское побережье. В случае начала войны с Соединенными Штатами, делал вывод Лаврентьев, это могло бы нанести противнику невосполнимый урон. Кому-то, однако, пришло на ум, что континентальный шельф защитит Нью-Йорк и другие города США от гигантской волны, и проект положили под сукно (87).

16 октября 1962 г. помощники положили на стол Джону Кеннеди фотографии советских ракетных баз на Кубе, сделанные самолетом-разведчиком У-2. Шесть дней спустя, 22 октября, президент США в экстренном заявлении обвинил руководство СССР в развертывании наступательных вооружений на Кубе, потребовал их вывода и объявил «карантин» острова, т. е. его фактическую блокаду. В Москве, быть может, надеялись на то, что американцы, обнаружив советские ракеты, сначала попытаются предложить сделку по-тихому: СССР убирает ракеты с Кубы, а США выводят свои «Юпитеры» из Турции. Казалось бы, все к этому и шло, и вдруг Кеннеди выступил с ульти-

матумом и прижал советское руководство к стене. Разразился международный кризис, невиданный по своим вероятным последствиям. В воздухе запахло ядерной войной. От каждого шага и слова советского и американского руководителей зависела судьба мира. Кеннеди хотя бы имел неделю для обсуждения сложившейся обстановки в узком кругу, втайне от общественности. Хрущев был застигнут врасплох, он лишь за несколько часов узнал о том, что Кеннеди выступит с чрезвычайным заявлением, но ничего не знал о содержании этого заявления (88).

Когда до начала выступления Кеннеди оставалось всего несколько часов, Хрущев созвал чрезвычайное заседание Президиума для того, чтобы обсудить возможные меры в ответ на действия американцев. Он назвал создавшуюся ситуацию «трагической». Советские ракеты, способные держать под прицелом всю территорию США, а также ядерные боеголовки для них, находились на кораблях, еще только плывущих на Кубу. К тому же Кремль упустил возможность своевременно известить мировую общественность о том, что Советский Союз и Куба заключили между собой договор о совместной защите, а значит, у СССР не было законных оснований размещать на острове свои ракеты. Американцы могли попытаться вторгнуться на Кубу или нанести по острову удар с воздуха. «Если мы не применим атомное оружие, — сказал Хрущев, — то они могут захватить Кубу». Разумеется, первый секретарь совершенно не рассчитывал воевать за остров в Карибском море. «Мы хотели припугнуть, сдержать США в отношении Кубы». И вот теперь «они могут на нас напасть, а мы ответим», в заключение сказал он. «Может вылиться в большую войну». Хрущев, как следует из записей, сделанных на Президиуме, не собирался исключать саму возможность применения ядерного оружия — ведь именно в ней и заключалась суть его политики балансирования на грани войны. Военные поддерживали пыл первого секретаря ЦК КПСС. Министру обороны Родиону Малиновскому, Андрею Гречко и другим военачальникам была еще памятна попытка Хрущева пойти на одностороннее сокращение вооружений. Они были уверены, что американцы не останутся перед применением ядерного оружия первыми. Малиновский зачитал членам Президиума проект инструкции генералу И. А. Плиеву, командовавшему советскими войсками на Кубе. Его текст сводился к тому, что если США высадят войска на Кубе, то для отражения их атаки можно применить «все средства», за исключением стратегических ракет с ядерными боеголовками. Последовало обсуждение, во время которого А. И. Микоян попросил военных уточнить, как следует понимать формулировку «всеми средствами»: «Значит, и ракетами, т. е. начало термоядерной войны?» Действительно, на Кубу были ввезены помимо ракет среднего радиу-

са действия для наведения на города США также и тактические ракеты «Луна» с ядерными боеголовками, предназначенные для обороны кубинского побережья. Хрущев заколебался. После длительных споров он согласился внести поправки в инструкцию Плиеву. Никакого ядерного оружия не применять, даже в случае нападения на Кубу (89).

В результате советские стратегические ракеты на Кубе так и не были приведены в боеготовность. В течение всего кризиса их ядерные боеголовки хранились отдельно в специальном месте, в нескольких милях от самих ракет (90). По настоянию Малиновского, Хрущев отдал приказ командирам четырех подводных лодок, каждая из которых имела на борту по одной торпеде с ядерной боеголовкой, приблизиться к берегам Кубы для наращивания советского потенциала «сдерживания». Военные пообещали, что этот маневр можно будет осуществить незаметно для американцев — и в очередной раз просчитались. Из-за нехватки воздуха подводники вынуждены были поднимать лодки на поверхность, где они были обнаружены военноморскими силами США. Командиры и политработники четырех советских подводных лодок, которые пытались пройти сквозь противолодочную оборону США, не имели ясного представления о том, что им делать со своим ядерным оружием, если они будут обстреляны американскими ВМФ или ВВС. Только выдержка моряков предотвратила возможную трагедию (91).

К утру 23 октября Хрущев оправился от первоначального шока. Разведка донесла ему, что президент Кеннеди и его брат, министр юстиции Роберт Кеннеди, также боятся, что ситуация выйдет из-под контроля. 25 октября на заседании Президиума первый секретарь заявил: «То, что американцы перетрусили, нет сомнения». Правда, Хрущев впервые заговорил о том, что ракеты должны покинуть Кубу, но тут же добавил, что это произойдет лишь тогда, когда ситуация достигнет «точки кипения», а пока давление на президента США еще можно продолжить (92).

27 октября, в отсутствие четких разведданных о намерениях Кеннеди, Хрущев решил предложить ему свои условия. В своем закрытом послании президенту США он сообщил, что Советский Союз уберет свои ракеты с Кубы, если Соединенные Штаты уберут «свое аналогичное оружие из Турции». После этого Советский Союз и Соединенные Штаты «дадут обещание Совету Безопасности ООН, что будут уважать целостность границ, а также суверенитет» обеих стран — Турции и Кубы. Хрущев отказался от ядерного шантажа — к огромному облегчению многих влиятельных лиц во внешнеполитических кругах СССР. Как вспоминает в своих недавно опубликованных мемуарах Виктор Израэлян, работавший в Министерстве ино-

странных дел, послание Хрущева было воспринято в кругах МИД «с большим облегчением и удовлетворением. В нем не было пропагандистской крикливости, характерной для предыдущих заявлений. Но главное, оно содержало, как нам всем казалось, достойный и приемлемый для всех сторон выход из кризиса» (93).

Во время второй встречи, проходившей ночью 27 октября, Роберт Кеннеди и Анатолий Добрынин договорились о том, что СССР вывезет ракеты с Кубы в обмен на две уступки с американской стороны: США дадут публичное обещание не вторгаться на Кубу и секретное обещание — убрать свои ракеты из Турции. Роберт Кеннеди объяснил: если информация о ракетном соглашении с Турцией выйдет наружу, это вызовет такую бурю возмущения в США и странах-союзниках по НАТО, что подорвет политическую репутацию президента (94). Договоренность выглядела как вполне справедливый, приемлемый для СССР компромисс. Однако в это самое время произошли события, которые разом разбили надежду Кремля выйти из кризиса с достоинством. По различным разведывательным каналам, в том числе из посольства СССР в Вашингтоне и от советских военных на Кубе, пришли сигналы о том, что американские военные готовят вторжение на Кубу и ситуация может очень быстро выйти из-под контроля. Американские военные самолеты барражировали над советскими базами на минимальной высоте, провоцируя советских военных. В телеграмме Хрущеву, составленной в ночь с 26 на 27 октября, Фидель Кастро советовал советскому лидеру нанести по территории США упреждающий ядерный удар, если окажется, что вторжение американцев на Кубу или их бомбардировка советских ракетных баз неминуемы. В 1992 г. на конференции в Гаване Кастро объяснил, что своей телеграммой он пытался предотвратить «повторение событий Второй мировой войны», когда гитлеровская Германия напала на СССР и застигла советские войска врасплох. Но Хрущев, получив эту телеграмму, пришел в негодование: Кастро явно не понял хрущевской логики балансирования на грани ядерной войны — он предлагал героическую гибель в этой войне (95).

До сознания Хрущева начало доходить, насколько опасна затеянная им адская игра. Глава советского государства всегда считал, что если ядерная война разразится, остановить ее уже не сможет никто. Еще в июле Хрущев с возмущением отклонил новую доктрину министра обороны США Роберта Макнамары, согласно которой ракеты нацеливались не на крупные города, а на военные базы. «Какую цель ставят? — риторически вопрошал Хрущев на Президиуме. И сам же отвечал: — Приучить население, что атомная война будет». И вот теперь с такой доктриной, считал он, американская военщина может убедить Кеннеди начать войну. Хрущев отправил срочную

телеграмму командующему советскими войсками на Кубе генералу Плиеву, в которой «категорически» подтвердил запрет на применение ядерного оружия: и стратегического, и ядерных бомб на самолетах, и тактических ракет «Луна» (96). В тот же день советской ракетой класса «земля — воздух» в небе над Кубой был сбит самолет У-2. Американский летчик, капитан Рудольф Андерсон, погиб. Хрущев узнал об этом в воскресенье 28 октября и первоначально решил, что это Кастро приказал открыть огонь по американским самолетам. Примерно в это же время ГРУ проинформировало Президиум о том, что Кеннеди собирается выступить с очередным телевизионным обращением к нации. Впоследствии оказалось, что это было лишь повторение «карантинной речи» от 22 октября, однако Хрущев подумал, что на этот раз Кеннеди выступит с объявлением войны. Он немедленно решил принять американские условия: в 6 часов утра по московскому времени, всего за два часа до начала речи Кеннеди, советское радио объявило на весь мир об одностороннем выводе «всех советских наступательных вооружений» с Кубы. Разумеется, ни о каком обмене советских ракет на Кубе на американские ракеты в Турции в заявлении не говорилось (97).

Хрущеву ничего не оставалось, как сделать хорошую мину при плохой игре. Он уверял всех, что одержал победу. Он даже попытался оставить на Кубе тактические ракеты, крылатые ракеты и бомбардировщики, уже после того, как их ядерные боеголовки были отправлены назад в Советский Союз (98). 30 октября Хрущев изложил свою версию событий делегатам компартии Чехословакии, оказавшимся в это время в Москве. «Мы знали о том, что американцы хотят напасть на Кубу, — утверждал Хрущев. — И мы, и американцы говорили о Берлине — с одной целью, а именно отвлечь внимание от Кубы: американцы — чтобы напасть на Кубу, а мы, чтобы держать американцев в напряжении и отсрочить их нападение». Затем советский руководитель сказал, что американцы уже готовы были начать крупные маневры на море под кодовым названием ОРТСАК («Кастро», если читать наоборот) с участием 20 тыс. морских пехотинцев — явная подготовка к вторжению на Кубу. «Мы считаем, что незадолго до начала их маневров их разведка засекла наши ракеты на Кубе, и американцы пришли в ярость». Телеграмма от Кастро с предложением нанести упреждающий ядерный удар заставила Хрущева высказать вслух свое мнение о ядерной войне. «Понятно, что сегодня нельзя первым ударом выбить противника из войны. Всегда может быть контрудар, и он будет сокрушительным. В конечном счете есть наземные ракеты, о которых разведка ничего не знает. Есть ракеты на подводных лодках, которые нельзя сразу уничтожить, и так далее. Какой же мы получим выигрыш, если начнем войну пер-

выми? Ведь погибнут миллионы людей, и наша страна погибнет. Только человек, ничего не понимающий в атомной войне, или такой, как Кастро, ослепленный революционной страстью, может предлагать такое». Глава советского государства поспешил прибавить, что не он проиграл эту игру в балансирование на грани войны. «Из сообщений нашей разведки мы узнали, что американцы боятся войны. Через определенных людей они дали нам знать, что были бы рады, если бы мы им помогли выпутаться из этого конфликта». Хрущев закончил свою мысль тезисом, спасавшим его репутацию: ракеты на Кубе «фактически мало что значили с военной точки зрения» и «свою главную службу сослужили» (99).

Шаги от пропасти

В своих мемуарах Микоян заметил, что Карибский кризис начался как чистая авантюра, однако «закончился, как ни странно, очень удачно» (100). Что он хотел этим сказать? Оба руководителя — и Кеннеди, и Хрущев — заявляли о своей победе. И все же оба почувствовали отрезвляющее дыхание смерти. Заглянув на миг в ядерную пропасть, они поняли, что логика ядерного шантажа, как бы тщательно он ни был просчитан, может рано или поздно привести к катастрофе. Они также осознали, что в кризисной ситуации, где действуют сотни тысяч военных всех рангов, кто-нибудь может преднамеренно или случайно нажать курок (101). Трояновский, находившийся рядом с Хрущевым все дни октябрьского противостояния в Карибском море, вспоминал, что этот кризис имел «огромное воспитательное значение для обеих сторон и обоих лидеров. Он, пожалуй, впервые дал почувствовать не в теории и не в ходе пропагандистской полемики, а на практике, что угроза ядерной войны и ядерного уничтожения — это реальная вещь, и, следовательно, надо всерьез, а не на словах искать пути к мирному сосуществованию». Хрущев кардинально изменил свое мнение о президенте США. Теперь он увидел в Кеннеди серьезного партнера по переговорам, а не легкую мишень для устрашения (102). Это было началом взаимного движения в сторону американско-советской разрядки напряженности, которая, несмотря на многие препятствия, все же наступила десять лет спустя.

Исход кубинского ракетного кризиса означал бесславный конец хрущевских надежд добиться прорывов во внешней политике с помощью ядерного шантажа. Внешне общественный резонанс кризиса в Советском Союзе казался минимальным, и большинство советских граждан, привыкших к известиям о «новых провокациях американской военщины против Острова свободы», в октябре 1962 г. не страдали от бессонных ночей. Испуг пришел тогда, когда было объявлено

об окончании самой острой фазы кризиса. На деле, однако, советско-партийные верхи были потрясены тем, что произошло. Информированные чиновники во время событий в Карибском море отправляли свои семьи за пределы Москвы. А когда Хрущев сделал доклад по итогам кубинского кризиса на очередном пленуме ЦК КПСС, некоторые из делегатов пришли в ужас от услышанного. Первый секретарь компартии Украины Петр Шелест в ноябре 1962 г. записал в своем дневнике: «Мы-таки стояли на грани войны. Одним словом, создали обстановку невероятной военной напряженности, затем как-то начали из нее выпутываться — и в этом показываем свои “заслуги” и чуть ли не “победу”. А народ-то верит в наше благоразумие...» (103).

Кубинский ракетный кризис (в советской прессе его окрестили «Карибским») положил конец хрущевским ультиматумам в отношении Западного Берлина. Еще в июле 1962 г. казалось, что советский руководитель намерен усилить свой нажим на западные державы по Берлинскому вопросу. Если бы советские ракеты и войска остались на Кубе, то Хрущев получил бы огромное психологическое и политическое преимущество над Кеннеди. Но, напуганный кризисом, Хрущев отверг все предложения о том, чтобы ответить на американские действия против Кубы блокадой Берлина (104).

К своему несчастью, Хрущев не мог обнародовать секретное соглашение с Кеннеди о выводе американских ракет из Турции. Американские СМИ праздновали победу президента Кеннеди, в то время как в СССР репутации Хрущева был нанесен катастрофический урон. Военные и дипломаты высшего звена были убеждены, что у Хрущева сдали нервы и он поспешил с принятием американского ультиматума, не выставив никаких встречных условий. Переговоры, которые вели заместитель министра иностранных дел СССР Николай Кузнецов и американский представитель в ООН Эдлай Стивенсон, а также личный представитель Кеннеди Джон Макклой, усугубили это впечатление. Американцы пресекали любые поползновения советской стороны сохранить лицо. Ссылаясь на расплывчатую формулу Хрущева о выводе всех «наступательных вооружений» (Кремль в публичных выступлениях упорно отказывался упоминать о присутствии советских ракет на Кубе), американские переговорщики добились того, что СССР должен был убрать с острова все системы вооружений, включая даже бомбардировщики Ил-28, которые Москва ранее обязалась оставить кубинцам (105). В московских коридорах власти многие считали, что Хрущеву вообще не нужно было посылать ракеты на Кубу, но раз уж он это сделал, то не должен был отступать. Для советских военных развязка кризиса была оскорбительна, особенно негодовали моряки, которым пришлось ретироваться с Кубы «под-

жав хвост» под унижительным присмотром американских кораблей ВМС и авиации (106).

Для кубинского руководства и недругов Хрущева в Пекине развязка кризиса выглядела малодушной капитуляцией. Хрущев объявил о выводе советских вооруженных сил с Кубы, даже не уведомив об этом Кастро. Он также не мог рассказать кубинскому лидеру о своем соглашении с Кеннеди об «обмене» ракет, справедливо опасаясь того, что вспыльчивый Фидель увидит в этом сделку за счет Кубы и расскажет об этом секрете всему миру. Кастро, в свою очередь, считал, что Хрущев предал лично его и дело революции. Когда Хрущев в разговоре с Кастро, приехавшим весной 1963 г. в Москву мириться, случайно проговорился о ракетном обмене с Кеннеди, кубинский лидер был вне себя от злости и унижения (107).

Карибский кризис еще долго напоминал о себе; никогда больше советские руководители не решались на прямой военный конфликт с Соединенными Штатами. После сурового кубинского урока кремлевские руководители стали гораздо серьезнее относиться к идее контроля над вооружениями. Высшие военные круги и руководители гигантского военно-промышленного комплекса, в том числе атомный министр Ефим Славский и председатель военно-промышленной комиссии Дмитрий Устинов, продолжали выступать против любых ограничений в области военного развития. Однако ученые-ядерщики, к мнению которых прислушивались в Кремле, подготовили почву для сдвига в сознании руководителей страны. Многие из этих ученых с сочувствием относились к международному движению за запрещение ядерного оружия. Игорь Курчатов с конца 1950-х гг. и до самой своей смерти в феврале 1960 г. отстаивал в коридорах власти идею моратория на ядерные испытания (108). В начале 1963 г., когда и Хрущев, и администрация Кеннеди вернулись к соглашению о частичном запрете на испытания, решающими аргументами в пользу такого соглашения стали доводы ученых-атомщиков. Виктор Адамский, член теоретической группы Сахарова в ядерной лаборатории Арзамас-16, написал записку на имя Хрущева, в которой убеждал его принять условия, которые были ранее предложены американцами, но отвергнуты Москвой: проводить испытания только под землей. Сахаров одобрил это письмо и на другой же день вылетел в Москву, чтобы показать его Славскому. Министр согласился передать послание в руки Хрущеву. Ученым удалось подобрать нужные слова, притом такие, что Хрущев остался доволен. Несколько дней спустя Славский сообщил Сахарову о том, что Хрущев согласился с их рекомендацией (109).

В то время советское руководство категорически возражало против присутствия на советской территории инспекторов из НАТО,

проверяющих соблюдение условий договора о запрещении ядерных испытаний. Тот же Хрущев, который обличал в своих воспоминаниях сталинскую шпиономию, справедливо считая ее «болезнью», будучи у власти всячески противился инспекционным проверкам. Первый секретарь говорил коллегам по Президиуму, что даже две или три инспекции — а это тогда была советская позиция в переговорах с Соединенными Штатами — будут означать, что Советский Союз «запустит к себе шпионов». Даже если западные державы согласятся на инспекцию на своей территории, «нам этого не надо». К началу 1963 г. советской атомной программе уже больше не требовалось проводить широкомасштабных испытаний для создания стратегического арсенала и достижения паритета по стратегическим вооружениям с Соединенными Штатами. Главным же было то, что частичный запрет на ядерные испытания не предполагал инспектирования на местах. Когда вопрос об инспекциях отпал, исчезло и последнее препятствие на пути к соглашению. 5 августа 1963 г. переговоры между США, Великобританией и СССР закончились тем, что в Кремле был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Сын Хрущева вспоминает, что руководитель СССР был «чрезвычайно доволен, даже счастлив» такому соглашению (110).

Тем временем Хрущев открыто выступил против «революционной» фразеологии Китая в вопросах о войне и мире (111). В своей речи на заседании Верховного Совета в декабре 1962 г. он высмеял представление китайцев об империализме как о «бумажном тигре». «Бумажный тигр, — сказал он, — имеет атомные зубы, и с этим шутить нельзя». В июле 1963 г. советское руководство решилось «публично скрестить шпаги с китайцами»: на проходящей тогда встрече глав стран Варшавского договора в Бухаресте главной целью для Кремля было заручиться поддержкой союзников по Варшавскому договору в борьбе против Пекина. В посольстве США пришли к верному выводу: «согласие СССР подписать договоренность о частичном запрете на ядерные испытания» можно объяснить прежде всего «необъявленной войной», которая разразилась между Москвой и Пекином весной 1963 г. Хрущев уже не боялся потерять лицо перед китайцами, заключив договор с «империалистами» (112).

Этот вывод американцев, кстати, породил один из самых странных эпизодов в истории советско-американских отношений. В ходе консультаций и обмена мнениями с Хрущевым по вопросу о запрещении ядерных испытаний администрация Кеннеди намеками, а иногда и в открытой форме предлагала объединить усилия для того, чтобы помешать ядерной программе Китая. 15 июля Кеннеди дал указание Авереллу Гарриману, который вел переговоры в Москве, «выяснить,

каковы взгляды Х[рущева] на меры по ограничению или предотвращению разработки Китаем ядерного оружия, и уточнить, готов ли он сам действовать или допустит, чтобы США предприняли шаги в этом направлении». Это была едва завуалированная попытка выяснить, как отреагирует Москва на идею превентивного удара по центрам разработки ядерного оружия в Китае. В период между 15 и 27 июля Гарриман и другие представители США несколько раз встречались с Хрущевым и обсуждали с ним этот вопрос. Однако к их разочарованию «Хрущев и Громыко не проявили никакой заинтересованности и неоднократно фактически уходили от разговоров на эту тему» (113). Американцы вышли со своим предложением в самый неподходящий момент. Как раз в это время в Москве проходила встреча Организации Варшавского договора, и между СССР и Китаем состоялась закрытая двухсторонняя дискуссия по идеологическим вопросам. Хрущев, сам пленник идеологических представлений, никак не мог бы пойти на тайный союз с Вашингтоном против строптивного, но все же «братского» Китая (114).

Хрущев действовал на международной арене с редким для холодной войны оптимизмом. Этот оптимизм был порожден преувеличенным представлением советского лидера о возможности использовать ядерное оружие как инструмент политики. Хрущевский ядерный шантаж поражает своей бесхитростностью и вместе с тем агрессивностью. Хрущев считал, что эта агрессивность оправдана, поскольку верил в неотвратимость победы коммунизма и стремился ускорить эту победу, делая крупные ставки в рискованной игре. Вместе с тем его игра была построена скорее на импровизации, чем на стратегическом расчете. Бывший крестьянин из Калиновки был хорош в атаке, но не мог закрепить свой успех на дипломатическом поприще. Природный ум не спасал Хрущева от бестактных и грубых выпадов, а быстрая реакция не могла заменить тщательно продуманной стратегии. После нескольких удачных лет фортуна отвернулась от Хрущева. Казалось, первый секретарь был на пороге дипломатических договоренностей с западными странами, но всякий раз его идейные шоры, а главное, резкие колебания между самонадеянностью и неуверенностью в своих силах побуждали его хлопнуть дверью и уйти с переговоров. К тому же советский руководитель так и не смог сформировать для своей страны ясную и последовательную ядерную стратегию. В советском военном и политическом мышлении образовался огромный зазор: в то время как политическое руководство пришло к выводу о том, что ядерное оружие является средством предотвращения войны, официальная военная доктрина делала установку на «победу» в ней любой ценой. На внутренних совещаниях даже после Карибского кризиса глава Генерального штаба Матвей Захаров, министр оборо-

ны Малиновский и командующий РВСН Сергей Бирюзов продолжали исходить из того, что исход войны между сверхдержавами будет решен массированными ядерными ударами. В то же время военные явно опасались, что непредсказуемый Хрущев опять выступит с очередным планом резкого сокращения обычных вооружений. 7 февраля 1963 г. на внутреннем собрании высшего военного командования Малиновский выступил с докладом «О характере и первоначальном периоде термоядерной войны». Министр обороны сказал, что Советскому Союзу необходимо сохранить и развивать все виды вооруженных сил, учитывая «возможность возникновения локальных войн без применения ядерного оружия», например в Южном Вьетнаме. Кроме того, даже «в термоядерной войне» необходимо «добивать остатки войск противника и закрепляться на занятой территории». Неудивительно, что после снятия Хрущева в октябре 1964 г. его преемники погонятся за численным паритетом с войсками США и стран НАТО — это решение повлечет за собой огромные расходы и в конечном счете приведет к перенапряжению советской экономики (115).

Угрозы Хрущева Западу и военная доктрина о победе в ядерной войне, которую он навязал вооруженным силам СССР, легли долгой и мрачной тенью на советско-американские отношения. Ядерный шантаж, бравирование ядерной мощью произвело сильное впечатление на политическое руководство и аналитиков США. Преемникам Хрущева понадобились двенадцать лет осторожной дипломатии и чрезвычайно дорогостоящего наращивания вооружений, прежде чем они вышли на тот уровень переговорных отношений с западными державами, который существовал в 1960 и 1961 гг., когда Хрущев хлопнул дверью на переговорах с Эйзенхауэром и Кеннеди. Но даже годы разрядки не могли загладить осадок, оставленный опытом ракетно-ядерной конфронтации. Память о том, как советский лидер пытался загнать Кеннеди в угол на саммите в Вене, связывала последующих американских президентов на советско-американских переговорах: они боялись выглядеть «слабыми», уступающими давлению из Кремля. Любые действия СССР, связанные с Кубой, продолжали вызывать у американцев аллергию — это стало причиной напряженности в советско-американских отношениях в 1970 и 1979 гг. До конца холодной войны влиятельные политики правого толка в США использовали в своих пропагандистских целях публикации хрущевской поры, в том числе и «Военную стратегию». Эти публикации помогали им убедить американское общественное мнение, что Советский Союз действительно готов развязать ядерную войну и одержать в ней победу.

Глава 6

БРОЖЕНИЕ В ТЫЛУ, 1953–1968

Советский образ жизни способен порождать своих врагов. Сам способен порождать и воспитывать, кормить и содержать своих противников...

*Из дневника историка Сергея Дмитриева,
октябрь 1958*

В Карибском море бушевал ракетный кризис, поставивший мир на грань ядерной войны, но круги московской и ленинградской интеллигенции в эти дни были поглощены совсем другим событием. Не только литературная элита, но и простые советские читатели стремились раздобыть свежий номер литературного журнала «Новый мир», где был напечатан рассказ Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» о русском мужике, отбывавшем многолетнее заключение в сталинском лагере (1). Появление этого рассказа в подцензурной советской печати было воспринято многими как чудо и обещало глубокие сдвиги в литературе, культуре и политической жизни советского общества. Многие люди, в том числе среди официальной «советской интеллигенции», начали говорить то, что думали. Казалось, повеяло свежим воздухом, и либерализация стала необратимым явлением. В тылу советской империи назревало брожение.

Это брожение имело огромное значение для хода и исхода холодной войны. Ведь эта война была не просто геополитической схваткой двух сверхдержав: в клинче сошлись противоположные социально-экономические системы, борьба шла в области культуры и идеологии. По сути, заключает английский историк и писатель Дэвид Кот, в баталиях холодной войны обе стороны «оспаривали общее наследие европейского просвещения». Соотношение сил в этой схватке определялось не количеством дивизий, а «всемирным триумфальным ростом влияния печати, кинематографа, радио и телевидения, а также распространением общедоступных театров и коцертных залов — особенно в СССР» (2).

Конфронтация с Советским Союзом оказала сильное воздействие на американское общество. Пытаясь продемонстрировать привлекательность американского капитализма, реагируя на мощное движение против колониализма, на популярность СССР в третьем мире, США были вынуждены принять законы, запрещающие расовую дискриминацию и сегрегацию, резко увеличили государственное финансирование образования. Следующим шагом были дорогостоящие программы социальной помощи беднейшим слоям населения. Сдвиги в культуре и изменения в общественном сознании после спада «маккартизма» начали влиять на приоритеты американской внешней политики (3). Не менее глубокое взаимовлияние холодной войны и социально-экономического развития имело место и в СССР. Новый внешнеполитический курс и разоблачение Хрущевым культа личности Сталина на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. происходили на фоне стремительных изменений в советском обществе: массового переселения из сел в города, получения всеобщего среднего образования, роста потребительских и культурных запросов людей, их большей мобильности и большего доступа к информации. Если при Сталине, несмотря на громадную социальную мобильность, улучшение условий жизни касалось лишь столичных элит и отдельных групп в военно-промышленном комплексе, то со второй половины 1950-х гг. миллионы советских граждан получили шанс на лучшую, более устроенную и цивилизованную жизнь. Сменившим Сталина правителям, особенно Хрущеву, хотелось показать всему миру, что советскому строю по силам создать счастливое общество, в котором живут творческие и высокообразованные люди. Соперничество с Соединенными Штатами вынуждало советское руководство развивать науку и промышленные технологии, увеличивать количество высших учебных заведений, а также предоставлять ученым и инженерам больше возможностей для творчества и самореализации. С 1928 по 1960 г. численность студентов высших учебных заведений возросла в 12 раз и достигла 2,4 млн человек. Количество специалистов с высшим образованием увеличилось за те же годы с 233 тыс. до 3,5 млн человек (4).

Хрущев и другие члены Президиума ЦК осуществили переход на восьмичасовой рабочий день и шести-, а затем и пятидневную рабочую неделю. Были резко сокращены прямые налоги, особенно с крестьянства. Значительно возросли государственные инвестиции в жилищное строительство, образование, детские сады и ясли, учреждения культуры и систему здравоохранения. Кроме того, власти приступили к созданию современной городской инфраструктуры с электричеством, водопроводом и горячей водой круглый год. Началось строительство новых предприятий легкой промышленности,

чтобы удовлетворить гигантский спрос на жилье и товары массового потребления — спрос, который государство игнорировало несколько десятилетий. По словам российского историка Елены Зубковой, «казалось, политика правительства в самом деле повернулась навстречу людям» (5). К началу 1960-х гг. государственные социальные программы и быстрый рост экономики вызвали волну оптимизма в обществе, особенно в среде студенческой молодежи и профессионалов — врачей, преподавателей, инженеров, ученых. Возникал многочисленный, молодой и хорошо образованный «средний класс», с иными запросами, чем у старшего поколения советских людей (6).

Культурная «оттепель» и начатая Хрущевым кампания по развенчанию культа личности Сталина наложили неповторимый и противоречивый отпечаток на модернизацию советского общества в 1950–1960-е гг. Гнетущее единообразие, отличавшее культуру позднесталинской поры, уходило в прошлое. По мере того, как советские граждане избавлялись от страха, общественная жизнь расцветивалась различными оттенками мнений и интересов. Росло пассивное сопротивление непопулярным мерам властей, начали возникать «оазисы», где люди могли думать и творить вопреки запретам официальной идеологии и культуры (7).

Изменения в советском обществе после смерти Сталина были замечены западными наблюдателями, но споры о смысле этих изменений продолжаются и по сей день (8). Американский историк Джереми Сури считает, что десталинизация в советском обществе породила протестное движение, которое вместе с протестными движениями, возникшими в других странах Европы в конце 1960-х гг., бросило вызов правилам и нормам — всей практике — холодной войны. Под угрозой этого протеста, считает Сури, в 1970-е гг. кремлевское руководство, как и политики Запада, было вынуждено проводить политику разрядки — по сути, консервативный курс, ориентированный на снятие напряжения в обществе (9). С этим обобщением трудно согласиться: оно сильно преувеличивает протестный потенциал, имевшийся в СССР, и игнорирует другие, более важные причины, породившие разрядку. Развитие послесталинского общества шло по советским, т. е. государственно-коллективистским рельсам, и впоследствии именно это обстоятельство породило трудноразрешимые для партийных реформаторов проблемы.

Внешняя политика Советского Союза имела свою динамику, лишь опосредованно связанную с переменами во внутренней жизни. Вместе с тем появление в советском обществе людей, мыслящих и чувствующих по-другому, не могло со временем не оказать влияния на международную политику СССР. Не поняв процессы и парадоксы первого послесталинского десятилетия, нельзя объяснить обвальную

перестройку Михаила Горбачева и внезапный «выход» Советского Союза из холодной войны. Хрущевская «оттепель» породила в советском обществе новые водоразделы, особенно в образованной части общества. Хрущев хотел сокрушить культ личности Сталина, но в народе этот культ остался, а общество разделилось на «сталинистов» и «антисталинистов». При Хрущеве был сохранен железный занавес, однако в нем появилось немало лазеек, в первую очередь для самой же номенклатуры и привилегированных элит. Советские граждане разделились на «выездных» и «невыездных», и все большее число советских людей могло проводить все более невыгодные сравнения между уровнем жизни большинства в СССР и в странах Запада.

В этой главе автор не претендует на то, чтобы воссоздать общую картину изменений в советском сознании после смерти Сталина. В книге не рассматриваются настроения в ключевых группах советской бюрократии (военнослужащих, сотрудников спецслужб, партийной элиты), а также среди рабочих, представителей различных национальностей, ветеранов войны. Мое внимание сосредоточено на культурно и интеллектуально значимых кругах и группах советского общества. Под ними я понимаю прежде всего дружеские компании и другие сетевые сообщества образованных слоев, которые возникли в конце 1950-х гг. в Москве, Ленинграде и ряде крупнейших городов СССР и которые 30 лет спустя сыграли центральную роль в драме завершения холодной войны. Членами этих дружеских компаний были художники и писатели, ученые и интеллектуалы, а также связанные с ними «просвещенные» партийные аппаратчики, жившие преимущественно в Москве и позже именовавшие себя «шестидесятниками». Эти люди, чье мышление разительно изменилось в течение десятилетия после смерти Сталина, были жизненно заинтересованы в реформах и либерализации советской системы, но при этом оставались — за очень небольшим исключением — в рамках советского мирозерцания и общественного менталитета. Их совместными усилиями была подготовлена почва для радикального сдвига в советской внешней и внутренней политике, который произошел в правление Михаила Сергеевича Горбачева в 1985–1989 гг.

«Оттепель»

Сталинский режим формировал интеллектуальную жизнь страны и ее культуру, приспособляя их к интересам и нуждам советской империи. Результаты этой формовки оказались впечатляющими и долговечными — они пережили самого Сталина и даже Советский Союз, продолжая оказывать воздействие на общество в современной России. Еще в 1930-е гг., готовясь к будущей войне, Сталин и его

окружение стали внедрять в сознание культурных элит и широких масс идею о необходимости служить интересам великой страны, проявлять бдительность к внутренним врагам и быть готовым дать отпор врагам внешним. В конце 1940-х гг., когда Сталин уже готовился к решающей схватке с Соединенными Штатами, содержание советской пропаганды и культурной политики лишилось и намек на былой революционный интернационализм. В основу официальной советской пропаганды был положен великорусский державный шовинизм, абсолютный приоритет русской культуры и постулат о главенствующей роли Советского Союза в международных делах (10).

Сталин выступал в качестве верховного редактора всей советской культуры: он лично формулировал официальные установки для коллективного самосознания, определял, в чем заключаются духовные ценности советского общества и во что людям следует верить и что осуждать (11). Ни при одном режиме новейшего времени, за исключением, быть может, нацистской Германии с ее мощным пропагандистским аппаратом, политическое руководство страны не уделяло столько внимания производству культуры, не направляло столь значительные средства на это производство. Некоторые избранные учреждения культуры в СССР, такие как Большой театр и ведущие музеи Москвы и Ленинграда, пользовались необыкновенной щедростью государства. Сталин культивировал и пестовал элиту литераторов — писателей, поэтов, драматургов, — которых он называл «инженерами человеческих душ». В 1934 г. при непосредственной поддержке Сталина Максим Горький создал Союз писателей СССР, члены которого стали частью государственного аппарата пропаганды и культуры, привилегированным классом на полном содержании. Признанные властью писатели издавали свои книги многомиллионными тиражами. Обласканные властью художники и скульпторы становились миллионерами, получая огромные гонорары за выполнение государственных заказов. Мария Зезина, российский историк культуры, отмечает, что к моменту смерти Сталина «подавляющее большинство творческой интеллигенции было искренне предано советской власти и не помышляло ни о какой оппозиционности» (12).

При этом тысячи писателей, музыкантов, художников и других талантливых людей культуры подверглись чисткам и репрессиям, погибли в сталинских лагерях или отбыли там длительные сроки заключения. Серп террора и цензуры безжалостно выкашивал обильную культурную ниву русского Серебряного века, которая в конце концов почти перестала плодоносить. К 1953 г. вместо великолепия и многообразия интеллектуальной и артистической жизни, вместо богемных поисков и экспериментов, свободы творчества в стране повсеместно воцарились эстетический конформизм и серость, страх

перед новаторством, удушливая самоцензура. Авангардное искусство было запрещено как «формалистское» и «антинародное». Все деятели культуры должны были следовать официально подтвержденной в 1946–1948 гг. декретами ЦК доктрине социалистического реализма. Советская литература, в соответствии с идеологической установкой Сталина, должна была создавать и поддерживать мир кривых зеркал. Советские люди были окружены искусственной атмосферой фальшивого оптимизма и шовинизма, где убогие условия жизни объявлялись «раем для рабочих и крестьян», а окружающий мир — враждебным и пребывающим в вечной нищете. Доктрина соцреализма не просто являлась составной частью господствующей идеологии. Она задавала рамки всем видам культурного процесса, пронизывала всю иерархию «творческих союзов» сверху донизу и была доминантой цензуры и самоцензуры (13). Приближенные к власти деятели культуры вели между собой жестокую борьбу за допуск к государственным средствам и привилегиям, делились на негласные фракции, подсиживали друг друга, занимались интригами и доносами. Все это привело к стремительному падению не только количества, но и качества «культурного производства» в Советском Союзе.

В области науки вмешательство Сталина дало противоречивые результаты. С одной стороны, вождь выдвигал молодые талантливые кадры для осуществления программ ракетно-ядерных вооружений, доверял им решение важнейших задач и не жалел вознаграждения в случае успеха. Игорь Курчатов, назначенный научным руководителем атомного проекта, записал для себя после встречи со Сталиным в январе 1946 г.: «Основные впечатления от беседы. Большая любовь т. Сталина к России и В. И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране». Советские ученые и университетские профессора после 1945 г. наряду с признанными литераторами и художниками стали привилегированной кастой: их зарплата была резко увеличена и стала значительно больше средней заработной платы в СССР. Вместе с тем прямое и принимавшее зачастую болезненные формы вмешательство кремлевского вождя в научные дискуссии, например в области биологии, помогло клике псевдоученого Трофима Лысенко уничтожить советскую генетику и на долгие годы стать монополистами в нескольких областях исследований, щедро финансируемых государством. Торжество лысенковщины, монополизма в науке, привело к запрету на другие виды исследований, включая кибернетику и формальную лингвистику (14).

Существенно повлиял на все стороны интеллектуальной и культурной жизни страны и антисемитизм, ставший к исходу 1940-х гг. государственной политикой в СССР. Своего апогея антисемитская

кампания достигла в январе 1953 г., когда разгорелось «дело кремлевских врачей», инспирированное Сталиным. Во всех советских газетах сообщалось об аресте «группы врачей-вредителей» и раскрытии сионистского заговора. «Кремлевские врачи» обвинялись в связях с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией, созданной американской разведкой», и в том, что «врачи-убийцы» ставили своей целью «путем вредительского лечения» сократить жизнь активным деятелям политического и военного руководства Советского Союза. Многие считали, что Сталин в любой момент может отдать приказ о депортации советских евреев на Дальний Восток. Эта кампания глубоко деморализовала образованную часть общества, разделила людей на пострадавших и тех, кто участвовал в антисемитском шабаше. С 1920-х гг. среди советских служащих, в кругах интеллигенции и в научно-профессиональной среде было очень много людей еврейского происхождения; для многих из них антисемитская кампания стала отправной точкой для сдвига в сознании, возникновения антисталинских настроений и даже для сомнений в основах советского строя (15).

Надежды на либерализацию и улучшение жизни в стране, которые вынашивали лучшие представители интеллектуально-культурной элиты после окончания Второй мировой войны, вернулись после смерти Сталина. Проницательные наблюдатели уже понимали, что сталинская политика в культурной, интеллектуальной и научной сферах завела СССР в тупик (16). И хотя после похорон вождя политическая система страны, как и основные механизмы государственного контроля над образованием, культурой и наукой, не претерпели существенных изменений, все же «охота на ведьм» в лице «безродных космополитов» прекратилась, а погромным речам в средствах массовой информации был положен конец. Прекратилась и безудержная пропаганда неизбежной войны с капитализмом, одобренная русским шовинизмом. Новое советское руководство стало призывать к восстановлению «социалистической законности». С марта 1953 г. в стране происходили разительные перемены: началась реабилитация бывших политзаключенных, первые группы которых стали возвращаться из сталинских лагерей. Страх перед органами госбезопасности, всепроникающая власть «сексотов» и анонимных доносов начали убывать. Наступило время культурной оттепели.

Никита Сергеевич Хрущев не годился на роль Великого учителя, властителя народных дум, таинственного кремлевского затворника. Новый руководитель страны нарушал все мыслимые каноны «культурной» речи, зачастую выглядел нелепо и вел себя сумасбродно. Не было и речи о том, чтобы такой человек взял на себя задачу руководства советской культурой. Весной 1957 г. Хрущев попытался найти

общий язык с советскими писателями и артистами и пригласил их на правительственный «пикник», организованный на цэковской даче Семеновское в Подмоскowie. Однако первый секретарь явно перебрал со спиртным. Хуже того, Хрущев то пытался учить писателей уму-разуму, то стремился нагнать на них страху. В отличие от Сталина, Хрущев не сумел внушить страх, а скорее стал посмешищем. Многие из приглашенных чувствовали себя и озадаченными, и униженными тем, что ими взялся командовать полубразованный мужик. Получила известность фраза, сравнивавшая Хрущева со Сталиным явно в пользу последнего: «Был культ, но была и личность» (17).

Осенью 1953 г. в журнале «Новый мир» вышли литературные заметки Владимира Померанцева, в которых содержалась простая мысль: описывая в своих произведениях окружающую действительность или выражая собственные мысли, автор должен быть искренним. Искренность, писал Померанцев, — это основное слагаемое дара, которым наделен писатель. Заметки «об искренности в литературе» были первым камешком в огород соцреализма, первой попыткой заявить о лживости сталинской культуры. Померанцев несколько лет прожил за пределами СССР, работал в Советской военной администрации в Германии. Возможно, именно поэтому, в отличие от многих коллег по писательскому цеху, он не был скован самоцензурой и страхом (18). В течение 1954 и 1955 гг. в студенческих общежитиях Москвы, Ленинграда и других городов не затихали споры об «искренности» в литературе и жизни, которые быстро перерастали в дискуссии о существующем разрыве между постулатами официальной идеологии и советской действительностью. В этих спорах принимали участие будущие диссиденты, студенты из Восточной Европы, которых тогда было много в советских университетах, и будущие работники партийного аппарата. В их числе были два студента, деливших комнату в общежитии МГУ на Стромынке: чех Зденек Млынарж, впоследствии видный коммунист-реформатор и деятель Пражской весны 1968 г., и Михаил Горбачев, ставший спустя три десятилетия последним генеральным секретарем ЦК КПСС.

Элита советской творческой интеллигенции — театральные деятели, кинорежиссеры, главные редакторы литературных журналов, адвокаты, историки и философы — хотела определить пределы дозволенного в обстановке быстрых перемен. Многие из них были членами партии, но жажда новизны, успеха и свежих идей побуждала их заходить за рамки партийных предписаний и неписаных норм (19). Писатель Илья Эренбург, чья деятельность при Сталине во многом способствовала созданию положительного образа Советского Союза в глазах «прогрессивной интеллигенции» на Западе, написал роман «Оттепель», давший название новой эпохе. Поэты Александр

Твардовский и Константин Симонов преобразовали литературный журнал «Новый мир», и в этом издании стали регулярно печататься талантливые произведения, свободные от идеологических штампов. Кинорежиссеры Михаил Калатозов, Михаил Ромм, Иван Пырьев и другие мастера советского кино создавали фильмы, в которых преобладали гуманистические ценности. В ряде случаев эти люди находили поддержку в аппарате ЦК, среди отдельных чиновников, курировавших культурную политику партии. Казалось, обстановка поиска и эксперимента, утраченная в последние годы жизни Сталина, возвращалась в советское общество. Подрастало новое поколение талантливых людей, ломавших своим творчеством рамки официально одобренного искусства (20).

После антисталинского доклада Хрущева на XX съезде культурная оттепель приобрела неожиданно радикальное измерение. Хрущев не представлял себе всех последствий своей речи и не очень ясно понимал, чем можно заменить поверженный культ Сталина. Текст доклада попал в руки израильской разведке и оказался у американцев. В июне госдепартамент США опубликовал речь Хрущева, а радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», финансируемые американской разведкой, стали передавать текст доклада в эфир — к ужасу и потрясению убежденных коммунистов на Западе и Востоке (21). Внутри страны Хрущев разослал текст доклада во все партийные организации с указанием прочесть его всем рядовым членам партии и даже на собраниях «трудовых коллективов», которые охватывали более широкую аудиторию. В итоге общее число слушателей, по некоторым данным, достигло 20–25 млн человек. Чтение доклада повергло идеологический и пропагандистский аппарат СССР в состояние, близкое к параличу. В университетах, на производстве и даже на улицах люди высказывали вслух мысли, за которые раньше им грозил арест. Официальные лица, органы безопасности и их секретные сотрудники не имели инструкций о том, как реагировать на эту ситуацию. Они бездействовали и безмолвствовали (22).

Миллионам людей в Советском Союзе хотелось знать больше, чем было сказано в докладе. Историк Сергей Дмитриев написал в своем дневнике: «Никакого сколько-либо серьезного истолкования всех приведенных в докладе фактов не дано. Назначение такого доклада не ясно. Его, так сказать, внешнеполитический смысл еще можно понять. Но внутреннее назначение? Учащиеся в школах стали срывать со стен портреты Сталина и топтать их ногами... Учащиеся задают такой вопрос: кто создал культ личности? Если сама личность, то где же была партия? А если не только сама личность, то, следовательно, партия и создавала этот ныне осуждаемый культ личности? Ведь каждый райком, обком, крайком, партком имели

своих “вождей” и героев и насаждали тот же культ личности в соответствующих масштабах» (23).

Наблюдая за советскими студентами, один американец, находившийся в тот момент в Москве, заключил, что вера некоторых из них «потрясена до основания» и что отныне они будут относиться с недоверием ко всему, что будет исходить от государственного и политического руководства (24). В конце мая 1956 г. студенты МГУ объявили бойкот университетской столовой, снискавшей дурную славу из-за своей отвратительной еды. Бунт студентов отчасти напоминал восстание матросов на броненосце «Потемкин» во время революции 1905 г.: эпизод с червивым мясом из знаменитого кинофильма Сергея Эйзенштейна был хорошо известен советским людям. Руководили бойкотом комсомольские вожаки, избранные самими студентами. Озадаченные власти, вместо того чтобы наказать студентов, вступили с ними в переговоры. Лишь позднее зачинщиков исключили из университета или распределили на работу в глубокую провинцию (25).

Брожение среди студентов возобновилось, когда они вернулись с летних каникул. В течение всего осеннего семестра студенты многих университетов Москвы, Ленинграда и других городов выпускали плакаты, бюллетени и ежедневные газеты без согласования с партийным начальством. Волнения, охватившие летом и осенью Польшу, а в конце октября и Венгрию, сильно повлияли на студенчество в Москве, Ленинграде и других крупных городах. После подавления советской армией венгерского восстания в ноябре 1956 г. студенты МГУ и Ленинградского государственного университета собирались на митинги солидарности с Венгрией (26). Горячие головы жаждали действия. Так, в Архангельской области молодой человек распространял листовку, в которой советская власть сравнивалась с нацистским режимом. Листовка гласила: «Сталинская партия является преступной и антинародной. Она выродилась и превратилась в клику, состоящую из дегенератов, трусов и предателей». Будущий диссидент Владимир Буковский, в то время еще старшеклассник, мечтал достать оружие и идти на штурм Кремля (27).

В поисках ответов на вопрос «кто виноват?» радикально настроенная молодежь обратилась к художественной литературе, подобно своим далеким предшественникам, студентам в царской России. Их внимание привлек роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», опубликованный в августе — октябре 1956 г. в «Новом мире». В романе рассказывалось о драматической судьбе талантливого изобретателя, столкнувшегося с бюрократом-сталинистом, который отвергал все новое и прогрессивное, мешал изобретателю воплотить его идеи в жизнь. Роман вызвал взрыв полемики как в печати, так и в среде творческой интеллигенции. Его обсуждали на встречах писате-

лей со студентами, где звучали слова с критикой существующих порядков в обществе. Константин Симонов, главный редактор журнала «Новый мир», заявил на Всесоюзной конференции учителей о том, что нужно отменить решения ЦК КПСС 1946 г. о партийной цензуре в художественной литературе и изобразительном искусстве. Константин Паустовский на обсуждении романа в Центральном доме литераторов в Москве сказал, что в СССР «безнаказанно существует, даже в некоторой степени процветает новая каста обывателей. Это новое племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашей страной, ни с социализмом... Обстановка приучила их смотреть на народ как на навоз. Они воспитывались на потворстве самым низким инстинктам, их оружие — клевета, интрига, моральное убийство и просто убийство». Он призвал советский народ избавиться как можно скорее от этой касты.

Эти бескомпромиссные слова нашли горячий отклик в студенческой среде, речь Паустовского переписывали от руки и распространяли во всей стране. Некоторые сочли, что книга Дудинцева вынесла приговор всей правящей коммунистической элите. В одном из писем руководителю Союза писателей Украины, присланном без подписи, говорилось: «Дудинцев прав, тысячу раз прав... Существует целая прослойка, явившаяся порождением того ужасного времени, которое, к счастью, безвозвратно кануло в прошлое, но эти люди до сих пор находятся у власти». Автор письма называл себя «представителем весьма многочисленного слоя средней советской интеллигенции, воспитанного нашей советской действительностью». «Мы верили в то, что все у нас правильно... И когда, наконец, это здание лжи, воздвигнутое, казалось, так прочно, было подорвано разоблачением Сталина, нам стало больно и обидно за себя. Но мы прозрели. Мы увидели то, что наши сегодняшние руководители хотели бы продолжать скрывать от нас. Мы научились отличать правду от лжи... Возврата к прошлому быть не может. Царство лжи, которые было воздвигнуто и не без Вашей помощи, трещит по всем швам и рухнет. И оно рухнет» (28).

Однако разрыв с «большой ложью» сталинской эпохи еще не означал автоматического разрыва с коммунистической идеологией и революционным наследием. В обществе преобладали умонастроения, в которых жажда большей свободы в области творчества и культуры уживалась с искренней верой в справедливость социалистического коллективизма (29). В образованных городских слоях 1956 г. был лишь началом мучительной эмансипации от утопической идеи коммунизма (30). Еще немало было идеалистов, которые рассматривали развенчание культа личности Сталина как дорогу «назад к Ленину», возможность восстановить ценности и нормы первых послереволю-

ционных лет, постулаты «истинного ленинского учения». В конце трехдневного заседания московского отделения Союза писателей, после обсуждения секретного доклада XX съезду партии, собравшиеся в зале сами, от чистого сердца, запели «Интернационал». Раису Орлову, члена партии и будущую диссидентку, переполнили эмоции: «Вот оно, наконец, вернулось настоящее, революционное, чистое, чему можно отдаться целиком» (31). Марат Чешков, один из членов группы свободомыслящих московских интеллектуалов, вспоминал: «Для меня, как и для большинства политически активной молодежи, марксизм-ленинизм оставался в своей основе незыблем» (32).

В отличие от провинции, в которой по-прежнему царила глухая тишина, в университетах Москвы и Ленинграда, а также в научных и культурных кругах двух столичных городов нарастало брожение умов. Когда Александр Бовин, впоследствии консультант Леонида Брежнева, приехал продолжать учебу в аспирантуре философского факультета МГУ после окончания провинциального университета в Ростове-на-Дону, он был поражен накалом демократических, анти-сталинских настроений в студенческой среде. Его смущал радикализм требований ударить по партийной бюрократии. Для него «социализм, партия имели самостоятельное значение, не сводимое к сталинским извращениям». На студенческих собраниях Бовин оправдывал применение Советским Союзом вооруженной силы при подавлении народных движений в Польше и Венгрии. Студенты пытались подвергнуть его обструкции, лишить слова (33). Кстати, всего за год до этого на том же философском факультете, где спорил с радикалами Бовин, училась Раиса Титаренко, молодая жена Михаила Горбачева.

В основной своей массе партийно-государственная номенклатура, военное командование и руководство органов госбезопасности были вынуждены публично поддерживать курс Хрущева по разоблачению культа личности Сталина. Однако в душе эти люди осуждали резкую критику покойного вождя и сетовали на громадный ущерб, который эта критика нанесла незыблемости коммунистической веры. Дмитрий Устинов, отвечавший в те годы за военно-промышленный комплекс, а с марта 1965 г. ставший секретарем ЦК КПСС, через двадцать лет после смещения Хрущева будет по его поводу негодовать: «Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина» (34). Для очень многих представителей военных, дипломатических кругов, руководителей промышленности критика Сталина была неприемлема потому, что она ставила под сомнение всю их жизнь и карьеру, бросала тень на миф о мудром вожде в период Великой Отечественной войны. Другие решили, что Хрущев и политическая верхушка страны просто хотят сделать из Стали-

на козла отпущения. Генерал Петр Григоренко, будущий диссидент, прочитал доклад Хрущева на XX съезде с ужасом и отвращением, но еще долго продолжал считать, что нельзя было выносить сор из избы: «Нельзя устраивать канкан на могиле великого человека» (35).

На первых порах неразбериха в органах государственной власти и госбезопасности позволила процессу десталинизации идти спонтанно, без вмешательства сверху. Чиновники, отвечавшие за цензуру, пропаганду и средства массовой информации, пребывали в замешательстве. Их пугал критический настрой студентов и брожение в интеллектуальной элите. Но прошло всего несколько месяцев после осуждения Сталина и его преступлений, и никто не решался прибегнуть к репрессиям без команды сверху (36). Только в ноябре 1956 г., когда советские войска подавили восстание в Венгрии, консервативное большинство аппарата вновь обрело уверенность в себе. Вторжение в Венгрию подействовало как холодный душ на радикально настроенных студентов. По словам одного из них, радикалы-идеалисты осознали, что в своей стране они были совершенно одни. «Массы были одержимы шовинизмом. 99 % населения полностью разделяли имперские настроения властей» (37). Многие представители интеллигенции, даже те из них, кто поддерживал кампанию по разоблачению культа личности, поспешили заявить о своей лояльности режиму. Им очень хотелось продемонстрировать, что у них никогда — ни раньше, ни теперь — не было никаких сомнений по поводу того, кто прав в холодной войне. Около 70 советских писателей поставили, добровольно или принудительно, свои подписи под «открытым письмом» к западным коллегам, в котором оправдывались действия СССР в Венгрии. Там стояли и фамилии тех, кто стал символами культурной оттепели: Эренбурга, Твардовского и Паустовского (38).

В декабре 1956 г. Хрущев и члены Политбюро пришли к выводу, что брожение среди работников умственного труда и учащейся молодежи несет в себе угрозу их политической власти (39). Сотни, возможно, тысячи человек были уволены из научно-исследовательских институтов и исключены из высших учебных заведений. Для подавления инакомыслия органы госбезопасности провели аресты по всей стране. Власти восстановили квоты, ограничивавшие число студентов — выходцев из семей интеллигенции. Среди студенчества был повышен процент «рабоче-крестьянской молодежи» и лиц «с рабочим стажем» (40).

События в Польше и особенно в Венгрии напомнили советским руководителям, что поэты, писатели и артисты способны возбудить страсти, грозящие восстанием против системы. В декабре 1956 г. советских писателей призвали на Старую площадь в здание ЦК КПСС, где в течение трех дней шло разбирательство, напоминавшее суд

инквизиции. С ними встретился Дмитрий Шепилов, наиболее литературно подкованный из советских руководителей; он поспешил развеять надежды писателей на либерализацию. Пока идет холодная война, заявил Шепилов, постановления партии 1946 г. в области литературы и искусства останутся в силе. Константин Симонов пытался отстаивать позицию «искренности в литературе». Он осведомился, можно ли все же, учитывая новую линию XX съезда, печатать хоть немного «правды о том, что происходит» в стране. Шепилов ответил категорическим запретом. Как и прежде, сказал он, Соединенные Штаты используют все средства, в том числе в области культуры, чтобы подорвать идеологические устои советского общества. В этой обстановке литература должна полностью оставаться на службе партии и служить интересам безопасности страны (41).

Ссылка на холодную войну будет еще несколько десятилетий служить оправданием для партийно-идеологического контроля над культурой и образованием в СССР. Мало кому из писателей и художников хотелось угодить в категорию «пособников мирового империализма». Ярчайшим исключением из этого правила стало так называемое дело Пастернака. Весной 1956 г. поэт Борис Леонидович Пастернак завершил роман «Доктор Живаго», в котором описывалась трагическая судьба русского интеллигента в годы Гражданской войны и революционного произвола. Пастернак послал рукопись в редакции нескольких советских литературных журналов, в том числе и «Нового мира». Но поэт не верил в возможность напечатать свой роман в СССР. В нарушение всех запретов Пастернак через иностранных славистов и журналистов передал рукопись романа на Запад, в том числе в Италию, издателю Джанджакомо Фельтринелли, тогда члену итальянской компартии. Советские журналы и в самом деле отказались печатать «Доктора Живаго», а власти, узнав о передаче рукописи за границу, пустились во все тяжкие, чтобы предотвратить публикацию романа за рубежом. Но Пастернак не сдался, а Фельтринелли предпочел выйти из компартии, чтобы опубликовать роман. В ноябре 1957 г. «Доктор Живаго» увидел свет и стал всемирной литературной сенсацией. В октябре 1958 г. Нобелевский комитет в Стокгольме присудил Пастернаку Нобелевскую премию по литературе. Разразился неслыханный скандал, принявший политическую окраску. Хрущев, разумеется, не читал романа, но, подстрекаемый своим окружением, в том числе литературными «консультантами», обрушил на Пастернака всю мощь государственного гнева, обвинив его в предательстве Родины. Кампания против поэта стала, по сути, проверкой на лояльность всех творческих элит страны. Как и в декабре 1956 г., власти орудовали с топорной логикой холодной войны: кто не с нами — тот против нас. Казалось, вернулись сталинские «проработки»: силы госу-

дарственной пропаганды, организованное негодование «всего советского народа» были брошены на то, чтобы раздавить одного человека. В пароксизме раболепия, за которым скрывались зависть и страх потерять благоволение властей, подавляющее большинство советских писателей потребовало исключить Пастернака из Союза писателей и выслать поэта из Советского Союза. Пастернак был оставлен без средств к существованию, его почта задерживалась и перлюстрировалась. Под давлением близких он был вынужден публично отказаться от Нобелевской премии. Травля и участие в ней стольких друзей и коллег деморализовали поэта и надломили его здоровье. Пастернак умер от скоротечного рака 30 мая 1960 г. (42).

Восстановление «порядка» в 1956 г., травля Пастернака — все это отрезвляюще подействовало на идеалистов — тех, кто ожидал быстрых перемен. И все же процесс освобождения от идеологических мифов и удушливого страха в душах и умах людей не остановился. Контроль идеологических и культурных институтов государства над подрастающим поколением и творческими элитами страны продолжал давать сбой и постепенно ослабевал.

Размывание образа врага

После смерти Сталина Советский Союз стал постепенно приоткрываться для внешнего мира. В 1955 г. советские власти возобновили массовый иностранный туризм — впервые с конца 1930-х гг., когда въезд иностранцев в СССР по туристической линии фактически прекратился. Более того, был снят негласный запрет на зарубежные «неделовые» поездки для советских граждан. Конечно, между США и СССР массового туризма не возникло. К примеру, в 1957 г. Советский Союз посетили лишь 2700 американцев, и всего 789 советских граждан побывали в Соединенных Штатах. Зато свыше 700 тыс. граждан СССР в этом же году совершили поездки за границу в другие зарубежные страны, в том числе в Восточную и Западную Европу (43).

Поскольку советское общество было закрытым, а информация, поступающая из-за рубежа, полностью контролировалась государством, то все, что было хоть как-то связано с внешним миром, вызывало у советских людей огромное любопытство. В особенности это касалось Америки и американцев. Немногочисленные американцы, приезжавшие в СССР по туристическим путевкам или по культурному обмену, привлекали к себе исключительное внимание. Летом 1957 г. один из выпускников Йельского университета (в будущем — аналитик ЦРУ, а затем историк) Рэймонд Гартхофф путешествовал по Советскому Союзу. Его скромная персона вызывала чуть ли не экзальтацию сре-

ди советских граждан, прежде всего студентов. Гартхофф вспоминал, как однажды у здания сельскохозяйственного техникума в пригороде Ленинграда он и его спутник-американец были окружены толпой студентов. Собралось человек сто пятьдесят, желавших пообщаться с редкими гостями из-за океана. Вопросам молодежи не было конца; они всей толпой проводили американцев до железнодорожной станции (44).

Многие граждане СССР, любители чтения, знакомились с жизнью других стран через художественную литературу, переводившуюся с иностранных языков. Журнал «Иностранная литература» зачитывался буквально до дыр. После смерти Сталина начался настоящий переводческий бум, но и он не мог удовлетворить громадный спрос на иностранную литературу. На русский язык были переведены или переизданы впервые после довоенного времени произведения американских писателей, среди них Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек и Дж. Д. Сэлинджер. Их книги, печатавшиеся огромными тиражами, расходились по библиотекам на территории всего Советского Союза и стали доступны широкому читателю.

Еще одним «окном», знакомящим любознательную советскую публику с внешним миром, стал Голливуд. После окончания Второй мировой войны в советских кинотеатрах был разрешен ограниченный показ трофейных фильмов американского и немецкого производства. Это были черно-белые, в основном музыкальные ленты, беззаботные комедии и сентиментальные мелодрамы. Зрители в СССР, от мала и до велика, с огромным удовольствием смотрели эти фильмы по многу раз. Любая американская лента была сенсацией. Мелодии из американских кинофильмов, особенно джаз в исполнении оркестра Глена Миллера, соперничали по популярности с советскими песнями и русской классической музыкой. Сериал о Тарзане с Джонни Вайсмюллером в главной роли, а также «Сестра его дворецкого» с участием Дины Дурбин стали частью повседневной жизни послевоенного поколения наряду с сувенирными банками из-под американской тушенки, продуктовыми карточками и безотцовщиной (45).

В период «оттепели» приток западных кинолент на советский экран увеличился, а доходы от них стали постоянной и солидной частью доходов советского кинопроката. Особенно кассовыми были американские блокбастеры — деньги оказались достаточно весомым аргументом, который позволял преодолевать даже сопротивление партийных идеологов, озабоченных невероятной популярностью голливудской кинопродукции у советских зрителей любого возраста, пола и культурного уровня. Многие фильмы признанных американских режиссеров тех лет не дошли до широкого зрителя в СССР: советские цензоры браковали фильмы с непривычными темами и

религиозным контекстом. К примеру, психологические драмы Элиа Казана и исторические ленты Сесила Б. ДеМилля не проникли за железный занавес. Однако приключенческую киноленту «Великолепная семерка» с Юлом Бриннером и музыкальную комедию «В джазе только девушки» с Мерилин Монро и Джеком Леммоном в главных ролях с восторгом смотрели миллионы кинозрителей. Переоценить влияние этих фильмов на советских людей в послевоенные годы невозможно. По словам лауреата Нобелевской премии по литературе поэта Иосифа Бродского, жившего в то время в Ленинграде, эти фильмы «захватывали и завораживали нас сильнее, чем все последующие плоды неореализма или “новой волны”. И я утверждаю, что одни только четыре серии “Тарзана” способствовали десталинизации больше, чем все речи Хрущева на XX съезде и впоследствии» (46). Писатель Василий Аксенов ходил на некоторые из этих фильмов по пятнадцать раз. Он вспоминал: «Было время, когда мы со сверстниками объяснялись в основном цитатами из таких фильмов. Так или иначе, для нас это было окно во внешний мир из сталинской вонючей берлоги» (47).

Образы и звуки «из-за бугра» размывали образ вражеской Америки, который с таким трудом выстраивала советская пропагандистская машина руками тех же интеллектуалов, писателей и кинорежиссеров. Быстрее всего это размывание происходило среди образованной и, главное, привилегированной части советской молодежи. Под влиянием происходящих в стране процессов по разоблачению сталинского режима и «размораживанию» культуры все больше молодых людей хотели дистанцироваться от убогого советского окружения. Эти юноши и девушки, как правило, из семей советских функционеров, уже не верили официальной пропаганде, а то и вовсе не обращали на нее внимания. Стремясь выделиться из общей массы советских людей, они старались одеваться и вести себя «по-западному» — как они себе это представляли. В газетах и журналах стали появляться статьи с карикатурами на нелепо разряженных «стиляг»: их клеймили «тунеядцами» и «паразитами». Американец Гартхофф встречал некоторых из них во время своей поездки по Союзу. По его словам, молодых людей, с которыми он встречался и разговаривал в 1957 г., можно было разделить на несколько категорий. Одни были «наивняками»: особенно таких было много среди недавних школьников, еще не осознавших, как мало общего между идеалами, усвоенными за партой, и реальностью. Эти молодые люди продолжали верить всему, что твердила о США советская пропаганда. Юношей и девушек постарше можно было разделить на «верующих», молодых циников и на так называемую золотую молодежь. Последняя бравировала своей привилегированностью и спасалась от серости советских будней

тем, что пыталась подражать всему «западному» и «американскому» (48). Для «золотой молодежи» выдуманная Америка стала идеализированным мифом, антиподом советскому миру. Многие молодые художники, поэты, писатели и музыканты в Москве, Ленинграде и других российских городах пошли по тому же пути. Иосиф Бродский как-то заметил, что и он, и ему подобные в 1950-е гг. были «больше американцами, чем сами американцы» (49).

Сильнейшее воздействие на значительную часть советской молодежи оказывали американские музыкальные радиопередачи. Американский джаз и свинг уже не раз запрещались в СССР: накануне Второй мировой войны, а затем после начала холодной войны. Многие молодые люди приобретали или даже собирали сами коротковолновые приемники, чтобы ловить западные радиостанции, в том числе «Голос Америки», только ради того, чтобы послушать запрещенный джаз. Незадолго до своей смерти Сталин распорядился, чтобы к 1954 г. производство коротковолновых радиоприемников было полностью прекращено. Однако после его смерти советская промышленность, реагируя на колоссальный спрос, развернула массовое производство этих приемников вначале на лампах, а потом портативных, на транзисторах. Вскоре ежегодное производство радиотранзисторов достигло 4 млн. В результате количество коротковолновых радиоприемников у населения выросло с 500 тыс. в 1949 г. до 20 млн в 1958-м (50). Особой популярностью у слушателей радиостанции «Голос Америки» пользовалась передача «Время джаза». Эту программу вел Виллис Коновер, обладатель изумительного по красоте низкого баритона. Ему тайно поклонялись многие юные москвичи, ленинградцы и молодежь других советских городов. Советские поклонники джаза переписывали и передавали друг другу хиты из репертуара оркестров Бенни Гудмена и Гленна Миллера. Плохое знание английского не смущало молодежь, слушавшую джаз в исполнении Эллы Фитцджеральд, Луи Армстронга, Дюка Эллингтона, импровизации Чарли Паркера. Позже появился Элвис Пресли. В общей сложности к началу 1960-х гг. у радиостанции «Голос Америки» было, по-видимому, несколько миллионов слушателей в СССР. Коллекционеры джазовых записей стали неформальной молодежной элитой, так как пластинки с записями звезд в магазинах не продавались, а потому заграничный виниловый диск казался чем-то вроде настоящего чуда. В самом конце 1950-х, когда в массовой продаже появились магнитофоны, ситуация резко изменилась: западная музыка стала доступна поистине всем желающим (51).

Хрущев сам, своими руками сделал больше, чем кто бы то ни было для того, чтобы железный занавес вокруг СССР прохудился. Несмотря на вторжение в Венгрию и жесткие меры внутри СССР, он все же

не отказался от своих слов о Сталине и хотел продолжить десталинизацию советского общества. Холодная война требовала, по его мнению, «морально-политического единства» советского общества, но не ценой возврата к массовым репрессиям. Нужно было продолжить осторожные реформы, нацеленные на создание благоприятного образа СССР в глазах Запада. В начале 1957 г. Хрущев, Микоян и Шепилов выступили за возврат к политике «мирного наступления». Целью этой политики было восстановить симпатии к СССР среди западных интеллектуалов и обывателей, отшатнувшихся от коммунизма после советского вторжения в Венгрию. Кульминацией этого курса стало событие с далеко идущими последствиями: в июле — августе 1957 г. в Москве прошел Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В течение четверти века советская столица была практически закрыта для иностранцев и совершенно неприспособлена для приема туристов. Организаторы фестиваля столкнулись с мириадами проблем: как приукрасить центр города и очистить его от трущоб, откуда взять гостиницы для гостей, как внедрить элементарную культуру обслуживания клиентов. Вечерами в Москве практически некуда было пойти. На многих улицах отсутствовало освещение, рекламы не было и в помине, большинство людей ходили в дурно сшитых, немодных пальто и платьях, а то и в военных гимнастерках и телогрейках. Откуда тут было взяться карнавальным костюмам, конфетти, фейерверку и прочей праздничной атрибутике! В столичном городе не было мест, где можно быстро перекусить или дешево и вкусно поесть. Магазины напоминали музеи вышедших из моды и плохо сделанных товаров. Все эти проблемы нужно было решать, поскольку они демонстрировали вопиющую экономическую и социальную отсталость советского общества по сравнению с капиталистическим Западом (52).

Хрущев поручил подготовку к фестивалю руководству комсомола. Советская пропаганда убеждала неулыбчивых москвичей раскрыть объятия зарубежным гостям, встретить их радушно и с любовью. В итоге фестиваль стал первым после революции «социалистическим карнавалом» на улицах и площадях советской столицы. Даже Кремль, до 1955 г. закрытый для посещения, распахнул свои двери перед праздничной молодежью и днем, и в ночные часы (53). Несмотря на грандиозные приготовления, власти не смогли учесть главное — они оказались неготовы к грандиозным масштабам события. Фестиваль превратился в гигантское представление с участием громадного числа москвичей и гостей столицы. Все попытки КГБ, милиции и комсомольских дружин контролировать контакты с иностранцами в этих условиях были обречены. Три миллиона москвичей раскрыли свои объятия и сердца тридцати тысячам юношей и девушек, прибывшим в СССР из разных стран мира. Энтузиазм хозяев,

впервые в жизни увидевших людей «оттуда», бил через край. Тут и там вокруг иностранцев собирались взволнованные люди, прямо на улицах возникали дискуссионные клубы — совершенно неслыханное дело для советских граждан (54).

Всемирный фестиваль молодежи и студентов не мог по своим масштабам сравниться с походом советской армии в Европу в 1945 г., но по сути своей имел такое же раскрепощающее воздействие на советских людей. Тогда миллионы Иванов увидели Европу. Теперь, в 1957 г., советские власти сами пригласили Европу и весь остальной мир в Москву. Появление на улицах советской столицы юношей и девушек из Европы, Африки, Северной и Южной Америки, Азии, Австралии вдребезги разбило многие советские пропагандистские штампы. Как вспоминает один из участников события, в советских средствах массовой информации «американцы изображались двумя способами — либо бедные безработные, худые, небритые люди в обносках, вечно бастующие, либо — толстопузый буржуй во фраке и в цилиндре, с толстенной сигарой в зубах, этакий “Мистер Твистер бывший министр”. Ну, была еще и третья категория — это совсем уж безнадежные негры, сплошь жертвы Ку-клукс-клана» (55). Когда русские люди увидели перед собой раскованных, модно одетых молодых людей, то все их недоверие к чужакам и страх перед осведомителями КГБ начал испаряться почти на глазах.

После фестиваля многие его очевидцы сошлись во мнении, что он стал историческим событием, не уступавшим по значению разоблачению Сталина на XX съезде. Джазовый музыкант Алексей Козлов писал: «Мне кажется, что фестиваль 1957 года стал началом краха советской системы. Процесс разложения коммунистического общества сделался после него необратимым. Фестиваль породил целое поколение диссидентов разной степени отчаянности и скрытности, от Вадима Делоне и Петра Якира до “внутренне эмигрировавших” интеллигентов с “фигой в кармане”. С другой стороны, зародилось новое поколение партийно-комсомольских функционеров, приспособленцев с двойным дном, все понимавших внутри, но внешне преданных» (56). Владимир Буковский вспоминает, что после фестиваля «смешно было говорить о загнивающим капитализме». Кинокритик Майя Туровская считает, что во время этого фестиваля советские люди впервые за три десятилетия соприкоснулись с внешним миром: «Поколение “шестидесятников” выросло бы другим без фестиваля» (57).

Никита Хрущев искренне полагал, что Советский Союз сумеет догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по всем основным экономическим показателям, включая производство товаров народного потребления, в науке и технологии и в целом — по уровню жизни. В 1957 г. он выдвинул лозунг «Догнать и перегнать Америку!». Три

года спустя он провозгласил новую Программу КПСС, обещавшую построить коммунизм в ближайшие двадцать лет. Быстрые темпы экономического роста, лидерство СССР в освоении космоса — все это вселяло в Хрущева оптимизм. На этом фоне он не боялся показывать советским гражданам достижения американцев. Когда в июле 1959 г. в Москве, в парке «Сокольники», открылась первая Американская национальная выставка, миллионы москвичей устремились в выставочный павильон, чтобы своими глазами посмотреть на достижения американской промышленности, потрогать хромированные длиннокрылые американские автомобили и отведать никому не ведомой пепси-колы. Хрущев так объяснил свои намерения руководителю ГДР Вальтеру Ульбрихту: «Американцы думают, что советские люди увидят их достижения и отвернутся от советского правительства. Но американцы не знают наш народ. Мы хотим повернуть эту выставку против американцев. Мы скажем нашему народу: вот что достигла за сто лет самая богатая страна капитализма. Социализм позволит нам достичь этого гораздо быстрее» (58).

Однако пропагандистский замысел Хрущева ударил бумерангом по чувству превосходства перед Западом, которое до этого советская пропаганда успешно внедряла в массовое сознание, несмотря на нищету и голод послевоенных лет. Сами по себе обещания обеспечить советскому народу уровень материальных благ по американским стандартам настраивали многомиллионное население Советского Союза на новый лад. Как правильно отметил чешский коммунист-реформатор Зденек Млынарж, «Сталин никогда не допускал никаких сравнений социализма с капиталистическим образом жизни, так как постоянно утверждал, что мы у себя строим совершенно новый, ни на кого не похожий мир». Хрущев выдвинул лозунг «догоним и перегоним» и помог настроить сознание советского человека на сравнительный лад: вместо необоснованного, но укоренившегося чувства морального превосходства над «загнивающим» Западом советский человек стал вырабатывать комплекс неполноценности. Привычка сравнивать все свое с американским укоренилась. Поколение за поколением в СССР убеждалось в том, что американский уровень жизни недостижимо выше, чем советский. Всем тем кто задавал себе вопрос «почему?», заключает Млынарж, легко было прийти к выводу, что главным препятствием, не позволяющим советским людям жить так же хорошо, как американцы, является советская экономическая и политическая система (59).

В хрущевскую эпоху в советских средствах массовой пропаганды и агитации уживались два несовместимых представления о США. По-прежнему, с легкой ретушью, шел в ход многократно испытанный за годы сталинского правления образ врага. Пропаганда рисовала США

главным противником Советского Союза; американский капитализм и жизнь американского общества изображались как прямо противоположные и глубоко враждебные «социализму» и советскому образу жизни. Но было и другое, положительное представление об Америке как о стране, где живут не только враги, но и «прогрессивные американцы», рабочие и фермеры, друзья советского народа. Технические достижения американской промышленности и сельского хозяйства преподносились как результат научно-технического прогресса, и советским людям предлагалось брать с них пример (60).

Из-за подобной двойственности многие вопросы, касавшиеся Соединенных Штатов Америки, оставались без ответов. Мало кто в Советском Союзе мог авторитетно, со знанием реалий, судить о жизни американского общества и его культуре. Тем поразительнее, что немногие знатоки выражали прямо противоположные мнения в подцензурной советской печати. В 1957 г. в «Литературной газете», официальном органе Союза писателей СССР, появилось несколько статей Александра Казем-Бека, аристократа и русского эмигранта, который, прожив много лет в Америке, попросил советское гражданство и вернулся в Россию. В своих статьях автор осуждал Соединенные Штаты, заявляя, что, в отличие от Советского Союза и Европы, Америка — «страна, не имеющая собственной культуры». Почти сразу же на публикации Казем-Бека откликнулся Илья Эренбург — еврейско-космополит, «русский европеец» и враг ксенофобии. В письме, напечатанном в «Литературной газете», Эренбург написал, что протестует против очернения американской культуры в статьях Казем-Бека, ибо Америка дала миру многих «прогрессивных» и самобытных писателей и художников (61). Эта полемика показала, что пробуждающееся российское общественное мнение вернулось к проблемам, разделявшим русских интеллектуалов за многие десятилетия до революции. Вновь, как во времена «западников» и «славянофилов», внутри государственной номенклатуры и культурной элиты схлестнулись два течения. Одно течение проповедовало русский шовинизм, превосходство русской культуры над иностранной, другое стремилось к модернизации советского общества через его открытость западным и мировым веяниям (62).

Несколько лет спустя, уже в 1960-х, увлечение Америкой и всем американским, включая материальные и культурные символы этой страны, приняло характер эпидемии. Музыка и стиль в одежде, поклонение звездам массовой культуры, авангардизм в духе «битников» — все это найдет своих горячих приверженцев не только среди детей номенклатурных работников и людей творчества, но и в миллионных массах городской и даже сельской молодежи. Для молодых людей, входивших в компании единомышленников и нонконформистов

стов, посещение иностранных выставок и предпочтение американской музыки отечественной стало вопросом групповой идентичности. Наперекор официальному антиамериканизму они становились фанатами Америки, «штатниками». Галерею советских героев, набившую им оскомину со школьной скамьи, заменил набор новых кумиров, в число которых вошли Элвис Пресли и Чарли Паркер, Джон Кеннеди и Мэрлин Монро, Эрнест Хэмингуэй и Юл Бриннер. Сколько на самом деле было таких поклонников американской музыки, литературы, кино — определить невозможно. Судя по всему, их численность достигла пика в 1970-е и 1980-е гг., когда Советский Союз вступил в период идеологического вакуума и экономической стагнации (63).

Оптимистичные шестидесятые

Хрущевская «оттепель» и приоткрывшийся железный занавес меняли взгляды миллионов людей. Но не следует думать, что многие превращались из советских патриотов в либералов и врагов советской власти. После арестов и исключений из университетов в декабре 1956 г. партия и правительство задействовали огромные ресурсы для того, чтобы восстановить идеологический контроль над населением страны, особенно над молодежью. На любой проблеск вольности, будь то публикация в журнале или западный фильм, приходилось огромное количество советской пропагандистской продукции: статьи в газетах и журналах, обличающие Запад, а также многотиражные книги и кинофильмы, воспевающие любовь к советской отчизне и верность коммунистической партии. В первое десятилетие после смерти Сталина советская система высшего образования продолжала стремительно развиваться, но университеты отнюдь не стали рассадниками либеральных настроений и ценностей. Напротив, здесь-то и происходила основная идеологическая обработка молодежи. Хоть портреты Сталина исчезли, а славословия в адрес вождя всех народов прекратились, основное содержание учебников по истории и литературе осталось тем же, что и при жизни вождя: неокрепшим умам навязывалась «единственно верная» трактовка мировой и советской истории, культуры и философии, которая укладывалась в строго очерченные идеологические рамки. Каждый год из стен учебных заведений выходили выпускники, которые, как почти все их предшественники, считали, что живут в самой лучшей, самой счастливой и самой могучей стране мира. К концу 1950-х гг. советское общество продолжало хранить стойкое единодушие перед лицом Запада; большая часть населения еще не успела растратить огромный запас утопических иллюзий. Спутник и успехи в космосе создали иллюзию советского научно-технического превосходства СССР над всем миром.

Хрущев решил сыграть на этих иллюзиях и в январе 1959 г. на очередном съезде КПСС объявил о том, что в советской стране «социализм построен полностью и окончательно». В последующие два года он поручил аппарату и научным консультантам написать новую программу партии, полную невероятных, фантастических обещаний и нацеленную на то, чтобы догнать Америку и через двадцать лет «завершить строительство коммунизма» в Советском Союзе. В июле 1961 г. в своем докладе Центральному комитету Хрущев пообещал, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и сможет вкушать всех радостей коммунистического рая. Руководитель партии заявил, что Советский Союз «поднимется на такую недостижимую высоту, что в сравнении с ним капиталистические страны окажутся далеко позади». После проведения всенародного «обсуждения» этой программы на предприятиях и в учреждениях страны, в котором приняло участие 4,6 млн человек, в октябре 1961 г. она была единогласно принята на XXII съезде КПСС (64).

В числе флагманов государственного романтизма и идеализма выступала массовая печать. Наиболее эффективными агитаторами оптимизма были две массовые газеты — «Известия», которую возглавлял зять Хрущева Алексей Аджубей, и «Комсомольская правда», официальный орган Коммунистического союза молодежи. Аджубей вспоминал: «Мы заканчивали собрания неперменными лозунгами о победе коммунизма. У нас не было ощущения провала, тупика или стагнации... Существовал еще запас сил, многие оставались оптимистами» (65). В мае 1960 г. группа молодых журналистов впервые в Советском Союзе организовала при «Комсомольской правде» исследовательский центр по изучению общественного мнения. Первый социологический опрос, проведенный этим центром, был на тему: «Удастся ли человечеству предотвратить третью мировую войну?» Значительная часть ответов на этот вопрос выдавала тревогу людей, особенно в связи со срывом совещания в верхах в Париже. При этом, однако, преобладала коллективистская установка на веру в будущее (66).

Кинематограф был важнейшим и весьма действенным средством «воспитания советского человека». В годы «оттепели» маститые режиссеры и их молодые ученики стремились воссоздать кино как высокое искусство и с романтической ностальгией относились к полузабытым исканиям 1920-х и начала 1930-х гг. В ответ на заказ властей создавать новые произведения монументальной пропаганды режиссеры вернули на большой экран героев революции и Гражданской войны, о которых не часто вспоминали в последние годы жизни Сталина. Такие фильмы, как, например, «Коммунист» с Евгением Урбанским в главной роли, должны были очеловечить и осовременить образы негибаемых борцов за коммунистическую идею (67).

При Хрущеве в партийном и государственном аппарате вновь появились молодые интеллектуалы: люди, прошедшие войну и получившие университетское образование. Среди партийных руководителей стало даже модным брать на работу в качестве референтов и консультантов образованную молодежь. Появилась категория «просвещенных аппаратчиков», по аналогии с «просвещенными бюрократами», которые помогали царю Александру II готовить Великие реформы в 1860–1870-е гг. Впрочем, такая категория людей работала лишь в центральном аппарате в Москве, в провинции их почти не было. Среди «просвещенных аппаратчиков» были и будущие сторонники «нового мышления» эпохи Горбачева: Георгий Арбатов, Анатолий Черняев, Федор Бурлацкий, Николай Иноземцев, Георгий Шахназаров, Лев Оников, Николай Шишлин, Вадим Загладин и некоторые другие. Да и сам Горбачев выдвинулся благодаря новому поветрию в кадровой политике: его, молодого, образованного и энергичного члена КПСС, быстро продвигали вверх по карьерной лестнице — уже в конце 1960-х гг. он стал партийным лидером Ставропольского края. Вообще, начало 1960-х гг. было очень благоприятным временем для молодых членов партии с университетскими дипломами. Один из них вспоминал: «При Хрущеве в наших кругах началась веселая, радостная и даже разгульная жизнь. Мы были молоды. Начинались первые успехи. Защищались диссертации. Печатались первые статьи и книги. Присваивались первые звания. Делались первые шаги в служебной карьере. Начиналась оргия банкетов». Все это создавало «общий оптимистичный тонус». Эту атмосферу одной большой дружеской компании не нарушали первоначально никакие социальные, культурные и идеологические переборки (68). Молодые образованные референты считали Хрущева малообразованным и сумасбродным человеком, но прощали ему многое за его развенчание Сталина и фантастическую энергию реформатора. Они видели в Хрущеве исторический таран, который может убрать с дороги сталинистов, расчислить дорогу переменам и их собственной карьере.

Новые аппаратчики отличались умением критически мыслить и вкусом к реформаторству. Они были убеждены в том, что, поддерживая начатый Хрущевым процесс развенчания культа личности, сумеют довести это дело до конца. Некоторые из них с гордостью называли себя «детьми XX съезда партии» и вместе со своими одноклассниками, работавшими в органах печати, научных учреждениях и в области культуры, мечтали возродить в массах патриотизм и энтузиазм, какой, по их мнению, существовал в Советском Союзе три десятилетия назад и был безжалостно растрочен в годы сталинизма.

«Просвещенные аппаратчики» родились в советской системе, а поэтому без особого труда могли сочетать приверженность к гуманистическим ценностям и осознание многообразия мира с карьерным прагматизмом, умением не лезть на рожон и неподдельным советским патриотизмом. В условиях холодной войны быть советским патриотом означало быть бескомпромиссным к Западу и западным влияниям. Либо мы их — либо они нас. Поскольку ситуация не оставляла третьего выбора, молодые образованные аппаратчики безоговорочно выступали в поддержку великой державы и ее имперских амбиций: реальная политика, сталкиваясь с гуманизмом или реформаторскими мечтаниями, всегда брала верх. В 1956 г. большинство «детей XX съезда» еще не были готовы сочувствовать народным революциям в Польше и Венгрии. Во время фестиваля в августе 1957 г. Аджубей, один из самых ярких деятелей нового призыва, сделал резкое внушение польскому журналисту Элигиушу Лясоте, главному редактору журнала «По просту» — одному из главных органов гласности в Польше. Советский партийный журналист сказал польскому коллеге: «Слушай, Лясота, вы можете делать в Польше, что хотите, но помните, что это отражается тоже на нас. Вы приезжаете здесь как чума, разлагать нас. И этому не бывать» (69). «Дети XX съезда» хотели реформировать советский режим, но не разрушать его. Они были готовы защищать его от внутренних и внешних врагов.

Самым главным препятствием на пути к реформам новые идеалисты считали косный чиновничий аппарат, который держит в своих тисках всю страну и не желает обновляться и меняться. Однако коммунисты-реформаторы возлагали надежды на то, что можно заполнить этот аппарат грамотными кадрами и преобразовать его изнутри. Позже один из них вспоминал: «Я не мыслил себе, во-первых, общества без социалистического строя. Во-вторых, без политически централизованной организации, а значит, партии... рассчитывал только на то, что партийная структура и государственная структура, она своим ходом дифференцируется... поскольку задача управления обществом, экономикой становится все более и более сложной... Единственно, что вызывало сомнения, это начало централизованного действия сверху» (70). В некоторых образованных семьях того времени был в ходу негласный лозунг: «Вступайте в партию, чтобы изменить ее изнутри» (71).

Прошло совсем немного времени после XX съезда, на котором Хрущев прочитал свой доклад о Сталине, а у многих молодых советских людей уже появились новые основания гордиться своей страной и верить в светлое будущее. Советский Союз демонстрировал впечатляющий рост экономических показателей, восстанавливал и увеличивал объемы промышленного производства. Для многих стран

Азии, Африки и Латинской Америки, недавно освободившихся от колониализма, советский путь развития общества казался чрезвычайно привлекательным. Доказательством жизнестойкости советской экономической модели в глазах мировой общественности служили победы СССР в космосе. 12 апреля 1961 г. весь мир узнал имя майора Военно-воздушных сил СССР Юрия Гагарина — первого человека, который совершил полет в космос и благополучно вернулся на Землю. На родине героя это событие вызвало эйфорию, вполне сравнимую с празднованием Дня Победы: Гагарин вселил в советских, и прежде всего русских, граждан безмерную гордость и большие надежды на будущее. Миллионы людей стихийно, не сговариваясь, вышли праздничными толпами на улицы Москвы и Ленинграда, чтобы отметить замечательное достижение отечественной науки и техники. Многие из просвещенных аппаратчиков понимали, насколько несбыточны обещания Хрущева о скором наступлении всеобщего процветания и коллективного рая в СССР. И все же, как вспоминал Черняев, ставший впоследствии помощником Горбачева, им очень «хотелось верить» в это. И было желание «убедить себя в этом» (72). В условиях, когда на горизонте забрезжил коммунизм, когда накалялась гонка с Соединенными Штатами и когда люди наконец-то перевели дух после многих лет тягот и лишений, в образованных кругах советского общества сложилась неповторимая атмосфера. Начало 1960-х гг. отмечено небывалым подъемом *советского* патриотизма, гордости за Советский Союз, это было время, когда «советская цивилизация» вступила в пору зрелости (73).

Люди собирались для дружеских посиделок на рабочих местах, на кухнях собственных квартир: играли на гитарах, выпивали, влюблялись и не только. В свободное время они читали книги — как официально изданные, так и запрещенные, хранящиеся в «спецхранах» библиотек, привезенные с риском из-за границы, перепечатанные на домашних пишущих машинках энтузиастами «самиздата». Молодежь со всей серьезностью спорила о том, как можно усовершенствовать и изменить существующую в стране систему, сохраняя верность коммунистической идее прогресса и справедливого будущего. Среди тем, которые обсуждались в это время, были, например, такие: «конец идеологии», усиление влияния технократических элит, теория конвергенции капиталистической и социалистической систем, а также роль кибернетики в управлении общественными делами. Дискуссии на подобные темы велись не только в Москве, но и вдали от столицы. Михаил и Раиса Горбачевы после окончания МГУ в 1955 г. были распределены на работу в Ставропольский край, где они, чтобы не отстать от столичной жизни, продолжали много читать и обсуждать новые идеи. Супругам был открыт доступ к западным сочинениям,

специально переводившимся для партийных руководителей, среди этих сочинений были труды новых западных философов левого толка, таких как Жан-Поль Сартр, Мартин Хайдеггер и Герберт Маркузе. Раиса проводила социологические исследования в сельской местности. На отдыхе Горбачевы могли часами спорить о различных философских и политических теориях — занятие, совершенно немислимое для их коллег, провинциальных партийных и советских функционеров (74).

Многие будущие творцы «нового мышления», как в случае с Горбачевыми, получили доступ к подобной литературе благодаря тому, что занимали соответствующие должности в академических научно-исследовательских институтах или работали консультантами в ЦК КПСС. Кроме того, они регулярно встречались с иностранцами и ездили в зарубежные поездки. Например, будущий «отец гласности» при Горбачеве фронтовик Александр Яковлев в 1958 г. был направлен «студентом» в Колумбийский университет США по программе советско-американского обмена. Он провел в Нью-Йорке целый год. Группа партийных интеллектуалов жила в Праге и работала в журнале «Проблемы мира и социализма», основанном как орган европейского коммунистического движения. Пражский журнал был, пожалуй, единственным местом, где советские функционеры, отвечавшие за международную пропаганду, а также специалисты по международным делам и мировой экономике, жили бок о бок с коммунистами Западной Европы. Как вспоминал Анатолий Черняев, в начале 1960-х гг. «Прага была космополитическим раем по сравнению с Москвой». В пражскую группу входили Георгий Арбатов, Геннадий Герасимов, Олег Богомолов, Вадим Загладин, Георгий Шахназаров. Именно они после прихода к власти Горбачева составили основное ядро его перестроечной команды (75).

Еще более важной средой для распространения общественного оптимизма в конце 1950-х гг. была среда научная. В начале 1960-х гг. в коллективном сознании советского общества сложился культ науки и научно-технического прогресса, для новых интеллектуальных лидеров в Москве этот культ заменил собой религию. Как отмечают проницательные наблюдатели, атеизм того времени «не был правительственным произволом. Он опирался на идеологию советской интеллигенции... Советская интеллигенция жила будущим, потом прошлым, но никогда — настоящим». Дух оптимизма, царивший в 1960-е, основывался на твердой вере в способности человеческого разума, в то, что коллективными усилиями можно преодолеть любые трудности, если вооружиться научным знанием и освободиться от бюрократических препон (76).

В Советском Союзе именно в научной среде была популярна вера в светлое будущее социализма. По иронии судьбы, этому во многом способствовала холодная война, стимулировавшая бурный рост военно-промышленного комплекса. Благодаря гонке вооружений с Соединенными Штатами, ученые превратились в одну из наиболее влиятельных сил в советском обществе. На предприятиях военно-промышленного комплекса трудились тысячи научных сотрудников. К 1962 г. в ВПК уже входило 966 объектов: заводы, научно-исследовательские и опытно-конструкторские лаборатории, проектные бюро и целые институты, где в общей сложности работало 3,7 млн человек. Многие молодые специалисты ехали работать в научно-исследовательские центры, располагавшиеся в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в закрытые города и академгородки, которых насчитывалось несколько десятков по всему Советскому Союзу. Это были образцовые поселения городского типа, которые строились Министерством атомной промышленности, Академией наук и другими учреждениями, имевшими отношение к «оборонке», научным разработкам военного назначения. Всем специалистам предоставлялась стабильная работа, сравнительно высокая зарплата и всевозможные социальные блага — от бесплатных детсадов до бесплатного жилья. Эти секретные поселения, куда посторонним вход был закрыт, являлись, как ни странно, некими островками свободы на территории СССР. Один из журналистов, которому удалось побывать в подобном закрытом городке в 1963 г., познакомился там с учеными, которые свободно и не таясь говорили на любые темы — касались ли они вопросов политики или культуры. В среде научной интеллигенции обсуждалась модель общества, в котором реальная власть принадлежала бы ученым и интеллектуальной элите; вынашивалась идея «третьего пути» развития — между сталинским казарменным «социализмом» и западным капитализмом. Многие из участников подобных дискуссий были совершенно убеждены в том, что советскую систему можно изменить «научным образом» — с помощью союза между учеными и образованными аппаратчиками (77).

Было бы, однако, преувеличением изображать советских ученых как «другую» элиту, чуть ли не прототип гражданского общества внутри тоталитарной модели. Внутри научного сообщества уживались стремление к большей независимости от партийной идеологии и косного бюрократического аппарата и полная уверенность, что партийное начальство и государственные структуры *должны* предоставлять все больше и больше средств на нужды науки, в том числе для фундаментальных исследований. Историк советской науки Николай Кременцов пишет о «симбиозе научного сообщества и контролирующего

это сообщество партийно-государственного аппарата — как на уровне институтов, так и на личном уровне» (78).

Поначалу значительная часть научного сообщества, настроенная на реформы, поддерживала усилия Хрущева, направленные на расширение влияния СССР в мире, в особенности взятый им курс на оказание помощи странам Азии, Африки и Латинской Америки. В конце 1950-х гг. десятки тысяч советских специалистов — инженеров, ученых, техников — работали в Китае, оказывая «братскую помощь» в создании военно-промышленной базы, системы образования и здравоохранения этой страны. Свидетели вспоминают неподдельный энтузиазм, который двигал участниками этого грандиозного проекта. Советский физик Евгений Негин, помогавший китайским ученым создавать атомную программу, писал, что «лучше всего отношения между Советским Союзом и Китаем в 1959 году могут охарактеризовать слова песни “Москва — Пекин”, популярной еще в сталинское время: русские и китайцы — братья навек...» (79).

Для многих в Советском Союзе разрыв отношений с Китаем в начале 1960-х гг. явился полной неожиданностью и побудил критически взглянуть на внешнюю политику Хрущева. И все же линия на оказание интернациональной помощи «братским народам» какое-то время продолжала пользоваться искренней поддержкой. Ведь в мире было немало других «друзей», а значит, и возможности для проявления пролетарской солидарности. Советские люди сочувствовали радикальным арабским режимам в Египте, Сирии, Ираке и Алжире, а также народам далеких и экзотических азиатских стран, таких как Индия, Бирма и Индонезия. Кроме того, в участии и помощи СССР нуждались африканские государства, освободившиеся от колониального гнета: Гана, Эфиопия, Гвинея, Мали, Конго. В условиях холодной войны перспектива внедрения социалистических идей по советскому образцу казалась политическому руководству СССР весьма привлекательной, и в 1970-х гг. борьба за влияние в странах третьего мира достигла апогея. Вместе с тем такая политика была созвучна оптимистическим и романтическим настроениям в образованных группах советского общества (80).

Кубинская революция 1959 г. возродила надежду Москвы на то, что коммунизм действительно является будущим мира. Победа Фиделя Кастро, Эрнесто Че Гевары, Камилло Сьенфуэгоса и других молодых симпатичных «бородачей» поразила воображение многих советских граждан, включая и тех членов номенклатуры, которые съездили на Кубу для того, чтобы собственными глазами увидеть новоявленный «форпост социализма» в тропиках (81). Евгений Евтушенко, в то время молодой поэт, стал неофициальным литературным послом Кубы в СССР, воспев Остров свободы в своих восторженных

виришах и даже написав сценарий для фильма «Я — Куба». Вся страна распевала песню «Куба, любовь моя!». На волне всеобщей любви к Кубе особенно бурно проявлялась популярность Эрнеста Хемингуэя, чьи романы «Прощай, оружие!» и «По ком звонит колокол» прежде были запрещены в Советском Союзе. Теперь, однако, Хемингуэй жил на Кубе, и его культ слился с культом молодой революции. Когда Анастас Микоян, второе лицо в советском руководстве, летел в феврале 1960 г. на Кубу, он, по совету сына Серго, всю дорогу читал только что изданный двухтомник американского писателя. Позднее он встретился с Хемингуэем и пригласил его приехать в СССР (82).

Для молодых интеллектуалов начала 1960-х гг. кубинская революция была «ремейком» Октябрьской революции 1917 г. Кроме того, она давала обществу, уставшему от убийств и насилия, надежду, что настоящая революция, оказывается, может происходить без большого кровопролития. Благодаря Кубе советская внешняя политика, казалось бы, навеки скомпрометированная сталинским имперским цинизмом, вновь получила инъекцию революционного романтизма. К тому же Остров свободы, находясь так близко от США, сумел каким-то чудесным образом вырваться из зоны притяжения могучей сверхдержавы. Для советских романтиков-ленинцев Латинская Америка не казалась такой уж недостижимой. Этот романтизм проник даже в души русских державников, которых было много в высших слоях комсомола. «Теперь уже надо думать о том, — говорил съезду пропагандистов комсомольский вожак Сергей Павлов в январе 1961 г., — что вот-вот вслед за Кубой пойдут другие страны Латинской Америки. И уже буквально сейчас в Латинской Америке американцы сидят на бочке с порохом. Вот-вот будет взрыв в Венесуэле. В Чили массовые забастовки. В Бразилии, в Колумбии, в Гватемале — то же самое» (83). Повальное увлечение Кубой не угасло даже после окончания Карибского ракетного кризиса. Когда весной 1963 г. Фидель Кастро по приглашению Хрущева приехал с визитом в СССР, его повсюду приветствовали восторженные толпы советских людей.

Эрозия советского патриотизма

Многие годы революционный романтизм берег души образованных советских людей от влияния Запада. Однако стоило кому-то из них выглянуть из-за железного занавеса, как сразу же становилось очевидным, насколько свободней, разнообразней и богаче может быть жизнь в обществе, где нет идеологического единомыслия, страха перед органами госбезопасности и жесткой регламентации всего и вся. Кинорежиссер Андрей Кончаловский, сын облащенного властями автора государственного гимна СССР, описал в мемуарах

свою первую заграничную поездку на Венецианский кинофестиваль в 1962 г. Венеция, Рим и Париж, куда Кончаловский попал в первый раз, произвели на него неизгладимое впечатление. Великолепный венецианский Гранд-канал, исторические палаццо, веселое многолюдье и несметное количество огней, отели, где горничные в ослепительно белых передниках начищали до блеска медь дверных ручек, и прежде всего воздух свободы, отсутствие придавленности и раболепия — все это ошеломяло, повергало в смятение. Это смятение усугублялось сравнением увиденного с унылым, блеклым, вечно униженным советским миром. Много лет спустя Кончаловский вспоминал: «Все мои последующие идеологические шатания и антипатриотические поступки идут отсюда» (84). Позже Кончаловский эмигрировал на Запад, работал в Голливуде и вернулся в Россию лишь в 1990-е гг. Многие в советских элитах испытали, подобному ему, культурный шок и заболели «западной болезнью».

Со временем советские люди стали ездить за границу не для «строительства социализма» и без романтических ожиданий. Для партийных и государственных функционеров, представителей культурной элиты поездки за рубеж превратились в вопрос престижа и статуса, а также доступа к возжеланным материальным благам, которых не было в СССР. В начале 1960-х гг. даже возник официальный «молодежный туризм», по каналам которого нескончаемые вереницы комсомольских работников поехали за рубеж: за один 1961 г. 8 тыс. молодых людей по линии комсомола и его «обществ дружбы» посетили Соединенные Штаты Америки, Великобританию, Швейцарию, Западную Германию и другие капиталистические страны (85). Многие из них, побывав там, окончательно убедились, что общество изобилия, которое Хрущев обещал советскому народу в будущем, уже существует на Западе. Михаил Горбачев из Ставропольского крайкома КПСС совершил свою первую зарубежную поездку в ГДР в середине 1960-х гг. В 1971 г., будучи первым секретарем крайкома, т. е. номенклатурным работником высшего звена, Горбачев уже смог путешествовать по Италии с женой. Он взял напрокат автомобиль и объехал на нем Рим, Палермо, Флоренцию и Турин. Раиса Горбачева вела в ходе поездки социологические наблюдения, делая подробные заметки в блокнотах. В какой-то момент эти наблюдения подвигли Раису спросить мужа: «Миша, почему мы живем хуже?» (86).

Еще одним следствием культурных перемен в советском обществе стал спад воинственных ура-патриотических настроений. Успехи в ядерных вооружениях вдохновили Хрущева в 1959 г. на то, чтобы начать отход от практики всеобщей воинской повинности и длительной службы в рядах вооруженных сил — одной из основ милитаризации общества (87). Все большее число молодых людей, в частности сту-

дентов, получали отсрочки, а то и вовсе освобождались от военной службы. В 1960 и начале 1961 г. были произведены значительные сокращения в личном составе советской армии — на одну треть. Сотни тысяч юношей смогли получить отсрочки от призыва, а сотни тысяч офицеров оказались «на гражданке». С января 1961 г. в высших учебных заведениях были отменены военные кафедры — их восстановили в 1965 г., после смещения Хрущева (88).

«Мирные наступления» послесталинской советской дипломатии, радикальное сокращение армии и сворачивание военной пропаганды привели к тому, что в общественных настроениях начали проявляться антивоенные и даже пацифистские настроения. Хотя советские кинофильмы, спектакли, литературные произведения и мемуары по-прежнему посвящались героям Гражданской войны и подвигам советских людей в Великую Отечественную, в них было все меньше официального пафоса и все больше трагического реализма и внимания к личности. Стала выходить в свет «проза лейтенантов» — произведения писателей, прошедших войну молодыми и попытавшихся честно разобраться в том, что произошло тогда лично с ними и со всей страной. Началась эта тенденция романом «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, опубликованном еще при Сталине, и продолжилась трилогией Константина Симонова «Живые и мертвые», рассказами и повестями Булата Окуджавы, Василя Быкова, Алеся Адамовича, Юрия Бондарева и других. В своей трилогии Симонов связывал тяжелейшие поражения и потери, которые понесли советские войска в первые месяцы войны с немцами, со сталинскими репрессиями военных. Новая военная проза была встречена в штыки, в том числе многими сталинскими маршалами и генералами. «Литературная газета», орган Союза писателей, критически относилась к попыткам «дегероизации» войны, а ведущий кремлевский идеолог Юрий Жуков писал в «Известиях» о том, что «некоторые произведения» изображают войну «гнетущим образом, как непрерывную бойню» (89).

Образованная публика, проживавшая, главным образом, в Москве, Ленинграде и других крупных городах СССР, знакомилась с написанными после Первой мировой войны антивоенными произведениями западных писателей так называемого потерянного поколения. Особенно популярны стали романы Эриха Марии Ремарка — они резонировали с настроениями советской молодежи. Кинематограф доносил антивоенные настроения до массового сознания. Фильмы «Сорок первый», «Баллада о солдате» и «Чистое небо», созданные ветераном войны Григорием Чухраем, картина «Летят журавли» режиссера старшего поколения Михаила Калатозова изображали войну как бесконечно разнообразную панораму

личных драм, где патриотизм, героизм, чувство долга соседствовали с предательством, трусостью, низким карьеризмом. Причем грань между ними, грань между жизнью и смертью нередко определялась слепым случаем, непредвиденными обстоятельствами. В пронзительном фильме Андрея Тарковского «Иваново детство» рассказывалось о том, как война калечит детскую душу. Новые фильмы периода «оттепели» разительно отличались от сталинских фальшивых и помпезных агиток — их патриотизм был зовом сердца, а не барабанного боя. Лучшие киноленты о войне напоминали кинозрителям о взлете народного духа, самых ярких его страницах. Но они же поднимали вопросы о том, почему надежды на лучшую послевоенную жизнь оказались раздавленными (90).

В СССР миллионы людей подписывали официозные воззвания за мир, но при этом мало кто из них ясно понимал, куда может привести гонка ядерных вооружений. События, связанные с Берлинским кризисом или ситуацией вокруг Кубы, внушали тревогу, но нехватка информации и пропагандистские фильтры ее заглушали. И все же были люди, прежде всего среди писателей, поэтов и художников, которые чутко реагировали на происходящее. Их взгляды перекликались с настроениями американских битников Аллена Гинзберга и Джека Керуака, чье бунтарство против господствующей культуры питалось страхом перед ядерной войной. Белорусский писатель Алесь Адамович и русский поэт Булат Окуджава не только оплакивали своих сверстников, погибших во время Второй мировой войны, но также способствовали изменению общественных настроений — все больше людей задумывались о том, что расколотый мир может ввергнуть человечество во всеобщую катастрофу. В 1961 г. за рубежом под псевдонимом Абрам Терц вышел рассказ Андрея Синявского «Гололедица», в котором содержался намек на ядерные испытания и их последствия. Осенью 1962 г. поэт Андрей Вознесенский, находясь за границей, сказал в одном из интервью: «Восхищаюсь битниками: они поэты атомного века». Литературный критик Игорь Дедков, часто публиковавшийся в журнале «Новый мир», записал в своем дневнике: «Любые приготовления к войне отвратительны. Я боюсь не за себя, а за сына и миллионы таких, как он. Если это убеждение считается пацифизмом, то я — пацифист». Позже Адамович писал о себе и некоторых идеалистах-«шестидесятниках»: «Наш пацифизм был связан с нашим желанием решить более обширную задачу». Эта задача заключалась в том, чтобы преобразовать общество и царящие в нем взгляды, доставшиеся в наследство от Сталина (91).

Ученые, работавшие над созданием ядерного оружия, пользовались особыми привилегиями и доступом к высшему руководству страны. Некоторые из них пытались использовать это, чтобы повли-

ять на советскую оборонную политику с позиций здравого смысла. Однажды на банкете по случаю успешного завершения ядерного испытания молодой Сахаров произнес тост в присутствии главкома РВСН маршала Митрофана Неделина. Ученый предложил выпить за то, чтобы такое страшное оружие никогда не было бы применено. Маршал ответил ученому пословицей: «Старик на ночь молился: Господи, укрепи и направь. А бабка на печке ворчит: пусть укрепит, направлю я сама». Сахарова оглоло как ударом хлыста. Он вспоминал впоследствии: «Неделин считал необходимым дать отпор моему неприемлемому пацифистскому уклону, поставить на место меня и всех других, кому может прийти в голову нечто подобное... Мысли и ощущения, которые формировались тогда и не ослабевают с тех пор, вместе со многим другим, что принесла жизнь, в последующие годы привели к изменению всей моей позиции». Между некоторыми учеными, создававшими советский ядерный щит, и военными, которые под руководством партии должны были удерживать этот щит, пролегла глубокая трещина. «Начиная с конца 1950-х, — вспоминал Сахаров, — все яснее становилась коллективная мощь военно-промышленного комплекса и его энергичных, беспринципных руководителей, глухих ко всему, кроме их “дела”». Советские ученые знали из иностранной печати, что многие из их западных коллег присоединились к движению за ядерное разоружение. Это побуждало их думать о своей моральной ответственности и критически оценивать государственную политику СССР, особенно в вопросах прямого и косвенного применения военной силы на международной арене (92).

Демографические изменения также способствовали тому, что населению Советского Союза все меньше и меньше хотелось воевать. За послевоенный период с 1945 по 1966 г. в Советском Союзе родилось 70 млн новых граждан. Из-за быстрой урбанизации большая часть этой молодежи росла и получала образование не в селах и маленьких городках, а в крупных городах. Это было новое поколение советских граждан, в отличие от образованной молодежи 1930-х и 1940-х гг., не грезящее о будущих сражениях за мировой социализм. Среди них росло число этнически нерусских, которым совершенно не были близки темы «российской боевой славы» и жертвенного великодержавного патриотизма (93). Молодые люди начала 1960-х гг. были наслышаны от своих отцов и старших братьев о том, сколь ужасной ценой им досталась победа в 1945 г. Владимир Высоцкий, любивший беседовать с фронтовиками, в своих песнях выразил их боль о проклятой войне, о народной трагедии бойни-геноцида. «А все же на запад идут и идут, и идут батальоны, и над похоронкой заходятся бабы в тылу» (94). Те же, кто шел служить в советскую армию, обнаруживал здесь не атмосферу товарищества, а все больше неуставные отношения и

грубость сержантов, допотопные методы муштры. Все это выглядело откровенной карикатурой на военную подготовку в условиях, когда предполагалось, что исход войны будет решен ядерными ударами. Все больше образованных юношей и их родителей искали возможность, чтобы избежать военной службы, чего прежде не наблюдалось. Все больше людей осознали, что Советский Союз не готов к такой войне, так же как он был не готов к войне летом 1941 г. В романе «Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина» Владимир Войнович выразил эти настроения в блестящем сатирическом ключе, при этом весьма реалистично обрисовав показуху, безалаберность, террор и полную неготовность Советского Союза к немецкому вторжению. Войнович опубликовал свой роман в 1969 г. за границей; позднее это ему припомнили, когда исключали из Союза писателей СССР (95).

Разумеется, не следует преувеличивать масштабы и темпы роста антивоенных настроений в советском обществе. Как и в случае со студенческим движением в 1956 г., новые веяния коснулись лишь части образованной молодежи в Москве, Ленинграде и нескольких других крупных городах. Холодная война продолжалась, и открыто выражать пацифистские настроения было опасно.

Одним из главных источников эрозии советского патриотизма стал национальный вопрос. Хрущевская эпоха была временем, когда согласно официальной доктрине «дружба народов» привела к формированию «новой исторической общности — советского народа». Действительно, в Советском Союзе полным ходом шли процессы этнической ассимиляции, заключалось множество межэтнических браков, русский язык получил права всеобщего. Вместе с тем продолжалось развитие национальных идентичностей, которое грозило в будущем размыть и подорвать имперскую общность. Этнонациональные идентичности проявили себя в годы революции и Гражданской войны в Прибалтике, на Украине и Кавказе. В 1920-е гг. большевистская власть проводила курс на «коренизацию», поддержку развития национальных и автономных республик и автономных областей во многом за счет великорусской части населения и великорусской идентичности. При Сталине, в обстановке индустриализации и подготовки к войне, «русскость», русский язык и история стали конституирующей основной полиэтнического государства, но нерусские титульные национальности сохранили значительные институциональные преимущества перед русскими: они имели не только «свою» территорию, но и «свою» компартию, академию наук и учреждения культуры. Несмотря на то что все эти институты оставались под контролем коммунистической партии, именно в них начал вырастать

этнический национализм, имевший явно выраженную антирусскую и антисоветскую окраску (96).

После войны бурный рост великорусского сознания в рамках сталинской парадигмы продолжался — на этот раз за счет «национальных меньшинств», прежде всего евреев. Сталинская кампания «борьбы с космополитизмом» сопровождалась очередной заменой кадров, теперь уже не по классовому, а по национальному признаку: от еврейских кадров избавлялись, русские и украинские кадры продвигали. Эта кампания оставила глубокую травму в сознании советской элиты, где с 1920-х гг. было непропорционально много выходцев из еврейских семей. После смерти Сталина в 1953 г. открытая травля евреев прекратилась, однако мрачный осадок остался. Власти ничего не сделали, чтобы реабилитировать репрессированных евреев, в том числе видных деятелей культуры, пострадавших во время чисток 1948–1952 гг. Закрытые за это время еврейские образовательные и культурные учреждения на идише так и не были восстановлены. Государственный антисемитизм продолжал существовать, хотя вслух об этом не говорилось. В инструкциях для служебного пользования, в частности в отделах кадров всех советских учреждений, люди «еврейской национальности» по-прежнему подвергались дискриминации. Считалось, что они не вполне заслуживают доверия, а значит, не подходят для работы в секретных государственных учреждениях (существенное исключение представляли научные лаборатории, имевшие отношение к военно-промышленному комплексу, ядерной энергетике и Академии наук). Евреи также не должны были занимать высшие партийные и государственные посты, зарезервированные для выходцев из основных «титულных национальностей» Советского Союза, прежде всего русских. То обстоятельство, что, начиная с 1956 г., Советский Союз поддерживал арабские государства, выступавшие против Израиля, отрицательно сказалось на положении евреев в СССР. Евреев подозревали в сионистских симпатиях, т. е. в лояльности к другому государству (97). Для того чтобы евреи могли получить разрешение на поездку за пределы СССР, им, в отличие от советских граждан других национальностей, приходилось преодолевать дополнительные препятствия. Хрущев и его окружение относились к евреям и еврейской культуре с большой подозрительностью, хотя на словах отвергали обвинения в антисемитизме. На Украине, где антисемитизм имел давние корни, местные партийные власти под предлогом «борьбы с сионистской пропагандой» поддерживали публикацию ряда откровенно антисемитских брошюр (98).

Многие известные деятели культуры, у которых в паспорте в графе «национальность» было написано «еврей», по-прежнему считали сталинизм трагической ошибкой, отклонением от правильного в це-

лом курса на социализм. Поэт и писатель Давид Самойлов в апреле 1956 г. записал в своем дневнике: «Русская тирания — дитя русской нищеты. Общественная потребность в ней порождалась скудостью экономики, необходимостью свершить жестокие и героические усилия для расширения общественного богатства. Но диктатура, принятая обществом... постаралась заменить истинный, простой идеал человека античеловеческими идеями шовинизма, вражды, подозрительности, человеконенавистничества» (99). Самойлов и другие высокообразованные интеллектуалы еврейского происхождения считали себя полностью ассимилированными и не испытывали никаких «национальных», тем более религиозных чувств солидарности с «еврейством». Но их «национальность по паспорту» напоминала о себе на каждом шагу.

В основном по этой причине образованные молодые евреи чувствовали возрастающее отчуждение от советского общества. Юноши и девушки из еврейских семей нередко отличались начитанностью и тягой к образованию и знаниям. При этом они рано сознавали, что из-за национальной графы в паспорте у них не будет такой блестящей карьеры, как у их родителей в 1920-е и 1930-е гг. Михаил Агурский, сын убежденных большевиков-интернационалистов, впоследствии православный, а затем сионист, вспоминал, какие чувства владели им в 1960-е гг.: «Евреи были обращены в сословие рабов. Нельзя было ожидать, что народ, давший уже при советской власти и политических лидеров, и дипломатов, и военачальников, и хозяев экономики, согласится возвратиться в униженное состояние сословия, высшей мечтой которого было получить должность зав. лабораторией» (100).

Многие представители советской интеллигенции с еврейскими корнями — писатели, поэты, музыканты, художники и актеры — пережили страх и унижение в годы «борьбы с космополитизмом». Это помогло им избавиться от иллюзий относительно природы советской власти. В 1960-е гг. они оказались в авангарде процессов культурной эмансипации и начали задумываться на тему прав человека. Быть евреем в то время означало быть сторонником интернационализма и большей толерантности в обществе, но прежде всего быть антисталинистом. Все это сближало евреев и неевреев в новое интеллигентское сообщество. В 1961 г. Евгений Евтушенко опубликовал в «Литературной газете» стихотворение «Бабий Яр», нарушив сложившуюся в СССР традицию замалчивания геноцида евреев в годы Второй мировой войны. Это стихотворение было включено Дмитрием Шостаковичем в его Тринадцатую симфонию. В декабре 1962 г. кинорежиссер Михаил Ромм выступил на конференции с критикой великодержавной пропаганды сталинского толка и призвал покончить с самоизоля-

цией от западной культуры (101). Эренбург начал публиковать свои мемуары «Люди. Годы. Жизнь», где напоминал о дискриминации евреев в царской России. И Эренбург, и Ромм, давно забывшие о своих еврейских корнях во имя идеалов социалистического интернационализма, и русские Евтушенко и Шостакович, питавшие отвращение к любой форме дискриминации по национальному признаку, открыто объявили себя «евреями» и солидарными с ними — в знак протеста против государственной ксенофобии, шовинизма и антисемитизма — отголосков сталинского прошлого (102).

Для многих евреев Израиль стал предметом коллективной гордости и все больше мечтой о другой жизни. Во время арабо-израильского конфликта в октябре 1956 г. советские газеты обрушились на Израиль с яростной критикой за его агрессию против Египта (103). Но не прошло и года, как в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов приехала делегация из Израйля. В составе делегации были молодые ветераны недавней войны: они держались с достоинством и без страха, а главное, гордились тем, что они — евреи. Для московских и ленинградских евреев это было совершенно новым, это ошеломяло (104). В официальных отчетах о фестивале с тревогой отмечалось: «Сионисты стремятся вести пропаганду среди советских граждан еврейской национальности», «на международный концерт в Останкино с участием израильской делегации пришло несколько тысяч граждан еврейской национальности»; «многие евреи Москвы ежедневно устраивают паломничество к общежитию Тимирязевской академии, где размещена израильская делегация». Большая толпа молодых евреев, не сумевших достать билеты на музыкальное представление израильской делегации, взломала железные ворота перед театром Моссовета и ворвалась во двор театра. Для советских евреев приезд израильтян стал знаковым событием: некоторые из них впервые в своей жизни заинтересовались религией своего народа, его культурными традициями. Несмотря на усиленную антиссионистскую пропаганду, все больше и больше евреев стали подавать заявление об эмиграции: они желали уехать на Ближний Восток, на свою вновь открытую «историческую родину» (105).

Одновременно в противовес «еврейскому» движению возникло другое неоформленное, но значительное движение, выстроенное на идеях русского национализма, его сторонники считали революцию 1917 г. незаконным переворотом и концом «русской государственности». Как отмечает израильский историк Ицхак Брудный, «к началу хрущевского времени уже многие русские националисты-интеллектуалы занимали высокое положение в ведущих институтах и университетах, заседали в редакциях важнейших газет и литературных журналов или часто там печатались». Эти люди выступали про-

тив разрушения памятников русской истории, уничтожения православных храмов. Они горевали о том, что русская деревня, издавна считавшаяся хранительницей традиций предков и духовности народа, быстро исчезает с лица земли. Существенной составляющей идеологии нового русского национализма стал антисемитизм. По сути, главные обвинения в адрес евреев были восприняты новым поколением националистов от Белой эмиграции и ветеранов «власовской армии», живущих на Западе, и прежде всего тезис о том, что революция 1917 г. явилась нечем иным, кроме как «еврейско-большевистским заговором» против русского народа (106).

Укрепление позиций русских националистов, наряду с ростом еврейского самосознания, приводило к росту напряженности и скрытой фракционной борьбе внутри творческих союзов, в учебных заведениях и даже научных кругах. Ситуация на Ближнем Востоке лишь подливала масла в огонь. Блестящая победа израильтян над арабами в Шестидневной войне 1967 г. наполнила советских евреев гордостью за свою далекую «родину» и резко отделила их от советского общества, особенно от «русских» антисемитов. Все эти события позднее привели к тому, что у многих молодых евреев отпало желание быть советскими гражданами, и они стали думать об отъезде из СССР (107).

Всплеск инакомыслия

Хрущев, особенно к концу своего правления, дискредитировал начатый им самим процесс десталинизации общества. Первый секретарь ЦК КПСС никак не мог определиться и понять, чем же ему следует руководствоваться: с одной стороны, он ненавидел Сталина, но при этом предпочитал использовать методы администрирования и кампанейщины сталинского образца. Ему хронически не хватало последовательности в действиях, а своими бесконечными речами и безрассудным поведением он подорвал свой авторитет. В марте 1961 г. историк, профессор МГУ Сергей Дмитриев записал в своем дневнике: «Хрущев всем безобразно надоел. Его поездки и бессодержательно-многословные словоизвержения приобрели вполне законченное идиотское звучание. Вообще все чаще чувствуется в общественно-политической атмосфере какая-то совершенная прострация, сгущающаяся пустота, топтанье в пределах все того же давно выбитого пятачка, круга» (108).

Из-за непоследовательной политики в области культуры Никита Сергеевич нажил себе множество врагов среди влиятельных деятелей искусств и тех чиновников, которые тосковали о сталинском единообразии. Он лично одобрил повесть Александра Солженицына

«Один день Ивана Денисовича», которую ему показал Твардовский. Либерально настроенная интеллигенция восторженно встретила публикацию повести Солженицына в «Новом мире». На мгновение кое-кому даже показалось, что стены сталинской цензуры пали и теперь можно свободно и безбоязненно говорить правду о преступлениях прошедшей эпохи. Однако уже 1 декабря 1962 г. Хрущев явился на выставку московских художников в Манеже и, натравленный партийными идеологами и академиками от живописи, устроил разнос молодым художникам-авангардистам, обзывая их «дегенератами» и «педерастами», а их произведения — «мазней» и «дерьмом собачьим». Площадной бранью Хрущеву хотелось показать, что лично он, как и все люди его поколения, является приверженцем «народного искусства» в духе социалистического реализма и твердо держит руку на руле партийного управления культурой. Однако своей безобразной выходкой советский руководитель сыграл на руку ретроградам-сталинистам, а также «русским патриотам», и подорвал позиции тех деятелей культуры, которые поддерживали курс XX съезда. В декабре 1962 и марте 1963 г. прошли две разгромные встречи Хрущева с творческой интеллигенцией, на которых он проявил еще большую грубость и нетерпимость, чем на встрече в 1957 г. Не стесняясь в выражениях, он обвинял молодых литераторов и художников в «антисоветчине» и открыто грозился выслать их из страны. Никита Сергеевич оповестил собравшихся людей из творческих элит о том, что они должны оставаться «артиллерией партии» и прекратить «бить по своим». Большинство молодых художников и литераторов уже не желали быть «артиллеристами», тем более партийными, но все еще верили, что своим творчеством помогают проводить «линию XX съезда», т. е. способствуют гуманизации социализма. Они рассчитывали на то, что Хрущев поддержит их в противостоянии со сталинистами. Вместо этого писатель Василий Аксенов, поэты Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, скульптор Эрнст Неизвестный и другие яркие и талантливые люди из оттепельного антисталинистского лагеря подверглись злобной и хорошо организованной травле. Они вдруг осознали, что им противостоит грубая и безжалостная сила, поддержанная лидером государства (109). Это осознание положило начало культурному и политическому инакомыслию в СССР.

Снятие Н. С. Хрущева в 1964 г. со всех должностей первоначально устроило всех — как сталинистов, так и антисталинистов. Люди, поддерживавшие «оттепель» и политику борьбы с культом личности, полагали, что Хрущев уже ни на что не годен и любой руководитель, который придет ему на смену, будет лучше. Однако вскоре они поняли, как ошиблись. Новая кремлевская верхушка довольно быстро свернула процесс десталинизации советского общества. Основной массе

партийных руководителей и идеологов не нравились новые веяния, проникавшие с Запада в среду советской интеллигенции. Появились «разговорчики» о правах и свободе личности, люди стали выражать пацифистские взгляды и высказываться за плюрализм мнений, росла популярность американской музыки и массовой культуры. За просчеты и провалы партийных пропагандистов должен был отвечать КГБ: в органах госбезопасности был создан отдел, который занимался «профилактической работой» с представителями творческих и научных элит. В своем докладе, представленном в конце 1965 г. Центральному комитету КПСС, КГБ пытался минимизировать ущерб, нанесенный предыдущим десятилетием существующему строю: «Нельзя говорить о том, что отдельные антисоветские и политически вредные проявления свидетельствуют об общем росте недовольства в стране или о серьезных намерениях создать антисоветское подполье. Об этом не может быть и речи» (110).

Однако в том же году новое руководство страны и КГБ своими действиями спровоцировали новый серьезный конфликт между интеллигенцией и государством. 8 мая Леонид Брежнев с трибуны торжественного заседания в Кремле, посвященного Дню Победы, произнес хвалебные слова о Сталине как выдающемся полководце. А в сентябре сотрудники КГБ арестовали писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, чье «преступление» заключалось в том, что они, под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак, публиковали свои произведения за границей. Неожиданно для властей в ЦК КПСС стали поступать многочисленные обращения от ведущих деятелей науки и культуры СССР — ученых, литераторов, художников — с просьбой освободить арестованных писателей и остановить процесс сползания назад к сталинизму. Благодаря энергии жен арестованных писателей, их друзей и сочувствующих им интеллектуалов возникло подлинно демократическое движение, выступавшее за гласность судебных процессов и соблюдение конституционных прав личности. Члены движения, которых официальные органы впоследствии прозвали диссидентами, не только обращались к власти с призывом «уважать вашу собственную Конституцию». Вскоре они стали вызывать к мировой общественности через зарубежные средства массовой информации (111).

Советское военное вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. подтвердило худшие опасения свободолюбиво настроенной части советской интеллигенции: послехрущевское руководство ведет страну по пути возрождения сталинизма. Подавление грубой силой идей Пражской весны и «социализма с человеческим лицом» разбило еще теплившуюся надежду на реформирование существующей в Советском Союзе системы. События в Чехословакии не вызвали

сколь-нибудь заметного общественного протеста, если не считать героический выход на Красную площадь восьми людей с лозунгами солидарности с чехами. Но значительное число людей в советских элитах переживало кризис идентичности, их чувства были поруганы, идеалистический советский патриотизм растоптан. История диссидентского движения, его влияния на умянастроения в обществе выходит за рамки данной книги. Диссидентов, открыто выражавших свои взгляды, было не слишком много. Однако среди образованных и думающих людей было немало тех, кто сочувствовал инакомыслящим, поддерживал их позицию и считал, что моральная правота на их стороне. Таких людей насчитывалось сотни тысяч. Следует отметить, что многие диссиденты в прошлом являлись пламенными коммунистами-реформаторами, но со временем почувствовали себя обманутыми, разуверились в советском строе и стали враждебны режиму. Кроме того, они чувствовали отчуждение со стороны широких масс сограждан, не способных понять, что заставило их поменять свои взгляды и перейти на антисоветские позиции. Это растущее отчуждение перешло в самоизоляцию — желание не иметь ничего общего с этим государством и пассивным большинством его населения. Впоследствии эти настроения побудили многих диссидентов эмигрировать на Запад. Что касается «просвещенных аппаратчиков», то они в основном продолжали работать на государство и делать карьеру в ожидании очередного поворота судьбы.

Анализ событий, произошедших в период с 1956 по 1968 г., подводит к заключению о том, что Советский Союз в это время все еще обладал значительным потенциалом развития и даже обрел после смерти Сталина новые источники идеологической веры и социального оптимизма. Десятилетие хрущевского правления породило «шестидесятников» — новую группу интеллектуалов, деятелей науки и культуры, стремившихся раскрепостить и возглавить культурные и общественно-политические процессы в стране. Они верили в возможность построить в СССР «социализм с человеческим лицом». Изначально их советский патриотизм и общественная энергия основывались на марксистских понятиях прогресса, неизбежности перехода от буржуазной формации к социалистической. В недавней истории их вдохновляла романтика революции и левой культуры 1920-х гг., а также их ранний опыт войны с нацизмом. Однако к окончанию срока правления Хрущева в послевоенных поколениях энергия коммунистической утопии и исторический романтизм исчерпали свой потенциал. Ощущение принадлежности к единому советскому народу, получившее внутреннее наполнение благодаря опыту Великой Отечественной войны и противостоянию в холодной войне, начало расшатываться под воздействием внешних и внутренних сил.

В кругах образованных людей — студенческих компаниях и на интеллигентских посиделках, в дискуссиях коллег, научных лабораториях — начались интеллектуальные искания, стали проявляться новые мировоззренческие тенденции. В этой среде возникли культы западного авангардизма и «американизма», настроения пацифизма и анти-антисемитизма, фронда партийно-бюрократическому режиму, этнокультурные варианты антирусского национализма, и — не в последнюю очередь — набирающий силу консервативный русский национализм. Важна и еще одна тенденция: «просвещенные аппаратчики» после 1968 г. утратили веру в реформирование советского строя и перспективы быстрого карьерного роста. Одни из них продолжали служить по инерции, другие все больше убеждались, что СССР никогда не одержать верх в соревновании с Западом.

В итоге кремлевское руководство и советская бюрократия не смогли совладать с процессами относительной либерализации общества, начавшейся после смерти Сталина. Значительные группы культурных, интеллектуальных и научных элит, лояльные советскому проекту в начале хрущевского правления, в конце его испытали значительное разочарование и даже отчуждение. Действия властей, начиная с окриков в адрес творческой интеллигенции и заканчивая вторжением в Чехословакию, вызывали значительное брожение в советских тылах, породили эрозию официального патриотизма, заронили семена инакомыслия в самую сердцевину советской элиты. Эти явления поначалу не выглядели серьезными. Но в горбачевскую перестройку они сыграли критическую роль.

В брежневское время советские руководители отказались от реформистских планов. Новых правителей вполне устраивало ритуальное поклонение изжившей себя коммунистической идеологии. Им казалось, что они успешно усмиряют инакомыслие в сфере культуры, отправляя участников диссидентского движения в тюрьму или ссылку либо вынуждая их к эмиграции. Не желая проводить в стране реформы, Брежнев взял курс на политику разрядки в отношениях с западными державами. Благодаря разрядке брежневское руководство рассчитывало решить проблему нехватки товаров, в которых остро нуждались советские потребители, и доступа к технологиям, которые были нужны советской экономике. Одновременно после травматического разрыва с Китаем и вторжения в Чехословакию Кремль пытался компенсировать утрату революционной легитимности международным геополитическим признанием. Пусть советский проект уже не вдохновлял «прогрессивных» интеллектуалов во всем мире, зато руководство США признало руководство СССР равноправным партнером. Но разрядка не пошла советской империи впрок и не прошла для нее безнаказанно. Улучшение от-

ношений с Западом вело к дальнейшему разрушению выстроенного при Сталине «закрытого общества» и все большей интеграции Советского Союза с остальным миром, в том числе в культурной и экономической сферах. Для советской империи это был путь, сопряженный с большой опасностью. Свернуть с него, пойти обратной дорогой было практически невозможно.

Глава 7

ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ И ДОРОГА К РАЗРЯДКЕ, 1962–1972

Нам следует вести обсуждение по крупным проблемам, не останавливаясь на второстепенных вопросах. Наши соглашения должны быть многозначными. Они должны пользоваться пониманием у наших народов и вносить в международные отношения элементы покоя.

Брежнев — Киссинджеру, 21 апреля 1972

29 мая 1972 г. в Кремлевском дворце состоялась торжественная церемония. Президент США Ричард Милхауз Никсон и генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев подписали пакет двусторонних документов, в том числе договор об ограничении систем противоракетной обороны (договор по ПРО), временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), а также «Основы взаимоотношений между СССР и США». Церемония подписания стала вершиной политической карьеры Брежнева. Никогда еще после конференций в Ялте и Потсдаме международный престиж Советского Союза не поднимался так высоко.

Что представляла собой разрядка международной напряженности между СССР и Западом? Была ли она лишь эпизодом в истории холодной войны или временем важных перемен, которые предвещали конец биполярного мира и, может быть, конец советской империи? Политики и историки на Западе об этом спорят до сих пор. Уже с середины 1970-х гг. ряд политиков и журналистов атаковали администрацию Никсона, а затем администрации Форда и Картера за «сдачу» позиций Кремлю. Критики утверждали, что всякие соглашения с тоталитарным режимом аморальны и ненадежны. Они полагали, что СССР под завесой риторики о разрядке стремится к военному превосходству и вынашивает планы мирового господства. Сторонники разрядки оправдывались, доказывая, что разрядка является единственно разумным ответом на угрозу ядерной конфронтации и способом преодолеть раскол Европы. После распада Советского Союза и

критики, и сторонники разрядки остались при своем мнении, считая, что история доказала их правоту. Критики уверяли, что именно политика Рональда Рейгана, политика перевооружения США и глобального наступления помогли вернуть утраченные в 1970-х гг. позиции и обеспечить Западу победу в холодной войне. Сторонники разрядки заявляли, что в 1970-е гг. началась интеграция Советского Союза и советского блока в мировую экономику и были достигнуты важные соглашения, в том числе о соблюдении прав человека по обе стороны железного занавеса. Именно в годы разрядки СССР начал зависеть от западных финансов и истощил свои идеологические и экономические ресурсы. Следствием всех этих процессов, заключают сторонники разрядки, стал быстрый упадок и мирный распад СССР (1).

Исторические исследования, посвященные разрядке, освещают ее в основном с западной стороны. Преобладают книги о внешней политике США, основанные на американских архивах. В последнее время появились интересные работы по вкладу в разрядку западноевропейских стран. Хуже известно то, что происходило на советской стороне (2). Западные специалисты — авторы работ о политике СССР эпохи Брежнева не имели доступа к архивным материалам и довольно схематично, а то и просто гадательно описывали процесс принятия решений в Кремле (3). Новые архивные материалы, дневники и воспоминания позволяют пролить свет на мотивы внешнеполитического руководства СССР в период с 1969 по 1972 г. и, в частности, понять, каков был личный вклад Брежнева в процесс разрядки. В этой главе автора интересовали следующие вопросы. Какими доводами и мотивами руководствовались кремлевские политики, выбирая разрядку? Какие выводы сделали в Кремле из поражения США во вьетнамской войне? Как отреагировала Москва на внезапное сближение между капиталистической Америкой и коммунистическим Китаем? Были ли у советских руководителей намерения и конкретные планы воспользоваться видимым ослаблением американских позиций в мире в 1970-е гг.?

Чтобы понять, чем руководствовался Кремль в переговорах и соглашениях с лидерами США и Западной Европы, проясним некоторые важные обстоятельства, послужившие фоном для разрядки. Среди них — коллективное мышление новой группы людей, сменивших Хрущева в Кремле, политические расклады в новой верхушке, частичное возвращение к идеологическим догматам, отвергнутым в период «оттепели», противостояние в коридорах власти между консерваторами и сторонниками новой внешней политики, направленной на преодоление сталинских взглядов на холодную войну и развитие советской экономики. Важнейшим обстоятельством, повлиявшим на советскую дорогу к разрядке, стало формирование

взглядов и установок Брежнева на мировую политику и международную обстановку. Под влиянием Брежнева советская внешняя политика, преодолев шатания между переговорами и угрозами Западу, начала искать пути примирения с Соединенными Штатами и преодоления конфронтации в Европе.

Шатания после Хрущева

После того как в октябре 1964 г. Никита Сергеевич Хрущев был освобожден от всех занимаемых постов, вопросы международной политики СССР попали в ведение членов коллективного руководства Президиума ЦК КПСС — руководящего органа партии, состав которого поменялся дважды после смерти Сталина. Большинство членов Президиума резко критиковали Хрущева за безответственный блеф и авантюры на международной арене, приведшие к серьезным последствиям во время Суэцкого кризиса 1956 г., Берлинского кризиса 1958–1961 гг. и особенно в период Кубинского кризиса 1962 г. Один из секретарей ЦК, Дмитрий Полянский, подготовил специальный доклад об ошибках первого секретаря. В разделе о внешней политике заключался следующий пункт: «Товарищ Хрущев самодовольно заявлял, что Сталину не удалось проникнуть в Латинскую Америку, а ему удалось. Но, во-первых, политика “проникновения” — это не наша политика. А во-вторых, только авантюрист может утверждать, будто в современных условиях наше государство может оказать реальную военную помощь странам этого континента. Как туда переправить войска, как снабжать их? Ракеты в этом случае не годятся: они сожгут страну, которой надо помочь, — только и всего. Спросите любого нашего маршала, генерала, и они скажут, что планы военного “проникновения” в Южную Америку — это бред, чреватый громадной опасностью войны. А если бы мы ради помощи одной из латиноамериканских стран нанесли ядерный удар по США первыми, то мало того, что поставили бы под удар и себя, — от нас тогда все бы отшатнулись». Из содержания доклада следовал вывод о том, что Кубинский ракетный кризис позволил Соединенным Штатам укрепить свое положение на международной арене и нанес ущерб престижу СССР и его вооруженных сил. В докладе упоминалось, что «в отношениях кубинцев к нам, к нашей стране появились серьезные трещины, которые и до сих пор дают о себе знать» (4).

Некоторые пункты доклада Полянского повторяли отдельные положения речи Молотова, которую тот произнес в 1955 г., возражая против хрущевской внешней политики. Полянский опровергал заявление Хрущева о том, что «если СССР и США договорятся, то войны в мире не будет». Этот тезис, продолжал он, был неправильным по

нескольким причинам. Во-первых, возможность договоренности с Вашингтоном — это самообман, поскольку «США рвутся к мировой гегемонии». Во-вторых, было ошибкой считать Великобританию, Францию и Западную Германию лишь «послушными исполнителями воли американцев», а не самостоятельными капиталистическими странами со своими собственными интересами. Согласно докладу Полянского, задача советской внешней политики заключалась в том, чтобы использовать в своих интересах «рознь и противоречия в лагере империализма, доказывать, что США не являются гегемоном в этом лагере и не имеют права претендовать на [эту роль]» (5).

Доклад повторял обвинения, высказанные в лицо Хрущеву на заседании Президиума ЦК 13 октября 1964 г. Александром Шелепиным. Видимо, Полянский и некоторые другие члены Президиума готовились к атаке на Хрущева на пленуме партии в случае, если Хрущев, как это было в июне 1957 г., попытается удержаться у власти. Однако советский руководитель сдался без борьбы, и пленум ЦК утвердил отставку Хрущева без обсуждения ошибок в его внешнеполитической деятельности (6). Очень скоро выяснилось, что среди новых руководителей не было единства мнений по вопросам международной политики. И хотя все они были согласны с тем, что хрущевская политика ядерного шантажа закончилась провалом, договориться о курсе, который лучше отвечает международным интересам СССР, им было чрезвычайно сложно.

В области внешней политики новые правители чувствовали себя еще неуверенней, чем подручные Сталина десять лет назад. Первый секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин и председатель Верховного Совета СССР Николай Подгорный обладали весьма незначительным опытом в вопросах дипломатии и международной безопасности (7). Министр иностранных дел Андрей Громыко, министр обороны Родион Малиновский и председатель КГБ Владимир Семичастный даже не являлись членами Президиума и не имели достаточного веса в процессе принятия политических решений. Анастас Микоян, который оставался на руководящей должности до ноября 1965 г., вспоминал, что «уровень ведения заседаний и обсуждений на Президиуме заметно понизился». Иногда «высказывались совершенно сумасбродные идеи, а Брежнев и некоторые другие просто не понимали настоящего, какие последствия могли бы быть» (8).

Первоначально роль лидера в международных делах досталась «по должности» премьеру Косыгину, до этого занятого исключительно экономическими вопросами (9). За первые три года в новой должности Косыгин добился определенной известности и даже авторитета в мире. С августа 1965 по январь 1966 г. Косыгин успешно

действовал в качестве посредника между Индией и Пакистаном, находившихся на грани войны. Косыгин озвучивал советские предложения по контролю над вооружениями. Однако чувствовалось, что для Косыгина разъезды по миру и выступления на мировых форумах являются обузой — у него так и не выработался вкус к международной политике. Прошедшему школу «красных директоров» в 30-е и 40-е гг. Косыгину было трудно расстаться с взглядами и убеждениями людей своего круга — руководителей крупных промышленных предприятий, выдвинувшихся при Сталине. На первое место Косыгин ставил военно-промышленную мощь: он верил, что советская система рано или поздно добьется преимущества перед Западом. Он также считал, что Советский Союз должен выполнять свой моральный долг, возглавляя коммунистические и прогрессивные силы в борьбе с западным империализмом и оплачивая связанные с этим расходы. Раскол между Советским Союзом и КНР был большим ударом для Косыгина, он долго отказывался считать этот раскол непреодолимым. В узком кругу он говорил: «Мы — коммунисты, и они — коммунисты, и не может быть, чтобы не смогли договориться, глядя друг другу в глаза!» (10).

Внимание мировых средств массовой информации и зарубежных комментаторов в этот период привлекала также фигура Александра Шелепина, который после ухода Хрущева проявлял большую активность в области внешней политики. Выпускник московского Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), Шелепин, в отличие от большинства членов высшего руководства, был человеком хорошо образованным. Вместе с тем он оставался поклонником сталинских методов руководства. При Сталине Шелепин сделал карьеру в комсомоле, а при Хрущеве перешел из комсомольского аппарата на должность председателя КГБ, откуда попал в Секретариат и Президиум ЦК. За Шелепиным шла группа молодых и амбициозных аппаратчиков, хотя слухи о влиянии «шелепинской группировки» оказались сильно преувеличены. Крутой и решительный Шелепин нажил себе больше врагов, чем друзей (11).

Как мы уже видели, Шелепин и близкий к нему по духу Полянский выступили в октябре 1964 г. с наиболее аргументированной и подробной критикой деятельности Хрущева. Судя по этой критике, Шелепину хотелось вернуть советскую внешнюю и внутреннюю политику в русло твердого курса в рамках прежней революционно-имперской парадигмы, с упором на великодержавность, авторитет вождя и военную мощь. Поначалу никто из нового руководства ему не возражал. Несмотря на то что большинство в Президиуме, начиная с 1955 г., поддерживало Хрущева против Молотова, на самом деле их взгляды на мир были даже более догматичными, чем взгляды

«железного Вячеслава», хотя бы в силу их слабого представления о международных реалиях (12).

Политическое руководство страны, пришедшее на смену Хрущеву, смотрело на мир через призму опыта, полученного в годы правления Сталина. Устинов, Брежнев, Подгорный и другие из числа новых правителей восхищались покойным вождем и считали, что без его руководства победа СССР в войне с Германией была бы невозможна. Они не подвергали сомнению курс на новую мобилизацию и перевооружение, взятый генералиссимусом в начале холодной войны. Вся их деятельность протекала в рамках сталинской линии на строительство сверхдержавы, способной противостоять США. Начатый Хрущевым процесс разоблачения культа личности Сталина был воспринят этими людьми как потрясение основ, разрушение усвоенной картины мира. С их точки зрения, страна осталась без веры в прошлое, без веры в вождя, и это несло угрозу власти партаппарата. Сами они не были способны выстроить новую систему власти и реформировать идеологию. Еще Сталин, знавший свои кадры как никто другой, выразил опасение, что следующее за ним поколение советской номенклатуры будет плохо подготовленным к политическому руководству. По его словам, политический класс, заменивший или уничтоживший старых большевиков, слишком занят «практической работой и строительством» и марксизм изучает «по брошюрам». А поколение партийных и государственных чиновников, пришедшее следом, по оценке Сталина, подготовлено в еще меньшей степени. Большинство из них воспитывается на памфлетах, газетных статьях и цитатах. «Если и дальше так пойдет, — заключил Сталин, — люди могут деградировать. Это будет означать смерть [коммунизма]». Сталин полагал, что будущие партийные руководители должны сочетать политическую практику с теоретическим видением. Надо заметить, что сам вождь не только не видел себе замены, но и немало сделал, чтобы уничтожить потенциальных политических лидеров в своем окружении (13).

Как бы то ни было, после Сталина и Хрущева в Кремле не осталось ни одного волевого человека со стратегическим видением. Главный теоретик в новом руководстве — Михаил Сулов — был сухим догматиком без политического таланта. Люди, сменившие Хрущева, были заложниками созданных до них системы, институтов и воззрений, которыми они пользовались. Их уже не вдохновляла вера в коммунистическую идею и страсть революционных преобразований. Этих людей объединял их жизненный опыт, который сложился при Сталине и служил для них щитом от новых, неортодоксальных подходов. Вместе с тем ортодоксия этих людей проявлялась по-разному во внутренней и внешней политике (14).

Во внутренней политике многие из «коллективного руководства» выступали за то, чтобы заморозить «оттепель», задавить инакомыслие в культуре, запретить либеральные направления в литературе и искусстве. Внутри страны назревала реабилитация вождя всех народов и его политики. Даже смена партийных вывесок напоминала о сталинских временах: Брежнев сменил титул первого секретаря партии на титул генерального секретаря, как это было при Сталине. Высший партийный орган, с 1952 по 1964 г. именовавшийся Президиумом ЦК КПСС, опять превратился в Политбюро. Снова начала набирать обороты политика русификации в республиках СССР, возобновились парады Победы на Красной площади, и возобновилась пропаганда милитаризма. В Москве, Ленинграде и Киеве интеллигенты-евреи ждали начала очередной антисемитской кампании (15).

Новые руководители посмеивались над неудачными и безграмотными попытками Хрущева внести свой вклад в марксистско-ленинскую науку, особенно над его «редакцией» Программы КПСС. Но сами они страдали от странного комплекса идеологической неполноценности. Иными словами, они опасались, что их собственный недостаток образования и отсутствие глубоких теоретических знаний в вопросах «высокой политики» может каким-то образом завести их не туда, куда надо. Решать, что есть «правильно с идеологической точки зрения», Брежнев и другие члены Политбюро поручили Михаилу Суслову, хорошо знавшему «Краткий курс истории ВКП(б)» и классику марксизма-ленинизма. Все служебные записки по международным проблемам вначале должны были проходить через фильтры идеологического аппарата ЦК КПСС, которым управлял Суслов со своими идеологами. В основном это были выходцы из глубинки, не отличавшиеся широким кругозором. Некоторые из этих людей (как, например, завотделом науки С. П. Трапезников, руководивший отделом пропаганды и агитации В. Т. Степаков и помощник генерального секретаря В. А. Голиков) были давними друзьями Брежнева и разбирались разве что в колхозно-совхозной системе сельского хозяйства. Внутри страны они придерживались великодержавных и сталинистских взглядов.

Однако в сфере внешней политики коллективная ортодоксия новых людей у власти проявлялась по-другому. Большинство из них продолжали, подобно Косыгину и Шелепину, исповедовать идеи социалистической экспансии и великодержавия. Трапезников и его люди восхищались китайцами за то, что те в своей внешней политике не отказались от революционных идеалов. Приверженность этих аппаратчиков ортодоксальным взглядам проявилась в период подготовки текста выступления Брежнева на съезде КПСС, который должен был состояться в марте 1966 г. Идеологические советники генсека

предлагали убрать из текста доклада предложения, в которых говорилось о «принципе мирного сосуществования» и «предотвращении мировой войны», «большом разнообразии условий и методов строительства социализма» в различных странах и «невмешательстве во внутренние дела» компартий других стран. В отношении США партийные идеологи придерживались пропагандистской точки зрения образца 1952 г.: им хотелось, чтобы доклад на съезде партии показал «звериную, хищническую колониальную сущность» американского империализма, его «агрессивность и бешеную подготовку к войне», а также «активное развитие фашистской тенденции в США». Во время закрытого обсуждения Голиков заявил: «Мировая война на подходе. Надо с этим считаться». В кругах партийных аппаратчиков ходили слухи о том, будто бы Шелепин бросил фразу: «Люди должны знать правду: война с Америкой неизбежна» (16).

В январе 1965 г. МИД и отдел социалистических стран ЦК КПСС подали в Политбюро записку о необходимости принять срочные меры для улучшения отношений с Соединенными Штатами Америки, однако Политбюро ее отвергло. Шелепин обрушился с критикой на руководителей этих ведомств — Андрея Громыко и Юрия Андропова, — обвинив их в отсутствии «классового подхода» и «классового чутья». Члены нового «коллективного руководства» сошлись во мнении, что первоочередной задачей должна быть не разрядка напряженности в отношениях с Западом, а восстановление испорченных при Хрущеве отношений с «братским» коммунистическим Китаем. Кремлевские лидеры не хотели видеть того, что Мао Цзэдун, борясь за власть, для мобилизации молодежи против партаппарата взял на вооружение критику «советского ревизионизма»; Китай вползал в Великую пролетарскую культурную революцию, и в такой обстановке его примирение с Москвой было невозможно. Некоторые советские дипломаты, работавшие в Пекине, докладывали в Москву о том, что происходит в Китае, но их сообщениям либо не верили, либо не давали хода. Посол СССР в Пекине Степан Червоненко, бывший секретарь ЦК компартии Украины, отлично зная о настроениях в советском руководстве, подлаживался под них в своих донесениях. Сменивший Червоненко на должности посла в 1965 г. Сергей Лапин был циничным и прожженным аппаратчиком, и его меньше всего волновало качество и объективность информации о событиях в Китае (17).

Эскалация войны во Вьетнаме в 1965 г. заставила Кремль впервые после ухода Хрущева произвести ревизию международного положения и внешней политики СССР. До этого советское руководство не придавало большого геополитического значения Вьетнаму и в целом Индокитаю. В Кремле тщетно искали способ отговорить вьетнамских коммунистов от начала военных действий на юге Вьетнама. Но Ханой

решил любой ценой добиться объединения страны под своим контролем и свергнуть проамериканское южновьетнамское правительство. Историк Илья Гайдук, изучив документы ЦК КПСС, пришел к выводу: советские руководители опасались, что война в Индокитае станет «преградой на пути к разрядке с Соединенными Штатами и их союзниками» (18). Однако прямое военное вмешательство США в гражданскую войну во Вьетнаме вынуждало Политбюро к ответным действиям. Возобладал идеологический мотив: исполнить «братский долг» и оказать вьетнамским коммунистам военную и экономическую помощь. Сторонники восстановления отношений с Китаем стали доказывать, что советская помощь вьетнамским коммунистам — лучший путь для достижения этой цели. Все три коммунистические страны сплотятся против общего врага — американцев. Советский Союз стал наращивать поставки оружия Северному Вьетнаму и оказывать ему другие виды помощи (19).

В феврале 1965 г. Косыгин в сопровождении Андропова и целого ряда других официальных лиц и специалистов отправился на Дальний Восток — это была попытка выстроить новую внешнеполитическую стратегию. Официально делегация направлялась в Ханой, но она дважды останавливалась «для дозаправки» в Пекине. Сначала в пекинском аэропорту Косыгин встретился с Чжоу Эньлаем, а на обратном пути — с Мао Цзэдуном. Переговоры Косыгина в Пекине вызвали у советской стороны тяжелое чувство разочарования: китайцы вели себя непреклонно и идеологически враждебно, они подвергли СССР жесточайшей критике за «ревизионизм» и отказались от каких-либо совместных действий, даже если речь шла о помощи Северному Вьетнаму. Переговоры в Ханое также подействовали на советское руководство отрезвляюще. Александр Бовин, работавший консультантом у Андропова и участвовавший в поездке, наблюдал за тем, как Косыгин безрезультатно пытался уговорить северовьетнамских руководителей не ввязываться в полномасштабную войну с США. Несмотря на идеологическую общность вьетнамских и советских руководителей, это были люди из разных миров. В Ханое у власти находились революционеры, ветераны подполья и антиколониальной борьбы. Советский Союз возглавляли государственные управленцы, которые достигли своих постов в результате многолетних аппаратных игр. Слишком долго вьетнамские коммунисты оставались на вторых ролях, следуя советам из Москвы и Пекина. Они были исполнены решимости добиться полной победы, не считаясь ни с человеческими жертвами, ни с советами «старших друзей» (20).

Тем не менее американское вторжение во Вьетнам распалило идеологические инстинкты членов «коллективного руководства» и высших военных чинов СССР и привело к серьезному ухудшению

советско-американских отношений (21). По всей стране организовано проходили массовые демонстрации протеста против «американской военщины» и митинги «солидарности с народом Вьетнама». Когда администрация президента Джонсона впервые обратилась к советской стороне с предложением начать переговоры по ограничению гонки стратегических вооружений, Политбюро встретило его прохладно (22). Косыгин имел к США личные счеты: во время его официального визита в феврале 1965 г. в Северный Вьетнам американцы бомбили Ханой и порт Хайфон (23). Тем не менее в высших дипломатических кругах было еще немало людей, полагавших, что СССР не стоит ссориться с Соединенными Штатами из-за Вьетнама. Впрочем, этим людям чаще приходилось отмалчиваться, поскольку хор голосов, возмущенно клеймивших американские бомбардировки Северного Вьетнама, набирал силу (24).

В мае 1965 г., в разгар бомбовых атак США на северовьетнамские города и населенные пункты, пришло известие о вторжении американских морских пехотинцев в Доминиканскую республику. Это не на шутку встревожило членов Политбюро. На его заседании министр обороны Малиновский характеризовал события во Вьетнаме и Центральной Америке как обострение международной обстановки и предположил, что теперь следует ожидать акций, направленных против Кубы. Он предложил, чтобы СССР в ответ предпринял «активные контрмеры», к примеру переброску воздушно-десантных частей к Западному Берлину и границам ФРГ и Венгрии. Как вспоминал Микоян, министр обороны «от себя добавил, что вообще нам в связи с создавшейся обстановкой следует не бояться идти на риск войны» (25).

Как вспоминает Бовин, в середине 1966 г. в ответ на дальнейшую эскалацию военных действий США во Вьетнаме советские военачальники и некоторые члены Политбюро вновь заговорили о необходимости поставить американцев на место, продемонстрировав им всю мощь советских вооруженных сил. Однако даже самым ярым приверженцам демонстрации силы пришлось признать, что у Советского Союза нет средств, которые воздействовали бы на политику Вашингтона и Ханоя во Вьетнаме. Кроме того, еще слишком свежи были в памяти события вокруг Берлина и во время Карибского кризиса. Микоян, Косыгин, Брежнев, Подгорный и Суслов выступили за то, чтобы проявить сдержанность (26).

1967 г. принес кремлевским вождям новые потрясения. Лагерь прокоммунистических сил в Юго-Восточной Азии лежал в руинах. В Индонезии военные под предводительством проамериканского генерала Сухарто сместили дружественного СССР президента Сукарно, физически уничтожив, по некоторым оценкам, более 300 тыс.

коммунистов и их сторонников. Большая часть этих коммунистов ориентировалась на Китай, но это не умаляло ущерба: Советский Союз утратил влияние в этом регионе. А в июне 1967 г. в ходе Шестидневной войны Израиль разгромил вооруженные силы Египта, Сирии и Иордании. Казалось, повсюду — от Джакарты до Каира — позиции СССР рушились. Помочь Сукарно было уже нельзя, но из Ближнего Востока советское руководство уходить не собиралось. Победа Израиля сильно отразилась на общественных настроениях в Советском Союзе: многие советские евреи вспомнили о своем «еврействе». Такой горячей вспышки симпатий к Израилю не было с момента его провозглашения в 1948 г. Сотрудники КГБ доносили о разговорах в синагогах Москвы и Ленинграда, где молодежь славил министра обороны Израиля Моше Даяна и мечтала сражаться плечом к плечу со своими соплеменниками (27). Шестидневная война вызвала и новую волну государственного антисемитизма, ограничений продвижения евреев по службе и поступления их детей в престижные учебные заведения. Однако самым неприятным было то, к чему привело поражение арабов в международном масштабе. Альянс с радикальными арабскими режимами рассматривался членами Политбюро как наивысшее геополитическое достижение советской внешней политики с конца Второй мировой войны. Советские руководители во всеуслышание объявили о своей идейной солидарности с арабами и начали оказывать Египту и Сирии огромную военную, информационную и психологическую поддержку. На Ближнем Востоке началась «война на истощение» с участием советских летчиков и военных инструкторов. В то же время Кремль опасался, что еще одна война между арабами и израильтянами приведет к росту напряженности советско-американских отношений и увеличит опасность вовлечения США в ближневосточный конфликт на стороне Израиля (28).

В период арабо-израильской войны и сразу после ее завершения члены Политбюро непрерывно заседали, чуть ли не круглыми сутками. Один из участников этих заседаний оставил в своем дневнике характерную запись, свидетельствующую об общих настроениях в те памятные дни: «После воинственных, хвастливых заявлений Насера мы не ожидали, что так молниеносно будет разгромлена арабская армия, в результате так низко падет авторитет Насера как политического деятеля в арабском мире. На него ведь делалась ставка как на “лидера арабского прогрессивного мира”. И вот этот “лидер” стоит на краю пропасти, утрачено политическое влияние; растерянность, боязнь, неопределенность. Армия деморализована, утратила боеспособность. Большинство военной техники захвачено Израилем» (29). Членам Политбюро пришлось разрабатывать новый план действий для этого региона. Однако у участников пленума ЦК КПСС, который

был специально создан по данному вопросу, враждебность к Израилю и идеологические установки возобладали над чувством реальности. Советское руководство во второй раз с 1953 г. решило разорвать дипломатические отношения с Израилем до тех пор, пока еврейское государство не достигнет соглашения с арабами и не вернет им земли в обмен на гарантии безопасности (в соответствии с резолюцией ООН № 242). То же самое сделали и другие восточноевропейские страны, а также Югославия. Немногие опытные специалисты сознавали, что этот шаг свяжет руки советским дипломатом в регионе, но большинство в руководстве партии, включая Громыко и Суслова, отказывались пересматривать принятое решение. В отчаянной попытке сохранить советское присутствие на Ближнем Востоке СССР продолжал инвестировать деньги в Египет и Сирию, выбрасывая огромные суммы на ветер (только Египет задолжал Советскому Союзу около 15 млрд рублей). В результате советская дипломатия на Ближнем Востоке пошла на поводу у радикальных арабских государств, которые диктовали СССР свои требования. Действия Кремля лишний раз подтвердили, что члены нового «коллективного руководства», в отличие от Сталина, являлись не архитекторами, а заложниками революционно-имперской парадигмы. Так было и во Вьетнаме, и на Ближнем Востоке. Москва восстановит отношения с Израилем лишь в 1991 г., вскоре после развала СССР (30).

В разгар Шестидневной войны Политбюро ЦК КПСС направило Косыгина в Соединенные Штаты для проведения срочных переговоров с президентом Линдоном Джонсоном. Встреча в Гласборо, городке в штате Нью-Джерси, могла бы открыть путь для спокойных и содержательных переговоров на высшем уровне — путь, отвергнутый Хрущевым в 1960–1961 гг. Президент Джонсон, которому не терпелось покончить с войной в Индокитае, уже созрел для того, чтобы вести крупномасштабные переговоры. Он хотел, чтобы Советский Союз стал посредником в соглашении по Вьетнаму и предложил начать переговоры о взаимном сокращении стратегических вооружений и военных бюджетов. Линдону Джонсону и его министру обороны Роберту Макнамаре особенно хотелось договориться с СССР о запрете на средства противоракетной обороны (ПРО) в связи с тем, что эти средства стимулировали гонку наступательных ракетных вооружений. Однако Косыгин не имел инструкций для переговоров о контроле над вооружениями. К тому же его крайне раздражала американская поддержка Израиля. Советский посол в США Добрынин, наблюдавший за Косыгиным во время этой встречи, называл его «переговорщиком поневоле». Премьер превратно истолковал намерения Джонсона и Макнамары в отношении ПРО. В необычной для себя манере он гневно заявил: «Оборона — моральна, нападение — безнрав-

ственно». Как заключил Добрынин в своих воспоминаниях, «Москва в тот период стремилась прежде всего достичь ядерного паритета в стратегических наступательных вооружениях» (31). Должно было пройти еще несколько лет, чтобы на место политического лидера и главного советского «миротворца» выдвинулся Брежнев. Лишь тогда в Кремле появился человек, готовый вести переговоры с Соединенными Штатами Америки.

Брежневская проповедь

В ходе всех международных событий, о которых шла речь выше, Брежнев присутствовал на заседаниях Политбюро, но, как правило, избегал высказывать свою точку зрения, особенно с тех случаях, когда мнения расходились. Новый руководитель КПСС понимал, что по части жизненного опыта, знаний, энергии и силы характера ему далеко до Сталина и даже до Хрущева. Брежнев был одним из тех многих партийных функционеров, которые стремительно выдвинулись на руководящие должности благодаря уничтожению «старых большевиков» и кадровой ротации в годы Великой Отечественной. Леонид Ильич был очень практичным и сметливым человеком, но образование имел скудное, а социальный кругозор — ограниченный. Как и многие молодые коммунисты 1930-х гг., он завел себе привычку вести дневник, чтобы повышать свой интеллектуальный уровень. Страницы этого дневника еще ждут своих комментаторов и представляют ценнейший исторический документ. Но отрывки из них, опубликованные российским историком Дмитрием Волкогоновым, указывают на отсутствие у его автора интеллектуальных и духовных запросов. Судя по этим фрагментам, Брежнев описывал главным образом повседневные и банальные события своей личной жизни (32).

В своих работах Волкогонов представил Брежнева как самого серого и примитивного из всех советских руководителей. Он считал, что Брежнев — «сугубо одномерный человек с психологией партийного бюрократа средней руки, тщеславен, осторожен, консервативен» (33). Люди, знавшие Брежнева по военной службе, невысоко его ставили и не видели в нем способностей к руководству. Один из армейских товарищей Брежнева сказал о нем: «Леня есть Леня, на какую должность его ни поставь» (34).

Брежнев, вознесенный после падения Хрущева на пост первого человека в партии, многими считался временной фигурой и постоянно нуждался в психологической поддержке. Генсек жаловался своему помощнику по международным делам Андрею Михайловичу Александрову-Агентову на то, что международный кругозор у него так и остался на уровне какого-нибудь секретаря райкома. «Никогда

я с этой чертовой внешней политикой дела не имел и совсем в ней не разбираюсь» (35). Помощник Брежнева Георгий Аркадьевич Арбатов вспоминал, что Брежнев очень слабо разбирался в вопросах марксистско-ленинской теории и остро переживал по этому поводу. «Он думал, что не может себе позволить сделать что-то “немарксистское”, ведь на него смотрит вся партия, весь мир» (36). Можно было ожидать, что человек из такой социальной среды и с таким кругозором, как у Брежнева, присоединится к ортодоксам, сторонникам жесткого курса, не станет предпринимать ничего, что могло бы возбудить недовольство в рядах консервативной партийной номенклатуры. Поначалу казалось, что он так себя и вел. Поэтому большое удивление вызывает то, что впоследствии Брежнев стал главным проводником политики разрядки в советском руководстве. Этому способствовали некоторые аспекты его личных воззрений и склада характера.

Известный британский славист Исайя Берлин в своей работе о русских мыслителях предложил поделить их на «лисы» и «ежеи»: «лиса» знает много разных истин, а «еж» знает что-то одно, но самое важное. Брежнев мыслителем не был, но когда речь заходила о внешней политике, то тут он был безусловный «еж». Он был убежден в одной простой истине: нужно избежать войны во что бы то ни стало. Во время встреч с главами зарубежных государств Брежнев неоднократно делился с ними одним воспоминанием — о разговоре с отцом, рабочим сталелитейного завода, который состоялся в самом начале Второй мировой войны. Когда Гитлер захватил Чехословакию, Польшу и Францию, отец спросил его: «Какая гора самая высокая в мире?» «Эверест», — ответил Брежнев. Затем отец спросил его о высоте Эйфелевой башни. «Около трехсот метров», — ответил сын. Тогда отец сказал Брежневу, что нужно башню такой же высоты поставить на вершину Эвереста, а на ней, как на виселице, повесить Гитлера со своими друзьями — пусть все видят. Брежнев решил, что отец бредит. Но затем Гитлер напал на Советский Союз. После окончания войны Нюрнбергский суд вынес свой приговор пленным нацистским вождям, и некоторые из них были повешены. Оказалось, что отец Брежнева предсказал их конец. Эта история поразила Леонида Ильича до глубины души и повлияла на его восприятие мира, политические установки, более того — на всю его международную деятельность. Переводчик Брежнева Виктор Суходрев слышал эту историю так часто, что стал называть ее Нагорной проповедью. Когда состоялась первая встреча Брежнева с президентом Ричардом Никсоном, советский генсек предложил ему заключить соглашение (своего рода мирный пакт), направленное против любой третьей стороны, предпринимавшей агрессивные действия. Американцы расценили это предложение как неуклюжую попытку сговора между двумя

сверхдержавами с целью подорвать НАТО и другие созданные США союзы. Они и представить себе не могли, что речь идет не о каких-то хитроумных происках Политбюро, а о личной мечте генерального секретаря (37).

Главные уроки жизни Брежнев получал в годы Великой Отечественной войны, когда ему было уже далеко за тридцать. В качестве армейского политработника (сначала бригадного комиссара, затем — начальника политотдела 18-й армии) Леонид Ильич принимал непосредственное участие в жестоких сражениях: с 1942 по 1945 г. он прошел с войсками от вершин Кавказа до Карпатских гор. Тем не менее Брежнев твердо верил, что для победы слишком высокой цены не бывает. В июне 1945 г. он участвовал в Параде Победы на Красной площади и присутствовал на сталинском банкете в честь победителей. Он не переставал восхищаться Сталиным как великим полководцем. К 1964 г. Брежнев уже являлся членом Секретариата ЦК и в этом качестве курировал советскую космическую программу и многочисленные проекты военно-промышленного комплекса, в том числе производство ядерного оружия и создание ракетных пусковых столов и стартовых шахт (38). Книги-воспоминания («Малая Земля», «Возрождение» и «Целина»), написанные за Брежнева профессиональными литераторами, дают лишь беглое представление об этих важнейших страницах его жизни.

У многих советских высокопоставленных руководителей того времени, в том числе у друзей Брежнева — Дмитрия Устинова и Андрея Гречко, имелся схожий жизненный опыт, сделавший их горячими сторонниками военной силы и укрепления боевой готовности. Брежнев тоже верил в боеготовность, но при этом ему не давала покоя мысль о возможной войне, поэтому он хотел договориться о мире с западными державами. Брежнев, как позже и президент США Рональд Рейган, полагал, что наращивание вооружений важно не само по себе, а в качестве прелюдии к международным соглашениям. Его убежденность в том, что мир должен быть подкреплен силой, в дальнейшем создаст много проблем. Именно непрерывное наращивание советских стратегических вооружений позволит критикам разрядки в США и экспертам из Пентагона утверждать, что Кремль стремится к военному превосходству. В конце концов возрождение в США страхов перед «военной угрозой со стороны СССР» стало одним из решающих факторов, подорвавших советско-американскую разрядку. Но в начале 1970-х гг. цельные, хотя и одномерные взгляды Брежнева позволили ему понять, что сотрудничать с США необходимо.

Брежнев питал глубокое отвращение к методам ядерного шантажа и балансирования на грани войны, с которыми была неразрывно связана внешняя политика Хрущева после 1956 г. Даже спустя

20 лет после кубинского ракетного кризиса он не мог спокойно вспоминать о действиях Хрущева: «Помню, на Президиуме ЦК кричал: “Мы в муху попадем ракетой в Вашингтоне!” А что получилось? Позор! И чуть в ядерной войне не оказались. Сколько пришлось потом вытягивать, сколько трудов положить, чтобы поверили, что мы действительно хотим мира» (39). В 1971 г. столь же резко критикуя Берлинский кризис, он говорил своим советникам: «Вместо дипломатических успехов построили китайскую стену, грубо говоря, и хотели так решить проблему» (40). Желание Брежнева преодолеть наследие хрущевской политики ядерного шантажа и создать прочный фундамент для мирного существования станет главной движущей силой его деятельности в области международных отношений в начале 1970-х гг.

В руководящем стиле и характере Брежнева были и другие стороны, которые способствовали его превращению в архитектора разрядки. Генри Киссинджер писал в своих мемуарах о том, что Брежнев был «грубым» (в отличие от «утонченных» Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая). На самом деле Брежнев был добродушен, а не зол, в нем было больше тщеславия, чем преднамеренной жестокости. Он был также чрезвычайно чувствителен. Когда на одном из заседаний Президиума и Секретариата ЦК в июне 1957 г. в решающий момент схватки за власть между членами послесталинского руководства Каганович грубо одернул выступавшего Брежнева, будущий генсек упал в обморок. Даже обдумывая отстранение Хрущева от власти в 1964 г., Брежнев больше всего опасался того, что ему придется лично иметь дело с разъяренным Никитой Сергеевичем (41). Как человек и как политик он не любил конфронтации и крайностей. Родственники вспоминали, что в молодости он был «красивым и обаятельным, следил за собой и был дамским угодником». На протяжении всей своей карьеры при Сталине и Хрущеве Брежнев учился нравиться людям. По воспоминаниям кремлевского врача Евгения Чазова, в зрелом возрасте это был «статный, подтянутый мужчина с военной выправкой, приятная улыбка, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор, плавная речь (он тогда еще не шепелявил). Когда Брежнев хотел, он мог расположить к себе любого собеседника». Однажды Брежнев признался Александрову-Агентову: «Знаешь, Андрей, обаяние — это очень важный фактор в политике». Одна пожилая школьная учительница, увидев его в 1963 г. на спектакле в Большом театре, записала в своем дневнике: «Брежнев, несомненно, привлекателен: голубые глаза, чернобровый, с ямочками на щеках. Теперь я понимаю, почему он всегда мне нравился» (42). Для Брежнева сердечно улыбаться было так же естественно, как для Хрущева вспылить и грозить кулаком.

Брежнев по своей природе был центристом и противником радикальных политических изменений — в ту или иную сторону. Когда после 1964 г. помощники и закадычные друзья генсека стали сворачивать «оттепельный» процесс в области культуры, пропаганды и идеологии, он не слишком возражал. В мае 1965 г. он с большим удовольствием, под овации военной элиты объявил о восстановлении празднования Дня Победы и упомянул о больших заслугах Сталина в ее достижении. Вместе с тем Брежневу не хотелось восстанавливать против себя значительную часть интеллектуальной элиты страны — деятелей науки, литературы и искусства, — которая опасалась возврата к сталинизму. Кроме того, он скептически относился к возможности примирения с КНР. Ему было известно, что «советские китайцы», т. е. наиболее ярые сторонники идеологического подхода к политике, группировались вокруг Александра Шелепина и почти в открытую говорили о нем, Брежневе, как о проходной фигуре и третьесортном политике, у которого на уме лишь выпивка и женщины (43).

Большинство коллег Брежнева были сторонниками безудержного наращивания военной силы, ненавидели Запад и стремились «насолить» ему, где только можно. Начинать миротворческую деятельность в подобном окружении было чрезвычайно трудно, это могло стоить карьеры кому угодно. Брежнев, однако, преуспел сверх ожиданий. Отсутствие образования он компенсировал развитым политическим инстинктом, тактом и незаурядным талантом общения с партийными кадрами. Его советники вспоминают, что в тонких материях власти «Брежнев был великим реалистом» и, когда было надо, умел заручиться поддержкой косного, консервативного, антизападного большинства (44). После снятия Хрущева он сосредоточился на важнейших задачах: работе с кадрами и налаживании связи с партийными организациями на местах. Он лично и его соратники в Политбюро ЦК, в том числе Михаил Суслов и Андрей Кириленко, без конца обзванивали региональных секретарей партии, расспрашивали их о проблемах и нуждах и даже просили совета. В 1967 г. Брежнев стал постепенно и крайне осторожно смещать своих соперников, начиная с Шелепина, с руководящих постов. К 1968 г. генсек уже стал безусловным хозяином в аппарате ЦК КПСС: ключи от власти в стране находились в его руках (45).

Примерно в это же время Брежнев начал проявлять интерес к внешней политике. Его раздражала международная известность Косыгина. Леониду Ильичу хватило ума не соперничать с премьером по экономическим вопросам, в которых Косыгин разбирался очень хорошо. Но внешняя политика открывала Брежневу большие возможности для проявления его скромных талантов. Пост

генерального секретаря давал ему решающее преимущество: по сложившейся при Сталине традиции он являлся также Верховным главнокомандующим и возглавлял Совет обороны. Таким образом, Брежнев и формально, и фактически отвечал за безопасность страны и военную политику. К тому же в его руках находился механизм расстановки кадров — ключевой рычаг влияния на содержание и направление политики (46).

Устранение из Политбюро соперников Брежнева вовсе не означало, что в высшем партийном органе на смену «ястребам» пришли «голуби», сторонники мира и разрядки, как писали в то время некоторые западные кремленологи. На самом деле «голубей» в окружении Брежнева не было вовсе. Большинство членов Политбюро даже во времена разрядки оставались идеологическими ортодоксами и сторонниками политики с позиции силы. Когда в начале 1968 г. создавалась комиссия Политбюро по контролю над вооружениями, в ней абсолютно преобладали сторонники жесткой линии, и среди них Устинов (в качестве председателя) и Гречко (47). Дмитрия Устинова в свое время выдвинул сам Сталин. В годы Великой Отечественной войны, когда Устинову было едва за тридцать, «красный инженер» из рабочих проявил блестящие организаторские способности: в 1941 г. он осуществлял эвакуацию советской промышленности прямо перед носом у наступавшего вермахта, а позже играл важнейшую роль в организации производства ракетной техники. В течение двух десятилетий он бессменно руководил советским военно-промышленным комплексом. Опасаясь внезапного американского удара, Устинов настаивал на том, что только наращивание военной мощи СССР может сдержать потенциального агрессора. Андрей Гречко начинал свою военную карьеру в годы Гражданской войны. Шестнадцатилетним юношей стражался в рядах Красной конницы. Во время Великой Отечественной войны он уже командовал 18-й армией, и полковник Брежнев был в его подчинении. В 1967 г., после смерти Малиновского, маршал Гречко возглавил Министерство обороны СССР. Гречко ни на секунду не сомневался в том, что третью мировую войну, если она произойдет, выиграет Советский Союз. Его ненависть и презрение к США и НАТО граничили с опасной бравадой (48). При этом и Устинов, и Гречко считали, что СССР еще не сравнялся с американцами во всех областях военной силы; по этой причине они энергично противились любым соглашениям с западными державами, которые могли бы ограничить гонку вооружений (49). В годы холодной войны эти деятели были зеркальным отражением, если не двойниками, американских «ястребов».

В промежутки между 1965 и 1968 гг. Брежнев оказывал Устинову полную поддержку в расширении и реорганизации и без того колоссального военно-промышленного комплекса. Генсек также

оказывал своему другу всестороннюю поддержку в вопросах, касавшихся создания и развертывания стратегической триады, состоящей из межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в защищенных шахтах, атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и стратегических бомбардировщиков. Особенно впечатляющими были масштабы программы строительства МБР в шахтах: американская спутниковая разведка обнаружила, что всего за два года, 1965-й и 1966-й, СССР удвоил свой арсенал этих ракет и стремительно догоняет стратегические силы США. В это время ракетные силы в СССР росли с рекордной скоростью примерно 300 пусковых шахт в год. Эта грандиозная программа вооружений, по словам одного американского эксперта, «стала крупнейшей и самой дорогостоящей программой вооружений в советской истории, по размаху значительно превзойдя ядерную программу конца сороковых годов». К 1968 г. на стратегические ракетные силы, по западным оценкам, уходило около 18 % советского оборонного бюджета. Но когда речь шла о производстве и развертывании вооружений, Брежнев не мог отказать военным ни в чем (50).

По сути, первоначально генсек отличался от своих соратников лишь одним — он мечтал стать миротворцем. Но, кроме того, как отметил Анатолий Черняев, близко наблюдавший генсека в эти годы, бремя огромной власти заставляло Брежнева задумываться о государственных интересах страны, а эти интересы не укладывались в жесткие рамки марксистско-ленинской идеологии. По мере того, как Брежнев погружался в вопросы международных отношений, логика событий подсказывала ему, что слишком опасно следовать за консервативным и невежественным в международных делах большинством, за бряцающими оружием товарищами по партии. Генсек начал прислушиваться к другой группе людей — «просвещенных» экспертов-международников, работавших в аппарате ЦК (51). В эту группу входили Анатолий Блатов, Евгений Самотейкин, Георгий Арбатов, Александр Бовин, Николай Иноземцев, Вадим Загладин, Николай Шишлин, Рафаил Федоров и Анатолий Черняев. Эти специалисты в области международных отношений, пришедшие на работу в аппарат ЦК КПСС из университетов и научно-исследовательских институтов, отличались от средних номенклатурных работников широтой взглядов и, главное, отсутствием милитаризма и ненависти ко всему западному. Это были люди, чье мировоззрение формировалось под влиянием процессов, происходивших в стране в 1956–1964 гг. — во времена культурной оттепели, развенчания культа личности Сталина, либерализации общественной жизни. Считая себя советскими патриотами, но при этом прагматичными вольнодумцами, они убеждались в том, что замшелая, окостеневшая идеология серьезно

мешает государственным интересам. На работу в аппарат ЦК КПСС многих из них пригласил Юрий Андропов, до 1967 г. руководитель отдела социалистических стран, а также Борис Пономарев, глава международного отдела. Андропов не боялся окружать себя интеллектуалами и оказывал им поддержку в аппарате. Он призывал их писать раскованно, без идеологических шор. «Думайте, пишите по максимуму, а что сказать в Политбюро, я и сам соображу». В аппарате ЦК шла непрерывная борьба «просвещенных» специалистов с поклонниками Сталина, среди которых было много друзей Брежнева. Главным преимуществом «просвещенных» аппаратчиков было умение писать и формулировать мысли. За три года, с 1965-го по 1968-й, многие из них вошли в команду спичрайтеров Брежнева. Помогая писать речи и выступления генсека, они таким образом вошли в круг его ближайших собеседников и советников (52).

В группу референтов Брежнева входил также и его помощник Андрей Александров-Агентов, филолог и опытный дипломат-европеист. Свою карьеру он начал помощником знаменитого полпреда в Швеции Александры Коллонтай, а затем работал в аппарате Громыко. Александров-Агентов являлся убежденным последователем марксистско-ленинской теории и веровал в международное коммунистическое движение, но в вопросах международной политики он не ориентировался на идеологические штампы. Как заметил работавший с ним Черняев, он «считал, что *realpolitik* работает на наше коммунистическое будущее» (53).

Ранним наставником Брежнева в международных делах был министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко — дипломат высокого класса. К сожалению, Громыко, работавший многие годы под Сталиным, Молотовым и Вышинским, отличался почти раболовной исполнительностью: «всякий раз он добросовестно выражал и осуществлял идеи и установки руководителя, которому служил в данный момент» (54). В то же время он не терпел, когда во внешнюю политику подмешивалась идеология. Его идеалом была сталинская дипломатия Большой тройки, переговорный стиль Сталина и Молотова на встречах в верхах в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Основной целью Громыко было добиться от западных держав признания новых границ СССР и его сателлитов в Европе, прежде всего границ ГДР с Западной Германией и Польшей. Следующей по важности целью он считал жесткий торг и достижение политических договоренностей с Соединенными Штатами. В докладной записке о международном положении, составленной в январе 1967 г. для Политбюро ЦК КПСС, Громыко утверждал: «В целом состояние международной напряженности не отвечает государственным интересам СССР и дружественных ему стран. Строительство социализма и развитие экономики

требуют поддержания мира. В обстановке разрядки легче добиваться укрепления и расширения позиций СССР в мире» (55).

В этом же документе подчеркивалось, что в капиталистических странах происходят многообещающие события. Особенно обнадеживало Громыко то, что правительства западных государств повернулись лицом к разрядке. И хотя шла война во Вьетнаме, Громыко и другие советские дипломаты, в том числе посол СССР в Вашингтоне Анатолий Добрынин и руководитель отдела США в Министерстве иностранных дел Георгий Корниенко, поддерживали идею переговоров с администрацией Джонсона (56). Постепенно и сам Брежнев стал понимать, что политика разрядки и переговоры с капиталистическими державами — это кратчайший путь к тому, чтобы стать успешным государственным деятелем и получить международное признание. Однако понадобилось несколько лет, отмеченных рядом кризисов и потрясений в Европе и Азии, чтобы советско-американские переговоры начали давать ощутимые результаты.

«Я искренне хочу мира»

Из всех кризисных событий того времени главным и поворотным моментом для Брежнева стали события в Чехословакии весной и летом 1968 г. Именно они заставили его обратить самое серьезное внимание на международные отношения. Процесс либерализации, получивший название Пражской весны, стремительно набирал силу и грозил Брежневу самыми неприятными последствиями. Он как руководитель КПСС нес персональную ответственность за сохранение «единства социалистического лагеря», а вместе с ним и военного присутствия СССР в Центральной Европе. «Потеря» Чехословакии была бы смертельным ударом для того и другого: эта страна наряду с Польшей и ГДР имела исключительное стратегическое значение, а также обладала развитой военной промышленностью и урановыми рудниками (57). Подобно администрации Джонсона в США, опасавшейся «эффекта домино» в случае падения Южного Вьетнама, советское руководство боялось цепной реакции в странах Восточной Европы. Эти опасения имели под собой почву, учитывая опыт массовых движений против советского присутствия в Польше и Венгрии в 1956 г., упорный нейтралитет Югославии, явное дистанцирование Румынии от СССР после 1962 г. и далекую от стабильности обстановку в ГДР (58). В случае подобной катастрофы вина за это падала на Брежнева. Всем было известно, что инициатор либеральных преобразований в Чехословакии Александр Дубчек стал генеральным секретарем правящей партии в январе 1968 г. при молчаливой поддержке руководителя КПСС. Мало того, что Леонид Ильич отказал в

поддержке Антонину Новотному, много лет руководившему страной. Он еще и одобрил «Программу действий», предложенную новым руководством КПЧ. Первый секретарь ЦК компартии Украины Петр Шелест считал, что Пражская весна стала возможной именно из-за «гнилого либерализма» Брежнева. По мере того как нарастали события в ЧССР, некоторые руководители стран — участниц Организации Варшавского договора — Гомулка в Польше и Ульбрихт в ГДР — все настойчивее выступали за ввод войск в Чехословакию и открыто критиковали Брежнева за чрезмерную эмоциональность, политическую наивность и нерешительность (59).

Отчасти они были правы. Миротлюбивый по характеру Брежнев не мог решиться на военную интервенцию. Как вспоминал один из очевидцев событий, даже летом 1968 г. в здании ЦК КПСС в Москве царила неразбериха — мнения аппаратчиков разделились. Одни кричали во все горло: «Нельзя посылать танки в Чехословакию!», другие: «Пора направить танки и прикончить этот бардак!». Судя по архивным документам, Брежнев в течение всего кризиса не терял надежды избежать «крайних мер», т. е. военного вторжения. Он рассчитывал, что под сильным политическим давлением Дубчек и чехословацкое руководство сами свернут реформы (60). К тому же Леонид Ильич опасался, что советское вторжение вызовет ответ со стороны НАТО и приведет к войне в Европе. Однако Пражская весна продолжалась, и надо было принимать решение. Нерешительность Брежнева все больше бросалась в глаза. Те, кто наблюдал за ним в этот период, часто видели его потерянным, неуверенным в себе, с дрожащими руками. В частном разговоре со своим помощником по международным делам Александровым-Агентовым Брежнев как-то откровенно признался: «Ты не смотри, Андрей, что я такой мягкий. Если надо, я так дам, что не знаю, как тот, кому я дал, а сам я после этого три дня больной». По некоторым свидетельствам, в 1968 г. Брежнев потерял сон и начал принимать сильнодействующие виды снотворного, чтобы снимать напряжение. Позже это станет привычкой и перерастет в пагубную зависимость (61).

26–27 июля Политбюро под председательством Брежнева приняло решение определить предварительную дату введения войск в Чехословакию. Тем не менее советская сторона продолжала вести переговоры с Дубчеком и чехословацким руководством. Брежнев вместе с остальными советскими руководителями пытался запугать Сашу, как звали Александра Дубчека в Москве. Убедившись, что эти попытки не дают результата, кремлевское руководство после нескольких месяцев проволочек сделало роковой выбор: 21 августа вооруженные силы СССР и других стран — участниц Организации

Варшавского договора (за исключением Румынии) оккупировали Чехословакию (62).

Особую поддержку Брежневу во время чехословацкого кризиса оказывали два человека. Министр иностранных дел Андрей Громыко помог Брежневу преодолеть опасения о возможной конфронтации с Западом из-за Чехословакии. На заседании Политбюро Громыко сказал: «Сейчас международная обстановка такова, что крайние меры не могут вызвать обострения, большой войны не будет. Но если мы действительно упустим Чехословакию, то соблазн великий для других. Если сохраним Чехословакию, это укрепит нас» (63). Юрий Андропов, назначенный Брежневым на пост председателя КГБ в 1967 г., задействовал все ресурсы этого ведомства, чтобы обосновать вторжение. В своих докладах на Политбюро Андропов указывал, что альтернативы оккупации нет. По его инструкции оперативники КГБ подтасовывали факты, изображая мирные реформы в Чехословакии как подготовку к вооруженному мятежу, наподобие венгерского восстания в 1956 г. Поскольку Андропов был в то время послом в Будапеште, его мнение теперь было особенно значимо для политического руководства (64).

Чехословацкие события позволили Брежневу пройти ускоренный курс по кризисному реагированию и анализу международной ситуации. Он воспрянул духом, когда худшие опасения после вторжения в Чехословакию не подтвердились: США и Западная Европа даже не ввели санкций против СССР. Более того, руководители западных стран вели себя так, как будто ничего не произошло, что означало политическую победу Советского Союза. «Единство соцлагеря» было спасено, и в Кремле недавняя неуверенность сменилась победной эйфорией. В сентябре 1968 г. Громыко докладывал членам Политбюро: «Решимость, с которой Советский Союз действовал в вопросах Чехословакии, вынудила американских руководителей более трезво взвешивать свои возможности в этом районе и вновь убедила в решимости руководства нашей страны, когда речь заходит об отстаивании жизненных интересов СССР» (65). В кругу своих подчиненных министр говорил с еще большим оптимизмом: «Смотрите, товарищи, как за последние годы радикально переменялось соотношение сил в мире. Ведь не так давно мы были вынуждены вновь и вновь прикидывать на Политбюро, прежде чем предпринимать какой-либо внешнеполитический шаг, какова будет реакция США, что сделает Франция. Эти времена закончились. Если мы считаем, что что-либо надо обязательно сделать в интересах Советского Союза, мы это делаем, а потом изучаем их реакцию. Наша внешняя политика осуществляется сейчас в принципиально новой обстановке подлинного равновесия сил. Мы стали действительно великой державой...» (66).

Примерно в это же время Александр Бовин, один из референтов Брежнева, заметил, что генсек успокоился и поверил в свою звезду. От прежнего нерешительного Леонида Ильича не осталось и следа. «Вместо привычного рассудительного тона, вместо желания разобраться в проблемах, вместо апелляции к практике, к реальности» генсек начал употреблять «набор идеологических клише худшего пошиба. Из чехословацкой купели вышел другой Брежнев» (67).

В долгосрочной перспективе успех советского вторжения обернулся чрезмерно высокими издержками для оккупантов. Оправившись от первого шока, чехи оказали гражданское сопротивление попыткам задушить либеральные реформы; потребовались годы принудительной «нормализации», чтобы в Чехословакии победила стужа реакции. Настроения Пражской весны распространились в западных регионах Советского Союза, где проживало нерусское население (68). Вторжение в Чехословакию убило в образованной части общества, особенно в Москве, Ленинграде и других крупных городах, последние остатки иллюзий о «социализме с человеческим лицом». В СССР на открытый протест против оккупации отважилась лишь горстка смельчаков, остальные мучительно переживали происшедшее. Линия разлома, наметившаяся в 1956 г. между сторонниками демократического обновления общества и советской системой, превратилась после 1968 г. в непреодолимую пропасть. «Мы провалились стратегически. Неправильно оценили обстановку. Крупнейшая политическая ошибка за послевоенное время», — записал Бовин в своем дневнике. «Просвещенные» аппаратчики, в недавнем прошлом сотрудники редакции международного журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге, были в отчаянии. Бовин пытался отговорить Брежнева от вторжения, но в ответ получил предложение или выйти из партии, или подчиниться ее решению. Черняев хотел было уволиться из международного отдела ЦК КПСС, но остался на прежней работе, мирясь с ролью конформиста. Многие будущие партийные реформаторы, включая Михаила Горбачева и Александра Яковлева, сделали тот же выбор (69).

Брежнев, вопреки ожиданиям его соперников, показал свою готовность использовать силу для сохранения геополитических позиций СССР. Кто знает, не стань генсек душителем Пражской весны, впоследствии он не смог бы с такой уверенностью вести переговоры с руководителями западных держав и не смог бы так решительно отстаивать в Политбюро мирный диалог с Западом. В 1972 г. на Пленуме ЦК КПСС Брежнев сделал важную оговорку: «Не было бы [оккупации] Чехословакии — не было бы ни Брандта в Германии, ни Никсона в Москве, ни разрядки» (70).

Прошло не так много времени, и внимание Брежнева и Политбюро оказалось приковано к советско-китайской границе — на острове Даманском китайские военные атаковали советских пограничников. На Дальнем Востоке разрасталось новое и опасное военное противостояние (71). Надежда на примирение с КНР, которую еще недавно питала часть военно-политического руководства страны, сменилась страхом перед необъяснимой агрессивностью китайцев. Толпы хунвейбинов с красными книжечками, цитатниками Мао, воспринимались в Москве не как революционное движение, а как угроза со стороны враждебной «желтой расы». По Москве ходил анекдот: советский командующий на Дальнем Востоке в панике звонит в Кремль и спрашивает: «Что делать? Пять миллионов китайцев только что пересекли границу и сдались!» Но тем, кто отвечал за безопасность СССР на Дальнем Востоке, было совсем не до шуток. И действительно, нужно ли отдавать приказ стрелять по безоружным китайским гражданам, если те толпами хлынут через советскую границу? У советских маршалов и генералов, готовившихся к ядерной войне, на подобный случай никакого плана не было (72).

Китайская угроза стала вторым важным фактором, подталкивавшим советское руководство к разрядке с Западом. Брежнев явно разделял окрашенные расизмом страхи перед охваченным «культурной революцией» Китаем. Он не доверял маоистскому руководству и совсем не хотел вести с ним переговоры, оставляя это неблагоприятное занятие Косыгину. В то же время ядерный потенциал Китая его сильно беспокоил. Позже, в мае 1973 г., Брежнев, по словам Киссинджера, обсуждал с ним вероятность упреждающего удара по китайскому ядерному комплексу в районе Лоп-Нор в Синьцзяне. Когда десятью годами раньше А. Гарриман по поручению Джона Ф. Кеннеди интересовался у Хрущева, что он думает о возможном «хирургическом» ударе по этому комплексу, советский руководитель пропустил этот вопрос мимо ушей (73). Возможно, что отзвуки того предложения дошли до Брежнева. Позднее он не однажды будет предлагать американскому руководству договориться о совместных действиях против вероятных нарушителей покоя из Пекина (74).

Идея совместных действий в защиту мира соответствовала брежневской Нагорной проповеди. Ее цель в данном случае была сугубо оборонительной: удержать китайцев от дальнейших провокаций на советских границах. Во время переговоров между Косыгиным и Чжоу Эньлаем в Пекинском аэропорту в 1969 г. Чжоу завел разговор о том, что ходят «слухи» о возможности нанесения Советским Союзом упреждающего ядерного удара. Один из советских дипломатов, присутствовавших на этой встрече, расценил интерес китайцев к подобным «слухам» как признак того, что руководство КНР «очень

напугано такой возможностью». Чжоу Энлай ясно дал понять советской стороне, что Китай не планирует и не способен развязать войну против СССР. После этих переговоров Москва организовала несколько дополнительных сигналов устрашения, и пекинские власти предложили заключить с Советским Союзом тайное соглашение о ненападении. Как считают некоторые российские ученые, тактика Москвы, направленная на ядерное сдерживание Пекина, оказалась эффективной (75). Вместе с тем советское сдерживание возымело эффект бумеранга, хорошо известный в теории международных отношениях как «дилемма безопасности». В Китае всерьез испугались возможности военного удара со стороны СССР. Для противостояния угрозы с Севера Мао Цзэдун решил искать союзника на другом идеологическом полюсе и сблизиться с Соединенными Штатами.

Третьим событием, имевшим большое значение и позволившим Брежневу вступить на путь политики разрядки, была нормализация отношений с Западной Германией. После смерти Сталина некоторые западноевропейские страны, особенно Франция, стали искать возможности улучшить отношения с Москвой. Однако ключ к европейской разрядке находился в Западной Германии. Пока федеральным канцлером оставался Конрад Аденауэр, ФРГ отказывалась признать раздел Германии и установить дипломатические отношения с ГДР. С появлением Берлинской стены цена, которую пришлось платить разделенному немецкому народу за эту политику, резко возрасла. Юлий Квицинский, один из ведущих советских германистов в МИД, вспоминал: «Многое из того, что затем совершилось в Европе — и Московский договор, и начало хельсинкского процесса, — уходит своими корнями в состоявшееся 13 августа 1961 года повторное размежевание сфер влияния в Европе после 1945 года, признание обеими сторонами необходимости соблюдать статус-кво...» То, что западные державы не смогли воспрепятствовать возведению стены, оказало глубокое влияние на Вилли Брандта, в то время бургомистра Западного Берлина, и на его советника Эгона Бара. В 1966 г. Брандт, к тому времени лидер Социал-демократической партии Германии (СДПГ), стал вице-канцлером ФРГ, а в сентябре 1969 г. был избран федеральным канцлером. В основу своей предвыборной кампании он положил идею «восточной политики» (*Ostpolitik*) — нового внешнего курса, провозглашавшего преодоление физического барьера между двумя частями Германии с помощью дипломатии, торговли и, если нужно, признания коммунистического режима ГДР (76).

Как считал Александров-Агентов, Брежневу повезло, что он имел дело с Брандтом. В Москве заключили, что западногерманский лидер — «человек кристальной честности, искреннего миролюбия и твердых антифашистских убеждений, не только ненави-

девший нацизм, но и боровшийся против него в годы войны» (77). Для того чтобы откликнуться на «восточную политику» Брандта, Брежневу пришлось преодолеть множество препятствий: ему мешали и воспоминания о войне с фашистской Германией, и образ ФРГ как гнезда неонацизма и реваншизма, сформированный советской пропагандой, и давняя идеологическая вражда между коммунистами и социал-демократами (78). Брежнев боялся дестабилизировать коммунистический режим в ГДР: слишком дорого, считал он, заплатил советский народ в годы войны, чтобы потерять «социалистический плацдарм» на немецкой земле. В этой связи ему нужно было отрегулировать непростые взаимоотношения с руководителем ГДР Ульбрихтом, который с глубоким подозрением относился к любым контактам Москвы и Бонна, располагал в ФРГ большой и эффективной агентурой и мог при случае вставлять палки в дипломатические колеса СССР. В Кремле хорошо помнили «случай с Аджубеем» в 1964 г., когда зять Хрущева, якобы после чрезмерных возлияний, предложил руководству ФРГ неформальную сделку за счет Ульбрихта. Лидер ГДР узнал об этом через свою агентуру и направил протест в Москву. Памятуя об этом, Громыко и другие советские дипломаты действовали в отношении ГДР с предельной осторожностью и долго игнорировали многообещающие сигналы, исходившие от Брандта и его советника (79).

Начать диалог с ФРГ Брежневу помог Юрий Андропов через каналы КГБ. Как и Громыко, Андропов считал сталинскую дипломатию времен Второй мировой войны блестящим образцом *realpolitik*. Взгляд Андропова на политику разрядки вписывался в его представления о «мире с позиции силы». В разговоре со своим врачом Евгением Чазовым Андропов как-то заявил: «Учтите, разговаривают только с сильными». Он даже вспомнил эпизод из кинофильма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный»: «Помните, когда венчали молодого Ивана на царство, боярское окружение говорило, что ни Европа, ни Рим его не признают. Слыша эти разговоры, представитель иезуитов, стоявший в стороне, вслух рассуждает: “Сильный будет — все признают”. Так вот, этот принцип исповедуют американцы и мы. И никто из нас не хочет становиться слабее» (80).

В то же время Андропов, по свидетельству его подчиненных, полагал, что СССР нужно развивать экономическое, технологическое и культурное сотрудничество с ФРГ, только сближение с Западной Германией может покончить с военным присутствием США в Западной Европе. Он также рассчитывал, что новые немецкие технологии помогут в будущем модернизировать советскую экономику. В начале 1968 г. Андропов с молчаливого одобрения Брежнева направил журналиста Валерия Леднева и офицера КГБ Вячеслава Кеворкова

к Эгону Бару с заданием наладить неофициальный канал межправительственной связи. Конфиденциальный характер данного канала помогал сломать стену взаимной подозрительности и обоюдных недомолвок. Кроме того, возможность обмениваться информацией конфиденциально помогала Брежневу, как он надеялся, начать диалог с Бонном без оглядки на Ульбрихта. Тайный канал начал работать после окончания чехословацкого кризиса и заминки, связанной с советско-китайским пограничным конфликтом (81).

Брежнев выжидал в надежде на то, что противоположная сторона сама сделает первый шаг. Его все еще терзали сомнения идеологического и политического свойства. Предыдущий опыт партнерства Москвы с антикоммунистическими германскими правительствами был, мягко говоря, непростым. Лишь в октябре 1969 г., после того как Брандт победил на выборах и стал канцлером, Брежнев уполномочил Андропова и Громыко начать переговоры с новым лидером ФРГ (82). Между СССР и Западной Германией завязались вялотекущие отношения, которые заметно оживились, когда в Москву начал приезжать Эгон Бар. В 1970 г. он провел в Москве в советских «коридорах власти» в общей сложности около полугода и за это время основательно разобрался в правилах и нравах советской бюрократии. Главное, ему удалось расположить к себе Брежнева. 12 августа 1970 г. между ФРГ и СССР был подписан Московский договор, согласно которому обе стороны обязались не применять силу для решения споров и признали нерушимость существующих границ. Бонн признал ГДР как второе и равноправное немецкое государство. Кроме того, в Московском договоре содержалось признание ФРГ западной границы Польши по Одеру и Нейсе — особенно болезненное для немецкого общества. В декабре 1970 г. был подписан немецко-польский договор, в котором еще раз подтверждался отказ Бонна от притязаний на бывшие немецкие территории, вошедшие в состав Польши. В мае 1971 г. ушел в отставку Вальтер Ульбрихт — главный противник диалога между Москвой и Бонном и критик Брежнева. Ухода Ульбрихта добивалась группа более молодых партократов СЕПГ во главе с Эрихом Хонеккером, заручившихся поддержкой Кремля. Хонеккер, ставший лидером ГДР, уже не препятствовал дипломатическому урегулированию и через полтора года подписал договор об основах взаимоотношений между ФРГ и ГДР (83).

Еще одним препятствием, мешавшим разрядке, был запутанный вопрос о Западном Берлине. Эту проблему явно нельзя было решить на двусторонней основе, поскольку она затрагивала интересы ГДР и оккупационных властей трех западных держав. Однако к 1971 г. президент США Ричард Никсон и его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер активно включились в процесс

европейской разрядки в качестве ее важнейшего игрока. Американцы первоначально прохладно относились к «восточной политике» Брандта, но затем решили «встроить» ее в рамки собственной стратегии в отношении Советского Союза. Никсон и Киссинджер обещали Москве содействовать выработке соглашения по Западному Берлину при условии, что советская сторона поможет американцам договориться о мирном урегулировании во Вьетнаме. Формально переговоры по Западному Берлину проходили в рамках четырехсторонних встреч на уровне министров иностранных дел. На самом же деле в лучших традициях тайной дипломатии между Белым домом, Кремлем и Бонном действовали двухсторонние конфиденциальные каналы на высшем уровне. В сентябре 1971 г. западные державы официально признали, что Западный Берлин не является частью Федеративной Республики Германия (84).

Таким образом, Брежнев достиг того, чего Хрущев при всей своей напористости не сумел добиться десятью годами раньше. Драматические коллизии вокруг Берлина и ГДР, ставшие причиной двух самых серьезных кризисов в послевоенной Европе, можно было считать пройденным этапом. 16–18 сентября 1971 г. Брежнев принимал Брандта в Крыму: он пригласил немецкого канцлера погостить на государственной даче, построенной на месте бывшего царского имения Ореанда близ Ялты. «Вторая Ялтинская конференция», проходившая в двух шагах от Ливадии, где в 1945 г. состоялась встреча Большой тройки, совсем не была похожа на официальные переговоры. Участники встречи развлекались и отдыхали, у Брежнева это получалось лучше всего. Леонид Ильич, в прекрасной физической форме, щегольски одетый, угощал Вилли Брандта деликатесами и катал его с ветерком по морю на скоростном катере. Они вместе купались в огромном крытом бассейне и вели душевные беседы о политике и жизни. Своей чрезмерной общительностью Брежнев нарушал график встречи, и это поначалу немного раздражало немецкого гостя. «Были и формальные трапезы с тостами, как полагается, — вспоминал Александров-Агентов. — Но надо всем веял какой-то легкий, веселый дух взаимной приязни и доверия. Было видно, что Брандт очень понравился Брежневу как человек, да и сам он, видимо, был доволен общением с хозяином». В психологическом плане встреча в Крыму была очень важна для Брежнева. Впервые в жизни он «подружился» с руководителем крупнейшей капиталистической державы, более того, с федеральным канцлером Германии (85).

В процессе налаживания отношений с Западной Германией сложился внешнеполитический дуэт Громыко и Андропова. Внутри партийного руководства они стали главными помощниками Брежнева в проведении политики разрядки. Совершенно очевидно, что

их взаимоотношения носили прагматический характер: со временем Громыко и Андропов при поддержке Брежнева станут влиятельными членами Политбюро. Характерно, что оба, так же как и Брежнев, постоянно подчеркивали, что являются приверженцами жесткой линии. Андропов продолжал во всем исходить из «уроков Венгрии». Даже в шуточных виршах, которые он как-то сочинил для своих советников, председатель КГБ не преминул напомнить о том, что «правду должно защищать не только словом и пером, но, если надо, топором». Громыко, в свою очередь, резюмировал подписание Московского договора на заседании коллегии МИД примерно следующим образом: ФРГ уступила нам практически по всем пунктам. Мы же ей «ничего не дали». Конечно, западные немцы попробуют толковать некоторые детали договора на свой лад, но «ничего у них из этого не получится» (86).

Высказывание Громыко отражало не только его гордость достигнутыми результатами, но и то, что он вынужден был оглядываться на преобладавшие в партийно-государственной верхушке шовинистические настроения. Разрядка с Западом могла подаваться исключительно лишь как «их уступки» под давлением «достигнутого нами соотношения сил». Сторонники договоров с ФРГ, и в первую очередь Брежнев, могли, таким образом, пожинать лавры за свое «мудрое» руководство. Ведь архитекторы разрядки в советском руководстве были по-прежнему в меньшинстве, а Брежнев не был Сталиным и не мог себе позволить резкие повороты во внешней политике. Молотов, уже давно на пенсии, отметил, что «договоренность с Советским Союзом о границах двух Германий, это большое дело. Немаленькое дело», но похвалил за это не Брежнева, а Брандта. Многочисленные сталинисты, заседавшие почти в каждом звене аппарата ЦК КПСС, считали, что Запад не может быть постоянным партнером СССР, что можно в лучшем случае обвести его вокруг пальца согласно принципам ленинской внешней политики. Кроме того, появилась довольно широкая прослойка деятелей нового шовинистического толка, которых Уолтер Лакер назвал «русскими фашистами» (сами они себя называли «русскими патриотами»). На страницах литературных журналов, таких как «Наш современник» и «Молодая гвардия», они исповедовали ненависть к Западу, объявляя его вечным врагом «великой России» (87). В 1976 г., когда партийные идеологи уже на все лады воспевали политику разрядки, провозглашая ее величайшим успехом советского государства, Брежнев заметил в узком кругу: «Я искренне хочу мира и ни за что не отступлюсь. Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны». Александров-Агентов примирительно заметил, что в стране с 250 млн народу могут быть и несогласные, стоит ли волноваться по этому поводу. Брежнев возразил: «Ты не крути,

Андрюша. Ты ведь знаешь, о чем я говорю. Несогласные не там где-то среди 250 миллионов, а в Кремле. Они не какие-нибудь пропагандисты из обкома, а такие же, как я. Только думают иначе!» (88). Эта озлобленность Брежнева по поводу возможной оппозиции продолжала оказывать сдерживающее влияние на его политику разрядки на всех уровнях.

Первоначально «те, кто думали иначе», пытались перетянуть Брежнева на свою сторону. В итоге сталинисты и русские националисты проиграли сражение за Брежнева. Леонид Ильич отдался всей душой «борьбе за мир» и по этой причине все больше нуждался в небольшой группе референтов из международных отделов ЦК. Эти люди влияли «пером и словом» на формулировки публичных высказываний генсека по вопросам не только внешней, но и внутренней политики. Брежнев дистанцировался от крайнего антиамериканизма, который исповедовали его старые товарищи по партийной и государственной работе. Время от времени Брежнев показывал своим либеральным помощникам «анонимки» на них, которые поступали от сторонников жесткой линии, давая им понять: на вас точат зубы, но я не дам вас скушать, цените... (89).

Позже некоторые из референтов Брежнева (Арбатов, Черняев, Шахназаров) поддержали курс на перестройку и гласность Михаила Горбачева — курс, положивший конец холодной войне. Именно эти люди облакали советскую внешнюю политику в более миролюбивую и гораздо менее идеологизированную форму, чем того хотелось большинству номенклатурных чинов и приятелей Леонида Ильича. Но оглядываясь назад, понимаешь, насколько ограниченной была роль этих речеписцев. Их попытки освободить курс на разрядку от мертвящего груза коммунистической идеологии, призывы к Брежневу по-новому взглянуть на сложившуюся международную обстановку не давали результатов. Генсек цеплялся за идеологическую ортодоксию и отказывался от перемен, о которых толковали его «просвещенные» помощники. Главные импульсы, побудившие Брежнева к разрядке, пришли извне, и реагировал советский лидер на них лишь в той мере, в какой это соответствовало его собственным честолюбивым замыслам.

Генсеку хотелось конвертировать выросшую военную мощь СССР в валюту дипломатических соглашений и международного престижа. С помощью Андропова, Громыко и «просвещенных» помощников и референтов Брежнев приступил к выработке собственной концепции международной политики, которая была сформулирована в программе построения мира в Европе и взаимодействия со странами Запада. Центральное место в этой программе отводилось идее созыва

общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Об этом советский руководитель объявил на очередном съезде КПСС, который планировался на весну 1970 г., но состоялся лишь в марте — апреле 1971 г. Один из историков, специалист по истории разрядки, заключил, что на этом съезде «Леонид Брежнев упрочил свое руководящее положение в Политбюро по вопросам внешней политики». Генсек также «не скрывал, что его программа является советским ответом на восточную политику Вилли Брандта» (90). Встретив бурными аплодисментами речь Брежнева, делегаты съезда единодушно поддержали Программу мира и одобрили договоренности с Западной Германией. Это было не только ритуальным действием, но и важным политическим событием. Теперь Брежневу было гораздо проще отбиваться от тех, кто критиковал его за внешнюю политику. В своей речи на съезде Громыко, не называя никого по имени, осудил тех людей в партии и стране, которые считали, что «любое соглашение с капиталистическими государствами является чуть ли не заговором» (91).

В октябре 1971 г. довольный собой Брежнев наставлял своих референтов: «Мы все время боремся за разрядку. И тут мы много достигли. Сегодня о наших переговорах с крупнейшими государствами Запада речь идет уже не о конфронтации, а о соглашении. И мы будем вести дело к тому, чтобы [Общеевропейское совещание о безопасности и сотрудничеству] провозгласило декларацию о принципах мирного сосуществования в Европе. Это отодвинет лет на 25, а может быть, на век проблему войны. К этому мы направляем все свои мысли и деятельность нашего МИДа и всех общественно-политических организаций не только своей страны, но и наших союзников» (92). Но «борьба за разрядку» оказалась делом еще более трудным, чем представлялось Брежневу. И причина этого заключалась не только в давлении противников разрядки внутри страны, сколько в том, что происходило за ее пределами. Война во Вьетнаме и инерция советско-американского противостояния по всему миру — все это продолжало ставить разрядку под угрозу срыва.

Страсти перед саммитом

В течение многих лет Брежнев со своими друзьями из числа высших военачальников и руководителей военно-промышленного комплекса относились к США как к врагу номер один. Контроль над вооружениями и поиск компромиссов с американцами плохо вязались с этим образом мыслей. К тому же продолжала действовать хрущевская военная доктрина, целью которой провозглашалась *победа* в ядерной войне. Министерство обороны СССР считало, что просто стратегического паритета с американцами не достаточно. Нужно

создать ядерную мощь, равновеликую американским, британским и французским ракетным арсеналам, вместе взятым, и учесть те ракеты средней и малой дальности, которые размещены на базах в Западной Европе и на плавучих средствах (авианосцах, подводных лодках) вокруг Советского Союза (93). В общем, советское военное командование стремилось сохранить за собой полную свободу действий в продолжающейся гонке вооружений (в этом они мало отличались от своих американских коллег). Советский генералитет с крайней подозрительностью относился к возне дипломатов, осознавших, что победить в ядерной войне невозможно, и доказывавших, что СССР необходимо поставить перед собой другую цель — договориться о паритете, основанном на взаимном доверии. Министр обороны Гречко на заседании Политбюро не стеснялся открыто подозревать советских дипломатов в предательстве. По адресу Владимира Семенова, главы советской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), Гречко заявил, что тот «поддается американскому давлению». На первых порах Брежнев тоже не особенно жаловал дипломатов-переговорщиков. В здании ЦК на Старой площади, давая указания членам советской делегации на переговорах по ОСВ перед их отъездом в Хельсинки в октябре 1969 г., генсек строго наказал им держать рты на замке, не разбалтывать военных секретов. «Смотрите, Лубянка тут недалеко», — намекнул Брежнев на вездесущее КГБ (94).

Установление в феврале 1969 г. через советского посла в США Анатолия Добрынина и Киссинджера тайного канала между Вашингтоном и Москвой долгое время не приносило никаких результатов. Любое послание с советской стороны в Белый дом должно было обсуждаться в МИД и утверждаться на Политбюро. Фигура Никсона, бывшего маккартиста, сделавшего карьеру на антикоммунизме, возбуждала толки и подозрения. От его президентства не ждали ничего хорошего (95). Не способствовало развитию советско-американских отношений и то, что приоритеты сторон резко расходились. Члены Политбюро считали, что самая важная задача — это проведение двусторонних переговоров о контроле над вооружениями. Что касается Никсона, то ему не давала покоя война во Вьетнаме, и все вопросы, связанные с контролем над вооружениями, он увязывал с главным требованием: Кремль должен был заставить северовьетнамских коммунистов прекратить боевые действия в Южном Вьетнаме (96). Никто в Кремле не был готов к таким шагам. Громыко понимал, какие настроения преобладают в руководстве страны, и когда Никсон предложил провести встречу на высшем уровне, глава советского МИД на заседании Политбюро высказался за проволочку. Он предложил согласиться на встречу на высшем уровне только тогда, когда аме-

риканцы подпишут соглашение по Западному Берлину. Члены Политбюро согласились с Громыко, и предложение Никсона пролежало несколько месяцев без ответа (97).

Брежнев стал активно проявлять личный интерес к обмену информацией по тайному каналу только в 1971 г. А уже к лету того же года он выразил желание встретиться с Никсоном в Москве и посетить с ответным визитом Соединенные Штаты. Что подтолкнуло генсека изменить решение Политбюро? Во-первых, Брежнев стал чувствовать себя гораздо увереннее после прошедшего в марте — апреле 1971 г. съезда КПСС и в результате успешных встреч с Баром и Брандтом. Другим фактором стало внезапное известие о предстоящем визите Никсона в Китай. После стычек на китайско-советской границе в Вашингтоне наконец-то поняли, что две коммунистические державы действительно стоят на грани войны друг с другом (яростная идеологическая полемика предыдущих лет американцев в этом не убедила). Никсон и его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер приступили к осуществлению «трехсторонней дипломатии»: они пытались параллельно и налаживать отношения с Пекином и Москвой, и использовать их вражду в американских интересах, прежде всего для окончания вьетнамской войны. «Трехсторонняя дипломатия» сработала: после того как Мао Цзэдун пригласил президента США приехать в Пекин, Политбюро решило, что затягивать вопрос о встрече на высшем уровне, как предлагал Громыко, неразумно (98).

Тем временем произошло событие, окончательно разрешившее все сомнения Брежнева. 5 августа 1971 г. он получил первое личное послание от президента Никсона. До этого официальным советским адресатом тайного канала был Косыгин, но Добрынин намекнул Киссинджеру, что пора бы внести коррективы. И вот, к удовольствию генсека, сам президент США попросил его стать партнером в обсуждении «крупных проблем». Брежнев незамедлительно ответил предложением провести советско-американскую встречу на высшем уровне в Москве в мае — июне 1972 г. Добрынин получил из Москвы распоряжение о том, что с этого момента Брежнев будет лично следить за подготовкой к саммиту (99).

Как и в случае с «восточной политикой» Брандта, генсек решил рискнуть своим политическим капиталом для встречи с Никсоном, только когда убедился, что шансы осуществить прорыв в отношениях с США высоки. И все же последние километры на маршруте продвижения к московскому саммиту оказались усеяны острыми камнями. Первая неприятность случилась в западногерманском бундестаге, где канцлеру Брандту грозил вотум недоверия со стороны большинства депутатов, а ратификация Московского договора оказалась под

угрозой срыва. Провал политики Брандта спутал бы все карты советской дипломатии и лично Брежневу: процесс улучшения советско-германских отношений был бы приостановлен или того хуже — повернут вспять. Брежнев даже обратился к Белому дому с просьбой повлиять на консервативных депутатов бундестага и помочь Брандту. В КГБ обдумывали возможность подкупа некоторых депутатов (100). 26 апреля 1972 г. Брандт получил вотум доверия с перевесом в два голоса. 17 мая бундестаг ратифицировал Московский договор. Как с политической, так и с психологической точки зрения это давало Брежневу достаточные основания для успешных переговоров с Никсоном в Москве.

Еще одно событие, ставшее испытанием для наметившегося советско-американского диалога на высшем уровне, разразилось в Южной Азии. В ноябре 1971 г. вспыхнула война между Пакистаном и Индией. Всего за три месяца до этого СССР подписал с индийским премьер-министром Индирой Ганди Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Советское руководство обязалось поставить Индии крупную партию вооружений. Помощник Брежнева позже вспоминал, что это был главным образом геополитический ответ на сближение Никсона с Китаем. Но то, что случилось потом, стало потрясением для руководства обеих сверхдержав. Воодушевленная договором с СССР о поставках вооружений Индира Ганди послала индийские войска в Бангладеш (в то время Восточный Пакистан), чтобы поддержать бенгальских сепаратистов. В ответ пакистанцы атаковали индийские аэродромы. Пакистанская армия быстро проиграла войну на востоке, но на западе боевые действия могли перекинуться в Кашмир, на территорию, являвшуюся предметом наиболее ожесточенных споров между двумя государствами (101).

Индо-пакистанская война вызвала у Никсона и Киссинджера почти истерическую реакцию: они усмотрели в этих событиях сговор СССР с Индией, имеющий целью подорвать всю их систему трехсторонней дипломатии. Победа Индии грозила, в частности, сорвать сближение США с Китаем, ведь КНР был главным союзником Пакистана в регионе — в противовес Индии и Советскому Союзу. Американцы потребовали от Брежнева гарантий, что Индия не станет нападать на Западный Пакистан. Казалось, Никсон был готов поставить московский саммит в зависимость от действий Советского Союза по этому вопросу. Более того, президент США направил в Бенгальский залив авианосцы 7-го американского флота. Советские руководители, включая Добрынина, не могли понять, почему Белый дом поддерживает Пакистан, который, как они считали, развязал войну против Индии. Недоумение Брежнева вскоре сменилось гневом. В узком кругу он даже предлагал передать Индии секреты атомного оружия.

Его советники сделали все возможное, чтобы похоронить эту идею. Когда через несколько лет Александров-Агентов напомнил Брежневу об этом эпизоде, тот не смог сдержать эмоций и еще раз крепко выругался в адрес Соединенных Штатов (102).

Однако самым серьезным препятствием для встречи на высшем уровне оставалась вьетнамская война. Весной 1972 г. Ханой предпринял новое наступление на Южный Вьетнам, причем без всяких консультаций с Москвой. В ответ на это ВВС США возобновили бомбардировки северных территорий и в бухте порта Хайфон повредили четыре советских торговых судна. Несколько членов экипажей судов погибло. В начале мая Никсон приказал усилить и без того ожесточенные бомбардировки Ханоя и отдал распоряжение минировать северовьетнамские порты и внутренние водные пути (103). По мнению Косыгина, Подгорного, Шелеста и других членов Политбюро, встречу с Никсоном следовало отменить (104). Брежнев колебался. Как вспоминает его помощник, генсек, как и другие члены советского руководства, был «потрясен и возмущен провокационным характером действий Вашингтона». Его мало трогали заботы Никсона о сохранении своего престижа в глазах американцев. «Он видел только, что под угрозу поставлена советско-американская встреча, на подготовку которой было затрачено столько усилий и энергии, что его пытаются припереть к стенке. Действовать под диктовку американцев так, как они того хотели, т. е. заставить Ханой прекратить наступление, отказаться от уже почти достигнутой победы на Юге, советское руководство просто не могло: руководство ДРВ в данной ситуации не послушало бы подобных советов» (105).

Однако личная заинтересованность Брежнева в этой встрече одержала верх над эмоциями, и он употребил все силы, чтобы урезонить разгневанных коллег. Заставить Ханой прекратить военные действия на полпути было явно невозможно, и все же Брежнев и Громыко попытались выступить посредниками между Киссинджером и коммунистическими лидерами Ханоя. Кроме того, они сразу же согласились на тайную встречу с Киссинджером в Москве для обсуждения способов урегулирования конфликта. Советник Никсона по национальной безопасности находился в Москве два дня — 21 и 22 апреля. Вместо того чтобы оказывать давление на советского руководителя по вьетнамскому вопросу (как того хотел Никсон), Киссинджер из всех сил старался установить с Брежневым сердечные отношения. По всем существенным моментам Киссинджер был настроен на компромисс и пошел на уступки Брежневу и Громыко по тексту документа «Основы взаимоотношений между СССР и США». Как резюмировал Александров-Агентов, в этом документе были «фактически зафиксированы важнейшие принципы, за признание которых Советское го-

сударство боролось в своей внешней политике на протяжении многих лет». Самым важным для генсека было то, что в качестве одной из основ советско-американской разрядки в нем признавалось равенство сторон (106).

Записи бесед Брежнева с Киссинджером, ныне рассекреченные, свидетельствуют о том, что генсек был тогда на высоте. Это был уверенный, энергичный и общительный человек в стильном темно-синем костюме, с золотыми часами на цепочке, ни по содержанию разговора, ни по манерам не уступавший своему собеседнику, бывшему профессору Гарварда. Брежнев находился в хорошей физической форме. Он пускал в ход все свое обаяние, быстро ориентировался в беседе, говорил без подсказки и легко парировал доводы Киссинджера. Генсек с удовольствием шутил, и американец отвечал тем же (107). Брежнев между прочим поинтересовался, когда Соединенные Штаты собираются покинуть Вьетнам. «Де Голль после семи лет войны в Алжире пришел к выводу о необходимости найти выход. То же самое произошло с французами в Индокитае. Это было просто бесполезной тратой времени и сил... Перед вами аналогичная перспектива». Он также заявил недоверчиво слушавшему его советнику Никсона: «Я поддерживаю идею президента Никсона — положить конец этой войне. Логика подводит только к такому решению. Это наша общая конечная цель. Ясно, что Советский Союз не будет ломать копыя вокруг этого. Мы вовсе не ищем каких-либо преимуществ для себя». В то же время Брежневу явно хотелось отвлечься от Вьетнама и перейти к другим темам «всеобщей разрядки». Он сказал Киссинджеру, что «текущие дискуссии представляют собой начало важного будущего процесса, начало построения взаимного доверия». Должны быть предприняты «другие меры доброй воли, чтобы закрепить добрые отношения между СССР и США» в духе «благородной миссии, которая возложена на их плечи» (108).

Активная деятельность Брежнева на дипломатическом поприще началась при исключительно благоприятных обстоятельствах. Никогда еще со времен создания антигитлеровской коалиции президент США не проявлял такого рвения, чтобы завоевать доверие СССР, не раскрывал так охотно двери Белого дома для советского посла. Никсон и Киссинджер — каждый по собственным причинам — ни с кем не делились своими планами. Госдепартамент, остальные члены администрации президента, да и вообще все влиятельные политические круги США пребывали в полном неведении относительно американо-советских контактов на высшем уровне. Киссинджер жаловался по секрету сначала Добрынину, а позже Брежневу на «византийский бюрократизм», царящий в Вашингтоне, и «своеобразный стиль» Никсона. Несколько раз Киссинджер принимал Добрынина

наедине в сверхсекретной Ситуационной комнате в западном крыле Белого дома. Как вспоминал один из помощников генсека, Брежнева «немало позабавило», что Киссинджер то и дело просил его сохранить в тайне от американского посла и других членов правительства США какие-то фрагменты их бесед, чтобы все оставалось между ними. Вместе с тем такие доверительные отношения с Белым домом не могли не льстить генсеку (109).

Миссия Киссинджера, пусть и весьма успешная, не смогла разогнать тучи, сгустившиеся в Москве из-за Вьетнама. Мнения в Политбюро разделились, и некоторые из его членов продолжали настаивать на том, что саммит в Москве следует отложить. Они считали, что необходимо исполнить свой союзнический долг перед Ханоем и тем самым еще больше упрочить престиж Советского Союза в коммунистическом лагере. Главным противником сближения с американцами был Николай Подгорный, председатель Президиума Верховного Совета и вследствие этого формальный «глава государства». У Подгорного было много общего с Брежневым — схожие биографии, примерно одинаковые культурные горизонты и ограничения. Но Подгорному не хватало обаяния и гибкости своего давнего приятеля, и он с завистью наблюдал за внешнеполитической карьерой Брежнева. Начиная с 1971 г. председатель Президиума попытался вмешиваться в дела дипломатического ведомства. Громыко с благословения Брежнева пресекал эти попытки вмешательства. Но в апреле — мае 1972 г. Подгорный почувствовал, что настал выгодный момент высказаться по вопросам международных отношений. Его потенциальным союзником был руководитель компартии Украины Петр Шелест, отстаивавший «классовый подход» к внешней политике и критически относившийся к руководящим талантам Брежнева. Шелест писал в своем дневнике: «Наши успехи во внешнеполитических вопросах целиком зависят от нашей крепости внутренней, от веры народа в наши дела, от выполнения наших планов и обещаний, которые мы даем народу. А в этих вопросах у нас далеко не все в порядке». Шелест сетовал на расширение идеологического влияния Запада на молодежь и ослабление бдительности «под влиянием мнимых успехов международной разрядки». Он негодовал по поводу наивности и тщеславия Брежнева, которому вскружил голову предстоящий визит Никсона. Самым неприятным для Брежнева было то, что дрогнули его союзники и друзья: министр обороны Гречко выступил против приглашения Никсона в Москву, а Михаил Суслов, верховный блюститель партийной чистоты в политике государства, по поводу предстоящей встречи на высшем уровне хранил подозрительное молчание (110). Александров-Агентов вспоминает, что существовала «реальная опасность», что аргументы, доказываю-

шие необходимость проявить солидарность с Вьетнамом, игравшие на чувствах людей, «могли найти отклик среди значительной части ЦК, да и общественности страны. Возьми эти настроения верх, под угрозой крушения оказались бы не только перспективы оздоровления отношений с США и первых шагов по ограничению гонки ядерных вооружений, но заодно наверняка и то, чего Брежневу удалось достичь ценой огромных усилий в течение нескольких лет в области укрепления европейской безопасности» (111).

Верный себе Брежнев рассчитывал на единогласное решение и ждал, когда кто-нибудь другой из членов Политбюро выскажется в защиту саммита в Москве. К всеобщему удивлению, в пользу проведения встречи с Никсоном выступил Косыгин. Он вместе с Громыко доказывал, что отмена встречи может сорвать ратификацию договора с Западной Германией, который в это время как раз находится на рассмотрении в бундестаге в Бонне. К тому же подписание согласованных с Киссинджером проектов договоров по ПРО и ОСВ, которые предусматривали рамки стратегического паритета между США и СССР, откладывалось на неопределенное будущее. И вообще, нельзя же допустить, чтобы северные вьетнамцы имели решающий голос в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами (112). Положение в Политбюро выправилось: на сей раз государственные интересы возобладали над идеологией и эмоциями.

Это было время, когда СССР резко увеличивал объемы закупок западных технологий и приступал к реализации нескольких проектов, нацеленных на модернизацию химической и автомобилестроительной промышленности. Строились два огромных автозавода: один — по производству легковых автомобилей (в Тольятти), другой — по производству тяжелых грузовиков (КамАЗ) (113). Поддерживая курс на разрядку, Косыгин выразил интересы многих руководителей советской промышленности, которые надеялись, что, благодаря европейской разрядке и американо-советской встрече на высшем уровне, советские предприятия опять, как в годы партнерства с Рузвельтом, получат доступ к западным экономическим, финансовым и технологическим ресурсам. Запись в дневнике Чернышева о заседании Политбюро, состоявшемся 8 апреля, ярко иллюстрирует вышесказанное. Заместитель Косыгина и министр нефтедобывающей промышленности Николай Байбаков, с давних времен занимавший этот пост, вместе с министром внешней торговли Николаем Патоличевым представили проекты экономического и торгового соглашений с Соединенными Штатами. Подгорный резко возражал против сотрудничества с американцами в строительстве трубопроводов в Тюмени и Якутии, двух регионах вечной мерзлоты к востоку от Урала. «Неприлично нам ввязываться в эти сделки с газом, нефтепроводом. Будто

мы Сибирь всю собираемся распродавать, да и технически выглядим беспомощно. Что, мы сами, что ли, не можем все это сделать, без иностранного капитала?!» Брежнев пригласил Байбакова объяснить. Тот спокойно подошел к микрофону, едва сдерживая ироническую улыбку. Опираясь по памяти на цифры, подсчеты, сравнения, он показал, насколько прибыльны и выгодны будут соглашения с американцами. «Нам нечем торговать за валюту. Только лес и целлюлоза. Этого недостаточно, к тому же продаем с большим убытком для нас. Американцев, японцев, да и других у нас интересует нефть, еще лучше — газ». Все долги и расходы на газопровод окупятся через семь лет. «Если мы откажемся, мы не сможем даже подступить к Виллюйским запасам в течение, по крайней мере, 30 лет. Технически мы в состоянии сами продолжить газопровод. Но у нас нет металла ни для труб, ни для машин, ни для оборудования». В конце концов Политбюро проголосовало за проекты соглашений (114).

Среди военных сопротивление соглашениям с США было также велико, и тут генсеку понадобилось употребить все свое влияние. К середине апреля явная обструкция Министерства обороны вынудила Владимира Семенова, руководителя делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений, обратиться за помощью к Брежневу. На заседании Совета обороны в мае 1972 г. Леонид Ильич отказался от привычной деликатности и заговорил на повышенных тонах. По свидетельству очевидца, он, уже на взводе, спросил у Гречко: «Ну, хорошо, мы не пойдем ни на какие уступки. И соглашения не будет. Развернется дальнейшая гонка ядерных вооружений. А можете вы мне как главнокомандующему Вооруженными силами страны дать здесь твердую гарантию, что в случае такого поворота событий мы непременно обгоним США и соотношение сил между нами станет более выгодным для нас, чем оно есть сейчас?» Такой гарантии никто из присутствующих дать не решился. «Так в чем же дело? — спросил Брежнев. — Почему мы должны продолжать истощать нашу экономику, непрерывно наращивать военные расходы?» Сопротивление военных было сломлено, и они, скрепя сердце, сняли свои возражения против соглашений по вооружениям. Во время встречи с Никсоном глава Военно-промышленной комиссии Леонид Смирнов сыграл конструктивную роль в поиске компромиссных решений. Гречко пришлось с ними смириться, хотя его сопротивление переговорному процессу с американцами продолжалось (115).

В довершение всего Брежнев задумал созвать закрытое пленарное заседание ЦК КПСС и обратиться к пленуму с просьбой поддержать его решение встретиться с Никсоном. Эти дни перед началом пленума и во время его проведения, когда до предполагаемого прибытия Никсона оставалось меньше недели, оказались, возможно, самыми

мучительными в жизни Брежнева со времени Чехословацкого кризиса. Напряженности добавляла и неуверенность в том, будет ли в Бонне ратифицирован Московский договор. Александров-Агентов вспоминает «атмосферу сконцентрированной напряженности» на даче Брежнева, где работали Громыко, Пономарев и небольшая группа референтов. «Леонид Ильич был в эти дни как ходячий клубок нервов, то выскакивал из зала, где шла работа, то возвращался, выкуривая сигарету за сигаретой» (116). Поражало то, что генсек, несмотря на обремененность громадной властью, продолжал чувствовать себя крайне уязвимым, был неуверен в исходе дела и нервным до истощения. В этом был весь Брежнев. Киссинджер во время своих первых закрытых переговоров с Брежневым заметил в нем «неловкое и довольно трогательное сочетание некой незащищенности и ранимости, что никак не соответствует его самоуверенному характеру. В этом личностные качества Брежнева и Никсона совпадали» (117).

И снова удача улыбнулась Брежневу. На пленуме Косыгин, Громыко, Суслов и Андропов решительно высказались за разрядку с Соединенными Штатами. Это событие означало для Брежнева большую победу (118). Теперь он мог благополучно принять мантию миротворца, не опасаясь за свои тылы. Когда Никсон 22 мая прибыл для переговоров в Кремль, Брежнев неожиданно увлек его в свой кабинет (где некогда работал Сталин) для того, чтобы побеседовать с глазу на глаз. Подгорный и Косыгин, как и Киссинджер, остались за дверями, негодую и недоумевая. Как считает советский переводчик Виктор Суходрев, единственный свидетель того, что происходило за закрытыми дверями, эта встреча стала поворотным моментом в советско-американской разрядке, когда Брежнев взял на себя ответственность за этот процесс. Во время беседы Брежнев поднял вопрос о том, смогут ли Соединенные Штаты и Советский Союз достичь соглашения о неприменении ядерного оружия друг против друга. Такое антиядерное соглашение могло, по его мнению, создать здоровую основу для устойчивого мира во всем мире. В этом предложении проявились пределы брежневского видения проблемы, его наивность в отношении намерений США. По его представлениям, суть холодной войны сводилась к взаимному страху ядерного конфликта. Более того, генсек полагал, что одного соглашения между руководителями государств будет достаточно, чтобы развеять этот страх. В то же время Брежнев продемонстрировал силу своей веры в разрядку. Как утверждают люди из его бывшего окружения, идея разрядки не возникла из документов, подготовленных МИД, не была сформулирована в циркулярах Громыко — она шла от самого сердца генсека (119).

Важнейшей частью этой встречи стало предложение Брежнева установить с президентом Соединенных Штатов личные взаимоотношения и решать все вопросы через доверительную переписку. Никсон охотно согласился, напомнив Брежневу об особых отношениях между Рузвельтом и Сталиным во время войны. Брежнев пошел на этот шаг за спиной членов Политбюро. В человеческих отношениях впечатление от первой встречи нередко играет большую роль, чем ее содержание. В случае с Брежневым так оно и было. Два года спустя посланец Белого дома в Москву Аверелл Гарриман записал высказывание генсека: «Возможно, большинство американцев не осознают важности тех первых минут нашей беседы с президентом Никсоном в 1972 году, которые имели решающее значение. Президент сказал: “Я знаю, что вы преданы своей системе, а мы преданы нашей. Давайте отложим этот вопрос в сторону и выстроим хорошие отношения, несмотря на эту разницу в системах”. Брежнев сказал, что он протянул президенту руку в знак дружбы и согласился, что никакого вмешательства во внутренние дела друг друга не будет и две страны будут сосуществовать мирно. На этой основе и были достигнуты целый ряд политических и экономических соглашений» (120).

Как вспоминает Суходрев, Брежнев неоднократно повторял эти слова в узком кругу. Сильное впечатление на Генсека произвело и то, что президент США был готов оставить в стороне стратегические и тактические разногласия и говорить о том, как улучшить советско-американские отношения (121). В собственных глазах и глазах своего окружения Брежнев стал партнером, чуть ли не другом президента США. Это впечатление возвышало Брежнева над всеми его коллегами и соперниками. В мировой дипломатии он занял место, которого до него добился в Советском Союзе лишь Сталин. Разрядка стала личным проектом Брежнева, и он намеревался продвигать ее дальше.

Разрядка без Брежнева?

Если внимательно присмотреться к причинам возникновения разрядки, то обнаружится, что резкий ее подъем в 1970–1972 гг. не являлся чем-то неизбежным или предопределенным. Разумеется, идея разрядки приобрела политическую легитимность в США и СССР во многом в результате безудержной гонки вооружений, когда для многих стало очевидным, что продолжать множить ракеты с ядерными боеголовками бессмысленно, так как это не даст преимущества ни одной из сторон. Наиболее приемлемым для той и другой стороны выходом из сложившейся ситуации был процесс добровольного взаимного ограничения вооружений — это отвечало интересам обеих

сверхдержав. Такова была рациональная основа разрядки, и эксперты извели тонны бумаги на обоснование этого подхода. И все же нельзя с уверенностью заключить, что одни лишь экономические издержки гонки вооружений или же только угроза ядерной войны вынудили государственных деятелей искать примирения на исходе 1960-х — в начале 1970-х гг. Считать, что страх перед риском ядерной войны был самодостаточным фактором — все равно, что отменять гонку «Формула-1» или ралли Париж — Дакар из-за страха, что кто-то из участников может в них случайно погибнуть. Иными словами, нельзя задним числом приписывать руководителям сверхдержав здравомыслие и мудрость, которыми они не обладали.

Верно и то, что советское политическое руководство ощущало сильную потребность вдохнуть новую жизнь в экономику страны, чтобы она могла производить «и пушки, и масло». Советский Союз отчаянно нуждался в твердой валюте и западных технологиях. Разрядка могла помочь советской экономике решить ее проблемы (122). Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что проблемы экономики, стратегические расчеты или забота о сохранении ядерного паритета имели меньший вес в спорах, которые велись в Кремле, чем можно было бы ожидать. Их влияние на смену советского внешнеполитического курса в сторону разрядки было важным, но не решающим. Почти у каждого из членов Политбюро, секретарей ЦК и военачальников, в их числе Косыгин, Сулов, Подгорный, Шелест, Устинов и Гречко, имелись серьезные сомнения по поводу разрядки с Соединенными Штатами. Андропову и Громыко на начальном этапе не хватало влияния и политической воли, чтобы ради идеи переговоров с Западом рисковать собственным положением. И только личное участие Брежнева, его глубокий интерес к международным делам, а также его способность добиваться «единодушной» поддержки нового международного курса в политической элите оказались наиболее важными факторами, обеспечившими с советской стороны развитие разрядки в период с 1968 по 1972 г.

Привычные взгляды, помноженные на жизненный опыт, мешали большей части советских элит и членам Политбюро адекватно, без идеологических шор воспринимать события в мире. Следовательно, их мотивы и предпочтения сильно отличались от тех, которые им приписывали тогда и позже аналитики международных отношений — исходя из представления о «рациональной природе» принятия решений в Политбюро. Вместе с тем, хотя большинство членов Политбюро и были идеологическими ортодоксами, не правы были и американские «неоконсерваторы», громогласные критики разрядки, которые в течение 1970-х гг. приписывали Кремлю планы завоевания мирового господства. И пусть в некоторых документах, подготовленных МИД

и КГБ, разрядка изображалась как наилучшая возможность для наращивания могущества СССР и распространения его влияния в мире, на закрытых заседаниях Политбюро, насколько нам сейчас стало известно, никогда не обсуждались планы агрессии и территориальных захватов, ядерного шантажа Запада и прочие коварные и опасные схемы. Люди, которые входили в Политбюро, несмотря на периодические припадки идеологического гнева и бряцание оружием, не хотели и не могли продолжать глобальную конфронтацию с Соединенными Штатами. У большинства из советских руководителей отсутствовало стратегическое видение, если не считать абстрактных ленинских формул и опыта сталинской политики. Им было неясно, где и в каких целях использовать растущую военную мощь СССР. Они даже не понимали, какую стратегическую выгоду можно извлечь из того, что США увязли в Юго-Восточной Азии. После «потери» Китая СССР утратил свои позиции в Индонезии и растрачивал без ощутимых выгод громадные ресурсы на Ближнем Востоке. Даже коммунистическое руководство Северного Вьетнама не считало себя обязанным отчитываться перед Кремлем и вело свою собственную политику, пытаясь сорвать советско-американскую разрядку. В период между 1964 и 1970 г. руководители СССР находились в международном дрейфе. Вместо четких приоритетов, таких как соглашения с США и Западной Германией, они следовали расплывчатым лозунгам о «пролетарской солидарности» с коммунистическим Вьетнамом и увязли в бесперспективной поддержке радикальных арабских режимов.

Такому поведению СССР в годы, предшествовавшие разрядке, можно отчасти найти объяснение в переходном характере верховной власти после ухода Хрущева. В условиях постепенного размывания тоталитарной государственности за видимым единодушием коллективного руководства страны скрывалась яростная «подковерная борьба», в которой генеральный секретарь ЦК КПСС участвовал скорее в качестве арбитра и переговорщика, чем диктатора. Недавно раскрытые документы свидетельствуют о том, что эта борьба протекала на разных уровнях: интересы внешней безопасности наталкивались на ограничители внутренней политики и идеологии, стратегические цели подпадали в зависимость от обязательств, данных различным сателлитам и партнерам (к примеру, ГДР, Северному Вьетнаму и арабским странам). Безусловно, для того чтобы добиваться перемен во внешней политике, требовались серьезные усилия. Нужно было убеждать, разъяснять и — все реже — принуждать. Не стоит забывать о том, что в период с 1964 по 1971 г. согласие среди партийного руководства СССР в отношении разрядки было чрезвычайно хрупким и относительным и всякий международный кризис грозил его разрушить. Брежнев, используя свой личный политический капитал,

смог избежать раскола в руководстве в решающие моменты развития разрядки. В этом и заключается его главный вклад в историю международных отношений этого периода.

Киссинджер невысоко оценивает Брежнева в своих воспоминаниях. «Недостаток уверенности в себе он стремился спрятать за шумными речами, а подспудное чувство собственной неполноценности — за периодическими попытками запугать». По мнению Киссинджера, такое поведение Брежнева объяснялось русским национальным характером: он «являлся представителем народа, который не цивилизовал своих завоевателей [монголо-татар], а просто оказался более живучим, народа, находящегося между Европой и Азией и не принадлежащего целиком ни той, ни другой, уничтожившего традиции своей собственной культуры, при этом так и не создав им полноценной замены» (123). Как бы ни относиться к этой резкой и предвзятой оценке, Киссинджер был явно несправедлив в отношении Леонида Ильича.

Действительно, Брежнев не был уверен в себе, когда начал руководить советской дипломатией. Но если вспыльчивый Никита Сергеевич из-за недостатка уверенности в себе совершал необдуманные поступки, шел на обострение и создавал международные кризисы, то с Брежневым все было иначе: свою неуверенность он преобразовал в стремление к международному признанию. Кроме того, разрядка напряженности для Брежнева была заменой непредсказуемому процессу реформ внутри страны — разрядкой можно было воспользоваться, чтобы прикрыть уже наметившийся спад в экономике, все большее отставание от Запада в технологии и науке, а также развал коммунистического движения, выхолащивание идеологии. Генсек сознавал, что в сравнении со Сталиным и Лениным и даже с Хрущевым как лидер коммунистического полумира он проигрывает. Для того чтобы стать настоящим вождем, способным повести за собой массы, ему недоставало силы воли, размаха и интеллектуальных способностей. К 1972 г. Брежнев пребывал в должности уже восемь лет — почти столько же управлял страной Хрущев. Генсеку нужен был успех, это стало очевидным для всех, кто наблюдал за ним в те напряженные дни в апреле — мае 1972 г. перед встречей на высшем уровне.

Московский саммит произвел большое впечатление на советскую политическую элиту и еще большее — на советский народ. Добиваясь разрядки с Западной Германией и Соединенными Штатами, Брежнев получил у себя в стране широкое народное признание, которого до сих пор ему недоставало. В то время в СССР не проводилось исследований общественного мнения, однако, судя по имеющимся свидетельствам, миллионы простых советских граждан были искренне благодарны генсеку за его миротворческую деятельность. Действия

Брежнев одобряли многие люди, хорошо помнившие, что такое война, в том числе и те, кто считал Германию и США источником военной угрозы (124). Наивысшей точкой политической карьеры Брежнева стал пленум ЦК КПСС в апреле 1973 г., на котором генсек получил впечатляющую поддержку политике сближения с США и ФРГ. Словно по мановению волшебной палочки из советских газет и журналов, радио и телевидения исчезла антиамериканская риторика. До этого позитивно написанные статьи о жизни и культуре в Соединенных Штатах очень редко появлялись на страницах печати, да и то лишь в специальных изданиях. Теперь информация о жизни на Западе, в частности в США, пошла большим потоком, достигая широкой публики. Такого не было с момента убийства Джона Кеннеди, во всяком случае, с момента начала вьетнамской войны. Прекратилось глушение передач «Голоса Америки». Советская молодежь получила возможность слушать на коротких радиоволнах музыку популярных западных рок-групп, в том числе «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Пинк Флойд» и других. Черняев даже заявил, что визит Никсона стал для международных отношений тем же, что для советской внутренней политики был доклад Хрущева о Сталине в 1956 г. Он писал: «Как бы то ни было, какими бы идеологическими прикрытиями мы ни старались удерживать народ в антиимпериалистической чистоте, *realpolitik* сделал свое дело. Рубикон переи́ден. С этих майских дней 1972 года будут датировать эру конвергенции... в ее объективно революционном и спасительном для человечества смысле» (125).

Очень скоро эти преувеличенные восторги пришлось умерить. Выйти из холодной войны с помощью разрядки было невозможно в силу самой сущности политической и экономической системы СССР, идеологических взглядов его руководителей и особенностей управления страной. Конечно, единодушие, царившее в Политбюро под председательством Брежнева, не было таким же полным, как воинственность и нетерпимость по отношению к западным странам при его предшественниках. Это единство взглядов, несомненно, зиждилось на формуле «мир на основе силы». Только в таком виде идея разрядки была приемлема для сторонников жесткой линии. Никто, включая Брежнева, не осмеливался покушаться на основные положения марксистско-ленинской идеологии. И наконец, кремлевское руководство продолжало осуществлять самую дорогостоящую и далеко идущую программу вооружений за всю историю СССР. По этому вопросу Брежнев не имел разногласий со своими консервативными друзьями Устиновым, Гречко и другими представителями военной верхушки и военно-промышленного комплекса (126).

Брежнев искренне надеялся на то, что его личные дружеские отношения с Брандтом и Никсоном помогут ослабить напряженность

холодной войны. Трезвый реалист во внутривнутрипартийных делах, в сфере международных отношений он впадал в романтизм, причем отнюдь не революционного толка. Брежнев считал, что установление дружеских отношений с руководителями других государств больше отвечает интересам СССР, чем помощь революционным процессам и антиколониальным движениям в мире. Он верил, что эти дружеские отношения и экономическое сотрудничество между Советским Союзом и другими великими державами смогут преодолеть основополагающие политические, экономические и идеологические различия между Востоком и Западом.

Если бы не Брежнев со своей Нагорной проповедью, то разрядка международной напряженности в 1970–1972 гг. могла не состояться вовсе или она была бы значительно скромнее. Леонид Ильич прекрасно понимал, какую опасность представляет собой возможность военного столкновения между странами НАТО и Организации Варшавского договора или ядерный поединок между СССР и США. Ведь он сам был участником войны и не хотел повторения ее ужасов. Эмоциональность Брежнева также работала на разрядку. Достаточно представить, как бы неулыбчивый Косыгин, угрюмый Громыко или неприветливый Шелепин вели бы переговоры с руководителями западных держав вместо Брежнева, и становится очевидным значение личного обаяния генсека. Некоторые черты Брежнева, такие как желание понравиться, угодить другим, наивное тщеславие и чрезмерная общительность, его страсть к иностранным автомобилям и другим дорогим безделушкам, можно расценивать как слабости характера, но все эти качества помогали ему расположить к себе западных партнеров. В известном смысле Леонид Ильич был первым советским руководителем, который сознательно и с удовольствием носил мантию миротворца, опирался в своих поступках на здравый смысл, а не на понятия державного престижа и идеологии, не пытался изображать из себя революционного аскета или великого вождя-императора. Кроме того, он первым в Кремле стал использовать возможности телевидения, чтобы продемонстрировать свою близость к руководителям мировых капиталистических держав — это был умный ход, рассчитанный на получение признания широкой общественности внутри Советского Союза. Как верно отметил в своих воспоминаниях Эгон Бар, «Брежнев был необходим для того, чтобы позже появился Горбачев. Второй довел до конца то, что начал первый. Брежнев сделал большое дело для мира во всем мире» (127).

Глава 8

ЗАКАТ РАЗРЯДКИ. ИМПЕРСКАЯ ИНЕРЦИЯ, 1973–1979

Бояться нам некого и нечего, кроме собственной расхлябанности, лени, недисциплинированности.

В. Молотов, май 1972

Накануне Рождества 1979 г. произошло событие, изменившее ход мировой истории: советские танки вошли в Афганистан. Тяжелые колонны бронетехники переправились через реку Амударью по наведенным близ узбекского города Термез понтонным мостам и двинулись на юг, к заснеженным вершинам гор. Советские граждане узнали о вводе войск в Афганистан из сообщений иностранных радиостанций. К этому времени группы спецназа КГБ и ГРУ уже взяли штурмом укрепленную резиденцию генерального секретаря Народной демократической партии Афганистана Хафизуллы Амина. В результате штурма Амин был убит, погибли также его малолетний сын и около двухсот охранников. КГБ доставил в Кабул и поставил во главе партии Бабрака Кармаля — афганского коммуниста, жившего в эмиграции. Несколько дней спустя советское информационное агентство ТАСС заявило, что ввод войск в Афганистан был осуществлен по просьбе афганского правительства «для задач исключительно содействия в отражении внешней агрессии». В информации для партаппарата говорилось, что Политбюро, принимая решение о посылке «ограниченного контингента», исходило из стратегического положения Афганистана. «Он находится в непосредственной близости от наших границ, соседствует с советскими республиками Средней Азии, имеет границу большой протяженности, недалеко находится и Китай. Поэтому необходимо проявить заботу о безопасности нашей социалистической Родины и учитывать наш интернациональный долг».

Ввод войск в Афганистан стал неожиданностью даже для советской внешнеполитической элиты. Эксперты ничего не знали о подготовке вторжения, с ними никто не консультировался. Ученые Института востоковедения Академии наук быстро осознали, что кремлевские правители совершили роковую ошибку. Афганистан

за всю свою многовековую историю никогда не был покорен. Разноплеменные горцы, принявшие ислам, не терпели на своей земле чужеземцев. Но советская «общественность» помалкивала, лишь один человек в Советском Союзе — академик Андрей Сахаров — открыто выступил против введения советских войск в Афганистан. Решением Политбюро создатель советской водородной бомбы, а ныне диссидент был немедленно выслан из Москвы на поселение в Горький. подалше от иностранных корреспондентов (1).

Мир отреагировал на внезапный ввод советских войск в Афганистан куда болезненней, чем на советское вторжение в Чехословакию. В 1968 г. в Европе набирал силу процесс разрядки, и разгром Пражской весны не помешал переговорам по Германии, Западному Берлину и по стратегическим вооружениям. В 1979 г. все было иначе. В ООН Советский Союз был близок к изоляции. В Западной Европе еще раздумывали, но ответ США был незамедлительным и жестким. Президент Картер и его советник по национальной безопасности Бжезинский решили, что вторжение в Афганистан является началом советского наступления в направлении Ирана и Персидского залива, где располагались крупнейшие в мире нефтяные месторождения. Для США это было бы смертельной угрозой. Картер заявил, что ни перед чем не остановится, чтобы защитить американские жизненные интересы. Белый дом объявил о серии санкций, которые блокировали и приостановили почти все договоренности, достигнутые в годы разрядки, включая переговоры о дальнейшем ограничении стратегических вооружений, развитии торговых и культурных отношений с СССР. Стремление президента США наказать Москву было столь велико, что он наложил эмбарго даже на выгодный американским фермерам экспорт зерна в Советский Союз. Картер также объявил о бойкоте летних Олимпийских игр в Москве.

Документы из советских архивов убедительно свидетельствуют: никаких советских планов продвижения к Персидскому заливу не было и в помине. По заключению авторитетных историков, советское руководство было обеспокоено прежде всего событиями в самом Афганистане и нестабильной ситуацией в регионе. Американец Селиг Харрисон подвел итог: «Развитие событий в Афганистане застали Брежнева и его советников врасплох. В итоге им пришлось действовать в ситуации, которую они не контролировали, и пойти на шаги, последствия которых они не предвидели» (2).

Спустя много лет можно с уверенностью судить, что, несмотря на первоначальный военный успех, вторжение в Афганистан выявило глубокий системный кризис советской империи и его руководства. И словно в подтверждение этого, летом 1980 г. вспыхнула антикоммунистическая революция в Польше. Бастующие рабочие создали

независимый профсоюз «Солидарность» и вскоре были поддержаны всем польским обществом. Аппарат насилия оставался в руках у польского коммунистического режима, но общественный авторитет и инициатива перешли к забастовочным комитетам и группам интеллектуалов. «Солидарность» представляла гораздо более серьезную угрозу интересам СССР в Восточной Европе, чем Пражская весна в 1968 г. И тем не менее кремлевское руководство не решилось ввести войска в Польшу, и двоевластие там продолжалось до декабря 1981 г. (3). Нерешительность Москвы не была вызвана страхом еще более жестких санкций со стороны Запада. По словам американского историка Войтека Мастны, «действия и позиции западных политиков не оказывали существенного влияния на поведение Москвы во время польского кризиса» (4).

Ввод войск в Афганистан был не просто катастрофическим просчетом советских властей, он был следствием бездумного дрейфа и размывания стратегических приоритетов в предшествующие годы. После ряда успехов разрядка между СССР и Западом стала быстро клониться к закату. Безудержная гонка вооружений, разработка новых военных систем продолжались. В Африке, прежде всего в Анголе (в 1975–1976) и Эфиопии (в 1977–1978), бушевали гражданские и межэтнические войны, в которых США и СССР поддерживали противоборствующие силы. Как утверждал помощник Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, «разрядка была погребена в песках Огадена» из-за советского и кубинского вмешательства в военные действия между Сомали и Эфиопией. Двадцать лет спустя ветераны МИД СССР признали, что разрядка исчерпала себя задолго до конца 1970-х гг. Правда, по их мнению, виною этому было отсутствие взаимопонимания между администрацией Картера и советским руководством в Кремле. Администрация Картера, по их мнению, реагировала на советско-кубинское присутствие в Африке с излишней нервозностью (5).

Чтобы объяснить причины, которые привели политику разрядки к краху, следует тщательно разобраться в том, что происходило в Вашингтоне и Кремле. В американской прессе само слово «разрядка» к началу 1975 г. приобрело одиозный смысл «умиротворения агрессора»; политика переговоров с Советским Союзом стала мишенью для критики со стороны обеих политических партий США. Меньше известно о том, как относились советские лидеры и политические элиты к ухудшению советско-американских отношений. Между тем одной из главных причин того, что положительный импульс разрядки исчерпал себя, было быстрое падение интереса Брежнева к активной международной деятельности. Генсек терял здоровье и все больше отдавался своим увлечениям, прежде всего охоте. А советская внешняя и оборонная политика развивались по инерции, деформируясь

под воздействием бюрократических интересов, кризисных ситуаций в различных районах мира и идеологических факторов. Лишенное энергичного рулевого, судно советской внешней политики дрейфовало в сторону рифов.

Разрядка и права человека

В течение полугода после московского саммита перспективы советско-американского партнерства выглядели радужно. Сенат США ратифицировал Договор по ПРО и одобрил предварительное соглашение об ОСВ. В октябре был подписан целый пакет экономических и торговых соглашений между СССР и США, которые открывали возможность для получения Советским Союзом режима наибольшего благоприятствования для экспорта на американский рынок и для распространения на американский экспорт в СССР системы государственных кредитов и гарантий. Президент Никсон обещал выделить Москве долгосрочные кредиты. Доверительный канал связи между Белым домом и Москвой работал бесперебойно: Никсон и Киссинджер передавали исчерпывающую информацию о заключительных этапах переговоров по Вьетнаму, которые шли в Париже (6). В ноябре оба главных партнера Брежнева на Западе, Никсон и Брандт, были переизбраны на новый срок.

20 ноября 1972 г. Леонид Ильич после продолжительного отсутствия, вызванного болезнью, вновь появился в Секретариате ЦК КПСС. «Все идет хорошо, — сказал он своим коллегам, которые встретили его аплодисментами. — Побеждают силы мира, а не войны». Брежнев был полон надежд на предстоящую встречу в Хельсинки, на которой должны были обсуждаться вопросы, связанные с подготовкой к совещанию по безопасности в Европе. В результате установления дружеских отношений с ФРГ, заключил Брежнев, «мы вдохновляем и организуем европейский процесс. Нужно иметь это в виду и никогда не выпускать его из наших рук» (7). В том же ноябре по инициативе Советского Союза представители стран Восточной и Западной Европы, а также СССР, США и Канады договорились о созыве Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Брежнев надеялся, что этот форум станет основной международной политической структурой на европейском континенте, заменив НАТО и Организацию Варшавского договора.

В течение первой половины 1973 г. генсек пожинал плоды успешной дипломатии. В мае он первым из советских руководителей посетил ФРГ — государство, которое советская пропаганда долгие годы называла гнездом немецкого реваншизма. Брежнев восторгался всем, в том числе резиденцией в окрестностях Бонна, в которой его посе-

дили, и новым спортивным автомобилем — подарком Вилли Брандта. Прекрасные личные отношения двух руководителей плодотворно отразились на результатах переговоров: в обмен на немецкое оборудование, технологии и потребительские товары Советский Союз увеличивал поставки нефти, газа и хлопка (8).

В июне 1973 г. Леонид Ильич отправился в Соединенные Штаты, где его не покидало восторженное состояние. После встреч в Вашингтоне он был приглашен в загородную президентскую резиденцию в Кэмп-Дэвиде, затем погостил в доме Никсона в Калифорнии, в Сан-Клементе. Брежнев с лихостью гонщика объезжал американские автомобили, приводя в ужас сидевшего рядом с ним Никсона. Он обнимался с голливудской знаменитостью актером Чаком Коннорсом, которого знал по ковбойским фильмам, и совсем по-детски радовался игрушечному шестизарядному револьверу на ковбойском поясе, который преподнес ему президент США. Однако содержательные результаты визита оказались более чем скромными. В частности, так и не удалось достичь прорыва в вопросах торгового и экономического сотрудничества между двумя странами. Тем не менее, когда 22 июня, в годовщину нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, руководители двух держав подписывали Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны, Брежнев сиял от удовольствия (9).

Для генсека это соглашение стало важным шагом на пути к выполнению заповеди отца. Однако Никсон и Киссинджер смотрели на этот документ скептически. Позже они утверждали, что Советским Союзом двигало желание вбить клин между Соединенными Штатами и НАТО. В своих воспоминаниях Киссинджер писал, что он якобы раньше всех распознал в предложении Брежнева «опасный маневр СССР с целью побудить нас отказаться от использования ядерного оружия, отчего в конечном счете зависела безопасность всего свободного мира». Киссинджер даже заявил, что соглашение было нужно Кремлю для того, чтобы развязать себе руки для упреждающего удара по Китаю. Все эти утверждения — чистый вымысел. На деле, подписывая соглашение, Киссинджер и Никсон не придавали ему особого значения. Их мало волновала реакция союзников США по НАТО, опасавшихся, что соглашение между сверхдержавами поставит под сомнение надежность американского «ядерного зонтика» над Западной Европой. Что же касается Китая, то и сами американцы в это время все еще рассматривали китайский ядерный потенциал как угрозу своей безопасности (10).

Разрыв между восприятиями Брежнева и его американских партнеров (особенно если судить по американским документам) указывал на отсутствие подлинного доверия между Вашингтоном

и Москвой. Обе стороны, особенно американцы, считали разрядку чем-то вроде управляемого соперничества, в котором старые методы конфронтации будут заменены иными, менее опасными. Рэймонд Гартхоф, свидетель и историк разрядки, заметил, что каждой из сторон хотелось добиться одностороннего преимущества. И пока Брежнев радовался укреплению советских позиций в Европе, Никсон разъезжал по странам советского пограничья с иным настроением. В Иране он убеждал шаха стать главным гарантом американского экономического и политического присутствия в Персидском заливе. Во время визита в Польшу — первого в истории холодной войны — Никсон воскресил надежды многих поляков на освобождение страны от пут Варшавского договора (11).

Однако не только геополитические расчеты, но и внутривнутриполитические факторы, идеологические страсти и группы давления в обеих странах подталкивали к привычному для них типу отношений, «переговорам с позиции силы». Уже после подписания соглашения об ОСВ-1 в Москве Никсон настаивал на увеличении стратегических вооружений, а Брежнев, находясь с визитом в ФРГ, отказался даже обсуждать грядущее развертывание новых ракет средней дальности типа «Пионер», позже известных на Западе как СС-20. Помощник Брежнева Александров-Агентов вспоминал, что генсек «фактически отмахнулся» от этого вопроса и сделал это «явно под влиянием нашего военного руководства, прежде всего Устинова, которого поддерживал Громыко». Военные гордились этими точными и мобильными ракетами и считали, что их развертывание наконец-то уравнивает «системы ближнего развертывания» вблизи советских границ, на базах НАТО и атомных подводных лодках (12).

В подобной ситуации надежда на поддержание советско-американского диалога могла иметь место лишь в том случае, если бы и Брежнев, и Никсон относились к разрядке как к общему делу, не жалея для него времени и политического капитала. Никсон и Киссинджер на самом деле были заинтересованы в развитии советско-американских отношений и ревностно следили за тем, чтобы никто в правительстве США и конгрессе не смог отобрать у них эту заслугу. И тем не менее разрядка для них была лишь одним из многих направлений их внешней политики. Главной целью Никсона до ноября 1972 г. было добиться договоренности об окончании войны во Вьетнаме и переизбраться на второй срок. Киссинджер строил собственные планы, его внешнеполитические амбиции предполагали сложную игру с Китаем и на Ближнем Востоке, притом, как правило, за счет советских интересов. Важно отметить, что отношение многих политических кругов в США к разрядке с самого начала было более чем сомнительным. Поддержка ее была хрупкой, и разрушить ее

было легче, чем в ФРГ и других странах Западной Европы, кровно заинтересованных в стабильности и мире. И если поначалу Никсон мог сдерживать правых консерваторов в собственной Республиканской партии, то вскоре из-за Уотергейтского скандала президент утратил контроль над внешней политикой. Его многочисленные враги, прежде всего на либеральном фланге, открыли сокрушительный огонь по разрядке, ставя ее в один ряд с прочими сомнительными начинаниями ненавидимого президента (13).

Брежнев продолжал считать разрядку своим главным делом. Анатолий Черняев, сотрудник международного отдела ЦК КПСС, записал в своем дневнике, что «основная жизненная идея Брежнева — идея мира. С этим он хочет остаться в памяти человечества» (14). При любой возможности генсек старался помочь своим «друзьям», Брандту и Никсону, оградить разрядку от нападков со стороны их политических противников. Генсек даже подумывал о том, чтобы заключить некий союз трех лидеров. В сентябре 1972 г. он прозрачно намекал Киссинджеру, что надо как-нибудь помочь Брандту с переизбранием. «И вы, и мы заинтересованы в этом». Киссинджер уклончиво ответил, что если в ФРГ победу на выборах одержит коалиция ХДС–ХСС, а не социал-демократическая партия Брандта, то администрация Никсона будет «использовать все свое влияние, чтобы новое правительство не меняло политический курс» (15).

Даже по щекотливому вопросу о так называемой еврейской эмиграции из СССР Брежнев был готов помочь Никсону и Киссинджеру набрать очки в их внутривнутриполитических играх. С 1965 г. советское руководство разрешало эмиграцию советских евреев в Израиль по квоте — вначале 1500 человек, а с 1970 г. по 3 тыс. человек в год. В 1971 г., по инициативе КГБ, ограничения на еврейскую эмиграцию были ослаблены прежде всего для людей с высшим образованием. Юрий Андропов рассчитывал таким образом избавиться от антисоветски настроенных лиц, потенциальных диссидентов. После московского саммита и переговоров Добрынина с Киссинджером по конфиденциальному каналу советское руководство согласилось разрешить большему числу советских граждан подать заявление о выезде «на постоянное место жительства в Израиль». За период с 1945 по 1968 г. покинуть СССР смогли только 8300 евреев. С 1969 по 1972 г. «еврейская эмиграция» возросла с 2673 до 29 821 человека в год и продолжала увеличиваться в геометрической прогрессии (16). Брежневу пришлось пустить в ход весь свой политический вес, чтобы добиться увеличения квоты. Ведь с идеологической точки зрения уехать из страны «победившего социализма» было равносильно предательству. И кроме того, предоставление евреям исключительного права на эмиграцию впервые за десятилетия советской истории нару-

шало шаткий баланс советской национальной политики. В партийно-государственном аппарате, где и без того были сильны антисемитские настроения, многие возмущались тем, что евреям позволяется так вот запросто уезжать. Впрочем, еще сильнее оказались меркантильные настроения — желание заработать на выезде евреев. В августе 1972 г. Президиум Верховного Совета СССР издал специальный указ, согласно которому в качестве необходимого условия для получения разрешения на отъезд в Израиль предписывалось возместить затраты на обучение в высших учебных заведениях. Этот шаг вскоре обернулся тяжелыми последствиями для советско-американской разрядки.

Еврейское сообщество в Америке восприняло этот указ как повод для объявления войны советскому антисемитизму, а заодно и скрытому антисемитизму в США. В американских СМИ развернулась неистовая кампания, осуждавшая власти в СССР за введение «платы за выезд» для советских евреев. Почти сразу же у влиятельной еврейско-либерально-консервативной оппозиции в конгрессе США появились возражения против заключения торговых и финансовых соглашений с Советским Союзом. Сенатор-демократ от штата Вашингтон Генри (Скуп) Джексон, метивший в президенты, предложил поправку к американо-советскому торговому договору, увязывавшую его принятие со «свободой выезда для советских евреев». Чарльз Вэник из Огайо поддержал эту поправку в палате представителей. Поправка Джексона — Вэника означала серьезные перемены в американском конгрессе. Она лишала Никсона и Киссинджера возможности «отблагодарить» Брежнева: ведь главное, чего ожидали советские хозяйственники от разрядки, это отмена экспортных тарифов и пошлин на торговлю с США и государственные кредиты в поддержку американского экспорта в СССР (17). Кампания в защиту прав советских евреев показала, насколько поверхностной и хрупкой была политическая поддержка соглашений с Советским Союзом внутри самой Америки. К тому же эта кампания с поразительной наглядностью продемонстрировала пределы власти Белого дома и степень влияния «групп по интересам» и идеологических факторов на международную политику США (18).

Поначалу Брежнев держался в стороне от поднявшейся шумихи. Он не был антисемитом, но и заниматься проблемой, которая не сулила ему популярности, желания не имел (19). Однако регулярно повторяющиеся по конфиденциальному каналу просьбы из Белого дома сделать что-нибудь с налогом для евреев заставили его отбросить осторожность. Заручившись поддержкой главного партийного идеолога Михаила Суслова, генсек без лишнего шума попросил КГБ и МВД приостановить взимание налога с большей части эмигрантов,

прежде всего с людей среднего и пожилого возраста. По какой-то причине неофициальное указание Брежнева не дошло до ответственных должностных лиц, и весной 1973 г. советские власти продолжали взыскивать «плату за выезд». Речь шла о значительных суммах: в течение лишь первых двух месяцев после принятия пресловутого указа еврей-эмигранты заплатили 1,5 млн рублей за право выехать из Советского Союза (20).

Из Вашингтона поступали новые тревожные сигналы, и 20 марта генсек поднял щекотливую тему на заседании Политбюро. Как свидетельствует запись этого заседания, Брежнев действовал крайне осмотрительно. Он признал сложность сложившейся ситуации, ведь речь шла об изменении советского законодательства под давлением извне, да еще по взрывоопасному «еврейскому вопросу». Генсек поделился с коллегами своими мыслями о том, как снять напряженность, быть может, можно разрешить издавать небольшую газету или журнал на идише, позволить открыть маленький еврейский театр, т. е. снять негласный запрет, наложенный Сталиным на еврейскую культуру в СССР. Правда, он почти сразу же добавил, что просто высказывает «дерзкую мысль» вслух и сам еще не готов за это голосовать. В результате деньги за выезд решили не брать и налог отменить, но «негласно», чтобы сионистское лобби в США не восприняло это как свою победу. Более того, Брежнев согласился с Сусловым, Андроповым, Косыгиным и Гречко, что не следует давать выездную визу в Израиль высокообразованным и квалифицированным специалистам, имевшим доступ к секретным разработкам в военных отраслях, и вообще ученым и профессионалам высокого уровня. Приезд таких людей в Израиль серьезно укрепил бы интеллектуальный и оборонный потенциал этого государства. «Не хочу ссориться с арабами», — признался Брежнев. В целом же государственная система ограничений и квот для евреев в Советском Союзе (при приеме на работу в закрытые учреждения, при поступлении в престижные учебные заведения и т. п.) осталась нетронутой (21).

Спустя много лет Анатолий Добрынин написал, что позиция Брежнева и Суслова по вопросу «еврейской эмиграции» была половинчатой и иррациональной. «Если бы мы вовремя сняли этот конфликт с еврейскими кругами, то тем самым во многом способствовали бы и развитию процесса разрядки с США» (22). Это суждение, однако, не учитывает всю сложность вопроса, который поставила поправка Джексона — Вэника перед советским руководством. Действительно, торговые и финансовые соглашения с США имели для СССР огромную ценность, как символическую, так и материальную. Однако новые условия, выдвинутые американцами, были совершенно неприемлемы для советской стороны, поскольку они противоречили

принципу равноправных отношений, а именно это была главная политическая цель, которую преследовало советское руководство, согласившись на разрядку. Критики разрядки в СССР возмущались: с какой стати Соединенные Штаты Америки должны ставить другой сверхдержаве условия, касающиеся ее внутренних дел, да еще по вопросу об экономических соглашениях, в которых американцы должны быть заинтересованы не менее нас? Как отнесутся наши арабские союзники на Ближнем Востоке к тому, что советские евреи в неограниченном количестве уезжают в Израиль? Что касается политических и идеологических последствий еврейской эмиграции для самого СССР, то они могли быть еще серьезней. Массовая эмиграция наносила смертельный удар по двум идеологическим мифам: что СССР является «социалистическим раем», из которого никто не хочет уезжать, и что евреи успешно ассимилированы. Возникали неудобные вопросы: почему только евреям разрешается эмигрировать из страны? Как к этому отнесутся другие этнические группы? Русские националисты, которых становилось все больше среди писателей, деятелей искусства и чиновников, почти в открытую возмущались излишней, по их мнению, терпимостью советского руководства к евреям. Пошел слух, что Брежнев находится под влиянием «жены-еврейки» (в действительности Виктория Брежнева происходила из семьи караимов, а не из еврейской семьи). Эти слухи доходили до Брежнева и не могли оставить его равнодушным — речь шла о подрыве его авторитета в партии и народе (23).

Тем не менее Брежнев был готов помочь Никсону справиться с проеврейской оппозицией в конгрессе США и добиться ратификации торгового договора. В марте 1973 г., когда «еврейский вопрос» встал ребром, генсек находился на прямой связи с Андроповым, Громыко, Гречко, министром МВД Николаем Щелоковым и другими ответственными лицами, желая найти такое решение вопроса, которое удовлетворило бы американцев и в то же время не выглядело бы уступкой давлению извне. На заседании Политбюро Брежнев взволнованно критиковал чиновников, которые саботировали политику разрядки, правда, имен он не называл. Обращаясь к коллегам по Политбюро, генсек воскликнул: «То ли мы будем зарабатывать деньги на этом деле или проводить намеченную политику в отношении США... Что тогда стоит наша работа, что стоят наши усилия, если так оборачивается дело. Ничего!» Результатом вмешательства генсека стало увеличение квоты на эмиграцию специалистов и решение проинформировать через конфиденциальный канал Никсона и американских сенаторов о том, что образовательный налог на выезд будет применяться только в исключительных случаях (24).

Однако частичные уступки уже не могли удовлетворить Джексона и его сторонников. Расширив перечень своих претензий, оппозиция Никсону в конгрессе потребовала полной свободы эмиграции из СССР. Правые консерваторы, идеологизированные либералы-антикоммунисты и сторонники наращивания вооружений, сплотившиеся вокруг Джексона (позже они переберутся в Республиканскую партию, в стан Рональда Рейгана), отказывались идти на какие-либо компромиссы с советским режимом (25). Никсону не удалось справиться с еврейско-либерально-консервативной коалицией в конгрессе, и это явилось серьезным ударом по американо-советским отношениям. Поправка Джексона — Вэника не оставила ни малейших шансов для развития торгово-экономических связей с Советским Союзом, а ведь только это могло бы обеспечить политике разрядки более широкую поддержку в американском обществе. А оппозиция, вдохновленная успехом, продолжала наносить удар за ударом по разрядке. Антисоветские умонастроения, благодаря умело организованной кампании в защиту советских евреев, множились. Обстановка во многом напоминала движение против признания советского режима в 1920-е гг. И тогда, и теперь на первый план в обсуждении отношений с Советским Союзом вышла идеологическая тема — неприятие режима, — которая заслонила вопросы экономики и безопасности. Если 40 лет назад влиятельные группы в американском обществе отказывались признавать безбожных большевиков, то теперь Советский Союз объявлялся главным нарушителем прав человека.

Подобный поворот событий означал, что Никсону и Киссинджеру уже нельзя вести с Брежневым дипломатию в духе *realpolitik*, игнорируя идеологическую оппозицию. Еще одним следствием этого поворота стал трансатлантический альянс между советскими диссидентами, с одной стороны, и американской прессой и еврейскими правозащитными организациями — с другой. Интеллектуалы-диссиденты, живущие в Москве, и среди них сторонники десталинизации, евреи, которым отказали в выезде, а также русские националисты и либералы-правозащитники с помощью американских журналистов стали героями сопротивления советскому режиму. Некоторые диссиденты рассматривали свои интервью в западной медиасфере как орудие давления на брежневское руководство, а также возможную гарантию от арестов и преследований. Они видели своих естественных союзников не в Никсоне и Киссинджере, которым не было никакого дела до прав человека в СССР, а в сенаторе Джексоне и его сторонниках. Александр Солженицын был не меньше американских врагов разрядки убежден, что разрядка является зловещим советским заговором и что Запад погибнет, если пойдет на компромиссы с Кремлем (26).

Внезапно брежневская разрядка оказалась под критическим прицелом в самом СССР. Идейные консерваторы в партии и госаппарате получили новые аргументы, чтобы утверждать: сближение с Западом опасно для советского режима, оно позволяет Соединенным Штатам заводить своих троянских коней внутрь советского общества. Гонения на диссидентов со стороны КГБ, заключение их в тюрьмы и психиатрические больницы не решали эту проблему, а только добавляли масла в огонь. Еврейские активисты за рубежом стали пикетировать советские представительства, а позже — даже подкладывать бомбы. Время от времени Брежнев звонил Андропову и просил его «действовать поаккуратнее» (27). Глава КГБ оказался на удивление восприимчив к международному общественному мнению. Он опасался, что ему, как Берии и другим, работавшим до него руководителям спецслужб, не удастся остаться в политическом руководстве, не говоря уже о том, чтобы занять в будущем пост генсека. Как вспоминал один из близких ему людей, «единственной силой, двигавшей им [Андроповым], было желание остаться незапятнанным после непомерно затянувшегося пребывания на посту руководителя госбезопасности. Желание это было настолько велико, что очень скоро превратилось в комплекс» (28).

Андропов нашел выход из положения: он рекомендовал продолжать выпускать евреев из страны, а заодно и принудить к эмиграции наиболее докучливых диссидентов и антисоветски настроенных литераторов. Сотрудники КГБ начали ставить активных диссидентов, евреев и неевреев, перед выбором: либо длительный тюремный срок, либо отъезд за границу по «еврейской линии». В 1970-х гг. многие заметные фигуры из «шестидесятников» — писатели, художники и другие представители интеллигенции предпочли покинуть СССР. Некоторые из них, например Владимир Буковский и Александр Гинзбург, отправились за рубеж прямо из тюремных камер. Виолончелист Мстислав Ростропович и его жена, оперная певица Галина Вишневская, были лишены советского гражданства во время их пребывания на гастролях за границей. При всем цинизме андроповское решение «еврейской проблемы» в увязке с проблемой диссидентов было бескровным, а потому устраивало Брежнева. Оно позволяло генсеку балансировать между приверженцами жесткой линии, какими являлись его приятели по партии, и теми, кого он считал «друзьями» на Западе.

Самые крупные неприятности советскому режиму продолжал доставлять Солженицын — литературный кумир 60-х и бесстрашный разоблачитель сталинских преступлений. Свое неприятие советской власти писатель не только не скрывал, он его афишировал. В сентябре 1968 г., всего через месяц после событий в Чехословакии, в Европе и

Америке были опубликованы произведения Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом», которые принесли автору всемирную славу. В 1970 г. он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. За 12 лет до этого Борис Пастернак, получив эту премию, был вынужден от нее отказаться под чудовищным давлением властей, а также родных и близких. Солженицын, напротив, облачился во всемирную славу как в броню и шел на конфронтацию с государством с видимым бесстрашием, вызывая восхищение миллионов людей по всему миру, а также многих соотечественников (29).

Вопрос о Солженицыне несколько раз обсуждался на Политбюро. И всякий раз это дело вызывало столкновение мнений в советском руководстве по поводу приоритетов внутренней и внешней политики. Как подавить инакомыслие в СССР и одновременно продолжать политику разрядки с Западом? Андропов рекомендовал отпустить Солженицына в Стокгольм для получения премии и, воспользовавшись этим случаем, лишить его советского гражданства. Однако министр внутренних дел Щелоков, который был в дружеских отношениях с Брежневым, но недолюбливал Андропова, решительно возразил. Он предлагал «побороться за Солженицына, а не избавляться от него». Накануне визита Никсона в Москву на заседании Политбюро снова встал вопрос о Солженицыне. Андропов и Косыгин предложили выслать его из страны, но и на этот раз ничего не было решено (30). Отсрочки с решением вопроса о Солженицыне весьма показательны: процесс десталинизации общества и «оттепель» все же не прошли бесследно даже для сознания жестких партийных консерваторов. Членам Политбюро очень не хотелось превращать Солженицына в жертву политических преследований, как уже произошло с другими представителями советской культурной элиты: вначале с Пастернаком, а позже, в 1965 г., с арестованными писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Но главным мотивом подобной отсрочки все-таки были опасения Брежнева скомпрометировать разрядку.

Летом 1973 г. дело Солженицына снова оказалось в центре внимания Политбюро. При обыске на квартире машинистки Елизаветы Воронянской в Ленинграде сотрудники КГБ конфисковали рукопись Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» — документального романа-исследования о государственном терроре и сталинских лагерях. Обнаружение рукописи привело к развязке, которую, возможно, не ожидал ни Солженицын, ни сам Брежнев. Дважды, в сентябре и в октябре 1973 г., Брежнев накладывал вето на предложение Андропова выслать писателя из Советского Союза. Генсек опасался негативных последствий подобного шага, которые могли навредить его отношениям с Брандтом и Никсоном, а также усложнить его зарубежные поездки. Брежнев создал специальную комиссию Политбюро по Солженицы-

ну, в очередной раз отложив решение этого вопроса. Однако теперь уже сам писатель, желая защитить себя и свою семью от ареста, решил действовать на опережение и обратился за поддержкой к западным средствам массовой информации. Через них он обнародовал «Письмо вождям Советского Союза», где призывал их отказаться от «мертвой идеологии» марксизма-ленинизма в пользу православия. 1 января 1974 г. мировой сенсацией стала новость о том, что русская версия «Архипелага ГУЛАГ» скоро появится в печати (31).

Через семь дней, после долгого обсуждения в Политбюро дипломатических шагов в связи с подготовкой к Совещанию по европейской безопасности и сотрудничеству в Хельсинки, Брежнев спросил: что делать с Солженицыным? Андропов повторил свое старое предложение — выслать писателя из СССР и дело с концом. Громыко поддержал Андропова, но призвал еще повременить до завершения совещания в Хельсинки. И тут в разговор вступил Николай Подгорный: «Давайте посмотрим, что будет более выгодно для нас, какая мера: суд или высылка. Во многих странах — в Китае — открыто казнят людей; в Чили фашистский режим расстреливает и истязает людей; англичане в Ирландии в отношении трудового народа применяют репрессии, а мы имеем дело с ярым врагом и проходим мимо, когда он обливает грязью все и вся. Я считаю, что наш закон является гуманным, но в то же время беспощадным по отношению к врагам, и мы должны его судить по нашим советским законам в нашем советском суде и заставить его отбывать наказание в Советском Союзе».

Косыгин поддержал это предложение и сказал, что Солженицына нужно судить публично, а потом отправить в Сибирь, в Верхоянск. «Туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов: там очень холодно». В сущности, оба члена Политбюро обвиняли Брежнева в чрезмерной мягкотелости, намекая на то, что генсек слишком увлекся разрядкой и поездками на Запад, забывая о других государственных интересах. Даже Андрей Кириленко, всегда поддерживавший Брежнева, не удержался от иронического замечания в его адрес: «Когда мы говорим о Солженицыне как об антисоветчике и злостном враге советского строя, то каждый раз это совпадает с какими-то важными событиями, и мы откладываем решение этого вопроса». В конце концов, Брежнев вывернулся: он согласился с тем, что Солженицына в итоге нужно отдать под суд, но никакого решения насчет его ареста не принял (32).

В этот момент Андропов сделал для себя вывод, что члены Политбюро, видимо, хотят свалить «дело» Солженицына на его голову и тем самым бесповоротно испортить ему политическую карьеру (33). Воспользовавшись секретным каналом связи с Эгоном Баром, председатель КГБ спешно организовал согласие правительства ФРГ

на предоставление политического убежища для ничего не подозревавшего писателя-диссидента. В личном письме Брежневу Андропов предупредил генсека о том, что бездействие властей в отношении Солженицына вызывает все большее недоумение «в среде военных и некоторой части партийного аппарата». К тому же писатель-диссидент начал открыто критиковать политику самого Брежнева, и это находит поддержку среди студенчества и рабочих. «Исходя из этого, Леонид Ильич, мне представляется, что откладывать дальше решение вопроса о Солженицыне при всем нашем желании не повредить международным делам просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны». Угадывая настроения генсека, Андропов признал, что международных издержек, связанных с высылкой писателя, избежать нельзя, «но безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына». Ареста Брежнев не хотел. Он согласился на высылку Солженицына, и вскоре тот был насильно посажен в самолет, доставивший его во Франкфурт-на-Майне (34).

К огорчению Брежнева и Андропова, отделаться от правозащитной темы так же легко, как отделались от Солженицына, не удалось. Действительно, многие из диссидентов после отъезда на Запад и в Израиль исчезли с политического горизонта, растратили силы в бесплодных интеллектуальных диспутах, ушли в академическую или частную жизнь. Но другие остались. Натан Щаранский, организатор сионистского движения в Советском Союзе, продолжал выступать за право советских евреев на религиозную и культурную автономию. Значительная часть евреев из-за допуска к государственным секретам стали «отказниками» и не могли выехать из страны. Борьба за их право на эмиграцию еще долго оставалась в центре внимания и деятельности еврейских организаций в США. Андрей Сахаров и целый ряд других правозащитников, напротив, несмотря на давление КГБ, не хотели эмигрировать и продолжали свою общественную деятельность в СССР. Диссиденты оставались героями западной прессы.

Вопрос о правах человека снова всплыл на поверхность во время обсуждения в Политбюро проекта Заключительного акта Совещания по европейской безопасности и сотрудничеству, который предстояло подписать Брежневу в Хельсинки 1 августа 1975 г. Глава советской делегации на переговорах заместитель министра иностранных дел Анатолий Ковалев убедил Громыко уступить тем странам Западной Европы, которые настаивали на включении в Заключительный акт положения о том, что «государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести,

религии и убеждений». В «третьей корзине» акта, посвященной сотрудничеству государств в гуманитарных областях, говорилось о свободе передвижения, воссоединении членов семей, их праве навещать друг друга, облегчении доступа к информации, сотрудничестве в области культуры и образования. В свою очередь, западные страны соглашались признать нерушимость границ и территориальную целостность всех европейских государств и «невмешательство во внутренние дела». Когда проект Заключительного акта попал на стол членам Политбюро, они переполошились. Разве можно открывать Советский Союз для идеологического проникновения и подрывной деятельности извне? Ковалев готовился к бурному обсуждению, но, к его удивлению, Громыко снял напряжение, приведя аргумент из истории. Министр иностранных дел сравнил Хельсинкское совещание с Венским конгрессом 1815 г., а Брежнев — с русским царем Александром I. Громыко упомянул, что есть «договоренность» с Киссинджером: США и СССР не будут вмешиваться во внутренние дела друг друга, что бы там ни было записано в Заключительном акте. В конце концов Советский Союз добился признания политических границ в Восточной Европе, в том числе собственных границ. Открывались широкие перспективы экономического и технологического сотрудничества с Западной Европой. А что касается гуманитарных вопросов и прав человека, то, как заявил Громыко, «мы хозяева в собственном доме» (35). Возражения членов Политбюро были сняты. В самом деле, даже Сталин и Молотов согласились подписать Ялтинскую декларацию об освобожденной Европе в обмен на уступки западных держав.

1 августа 1975 г. в Хельсинки генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, президент США Джеральд Форд, сменивший к этому времени Никсона, а также руководители 33 европейских государств и Канады поставили свои подписи под историческим Заключительным актом совещания. На первых порах этот документ не оказал никакого влияния на политический режим СССР. Во всех советских газетах сообщалось о подписании Хельсинкского соглашения как о величайшей победе Брежнева, и сам генеральный секретарь не скрывал своего торжества, выступая перед делегатами очередного съезда КПСС. Брежнев и в самом деле считал соглашение венцом своей международной деятельности. Однако со временем выяснилось, что обязательства о соблюдении прав человека, принятые советским руководством, стали чем-то вроде мины замедленного действия. Громыко, считавший силы диссидентов ничтожными, был не так уж неправ: эти люди действительно не играли существенной роли в кризисе и падении советского строя. Но он глубоко ошибался в оценке глубинных идеологических и политических тенденций в мире. В его

исторической аналогии был очевидный изъян. Достижения царской дипломатии на Венском конгрессе оказались недолговечными. Прошло некоторое время, и Россия из ведущего члена «священного союза» превратилась в жупел для либеральной Европы. Идеологическая и политическая изоляция империи дорого ей обошлась во время Крымской войны в 1853–1855 гг. В 1975 г. Кремль опять праздновал геополитическую победу, даже не подозревая о ее отдаленных фатальных последствиях.

Беспокойное партнерство

Внезапное нападение армий Египта и Сирии на Израиль 6 октября 1973 г. явилось для партнерства Брежнева и Никсона настоящим испытанием на прочность. В течение долгого времени вопрос о роли Советского Союза в той войне, названной Войной Судного дня — по названию еврейского праздника, на который она пришлась, вызывал острую полемику. Сегодня многое можно прояснить и объяснить благодаря воспоминаниям очевидцев тех событий, в первую очередь — советского дипломата Виктора Израэляна. Главным зачинщиком войны был сменивший Насера на посту президента Египта Анвар Садат. По его замыслу, арабские государства должны были отомстить Израилю за его внезапное нападение и поруганную честь в 1967 г. и вернуть утраченные земли. Садат не информировал Политбюро и советских представителей в Египте о своих планах, хотя, разумеется, советские спецслужбы и военные догадывались о его приготовлениях. Как и в случае с Северным Вьетнамом, кремлевские вожди не имели возможности контролировать или сдерживать арабов, хоть те и зависели от материальной помощи СССР (36).

Египетского лидера крайне встревожило наметившееся сближение между СССР и США: ведь оно могло вылиться в совместную поддержку обеими сверхдержавами сложившегося на Ближнем Востоке статус-кво. После того как Никсон отправился в Москву, Садат начал вести двойную игру. Он объявил о высылке из Египта 17 тыс. советских военных советников и специалистов и начал тайные контакты с американцами. Никсон через конфиденциальный канал связи тут же направил Брежневу личное сообщение о том, что ему ничего не известно о намерениях Садата и он не имел с ним до сих пор никаких секретных сношений. На самом деле американцы начали прислушиваться к египетским сигналам (37).

Брежнев не знал о намерениях Садата, но был озабочен военными приготовлениями Египта и Сирии. Он надеялся, что предотвращение очередной войны на Ближнем Востоке может стать поводом для сотрудничества с Соединенными Штатами. Во время саммита

в Вашингтоне летом 1973 г. Брежнев предупредил Никсона о том, что Москва почти не контролирует своих арабских друзей. Никсон и Киссинджер не восприняли предостережение Брежнева всерьез и даже не стали обсуждать эту тему. Целью Киссинджера было подорвать советское влияние на Ближнем Востоке, и поэтому он не захотел, чтобы Кремль выступал в качестве американского партнера по мирному урегулированию в этом регионе. Кроме того, американцев занимал вопрос, как им выбраться из Вьетнама, и они не обращали внимания на то, что вокруг Израиля сгущаются тучи (38). Натолкнувшись на нежелание американцев действовать сообща, советское руководство уже не пыталось активно влиять на развитие событий и тем более не собиралось предупреждать Израиль о военных приготовлениях арабских союзников (39).

Разумеется, советское политическое руководство и военные были бы довольны, если бы Египет и Сирия одержали победу над Израилем и вернули Египту оккупированные территории. Но с самого начала они не сомневались, что арабы проиграют войну. Их прогноз оказался верным, и уже через несколько дней Кремлю пришлось вмешаться, чтобы предотвратить полный разгром своих арабских союзников. Война Судного дня развивалась стремительно, и вскоре первоначально торжествующие арабы оказались на грани военной катастрофы. В эти напряженные дни Брежневу пришлось совмещать в себе две ипостаси: руководителя Политбюро и дипломата. С обеими ролями он справился на удивление хорошо. В Политбюро ему удалось ловко нейтрализовать сторонников жесткой линии, требовавших решительных мер. Например, Косыгина, требовавшего военного вмешательства СССР в события на Ближнем Востоке, он отправил с секретной миссией в Каир. Там председатель Совета министров СССР растратил свой пыл, тщетно уговаривая Садата прислушаться к советам из Москвы. Подгорного, чья воинственность была следствием его полного невежества, генсек и вовсе вывел из игры (40). Кремлевский лидер не отступал от линии на сотрудничество с администрацией США в духе разрядки, а также «Основных принципов» и соглашения о предотвращении ядерной войны. В узком кругу своих помощников Киссинджер признал, что Советский Союз «ведет себя довольно благоразумно по всем вопросам. Даже на Ближнем Востоке, где мы своей политикой поставили их в сложное положение, они не послали нас ко всем чертям» (41).

Одной из причин такого поведения Брежнева было его желание во что бы то ни стало сохранить особые отношения с Никсоном. В течение арабо-израильского кризиса оба руководителя впервые обменялись личными дружескими письмами, и Брежнев радостно похвалился перед членами Политбюро: «Никсон глубоко уважает все

советское руководство и меня лично». На самом деле американский президент был поглощен разгоравшимся Уотергейтским скандалом, а международными делами от его имени занимался Киссинджер, уже утвержденный на посту госсекретаря США. Киссинджер и его помощники воспользовались поражением Египта, чтобы убедить Садата отказаться от многолетнего партнерства с СССР и ориентироваться на Соединенные Штаты. Киссинджер тянул с принятием резолюции в Совете Безопасности ООН о немедленном прекращении военных действий и игнорировал советское предложение о совместных санкциях — госсекретарь ясно хотел дать Израилю время для победного наступления на египетской территории. 22 октября резолюция была наконец принята, но израильские силы продолжали громить египтян (42). В Политбюро заговорили о «растущей роли сионизма в Соединенных Штатах». 29 октября, когда военные действия уже прекратились, Андропов информировал Брежнева о «тактике проволочек», избранной «американо-израильским тандемом». Председатель КГБ усматривал связь между действиями Киссинджера и усилением еврейского лобби в конгрессе США. Он писал: «Угроза импичмента для Никсона теперь стала более реальной, чем несколько месяцев тому назад. Не исключено, что в этой обстановке еврейское лобби в конгрессе сильно ограничивает действия Никсона и его желание осуществить договоренность, достигнутую во время Вашего, Леонид Ильич, визита в США» (43).

Советским руководителям надо было что-то предпринять, чтобы спасти Египет от полного разгрома. После долгой и острой дискуссии члены Политбюро составили послание Никсону, повторявшее предложение Кремля в октябре 1956 г. Эйзенхауэру и Даллесу: послать американские и советские вооруженные силы на Ближний Восток для совместной операции принуждения к миру. В последнюю минуту Брежнев согласился прибавить к этому посланию фразу: в случае, если США не захотят использовать совместные вооруженные силы для прекращения военных действий, СССР «будет вынужден с учетом острой обстановки пойти на соответствующие шаги в одностороннем порядке». По западным сведениям, две советские воздушно-десантные дивизии были приведены в состояние готовности, а громадной советской флотилии в Средиземном море было дано указание двигаться в сторону Египта с целью демонстрации силы. В сущности, этот жест со стороны СССР являлся блефом, но в отличие от демонстраций силы при Хрущеве он не ставил задачу запугать американцев (44).

Киссинджер, однако, запаниковал. Не поставив в известность советскую сторону через конфиденциальный канал связи, он отдал приказ о приведении американских вооруженных сил в состояние

повышенной боеготовности — лишь на одну отметку ниже полномасштабной ядерной тревоги. Когда члены Политбюро собрались утром следующего дня, они объяснили случившееся кознями Киссинджера. Гречко, Андропов, Устинов, Кириленко и другие заговорили о необходимости ответить на американскую мобилизацию аналогичными мерами (45). Брежнев, хорошо помнивший, куда завел Хрущева ядерный шантаж Запада, предложил не обращать внимания на объявленную американцами тревогу. Может, у Никсона нервы измотались из-за того, что на него все ополчились, объяснял Брежнев. «Пусть сперва остынет и объяснит причину, почему он привел ядерные силы в состояние готовности». Это было, быть может, одним из самых мудрых решений Брежнева за всю его международную карьеру. В действительности накануне днем Никсон был в невменяемом состоянии под воздействием алкоголя. Выбывшего из строя президента замещал Киссинджер, причем госсекретарь явно превысил свои полномочия. Когда утром 25 октября Никсон проснулся, он отменил объявленную Киссинджером тревогу и в знак примирения послал Брежневу личное письмо. В конце концов Кремль и Белый дом договорились, вооруженные силы Израиля остановили свое продвижение вглубь египетской территории, и напряжение на Ближнем Востоке начало спадать (46).

Односторонняя игра американцев на Ближнем Востоке не подорвала советско-американскую разрядку (47). Напротив, Война Судного дня еще больше убедила Брежнева в том, что мир между Израилем и арабскими странами можно построить лишь совместными усилиями США и СССР. В письме к Никсону от 28 октября Брежнев намекнул об интригах, которые плетутся некими силами, желающими подорвать «личное взаимное доверие между нами». Он уже не скрывал своих подозрений в отношении Киссинджера (48). В то же время поведение Садата переполнило чашу его терпения: тот в ходе мирных переговоров начал откровенно использовать помощь СССР как козырь в переговорах с американцами и Израилем. Генсек даже начал подумывать о восстановлении дипломатических отношений с Израилем, оборванных в 1967 г. В разговоре с Громыко Брежнев в сердцах воскликнул, что арабы могут идти к «такой-то матери». «Нет! Мы за них воевать не будем. Народ нас не поймет. А мировую войну затевать из-за них тем более не собираюсь». Сотрудник международного отдела ЦК Черняев, ставший свидетелем этой вспышки, записал в дневнике: «Это реальная политика. Но обществу она неизвестна. О том, что напали арабы и что все было совсем не так, как изображали наши газеты, знали лишь в аппарате ЦК, и то далеко не все, да еще кое-кто в МИДе». Как и в 1967 г., газеты раздували антиссионистские

настроения, а партийные организации проводили митинги солидарности с «прогрессивными» арабскими режимами (49).

Попытки Брежнева проводить прагматичный курс на Ближнем Востоке были слишком робкими и ни к чему не привели. Начиная с 1975 г. США перехватили инициативу в регионе, и после четырех лет интенсивной дипломатии Садат подписал соглашения с Израилем в Кэмп-Дэвиде: Египет переметнулся в американский лагерь. К этому времени Советский Союз предоставил Египту помощи и вооружений на десятки миллиардов рублей, и советское руководство, военные и КГБ сильно переживали предательство Садата. Память о «потере Египта» в Кремле оказалась долговечной, она в немалой степени влияла на советскую политику в Африке. А в 1979 г. горький урок Египта побудил некоторых кремлевских лидеров подозревать, что афганский революционный лидер Хафизулла Амин может поступить с ними так же — переметнуться к американцам (50).

Уотергейский скандал и отставка Никсона в августе 1974 г. стали еще одним испытанием для Брежнева. В последние месяцы пребывания на посту президента США Никсон часто писал генсеку. Их переписка принимала сюрреалистический характер. Президент, изолированный и ненавидимый в собственной стране, все больше рассматривал отношения с Брежневым как последнюю соломинку для спасения своей карьеры. Через конфиденциальный канал связи Никсон давал понять Брежневу, что у них обоих имеются общие враги, в том числе — еврейские круги в США. К ужасу своих помощников, Никсон даже заговорил о некоей «доктрине Брежнева — Никсона», которая могла бы стать «прочным фундаментом мира». Примечательно, что, вопреки опасениям американских экспертов, Брежнев никогда не использовал откровения президента, как и ослабление исполнительной власти в США, для извлечения политических выгод. По сути, он был последним из зарубежных лидеров, кто до конца поддерживал Никсона. Глава СССР искренне не мог понять, почему власть утекала из рук его американского партнера. Так же были удивлены Сталин с Молотовым в июле 1945 г. поражению Черчилля на выборах. У генсека и всего его окружения не укладывалось в голове: как это возможно, чтобы из-за сущего пустяка, вроде установки подслушивающих устройств в штаб-квартире Демократической партии в жилом комплексе Уотергейт, могущественный глава исполнительной власти оказался под угрозой импичмента, ведь еще недавно он победил на общенациональных выборах с громадным большинством. По твердому мнению Политбюро и даже некоторых экспертов-американистов, единственным правдоподобным объяснением было то, что враги политики разрядки в США нашли подходящий повод, чтобы избавиться от ее главного творца (51).

Падение Никсона было для Брежнева большим ударом, тем более ощутимым, что в мае 1974 г. генсек потерял своего первого партнера по разрядке — Вилли Брандта. Канцлеру ФРГ пришлось уйти в отставку в связи с подозрениями в супружеских изменах, а также из-за разразившегося «шпионского» скандала: один из его ближайших сотрудников, Гюнтер Гийом, оказался агентом восточногерманской разведки. Руководитель ГДР Эрих Хонеккер и министр госбезопасности Эрих Мильке держали Гийома за особо ценного агента, хотя Кремль и КГБ намекали, что лучше не рисковать, чтобы не скомпрометировать Брандта. У восточногерманского руководства был свой и вполне очевидный интерес шпионить за Брандтом и собирать на него компромат. Хонеккера, как до него и Ульбрихта, раздражало наличие прямых доверительных отношений между Кремлем и ФРГ. Дружба Брандта с Брежневым ставила под угрозу традиционные рычаги воздействия ГДР на политику Кремля в германском вопросе. Брежнев был обижен на Брандта. По его мнению, канцлер ФРГ просто не имел права добровольно уходить в отставку. Генсек также затаил обиду на Хонеккера (52).

Из всех руководителей стран, стоявших у истоков разрядки, один Брежнев остался у власти. Но его здоровье быстро ухудшалось. К этому времени у Брежнева уже случилось два инфаркта. В 60-е гг. он находился в хорошей физической форме, но потом у него стал постепенно развиваться атеросклероз сосудов головного мозга, в результате чего при переутомлении возникали периоды астении мозговой деятельности. После чехословацких событий у генсека выработалась привычка принимать перед сном по одной-две таблетки наркотических снотворных. Иногда он принимал чрезмерную дозу и потом страдал от мышечной слабости — ему требовалось время, чтобы прийти в себя (53).

Зарубежные партнеры Брежнева обратили внимание на то, что он стал часто опаздывать, не соблюдает график работы, может внезапно исчезнуть без объяснения причин. Во время пребывания Киссинджера в Москве в апреле 1972 г. Брежнев ошеломил американца, прокатившись с ним в машине на бешеной скорости — он делал это, чтобы выйти из состояния оцепенения, вызванного передозировкой таблеток (54). Когда разразилась Война Судного дня, Брежневу пришлось работать днем и ночью, его нервная система начала давать сбои. Садат звонил в советское посольство в Египте ежедневно, днем и ночью, чтобы сообщить о катастрофическом положении своей армии и потребовать немедленной помощи. Брежнев почти не отдыхал. Андропов, отлично осведомленный о проблемах генсека со здоровьем, взялся проявить о нем заботу. Сразу же после арабо-израильской войны он написал Брежневу письмо личного характера, где истолко-

ывал поведение Садата, а заодно и Киссинджера, «как своего рода диверсию, рассчитанную на то, чтобы искусственным путем держать нас только вокруг арабо-израильского конфликта, создавая перенапряжение для всех и особенно для Вас лично». Андропов призывал генсека побережь себя для других важных дел, «потому что человеческие возможности не безграничны» (55). Андропову было известно, что Брежнев стал злоупотреблять наркотическими средствами и что его личные охранники и медсестра по секрету достают ему седативные таблетки. Поначалу Андропов попытался вмешаться, но потом, видимо, понял, что лучше закрыть на это глаза. Возможно, хотя прямых данных об этом нет, что председатель КГБ сам начал помогать Брежневу добывать таблетки (56).

Эти таблетки, безусловно, лишь усугубляли недомогание советского вождя. Объем внимания у Брежнева сокращался, ему было все труднее удерживать в памяти детали. Даже его характер изменился: он стал подозрительным и капризным, все менее способным на гибкость, понимание чужих обстоятельств. Главный кремлевский врач Евгений Чазов заключил, что пагубное пристрастие Брежнева привело в итоге к тому, что «страна потеряла конкретное руководство». Именно в этом, по его мнению, были «истоки того процесса, который в конце концов привел великую страну социализма к событиям апреля 1985 года». Черняев, работавший в международном отделе ЦК КПСС и наблюдавший за всем изнутри, сокрушался о том, что «руководство страны фактически парализовано. Никто не в состоянии действовать и лишен возможности что-либо предпринять по существу». Ему было обидно, что «страна при таких ресурсах, наверно, уже превращается в заурядное большое государство... с бездуховностью и безыдейностью, с реагированием на всякое внутри и вокруг, но без собственных идей и без вдохновения. И что делать, никто не знает» (57).

Тем временем в СССР, как и в США, полным ходом шла гонка вооружений, новые технологии развивались бурными темпами, гораздо быстрее вялотекущих переговоров по ограничению стратегических вооружений. Развертывание Соединенными Штатами баллистических ракет с разделяющимися головными частями с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН) давало возможность одной ракетой поразить несколько целей — это означало качественный скачок в развитии американского стратегического ядерного арсенала. Позже американцы создадут высокоточную крылатую ракету. Советский военно-промышленный комплекс лихорадочно наращивал количество стратегических систем и создавал оружие нового поколения. Советским конструкторам удалось произвести собственную ракету с РГЧ ИН («Пионер») и новый средний бомбардировщик

Ту-22М. В СССР разработали новую атомную подводную лодку класса «Тайфун» и строили могучий океанский флот. За десять лет после московского саммита в 1972 г. Советский Союз принял на вооружение 4125 межконтинентальных баллистических ракет наземного и надводного базирования, тогда как США — всего 929. Больше всего американских экспертов по стратегическому планированию беспокоило развертывание большого числа тяжелых МБР Р-36М, способных нести до десяти боевых блоков. Такая ракета подходила по размеру к уже построенным в 1960-е гг. стартовым шахтам, а следовательно, СССР на порядок увеличивал свой стратегический арсенал, не нарушая лимиты, установленные договором ОСВ-1. Американцы называли эти ракеты СС-18, или «Сатана». СССР начал размещать их в 1974 г., всего, по американским данным, было развернуто 308 таких ракет (58).

Зачем советская сторона строила и развертывала эти ракеты в таком количестве? Согласно некоторым авторитетным источникам, кремлевское руководство не могло преодолеть синдром Карибского кризиса, точнее, не могло забыть своего унижения в конце 1962 г., когда пришлось выводить советские военные силы из Кубы под нажимом американцев (59). Географический фактор также играл свою роль, поскольку советский генералитет считал, что у США в этом вопросе есть преимущество. Советское военное командование исходило из того, что вражеский потенциал включает не только вооруженные силы США, размещенные на базах НАТО вокруг СССР, но и ядерные силы Великобритании и Франции. Кроме того, СССР был вынужден развертывать часть ядерных ракет и обычных вооружений против Китая. И, наконец, советская военно-промышленная элита по-прежнему, несмотря на разговоры о «стратегическом паритете», опасалась, что стратегический арсенал СССР значительно уступает американскому по качественным показателям. А качественное отставание можно компенсировать лишь количеством. В 1994 г. бывший помощник министра обороны Виктор Стародубов с обезоруживающей логикой объяснил, что в СССР строилось так много «тяжелых» ракет потому, что это было «то небольшое, что мы умели делать хорошо» (60). По прошествии времени выяснилось, что наращивание вооружений в 70-х гг. не принесло советскому руководству того, чего так боялись многие американские аналитики, — ощущения стратегического превосходства. Кремлевские лидеры никогда не считали, что у СССР есть возможность нанести внезапный обезоруживающий удар по США. Напротив, они сознавали, что американцы по-прежнему опережают Советский Союз по многим показателям, пусть даже преимущество Вашингтона было не столь подавляющим, как раньше (61).

Когда на заседаниях Политбюро или на Совете обороны обсуждался вопрос о строительстве ракет, Брежнев не спорил с Устиновым, Гречко и главой Военно-промышленной комиссии Леонидом Смирновым. Являясь сторонником ведения переговоров с позиции силы, генсек не склонен был придавать значение шуму на Западе о растущей советской военной угрозе. Следует еще раз отметить, что Брежнев никогда не пытался бряцать ракетами и шантажировать западные страны, как это делал Хрущев. Он действительно был готов на переговоры и по-прежнему считал, что механизмы контроля над вооружениями, включая ОСВ, могут стать основой для длительного сотрудничества между СССР и США.

Брежнев рассчитывал на успех Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе до начала очередного съезда КПСС (62). Тогда он мог представить съезду убедительные свидетельства того, что Программа мира, принятая в 1971 г., приносит хорошие плоды, и тем самым укрепить репутацию миротворца в глазах руководящих кадров КПСС и всего советского народа. В этой связи Брежневу очень хотелось сразу же наладить личные отношения с Джеральдом Фордом, преемником Никсона на посту президента США, убедить его принять участие во встрече в Хельсинки и договориться о подписании Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). В результате сложных согласований через посла Добрынина по конфиденциальному каналу Форд и Брежнев условились о встрече в конце ноября 1974 г. во Владивостоке — в то время «закрытом городе», где располагалась громадная военно-морская база и другие объекты военно-промышленного значения. Для советской стороны наиболее принципиальным вопросом был паритет безопасности с НАТО. Это означало учет всех ядерных средств НАТО «передового базирования», т. е. американских ракет, бомбардировщиков и подводных лодок, размещенных вблизи советской территории и в прилегающих морях, а также ядерных сил Великобритании и Франции. Согласия этих двух стран на зачет их сил в переговорах ОСВ получить не удалось, однако Косыгин, Подгорный и несколько других членов Политбюро, а также все военное руководство СССР настаивали на таком зачете. Без этого, говорили они, договор невозможен. Брежнев раздражало упрямство западных стран, но он также не без основания подозревал, что его коллеги по Политбюро не хотят поддерживать его миротворческую деятельность и искать развязки проблем (63).

В октябре 1974 г. на переговорах с Киссинджером в Москве в ходе подготовки будущего саммита Брежнев предложил компромиссную идею о всеобщих и примерно равных уровнях стратегических сил с обеих сторон. Смысл ее заключался в том, чтобы уйти от измерения паритета «на аптекарских весах». Советская сторона сохраняла

все дорогостоящие шахтные МБР, тем самым как бы уравновешивая американские и британские системы «передового базирования». Киссинджер был поражен тем, что генсек изложил новое предложение по памяти, свободно владея переговорным материалом. Госсекретарь США, помня о том, что число сторонников политики разрядки у него в стране тает, попросил Брежнева держать эту идею в секрете. Иначе, предупредил он, сенатору Джексону сразу «обо всем доложат». Генсек тут же договорился с Киссинджером о том, чтобы использовать идею о примерном паритете в качестве основополагающего принципа в переговорах с Фордом, при том условии, что все дальнейшие американские поправки не будут фундаментальным отступлением от рамочного соглашения «или чем-то новым в принципе» (64).

Брежнев и Форд встретились во Владивостоке 23–24 ноября 1974 г. Президент прилетел туда после визита в Японию и Южную Корею. Генеральный секретарь приехал из Москвы на поезде, проехав всю Сибирь. Он нервничал и чувствовал себя не слишком уверенно. Как и при первой встрече с Никсоном в Москве, советский руководитель захотел сразу же найти личный тон во взаимоотношениях с президентом США и, пока поезд вез делегации в санаторий «Океанское», где должны были начаться переговоры, пригласил Форда и Киссинджера к себе в «салон». Для начала он предложил гостям выпить чаю с коньяком. Брежнев вспоминал, как он лично договаривался с Никсоном «об одном — не вмешиваться во внутренние дела друг друга». Когда Форд поинтересовался, в каком формате им следует продолжать переговоры — в малом или расширенном составе, — генсек ему с живостью ответил: «Это зависит от нас двоих. Ясно, что мир смотрит на нас и что мировое общественное мнение больше всего заинтересовано в том, чтобы не было ядерной войны». Затем в течение нескольких минут Брежнев излагал собственный взгляд на гонку ядерных вооружений: «Мы не добились по-настоящему ограничения вооружений, а фактически мы подталкиваем гонку вооружений все дальше и дальше. Это неправильно. Завтра наука может дать нам изобретения, которые мы даже не можем сегодня вообразить, и я просто не знаю, до каких пор еще мы можем укреплять так называемую безопасность. Кто знает, может быть, послезавтра гонка вооружений выйдет даже в космос. Люди об этом не знают, иначе они бы нам задали перца. Мы тратим на все это миллиарды, а эти миллиарды могли бы принести пользу людям» (65).

В 1986 г. подобные взгляды получают в Москве название «новое мышление». Между прочим, два члена советской комиссии по контролю над вооружениями, готовившей позиции советской стороны для переговоров во Владивостоке — от МИД Георгий Корниенко

и от Генерального штаба Сергей Ахромеев, — позже, уже при Горбачеве, составят первое всеобъемлющее предложение по ядерному разоружению. Однако в 1974 г. ответ Форда оказался уклончивым и шаблонным, его смутили откровения Брежнева, и ему явно не хватало масштабного видения. Форд стал президентом без выборов и не чувствовал за собой политическую поддержку. Накануне он помиловал Никсона (спасая его от судебного преследования) и тем самым заработал себе в США немало врагов. Кроме того, Киссинджер твердил ему о том, что у Брежнева на уме лишь одно: добиться от США согласия на совместные действия в случае агрессивного поведения Китая. Впоследствии сам Киссинджер сожалел, что они с Фордом «не подхватили» тему, поднятую Брежневым (66).

После этой беседы в поезде с Брежневым случился приступ. Врачам удалось с ним справиться, но они рекомендовали генсеку отложить переговоры. Он отказался. Переговоры оказались трудными и чрезвычайно напряженными. Позиции американцев ужесточились. Этому способствовал целый ряд обстоятельств: в самих США политика разрядки пользовалась все меньшей поддержкой, в конгрессе все чаще высказывались сомнения по поводу переговоров ОСВ, кроме того, министр обороны США Джеймс Шлезингер и Объединенный кабинет начальников штабов настаивали на новых программах вооружений. В конечном счете советскому лидеру ничего не оставалось, как вернуться к октябрьской идее: если СССР согласится исключить из текста соглашения упоминание о средствах «передового базирования» НАТО, то американцы согласятся на отказ от ограничений на развертывание ракет «Сатана» и количество их боеголовок. Но это выходило за пределы мандата, полученного Брежневым в Политбюро перед отлетом на переговоры во Владивосток. Генсек не хотел и не мог действовать без согласования с коллегами (67).

Брежнев стал звонить в Москву. Там еще была ночь, Владивосток отделяло от столицы восемь часовых поясов. В конечном итоге поднятые с постели Андропов, Устинов и Косыгин приняли сторону Брежнева. Однако сперва министр обороны Гречко, поддержанный Подгорным, отказывался идти на уступки. Брежнев разговаривал с Гречко на повышенных тонах: он так громко кричал на своего боевого товарища, что помощникам генсека все было слышно через стенку. Убедившись, что никакие доводы не помогают, Брежнев заявил, что прервет переговоры и прилетит в Москву, чтобы созвать чрезвычайное заседание Политбюро. Соппротивление Гречко было сломлено. Казалось, что после двухлетнего пребывания в тупике переговоры по ОСВ вышли на финишную прямую. В качестве ответной любезности Форд смягчил американскую позицию и дал понять европейским союзникам, что собирается снять последние возражения по поводу

создания Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Именно об этом мечтал Брежнев (68).

Оба руководителя приняли нелегкие решения, и казалось, что СССР и США вот-вот опять найдут общий язык. Однако по возвращении домой Форд и Киссинджер столкнулись с шумным неприятием Владивостокских соглашений. Критики разрядки ухватились за советские «тяжелые» ракеты в качестве самого весомого аргумента: по телевидению и в прессе они убеждали американцев, что советское руководство ведет подготовку к ядерной войне и, благодаря уступчивости Форда, обретает возможность нанести первый сокрушительный удар, если решит, что война неотвратима (69). Демократическому большинству в конгрессе, избранному на волне Уотергейтского скандала, не терпелось показать свое превосходство над Белым домом. Сенаторы и конгрессмены в палате представителей упрекали Форда и Киссинджера в том, что они ведут тайную дипломатию с советскими лидерами, проявляя циничное безразличие к нарушениям прав человека в СССР. Отказ Форда принять в Белом доме Солженицына вызвал бурю возмущения. В декабре 1974 г. затянувшийся спор о торговом договоре закончился победой Джексона и его сторонников. Обе палаты конгресса проголосовали с подавляющим большинством за договор с поправкой Джексона — Вэника. 3 января 1975 г. договор был подписан Фордом. Это была, по сути, пощечина в адрес советской стороны всего лишь месяц спустя после встречи во Владивостоке. Отныне торговые отношения между СССР и США оговаривались жесткими политическими условиями и зависели от решений американского политического руководства даже *больше*, чем в худшие времена холодной войны. Советский Союз уже не мог рассчитывать на крупные кредиты для строительства нефтяных и газовых трубопроводов, за ними пришлось обращаться к западноевропейцам. Рассерженное Политбюро осудило договор о торговле и денонсировало подписанные в 1972 г. советско-американские торговые соглашения (70). Так рухнули надежды, которые возлагали советские промышленники и министры на разрядку с американцами.

После окончания переговоров во Владивостоке Брежнев потерял сознание прямо в купе поезда. Генсек оправился через несколько недель, но состояние его здоровья резко ухудшилось. Он мог читать лишь с трудом. В его поведении стали наблюдаться странности. Так, во время завершения официального визита в Польшу в самом конце 1974 г. Брежнев, явно не в себе, выхватил палочку у дирижера оркестра и стал размахивать ею перед музыкантами под мелодию «Интернационала». Генсеку пришлось уйти в долгосрочный отпуск на лечение. Во время встречи на высшем уровне в Хельсинки Брежнев пребывал в постнаркотическом состоянии и с огромным трудом по-

ставил свою подпись под Заключительным актом. На заседаниях Политбюро он отсутствовал неделями, иногда месяцами (71). В сентябре 1975 г. Черняев записал в своем дневнике, что Брежнев, «забрав на себя все дело мира, видно, надорвался. И уже физически не может выполнять свою роль, вновь, как и при Хрущеве, гипертрофированно сконцентрированную на генсеке» (72).

После Владивостока Брежнев уже больше никогда не проявлял такой энергии в переговорах с американцами. Однако крушение разрядки нельзя связывать только с болезнью генсека. В период с 1972 по 1975 г. у Брежнева уже были серьезные проблемы со здоровьем, но на переговоры он являлся помолодевшим, полным сил и хорошо подготовленным. Возможно, именно международная деятельность в интересах разрядки удерживала Брежнева от полной наркотической зависимости. С нарастанием проблем с американцами энтузиазм Брежнева начал остывать. В декабре 1975 г. в узком кругу своих помощников и референтов, собравшихся для подготовки к очередному съезду КПСС, Брежнев жаловался: «Даже после Хельсинки и Форд, и Киссинджер, и всякие сенаторы требуют вооружать Америку еще больше, требуют, чтобы она была самая сильная. Угрожают нам то из-за нашего флота, то из-за Анголы, то вообще что-нибудь придумывают. А Гречко — ко мне. Вот, говорит, нарастили здесь, угрожают “повысить” тут. Давай, говорит, еще денег — не 140 млрд, а 156. А я что ему должен отвечать? Я — председатель Военного совета страны, я отвечаю за ее безопасность. Министр обороны мне заявляет, что если не дам, он снимает с себя всю ответственность. Вот я и даю, и опять, и опять. И летят денежки....» (73).

Брежнев не хотел идти на следующую встречу с Фордом без гарантий того, что договор ОСВ будет готов к подписанию. Как вспоминал Александров-Агентов, Брежнев всегда руководствовался принципом — выкладываться и использовать весь свой политический капитал «только в том случае, если дело выглядело перспективным и обещало успех». Посол Добрынин и аналитики из КГБ писали в Кремль из Вашингтона о том, что необходимо подождать до следующих президентских выборов и только потом продолжать переговоры (74). Впрочем, не только Брежнев, но и Андропов, Громыко и другие советники не отдавали себе отчета в том, что после Уотергейта политическая жизнь в США вступила в новую стадию. Никсон воспринимался кремлевскими вождями кем-то вроде «американского генерального секретаря», но это было далеко не так. Брежнев никак не мог взять в толк, почему бы Форду не взять верх над конгрессом и почему он расшаркивается перед группами лоббистов и представителей общественности. Кроме того, советское руководство не заметило, что к 1974 г. международная обстановка сильно изменилась: ушло в

прошлое то уникальное стечение обстоятельств, политических и личностных факторов, которое ранее благоприятствовало разрядке.

Успех разрядки с 1969 по 1973 г. отражал тенденции, которые наблюдались в политической жизни Запада на протяжении 60-х гг., в том числе крупные социальные потрясения, движения протеста, усталость от холодной войны, рост настроений изоляционизма в Америке и антимилитаризма в Европе. Глубокий раскол в американском обществе, психологический шок в Западной Германии после возведения Берлинской стены, тупик и поражение США во Вьетнамской войне привели к власти политических деятелей, которые были готовы вести переговоры с Советским Союзом с позиций равенства и геополитического статус-кво. Кремлевские вожди, однако, не поняли, что такое везение не будет вечным. Они были уверены, что успешные соглашения с западными странами и ослабление международной напряженности — награда за многолетнее и дорогостоящее наращивание Советским Союзом стратегических вооружений, которое изменило соотношение сил в пользу СССР. Это было роковое, хотя и вполне понятное заблуждение. Опасность этого заблуждения вскоре выявилась в полной мере в Африке, где обе сверхдержавы вошли в клинч на полях гражданских и межэтнических войн.

Кто кого в Африке?

Эскалация советского вмешательства в Африке — при всем том значении, которое оно сыграло в истории холодной войны (особенно если верить западным источникам), — была делом далеко не первой значимости для Кремля. Африка, за исключением арабского севера континента, оставалась на периферии внешней политики СССР. Уже после окончания холодной войны ветераны советской дипломатии констатировали, что у Кремля не было никакой стратегии и долгосрочных планов в отношении Черного континента (75). Юрий Андропов как-то признался в узком кругу, что СССР «был втянут в африканские дела» вопреки своим интересам (76). Как же это могло произойти?

Политбюро «открыло» африканский континент в 1955 г., когда было принято решение оказывать помощь радикальным арабским националистам. С самого начала советское руководство исходило из идеологической предпосылки: антиколониальная борьба в Африке явится сильным ударом по мировому капитализму и будет означать большую победу для дела социализма. В декабре 1955 г. ветеран советской дипломатии Иван Майский, только что реабилитированный после ареста и заключения, писал Хрущеву и Булганину, что «ближайший этап борьбы за мировое господство социализма пройдет

через освобождение колониальных и полуколониальных народов от империалистической эксплуатации». Он продолжал: «Вместе с тем потеря империалистическими державами своих колоний и полукolonий должна ускорить победу социализма в Европе и в конце концов в США. Еще в 30-е годы, когда я работал в Лондоне в качестве посла СССР, я пришел к мысли, что широкие массы британского пролетариата ступят по-настоящему на социалистическую дорогу лишь тогда, когда Англия потеряет свою империю или, по крайней мере, большую часть ее. Теперь этот момент не за горами» (77).

Хрущев и сам был не прочь, как пишут российские исследователи, найти африканские страны, «где можно было провести образцово-показательную модернизацию по советским рецептам, превратить их в надежных союзников, привлекательную витрину советской политики и форпосты распространения влияния социалистического лагеря». Для него, как и для других убежденных коммунистов, было очень важно, что многие в Африке смотрели на советскую модель экономического и социального развития с надеждой и нередко даже с восторгом. Лидеры антиколониального движения в Африке конца 1950-х гг. видели в Советском Союзе не тоталитарное государство, а путеводную звезду на пути к прогрессу, желанную альтернативу бывшим колониальным империям и капиталистическим хозяевам (78).

Идеологический импульс африканской политики СССР подкреплялся еще одним обстоятельством: Москву возмущало, что западные державы даже после распада их колониальных империй продолжали считать Африку исключительно своей сферой влияния. Анатолий Добрынин вспоминал позже свое ощущение: США вели себя в Африке так, «как если бы они распространили доктрину Монро» с Америки и на этот континент (79). Не была забыта и неудачная попытка Сталина заполучить базы для советского флота в Триполитании (нынешней Ливии), и как против этого восстали американцы и англичане. Крайняя политическая нестабильность молодых африканских государств после их освобождения от колониальной опеки делала неизбежным их шатания из одного лагеря холодной войны в другой. В сущности, с начала 1960-х гг. повторялась геополитическая ситуация XIX в., когда ведущие европейские державы бросились делить Африку на колониальные зоны, словно свадебный пирог. По воспоминаниям Карена Брутенца, работавшего в международном отделе ЦК КПСС, и Леонида Шебаршина, одного из руководителей внешней разведки, СССР и США действовали в Африке, словно два боксера на ринге — для них главным стимулом и целью был обмен ударами. В 1960 г. состоялся первый такой обмен ударами: в течение многих месяцев советская и мировая пресса следила за событиями в Конго, и со страниц газет не сходили имена Эйзенхауэра и Хрущева,

Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда и конголезского лидера Патриса Лумумбы (80).

Советский Союз, несмотря на громадные вложения средств и политического капитала, проиграл битву за Конго и «потерял» Гану и Гвинею, когда их руководители внезапно сменили просоветскую ориентацию на прозападную. Итоги первого наступления СССР в Африке действовали на кремлевское руководство отрезвляюще. Особенно болезненно для руководства Кремля закончился дорогостоящий эксперимент по превращению Гвинеи в «витрину советской политики»: эта неудача на десять лет остудила африканские грезы советских лидеров (81). В октябре 1964 г., когда снимали Хрущева, его остро критиковали за поддержку «прогрессивных режимов» в Африке. В неопубликованной записке Полянского, одного из главных критиков Хрущева в Президиуме, говорилось: «Сотни (sic) лет американцы, французы, англичане и немцы занимали господствующее положение в Азии, Африке и Латинской Америке. Они создали там свои бастионы — экономические и военные, отлично знают обстановку, обычаи и нравы, условия жизни этих народов, имеют там свои кадры... Мы же, порой ничего толком не зная о таких странах, оказываем им широкую финансовую, технико-экономическую, военную и иную помощь. Результаты во многих случаях оказались плачевные». Щедрость, которую СССР проявляет в Африке, во многих случаях не вызывает никакой благодарности, и «руководители некоторых из этих стран отвернулись от нас. Капиталисты смеются над нами и правильно смеются. Это происходит потому, что мы не всегда проявляем политическую, классовую разборчивость, даем помощь и кредиты странам, руководители которых хорошо отличают рубль от кукиша, но не умеют отличить коммуниста от предателя, идут в фарватере политики империалистических государств». Вместе с тем кремлевские руководители не отрицали, что участие СССР в Африке идеологически оправдано. Просто они были убеждены, что Хрущев слишком увлекался и забывал о том, что нужно быть разборчивым «с точки зрения классового подхода» (82).

В 1970-е гг. эти уроки оказались забыты. Можно предположить, что возвращению СССР на африканский континент способствовало соперничество между Москвой и Пекином за доминирование над «прогрессивными силами» и национально-освободительными движениями во всем мире. Но к началу 1970-х гг. и КГБ, и международный отдел ЦК КПСС докладывали Политбюро о том, что китайское «наступление» в Африке провалилось. В апреле 1972 г. Брежнев рассказывал Киссинджеру о том, как один советский дипломат, работавший в Алжире в командировке, посетил один из отдаленных районов, в котором расположен нефтеперерабатывающий завод и поселок для

рабочих. И вот там, посреди пустыни, он обнаружил китайский ресторан! Оказалось, что там дают не только поесть. «Все посетители ресторана покидали его, унося бесплатно пачки материалов китайской пропаганды. Это был период, когда [китайцы] пытались расколоть мировое коммунистическое движение... Так вот, когда их попытки достижения гегемонии в коммунистическом движении провалились и они лишились опоры, они закрыли этот ресторан в Алжире» (83). Но еще осенью 1970 г., когда Москва завершила свою борьбу с китайской «ресторанной угрозой» и когда немного улеглись страсти вокруг китайских военных провокаций на острове Даманский, председатель КГБ Андропов внес на рассмотрение членов Политбюро предложение об активизации советского присутствия в Африке и получил от них поддержку (84).

Революционно-имперская парадигма продолжала владеть умами кремлевских руководителей и подталкивала их вернуться в Африку. Кроме того, на континенте по-прежнему царила политическая нестабильность и идеологический вакуум. При этом на сцену вышло новое поколение африканских лидеров, которые настойчиво просили СССР о помощи. Согласно докладу КГБ, после нескольких лет бесплодных попыток добиться помощи от США и западноевропейских стран руководители африканских государств пришли к выводу о том, что «Советский Союз был единственной великой державой, которая могла помочь им в достижении их политических и общественных целей» (85). Советское руководство не могло упустить эту «историческую возможность» повлиять на судьбы третьего мира и предложить свою модель развития вместо потерявших былую привлекательность американских концепций либеральной «модернизации».

На этот раз советское вмешательство в Африке стало не только идеологической и экономической демонстрацией «братской помощи» народам, освободившимся от колониального гнета. Страны Экваториальной Африки, а также района Африканского Рога стал полигоном для советских военных, которые впервые после Карибского кризиса захотели продемонстрировать свою военную мощь за тысячи километров от Советского Союза. В этой готовности военных обмениваться ударами с США в Африке проявился один из главных советских мотивов разрядки с Западом — желание утвердить свое право быть мировой державой (86). За время, что прошло с 1964 г., Советский Союз вновь приступил к строительству стратегических военно-морских сил и большой флотилии военно-транспортной авиации. Впервые свои возможности проецировать военную силу на большие дистанции Советский Союз показал во время Войны Судного дня 1967 г. Командование советского военно-морского флота, во главе которого стоял адмирал Сергей Горшков, стремилось приобре-

сти базы в южных морях, чтобы соперничать с ВМС США. В 1974 г. СССР получил одну такую базу в Сомали (87). Будущее показало, что это было ненадежным приобретением.

К мотивам советского присутствия в Африке нужно добавить еще один — экономические возможности и интересы. После арабо-израильской войны 1973 г. мировые цены на нефть подскочили в четыре раза: СССР получил незапланированную громадную прибыль. Производство сырой нефти в Советском Союзе выросло с 8 млн баррелей в день в 1973 г. до 11 млн баррелей в 1980-м, и это сделало его лидером мирового рынка нефти. В течение десятка лет годовые доходы СССР от продажи нефти и природного газа в твердой валюте возросли в 22 раза и достигли 20 млрд долларов США. Такой резкий рост финансового изобилия позволял Кремлю платить высокую цену за продвижение своего влияния на африканском континенте (88).

Эти же годы были отмечены ростом расходов на продажу населению продуктов по дешевым фиксированным ценам, а также на обеспечение людей товарами массового потребления через государственную систему распределения благ — по ранжиру, статусу и привилегиям. Этот своего рода «социальный контракт» между властью и населением предполагал, что верхи обязуются не допускать крайней нужды и голода, а низы за это будут послушны и хотя бы внешне лояльны властям. Для элитарных групп, особенно в партии и бюрократии, были предусмотрены особые категории снабжения и обслуживания, ставившие их над «простыми людьми». В стране уже давно сложилась теневая экономика и различные виды побочных приработков — все это позволяло значительной части населения существовать вполне комфортно и даже зажиточно. Во многих советских семьях появились разнообразные признаки достатка. Вовлечение СССР в события на африканском континенте расширяло еще один мало афишируемый, но особенно привлекательный способ получить доступ к материальным благам. Речь идет о работе за границей. В странах Африки с просоветской ориентацией, так же как до этого в странах арабского Ближнего Востока, появились десятки тысяч прекрасно оплачиваемых рабочих мест для советских военных, дипломатов, инженеров и многочисленных представителей советской номенклатуры. Посольства СССР в африканских странах становились местом для почетных ссылок, куда отправлялись бывшие высокопоставленные партийные чиновники, впавшие в немилость у Брежнева. Социолог Георгий Дерлугьян, работавший в начале 80-х гг. переводчиком при посольстве СССР в столице Мозамбика Мапуту, вспоминает, что он получал зарплату в специальных «валютных чеках»: покупательная способность его зарплаты в то время была в 15–20 раз выше средней заработной платы внутри Советского Союза. После пары

лет «выполнения интернационального долга» в Африке советский гражданин мог без шума и хлопот купить кооперативную квартиру в Москве, машину, дачу, а также всевозможные потребительские товары западного производства через специальную сеть государственных магазинов «Березка», которые торговали не на советские рубли, а только на иностранную валюту. В результате, делает вывод Дерлугьян, советские представители в африканских странах, а также «работавшие» с Африкой советские министерства и ведомства были заинтересованы в лоббировании в руководстве страны необходимости и дальше «оказывать интернациональную помощь» различным африканским режимам с якобы «социалистической ориентацией». «Как это уже было во многих империях, за стремлением расширять сферы влияния стояли элементарные корыстные интересы чиновников и их горячее желание создавать новые доходные места» (89).

Преипирательства между сверхдержавами в Африке помогали оправдывать эти корыстные побуждения. Американско-советская борьба за Африку началась всерьез в то самое время, когда разрядка в Европе достигла своей наивысшей точки. В самых отдаленных уголках африканского континента разведслужбы обеих стран неустанно следили друг за другом. Один из американских дипломатов высокого ранга в 1974 г. ездил по Африке с инспекцией и обнаружил, что «во всех африканских странах Соединенные Штаты открыли свои посольства, чтобы показать свой статус лидера западного мира и, в частности, чтобы приглядывать за советскими представителями. Советский Союз в интересах престижа и наблюдения также открыл постоянные посольства почти по всей Африке» (90). Великодержавная гордость и логика двухстороннего соперничества, а вовсе не стратегические и национальные экономические интересы заставляли сверхдержавы меряться друг с другом силами в африканских песках и джунглях.

Два события обострили противостояние сверхдержав: «революция гвоздик» в Португалии в апреле 1974 г. и падение южновьетнамского режима в апреле 1975 г. Анатолий Черняев, работавший в международном отделе ЦК, сравнивал переворот в Португалии с падением династии Романовых в России. «Свергнут фашизм после 50 лет господства. Развернулся самый настоящий февраль 1917 года. Событие огромное», — записал он в своем дневнике. Другой сотрудник этого отдела, Брутенц, в своих воспоминаниях предположил, что Советский Союз ввязался в 1975 г. в ангольские события и в 1977 г. в войну на Африканском Роге, а позже ввел войска в Афганистан из-за того, что сделал «ложные выводы из поражения американцев во Вьетнаме» (91). Форд и Киссинджер, оказавшись под огнем критиков разрядки у себя дома, и сами поверили, что после вьетнамского провала может произойти что-то вроде цепной реакции. Киссинджера, в

частности, тревожило то, что в революционных событиях в Португалии заметную роль играли коммунисты. Он убедил себя в том, что Соединенным Штатам необходимо предотвратить рост советского влияния в Анголе, самой большой из бывших португальских колоний, где после падения колониального режима образовался вакуум власти. Накануне Хельсинкского совещания президент Форд подписал секретный приказ о начале тайных операций ЦРУ в Анголе «для восстановления баланса сил» в этой стране в интересах США (92).

Советское вмешательство в 1975 г. в гражданскую войну в Анголе, как и предыдущие действия СССР на африканском континенте, не имело стратегических целей и приоритетов. Сказалась тревожная тенденция к инерции в принятии решений в верхнем эшелоне власти. Брежнев очень мало интересовали события в Африке. Он оставил этот континент на попечение аппарату в целом и никому в частности. К тому же, пока генсек отсутствовал из-за болезней и недомоганий, внешняя политика и обеспечение безопасности все более оказывались в ведении тройки его соратников: министра иностранных дел Громыко, председателя КГБ Андропова и министра обороны Гречко (после его смерти в апреле 1976 г. этот пост занял Устинов). Триумvirат не являлся сплоченной командой единомышленников. Скорее это был союз стареющих функционеров, действовавших по принципу «ты — мне, я — тебе» или «рука руку моет». Каждый из них был обязан Брежневу своим положением, но все вместе они могли представлять для генсека политическую угрозу (как это показал заговор против Хрущева). Любые намеки на товарищеские отношения, выходящие за рамки служебных, могли дать Брежневу повод для подозрений и положить конец их карьере. По этой причине все трое старались встречаться только на официальных мероприятиях или заседаниях Политбюро. В то же время, по негласному уговору, они не лезли в дела друг друга. В итоге Громыко оставался главным авторитетом в международных делах и не углублялся в военные проблемы. Гречко, а потом Устинов, по существу, распоряжались вооруженными силами, ничего не смысли в мировой политике. И только Андропов, благодаря данным спецслужб, прекрасно знал, чем занимаются и дипломаты, и военные, а также то, что происходит в мире. Но председатель КГБ, чувствуя шаткость своего статуса, предпочитал не перебегать дорогу двум другим министрам, особенно если вопросы касались сферы их деятельности (93). Брежнев все более удалялся от дел, и это устраивало всех членов тройки. Больной генсек оставлял им простор для деятельности и в то же время своим авторитетом поддерживал каждого из тройки в непростых раскладах в Политбюро. Если бы Брежнев ушел в отставку, тройка оказалась бы в проигрыше: другие члены

руководства могли перехватить у них бразды правления и взять на себя процесс выработки политического курса.

В итоге Брежнев не хотел, а триумvirат его соратников не мог строить большие планы и выдвигать смелые инициативы в отношении Африки. Для того чтобы втянуть кремлевских руководителей в новые африканские гамбиты, понадобились другие, энергичные и идейно мотивированные игроки, такие как Агостиньо Нето в Анголе, Менгисту Хайле Мариам в Эфиопии и особенно Фидель Кастро и его товарищи, кубинские революционеры (94). Американские политики считали, что кубинские вожди были жалкими марионетками или ставленниками Москвы, но это было далеко не так. Еще в 60-е гг. Фидель и Рауль Кастро, Че Гевара (до своей гибели в 1967 г.) и другие кубинские революционеры, не спрашивая согласия Кремля, энергично помогали партизанам и повстанцам в Алжире, Заире, Конго (Браззавиле) и Гвинее-Бисау. Кубинцы считали, что бегство американцев из Вьетнама в 1975 г. открывает возможности для нового этапа борьбы с империализмом, на этот раз в Юго-Западной Африке (95).

Советско-кубинские отношения до начала 70-х гг. оставались натянутыми. Кубинцы не могли забыть и простить советского «предательства» в ноябре 1962 г. (96). Комитет госбезопасности и международный отдел ЦК КПСС старались восстановить прежние сердечные и тесные связи с кубинцами. Главы этих ведомств, Андропов и Борис Пономарев, считали себя наследниками интернационально-революционных традиций Коминтерна. В 1965 г. Андропов сказал как-то одному из своих советников, что в будущем им предстоит соперничать с Соединенными Штатами не в Европе, а в Африке или Латинской Америке. Как только СССР получит там военные базы, его статус сразу же сравняется с американским (97). Гречко и военная верхушка полностью поддерживали такой ход мыслей. В этом смысле Ангола оказалась привлекательной целью. Начиная с 1970 г. КГБ выступал за оказание экономической и военной помощи Народному движению за освобождение Анголы (МПЛА). Лидер МПЛА, Агостиньо Нето, революционер-марксист, был давним другом братьев Кастро. В конце 1974 г. помощь Нето в Анголе стала хорошим предлогом для возобновления тесного советско-кубинского сотрудничества (98).

Пока не будут раскрыты все советские архивы, особенно КГБ и военного ведомства, восстановить полную историю советского присутствия в Анголе будет невозможно. По одной из версий, Громыко, Гречко и Андропов рекомендовали Политбюро оказать МПЛА помощь невоенного характера в небольших размерах. При этом они предупреждали о недопустимости прямого участия в гражданской

войне на территории Анголы. Однако уже через несколько дней международный отдел ЦК передал в Политбюро просьбу ангольцев о предоставлении им оружия. После недолгих колебаний триумvirат пересмотрел свою позицию и поддержал эту просьбу. В начале декабря 1974 г., сразу после окончания встречи Брежнева с Фордом во Владивостоке, канал предоставления советской военной помощи был открыт (99). Скорее всего у Агостиньо Нето нашлись друзья и в СССР и на Кубе, которым удалось-таки уговорить членов Политбюро поменять первоначальное решение. Кроме того, видимо, сказалась практика взаимных уступок и круговой поруки в советском аппарате, чрезвычайно усилившаяся в период частых болезней и отсутствия Брежнева. Это проявилось в 1979 г. в советской политике в отношении Афганистана, и тогда высшее советское руководство так же меняло свои решения на прямо противоположные, только масштабы последствий были уже совсем другими.

Американская поддержка других политических течений в Анголе, противников МПЛА, сузила для Кремля возможность выбора. Первый заместитель Громыко Георгий Корниенко и тогда, и позднее был убежден, что расширение советского участия в ангольских событиях происходило лишь в ответ на тайные операции ЦРУ. Осенью 1975 г. члены тройки, поддержанные Сусловым, заговорили о том, что помочь Анголе — «моральный и интернациональный долг». В эти же дни Брежнев работал на даче со своими референтами над текстом очередного выступления, и один из них, Георгий Арбатов, предупредил генсека о том, что военное вмешательство в Анголе может серьезно повредить политике разрядки. Александров-Агентов, слышавший сказанное Арбатовым, резко ему возразил. Он вспомнил, как в 1935 г., когда в Испании вспыхнула гражданская война, Советский Союз нашел возможность помочь испанским республиканцам. Кроме того, он напомнил Брежневу о том, как воинственно повели себя американцы в 1971 г., когда их союзнику Пакистану угрожала опасность. Генсек, чьи силы и интерес к разрядке к тому времени уже пошли на убыль, уклонился от спора, так и не приняв ничью сторону. Однако позже он пошел на поводу у тех, кто говорил об «интернациональном долге». В октябре 1975 г. Добрынин проинформировал Брежнева о том, что помощь МПЛА дала повод к большой антисоветской кампании в США. Но ничего, кроме раздражения, это известие у генсека не вызвало. Он считал, что США не хотят понять «честность его намерений» в Анголе, где СССР не стремится иметь никаких военных баз, а лишь помогает «местным интернационалистам». Добрынин убедился, что генсек остается в этом вопросе в плену своих идеологических представлений (100).

При таком раскладе у кубинцев появились дополнительные рычаги воздействия на СССР. Через две недели после подписания Хельсинкского Заключительного акта Фидель Кастро направил Брежневу план переброски в Анголу регулярных кубинских частей советскими транспортными самолетами. В тот момент Брежнев ответил категорическим отказом. Однако в ноябре, к всеобщему замешательству, первые кубинские вооруженные отряды уже сражались на стороне МПЛА. Позже Корниенко утверждал, будто бы кубинцы обвели вокруг пальца советских военнослужащих на Кубе, заставив их поверить в то, что у них есть разрешение Кремля лететь в Анголу на советских самолетах. Громыко и Андропов не скрывали своего удивления: они считали, что кубинское участие в ангольской войне приведет к жестким ответным мерам американцев, осложнит процесс разрядки и создаст напряжение вокруг самой Кубы. Тем временем кубинцы уже приступили к выполнению операции «Карлота» по спасению режима МПЛА. До сих пор никому не удалось обнаружить в советских и кубинских архивах ни единого документа, который бы проливал свет на это поразительное развитие событий (101).

Двумя годами раньше Брежнев не захотел помочь терпящему крах социалистическому правительству Сальвадора Альенде в Чили. Просьба Альенде о кредитах была отклонена. В том же 1973 г. СССР начал терять свое влияние в Египте. В августе 1975 г. разбились надежды на победу коммунистов в Португалии (102). Готовясь к докладу перед съездом КПСС, Брежнев не мог игнорировать эти явные провалы в международной политике. «Потерять» Анголу значило бы добавить к этим провалам еще один. Кремлевские правители, видимо, почувствовали, что теперь они уже просто не могут бросить МПЛА в беде — на карту был поставлен престиж СССР. Корниенко вспоминал, что «опять сработал рефлекс интернационального долга, тем более что этому предшествовала вооруженная интервенция в Анголу со стороны Южно-Африканской Республики, фактически поддержанная Соединенными Штатами, если и не организованная ими». Кроме того, бросить на произвол судьбы кубинские войска и силы МПЛА, которые сражались в Анголе против вражеских войск, финансируемых американцами и частично укомплектованных иностранными наемниками, для СССР было бы равносильно тому, чтобы во второй раз оскорбить и подвести своего строптивого кубинского союзника, первый раз это случилось при урегулировании Карибского кризиса (103).

В начале 1976 г. президент Джеральд Форд под давлением растущей критики перестал употреблять слово «разрядка» в своих выступлениях. Киссинджер также стал выражать тревогу по поводу того, что СССР воюет в Анголе кубинскими руками. Он заявил,

что американо-советское сотрудничество может не пережить «новых Ангол». Между тем кубинские войска, усиленные массированными поставками вооружений советской военно-транспортной авиацией из СССР, смогли разбить и отбросить от столицы Анголы Луанды отряды южноафриканских наемников и Национального фронта за освобождение Анголы (ФНЛА), которым помогало ЦРУ. Африканские государства одно за другим признали правительство Анголы, возглавляемое Нето. Победителей, как известно, не судят. Советские и кубинские военные начали развивать успех, создавая военные лагеря в Зимбабве и Мозамбике для подготовки боевиков Африканского национального конгресса и их засылки в Южно-Африканскую Республику, чтобы бороться с режимом апартеида. Победа кубинцев позволила Кремлю устранить напряженность в советско-кубинских отношениях (104). Кроме того, эта победа стала чудесным подарком для Леонида Ильича перед съездом КПСС. Она позволила советскому руководству добиться поддержки у стран, входивших в Движение неприсоединения, а также со стороны всех тех, кто сочувствовал борцам против колониализма и апартеида (105).

Трудная жизнь с Картером

Несмотря на шум, поднявшийся в США вокруг Анголы, Брежнев и другие члены Политбюро надеялись, что Форд одержит победу на президентских выборах и останется партнером в политике разрядки. Однако непостоянство политической жизни Америки в очередной раз разрушило надежды Кремля. В ноябре 1976 г. бывший губернатор штата Джорджия, некогда фермер, занимавшийся выращиванием арахиса, победил Джеральда Форда на выборах в президенты США. В Джимми Картере причудливым образом сочетались добрые намерения и категоричный морализм, неопределенность в приоритетах и почти маниакальная дотошность в мелочах. Он имел сильное желание выйти за пределы «устаревших планов» холодной войны и ратовал за ядерное разоружение. Новоизбранный президент США обещал проводить «новую внешнюю политику», менее скрытную и более прозрачную, чем раньше, и сделать тему прав человека одним из приоритетов своей администрации.

В своих публичных выступлениях Картер заявлял о том, что пришла пора преодолеть «чрезмерный страх перед коммунизмом». Однако в стенах Белого дома почему-то опасались, не собирается ли советское руководство устроить Картеру испытание на твердость, наподобие того, что устроил Хрущев для Кеннеди на встрече в Вене в июне 1961 г. Брежнев поспешил заверить Картера через конфиденциальные каналы, что не собирается проверять его на слабинку (106). Но

и у Кремля были опасения насчет Картера. Советские специалисты-международники подозревали, что новый и неискушенный президент может стать заложником сил, выступающих против разрядки. Если госсекретарь администрации Картера Сайрус Вэнс, сменивший на этом посту Киссинджера, был известен как опытный и давний сторонник переговоров с СССР, то советник Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский сразу же вызвал в Кремле тревогу. Сын польского дипломата и ведущий специалист по изучению тоталитарной системы в СССР, Бжезинский давно был известен в Москве как один из сторонников возвращения к стратегии сдерживания, поборник концепции «наведения мостов» к Польше и другим восточноевропейским странам с тем, чтобы подорвать там советское влияние. Кроме того, он был одним из руководителей Трехсторонней комиссии, созданной крупными финансистами, банкирами и политиками для гармонизации отношений между тремя центрами капитализма — США, Западной Европой и Японией (107).

Публичная поддержка Картером кампании за соблюдение прав человека с самого начала осложнила его отношения с Кремлем. В Советском Союзе, начиная с августа 1975 г., возникли группы по соблюдению Хельсинкских соглашений. Их создали диссиденты-правозащитники, антисоветски настроенные националисты в Москве, а также на Украине, в Литве, Грузии и Армении. Эти группы собирали информацию о нарушениях прав человека, упомянутых в Заключительном акте, и передавали ее западным журналистам. Один из ветеранов Московской Хельсинкской группы вспоминает, что «наши самые оптимистичные прогнозы казались реальными: похоже было, что новая администрация будет требовать от СССР выполнения данных в Хельсинки обещаний». Это был первый случай, когда советскому государству бросили вызов общественные структуры, опиравшиеся на международное законодательство. В качестве ответной меры Хельсинкские группы подверглись давлению со стороны КГБ, и в январе — феврале 1977 г. наиболее активные участники правозащитного движения были арестованы, в том числе Юрий Орлов, Александр Гинзбург и Анатолий Щаранский. Американцы выступили с официальным протестом. 18 февраля Добрынину было поручено донести до Вэнса мысль о том, что новая политика США в корне нарушает Основные принципы невмешательства во внутренние дела друг друга, о которых договорились Брежнев и Никсон в 1972 г. Через десять дней Картер пригласил к себе в Белый дом диссидента Владимира Буковского, высланного из СССР (108).

С точки зрения Брежнева, продолжать сотрудничество и договариваться по вопросу о контроле над вооружениями было гораздо важнее, чем затевать дразги из-за каких-то нарушений прав человека.

Советскому лидеру захотелось послать Картеру какой-нибудь положительный сигнал накануне дня его инаугурации. Выступая с речью в Туле 18 января 1977 г., Брежнев впервые недвусмысленно представил доктрину безопасности СССР как оборонительную. Отвечая на нападки врагов ОСВ в Соединенных Штатах, генсек заверил, что Советский Союз не стремится к военному превосходству с целью нанесения первого удара. На самом деле военные программы советского государства ставят целью создание оборонительных возможностей, способных остановить любого потенциального агрессора. Брежнев надеялся, что эта речь уравновесит развернувшуюся в американских СМИ кампанию о «советской военной угрозе» и поможет Картеру лучше понять позицию советского руководства. Однако Черняев, один из референтов, участвовавших в подготовке речи в Туле, ясно сознавал, что одних слов недостаточно. «Шум о советской угрозе опирается на факты. Скрыть наращивание нашего ракетного и иного оружия нам не удалось прежде и не удастся вновь, — записал он в своем дневнике. — Поэтому отделаться периодическими заявлениями, что мы никому не угрожаем, не получится. Если мы не пойдем на реальное изменение военной политики и на деле не покажем, что действительно хотим сокращения вооружений, что не стремимся к превосходству в первом ударе, гонка, рассчитанная на наше экономическое истощение, будет продолжаться» (109).

В Кремле очень хотели, чтобы в их отношениях с Белым домом сохранялась преемственность и можно было по-прежнему общаться через конфиденциальный канал связи. Советское руководство успело привыкнуть к этому за время правления Никсона и Форда. Однако Картер сразу дал понять, что отныне все будет по-другому. Добрынин пытался через Бжезинского выйти прямо на Картера в обход государственной иерархии, но тщетно. Новый президент США твердо решил играть с СССР в открытую, не прибегая к методам тайной дипломатии. Внешнюю политику он хотел проводить через Вэнса и Госдепартамент. Более того, Картер принял предложения по контролю над вооружениями, разработанные группой аналитиков, близких к сенатору Джексону, среди которых были Пол Нитце и Ричард Перл. Эти люди, в особенности Перл, отвергали Владивостокские соглашения, выступали за резкое наращивание американской военной мощи и силовое давление на Советы. Предложения этих аналитиков включали прежде всего требование советской стороне пойти на уничтожение большого числа ракет в шахтах, в том числе половины ракет «Сатана» (110). Это означало, что рамки Владивостокских договоренностей об ОСВ оказывались списанными в архив. Кроме того, это означало, что советская сторона потеряет половину своих самых мощных ракет, в то время как в

ответ американцы лишь брали на себя обязательство не размещать в будущем подобные системы. К тому же в новых предложениях откладывалось на неопределенное время соглашение об ограничении американских крылатых ракет и новых советских бомбардировщиков среднего радиуса действия ТУ-22М («Бэкфайр»), а последние необоснованно объявлялись стратегическими системами (111).

Брежнев пришел в ярость. Он-то полагал, что собственным здоровьем заплатил за соглашение во Владивостоке. И вот теперь надо снова уговаривать всех дома и за рубежом, а силы у генсека уже совсем не те. Он дал указание Громыко, Устинову и Андропову составить текст «жесткого письма» Картеру с призывом достичь быстрее соглашения на основе договоренностей, достигнутых им с Фордом во Владивостоке. В этом письме Брежнев подчеркивал, что такое соглашение откроет путь к их личной встрече, что имело большое значение для советского лидера. Картер был удивлен суровым тоном письма, однако сдаваться не собирался. Он объявил, что в Советский Союз поедет госсекретарь Вэнс с большой делегацией и привезет новые предложения: одно — с «существенными сокращениями», а второе — основанное на Владивостокских договоренностях, но без ограничений по крылатым ракетам и советским средним бомбардировщикам. Для советского военного руководства, уже настроенного в духе «либо — все, либо — ничего», оба эти предложения были неприемлемы. Перед приездом Вэнса в Москву генсек встретился с тройкой у себя на даче. По всей вероятности, там было решено «преподать урок американцам» (112).

Решение отвергнуть американские предложения можно было понять. Вэнс, кстати, ожидал этого и готовился выложить на стол запасную, более приемлемую для переговоров формулировку. Но совершенно неожиданным для него стало грубое, даже хамское обращение, которому госсекретарь подвергся в Москве. Уже во время первой встречи с Вэнсом 28 марта 1977 г. Брежнев был откровенно недоброжелателен и раздражителен. Он и Громыко не скрывали своего презрительного отношения к деятельности Картера, а некоторые их оскорбительные замечания касались непосредственно личности президента США. Они перебивали Вэнса и даже не дали ему зачитать альтернативное предложение, которое позволило бы найти путь к компромиссу. Делегация США вернулась домой ни с чем, что являлось болезненным ударом по международной репутации Картера. Чтобы «добить» американцев, Громыко созвал специальную пресс-конференцию, на которой он растоптал американские предложения. Как выразится позже Вэнс, «нам швырнули в лицо мокрой тряпкой и велели убираться домой» (113).

Безусловно, плохое состояние здоровья Брежнева отразилось на плачевных итогах визита делегации США в Москву, однако гораздо более важную роль сыграло то, что между политическими приоритетами обеих сторон снова возникло глубокое расхождение. Особенно существенным оказался тот факт, что СССР добивался численного паритета, а это было абсолютно неприемлемо для критиков ОСВ в администрации Картера. Американские «ястребы» привыкли к стратегическому превосходству и склонны были преувеличивать советские возможности. Секретность, которая окружала военные программы СССР, играла им только на руку. Даже десять лет спустя, когда Рональд Рейган и Михаил Горбачев подписали договор об уничтожении целых классов ракет средней и меньшей дальности, им так и не удалось договориться о параметрах сокращения стратегических вооружений (114).

Преппирательства по вопросам прав человека стали новым и важным моментом конфликта между Кремлем и Белым домом. Привыкнув за несколько лет иметь дело с ловким и прагматичным Киссинджером, в Кремле были убеждены, что Картер, оказывая поддержку диссидентам, лишь добивается дешевой популярности. Советским руководителям, воспитанным в сталинских традициях, просто невозможно было понять, зачем президенту такой страны, как США, обращать внимание на судьбу отдельных инакомыслящих в СССР. Громыко даже запретил своим референтам давать ему информацию о проблемах с диссидентами. В одной из бесед с Вэнсом он спросил госсекретаря США: чем объясняется такой взрыв враждебности в американских СМИ по отношению к СССР? Почему бы Белому дому не делать акцент на конструктивные стороны внешней политики СССР, как это делает Москва в отношении Вашингтона? (115) Что касается Андропова, то он и прежде утверждал, что кампания за соблюдение прав человека — есть нечто иное, как «попытки противника активизировать вражеские элементы в СССР путем предоставления им финансовой и другой материальной помощи» (116). Никто не мог предвидеть, что провал переговоров в Москве означает, что личные контакты между президентом и генсеком откладываются на неопределенное будущее, и это обстоятельство лишает политику разрядки ее главного мотора. В феврале 1977 г. Брежнев, по совету Громыко, написал Картеру, что встретится с ним только тогда, когда соглашение об ОСВ будет готово к подписанию. В итоге следующий саммит СССР — США состоялся лишь в июне 1979 г. в Вене, когда Брежнев уже находился на грани физического и умственного распада (117).

Легко задним числом считать, что после 1977 г. ухудшение советско-американских отношений было неизбежным. Историки изучили основные проблемы и события тех лет, которые, казалось бы,

подтверждают этот вывод. Действительно, трудно было ожидать иного в условиях, когда не прекращалось советское вмешательство в Африке, процесс контроля над вооружениями протекал медленно, в то время как гонка вооружений шла гораздо быстрее, в США нарастали антисоветские настроения, и началась мировая кампания «в защиту прав человека» в СССР. Однако многие из этих проблем существовали и раньше и разрядка при этом успешно развивалась. А в 1980-х гг. еще более серьезные препятствия не помешали Рейгану и Горбачеву стать партнерами по переговорам. Можно сделать вывод, что разрядка могла бы продолжить свое существование, несмотря на все возникшие трудности, если бы Брежнев по-прежнему горел желанием сохранять партнерство с американским президентом. Разумеется, из этого вовсе не следует, что нужно все сводить к личным отношениям политических лидеров и игнорировать всю сложность международных отношений, идеологический конфликт двух сверхдержав и контраст между советским посттоталитарным режимом и американской либеральной демократией. Из этого лишь следует, что в моменты значительных сдвигов в международных отношениях фактор личности и воли политических лидеров оказывается ключевым.

Отсутствие у Картера ясного подхода к Советскому Союзу сыграло не менее важную роль в закате разрядки, чем убеждения Брежнева — в ее успехах в 1970–1975 гг. Президент США под влиянием Бжезинского и красноречивых критиков политики разрядки начал считать Советский Союз державой, способной на авантюры и безрассудную экспансию. Картер спутал стареющих кремлевских лидеров, идущих на поводу у событий и обстоятельств, с неутомимым и взрывоопасным Никитой Хрущевым. В мае 1978 г. Картер написал Бжезинскому, что «возрастающая военная мощь СССР в сочетании с политической близорукостью, подкрепленная великодержавными амбициями, может вызвать искушение у Советского Союза воспользоваться региональной нестабильностью, особенно в странах третьего мира, а также запугать наших друзей с целью достижения политического преимущества, а в конечном счете — даже превосходства. Вот почему я так отношусь к советским действиям в Африке, и вот почему наращивание вооружений СССР в Европе вызывает мою озабоченность. Кроме того, я вижу, что Советский Союз вынашивает планы проникнуть в Индийский океан через Южную Азию с возможной целью окружить Китай». Конец этой фразы многозначителен. Для того чтобы сдержать советскую экспансию на африканском континенте, Бжезинский и министр обороны Гарольд Браун решились на далеко идущий шаг в духе «реальной политики» — предложить стратегическое партнерство Китаю и разыграть «китайскую карту» против СССР. Вэнс возражал, он считал, что этот ход слишком опасен

для советско-американских отношений, однако Картер согласился с Бжезинским и Брауном. Он направил Бжезинского в Пекин, наделив его широкими полномочиями для того, чтобы достичь соглашения с китайским руководством. Этот шаг, считает американский историк-международник Рэймонд Гартхоф, вызвал необычайно серьезные последствия, выходящие далеко за пределы того эффекта, который ожидали получить его инициаторы. Примерно в это же время Добрынин сказал Авереллу Гарриману, пытавшемуся защищать действия администрации Картера, что теперь уже ничто не поможет «изменить эмоциональный климат, который сегодня сложился в Москве» (118). В этом климате опять надо было отвечать «ударом на удар» и тем самым вернуться к духу холодной войны, который с таким трудом был преодолен перед поездкой Никсона в Москву в мае 1972 г.

В свою очередь, члены Политбюро совершенно не поняли глубины и искренности намерений Картера, верующего баптиста, который стремился развивать контроль над ядерным оружием и уменьшить напряженность в мире. Брежнев и его соратники решили, что президент США является пешкой в руках своих советников. Громыко заметил в частной беседе с Вэнсом, что «Бжезинский уже превзошел самого себя», делая заявления, которые «нацелены на то, чтобы чуть ли не вернуть нас назад к периоду холодной войны». В июне 1978 г. Брежнев пожаловался на заседании Политбюро, что Картер «не просто оказался под обычным влиянием самых беспардонных антисоветчиков и главарей военно-промышленного комплекса США. Он намерен бороться за переизбрание на новый президентский срок под знаменем антисоветской политики и возврата к холодной войне». Через два месяца в Москве читали «политическое письмо» из посольства СССР в Вашингтоне. В письме говорилось, что Картер избрал события на Африканском Роге, а затем в Заире, в провинции Шаба, в качестве предлога, чтобы предпринять попытку пересмотра «всей концепции политики разрядки», подчинения ее политическим целям администрации. «Инициатива в этом деле исходила от Бжезинского и нескольких советников президента по внутривнутриполитическим делам, которые убедили Картера, что ему удастся остановить процесс ухудшения своих позиций внутри страны, если он открыто станет проводить более жесткий курс в отношении Советского Союза». В сообщении цитировались слова лидера компартии США Гэса Холла, который назвал Бжезинского «Распутиным картеровского режима». По оценке письма, Картер, столкнувшись с советской твердой позицией, был вынужден отступить и принять «половинчатую, выборочную концепцию разрядки». Администрация продолжает ставить «определенный предел возможному улучшению наших отношений» в зависимости от задач укрепления НАТО, гонки вооружений и «игры

с Китаем». Вместе с тем, отмечалось в письме, Картер не бесперспективен, и отношения с США не безнадежны. «Позднее, с достижением соглашения по ОСВ... можно ждать улучшения политического климата в наших отношениях. К этому времени пройдет и предвыборная кампания здесь с ее обычным разгулом шовинистической демагогии и антисоветчины» (119).

Венский саммит в июне 1979 г. действительно показал, что при иных обстоятельствах Брежнев и Картер могли бы стать хорошими партнерами. Президент США был внимателен и терпелив, он явно испытывал сострадание и симпатию к больному советскому лидеру, старался найти с ним общий язык. После подписания соглашений об ОСВ Картер неожиданно потянулся к Брежневу и обнял его. Улучив момент, президент США передал генсеку проект предложений для следующего раунда переговоров о контроле над вооружениями, в которых предлагалось значительное сокращение стратегических систем. Он даже воздержался от обычных для него упоминаний о правах человека. Брежнев, несмотря на свою слабость, был растроган, и потом, в разговоре с соратниками, сказал, что Картер «в конце концов неплохой парень». Во время прощания Картер повернулся к советскому переводчику Виктору Суходреву и сказал, сверкнув своей знаменитой улыбкой: «Приезжайте снова к нам в Штаты и привозите своего президента» (120). Через шесть месяцев советские войска вошли в Афганистан.

Добро пожаловать в Афганистан!

Члены Политбюро, особенно члены триумvirата Гречко, Андропов и Устинов, продолжали ошибочно считать, что разрядка стала возможной в основном благодаря «новому соотношению сил» и советской военной мощи, которая заставила западные страны сесть за стол переговоров. В течение некоторого времени подобное заблуждение не приводило к фатальным промахам в советской политике. Но в случае с Афганистаном последствия такого видения разрядки выявились самым роковым образом. В апреле 1978 г. в результате военного переворота в Кабуле к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Сразу же после провозглашения победы «Апрельской революции» ее руководители обратились к СССР за помощью. Советские руководители, военные и КГБ не имели никакого отношения к этому событию и совершенно не были к нему готовы. Даже советские спецслужбы узнали об этом перевороте уже после его свершения. Как заметил Реймонд Гартхоф, первым камешком, повлекшим за собой целую лавину событий в Афганистане, вполне могли оказаться действия Ричарда Никсона и его союзника, шаха Ирана.

В 1976 и 1977 гг. шах, действуя в роли «американского шерифа» в регионе, убедил президента Афганистана Мухаммада Дауда покончить с давней ориентацией этой страны на СССР и очистить афганскую армию и госаппарат от леваков и сторонников Москвы (121). По иронии судьбы, шахский режим в Иране пал вскоре после того, как революционный хаос сменил стабильный режим в Афганистане. Покой и равновесие в регионе оказались нарушены с катастрофическими последствиями на многие десятилетия.

С точки зрения Кремля «революция» в Афганистане из-за близости этой страны к советским границам в Средней Азии имела для СССР совсем другое значение, чем события в Африке. По мере того как росла нестабильность у южных рубежей, в Москве все сильнее крепло искушение превратить Афганистан в надежного сателлита, который находится под строгой опекой Советского Союза. Что касается КГБ, то здесь, как всегда, царил дух соперничества с американцами. Как вспоминает один из бывших старших офицеров КГБ, он относился к Афганистану как к региону, входящему в советскую сферу влияния, и потому был уверен, что Советский Союз «должен делать все возможное, чтобы помешать американцам и ЦРУ установить там анти-советский режим». После революционного переворота 1978 г. программы помощи Афганистану множились день ото дня — по линии Минобороны, КГБ, МИД, а также других ведомств и министерств, в том числе связанных с экономикой, торговлей, строительством и образованием. Из Москвы и республик Средней Азии в огромном количестве поехали в Кабул партийные делегации и советники. Нет сомнений, что советские чиновники руководствовались теми же побудительными мотивами, что двигали ими в Африке. Между прочим, советские представители и советники в Афганистане тоже получали приличные деньги в иностранной валюте, сопоставимые с теми, что зарабатывали их коллеги в Анголе, Эфиопии, Мозамбике, Южном Йемене и в других странах третьего мира, где специалисты из СССР, выполняя свой «интернациональный долг», помогали «странам социалистической ориентации» (122).

Очень скоро советские советники, приехавшие в Афганистан по линии различных ведомств, оказались вовлечены в жестокую фракционную борьбу внутри НДПА. Лидеры радикальной фракции Хальк — премьер-министр Нур Мухаммад Тараки и его предприимчивый заместитель Хафизулла Амин — приступили к чистке рядов НДПА от конкурентов из фракции Парчам, состоящей из догматичных марксистов-ленинцев. Амин и Тараки верили в революционный террор, но еще больше их вдохновляли сталинские методы. В сентябре 1978 г. в Афганистан с секретной миссией был направлен глава международного отдела ЦК КПСС Борис Пономарев, он должен был

предупредить Тараки о том, что в случае, если он продолжит преследование своих соратников по революции, СССР от него отвернется. Однако подобные предостережения, как и призывы к единству в партии, не были услышаны. Афганские революционеры были уверены, что Советский Союз не бросит их на произвол судьбы, и были правы. Незадолго до приезда Пономарева в Кабуле побывал Владимир Крючков, начальник Первого главного управления КГБ (отвечавший за внешнюю разведку), который подписал с афганцами соглашение о сотрудничестве по обмену разведывательной информацией. Общей целью была борьба «с растущим присутствием ЦРУ в Кабуле и повсюду в Афганистане» (123). 5 декабря 1978 г. Брежнев и Тараки встретились в Москве и подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Тараки вернулся в Кабул, убежденный в том, что Брежнев поддерживает его лично. Генсеку и в самом деле нравился обманчиво приветливый руководитель Афганистана, когда-то сочинявший романтические «ви́рши» (124).

В марте 1979 г. благодушные настроения в Москве были нарушены зловещим сигналом тревоги. В провинции Герат вспыхнул антиправительственный мятеж, в ходе которого повстанцы жестоко расправились с кабульскими чиновниками, советниками из СССР и членами их семей. Тараки и Амин настойчиво звонили в Москву с отчаянной просьбой ввести советские войска, чтобы «спасти афганскую революцию». В Герате впервые громко заявили о себе новые силы — вооруженные группы пуштунских националистов и исламских фундаменталистов. И снова члены Политбюро были застигнуты врасплох и не смогли адекватно оценить возникшую ситуацию. Записи проходивших в Кремле обсуждений с поразительной ясностью показывают, насколько опасно и неадекватно в кризисной ситуации было фиктивное руководство, осуществляемое от лица отсутствовавшего Брежнева членами тройки. В начале обсуждения триумvirат, отвечавший за внешнюю политику и безопасность, выступил за то, чтобы ввести советские войска и спасти кабульский режим. Все Политбюро согласилось, что «потерять Афганистан» как часть территории, входящей в советскую зону влияния, недопустимо ни с геополитической точки зрения, ни с идеологической. Брежнев в это время отдыхал на даче. В отсутствие генсека предложение о вторжении стало набирать неодолимую силу, словно снежный ком, который скатывается с горы вниз, возрастая и не встречая сопротивления. В Политбюро не нашлось ни одного человека, кто рискнул поднять голос против «спасения» Афганистана (125).

На следующий день все изменилось: за одну ночь все аргументы в пользу военного вторжения в буквальном смысле испарились. Первым, кто сказал вслух правду, был Устинов: кабульское руко-

водство хочет, чтобы советские войска сражались против исламских фундаменталистов, при том что эту угрозу они создали сами своими радикальными реформами. Андропов уверял, что «мы можем удерживать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск». Громыко привел другой довод: «Все, что мы сделали за последние годы с таким трудом, в смысле разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и многое другое, — все это будет отброшено назад. Конечно, Китаю будет этим самым преподнесен хороший подарок. Все неприсоединившиеся страны будут против нас. Одним словом, серьезные последствия ожидаются от такой акции». Кроме того, министр иностранных дел напомнил членам Политбюро, что из-за военного вторжения в Афганистан придется отменять саммит с Картером в Вене, а также визит президента Франции Жискара д'Эстена в СССР, намеченный на конец марта (126).

Откуда вдруг взялись рассудительность и реализм? Почему члены Политбюро так резко поменяли свое мнение? Очевидно, благодаря дополнительной информации, в частности телефонному разговору Косыгина с Тараки, который прояснил ситуацию в Афганистане. Однако определяющую роль, видимо, сыграло личное вмешательство Брежнева, а также позиция его помощника по международным делам Александра-Агентова (127). Как выразился Громыко, Леонид Ильич стеной стоит за разрядку. Он был крайне заинтересован в том, чтобы наконец-то встретиться с Картером и подписать подготовленный Договор об ОСВ. В этой ситуации, как и весной 1972 г., генсек хотел избежать любых шагов, которые могли бы осложнить саммит с Картером и другие встречи с руководителями западных стран. Кроме того, Брежнев опасался любого военного вмешательства и считал, что на это можно пойти лишь в самую последнюю очередь, когда другие средства исчерпаны. Леонид Ильич присутствовал на втором и третьем заседании Политбюро по афганскому кризису и твердо выступил против военного вмешательства. После того как советский военный самолет доставил Тараки в Москву, Брежнев сообщил ему, что советские вооруженные силы не будут посланы в Афганистан. Афганскому лидеру была обещана дополнительная помощь для усиления афганской армии. Также СССР обещал оказать давление на Пакистан и Иран, чтобы те прекратили засылать в Афганистан радикальные исламские формирования со своей территории. Выслушав краткий ответ Тараки, Брежнев поднялся с места и вышел, давая понять, что вопрос исчерпан (128).

Однако решение не посылать войска в Афганистан было не таким твердым, как оно казалось вначале. Первоначальная паническая позиция членов триумvirата, боявшихся «потерять» Афганистан, гро-

зила рецидивами. Иллюзорную задачу повести за собой Афганистан «по пути социалистических реформ» никто с повестки дня не снимал. Скорее наоборот. Члены комиссии Политбюро по Афганистану Громыко, Андропов, Устинов и Пономарев подтвердили эту задачу в своей записке в Политбюро вскоре после отъезда Тараки из Москвы. В результате материальные вложения СССР в кабульский режим увеличились, а число советских советников, в основном военных специалистов и сотрудников спецслужб, достигло приблизительно 4 тыс. человек (129).

Все эти меры сыграли важную роль на следующем этапе борьбы за власть в Афганистане — между Тараки и Амином. Исход можно было предвидеть давно. Хафизулла Амин был гораздо более волевым и решительным руководителем. И характером, и манерами он очень напоминал иракского лидера Саддама Хусейна. Образцом для подражания Амин считал Сталина. Он был готов на неограниченное применение силы для установления своего режима и был готов рисковать по-крупному ради осуществления своих честолюбивых планов. Его энергичные действия по модернизации и наведению дисциплины в афганской армии и во время подавления восстания в Герате снискали ему симпатии со стороны советских военных советников. Однако Брежнев был на стороне Тараки. В начале сентября 1979 г., когда Тараки по пути домой из Гаваны, где проходила встреча стран — участниц Движения неприсоединения, остановился в Москве, Брежнев и Андропов пригласили его на доверительную беседу. Они предупредили афганского президента об угрозе, исходящей от Амина, и о том, что тот уже убрал преданных Тараки людей с ключевых постов в органах безопасности. Есть основание предполагать, что после этого разговора сотрудники КГБ совместно с работниками советского посольства в Кабуле предприняли попытку избавиться от Амина, но их план привел к обратному результату. Амин арестовал Тараки и 9 октября отдал приказ задушить его в тюремной камере. После чего Амин выслал из страны советского посла, считая его замешанным в заговоре против себя (130). Леонид Ильич принял близко к сердцу неожиданное известие об убийстве своего любимца. Эта смерть заставила генсека иначе взглянуть на судьбу афганской революции. Как утверждает врач Брежнева, тот будто бы сказал Андропову и Устинову: «Какой же это подонок — Амин: задушить человека, с которым вместе участвовал в революции. Кто же стоит во главе афганской революции? — говорил он при встрече. — И что скажут в других странах? Разве можно верить слову Брежнева, если все его заверения в поддержке и защите остаются словами?» Именно с этого момента стало вызревать решение о том, чтобы ввести войска в Афганистан и устранить Амина. По свидетельству Черныева, почти сразу

же после убийства Тараки помощник Брежнева по международным делам Александров-Агентов якобы сказал одному из ответственных работников в международном отделе ЦК, что надо вводить войска в Афганистан (131).

Возможно, бурное развитие с января 1979 г. революционных событий в Иране, провозглашение 31 марта того же года Исламской республики Иран, усиление иранской поддержки исламистских повстанцев на юго-западе Афганистана также способствовало тому, что советское руководство взглянуло новыми глазами на решение о вводе войск в Афганистан. Кремлевские вожди не могли даже предположить, что иранская революция положит начало новой эре радикального исламизма, которая переживет и холодную войну, и Советский Союз. В Кремле полагали, что в Афганистане за набирающими силу фундаменталистами стоят американцы, чье участие в этих событиях они с самого начала чрезмерно преувеличивали. Афганистан занимал мысли Устинова, Андропова и Александрова-Агентова исключительно в свете состязания между СССР и США, где выигрыш одной стороны означает проигрыш другой (132). Сосредоточение громадной американской военно-морской группировки в Персидском заливе после захвата 4 ноября 1979 г. «студентами — сторонниками Имама» посольства США в Тегеране встревожил советский Генеральный штаб. Генерал Валентин Варенников вспоминал, что в это время «нас беспокоило, как бы США, после того как их выкинули из Ирана, не переместили бы свои базы в Пакистан и Афганистан». Как утверждают, министр обороны Устинов возмущался: американцы заняты военными приготовлениями прямо у нас под носом, а мы почему-то должны таиться, изображать деликатность и терять Афганистан (133). В подобных обстоятельствах поступившие из Кабула сообщения сотрудников КГБ о том, что Амин ведет двойную игру и втайне встречается с американцами, вызывали в Москве особую озабоченность. Сообщения были непроверены и неосновательны. Но семена подозрительности взошли быстро, так как упали в благодатную почву, подготовленную несколькими годами ранее предательством Анвара Садата и недавним убийством Тараки.

Решение СССР убрать Амина и «спасти» Афганистан является ярким примером «группового мышления» в самом верхнем эшелоне советского руководства и прежде всего среди членов триумvirата, отвечавших за внешнюю политику и безопасность. В какой-то момент в октябре — ноябре 1979 г. Андропов поддержал позицию Устинова, и они вдвоем начали разрабатывать план введения войск. Затем на это дали свое согласие Громыко и Александров-Агентов. Непосредственные участники этой интриги держали все приготовления в глубочайшем секрете, даже от остальных членов Политбюро, а также от

собственных референтов и аналитиков. С точки зрения триумvirата, главной задачей было склонить на свою сторону Брежнева. В начале декабря 1979 г. Андропов представил генсеку записку с доводами в пользу военного вторжения. Он писал: «Сейчас нет гарантий, что Амин, стремясь утвердить личную власть, не переметнется на Запад». В письме предлагалось свергнуть Амина и привести к власти в Кабуле членов другого крыла НДПА — парчамистов, которые бежали от Амина за границу (134).

Ставшие сегодня доступными документы показывают, что основной пункт в логике Андропова — грозящее предательство Амина — возник практически на пустом месте. Глава КГБ, похоже, исполнил ту же роль, какую он сыграл в 1968 г. во время Чехословацкого кризиса: информацию о положении в стране он подавал либо неполную, либо и вовсе неверную только для того, чтобы добиться от Леонида Ильича согласия на ввод войск. 9 декабря Андропов и Устинов сообщили Брежневу о том, что велика вероятность размещения американцами ракет среднего радиуса в Афганистане, которые могут быть нацелены на важнейшие советские военные объекты на территории Казахстана и Сибири. Устинов предложил воспользоваться как предлогом неоднократными просьбами Хафизуллы Амина об оказании стране военной помощи и направить в Афганистан ограниченный контингент советских войск. Уже находившиеся в Кабуле группы «коммандос» КГБ и ГРУ, а также называемый «мусульманский батальон», рекрутированный из представителей народов Средней Азии, должны были устранить Амина и обеспечить гладкий переход власти к другому политику, ставленнику Москвы. Заговорщики рассчитывали вывести основные советские силы из Афганистана сразу же после того, как новый режим стабилизируется (135).

Даже на этом этапе было еще не поздно опровергнуть доводы в пользу военного вмешательства, если бы кто-нибудь из посвященных в разработку операции выразил беспокойство по поводу серьезных последствий подобного шага для политики разрядки. Однако на этот раз ни Брежнев, ни Громыко этого не сделали. Осенью 1979 г. разрядка быстро шла ко дну. Та незначительная аура доброй воли, которая возникла во время встречи Брежнева с Картером, угасла без следа. По настоянию нескольких сенаторов-демократов, стремившихся уцелеть на выборах, Белый дом поднял ложную тревогу по поводу присутствия советской воинской бригады на Кубе. На деле эта «бригада» была группой советских военных советников, которые присутствовали на острове уже многие годы. Обвинения Москвы в нарушении соглашений 1962 г. было полностью надуманным. Этот странный предвыборный фортель администрации еще больше насторожил кремлевских руководителей, им уже казалось, что кто-то

в Вашингтоне решил бросить Советскому Союзу вызов по всем направлениям (136).

Окончательно чашу весов в пользу ввода войск в Афганистан склонило решение НАТО разместить в Западной Европе стратегическое ядерное вооружение нового поколения — ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты. Это решение, официально принятое 12 декабря на специальной встрече министров иностранных дел и министров обороны стран НАТО в Брюсселе, прогнозировалось советскими экспертами еще за несколько дней до начала Брюссельской встречи. Такой прогноз добавлял весомости аргументам Устинова и Андропова, которые на встрече с Брежневым 8 декабря подчеркивали, что афганская проблема связана с общим ухудшением стратегической ситуации для СССР и что американские ракеты могут также быть размещены в Афганистане (137).

Советские военные были единственными, кто открыто возражал против планируемого ввода войск. Перед началом заседания Политбюро по афганскому вопросу во время неофициального обмена мнениями начальник Генерального штаба маршал Николай Огарков высказал вслух Брежневу и членам триумвирата свои замечания, а также замечания своих коллег. Он ссылаясь на возможные трудности, подстерегающие советские войска в незнакомой и тяжелой обстановке, и еще раз напомнил партийным руководителям о том, что опасения, связанные с враждебной деятельностью американцев в этом регионе, неосновательны. Однако Устинов был в натянутых отношениях с Огарковым и резко осадил его: «Вы что, будете учить Политбюро? Вам надлежит только выполнять приказания». Уже на самом заседании Политбюро Огарков снова попытался предупредить о серьезных последствиях ввода войск. «Мы настроим против себя весь мусульманский Восток и понесем политический ущерб в мире». На этот раз Андропов оборвал его: «Занимайтесь военными делами. Предоставьте принимать политические решения нам, партии и Леониду Ильичу». В тот день решение по Афганистану на Политбюро все же не было принято. Через два дня, 12 декабря, Андропову, Устинову и Громыко стало известно о том, что НАТО собирается разместить «Першинги» и крылатые ракеты в Европе. На этот раз члены Политбюро одобрили план Устинова — Андропова по «спасению» Афганистана: свергнуть Амина и одновременно ввести войска. Непомощный Брежнев заметно волновался, когда ставил дрожащей рукой свою подпись на этом решении (138).

Официальному заявлению Москвы о том, что правительство в Кабуле само обратилось к Советскому Союзу с просьбой защитить его, никто не поверил, тем более что положение усугубилось из-за топорных действий сотрудников КГБ. Сначала они попытались отравить

Амина, а после того, как яд не подействовал, бойцы спецназа взяли штурмом его дворец, устроив там бойню (некоторые из них погибли сами). Это был уже не гладкий, а кровавый переворот, и он вызвал яростную реакцию в США и возмущение во всем мире. Здание советско-американской разрядки, и без того находящееся в плачевном состоянии, рассыпалось в прах после санкций Картера. Свидетели из окружения генсека вспоминали, что он сильно переживал крах отношений с Вашингтоном и начал смутно сознавать, что ввод войск в Афганистан был грубейшей ошибкой. Александров-Агентов в воспоминаниях обронил любопытное свидетельство: однажды Брежнев обратился к Андропову и Устинову с упреком: «Ну и втянули вы меня в историю!» (139).

Карьера Брежнева как международного миротворца подошла к своему, весьма безрадостному, концу. Черняев записал в дневнике: «Думаю, что в истории России, даже при Сталине, не было еще такого периода, когда столь важные акции предпринимались без намека на малейшее согласование с кем-нибудь, совета, обсуждения, взвешивания — пусть в очень узком кругу. Все — пешки, бессловесно и безропотно наперед готовые признать правоту и необходимость любого решения, исходящего от одного лица — до чего, может быть, это лицо и не само додумалось (в данном случае — наверняка так!). Мы вступили уже в очень опасную для страны полосу маразма правящего верха, который не в состоянии даже оценить, что творит и зачем» (140). Черняев вместе с другими немногими свободомыслящими функционерами в центральном партаппарате надеялся на чудо, которое помогло бы Советскому Союзу пережить этот опасный период.

Глава 9

УХОД СТАРОЙ ГВАРДИИ, 1980–1987

Лимит наших интервенций за границей исчерпан.

Андропов, осень 1980

В начале 1980 г. казалось, что СССР и США вернулись к самым мрачным временам холодной войны: предыдущего десятилетия соглашений и переговоров словно и не бывало. Безудержная гонка вооружений, тайные операции спецслужб двух стран в разных уголках мира, жесткая пропагандистская война с обеих сторон — все это напоминало атмосферу последних лет правления Сталина. Республиканская администрация Рональда Рейгана стремилась отбросить советскую империю с ее восточноевропейских, азиатских, латиноамериканских и африканских форпостов, возвратившись к политике, провозглашаемой в свое время администрациями Трумэна и Эйзенхауэра. Многие аналитики на Западе предсказывали, что наступившее десятилетие будет временем опасных кризисов. Один из них даже написал, что «Советский Союз решится на ядерную войну, если поймет, что его империи что-то угрожает» (1).

Как на самом деле реагировали в Кремле на растущую конфронтацию с Вашингтоном? В последние годы правления Брежнева и в следующие два с половиной года руководства Юрия Андропова (1982–1984) и Константина Черненко (1984–1985) многим в советской верхушке стало ясно, что изношенные политические и экономические основы советского государства нуждаются в качественном обновлении. Западные аналитики, в том числе и специалисты из ЦРУ, догадывались о том, что советская экономика находится в плачевном состоянии и что советское влияние в странах Восточной Европы клонится к упадку. Но они и представить себе не могли, до какой степени были плохи дела в советской империи. В 1980–1981 гг. в Польше быстро набрало силу движение «Солидарность», страны Варшавского договора все больше впадали в экономическую и финансовую зависимость от западных банков и правительств. У кремлевских прави-

телей не хватало ни политической воли, ни политического воображения, чтобы хоть как-то остановить эрозию своей власти. В то же время западные аналитики явно преувеличили опасность военного столкновения: в 1980-е гг. ни один кремлевский руководитель не был настроен на «последний и решительный бой» с Западом (2).

Польша: трещина в лагере

Летом 1980 г. коммунистические власти Польши, не в силах выплатить финансовые займы западным банкам, опрометчиво взятые в годы разрядки, были вынуждены поднять цены на продовольствие. Эта мера вызвала взрыв протеста среди населения. По стране прокатилась волна забастовок, и в августе бастовали уже все предприятия Гданьска и Гдыни. В принятом забастовочным комитетом документе выдвигались требования не только экономического, но и политического характера. В конце августа правительство пошло на компромисс, уступив требованиям бастующих, а официальное признание независимого профсоюза «Солидарность», который возглавил рабочий-электрик гданьских верфей Лех Валенса, ознаменовало невиданный успех противников коммунистического режима в Польше. Особенно впечатляло то, как слаженно и эффективно действовали, казалось бы, стихийно и снизу возникшие комитеты нового демократического движения. В Кремле подозревали, что событиями в Польше управляют силы из-за рубежа, а забастовщиками руководит специально обученное «подполье», сохранившееся со времен Второй мировой войны. И действительно, «антисоциалистические силы» получали огромную поддержку в международном масштабе. Польские коммунисты и органы КГБ докладывали о связях «Солидарности» с Польской католической церковью, Ватиканом, а также с организациями польских эмигрантов в США. Наиболее опасными подстрекателями считались Збигнев Бжезинский и папа Иоанн Павел II (3).

Революционные настроения в Польше оказывали большое моральное и политическое влияние на западные области и республики Советского Союза. В 1981 г. сотрудники КГБ и партийные руководители западных районов СССР докладывали о брожении среди местного населения под влиянием событий в Польше. Особенно тревожным было положение в Прибалтийских республиках, прежде всего в Латвии, где проходили массовые забастовки (4). Весной 1981 г. руководитель КГБ Юрий Андропов информировал Политбюро о том, что «польские события оказывают влияние на ситуации в западных областях нашей страны, особенно в Белоруссии». Советские власти поспешили захлопнуть «железный занавес» на границе с «братской» Польшей. Были отменены поездки советских граждан в эту страну

по линии туризма, образовательных программ и культурного обмена. Подписка на польские журналы и газеты была приостановлена, началось глушение польских радиостанций (5).

Многие в Советском Союзе и за его пределами с тревогой ожидали дальнейших шагов Кремля в отношении движения «Солидарность». Специалисты-международники в ЦК КПСС в Москве, так же как и сотрудники Белого дома в Вашингтоне, опасались повторения чехословацких событий 1968 г., ввода советских войск. Однако Брежнев, как оказалось, не хотел применения военной силы против поляков. Несмотря на свой моральный и физический упадок, на все большее самоустранение от международных и внутренних проблем, генсек понимал гибельность такого шага и опасался его кровавых последствий (6).

О том, что Брежнев решил избежать вторжения в Польшу, было известно лишь очень узкому кругу лиц. К этому времени генсек редко появлялся в Кремле, предпочитая проводить время на правительственной даче или на охоте, в заказнике Завидово. Вопросы государственной безопасности почти целиком взяли на себя Андропов, Устинов и Громыко. Михаил Суслов тоже играл заметную роль: он возглавил специальную комиссию Политбюро ЦК КПСС по польскому вопросу. Министр обороны Дмитрий Устинов, казалось бы, имел наибольшие основания выступать за вооруженное вмешательство: Польша являлась стратегически важным коридором, по которому пролегли коммуникации, связывающие Группу советских войск в Германии с Советским Союзом. С потерей Польши теряла смысл Организация Варшавского договора, тем более что главное командование Западного направления войск ОВД располагалось недалеко от польского города Легница. Подчиненные Устинова, прежде всего главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств – участников Варшавского договора маршал Виктор Куликов, неоднократно говорили, что Польшу надо «спасти» любой ценой (7).

В высших кругах, ответственных за принятие решений, центральной фигурой был председатель КГБ Юрий Андропов. В свое время он был твердым сторонником ввода войск в Венгрию, Чехословакию и Афганистан. Однако осенью 1980 г. Андропов сказал одному из своих близких подчиненных: «Лимит наших интервенций за границей исчерпан» (8). Андропов уже видел себя преемником Брежнева на высшем посту в партии и стране и понимал, что еще она военная авантюра может перечеркнуть его политическую карьеру. Ввод советских войск в Польшу означал бы конец европейской разрядки, и без того висевшей на волоске после советского вторжения в Афганистан и жесткого ответа из Вашингтона. Андропов надеялся развивать европейские структуры безопасности и сотрудничества, зафиксиро-

ванные в Хельсинки в 1975 г. и ставшие главным достижением государственной политики СССР в период разрядки.

Даже Суслов признавал, что допустить несколько социал-демократов в коммунистическое правительство Польши предпочтительнее, чем использовать советские войска (9). Однако это вовсе не означало, что Кремль был готов пустить события в Польше на самотек. В Политбюро стали склоняться к решению проблемы по «сценарию Пилсудского», т. е. сделать ставку на военно-политическую диктатуру по образцу режима Юзефа Пилсудского в 1920-е гг. Среди кандидатов на роль «коммунистического Пилсудского» числились первый секретарь ЦК ПОРП Станислав Кania и министр национальной обороны ПНР Войцех Ярузельский. В декабре 1980 г. Брежнев, заглядывая в подготовленную шпаргалку, сказал Кани: «Когда мы увидим, что тебя свергают, мы вмешаемся». Встреча Кани с немощным советским генсеком была устроена с целью запугать польского лидера перспективой введения советских войск и заставить его принять жесткие меры против активистов движения «Солидарность» (10). Однако руководителю польских коммунистов не доставало решимости, необходимых для осуществления военного переворота, предложенного Кремлем. У побывавшего в Варшаве Леонида Замiatина, в то время заведомом информации ЦК КПСС, сложилось впечатление, что Кania совершенно раздавлен морально и ищет спасения на дне бутылки (11). У кремлевских правителей, однако, не было другого выхода, кроме как усиливать давление на Канию и его окружение, чтобы заставить их поверить в неминуемость советского военного вторжения в случае их бездействия. Для этого были организованы широкомасштабные военные учения армий Объединенных вооруженных сил Варшавского договора (ОВС ВД) на территории Польши, «совпавшие» по времени с началом встречи Кани с Брежневым. Военные маневры в точности повторяли те, которые предшествовали вводу войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. Если 12 лет тому назад объектом давления был Александр Дубчек, то теперь таким объектом стал Кania (12).

Когда в марте 1981 г. Кania и Ярузельский опять приехали в Москву, Устинов отчитал лидера польских коммунистов как мальчишку. «Товарищ Кania, наше терпение исчерпано! У нас в Польше есть люди, на которых мы можем положиться. Мы даем Вам двухнедельный срок навести порядок в Польше!» (13). Вскоре после отъезда польской делегации из Москвы вооруженные силы Организации Варшавского договора совместно с КГБ начали осуществлять полномасштабную кампанию по устрашению поляков. Начались новые крупные воен-

ные учения, которые длились в течение трех недель. Устинов, однако, блефовал: кремлевские руководители не собирались вводить войска в Польшу (14).

В течение всего лета 1981 г. руководство СССР изо всех сил старалось найти и привлечь на свою сторону «здоровые силы» внутри Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), которые смогли бы давить на Каню и Ярузельского изнутри. Однако поиски таких «здоровых сил» привели к плачевному результату: сторонников жесткой линии среди польских коммунистов почти не осталось, на их место пришли реформаторы, среди них, например, журналист Мечислав Раковский, которого в Москве считали опасным «ревизионистом правого толка». Зато среди руководителей других стран «социалистического содружества» сторонников военно-силового решения было немало. Руководители компартий ГДР, Венгрии, Чехословакии и особенно румынский генсек Николае Чаушеску опасались революционных событий в Польше еще больше, чем лидеры в Кремле. Во время встречи с Брежневым в его резиденции Нижняя Ореанда в Крыму все соцлидеры в один голос требовали военного вмешательства. Брежнев тем не менее оставался непреклонным (15).

Леонид Ильич все еще верил, что сумеет вдохнуть новую жизнь в европейскую разрядку, и понимал, что после введения войск в Польшу это будет уже невозможно. Кроме того, генсека и остальных руководителей СССР удерживали экономические и финансовые обстоятельства, без которых урегулирование польского кризиса было невозможно. Воевать с поляками уже само по себе было бы огромной бедой, но экономическая и финансовая цена военного вторжения и последующей оккупации Польши была бы просто губительна для Советского Союза. Ведь в случае оккупации Польши пришлось бы расплачиваться и за ее внешние долги, и кормить ее население. Черняев записал в своем дневнике 10 августа 1981 г.: «Положение в Польше и с Польшей действительно аховое. Но такой подход, какой предлагает Брежнев, — единственно мудрый. Он же сказал, что взять Польшу на изживание мы не можем» (16). У Кремля уже не было финансовых резервов, чтобы взять Польшу на свой «баланс», не жертвуя при этом другими важными обязательствами. К началу 1980-х гг. СССР оказывал материальную помощь 69 странам — союзникам и сателлитам. Многие «дружественные» режимы фактически существовали на советские деньги. Кроме этого, во время правления Брежнева, по некоторым оценкам, свыше четверти советского ВВП ежегодно уходило на покрытие военных расходов. Советский режим регулярно латал дыры в бюджете за счет продажи населению облигаций государственного займа, повышения цен на дефицитные продукты и торговли водкой. Несмотря на это, дефицит госбюджета продолжал расти, разумеется, в полной тайне от советских граждан. Основным источ-

ником доходов советской казны являлся экспорт нефти и газа: с 1971 по 1980 г. Советский Союз увеличил производство нефти в 7, а газа в 8 раз. Но параллельно во столько же раз выросли поставки нефти и газа странам — созницам СССР по дотационным ценам, которые были намного ниже мировых (17). После 1974 г., когда мировые цены на нефть выросли в 4 раза, Москва подняла стоимость советской нефти для своих союзников по Варшавскому договору вдвое, но, уступая протестам коммунистических сателлитов, была вынуждена оплачивать это повышение из своего же кармана, предоставляя социалистическим странам займы на десять лет под низкий процент. Подобная щедрость совершенно не отвечала экономическим интересам и возможностям СССР, но вместо того, чтобы сокращать размеры помощи «друзьям», СССР продолжал тащить эту обузу и даже наращивать свои внешние обязательства (18).

Экономические санкции, объявленные президентом Картером против СССР после военного вторжения в Афганистан, усугубили экономические трения внутри советского блока. Кремль больше не мог заставить своих восточноевропейских сателлитов делить с ним экономические трудности в период возобновившейся холодной войны. Во время встречи в Москве в феврале 1980 г. партийные лидеры этих стран уведомили своих кремлевских товарищей о том, что они ни в коей мере не готовы сворачивать собственные финансовые или торговые отношения с Западом. Если раньше проблема экономической зависимости от капиталистических стран стояла остро лишь для ГДР, то теперь экономики остальных государств — членов Организации Варшавского договора — Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии — также стали зависеть от западноевропейских стран — участниц НАТО (19). По сути дела, союзники по блоку сообщили Москве, что затыкать финансовые дыры в «социалистическом лагере» придется исключительно за счет СССР.

Во время польского кризиса со всей болезненной ясностью выявилась высокая цена лидерства Советского Союза в «социалистическом содружестве». СССР с августа 1980 г. в течение 12 месяцев вложил в Польшу 4 млрд долларов — без каких-либо видимых улучшений ситуации. Польская экономика продолжала свое падение, тогда как антисоветские настроения в польском обществе все нарастали. Тем временем в самом СССР ситуация с нехваткой продовольствия усугублялась. Несмотря на колоссальные государственные инвестиции в сельское хозяйство, советская «Продовольственная программа» буксовала, а централизованная система распределения продовольствия явно не справлялась со своей задачей. Производство хлеба, растительного масла, а также мясомолочной продукции дотировалось, чтобы сохранить низкие цены на эти товары первой необходимости.

Однако многие дешевые продукты до магазинных прилавков не доходили, процветал черный рынок, на котором можно было купить все, что угодно, но на порядок дороже, чем по госцене. В городах стали выстраиваться огромные очереди за продовольствием, даже в Москве, хотя по части снабжения столица всегда имела особые привилегии. В сложившейся ситуации Кремлю пришлось смириться с тем, что поляков стал все больше подкармливать Запад за счет программ гуманитарной продовольственной помощи. Это было унижительно идеологически, зато позволяло избавить поляков от голода. В ноябре 1980 г. Брежнев сообщил руководителям ГДР, Чехословакии, Венгрии и Болгарии о том, что Советский Союз вынужден сократить поставки дешевой нефти в эти страны, «с тем чтобы продать эту нефть на капиталистическом рынке и перебросить добытую твердую валюту» в помощь польским товарищам (20). Было совершенно очевидно, что, в случае вооруженного вторжения в Польшу, «социалистическому содружеству» будет грозить банкротство. К тому же было очевидно, насколько тяжелыми будут последствия возможных экономических санкций западных стран против членов СЭВ.

18 октября генерал Войцех Ярузельский, к тому времени уже председатель Совета министров ПНР, сменил Каню на посту первого секретаря ПОРП. Москва возлагала на Ярузельского последние надежды. На Западе и в самой Польше Ярузельского считали послушным слугой Кремля, орудием в советских руках. Это было не совсем так. После раздела Польши в 1939 г. семья Ярузельского была депортирована органами НКВД в Сибирь. Во время Великой Отечественной войны он вступил в армию войска Польского, сформированную на территории СССР, стал офицером. Бегло говоривший по-русски Ярузельский с юных лет считал, что для него нет ничего важнее безопасности родины. Он убедил себя в том, что только Советский Союз может гарантировать территориальную целостность новой Польши с ее западными землями, аннексированными у Германии. Ярузельский долго сопротивлялся советскому давлению и отказывался вводить военное положение. Однако в ноябре 1981 г. ему пришлось на это пойти: Польша оказалась на краю экономической пропасти, топлива и продовольствия не хватало, а впереди ждала суровая зима. В это время относительно умеренных лидеров движения «Солидарность» стали вытеснять люди, более радикально настроенные, им не терпелось покончить с коммунистическим режимом в Польше. Ярузельский начал тайную подготовку к путчу. Вместе с тем он продолжал играть с Кремлем в кошки-мышки. Встретившийся с Ярузельским накануне введения военного положения Николай Байбаков докладывал членам Политбюро о том, что генерал превратился в неврастеника, «не уверенного в своей способности сделать что-либо». Ярузельский

твердил о том, что польская католическая церковь готовится объединить усилия с «Солидарностью» и «объявить священную войну против польских властей». В конечном счете генерал попросил Москву срочно выделить новую экономическую помощь и предоставить советские войска в качестве резервных сил для польской армии и полиции (21). Иными словами, Ярузельский хотел поменяться ролями со своими шантажистами из Кремля.

На чрезвычайном заседании Политбюро слово взял Андропов. Глава КГБ предупредил о том, что Ярузельский намерен «все свалить» на Советский Союз. В заключение Андропов твердо заявил, что Советский Союз ни при каких обстоятельствах не может позволить себе военное вмешательство, даже если движение «Солидарность» придет к власти. «Мы должны прежде всего думать о своей собственной стране, об усилении Советского Союза, — сделал вывод оратор. — В этом наша генеральная линия». Андропову было известно о том, что перебои с продовольственным снабжением распространились на всю страну, включая даже Москву и Ленинград, и его беспокоила возможность беспорядков, подобных тем, что произошли в Новочеркасске в 1962 г. Восстание польских рабочих заставило Андропова задуматься, надолго ли хватит терпения у советского рабочего класса (22).

Председатель КГБ был почти готов к тому, чтобы отказаться от «оказания братской помощи» попавшим в беду коммунистическим режимам (на Западе это называлось «доктрина Брежнева»), а может быть, и пересмотреть вариант революционно-имперской парадигмы, которой руководствовался Кремль. Как заключил американский политолог Мэтью Уимэт, события в Польше и движение «Солидарность» показали, что от «брежневской доктрины ограниченного суверенитета осталось примерно то же, что и от человека, чьим именем ее назвали: оба они превратились в манекенов, которые двигались лишь по инерции, опираясь на тающие силы некогда мощной империи, и тщетно надеялись вернуть себе прежнюю роль в международных делах... Польский народ, сам того не осознавая, сумел принудить советского колосса к отступлению, и советская империя так и не оправилась от польского удара» (23). Несмотря на известную долю преувеличения задним числом смертельности польского «удара» по империи, в этой оценке содержится много верного.

После введения Ярузельским военного положения 13 декабря 1981 г. в Кремле вздохнули с облегчением: смертельная угроза Варшавскому договору миновала. Однако на этом польский кризис не закончился. Он стал внешним проявлением растущего структурного кризиса внутри всего соцлагеря. Сохранение контроля над Польшей по-прежнему стоило СССР очень больших средств. В 1981 г. Ярузельский все-таки добился от Москвы дополнительной экономиче-

ской помощи в общей сложности на 1,5 млрд долларов. Огромное количество зерна, масла и мяса из государственных резервов СССР уходило в Польшу и мгновенно исчезало там, словно в бездонной бочке. Промышленные предприятия Польши тоже получали жизненно необходимое сырье от СССР, в том числе железную руду, цветные металлы и, самое главное, субсидированную нефть (24).

Польские события по своим последствиям стали самыми тяжелыми в череде кризисов, которые один за другим потрясли Кремль в начале 1980-х гг. Впервые после вторжения в Чехословакию и расцвета европейской разрядки советские руководители со всей ясностью осознали, что у могущества СССР есть свои пределы даже на территориях, примыкающих к его границам. Несмотря на грозный «старой гвардии» старческий маразм, она все же подошла вплотную к фундаментальному пересмотру советских интересов безопасности и внешней политики. Но подойдя вплотную, дальше пойти она не смогла и не решалась. В поисках выхода из системного тупика стареющие лидеры СССР смотрели назад, а не вперед, и не видели выхода.

Политбюро и Рейган

Оставшиеся тайной для всех дискуссии в Кремле о положении в Польше, затрагивали и еще один весьма болезненный вопрос: как реагировать на провокационный и милитаристский курс администрации Рейгана. Благодаря информации, которую предоставлял ЦРУ польский генштабист полковник Рышард Куклинский, Рейган был хорошо осведомлен о давлении на поляков из Кремля. Введение военного положения в Польше он воспринял как личное оскорбление (25). Президент США вознамерился наказать Советский Союз по самому крупному счету и создать как можно больше проблем советской экономике. С декабря 1981 г. Рейган начал оказывать сильнейшее давление на западноевропейские страны, чтобы они наложили эмбарго на поставку нефтегазового оборудования для строительства трансконтинентального газопровода «Уренгой — Помары — Ужгород — Западная Европа». Этот проект был чрезвычайно важен для СССР, так как от него зависело будущее валютных доходов страны. В конце концов, ФРГ и Франция не поддерживали американские санкции, и, как отметил один историк, «Рейган проиграл первый раунд схватки с СССР». Введение в эксплуатацию газопровода было отложено лишь ненадолго, хотя и эта отсрочка много значила для СССР. В это же время с одобрения директора ЦРУ Уильяма Кэйси и министра обороны США Каспара Уайнбергера американцы предприняли несколько провокационных мероприятий, в том числе провели военные учения поблизости от советских границ и военно-морских

баз. Это была демонстрация силы и прямое давление на Кремль. Вашингтон лоббировал Саудовскую Аравию и страны ОПЕК снять ограничительные квоты на добычу нефти. В конечном счете это произошло и вызвало обвальное снижение цены на нефть. Разумеется, откровения членов администрации Рейгана о том, что они чуть ли не заложили в это время основу для будущей «победы» над Советским Союзом, нуждаются в серьезной корректировке. Вместе с тем очевидно, что Вашингтон предпринял наступление на СССР по всем фронтам, и американский напор даже превзошел все меры администрации Эйзенхауэра в течение первой половины 1950-х гг. (26).

Для Андропова действия рейгановской администрации с самого начала складывались в продуманную и зловещую стратегию. Словно читая в зеркале мрачные измышления американских стратегов о советской военной угрозе, глава КГБ предупреждал своих коллег, что «вашингтонская администрация пытается столкнуть развитие международных отношений на опасный путь наращивания угрозы войны» (27). В мае 1981 г. Андропов пригласил Брежнева на закрытую конференцию для высокопоставленных офицеров КГБ и в присутствии генсека рассказал удивленным слушателям о том, что Соединенные Штаты Америки готовятся к нанесению внезапного ядерного удара по СССР. Он объявил, что необходимо за счет совместных действий внешней разведки КГБ СССР и ГРУ Генштаба создать новую, более совершенную стратегическую систему раннего оповещения. Эти действия спецслужб по выявлению признаков подготовки Западом внезапного нападения на СССР получили название РЯН (ракетно-ядерное нападение). Специалисты из разведслужб отнеслись к инициативе скептически и полагали, что инициаторами этой нелепой идеи было военное начальство во главе с Устиновым. Однако это было не так: военные уже с 1970-х гг. не допускали возможности нанесения американцами внезапного первого ядерного удара. Маршал Сергей Ахромеев вспоминал позже, что он оценивал сложившуюся оперативную ситуацию как «сложную, но не критическую». На самом деле идея операции РЯН принадлежала лично Андропову. Бдительность главы КГБ приняла в данном случае почти невротические формы — ему мерещились план «Барбаросса» и ранние американские планы атомных бомбардировок СССР (28).

Андропов надеялся угрозой войны встряхнуть государственно-бюрократическую машину и все советское общество от спячки и застоя. Однако Брежнев был против радикальных шагов. Генсек не переставал твердить о разрядке и ждал, что рано или поздно наступит примирение с американцами. Многие в Политбюро с надеждой думали о том, что Рейган «опустится на землю» и начнет сотрудничать с СССР. Желая успокоить общественное мнение Запада, Брежнев

произнес в июне 1982 г. речь, в которой заявил, что СССР отказывается первым применить ядерное оружие. Вскоре после этого Устинов официально объявил о том, что Советский Союз «не рассчитывает на победу в ядерной войне» (29). Фактически это означало отказ от наступательной военной доктрины 1960-х гг.

10 ноября 1982 г. Леонид Ильич Брежнев скончался во сне. Почти тотчас Политбюро объявило о том, что новым советским руководителем будет 68-летний Юрий Владимирович Андропов. Впервые в Кремле обошлось без интриг и жестокой борьбы за власть, как это бывало в предыдущих случаях при наследовании высшего государственного поста. Такому исходу, скорее всего, способствовало напряжение нового пика холодной войны, но значение имела и твердая поддержка со стороны Устинова и Громыко. Трагедия Андропова заключалась в том, что к этому времени болезнь почек, которой он страдал много лет, перешла в окончательную стадию.

К Рейгану Андропов всегда относился с недоверием. Когда Рейган прислал Брежневу написанное от руки письмо с предложением провести переговоры о ядерном разоружении, то Андропов и остальные члены правящего триумvirата в Кремле отклонили это предложение, сочтя его грубой уловкой. Тем временем американско-советские отношения становились все хуже. 8 марта 1983 г. президент США провозгласил Советский Союз «империей зла». Тем самым он превзошел предыдущую администрацию по градусу своей риторики: Картер хотя бы не ставил публично под сомнение легитимность существования советского строя. 23 марта 1983 г. Рейган взорвал еще одну информационную бомбу, объявив о начале разработки Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Эта программа ставила задачу сделать ядерное оружие «устаревшим и ненужным». Советские военачальники и кремлевское руководство восприняли СОИ как угрозу нейтрализовать все советские МБР, чтобы СССР стал уязвимым для американского ядерного удара. Рейгановские речи об «империи зла» и СОИ еще больше усилили беспокойство Андропова, и без того обостренное лихорадочной активностью американских вооруженных сил и спецслужб по всему миру. В течение апреля — мая 1983 г. Тихоокеанский флот США проводил крупные учения, попутно отслеживая, насколько хорошо у советской стороны работает система наблюдения за акваторией Тихого океана, а также система раннего оповещения. Помимо прочего, американцы отрабатывали условные нападения на советские атомные подводные лодки с ядерными боеголовками на борту. Москва ответила целой серией крупных военных учений с участием армий стран Варшавского договора. В том числе впервые была проведена репетиция всеобщей мобилизации и взаимодействия обычных войск с войсками стратегического назначения.

Разумеется, все это создавало зловещий фон для проведения операции РЯН. Сотрудники и агенты КГБ и ГРУ за рубежом получили оперативное задание осуществлять постоянное слежение за «приготовлениями НАТО к ракетно-ядерному удару по СССР» (30).

Оценивая события того времени, некоторые ветераны администрации Рейгана считают, что именно оттуда берут начало последующие изменения в поведении Советского Союза. Сотрудник ЦРУ Роберт Гейтс заключил, что «СОИ действительно серьезно повлияла на политическое и военное руководство СССР», создав перспективу «новой, невероятно дорогостоящей гонки вооружений в той области, в которой СССР едва ли мог успешно состязаться с США». Гейтс уверен, что «идея СОИ» убедила «даже самых консервативных членов советского руководства в необходимости серьезных перемен в самом СССР» (31). На самом же деле реакция кремлевской верхушки на СОИ была куда неопределенней. У высших партийных и военных кругов Советского Союза не было предчувствия надвигающейся гибели. Экспертная группа из ученых и специалистов под руководством физика Евгения Велихова пришла к заключению, что инициатива Рейгана с СОИ, скорее всего, не требует принятия немедленных контрмер. Однако этим заключением спор о СОИ не завершился. Советские военные осознали, что данная программа со временем сможет стимулировать развитие новых военных технологий. Устинов проявил активный интерес к проблеме СОИ. Вместе с президентом Академии наук СССР Анатолием Александровым он начал составлять долгосрочный план работ в ответ на инициативу Рейгана. Внутри военно-промышленного комплекса и раньше находились люди, такие как академик Андрей (Герш) Будкер и конструктор ракетной техники Владимир Челомей, которые выдвигали идеи по созданию советской СОИ (32).

Рекламируя программу СОИ на обсуждении в конгрессе США, администрация Рейгана утверждала, что эта инициатива заставит Советы начать переговоры по ядерному разоружению на американских условиях. Однако на первых порах все вышло совсем иначе. Едва заняв свой новый кабинет, Андропов развернул в советской стране несколько кампаний: по борьбе с коррупцией, за восстановление трудовой дисциплины, а также за усиление патриотической бдительности. К тому же он сделал «последнее предупреждение» тем гражданам СССР, кто «осознанно или неосознанно служит рупором иностранных голосов, распространяя всякого рода небылицы и слухи» (33). Как это уже часто случалось в прошлом, жесткие меры по наведению порядка в стране, укреплению дисциплины на рабочих местах и усилению бдительности среди населения вызвали у ряда представителей партийной номенклатуры и большинства

народа широкую поддержку. Михаил Горбачев, который позже выразит свое неодобрение в адрес жестких мер Андропова, в 1983 г. их всецело поддержал. Военнослужащие, офицеры КГБ, а также многие члены дипломатического корпуса приветствовали «твердую руку» Андропова. Годы спустя довольно значительная часть населения России, может быть, даже и большинство, будет отзываться об Андропове уважительно и с ностальгией (34).

Ничто не могло переломить глубокое недоверие нового генсека к Рейгану, подкреплявшееся личными эмоциями — презрением, враждебностью и некоторым страхом. Анатолий Добрынин слышал, как Андропов отзывался о президенте США: «Надо быть бдительным, ибо от него всего можно ждать. Но одновременно не проходить мимо любых проявлений его готовности улучшать наши отношения». 11 июля 1983 г. президент США прислал Андропову собственноручно написанное письмо. Он заверил генерального секретаря в том, что правительство и народ Соединенных Штатов Америки выступают за «мирный курс» и «ликвидацию ядерной угрозы». В заключение Рейган написал: «Исторически так сложилось, что наши предшественники добивались большего прогресса, когда общались лично и откровенно. Если Вы пожелаете поучаствовать в таком общении, то я к вашим услугам». Добрынин полагал, что Андропов был заинтересован в активизации конфиденциального канала и диалоге с Рейганом. Но Александров-Агентов вспоминал, что подозрительный генсек скорее воспринял обращение Рейгана «как проявление лицемерия и желание запутать, сбить с толку руководство СССР». Андропов ответил вежливым официальным письмом, оставив предложение Рейгана о личной встрече без внимания (35).

Чем сильнее давили из Вашингтона, тем жестче была реакция Политбюро. Война нервов достигла своей наивысшей точки в связи с трагическим инцидентом, произошедшим 1 сентября 1983 г. во время рейсового полета самолета южнокорейской авиакомпанияи КАЛ. В этот день в закрытое воздушное пространство СССР над Курилами, где располагались военные объекты, вторгся сбившийся с курса пассажирский «Боинг-747» южнокорейской авиакомпании. Советские силы ПВО, ошибочно приняв гражданское судно за американский самолет-разведчик, уничтожили самолет вместе с его 269 пассажирами. Введенный в заблуждение Устиновым и военными, которые пообещали ему, что «все будет в порядке, никто никогда ничего не докажет», Андропов, уже находившийся в больнице из-за острой почечной недостаточности, согласился скрыть факт уничтожения самолета. Рейган и его госсекретарь Джордж Шульц были искренне потрясены человеческими жертвами и возмущены тем, что СССР лжет и уходит от ответственности. В то же время в ЦРУ, Пентагоне и аме-

риканских СМИ нашлось немало желающих набрать пропагандистские очки за счет «империи зла». Отказ СССР обнародовать правду о сбитом самолете давал им блестящую возможность разоблачить советские власти перед лицом всей мировой общественности, выставить их бессердечными убийцами невинных людей (36).

Вначале советский лидер хотел урегулировать конфликт через конфиденциальные каналы и сетовал на «колоссальную глупость ту-поголовых генералов», которые сбили гражданский самолет. Но раз-вернувшаяся во всем мире антисоветская истерия, организованная администрацией Рейгана, явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения Андропова. В это время он уже знал о своей близкой смерти. 29 сентября газета «Правда» опубликовала заявление главы СССР в связи с ухудшением советско-американских отношений. Андропов сообщил советскому народу, что администрация Рейгана взяла опасный курс на то, чтобы обеспечить Соединенным Штатам мировое господство. Он заявил, что инцидент с корейским самолетом — это «изошренная провокация американских спецслужб» и обвинил лично Рейгана в том, что он использует пропагандистские методы, недопустимые в межгосударственных отношениях. В заявлении была убийственная фраза: «Если у кого-то и были иллюзии насчет возможности эволюции в лучшую сторону нынешней американской администрации, то события последнего времени окончательно их развеяли. Ради достижения своих имперских целей она заходит так далеко, что нельзя не усомниться, существуют ли у Вашингтона вообще какие-то тормоза, чтобы не перейти черту, перед которой должен остановиться любой мыслящий человек» (37). Это было признанием со стороны Политбюро и Андропова глубочайшего кризиса в советско-американских отношениях — крупнейшего со времен Карибского кризиса.

События осени 1983 г., как нарочно, подкрепили мрачный вердикт Андропова. В конце сентября советские спутниковые системы слежения дали повторный сигнал о том, что имел место запуск массивной американской МБР. Тревога оказалась ложной, но напряжение в советском руководстве нарастало (38). В конце октября США высадили воздушный и морской десант на остров Гренада в Карибском море, где у власти находился революционный режим, дружественный Кубе. Предлогом для вторжения стал переворот на Гренаде, в ходе которого был убит один из революционных лидеров. Это был первый после Вьетнамской войны случай применения американских войск за рубежом, администрация изобразила все как миссию по спасению американских студентов-медиков, которые находились на острове. В ноябре вооруженные силы НАТО провели в Западной Европе крупные учения «Эйбл Арчер» («Меткий стрелок»), которые, согласно данным

советской разведки, почти полностью имитировали приготовления к нанесению ракетного удара. Кроме того, на американские военные базы в ФРГ стали прибывать первые ракеты «Першинг», несмотря на мощные антивоенные демонстрации и глубокие разногласия в западном обществе по поводу размещения этих ракет. 1 декабря Кремль направил повторные извещения правительствам государств, входящим в Организацию Варшавского договора. Советское руководство информировало союзников о решении развернуть атомные подводные лодки с ядерными ракетами вдоль побережья США в ответ на «растущую ядерную угрозу Советскому Союзу». Без таких мер, сообщалось в тексте, «авантюризм Вашингтона может привести к намерению нанести первый ядерный удар с целью «преобладания» в ограниченной ядерной войне. Нарушение военного баланса в их пользу может подтолкнуть правящие круги США к нанесению внезапного удара по социалистическим странам. Упоминалось и вторжение США на Гренаду как доказательство того, что американский империализм может «пойти на риск развязывания большой войны ради обеспечения своих корыстных классовых интересов» (39).

Риторика Кремля по форме и по содержанию начинала напоминать опасные формулировки середины 1960-х гг., до начала разрядки. Усталость и раздражение смертельно больного Андропова сквозили в тексте. В закрытом послании к лидерам стран Варшавского пакта утверждалось, что Вашингтон «объявил “крестовый поход” против социализма как общественной системы. Те, кто отдали приказ о размещении новых систем ядерного оружия на наших границах, оправдывают это безрассудное дело дальними практическими целями» (40). 23 ноября 1983 г., выполняя инструкции из Кремля, представители СССР покинули проходившие в Женеве переговоры по ограничению вооружений. В последнюю минуту дипломатам из МИД и специалистам из Генштаба удалось убедить членов Политбюро не хлопать дверью и оставить для СССР возможность вернуться в будущем за стол переговоров (41). 16 декабря, когда члены советской делегации на этих переговорах пришли в больницу навестить Андропова, тот сказал, что Советский Союз и Соединенные Штаты впервые после Карибского кризиса находятся на пути к прямому столкновению. Он пожаловался на то, что администрация Рейгана делает все, чтобы обескровить СССР в Афганистане и не дать советским войскам оттуда уйти. «Если мы начнем делать уступки, наше поражение неминуемо», — задумчиво и мрачно произнес умирающий генсек (42).

Тем временем к американскому президенту из ЦРУ поступали тревожные сигналы о том, что США своими действиями создали опасную напряженность в отношениях с СССР. К тому же на Западе ширилось антивоенное движение, и Рейган решил, что надо сделать

еще одну попытку начать переговоры с Советами. Уверенный в том, что Кремль разделяет его стремление избежать ядерной войны, он в январе 1984 г. произнес речь в духе примирения: предполагалось, что она станет «первым шагом к окончанию холодной войны». Госсекретарь Джордж Шульц, советники президента Роберт Макфарлейн, Джэк Мэтлок и другие члены команды Рейгана не разделяли экстремистских взглядов директора ЦРУ Кейси и главы Пентагона Уайнбергера, желавших использовать войну в Афганистане для подрыва советской системы. Умеренные в администрации, включая экспертов по СССР, считали, что Соединенным Штатам не следует оспаривать законность советского строя, равно как и добиваться над ним военного преимущества, а также оказывать давление на советскую систему с целью ее развала. Они выработали основу для будущих переговоров, состоящую из четырех частей: отказ от применения вооруженных сил в международных спорах, уважение прав человека, взаимный обмен информацией и идеями, а также сокращение вооружений (43). Однако руководство в Москве, ожесточенное прежними действиями США, продолжало считать, что администрация Рейгана является заложницей тех сил, что «жаждут крови» Советского Союза и стремятся к окончательной победе над ним. Советские руководители не заметили перемен в Белом доме. В том же сентябре 1984 г., когда Громыко впервые после инцидента с корейским авиалайнером собрался встретиться с Рейганом, он сказал своим помощникам: «Рейган и его команда взяли курс на развал социалистического лагеря. Фашизм поднимает голову в Америке» (44).

Глава внешнеполитического ведомства СССР, видимо, полагал, что советско-американские отношения скатились до самого низкого уровня с начала 1950-х гг. Тем не менее он был убежден, что в государственных интересах вести диалог с американским руководителем необходимо. Добрынин пришел к заключению, что «воздействие жесткой силовой политики Рейгана на внутренние дебаты в Кремле и на эволюцию советского руководства дало эффект, прямо противоположный тому, на который рассчитывали в Вашингтоне. Американская жесткость привела к усилению тех сил в Политбюро, Центральном комитете и в силовых ведомствах, которые мыслили в таких же категориях жесткого силового давления» (45). Автор этой книги, работавший в то время младшим научным сотрудником Института США и Канады в Москве, имел возможность наблюдать, какую серьезную озабоченность у экспертов-американистов вызвало заявление Андропова, фактически отвергавшее возможность договориться с администрацией Рейгана. Вместе с тем американская официальная риторика в духе антисоветского «крестового похода» раздражала даже тех, кто обычно ратовал за улучшение американо-советских от-

ношений. Впервые за многие годы в стране поползли слухи о большой войне. Люди, особенно в провинции, опять, как и до наступления разрядки, начали задавать лекторам из Москвы тревожные вопросы: «Будет ли война с Америкой? Когда она наступит?» (46).

Во взглядах Андропова на советско-американские отношения мрачный реализм сопрягался с глубоким пессимизмом, что, скорее всего, объясняется его карьерой при Сталине и многолетней работой в КГБ. Но эти взгляды резонировали с настроениями многих советских людей и влияли на внешнюю политику. Неизвестно, куда бы завел «курс» Андропова, если бы он прожил подольше. Но большой генсек умер 9 февраля 1984 г. Его преемником стал 73-летний Константин Устинович Черненко, опытный аппаратчик из ближайшего окружения Брежнева. Черненко был тоже безнадежно болен: страдал от жесточайшей астмы и спасался транквилизаторами. Первое же его появление на телеэкране не оставило ни у кого сомнений, что он останется на своем посту недолго. В период пребывания Черненко в должности генсека Устинов и Громыко сохранили за собой монопольные позиции по вопросам безопасности и международной политики. Старееющее Политбюро уже не скрывало ностальгии по сталинским временам и даже нашло время, чтобы обсудить и одобрить вопрос о восстановлении Молотова в КПСС. При этом Устинов нещадно ругал Хрущева за развенчание Сталина, считая, что все беды СССР с международным коммунистическим движением произошли именно из-за этого. Он даже предлагал переименовать город Волгоград снова в Сталинград. К своему сожалению, лидеры Кремля не могли вернуть то время, когда они были молоды и полны сил и когда Советский Союз казался неприступной твердыней, а советский народ был готов бесконечно жертвовать собой, преодолевая жизненные тяготы (47).

В Генштабе не было единодушного мнения по поводу адекватного ответа на стратегическую оборонную инициативу Рейгана. Часть генералитета считала, что для сохранения военного паритета с США необходимо увеличить военный бюджет. По официальным оценкам, прямые военные расходы, включавшие в себя стоимость содержания армии и вооружений, уже достигли 61 млрд рублей и составляли 8 % ВВП и 16,5 % бюджета государства. Однако, если верить Брежневу, общие расходы на оборону, включая не прямые траты, были в 2,5 раза больше, достигая 40 % от бюджета. Это была большая доля, чем в 1940 г., а ведь тогда Советский Союз из всех сил готовился к большой войне. Несложные вычисления показывают, что при неизменном ВВП любое резкое повышение издержек на оборону неминуемо влекло за собой столь же резкое снижение уровня жизни населения. Это означало нарушение властью негласного социального пакта, заключенного с народом, — принципа «живи и давай жить другим» (48).

В доступных советских архивных документах нет ничего о дискуссиях в Политбюро по вопросу о военных расходах. Однако известно, что начальник Генерального штаба СССР маршал Николай Огарков предпринял было попытку обсудить этот вопрос на заседании Совета обороны. Он критиковал военно-промышленный комплекс, которым руководил Устинов, за неповоротливость. По мнению маршала, ВПК занимается неэффективными и слишком дорогостоящими гигантскими проектами, а стремление «оборонки» поспеть за США в гонке вооружений самоубийственно. Вместо ответа на критику Устинов отправил Огаркова в отставку, тем более что неуступчивый маршал долгие годы был бельмом на глазу у министра обороны. По непроверенным данным, в Кремле кое-кто даже предлагал перейти на 6-дневную рабочую неделю и создать специальный «оборонный фонд», чтобы получить дополнительные средства на программу перевооружения. Но в итоге эти предложения были оставлены без внимания (49). Политбюро уже не могло отказаться от социальных уступок трудящимся, сделанных в хрущевско-брежневские времена. Возврат к старым мобилизационным методам был невозможен.

С 1940-х гг. в советском обществе произошли необратимые изменения. У руководства уже не было того огромного человеческого ресурса, который имелся в распоряжении Сталина до Второй мировой войны, — десятков миллионов молодых, необразованных рабочих, крестьян и партийных кадров, готовых за гроши и впроголодь «строить социализм». Среди элитной части советской образованной молодежи 1980-х гг. коммунистическая идея выродилась в ритуальное действо и повод для анекдотов. Молодыми людьми все больше владели другие интересы: неутоленная жажда потребительства и денег, прагматичное отношение к жизни, стремление к индивидуальному самовыражению и удовольствиям. В 1983 г. Андропов, опираясь на полицейские методы, начал кампанию «борьбы за трудовую дисциплину», включавшую борьбу с коррупцией и пьянством на производстве. Однако вскоре кампания выродилась в фарс и доказала свою полную неэффективность. Члены Политбюро тоже были не те, что их предшественники 40 лет назад: многие из них в силу преклонного возраста больше думали не о будущем советской державы, а о собственном здоровье, о том, как сократить себе объем работы и сохранить в дополнение к пенсии все привилегии, полагавшиеся высшей советской элите. Черненко, Владимир Щербицкий, Динмухамед Кунаев, Николай Тихонов и другие «старцы» упорно не желали уступать место молодым кадрам, которых Андропов набрал в Политбюро и Секретариат. Среди новых назначенцев выделялись Михаил Горбачев, Егор Лигачев и Николай Рыжков (50).

Члены «старой гвардии» в Политбюро еще были готовы сопротивляться переменам, но их время подошло к концу. Устинов умер 20 декабря 1984 г., а 10 марта 1985 г. скончался Черненко. Пока шла подготовка к третьим за 3 года похоронам главы партии и государства, за кремлевскими стенами активно решался вопрос, кто будет следующим генеральным секретарем. После закулисных согласований Андрей Громыко, последний оставшийся в живых член правящего триумvirата, предложил кандидатуру Михаила Сергеевича Горбачева, самого молодого члена Политбюро. Кандидатура была «единодушно» поддержана. Через несколько месяцев после своего избрания генсеком Горбачев отблагодарил Громыко, предложив ему пост председателя Президиума Верховного Совета СССР — церемониальную высшую государственную должность, которую с 1977 г. совмещали генеральные секретари ЦК КПСС. Так кончилась «эра Громыко» в МИД (51). Огромная власть, выскользнув из ослабевшей хватки сталинских назначенцев, оказалась в руках молодого, сравнительно неопытного руководителя. К несчастью для Горбачева, в наследство ему досталась не только власть над огромной державой, но и громадные завалы проблем, копившихся десятилетиями.

Новое лицо в Кремле

Многие западные обозреватели и ближайшие помощники нового генсека сравнивали Горбачева с Никитой Хрущевым. Действительно, у этих двух людей было много общего, несмотря на их принадлежность к разным поколениям, контраст в уровне образованности, манерах и вкусах. Оба вышли из крестьянских семей, оба желали перемен и видели себя реформаторами, у того и другого были безбрежный оптимизм и бьющая через край самоуверенность. Оба испытывали отвращение к темным страницам сталинского прошлого и верили в здравый смысл народа, коммунистическую систему и основополагающие принципы марксизма-ленинизма. И в том, и в другом руководителе была заложена склонность к новаторству. Они не боялись повести советский корабль по новым, неизведанным фарватерам (52). Вильям Таубман, американский автор наиболее полной биографии Хрущева, отмечает, что Горбачев считал брежневские годы временем застоя, когда реакция взяла верх над попытками Хрущева расстаться со сталинской системой. Горбачев считал, что его задача — довести до конца начатое Хрущевым (53).

Вместе с тем всеми чертами и свойствами своей личности Михаил Сергеевич Горбачев был полной противоположностью неукротимому Никите Сергеевичу. Он не был бойцом и борьбе предпочитал поиск консенсуса. Хрущев был невыдержан и импульсивен: если он видел

препятствие или проблему, то шел на них, как танк на вражеские окопы. Горбачев обычно затягивал принятие решения до бесконечности, много говорил и предпочитал плести сети бюрократических интриг (см. главу 10). Жизни Хрущева, как и его карьере, не раз угрожала смертельная опасность: во времена сталинских репрессий, в период Великой Отечественной войны или когда он возглавил заговор против Берии. Горбачев никогда не глядел смерти в лицо, если не считать несколько недель жизни под немецкой оккупацией в годы войны, когда он был ребенком. Верховную власть в стране он получил, как говорится, «на серебряном блюдечке». За него выступила «команда юниоров» из кандидатов в члены Политбюро, которую набрал Андропов и куда входили Лигачев, Рыжков и глава КГБ Виктор Чебриков. Военные также радостно приветствовали кандидатуру Горбачева. Его конкуренты — председатель Совета министров СССР Николай Тихонов, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов и первый секретарь Московского горкома КПСС Виктор Гришин — сразу и безропотно признали власть нового генсека. И никому не пришло в голову создавать коллективное руководство, чтобы присматривать за молодым и непроверенным лидером (54).

Эта на удивление легкая победа Горбачева подтвердила не только силу андроповских выдвиженцев, но всеобщее желание, даже в номенклатуре, омолодить власть в стране. Секретари региональных партийных организаций, партработники низшего звена, не говоря уже о рядовых коммунистах, искренне приветствовали приход Горбачева. После нескольких лет правления геронтократии все были рады появлению молодого и энергичного руководителя. Однако, несмотря на такую широкую поддержку, Горбачев занял выжидательную и осторожную позицию. На заседании Политбюро, после того как все его члены один за другим высказались за его избрание, Михаил Сергеевич заявил, что «нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика». И только месяц спустя, на апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС и во время поездки в Ленинград в мае того же года, которую транслировало телевидение, Горбачев наконец сказал то, что всем давно хотелось услышать: Советскому Союзу нужна «перестройка». Являясь синонимом запретного в СССР слова «реформа», на первых порах слово «перестройка» означало лишь перемены в управлении экономикой. Позже под этим словом будут подразумевать весь период правления Горбачева, хотя смысл и значение перемен менялось за этот период самым фантастическим образом. Крайне осторожные и обтекаемые, хотя и сказанные энергично и эмоционально высказывания молодого генсека выдавали отсутствие у него собственных рецептов оздоровления советской экономики и общественной жизни. Горбачев хотел улучшить существую-

ющую систему, но не имел представления, как это сделать. Развернутой программы по выходу из экономического кризиса, даже чего-то вроде «Нового курса» Франклина Рузвельта, у него не было. Тем не менее он понимал, что его задача — спасти социализм от стагнации и неминуемого кризиса. В своих мемуарах Горбачев написал о своих первых шагах на посту генсека, чуть ли не оправдываясь: «Взявшись за решение исторической задачи обновления общества, реформаторы не могли, естественно, разом освободить свое сознание от прежних шор и оков. Мы, как, вероятно, все политические лидеры в переломные моменты истории, должны были вместе с народом пройти путь мучительных поисков» (55). Два года понадобится Горбачеву, чтобы «освободить свое сознание» и подготовить себя к радикальным реформам, необходимость в которых давно назрела.

Политика, которую Горбачев проводил в стране в течение первых двух лет пребывания на высшем государственном посту, мало чем отличалась от той программы, что наметил Андропов в краткий период своего правления. Еще при Андропове началось уголовное преследование коррумпированных партийных и хозяйственных деятелей и чиновников МВД, прежде всего тех, кто был связан с брежневским кланом. Новый генсек также был убежден, что если избавиться от кадрового балласта и привлечь молодых и энергичных руководителей, то советская система снова заработает. Началась перестановка кадров. Наиболее коррумпированные «брежневцы» были сняты со своих постов или отправлены на пенсию. За первые полтора года Горбачев на две трети обновил Политбюро, были смены 60 % секретарей обкомов и 40 % членов ЦК. В первые годы правления Горбачева устраивала централизованная плановая экономика, хотя о необходимости децентрализации многие говорили. Много лет спустя он объяснил, что вначале ему хотелось с помощью партийно-административных механизмов провести техническое перевооружение действующих предприятий и производств и, лишь осуществив к началу 1990-х гг. экономическую модернизацию, готовить условия для радикальной экономической реформы. Программа модернизации, таким образом, началась довольно осторожно. Она состояла из двух частей. Во-первых, программа предполагала почти вдвое увеличить капиталовложения в машиностроение для тяжелой промышленности, большей частью за счет дефицитного финансирования. Под оптимистическим лозунгом «ускорения» планировалось за пять лет увеличить темпы роста национального дохода на 20–22 %, промышленной продукции — на 21–24, сельского хозяйства — вдвое. Ставилась по-хрущевски безрассудная задача — к 2000 г. догнать Соединенные Штаты по уровню промышленного производства (56).

Во-вторых, предполагалось принять административные меры для борьбы с коррупцией, халатностью и нарушениями трудовой дисциплины. Особое внимание было уделено государственной антиалкогольной кампании. Горбачев вместе с другими партийными деятелями андроповского призыва полагал, что только резкое сокращение производства и продажи алкоголя спасет население страны от бытового пьянства и алкоголизма, ставшего настоящим бедствием для всего общества. Однако меры, предпринятые в ходе этой кампании, не принесли желаемого результата: потребление алкоголя населением не сократилось, так как вместо государственной продукции люди стали употреблять самогон и различные суррогаты. Идея «ускорения» также провалилась — сложившиеся отрасли промышленности были не способны к обновлению, не могли освоить громадные инвестиции. В результате сотни миллиардов рублей оказались «омертвленным капиталом», сгинули в черной дыре советского сельскохозяйственного комплекса. Программа модернизации, наряду с сокращением доходов от алкоголя, нанесла большой долгосрочный урон бюджету. Начал быстро расти финансовый дефицит — серьезная проблема, которая преследовала Советский Союз и Горбачева в последующие годы (57).

Горбачев вначале говорил, что внешнюю политику «менять не надо, она завоевала авторитет, требуется лишь значительно ее активизировать». Но вскоре генсек, чувствуя поддержку, начал менять советский внешнеполитический курс. Несмотря на ожесточение в отношении американцев в 1981–1983 гг., члены Политбюро и значительная часть советской номенклатуры не хотели дальнейшего обострения конфронтации с Западом. Они надеялись, что можно будет вернуться к политике разрядки. Ответственные лица из Генштаба, МИД, КГБ и военно-промышленного комплекса все яснее понимали, что поведение СССР также способствовало международной напряженности. Все больше людей говорили вслух, что требуют пересмотра решения о размещении ракет СС-20 в Восточной Европе и вводе войск в Афганистан. Таким образом, сохранился и даже вырос импульс в пользу того, чтобы возобновить прерванные переговоры с США и НАТО. Еще при жизни Черненко, в январе 1985 г., Андрей Громыко встретился в Вашингтоне с госсекретарем США Джорджем Шульцем и договорился о рамках переговоров по ограничению вооружений. В апреле 1985 г. Политбюро приняло решение о прекращении развертывания ракет СС-20 в Европе (58).

Горбачев наметил внешнюю политику как область, где можно и нужно добиться успехов прежде всего. В своих мемуарах он пишет, что давно понимал необходимость серьезных перемен во внешней политике СССР. Он приводит основной довод: «Кардинальные ре-

формы в экономике и политической системе были бы невозможны без соответствующих изменений во внешней политике, создания благоприятной международной среды. Для начала надо было хотя бы расчистить снежные заносы холодной войны, ослабить давление проблем, связанных с нашей вовлеченностью в конфликты в разных точках земного шара, с участием в изнурительной гонке вооружений» (59). Генеральный секретарь ЦК КПСС оставил текущие внутренние дела на усмотрение Егора Лигачева и Николая Рыжкова и дал понять, что будет лично заниматься определением внешнеполитического курса. Первый шаг Горбачева был направлен на устранение монополии Громыко в этой сфере. С предложением занять пост министра иностранных дел он обратился не к заместителям Громыко, Корниенко и Добрынину, а к первому секретарю компартии Грузии — Эдуарду Амвросиевичу Шеварднадзе. Грузинский руководитель в международных делах не разбирался, но пользовался доверием Горбачева еще с 1970-х гг. Уже в 1987 г. Горбачев и Шеварднадзе с горсткой преданных им помощников стали принимать практически все решения, касающиеся внешней политики (60).

Именно в дискуссиях о внешней политике Горбачев впервые заговорил о необходимости «нового мышления». Подобно «перестройке», это благозвучное выражение можно было интерпретировать сколь угодно широко. Почти все коллеги Горбачева по Политбюро и партийные руководители всех звеньев, привыкшие за прошедшие десятилетия к пустозвонству прежних идеологических кампаний, решили, что это опять риторика, в лучшем случае — красивый пропагандистский лозунг (61). Но они ошибались. Генеральный секретарь рассматривал внешнюю политику не просто как способ добиться передышки для проведения реформ у себя в стране, но и как средство, которое поможет этим переменам осуществиться. Ему хотелось открыть Советский Союз внешнему миру и тем самым преодолеть сталинское наследие, выражавшееся прежде всего в противостоянии странам Запада. Нужно было переворосить идеологические догмы, а если понадобится — от них отказаться. Вскоре «новое мышление» стало синонимом кардинальной переоценки всей официальной идеологии.

«Новое мышление» зародилось у Горбачева при чтении книг, которые он поглощал в немыслимом для члена брежневского Политбюро количестве. Он читал и западных авторов — политиков, историков и философов социалистического толка — эти книги переводились и издавались ограниченными тиражами специально для партийной номенклатуры. Горбачев также любил откровенные беседы с доверенными людьми из своего окружения, часто в неофициальной обстановке. В это окружение входили Раиса Максимовна, жена Горбачева,

Александр Яковлев, Валерий Болдин, Евгений Примаков и Эдуард Шеварднадзе. Раиса Максимовна была ключевой участницей бесед в узком кругу. Она была образованной и очень волевой женщиной, считала себя «шестидесятницей» и не собиралась мириться с ролью домохозяйки, подобно недалеким женам других членов Политбюро. Окончившая философский факультет МГУ в 1955 г., одновременно с мужем, Раиса Максимовна работала социологом в Ставропольской области. Бросались в глаза ее педантичность и стремление работать над собой, склонность к самообразованию. Она тяжело переживала отъезд из Москвы, стремилась остаться интеллектуалкой, следила за содержанием литературных журналов и старалась не пропускать культурных мероприятий. Когда Горбачев вошел в Секретариат ЦК КПСС и супруги переехали из Ставрополя в Москву, Раиса немедленно окунулась с головой в мир научных дискуссий, симпозиумов и конференций. Она возобновила контакты с друзьями, однокурсниками по МГУ и коллегами в Институте философии. В 1986 г. Горбачева стала патронессой Советского фонда культуры, созданного по инициативе академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Каждый вечер, зачастую после заседаний Политбюро или других важных встреч, Горбачев брал свою жену на прогулку, во время которой они обсуждали события, произошедшие за день, а также проговаривали друг другу новые идеи. «Он не способен принимать решения без ее совета», — сказал о Горбачеве один из советских дипломатов в доверительном разговоре с американским послом Джексом Мэтлоком (62).

Еще одной ключевой фигурой в узком кругу стал Александр Николаевич Яковлев — наиболее честолюбивый в интеллектуальном плане член команды Горбачева. Он воевал на фронте, был тяжело ранен. После войны получил историческое образование и быстро сделал партийную карьеру, работая по идеологической линии. В середине 1950-х гг. Яковлев продолжил учебу в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС, с 1958 по 1959 г. стажировался в Колумбийском университете в США, а позже возглавил отдел пропаганды ЦК КПСС, где организовывал антиамериканские кампании и контрпропаганду в советских СМИ. Но вместе с тем Яковлев неизменно противостоял попыткам реабилитации сталинизма и выступал против русского национализма, который получил все большее распространение в конце 1960-х гг. среди сотрудников аппарата ЦК. В результате одного из таких выступлений в 1972 г. Яковлев был снят с должности и направлен в Канаду послом. Там, находясь в «ссылке» вдали от родины, он начал думать о реформировании советской системы, склоняясь к рецептам европейской социал-демократии. Там же, в Канаде, он познакомился с Горбачевым и, не без его содействия, вернулся в Москву на место директора Института мировой

экономики и международных отношений. Придя к власти, Горбачев включил его в состав ЦК и сделал своим близким советником. Уже в конце 1985 г. Яковлев направил Горбачеву записку, где предложил покончить с однопартийной системой. В стране должен быть создан «Союз коммунистов», состоящий из двух партий, Социалистической и Народно-демократической. Всеобщие выборы — сверху до низу — должны производиться каждые 5 лет. На 10 лет избирается президент. Записка пестрела цитатами из Ленина. Но позднее Яковлев вспоминал, что записка позволила поставить вопрос об отказе от ленинско-сталинского классового подхода в восприятии мира, о постижении того факта, «что мы живем во взаимозависимом, противоречивом, но в конечном счете едином мире». Генсек еще не был готов к таким радикальным шагам, но слушал аргументы Яковлева с большим вниманием (63).

Горячую и немедленную поддержку получил Горбачев у немногочисленной группы «просвещенных» аппаратчиков — тех, кто пришел в партийный аппарат на волне реформаторских надежд в 1950-х — начале 1960-х гг. и называл себя «детьми XX съезда». Эта группа состояла из людей, работавших референтами Андропова и ставших директорами научно-исследовательских институтов. Среди них были также специалисты-международники из международного отдела ЦК КПСС (64). Некоторые из них писали речи для Брежнева, являясь его консультантами в годы разрядки. За последние годы брежневского правления эти люди изрядно разочаровались, но до конца не изверились в идеях «социализма с человеческим лицом». Наблюдая, как общество стагнирует и тонет в коррупции и двуличии, они еще надеялись, что процесс очищения системы от сталинского наследия, начатый в 1960-е гг., можно довести до конца. Среди этих людей были наиболее ранние и последовательные сторонники политики разрядки и сокращения вооружений. Георгий Арбатов, директор Института США и Канады АН СССР, сразу после прихода к власти Горбачева направил ему ворох записок с инициативами, которые, по его мнению, должны были вывести СССР из международного тупика, возникшего после вторжения в Афганистан. Арбатов предлагал немедленный вывод войск из Афганистана, одностороннее сокращение советских вооруженных сил в Европе и на границе с Китаем и даже возвращение Японии четырех Курильских островов, аннексированных Сталиным в 1945 г. (65).

Горбачев со скепсисом отнесся к предложениям академика и отправил его записки в архив. Но в январе 1986 г. он пригласил друга Арбатова, талантливого спичрайтера Анатолия Черняева, своим личным помощником по внешней политике. Черняев полностью разделял арбатовские идеи, а кроме того, высказывался за свободу эмигра-

ции из СССР и освобождение политзаключенных. В октябре 1985 г. генсек даровал советской интеллектуальной элите давно утраченную привилегию: встречаться с иностранцами, не испрашивая специального разрешения. Это был знаменательный шаг к разрыву с атмосферой ксенофобии и шпиономании, установившейся в СССР еще при Сталине (66). Генеральному секретарю хотелось видеть себя «просвещенным» правителем, окруженным интеллектуалами и свободомыслящими людьми.

Ядром горбачевского «нового мышления» стало убеждение в том, что необходимо отказаться от большевистского, сталинского, биполярного восприятия мира как противостояния двух систем. Отсюда следовал вывод о том, что следует отказаться от силовой политики великих держав и вместо этого признать, что безопасность Советского Союза неотделима и в некоторой степени совместима с интересами безопасности капиталистических стран, в том числе и Соединенных Штатов Америки. Горбачев понимал, что прежде всего нужно обуздать гонку ядерных вооружений. Сама возможность применения громадной военной силы внушала ему беспокойство, особенно если речь шла о ядерном оружии. Неприязненное отношение к силе и насилию формировалось у него с детства. Горбачев родился на земле кубанских казаков, переживших трагедии Гражданской войны, раскулачивания и сталинских репрессий. Затем пришла война, немецкая оккупация. Горбачев считал, что принадлежит, выражаясь его собственными словами, к поколению детей войны. «Врагу сдавали город за городом, появились в наших краях эвакуированные. Мы, мальчишки, лихо распевавшие перед войной песни тех лет, с энтузиазмом повторявшие: “чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим”, надеялись, верили, что вот-вот фашисты получат по зубам. Но к осени враг оказался у Москвы и под Ростовом». Михаил еще ребенком понял, какой ценой досталась народу победа. «Война стала страшной трагедией для всей страны. Поручено было все, что с таким трудом создавалось. Поручена семья — дети остались без отцов, жены — без мужей, девушки — без женихов» (67). Как выпускник юридического факультета МГУ Горбачев был освобожден от службы в армии. Университетские годы приоткрыли его сознание для вольнодумных мнений и идей, расходившихся с официальной милитаристской пропагандой.

В отличие от таких руководителей, как Сталин, Хрущев или Брежнев, которые курировали вооруженные силы и военно-промышленный комплекс и уделяли приоритетное внимание и ресурсы его нуждам, Горбачев столкнулся с военными и «оборонкой» лишь когда стал генеральным секретарем ЦК КПСС (68). В соответствии с традицией, установленной Сталиным и Хрущевым, руководитель пар-

тии должен был также руководить Советом обороны. Олег Бакланов, в то время руководивший рядом программ по ракетно-космической технике, вспоминал, что Горбачев даже в 1987 г., через два года после вступления в должности, относился к военным программам и их обсуждению безо всякого интереса и понимания (69). Как-то в беседе с одним из русских физиков-ядерщиков Горбачев признался, что испытал что-то вроде морального шока, когда осознал, что ответственность за использование ядерного оружия лежит на нем лично. Он также рассказал, что ознакомился с докладом ученых о «ядерной зиме», в котором прогнозируется уничтожение жизни на всей планете в результате массированного использования ядерного оружия. По его словам, однажды он принял участие в военных учениях, во время которых моделировались действия советской стороны в ответ на ядерное нападение противника. Его попросили отдать команду о нанесении ответного удара. Он категорически отказался делать это, «даже в учебных целях» (70).

Горбачев и сторонники «нового мышления» не сразу поняли, как им действовать в жестокой реальности американско-советской конфронтации. Что предпринять, чтобы затормозить маховик холодной войны внутри собственного госаппарата и тем более за океаном? Министр обороны Каспар Уайнбергер, директор ЦРУ Уильям Кейси и сотрудники Белого дома были настроены вести «крестовый поход» против советского коммунизма до победного конца (71). Тем не менее сам Рейган, которому не терпелось встретиться с новым советским руководителем, готовился к переговорам. В этом ему помогали госсекретарь Джордж Шульц и аппарат Совета национальной безопасности, который возглавлял помощник президента Роберт Макфарлейн. К сожалению, ни Горбачев, ни его непосредственное окружение не имели представления о мирных намерениях Рейгана (72).

Разглагольствования Рейгана о советской экспансии в третьем мире, в то время когда американцы стремились присутствовать всюду, раздражали приверженцев «нового мышления». Вашингтон настаивал на одностороннем выводе советских войск из Афганистана, Анголы, Эфиопии и других горячих точек, при этом препятствуя любым попыткам поставить вопрос о поддержке США военных формирований, запятнавших себя кровавыми делами в странах Центральной Америки. В Кремле справедливо считали, что верхушка американского руководства больше заинтересована в том, чтобы «обескровить» советские войска в Афганистане, чем в переговорах, которые могли бы обеспечить вывод советских войск из этой страны. Поэтому Горбачев решил избегать каких-либо действий за пределами страны, которые можно было расценить как сдачу позиций или уступки со стороны СССР. Несмотря на многочисленные просьбы солдатских матерей и

советы ближнего окружения, советский руководитель решил повременить с выводом войск из Афганистана. Весной 1985 г. он записал в свой рабочий блокнот: «Необходимо поэтапное урегулирование конфликта; провести беседу с афганским руководством (Бабрак Кармаль) о расширении базы режима; переговорить с [маршалами] Соколовым и Ахромеевым по военным аспектам проблемы. Очень важно: полная сдача позиций недопустима». В 1985–1986 гг. вооруженные части советской армии значительно усилили военные операции против моджахедов. Не справлявшийся с ролью лидера Афганистана Бабрак Кармаль был заменен на более сильную личность — Мухаммеда Наджибуллу, на тот момент начальника афганской службы безопасности. Позже у Горбачева возникнет немало проблем из-за задержки с выводом войск из Афганистана, как, впрочем, и из-за топорно проведенной антиалкогольной кампании, а также задержки назревших экономических и финансовых реформ (73).

Первые смелые инициативы Горбачева относятся к области ограничения вооружений. К лету 1985 г. он уже вступил в переписку с Рейганом, в которой прозвучал главный вопрос: как уменьшить угрозу ядерной войны и обуздать гонку ядерных вооружений. Горбачев отказался от практики, установившейся еще с 1977 г., в соответствии с которой любая встреча между руководителями сверхдержав должна быть привязана к подписанию каких-либо важных документов. Советники Рейгана в большинстве своем не поддерживали идею о встрече с молодым и энергичным генсеком. Однако президент США, который с 1983 г. ждал возможности лично и начистоту объясниться с советским руководством, настоял на встрече с Горбачевым в Женеве в ноябре 1985 г. В ходе подготовки к этой встрече лидеры двух стран восстановили работу конфиденциального канала между Вашингтоном и Москвой и стали интенсивно обмениваться личными посланиями. На первый порох Горбачев отверг предложение американцев вести переговоры по четырем параметрам, в частности по правам человека и Афганистану. Генсек предложил сосредоточить внимание на вопросе о сокращении ядерных вооружений. Он дал понять Рейгану, что СССР рассматривает программу Стратегической оборонной инициативы как угрозу балансу сил между сверхдержавами. Несмотря на то что СОИ не представляла немедленной угрозы, эта программа давала толчок новому витку гонки вооружений, опасному и дорогостоящему. Горбачев полагал, что программа «звездных войн» (СОИ) «уже на нынешней стадии серьезным образом подрывает стабильность. Мы настоятельно советуем Вам свернуть, пока дело не зашло слишком далеко, эту резко дестабилизирующую и опасную программу. Если положение в этой области не будет скорректировано, то у нас не останется иного выхода, как принять меры, требуемые на-

шей и наших союзников безопасностью». Накануне саммита в Женеве Горбачев написал Рейгану, что «предотвращение ядерной войны, снятие военной угрозы есть наш взаимный, причем доминирующий интерес». Он убеждал американского президента согласиться на «демилитаризацию космоса». «Как представляется, мы вполне могли бы достичь четкого взаимопонимания о недопустимости ядерной войны, о том, что в ней не может быть победителей». А чтобы не быть голословным, в августе 1985 г. Горбачев объявил односторонний мораторий СССР на проведение подземных ядерных испытаний (74).

Заявленный Горбачевым внешнеполитический курс удивительно напоминал миролюбивые цели Брежнева с начала 1970-х гг. Это отражают и предписания, одобренные на заседании Политбюро перед встречей в верхах. В них слово в слово повторялись все привычные фразы периода разрядки, при этом вновь подтверждалось стремление СССР играть важную геополитическую роль в странах третьего мира. Специалисты, готовившие эти предписания для утверждения на Политбюро, предвидели, что американская сторона не согласится с таким подходом к конфликтам в странах третьего мира, и оказались правы. Кроме того, они предупреждали, что «на запрет космических вооружений Рейган, конечно, не пойдет» (75).

Советские дипломаты и военные, внимательно наблюдавшие за дебютом Горбачева на ристалище в Женеве, остались довольны. При всем внешнем обаянии советский руководитель проявил себя жестким переговорщиком. Как и ожидалось, лидеры двух стран согласились лишь в одном: «в ядерной войне не будет победителей и допустить ее нельзя ни в коем случае». В Москве все пришли к единодушному мнению: с нынешней администрацией вряд ли можно достичь крупных результатов. Выступая перед членами Политбюро и партийными руководителями, Горбачев критиковал Рейгана за «примитивность, пещерные взгляды и интеллектуальную немощь». Он считал, что американский президент является пешкой в руках представителей военно-промышленного комплекса, и обещал укрепить обороноспособность СССР. Однако внутренне генсек был обескуражен, обнаружив, что Рейган искренне верит в то, что говорит. Он был раздосадован также тем, что ему не удалось убедить Рейгана отказаться от СОИ. Руководитель СССР пытался догадаться и понять, что движет Рейганом. В мемуарах он воспроизводит свои раздумья после саммита: «Странные впечатления вызывали у меня адвокатские доводы в пользу космической стратегической инициативы. Что это: полет фантазии, прием, имеющий целью сделать СССР сговорчивым на переговорах, или все-таки не слишком ловкая попытка успокоить нас, а самым довести до конца безумную идею — создать щит, позволяющий безбоязненно нанести первый удар» (76).

Под впечатлением от встречи в Женеве советский лидер принялся искать новые идеи и подходы, которые могли бы разорвать порочный круг американо-советского соперничества. В отличие от Брежнева, который в схожих обстоятельствах ждал инициатив с американской стороны, Горбачев решил сам пойти в «мирное наступление» и увлечь президента США темой ядерного разоружения. В канун нового, 1986 г. он встретился с советскими военными и дипломатами, принимавшими участие в переговорном процессе, и потребовал от них свежих идей и подходов к решению этой задачи. На основе их предложений Горбачев объявил о программе всеобщего и полного ядерного разоружения к 2000 г. Администрация Рейгана не придала значения этой программе, сочтя ее пропагандистской уловкой. Однако на самом деле в ней отразилась глубокая приверженность Горбачева идее ядерного разоружения. А всеобщий, демонстративно утопичный характер этой инициативы лишний раз свидетельствовал о том, что Горбачев был по природе оптимистом и верил в силу больших идей. Анатолий Черняев вспоминает, что Горбачев и его окружение считали, как и при Брежневе, что «можно снять угрозу войны, ограничившись проблематикой разоружения» (77).

Горбачев стал готовиться к очередному, XVII съезду КПСС, который должен был пройти в феврале — марте 1986 г., при всей своей ритуальности это мероприятие по-прежнему имело чрезвычайно важное внутривластическое значение. Уединившись на черноморской госдаче, генсек совместно с Яковлевым и Болдиным изучал предложения, поступившие от научно-исследовательских институтов, и обсуждал проект политического доклада съезду. Руководители до Горбачева никак не могли примирить прагматичное стремление к разрядке со своим биполярным, идеологическим мировоззрением. Горбачев, однако, уже не считал мир расколотым: вместо привычной формулировки о существовании «двух лагерей» — социализма и империализма — он выдвинул идею о взаимосвязанности, взаимозависимости, целостности мира. Он вспоминал позднее, что это теоретическое новшество «оказало громадное воздействие на нашу собственную и мировую политику». В проекте доклада подчеркивалось: «Политика тотального противоборства, военной конфронтации не имеет будущего... Гонка вооружений, стремление к военному превосходству объективно не могут принести политического выигрыша никому». Делался вывод, что «задача обеспечения безопасности предстает как задача политическая и решить ее можно лишь политическими средствами» (78). В этом эпизоде еще раз проявилась склонность Горбачева к глобальным теоретическим новациям, причем не только применительно к внешней политике.

Когда Горбачев представил проект доклада своим коллегам по Политбюро для обсуждения, многие из них стали настаивать на включении в него старых идеологических постулатов. Борис Николаевич Пономарев, ветеран Коминтерна, более 30 лет возглавлявший международный отдел ЦК, в разговоре со своими сотрудниками сказал: «Какое “новое мышление”? У нас правильное мышление. Пусть американцы меняют свое мышление... А какие у вас претензии к нашей внешней политике: что мы космос освоили? Или что межконтинентальные ракеты создали? Вы что, против силы, с которой империализм только и будет считаться?!» (79). В окончательном варианте доклада на съезде Горбачев пошел на компромисс, разбавив новые подходы старым лексиконом в духе «пролетарского интернационализма». И все же, как отмечает американский исследователь Роберт Инглиш, из доклада были убраны идеологические догматы о том, что мирное сосуществование является формой классовой борьбы или что ядерная война, если она произойдет, приведет к победе социализма. От сталинской доктрины о «двух лагерях», ставшей главным послевоенным воплощением советской революционно-имперской парадигмы, не осталось и следа (80).

Международники в партийном аппарате и МИД, а также консультанты из научно-исследовательских институтов сочли инициативу о ядерном разоружении и доклад Горбачева на съезде КПСС поворотным моментом во внешней политике СССР. Ведущий американский эксперт Рэймонд Гартхофф, оказавшийся в эти дни в Москве, был крайне удивлен, когда его старые знакомые из МИД и Института США и Канады согласились с тем, что у США есть законные интересы и некоторые из них могут, в принципе, совпадать с советскими интересами (81). Сразу же после партийного съезда генсек собрал своих помощников и предупредил их о том, чтобы они не считали советские инициативы просто способом набрать пропагандистские очки. «Мы, по сути, не получили ответа на мое обращение от 15 января по ядерному вооружению. Мы предложили ему [Рейгану] реальные вещи... Нечестная игра сейчас уже невозможна. Обмануть друг друга все равно уже не удастся». В той же беседе Горбачев подчеркнул, что «новое мышление» ставит СССР перед необходимостью признать национальные интересы США и найти компромиссы с американцами и их союзниками (82).

Однако в Вашингтоне не верили словам Горбачева. Даже умеренные в администрации Рейгана ждали от советских властей конкретных шагов в Афганистане и прогресса с соблюдением прав человека. Эти два критерия были главными для самого президента США. По ним он судил об истинных намерениях Москвы. Американцы проигнорировали односторонний советский мораторий на подземные

ядерные взрывы и объявили о новой серии ядерных испытаний. ЦРУ продолжало курс на поддержку исламистских формирований, воевавших против советских войск в Афганистане. «Война разведок» между США и СССР шла с все большим ожесточением. В марте 1986 г. два американских эсминца с провокационной целью нарушили советские территориальные воды и появились в шести милях от побережья Крыма, где как раз в это время отдыхал Горбачев. Подобные операции проходили и у берегов Ливии, союзника СССР, и завершились налетом американских самолетов на эту страну, когда американцы решили наказать Каддафи за поддержку международного терроризма (83). И, наконец, многие в окружении Рейгана считали, что СОИ позволит администрации убить одним ударом нескольких зайцев. Эта программа давала моральное прикрытие новым дорогостоящим программам вооружений. Она обеспечивала мощные государственные инвестиции в научно-технические исследования и в конечном счете в американскую экономику. «Ястребы» в администрации были твердо убеждены, что СОИ пугает Кремль и принудит его к отступлению по всем фронтам (84).

Горбачев отреагировал жесткой риторикой. Своим помощникам и спичрайтерам он сказал, что надо «основательно лягнуть американцев». На заседании Политбюро он высказался в адрес Рейгана и его команды эмоционально: «Дипломатические коррективы в отношении Соединенных Штатов Америки надо сделать. Вообще с этой бандой кашу не сварим. В мае Шеварднадзе не поедет в Вашингтон. Тем самым и встречу на высшем уровне подвешиваем» (85). Однако при внимательном изучении записей, сделанных на заседании Политбюро, и советских действий становится очевидным, что дальше резких слов Горбачев идти не собирался. Он не захотел платить американцам той же монетой и продолжал настаивать на сближении с Соединенными Штатами и остальным западным миром. «При всей противоречивости наших отношений реальность такова, что мы без них ничего не сделаем и они без нас ничего не сделают. Мы без Америки мир сохранить не сумеем. Это сильный наш ход: мы признаем их роль. Наш серьезный теоретический и политический анализ демонстрирует уважение к Соединенным Штатам». Горбачев сказал своим помощникам, что, даже если американцы и западноевропейцы так и будут ходить вокруг да около темы ядерного разоружения, Советскому Союзу все равно нужно двигаться вперед и продолжить «женевский процесс» в своих собственных интересах. Таким образом, концепция «нового мышления» побуждала Горбачева идти на разрядку независимо от того, что делала американская сторона и даже вопреки американским действиям. Генсек считал свой новый подход к проблемам мировой

безопасности подлинной «реальной политикой», которая «сильнее всякой пропаганды» (86).

Однако советский руководитель не переставал с тревогой думать о программе СОИ (87). Горбачев ознакомился с работой научно-исследовательских лабораторий и конструкторских бюро, обсуждал с ведущими учеными возможные «меры противодействия» американской программе. По просьбе Горбачева новый глава Совета министров СССР Николай Рыжков повторно рассмотрел выводы, представленные за три года до этого комиссией ученых под руководством Евгения Велихова. Комиссия рекомендовала «асимметричный ответ» СОИ, который, как считали ученые, будет стоить на порядок меньше, чем полномасштабная ответная программа (88). Сознавали генсек, что его неотвязные мысли о «звездных войнах» и коварстве Рейгана противоречат его идеалистическому оптимизму, сквозившему в его «новом мышлении» о проблемах мировой безопасности? Порой это осознание прорывалось в его разговоре в узком кругу. В конце марта 1986 г. на встрече с ближайшим окружением Горбачев стал размышлять вслух: «Может, перестать бояться СОИ? Конечно, не может быть безразличия к этой опасной программе. Но все-таки — избавиться от комплекса [боязни СОИ]. Ведь ставка делается как раз на то, что СССР боится СОИ — в моральном, экономическом, политическом, военном плане. Поэтому на нее и нажимают. Чтобы нас измотать» (89).

Без импульсов извне Горбачеву было трудно перешагнуть внутреннее сомнения и барьеры. Два драматических события помогли ему это сделать.

Чернобыль и Рейкьявик

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 г. в 1 час 23 минуты произошла авария на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС. В результате взрыва разрушился ядерный реактор и произошел мощный выброс радиоактивных веществ в атмосферу, по масштабам радиоактивного заражения в сотни раз превысивший атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Катастрофа на Украине, как гром среди ясного неба, заставила Горбачева и все советское руководство круто изменить свои представления о безопасности. Вначале почти вся партийная верхушка, а также руководители военно-промышленного комплекса по сложившейся советской практике пытались скрыть трагедию от народа и внешнего мира или на худой конец приуменьшить масштабы ее последствий. По сути, это была та же попытка «не выносить сор из избы», которая обернулась для Советского Союза громадными политическими потерями в 1983 г., когда был сбит корейский авиалайнер.

За рубежом быстро поднялся шум по поводу радиоактивного облака, которое скоро достигло Северной и Центральной Европы. Советские люди узнали о чрезвычайном происшествии из передач иностранных радиостанций. Панические слухи поползли по всему Советскому Союзу, дошли они и до Москвы. Началось массовое бегство людей из Киева и других украинских городов. Советские власти с опозданием на несколько дней начали эвакуировать десятки тысяч людей из зараженной местности. Только за десять лет после Чернобыльской аварии из-за лучевой болезни погибло около 8 тыс. человек. Более 435 тыс. человек потеряли здоровье, получив различные дозы радиации, и эта цифра продолжает расти (90).

Чернобыльская катастрофа на несколько месяцев приковала к себе все внимание членов Политбюро и высших военных чинов. Жуткая авария основательно встряхнула закосневшую бюрократическую систему и поставила под сомнение все представления советских милитаристов (91). Горбачев понимал, что из-за разразившегося международного скандала на карте оказалась его собственная политическая репутация за рубежом. Он негодовал по поводу неповоротливости советской бюрократической машины и выместил свой гнев на ВПК. Острые его яростной критики пришлось на «священную корову» военно-промышленной системы — ядерную программу. Героический и романтический облик этой программы безвозвратно померк в результате Чернобыля. Министр средмаша (Министерства среднего машиностроения, т. е. атомного министерства) Ефим Павлович Славский и президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров, отвечавшие за «мирный атом», были отправлены в отставку. Основная тяжесть ликвидации последствий аварии досталось военным. Целые воинские подразделения были брошены в Чернобыль и окрестные районы. Впервые войска участвовали в спасательной операции такого масштаба: надо было потушить пожар в энергоблоке, заглушить реактор, провести дезактивацию местности. Многие военные были потрясены увиденным. Для начальника Генштаба маршала Сергея Ахромеева Чернобыль стал самым трагическим событием со времен Великой Отечественной войны. Чернобыльская беда показала, что военная доктрина «победы» в ядерной войне — опасный даже в мирное время блеф. До военных наконец дошло, какой катастрофой может обернуться пусть даже ограниченная ядерная война в Европе, где расположено множество атомных электростанций. Ахромеев вспоминал, что после Чернобыля «ядерная угроза для нашего народа перестала быть абстрактной. Она стала осязаемой, конкретной» (92).

Для советского политического руководства Чернобыль стал событием не менее драматичным, чем Карибский кризис. «Одно дыхание только, и мы почувствовали, что такое ядерная война», — сказал Горбачев на заседании Политбюро. Под влиянием Чернобыля в умах

членов Политбюро произошел сдвиг, которого не могла добиться никакая американская политика давления на СССР. После аварии на АЭС для сторонников «нового мышления» стало очевидно, что надо отказываться от шпиономании, практики всеобщего засекречивания и что в ядерный век следует пересмотреть весь подход к международной безопасности. В течение года после Чернобыльской трагедии кардинальные перемены произошли в советской политике по вопросам ограничения ядерных вооружений, особенно по мерам контроля и доверия. Начала меняться советская военная доктрина. Чернобыль вынудил Политбюро разрешить «гласность» — возможность для СМИ сообщать и самостоятельно комментировать правдивую информацию. «Гласность» была первоначально направлена против ведомственной секретности, но она также означала и преодоление табу на публичное обсуждение запретных тем советской истории, культуры и экономики. Забрешил конец тоталитарной практике использования цензуры, лжи и замалчивания, господствовавшей в СССР начиная с прихода большевиков к власти. Через несколько недель после катастрофы Горбачев сказал своим коллегам: «Ни в коем случае мы не согласимся... скрывать истину. Мы несем ответственность и за оценку происшедшего, и за правильность выводов. Наша работа теперь на виду у всего народа и у всего мира. И думать, что мы можем ограничиться полумерами и ловчить, недопустимо. Нужна полная информация о произошедшем» (93).

Горбачев объявил членами Политбюро, что для прекращения гонки вооружений Советскому Союзу следует выйти с более смелыми инициативами по разоружению. В конце мая 1986 г., по инициативе Шеварднадзе, состоялась встреча главы партии с ответственными работниками МИД. Горбачев заявил дипломатам, что администрация Рейгана пытается подтолкнуть Советский Союз к изнурительной гонке вооружений. Внешняя политика, заключил он, должна облегчить бремя военных расходов, должна «сделать все, что в ее силах, чтобы ослабить тиски расходов на оборону». Горбачев рекомендовал дипломатам быть более инициативными и не превращать настойчивость в переговорах в «бессмысленное упрямство, когда бы о нас говорили: мистер НЕТ». Отмечая, что США по-прежнему являются «локомотивом милитаризма», генсек предлагал не сидеть в окопах холодной войны и не ждать, когда в Вашингтоне появится более покладистое руководство, а перейти в дипломатическое наступление, атаковать администрацию Рейгана мирными инициативами и влиять на американцев через их западноевропейских союзников (94).

Первым заметным изменением во внешней политике СССР после Чернобыля стал прорыв в вопросе ограничения и контроля обычных вооружений на Стокгольмской конференции ОБСЕ по мерам дове-

рия в Европе. Переговоры на этой конференции зашли в тупик буквально в день ее открытия в январе 1984 г., так как советская сторона отказывалась принимать предложение американцев о проведении инспекций на местах. Перспектива того, что НАТО будет инспектировать вооруженные силы и военные объекты на советской территории, приводила советский генералитет в ужас. Ведь тогда обнаружались бы все их приписки, все их головотяпство и бесхозяйственность, все те «потемкинские деревни», которые нередко подменяли реальные оборонные объекты. На одном из заседаний Политбюро маршал Ахромеев даже требовал отозвать руководителя советской делегации, ставя под сомнение его «советский патриотизм». Однако после Чернобыля аргументы генералов уже не имели силы. Более того, Политбюро поручило Ахромееву самому поехать в Стокгольм, чтобы объявить о том, что Советский Союз согласен принять западные условия об инспекциях на местах. Маршал повиновался, и вскоре договор о мерах доверия в Европе был подписан (95).

К этому времени генсек прочел и усвоил массу материалов по международным отношениям, в том числе документы международной комиссии по новым подходам к безопасности, созданной шведским социалистом Улофом Пальме и публикации западных социал-демократов на тему разоружения и невоенных гарантий безопасности. Он познакомился с манифестом Рассела — Эйнштейна 1955 г. и материалами конференций Пагуошского движения ученых против ядерной войны (96). Вооруженный новыми идеями, Горбачев обратился к западным социалистам, стоявшим у власти в некоторых странах НАТО, с предложением обсудить новую философию всеобщей безопасности. Президент Франции Франсуа Миттеран, премьер-министр Испании Фелипе Гонсалес и премьер-министр Канады Пьер Эллиот Трюдо благосклонно отнеслись к «новому мышлению» Горбачева. На встречах с советским лидером они выражали свою тревогу по поводу воинственных настроений в Вашингтоне. В разговоре с Миттераном в июле 1986 г. советский руководитель обрушился с критикой в адрес Рейгана и «тех сил, которые поставили Рейгана у власти», за то, что они продвигают программу СОИ и не желают понять общечеловеческие интересы безопасности на современном этапе. Миттеран согласился с тем, что, возможно, «военно-промышленный комплекс оказывает сильное давление на администрацию США». Вместе с тем, добавил он, «следует иметь в виду, что Рейган — человек своей среды, не лишенный здравого смысла и интуиции». Он призвал Горбачева не рассматривать политическую ситуацию в Соединенных Штатах как нечто застывшее: «Она вполне может измениться». Кроме того, он, заняв центристскую позицию между Советским Союзом и амери-

канцами, с пониманием отнесся к искренней обеспокоенности Горбачева по поводу международной безопасности (97).

Премьер-министр Великобритании, лидер консерваторов Маргарет Тэтчер взяла на себя роль неофициального посредника между Горбачевым и Рейганом. Несмотря на идеологическую пропасть, разделявшую Тэтчер и Горбачева, между двумя политиками возникли на редкость теплые отношения, взаимная симпатия. Тэтчер с самого начала с пониманием восприняла идею об оздоровлении международной обстановки и сокращении вооружений, которую выдвинул Горбачев, но категорически отвергла планы по созданию безъядерного мира, считая их опасной романтической утопией. Горбачев заявил, что Тэтчер, видимо, хочет ядерной войны. Два лидера заговорили на повышенных тонах, но в конце концов расстались, уверив друг друга в наилучших намерениях. Как выяснится позже, Тэтчер оказалась права: процесс ядерного разоружения, как она и предупреждала, натолкнулся на жесткие ограничители. И все же, по мнению Черняева, «если бы не напористость Горбачева, не его непримиримость в стремлении доказать всем, что ядерное оружие — абсолютное зло и на нем невозможно больше строить мировую политику, то... мы бы и до сих пор не имели того действительно исторического поворота в гонке вооружений, который все-таки состоялся» (98).

Другим неформальным посредником между Кремлем и Белым домом стал бывший президент США Ричард Никсон. Он по-прежнему был на хорошем счету у советских руководителей как один из творцов политики разрядки 1970-х гг. В июле 1986 г. Никсон сказал Горбачеву: «Вы правы: в администрации [Рейгана] есть люди, которые не хотят договоренностей с Советским Союзом. Им кажется, что если они смогут изолировать Советский Союз в дипломатическом отношении, прижать его экономически, добиться военного превосходства, то советский строй рухнет. Но этого, разумеется, не произойдет. На протяжении многих лет Рейган, как Вы знаете, считался сторонником группировки, разделяющей подобные взгляды. Теперь, однако, он таковым не является. Я знаю из бесед с ним, что во многом на постепенное, но несомненное изменение его взглядов повлияла встреча с Вами. На него произвели большое впечатление не только содержание Ваших бесед, но и Ваша личная приверженность делу мирных отношений между нашими странами... Он также считает, что у него сложились определенные личные отношения с Вами» (99).

После таких разговоров Горбачев с еще большим нетерпением искал возможности опробовать свое «новое мышление» в действии. Кроме того, его подстегивали неприятные известия об экономическом и финансовом положении в СССР. Горбачевский курс на «ускорение» экономики буксовал, лозунги о реформах в стране резко кон-

трастировали с вялостью и застоем, особенно в общественной жизни. Только за один месяц, прошедший после Чернобыльской аварии, на ликвидацию ее последствий ушло 3 млрд рублей. Эти непредвиденные расходы заставили Политбюро вновь и вновь обсуждать проблему финансового бремени, которое придется нести в том случае, если гонка вооружений с США продолжится. Вероятно, впервые после дебатов, которые велись во время польского кризиса 1980–1981 гг., стало ясно, что Советский Союз не справляется с непомерными затратами. Действительно, советские финансы были на пределе. В июле 1986 г. Горбачев признался, что из-за резкого падения цен на нефть бюджет страны недосчитался 9 млрд рублей, причем в твердой валюте. Кроме того, антиалкогольная кампания сократила бюджетные поступления на 15 млрд рублей. В СССР назревал внешнеторговый дефицит и валютный голод (100).

Однако к принятию болезненных мер, прежде всего реформы цен, которая могла помочь обуздать скрытую инфляцию, Горбачев был не готов. Он боялся вызвать недовольство масс населения, генсек еще продолжал надеяться на «ускорение» экономического роста, ждать отдачи от миллиардов, вложенных в машиностроение. На Политбюро он говорил: «То, что мы задумали в машиностроении, — это исторический поворот. Еще 15 лет назад мы поняли, что надо реконструировать машиностроение. И все завалили. Если мы и теперь сдюжим, допустим, никакой перестройки не будет... На Западе смотрят и ждут, чтобы мы захлебнулись. И мы либо войдем с этим в историю, либо выйдем из нее». С помощью Лигачева в Секретариате ЦК генсек продолжал замену партийных кадров в надежде вдохнуть новую жизнь в партийно-административную систему и с ее помощью реанимировать экономику (101). А еще Горбачев возлагал все большие надежды на снижение международной напряженности, которое могло бы принести облегчение перенапряженному бюджету — «мирные дивиденды» за счет уменьшения военных расходов, получения западных кредитов и помощи западных компаний в реконструкции советской промышленности.

Между тем отношения между СССР и США не располагали к оптимизму. В 1986 г. они практически вылились в войну советских и американских спецслужб, и в этой незримой борьбе обе стороны несли большие потери. КГБ получил от сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса информацию о деятельности американских шпионов в Советском Союзе. С санкции Горбачева все они были арестованы и после закрытого следствия и суда расстреляны или направлены в лагеря. В это же самое время в Америке были выявлены и взяты под арест советские агенты, много лет работавшие в ФБР и Агентстве национальной безопасности. В конце августа война разведок привела к

громкому международному скандалу: сотрудники ФБР арестовали сотрудника КГБ Геннадия Захарова, работавшего под дипломатическим прикрытием в Секретариате ООН. В отместку контрразведка КГБ арестовала и обвинила в шпионаже корреспондента журнала U. S. News and World Report Николаса Данилоффа (102). Новая волна антисоветской пропаганды, умело направляемая администрацией Рейгана, захлестнула американские средства массовой информации. Казалось, что отношения между США и СССР опять возвращаются на уровень осени 1983 г., когда был сбит корейский авиалайнер.

Несмотря на все это, а может быть, именно по этой причине Горбачев готовился к дипломатическому прорыву. В начале сентября, в самый разгар «дела» Захарова и Данилоффа, генсек написал письмо Рейгану с предложением не дожидаться очередного официального саммита в Вашингтоне, а «в самое ближайшее время, отложив все дела, встретиться один на один, накоротке, например в Исландии или в Лондоне, может быть, всего на один день». Чтобы вывести Рейгана из-под влияния его правого окружения, Горбачев предложил узкий формат «для совершенно конфиденциального, закрытого откровенного разговора (возможно, только в присутствии наших министров иностранных дел)». Результатом этого разговора, писал советский лидер, «были бы указания нашим соответствующим ведомствам подготовить по совершенно конкретным двум-трем вопросам проекты соглашений, которые мы бы могли с Вами подписать во время моего визита в Соединенные Штаты» (103).

Позже Маргарет Тэтчер и советники президента США говорили, что Горбачев заманил Рейгана в ловушку. Горбачев вовсе не собирался обсуждать «два-три узких вопроса», он собирался представить президенту проект соглашения о радикальном сокращении ядерных вооружений, включавший принципиально новые предложения. И все же советский лидер не намеревался устраивать Рейгану засаду для получения односторонних выгод. В ходе подготовки к встрече с президентом США он дал указание Генеральному штабу отказаться от наступательной идеи совершить марш-бросок на Ла-Манш в два-три дня и выработать новую военную доктрину, основанную на принципе «стратегической достаточности» и оборонительном подходе к безопасности (104). Кроме того, он сообщил военным, что хотел бы принять предложение Рейгана о ликвидации всех советских и американских ракет средней дальности в европейской зоне («нулевой вариант»). Наконец, он сказал о необходимости включить в советский пакет предложений пункт о 50 %-ом сокращении стратегических наступательных вооружений как по носителям, так и по боеголовкам — главным составляющим ядерного арсенала СССР (105). В результате всех этих приготовлений встреча в Рейкьявике оказалась самым дра-

матическим событием в дипломатических отношениях сверхдержав на заключительном этапе холодной войны.

Советские предложения были основаны на идее, заложенной в концепции «стратегической достаточности», которая уже давно обсуждалась среди международников в московских академических институтах и между участниками переговоров по контролю над вооружениями. Согласно этой концепции, достижение численного паритета в области стратегических вооружений не имело существенного значения. Разумеется, никто, кроме Горбачева, не мог осмелиться выставить эти предложения на стол переговоров, не опасаясь грозных окриков из Министерства обороны и Генерального штаба и обвинений в предательстве государственных интересов. Но и Горбачеву пришлось обосновывать эти идеи как прагматическую необходимость. На заседании Политбюро в начале октября 1986 г. он доказывал, что СССР ничего не добьется от Рейгана, если будет только реагировать ударом на удар: «Чтобы качнуть Рейгана, мы ему должны что-то дать... Все мы должны понимать: если наши предложения будут вести к ослаблению безопасности США, ничего у нас не выйдет. Никогда американцы на это не пойдут... Наша цель — сорвать следующий этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем... мы будем втянуты в непосильную гонку, и мы ее проиграем, ибо мы на пределе возможностей. Тем более что можно ожидать, что очень скоро может подключиться к американскому потенциалу Япония, ФРГ» (106).

И снова СОИ стало камнем преткновения для горбачевского «нового мышления». Британский политолог Арчи Браун считает, что в тот момент Горбачев уже не столько беспокоился по поводу потенциальной опасности программы СОИ, сколько решил воспользоваться этой темой как предлогом, чтобы ратовать «за такие нововведения в политике, которые помогли бы выйти двум странам из тупика и разорвать замкнутый круг гонки вооружений» (107). Однако источники свидетельствуют об обратном: программа Рейгана вызывала у советского лидера неподдельную серьезную озабоченность. Он по-прежнему не мог понять, являются намерения Рейгана агрессивными или же нет. Как и перед саммитом в Женеве, инструкции Политбюро перед встречей в Рейкьявике несли печать компромисса между новыми идеологическими подходами Горбачева и его традиционными опасениями за безопасность СССР. И не военное руководство, как следовало бы ожидать, а именно Горбачев прочно увязывал любое положение в соглашении по сокращению стратегических вооружений с единственным условием: Рейган должен похоронить идею о СОИ и подтвердить приверженность США Договору по ПРО, подписанному в 1972 г. Беседуя в процессе подготовки к Рейкьявику с небольшой группой помощников и совет-

ников, Горбачев убеждал их в необходимости сбить Рейгана с его позиции по СОИ. Он был заранее готов на неуспех встречи, если Рейган ответит отказом. «Если провал, тогда мы можем сказать: вот на что мы готовы были пойти!» (108).

Встреча лидеров двух стран в Рейкьявике началась с дружеской беседы с глазу на глаз (109). Президент США стал излагать повестку дня, состоявшую из четырех пунктов, в которой решение вопроса о разоружении привязывалось к изменению политики СССР в странах третьего мира и области соблюдения прав человека. Горбачев заверил Рейгана, что он «за такое решение проблемы, которое давало бы в конечном итоге полную ликвидацию ядерного оружия и обеспечивало бы на всех этапах движения к этой цели равенство и равную безопасность США и Советского Союза». Он также сказал, что пойдет «на столько далеко в вопросах контроля, насколько это будет обеспечивать нам уверенность в выполнении обязательств по соглашениям». Вместе с тем советский лидер ясно дал понять, что дата встречи на высшем уровне в Вашингтоне должна быть увязана с достижением договоренностей о сокращении вооружений — это уже был ход, аналогичный давлению, которое советская сторона применяла в отношениях с Никсоном и Картером (110).

Но затем переговоры начали развиваться так, что ветеранам многолетнего противостояния США и СССР, присутствовавшим на встрече в Рейкьявике, казалось, что они попали в область фантастики. Рейган и Горбачев, похоже, договорились по большему числу вопросов в области разоружения, чем все их предшественники, вместе взятые. По мнению американских экспертов, Горбачев за один день сделал больше уступок американской стороне, чем США получили от Советского Союза за предыдущие 25 лет. Госсекретарь Джордж Шульц отреагировал на это немногословно: «Вот и хорошо, пусть продолжает в том же духе. Его предложения — это результат пятилетнего давления с нашей стороны» (111). Однако другие члены администрации президента США, усматривавшие во всех советских действиях подвох и хитрость, встревожились. Сам же Рейган увидел, что появилась возможность исполнить то, что он считал миссией всей своей жизни — предотвратить ядерный Армагеддон. Без каких-либо консультаций с Пентагоном или американскими союзниками он выложил на стол переговоров предложение о полной ликвидации баллистических ракет к исходу 10-летнего периода (т. е. к 1996 г.), а затем — предложение о ликвидации всего ядерного оружия. Горбачев был согласен с такой постановкой вопроса, но настаивал на запрещении любых испытаний элементов противоракетной обороны в космосе. Перед встречей с Горбачевым Рейган советовался на эту тему с министром обороны Каспаром Уайнбергером, и этот «ястреб» убе-

дил президента в том, что если программа СОИ ограничится лишь проведением исследований и испытаний в лабораториях, то конгресс США ее «угробит», просто не выделит средств на ее осуществление. Рейган попросил Горбачева изменить свою точку зрения, сделав ему «личное одолжение», и разрешить испытания в космосе. Такая уступка по СОИ, сказал он генсеку, могла бы оказать «огромное влияние на наши будущие отношения». Горбачев тем не менее стоял на своем: либо полный отказ от СОИ, включая промежуточный период лабораторных испытаний, либо ничего (112).

Саммит провалился, и заметно расстроенным руководителям двух держав, генеральному секретарю ЦК КПСС и президенту США, пришлось возвращаться с пустыми руками домой и отвечать за провал. Горбачев, как и планировал, дал пресс-конференцию мировой прессе, рассказав о том, на что был готов пойти СССР, если бы не упрямство Рейгана. Сегодня стало очевидным, что даже четверть века спустя идея Рейгана создать противоракетный щит осталась несбыточной затеей. Ничего из того, что хотели США и чего так опасался Горбачев, не было реализовано, несмотря на колоссальный прогресс компьютерной и лазерной технологий. Но в 1986 г. Горбачев не мог пойти навстречу Рейгану не только потому, что эта уступка лишила бы его поддержки военных и консерваторов. Он сам продолжал бояться СОИ и в действительности не был готов к тому, чтобы ликвидировать все советское ядерное вооружение, не говоря уже о баллистических ракетах (113).

Горбачев вернулся в Москву, жалуясь на то, что американская сторона «не отказалась от установки на превосходство». Американцы приехали в Рейкьявик просто, чтобы «собирать плоды в свою корзину», прикарманить все советские уступки. По сути, так оно и было, и так думали все члены американской делегации, кроме Рейгана. 21 октября американцы объявили о выдворении из США 55 советских дипломатов — очередной залп в войне разведок. На заседании Политбюро Горбачев не стеснялся в крепких выражениях в адрес американцев, которые «ведут себя по-бандитски». Он также был полон решимости «разоблачить их вранье и жульничество» в освещении итогов Рейкьявика. Рейган, по его словам, поставлен у власти и оплачен военно-промышленным комплексом, он «не может справиться со своей оравой» и «выступает как лгун» (114). Однако, несмотря на словоизвержения, генсек был настроен оптимистично. Пройдет совсем немного времени, и советский лидер опишет свое состояние после встречи в Рейкьявике как прорыв и прозрение, подобно тому, что случилось после Чернобыльской аварии. Хотя традиционные страхи в душе генсека продолжали бороться с «новым мышлением», внутренне Горбачев был удивлен, обнаружив, что Рейган, как ему по-

казалось, искренне верит в ядерное разоружение. Другие участники той встречи с советской стороны тоже это почувствовали. Анатолий Добрынин позже вспоминал, что «страх Рейгана перед ядерным апокалипсисом и его глубочайшая, но неизвестная даже его близкому окружению убежденность в том, что ядерное оружие должно быть в конечном счете упразднено, оказались мотивами более сильными, чем даже его нутряной антикоммунизм» (115). Образ Рейгана как непримиримого врага Советского Союза, который формировался во внешнеполитических кругах СССР в течение всего периода конфронтации, стал меняться. Однако происходило это медленно, с откатами и разочарованиями.

«Новое мышление» и угроза внутреннего кризиса

Неудача в Рейкьявике не отбила у Горбачева вкус к «новому мышлению» в глобальном масштабе. Напротив, он пригласил в Москву участников Иссык-Кульского форума. На этот форум, который проводился в Киргизии на берегу прекрасного горного озера Иссык-Куль по инициативе писателя Чингиза Айтматова, приехали всемирно известные писатели, социологи, экономисты, экологи, футурологи. Они намеревались обменяться мнениями по вопросам, волновавшим международную общественность, в том числе о роли культуры в политике, экологических и ядерной угрозах, решении этих вопросов политическим путем. Горбачев, вдохновленный составом аудитории, впервые открыто заговорил о приоритете «общечеловеческих ценностей над классовыми интересами». Подобные теоретические новшества Горбачева привели Лигачева и партийных пропагандистов в замешательство. «Взорвалась бомба в стане сторонников ортодоксального мышления! — писал в своих мемуарах Горбачев. — Какие развернулись жаркие дискуссии, сколько недоуменных вопросов задавалось на последующих встречах со стороны прежде всего нашего партийного актива!» К весне 1987 г. Горбачев, чьи взгляды на марксизм-ленинизм начали претерпевать глубокие изменения, почувствовал, как он отдаляется от своих наиболее преданных и активных сторонников — Лигачева и Рыжкова. Между ними и Горбачевым уже не было единства по принципиальным вопросам (116). После Рейкьявика начался первый этап роста разногласий между Горбачевым и его коллегами из партийного руководства, которые до этого думали, что «новое мышление» генсека — пропагандистская риторика, облегчающая достижение прагматических государственных целей, получение исторической передышки для перегруппировки советских сил. И если до этого Горбачев менял людей на ключевых руководя-

щих должностях, чтобы добиться «ускорения» в экономике, то теперь он взялся поменять ведущую идеологию Советского Союза.

Тем временем сторонники «крестового похода» против СССР из администрации Рейгана продолжали осложнять жизнь Горбачеву и мешать его реформистским планам. 1 декабря 1987 г. Белый дом объявил о том, что США не будут соблюдать условия договора ОСВ-2. Такое вызывающее поведение американского руководства уже второй раз после второго саммита поставило членов Политбюро перед выбором: либо махнуть рукой на Рейгана и ждать следующих выборов президента США, либо продолжить мирное наступление с большей энергией и силой. Еще раньше, на заседании Политбюро 30 октября, Громыко не мог сдерживать скепсиса по поводу идеи Горбачева о полном ядерном разоружении и дальнейших односторонних уступок: «Все, что ослабляет нашу позицию — это сейчас не подходит... Они [американцы] увидели нашу слабину и жмут по этой линии, вырывают из нас новые уступки. Вот уничтожим ядерное оружие, останемся без того, что создавали 25 лет, и что? Будем полагаться на порядочность американцев? Какая гарантия, что они нас не обгонят в гонке по космосу?.. Нет, Соединенные Штаты не пойдут на соглашения на равных». Защищая свою позицию, Горбачев заявил, что «время работает на нас». С помощью советского пакета предложений «мы... привлекаем на свою сторону Европу против СОИ» (117).

1 декабря к мнению Громыко присоединились Лигачев и председатель КГБ Чебриков, которые тоже выразили озабоченность в связи с «походом» администрации Рейгана против Советского Союза. Однако Горбачев уже настроился, несмотря ни на что, продолжать свою новую политику. Он сказал, что если СССР будет отвечать на действия рейгановской администрации такими же методами, то это будет «как раз подарок этой публике, которая срывает переговоры, плюет на общественное мнение». Политбюро решило оказывать давление на администрацию президента через умеренных членов конгресса США, союзников Вашингтона и американскую общественность (118).

Примерно в это же время советским военным было приказано пересмотреть военную доктрину: вместо стремления к военному превосходству над противником, что долгое время являлось главной целью СССР, новая доктрина должна была обосновать глубокие односторонние сокращения стратегических арсеналов. Вскоре после Рейкьявика Сергей Ахромеев зачитал проект новой военной доктрины слушателям Военной академии Генерального штаба ВС СССР — заведения, где повышал квалификацию высший офицерский состав. В документе утверждалось, что победа в третьей мировой войне невозможна (так как она будет ядерной), и предполагалось, что воо-

руженные силы СССР больше не должны стремиться к паритету с американцами. Текст новой доктрины поверг сидящих в зале военнослужащих в состояние шока. В военных кругах стали поговаривать о государственной измене (119). Эти слухи дошли до Горбачева, и на заседании Политбюро 1 декабря произошел неприятный обмен мнениями между Горбачевым и маршалом Ахромеевым, который только что подал в отставку с поста начальника Генерального штаба, чтобы стать, по просьбе Горбачева, военным советником генерального секретаря.

«ГОРБАЧЕВ: На самом деле никаких уступок мы не сделали. Это генералы нас пугают, боятся, что им делать будет нечего. Еще на 4–5 поколений генералам работы найдется. Не сделали мы никаких уступок ни на шаг. Знаю, шипят в их среде: мол, что это за руководство такое пошло? Разоружает страну.

ВИТАЛИЙ ВОРОТНИКОВ: В народе так думают!

ГОРБАЧЕВ: Огарков очень недоволен. Ему все давай, давай побольше. Пушку подлиннее. 1200 рублей получает в месяц и все ворчит. А 25 млн людей живут ниже уровня, который мы официально объявили прожиточным. И союзнички наши живут пожирнее. Самая крупная ошибка была бы, если бы мы ослабили оборону страны. Но и нельзя столько транжирить: 500 млрд ведь!

АХРОМЕЕВ (с обидой): Генералы — люди хорошие. (*Общий смех.*) Да, да. Партийные и правильные. Есть генералы и генералы. Если генерал считает, что он больше Политбюро заботится о стране, то с таким генералом надо разбираться.

ГОРБАЧЕВ: Если мы за мир не будем бороться, народ нас не поймет. И если мы оборону ослабим, нас народ тоже не поймет. У него здоровый шовинизм. Тут лезвие, по которому мы идем. Ошибись, закусил удила — можно наворочать таких дел...» (120).

Горбачев пустил в ход все свое красноречие, чтобы преодолеть сопротивление военных и добиться своего. В канун Нового года он на правах верховного главнокомандующего и председателя Совета обороны утвердил новую военную доктрину. Это было важной мерой, однако это окончательно положило конец восторгам, которые вначале испытывали военные в отношении Горбачева и его реформаторского курса.

«Новое мышление» Горбачева продолжало эволюционировать даже в отсутствие малейших признаков снижения напряженности в отношениях с Соединенными Штатами. В этом было резкое отличие горбачевской политики от советского курса разрядки времен Брежнева. В Политбюро (в отличие от военных) по этому поводу царил удивительное единодушие, по крайней мере внешнее. Никто из идеологических консерваторов не решался публично бросить вызов генсеку. Даже высшие военные чины, при всем своем беспо-

койстве в связи с новыми предложениями о разоружении и военной доктрине, не осмеливались говорить об этом открыто. Кроме того, вопреки тому впечатлению, которое может возникнуть при чтении мемуаров Горбачева, не только приверженцы консервативной модернизации в партии, но и сторонники «нового мышления» не до конца понимали, в каком направлении движется Михаил Сергеевич. Генеральный секретарь был на редкость противоречив и непоследователен в своих высказываниях и особенно в поступках. Он словно купался в неопределенности и наслаждался ролью арбитра, с одинаковым вниманием выслушивая противоположные мнения, вступая в дискуссии с различными людьми, сглаживая противоречия между нами и пресекая в зародыше всякую конфронтацию. В КГБ, наиболее грозном оплоте консервативных сил, в начале 1987 г. многие все еще верили, что Горбачев осуществляет программу Андропова по проведению управляемой и устойчивой модернизации экономики и сокращению расходов на поддержание империи. Руководству КГБ и в голову не могло прийти, что Горбачев намеревается разрушить до основания режим полицейских репрессий, сохранившийся даже в годы хрущевской десталинизации и укрепившийся в период правления Брежнева и Андропова. По словам Владимира Крючкова, возглавлявшего тогда отдел внешней разведки КГБ, он в то время не сомневался в преданности Горбачева советской системе и «социализму» и пришел в ужас только гораздо позже, когда осознал масштабы «предательства» генсека (121).

Несмотря на тезис об «общечеловеческих ценностях», Горбачев не оспаривал ленинских канонов официальной идеологии. Напротив, он относился к ним гораздо серьезнее, чем его предшественники. Он часто высказывал приверженность марксизму-ленинизму и публично призывал «раскрыть потенциал социализма». Эти заявления сбивали с толку даже искушенных представителей интеллектуальной элиты Москвы, которые уже давно считали коммунистическую идеологию разлагающимся трупом. Более того, многие люди как за пределами Советского Союза, так и внутри страны видели, что все экономические начинания Горбачева, в том числе антиалкогольная кампания, ставят целью придать «ускорение» старой, отжившей системе. Яковлев в частном порядке жаловался, что советский руководитель так и остался пленником идеологических мифов, основанных на теории классовой борьбы. «В течение первых трех лет перестройки, — признается Черняев, — руководитель СССР «мыслил улучшение общества в категориях марксизма-ленинизма, уверенный в том, что, если бы Ленин умер не в 1924 году, а хотя бы лет десять спустя, с социализмом в СССР было бы все в порядке». Генсек с громадным пиететом относился к основателю партии большевиков; он держал на

своим рабочим столом с произведениями Ленина и перечитывал их в поисках ответов на многие вопросы, а также для политического вдохновения (122).

Время для отхода Горбачева от идеологии и политики ленинизма и открытых разногласий с консервативными коллегами придет намного позже. По ряду внешнеполитических вопросов разногласия внутри Политбюро касались не столько идеологических принципов, сколько выбора тактики сокращения советского присутствия и расходов за рубежом. Особенно резко это выявилось во время обсуждения на Политбюро безнадёжного положения, сложившегося в Афганистане. Пакистанский режим генерала Зия уль-Хака при финансовой и военно-технической поддержке ЦРУ вооружал и оплачивал формирования исламских фундаменталистов, которые сражались против советских войск и просоветского афганского правительства. Советские войска не могли ликвидировать формирования моджахедов, базы которых находились в горных аулах и на пакистанской территории (123). Горбачев вместе с остальными членами Политбюро все еще возражал против вывода войск из Афганистана. Он доказывал, что прежде нужно организовать в этой стране жизнеспособное правительство, в котором бы участвовали умеренные исламисты и которое бы сохраняло дружественные отношения с Советским Союзом. Советский Союз не должен допустить, чтобы войска США или вооруженные отряды моджахедов контролировали Афганистан. К 1987 г. стало ясно, что это желание несбыточно главным образом из-за скоординированных действий США, Пакистана и моджахедов. Министр обороны Сергей Соколов, маршал Ахромеев и командующий советскими войсками в Афганистане генерал Валентин Варенников выступили за немедленный вывод вооруженных сил. Их поддержал замминистра иностранных дел Георгий Корниенко. Даже Громыко, последний из доживших до этих дней сторонник принятия решения о вторжении в Афганистан, выступил в поддержку немедленного вывода войск (124).

Однако два влиятельных члена Комиссии Политбюро по Афганистану — министр иностранных дел Шеварднадзе и председатель КГБ Крючков — настаивали на продолжении усилий по «спасению» Афганистана, опасаясь кровопролития в Кабуле и ущерба интересам безопасности СССР в случае победы исламских фундаменталистов. Еще в 1986 г. органы КГБ предложили кандидатуру Наджибуллы на смену Бабраку Кармалю. Ярый приверженец «нового мышления» Александр Яковлев в то время был солидарен с Крючковым и поддерживал «афганизацию» войны. Горбачев, как свидетельствуют записи заседаний Политбюро и воспоминания участников тех событий, склонялся к постепенной «афганизации» и игнорировал предостере-

жения Ахромеева и Корниенко. Позже и Горбачев, и Яковлев будут утверждать, что война в Афганистане затянулась прежде всего из-за жесткой политики Соединенных Штатов (125).

Позиция Горбачева в отношении Афганистана не являлась единственным случаем. Он и Шеварднадзе продолжали в целом стоять за поддержку и сохранение связей с советскими союзниками, друзьями и сателлитами в странах третьего мира, в том числе с арабскими странами, Вьетнамом, диктатурой Менгисту Хайле Мариам в Эфиопии, Фиделем Кастро на Кубе и сандинистами в Никарагуа (126). Что побуждало советское руководство продолжать эту дорогостоящую политику, какие силы и причины им двигали? Может быть, Горбачев хотел провести реформы в стране, но при этом надеялся сохранить для СССР роль великой державы и не растерять союзников по всему миру? Или, может быть, Горбачев и Шеварднадзе по инерции оставались верными наследиям революционно-имперской парадигмы в отношении стран третьего мира?

Приверженцы консервативной модернизации советской системы в Политбюро, равно как и сторонники жесткой антисоветской линии в администрации Рейгана, полагали, что так оно и есть. На самом деле на эти вопросы нет очевидного однозначного ответа. Генсек скорее всего просто мешкал, будучи еще не готовым начать односторонний демонтаж советской империи. Кроме того, складывается впечатление, что проблемы третьего мира никогда особенно не интересовали Горбачева: ведь идеология «нового мышления» подталкивала его все больше сосредоточиться на проблеме сотрудничества Советского Союза с развитыми капиталистическими странами «первого мира», а позднее поставить вопрос и об интеграции с этими странами. В 1987 г. Горбачев начал более отчетливо излагать собственные мысли о глобальной взаимозависимости между советским социализмом и западным капитализмом. Как и Хрущев в 1955–1957 гг., советский лидер пытался сочетать мирное наступление в международной политике с десталинизацией советского государства и общества, переговоры с Западом — с процессом либерализации у себя в стране. Однако, если Хрущев после венгерского и польского восстаний начал опять закручивать гайки, Горбачев был полон решимости пойти в своих реформах «очень далеко» и не сворачивать с пути. В ходе подготовки к встрече в Рейкьявике он добился пересмотра отношения советских властей к вопросам о правах человека, эмиграции и преследовании политических и религиозных инакомыслящих в Советском Союзе. «Надо открыть путь тысячам эмигрантов обратно в Советский Союз, двинуть этот поток обратно». После неудачи в Рейкьявике Горбачев доказывал, что для СССР жизненно важно вернуть к себе симпатии западноевропей-

ских лидеров, интеллектуальной элиты и широкой общественности Запада. Без давления со стороны западноевропейцев невозможно рассчитывать на то, что администрация Рейгана займет более доброжелательную позицию. Горбачев продолжал резко высказываться в адрес идейных диссидентов, считая их врагами своего курса. Но 1 декабря 1986 г. он же внес на Политбюро предложение о том, чтобы самому известному диссиденту Советского Союза Андрею Сахарову было разрешено вернуться в Москву из Горького (ныне Нижний Новгород), где он находился в ссылке. В январе 1987 г. советские власти перестали глушить передачи радиостанций британской Би-би-си, «Голоса Америки» и западногерманской «Немецкой волны» (127).

К этому времени большинство должностных лиц в советском партийно-государственном аппарате и даже в КГБ начали нехотя признавать, что одним из главных препятствий для налаживания отношений с Соединенными Штатами является преследования в СССР по политическим и религиозным мотивам. Некоторые вспомнили, как возмущался Рейган в 1983 г., когда советские власти отказали группе христиан-пятидесятников в разрешении на выезд в США и те попросили убежища в американском посольстве в Москве. На заседании Политбюро председатель КГБ Чебриков предложил освободить сначала одну треть политических заключенных, а затем довести это число до половины. Подобное предложение носило тот же характер, что и замысел Андропова воспользоваться «еврейским вопросом» и диссидентами в качестве разменной карты в переговорах периода разрядки в 1970-х гг. После 1986 г. органы КГБ стали сокращать число арестов за «политические преступления», усилив вместо этого так называемую профилактическую работу. Они запугивали и шантажировали советских граждан, попавших под подозрение (128).

Главным фактором, влиявшим в это время на Горбачева и членов Политбюро, был продолжающийся экономический спад и нависшая угроза бюджетного дефицита. Первоначальные программы по перестройке и улучшению состояния советской экономики явно провалились. СССР с 1985 г. тратил на валютном рынке больше, чем зарабатывал. Это привело к двойному бремени, состоящему из внешнеторгового дефицита и внешнего государственного долга (129). Складывалась опасная ситуация, которую испытали на себе экономики восточноевропейских стран еще в конце 1970-х гг. За первые два месяца 1987 г. вследствие неразберихи из-за частичной децентрализации экономики и других непродуманных перестроечных экспериментов на 6 % упало промышленное производство, причем больше всего пострадали тяжелая и легкая отрасли промышленности. Разрыв между государственными доходами и расходами составлял

80 млрд рублей. В своих воспоминаниях Горбачев не объясняет, почему экономическое и финансовое положение страны после его прихода к власти так резко ухудшилось (130).

До осени 1988 г. рядовых членов Политбюро не информировали о реальных масштабах военных расходов, иностранной помощи и других закрытых статьях бюджета. Эти данные были пугающими. В дополнение к расходам, связанным с обороной, поддержанием армии и работой ВПК, которые поглощали, по утверждениям самого генсека, до 40 % бюджета страны, Советский Союз поддерживал своих союзников в Центрально-Восточной Европе и уже упоминавшихся клиентов в третьем мире. Члены Политбюро поразились, узнав, что Вьетнам «стоил» советскому бюджету 40 млрд рублей в год. Другие «клиенты» обходились СССР немногим меньше: на Кубу уходило около 25 млрд рублей, на Сирию — 6 млрд. Еще с 1950-х гг. Советский Союз регулярно отправлял в Ирак, Ливию и Сирию огромное количество военной техники, в том числе новейших танков, самолетов и ракет, как правило, в кредит и безо всякой отдачи (131).

Бюджет СССР все более чувствовал тяжесть 67,7 млрд рублей прямых расходов на оборону (16,4 % госбюджета). Однако бюджетные потери были еще болезненней из-за принятого в 1985 г. решения о дополнительном вложении около 200 млрд рублей и твердой валюты в модернизацию машиностроительной промышленности: инвестиции в эту отрасль были необходимы, однако немедленно окупиться они не могли. При этом резко сократились доходы от продажи алкоголя, экспорт нефти приносил все меньше финансовых поступлений, так как цены на нефть, долгое время державшиеся на высоком уровне, в апреле 1986 г. упали до 12 долларов за баррель и продолжали движение вниз. К 1987 г. для того, чтобы пополнить бюджет, у советского государства не осталось никаких других средств, кроме поднятия налогов и повышения цен на товары широкого потребления. 30 октября 1986 г. Горбачев заявил, что финансовый кризис «схватил нас за горло». Но он не хотел пойти на повышение розничных цен и сокращение государственных субсидий на продовольствие — это были жесткие меры, которые могли бы остановить разбалансирование бюджета. Прошло еще шесть месяцев, и члены Политбюро узнали, что без реформирования ценовой политики к 1990 г. размер только одних субсидий на продовольствие достигнет 100 млрд рублей. Тем не менее, несмотря на многочасовые дебаты, приготовления и составление проектов, реформа цен так и не была осуществлена. Принятые частичные меры только усугубили болезненное состояние финансов и экономики. Причин, по которым Горбачев медлил с реформой цен, было много. Ему, как и остальным членам Политбюро, не хватало знаний в области управления денежной массой и других вопросов

макроэкономики. При этом Горбачев ясно понимал, что резкое повышение цен вызовет беспорядки в народе и похоронит его репутацию в стране, а значит, и курс на перестройку (132).

При таком безрадостном экономическом и финансовом положении в стране даже самым ортодоксальным членам Политбюро было ясно, что международная разрядка, сокращение внешних обязательств и уменьшение расходов на оборону являются насущной необходимостью. Советский Союз просто не имел возможности вести бесконечный дипломатический торг с Западом. Даже Громыко, по крайней мере на словах, выступал за безотлагательное улучшение отношений с западными странами. В феврале 1987 г. Громыко и Лигачев высказались за соглашение с американцами о ликвидации всех ракет средней дальности на основе предлагаемого Рейганом «нулевого варианта» (133).

В феврале 1987 г. Горбачев был готов начать третий раунд мирного наступления на Рональда Рейгана. В преддверии предстоящего летом саммита в Вашингтоне он пошел на дальнейшие асимметричные сокращения советского военного арсенала. Премьер-министр Италии Джулио Андреотти, встретившийся с Горбачевым в конце февраля, похвалил советского лидера за «смелое» решение пойти на демонтаж ракет средней дальности, нацеленных на Европу. После чего Андреотти попросил Горбачева «сделать еще один небольшой шаг» и в одностороннем порядке убрать ракеты меньшего радиуса действия. По его мнению, этот «отважный шаг» поможет сорвать планы США по размещению ракет малой дальности в Западной Европе (134). В апреле состоялась встреча Горбачева и Шеварднадзе с госсекретарем Джорджем Шульцем, во время которой советская сторона, в соответствии с решением Политбюро, согласилась на «нулевой вариант» Рейгана по ракетам средней дальности. К всеобщему удивлению, Горбачев и Шеварднадзе сообщили Шульцу, что Советский Союз готов включить в список систем, подлежащих уничтожению, и новые оперативно-тактические ракеты СС-23 («Ока»). Это обещание означало, что СССР должен будет ликвидировать большое количество ракет, специально нацеленных на западноевропейские территории. То, что Горбачев и Шеварднадзе считали незначительной уступкой, выходило за рамки согласованного на Политбюро решения (135). Военные были потрясены. Они негодовали, не понимая, к чему эта спешка и транжирство в отношении советских стратегических арсеналов. Дело усугубилось тем, что Шульц, по его обыкновению, «положил в карман» советскую дополнительную уступку и отправился восвояси, не предложив ничего взамен. Ахромеев, связанный личной преданностью Горбачеву, всю вину за эпизод с «Окой» возложил на

министра иностранных дел. В дальнейшем он, как и остальные высшие военные, обвинял Шеварднадзе в том, что тот продался американцам (136).

Вскоре у Горбачева появился шанс избавиться от потенциальных противников его политики среди военного начальства. В мае 1987 г. молодой пилот, гражданин ФРГ Матиас Руст, прилетел на спортивном самолете из Финляндии в СССР и приземлился на Красной площади. Маленькая «сессна» пролетела над всеми советскими системами ПВО. Военные не решились сбить цель без приказа из Кремля, памятуя о скандале с корейским авиалайнером. Скандал вокруг этого гротескного происшествия позволил Горбачеву сместить значительную часть высокопоставленных военных, начиная с министра обороны маршала Соколова. Матиас Руст провел в следственном изоляторе КГБ и Лефортовской тюрьме в общей сложности чуть больше года и был амнистирован без излишнего шума. Генсек подобрал, отчасти по совету Раисы Максимовны, нового министра обороны: им стал Дмитрий Язов, ветеран Великой Отечественной войны и Карибского кризиса, бывший командующий войсками Дальневосточного военного округа. Новый министр не являлся выдающейся личностью и не пользовался авторитетом у генералитета и в Генеральном штабе.

Горбачев стал выступать за «прозрачность и честность» в вопросах обычных вооружений в Европе, признав, что у Советского Союза имеется огромное преимущество перед НАТО — 27 тыс. танков и почти 3,5 млн военнослужащих. Одновременно с этим советские вооруженные силы приступили к осуществлению новой военной доктрины. В июле 1987 г. была принята новая доктрина Организации Варшавского договора — абсолютная копия советской доктрины. Американский специалист по разведке и кадровый военный Уильям Одом, автор книги о гибели советской армии, считает, что с этого момента старый советский курс на подготовку к войне в Европе окончательно ушел в прошлое, сменился новой политикой, подчиненной целям разоружения (137). Неизбежным следствием этого был подрыв идеологических и психологических оснований для советского военного присутствия в Центрально-Восточной Европе.

Тем временем с молчаливого одобрения Александра Яковлева, который курировал средства массовой информации, а также с согласия Михаила и Раисы Горбачевых, в стране росло влияние тех, кто считал себя «поколением шестидесятников». Это были «просвещенные» аппаратчики и партийные интеллектуалы, которые еще 20 лет назад, молодыми людьми, ратовали за десталинизацию общества и демократические реформы, а теперь, уже в ином возрасте, получили второй исторический шанс изменить общественный климат в стране. Начиная с 1986 г. эти люди начали занимать руководящие должности в ряде журналов и газет, на некоторых телепрограммах, все еще

подконтрольных государству. По рекомендации Яковлева главными редакторами ведущих литературных и публицистических изданий стали такие деятели, как Сергей Залыгин в «Новом мире», Виталий Коротич в «Огоньке» и Егор Яковлев в «Московских новостях». Сторонники «нового мышления» стали печатать на страницах своих изданий запрещенные рукописи, публиковать статьи, в которых высоко оценивались произведения кинематографа и литературы, обличающие сталинизм, а также выходили публикации с критикой брежневской эпохи застоя. После Чернобыля началась гласность на телевидении, где творческие, либерально настроенные люди получили возможность создавать новые программы.

Летом 1987 г. Горбачев, работая над книгой о перестройке и «новом мышлении», поделился своими намерениями с очень узким кругом лиц, куда входили Яковлев и Черняев: состояние бюрократии, партии, экономики и общества приводили его в ужас, но он был полон решимости сдвинуть эту гигантскую машину с места. Он пришел к мысли о необходимости полностью реформировать всю систему от экономики до образа мыслей. Черняев, ликуя, записал слова Горбачева: «Я пойду далеко, очень далеко» (138). К этому времени Горбачеву уже можно было не опасаться судьбы Хрущева — переворота, организованного консерваторами, в том числе из Политбюро и партийно-государственной номенклатуры. Напротив, среди новой когорты партийных руководителей находились такие, которые уже начали роптать по поводу медленных темпов горбачевских реформ в стране: одним из них был Борис Ельцин, партработник из Свердловской области, назначенный при Горбачеве первым секретарем Московского горкома КПСС. В ноябре 1987 г. в своей речи, посвященной 70-й годовщине Октябрьской революции, Горбачев впервые после Хрущева осудил сталинский режим и сказал, что в советской истории имеются «белые пятна». Тем самым генсек дал зеленый свет общественным дискуссиям о преступлениях сталинизма, по сути, обсуждению всей советской истории (139). Это был поворотный пункт во взаимодействии между новациями в международной политике и динамикой внутренних перемен. Если на начальном этапе правления Горбачева особое значение придавалось контролю над вооружениями и разрядке напряженности, то теперь Горбачев перешел к следующему этапу, когда мирное наступление он сочетал с незавершенной задачей Хрущева по освобождению общества от сталинского наследия. Черняев это объясняет так: «Для того чтобы иметь успех в новой внешней политике, приходилось рушить мифы и догмы конфронтационной идеологии и “теории”, а это тут же отражалось — через “мышление” самого генерального секретаря и через перестроечную печать — на всем интеллектуальном состоянии общества» (140).

Стремительная радикализация «нового мышления» с его социалистическим по духу идеализмом и нацеленностью на реформы не положила конец вопиющим противоречиям в риторике и поведении Горбачева. 27 июня 1987 г. в беседе с премьер-министром Зимбабве Робертом Мугабе Горбачев описал принципы советской внешней политики в тех же терминах, что использовал в своих речах Хрущев 30 лет тому назад. В заключение он сказал, что «необходимо наращивать давление» на западные страны. 23 октября 1987 г. Горбачев заявил Шульцу, что не приедет в Вашингтон на саммит до тех пор, пока Рейган не откажется от программы СОИ, и что одного лишь подписания договора о сокращении ядерных ракет средней и меньшей дальности (РСМД) будет недостаточно для оправдания встречи в верхах. Генсек собрал совещание, в котором участвовали Шеварднадзе, Яковлев, Ахромеев, Черняев и замминистра иностранных дел Александр Бессмертных. Кто-то говорил, что нужно подождать, пока в Вашингтоне не сменится администрация, а затем уже поднимать тему СОИ. Черняев, однако, убедил Горбачева не отказываться от встречи с Рейганом (141).

Непостоянство генсека и его навязчивая идея по поводу программы СОИ лишь подогревали крайний скептицизм, который Горбачев вызывал среди крайне правых членов администрации Рейгана и «реалистов» разных мастей в Вашингтоне, которые продолжали считать генсека искусным политическим иллюзионистом. Однако феномен «нового мышления» вовсе не являлся неким фокусом, рассчитанным на обман общественного мнения. Горбачев продвигался вперед к идее радикального преобразования советской идеологии, политической и экономической систем с тем, чтобы Советский Союз стал по-настоящему открыт миру. Реализация этой идеи требовала крайней осмотрительности, дальновидности, взвешенной стратегии, но Горбачев был по-революционному нетерпелив. Его стремление к радикальным изменениям подстегивалось быстрым ухудшением советской экономики и финансовым кризисом. Еще больше подстегивал Горбачева его мессианский, утопически романтический подход к международным отношениям и завышенная оценка собственных способностей изменить всю систему этих отношений.

Лишь немногие люди в советском руководстве и партии, одержимые реформистским рвением, готовы были, вслед за Горбачевым, кинуться в неизвестность. Основная масса партаппарата со сдержанным одобрением наблюдала за тем, как новый внешнеполитический курс Горбачева поднимает международный престиж СССР на небывалую высоту и позволяет ему добиться существенных результатов в деле ослабления напряжения холодной войны. Но это одобрение быстро сменилось озабоченностью и даже смятением. Все — и консерватив-

ные сторонники модернизации, и военные, и даже ортодоксы — признавали, что Советскому Союзу трудно продолжать выполнять свои обязательства в Восточной Европе, Афганистане и во всем мире (142). Они поддерживали курс на постепенное сокращение имперских обязательств, чтобы предотвратить будущий крах. К их удивлению, Горбачев и его приверженцы стали вкладывать в «новое мышление» все более радикальный смысл и следовали курсу на полное невмешательство СССР в дела стран Восточной Европы. Вскоре Горбачев и его соратники бросили коммунистических союзников в этом регионе на произвол судьбы. Но в 1987–1988 гг. ни члены Политбюро, ни подавляющая масса офицеров КГБ, ни военные не могли себе даже представить, что Горбачев будет согласен покончить с холодной войной ценой разрушения советской империи и фатальной дестабилизации советского государства.

Глава 10

ГОРБАЧЕВ И КОНЕЦ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ, 1988–1991

Идет тотальный демонтаж социализма как явления мирового... И наверно, это неизбежно и хорошо. Ибо речь идет о единении человечества на основах здравого смысла. И процесс этот начал простой ставропольский парень, [который] задумал самоликвидацию общества, чуждого человеческой природе и естественному ходу вещей.

*Анатолий Черняев, запись в дневнике
от 5 октября 1989*

Три десятилетия понадобилось для того, чтобы превратить Советский Союз в сверхдержаву — глобального противника США. И всего за три года этот гигант рассыпался как карточный домик. Для людей, выросших в годы холодной войны, это стало полной неожиданностью: мало кто предвидел, что события примут такой драматичный оборот. Правые идеологи в США, для которых холодная война была вселенской схваткой добра и зла, поспешили заявить, что победа над коммунизмом — заслуга Рональда Рейгана и членов его администрации. Большинство серьезных историков и политологов констатировали, что советская сверхдержава погибла от внутреннего кризиса, в результате действий или бездействия собственного руководства, под влиянием революционных идей, событий и обстоятельств (1). Канадский политолог Жак Левек в своей книге «Загадка 1989 года» резюмировал: «Нечасто в мировой истории встречаются примеры, когда политика великой державы, несмотря на все трудности и откаты, продолжала строиться на идеалистической идее всеобщего примирения и когда образ главного врага постоянно размывался до тех пор, пока не растворился почти без следа» (2).

Наука приучила нас считать, что причины исторических сдвигов имеют глубокие корни. На протяжении XX в. ученые, и не только марксистского направления, полагали, что смены исторических вех происходят под влиянием объективных, надличностных факторов,

таких как изменения в балансе сил, межгосударственные противоречия, революции, новые идеологии и общественные движения. Стало также общепринятым смотреть на исторические перемены через призму «микроистории», через жизнедеятельность «обычных людей», изучая их привычки, убеждения и общественные практики. Постмодернистские концепции рассматривают власть как дискурс, повседневное социальное взаимодействие, а не как результат государственного принуждения. Времена, когда можно было описывать историю как результат деятельности «великих людей», политиков и государственных деятелей, ушли в прошлое. В результате сегодня в исторической профессии далеко не все обращают внимание на то, что когда-то считалось самоочевидным — личные качества государственных деятелей, оказавшихся у власти в ключевой момент истории, могут существенно изменить весь ее ход.

Между тем фигура Михаила Сергеевича Горбачева — яркий тому пример. Британский политолог Арчи Браун в книге «Фактор Горбачева» считает советского лидера главным действующим лицом заключительного этапа советской истории. По его словам, этот энергичный, симпатичный человек с живыми глазами и обаятельной улыбкой «сделал больше, чем кто-либо другой, для окончания холодной войны между Западом и Востоком» (3). Стоит также привести слова Анатолия Черняева, ближайшего помощника Горбачева, по мнению которого, Михаил Сергеевич не был «великим человеком» по набору личных качеств, но при этом «он сделал великое дело», и это важнее «с исторической точки зрения» (4). Историк Дмитрий Волкогонов отмечал, что «парадокс Горбачева» заключается в том, что он — «человек большого ума, но слабого характера». Начав перестройку под лозунгом «обновления» социализма, Горбачев «пришел спустя шесть лет к самой его ликвидации», причем помимо своей воли и желания. По словам Волкогонова, «интеллект, чувства, воля Горбачева наложили неизгладимый отпечаток на процесс мучительных перемен, названных им перестройкой» (5).

Материалы и источники, призванные помочь в освещении роли и личности Горбачева, требуют критичного и крайне осторожного подхода. Это прежде всего относится к воспоминаниям недоброжелателей последнего генсека. Там можно встретить немало эмоциональных оценок, ядовитых слов в адрес Горбачева и негативных оценок его действий. Таковы, например, мемуары Валерия Болдина, доверенного человека Раисы Горбачевой, или бывшего председателя Совета министров СССР Николая Рыжкова. Более сдержаны по форме, но не менее пристрастны воспоминания и интервью председателя КГБ Владимира Крючкова и секретаря ЦК КПСС Егора Лигачева, мемуары заместителя министра иностранных дел Георгия Корниенко и

маршала Сергея Ахромеева, посла в США Анатолия Добрынина. Тем не менее все эти источники, в большей или меньшей мере, необходимо изучать и использовать (6).

Наблюдения сторонников Горбачева также отличаются предвзятостью, правда, иного рода. Анатолий Черняев, Георгий Шахназаров, Вадим Медведев, Андрей Грачев и другие помощники и коллеги Горбачева признают, что их бывший руководитель совершил много ошибок и не был безупречен, однако продолжают восхищаться его личностью и идеями (7). Диссонансом в этом хоре стала книга Карена Брутенца, который «переосмыслил» свою поддержку генсека в годы перестройки и пришел к резко критическому выводу, что «Горбачев сделал возможным окончание холодной войны», но при этом «явился невольным, бессознательным ликвидатором Советского Союза» (8).

О том, что говорил Горбачев различным собеседникам за закрытыми дверями, дают представление протоколы заседаний Политбюро, которые велись помощниками генсека, и записи его бесед с зарубежными руководителями и общественными деятелями, частично опубликованные, частично хранящиеся в архиве фонда Горбачева в Москве. Наконец, самым главным, но и самым сложным источником сведений о Горбачеве остается сам Горбачев — то, что он пишет и говорит. Мемуары последнего генсека, его воспоминания так умело отретушированы и так тщательно отредактированы, что по ним чрезвычайно трудно реконструировать его мотивы. А на многие конкретные вопросы мемуары просто не дают ответа. И все же мемуары Горбачева и его многочисленные публикации и интервью имеют ценность: они несут на себе сильный отпечаток его индивидуальности. Уйдя с должностей генерального секретаря ЦК КПСС и президента СССР, Горбачев раскрылся в новом качестве, но в то же время сохранил характерные только для него жесты и манеру речи (9).

Рано или поздно и недруги Горбачева, и те, кто им восхищался, начинали задумываться и рассуждать о «загадке» его личности. Дмитрий Фурман, российский политолог и горячий поклонник Горбачева, считает, что шесть лет горбачевской перестройки, «относительно планомерного и последовательного демонтажа нашей системы» не являются закономерностью советского и российского развития. Скорее, «это то, что внес в историю Горбачев, что связано с его личностью» (10). Егор Лигачев пишет, что одними политическими причинами «нельзя объяснить зигзаги курса, тесно связанного с именем Горбачева. Там был целый клубок обстоятельств, включая личные качества самого Горбачева» (11).

Утверждение о том, что Горбачев не являлся великим государственным деятелем, вовсе не принижает его роли и не отменяет его исторического вклада в процесс мирного завершения глобального

идеологического и геополитического противостояния. Более того, учитывая, что в течение 1990-х гг. Михаил Сергеевич был крайне непопулярен среди соотечественников, критическое исследование личности этого человека и его деятельности на высшем государственном посту не грозит его репутации. Напротив, оно лишь может помочь развеять надуманные обвинения и нелепые домыслы, которыми окружена фигура последнего советского реформатора.

А если бы не Горбачев?

Прежде чем говорить о личном вкладе Горбачева в историю окончания холодной войны, необходимо ознакомиться с тем, как объясняют эту историю ученые — историки, политологи, специалисты по международным отношениям. Одно из авторитетных объяснений принадлежит теоретикам так называемой школы реализма, существующей на Западе. Они считают, что холодная война завершилась благодаря тому, что к середине 1980-х гг. соотношение сил в мире резко сдвинулось в пользу США и Запада. По мнению этих аналитиков, в условиях, когда советская экономика буксовала, у СССР не оставалось иной альтернативы, кроме отказа от имперских притязаний и поиска соглашений с западными державами. Как только кремлевские руководители осознали, что им не удастся восстановить благоприятный баланс сил, они изменили свою политику в соответствии со сложившейся реальностью (12).

Концепция «реалистов» построена на серьезном упрощении. Даже если в Кремле осознавали, что Советский Союз уступает Западу, из этого не следовало, что единственная возможная политика — уступать и сдаваться. В советской, да и в любой другой политической системе дистанция между реальностью и тем, как ее воспринимает, а тем более как практически отвечает на нее руководство, нередко довольно велика. Вместе с тем «реалисты» правы в одном: к середине 1980-х гг. кремлевские руководители действительно поняли, что нужно менять политику и необходимо пойти на серьезные перемены.

Самым опасным для мирового сообщества, да и самого СССР, вариант реагирования на сложившийся в мире расклад сил был вариант силовых решений и закручивания гаек. В 1981–1984 гг. стареющее руководство в Кремле с большой тревогой следило за военными приготовлениями в США и «агрессивным» поведением администрации Рейгана. Юрий Андропов и маршал Дмитрий Устинов не исключали возможность принятия чрезвычайных мер: мобилизации экономики и всего общества в режиме военного времени для сохранения «стратегического паритета» с США в гонке вооружений всех видов. И хотя неясно, как далеко Кремль был готов зайти в этом направлении (13),

тревога, которую внушал Рейган, наряду с желанием любой ценой удержать стратегическое равновесие, подталкивали к опасной эскалации. Даже Горбачев, придя к власти, некоторое время вслед за Андроповым считал, что, пока Рейган сидит в Белом доме, договориться с американцами невозможно (14).

Еще одним вариантом развития событий могло стать одностороннее, постепенное сокращение советских вооруженных сил, вроде того, что проводилось кремлевским руководством в первые годы после смерти Сталина и означало не отказ от противостояния Соединенным Штатам, а «передышку», которая давала возможность советской экономике оправиться от бремени военных расходов. Такой подход, в отличие от силового варианта, мог быть совместим с политикой реформ советской системы в сторону модернизации и постепенной децентрализации с сохранением в руках партийного руководства рычагов в ключевых областях социальной и экономической жизни. Многие аналитики в Вашингтоне вплоть до 1989 г. полагали, что Горбачев нацелен именно на такой сценарий (15). И действительно, Горбачев высказывался в этом духе на заседаниях Политбюро в 1986 и 1987 гг. Подобным подходом проникнуты и положения новой советской военной доктрины о «разумной достаточности».

Третий путь — достижение «полюбовного соглашения» с Западом на основе взаимного сокращения вооружений. Этот вариант среди прочих предлагался к осуществлению еще Максимом Литвиновым в конце Второй мировой войны и стал широко применяться после смерти Сталина. Никита Сергеевич Хрущев и Леонид Ильич Брежнев называли такой подход принципом «мирного сосуществования» и придерживались его, несмотря на все неудачи и провалы в советско-американских отношениях. Такая стратегия почти не отличалась от «реальной политики» Никсона — Киссинджера начала 1970-х гг. Целью этой стратегии было сберечь основные компоненты и атрибуты советской империи, в том числе стратегический паритет с Соединенными Штатами, зарубежных союзников СССР, влияние на коммунистические и «прогрессивные» группировки и сети за рубежом. По словам Черняева, в первые годы своего пребывания у власти Горбачев верил, что мирное сосуществование диктуется «здоровым смыслом» и что социализм и капитализм «могут сосуществовать, не вмешиваясь в дела друг друга» (16).

Можно спорить о том, в какой мере та или иная стратегия могла быть реализована. Но мало кто обращал внимание на то, что Горбачев не проводил систематически ни одну из них. В то время как политики на Западе и его коллеги в Политбюро считали, что он остановил свой выбор на политике «мирного сосуществования» или решил взять «передышку», на деле он занимался чем-то совершенно иным — менее

понятным и менее продуманным. Об отсутствии последовательного политического курса говорят задним числом и сторонники Горбачева, и особенно его критики, которые начали утверждать об упущенной возможности для СССР пойти «по китайскому пути» (17).

Второе распространенное на Западе объяснение окончания холодной войны строится на тезисе о кризисе советской системы и неизбежности краха Советского Союза. Печальное состояние советской экономики и экологии, ухудшение качества повседневной жизни, так называемый брежневский застой наряду с назревающими глубокими проблемами многонационального государства — все это стало очевидным в 1980-х гг., особенно на фоне впечатляющего экономического развития США, Западной Европы и некоторых азиатских стран. В 1985 г. СССР мог считаться сверхдержавой лишь в военном отношении, но не в экономической, технологической и других сферах. При Горбачеве состояние советской экономики и финансов продолжало стремительно ухудшаться. Кое-кто с американской стороны, в том числе госсекретарь Джордж Шульц и ведущий эксперт ЦРУ Роберт Гейтс, считали, что советское руководство идет на односторонние уступки только под давлением углубляющегося внутреннего кризиса. Поэтому, считали они, США вовсе не должны идти навстречу Горбачеву, они должны воспользоваться слабостью СССР (18).

Советские источники подтверждают, что еще до прихода Горбачева к власти, при Андропове и Черненко, руководители советского государства осознали, что политика разрядки и обуздание гонки вооружений может помочь больной советской экономике. Горбачев, казалось бы, только развил эту логику, когда он начал говорить на Политбюро, что Советский Союз не выдержит очередного раунда гонки вооружений и должен любыми путями искать выхода из конфронтации с Соединенными Штатами (19).

В то же время объяснение окончания холодной войны как советской капитуляции под грузом внутренних проблем при ближайшем рассмотрении не вяжется с очень многими фактами и обстоятельствами. Тяжелейший экономический, финансовый и *государственно-политический* кризис начал стремительно развиваться в Советском Союзе только в 1986–1989 гг. в результате и под влиянием политики Горбачева, его действий в одних областях и пассивности, промедления в других. Два момента особенно бросаются в глаза. Во-первых, Горбачев не сумел создать опору своим реформам среди прагматических элементов единственного реально правящего класса СССР — партийно-хозяйственной номенклатуры. Вместо этого, начиная с 1988 г., он пытался вызвать к жизни новые политические силы и движения, одновременно отстраняя номенклатуру от управления экономикой и обществом и подрывая сам аппарат централизованно-

го управления. Во-вторых, Горбачев, пока он еще был безраздельным хозяином авторитарного аппарата, не использовал свою громадную власть для проведения непопулярных, но совершенно необходимых финансово-экономических мер, прежде всего реформы цен и сокращения государственных субсидий. Вместо этого он способствовал стремительному демонтажу той самой авторитарной системы, которая давала ему фактически неограниченную власть. Все это породило в 1988–1989 гг. хаос и прогрессирующий коллапс экономики одновременно со стремительным обострением инфляции и бюджетного дефицита. Можно спорить, был или не был СССР безнадежно больным, но средства, предложенные Горбачевым для его «лечения», привели к быстрому ухудшению финансово-экономического состояния страны, пока оно не оказалось на грани полного развала (20).

До 1989 г., т. е. до начала радикальных политических реформ, Советский Союз еще мог сохранять внешнюю респектабельность, своего рода «потемкинский» фасад и с этих позиций договариваться с Соединенными Штатами о взаимной деэскалации напряженности и гонки вооружений. В 1989 г. эта ситуация в корне изменилась: принятые Горбачевым структурные реформы, ставящие цель отодвинуть партийный аппарат от управления экономикой и политической жизнью страны, привели в действие центробежные силы внутри советского общества, которые в итоге вышли из-под контроля Кремля. Возникла поистине революционная ситуация: кризисные явления приняли обвальный характер, буквально захлестнули и парализовали политическое руководство. Мировая и советская перестроечная пресса подробно освещала растущую в стране нестабильность. В результате СССР уже не мог вести себя на международной арене как сверхдержава. У Кремля уже не было не только желания, но и возможности оказывать помощь своим союзникам в странах социалистического лагеря. Утерав почти все силовые позиции, советское руководство все более было вынуждено полагаться на добрую волю западных, прежде всего американских политических лидеров.

Есть и другие моменты, которые противоречат мнению о том, что кризис советской системы вынудил Горбачева покончить с холодной войной в невероятной спешке и на условиях Запада. Во-первых, поведение советского руководства на переговорах с США начало меняться еще в начале 1987 г., до того как начался финансово-экономический обвал. Во-вторых, Советский Союз при полной поддержке Горбачева и Шеварднадзе продолжал оказывать многомиллиардную помощь Кубе, Сирии, Эфиопии, Вьетнаму и другим союзникам в странах третьего мира. Эта помощь не прекратилась в 1989–1990 гг. и даже в начале 1991 г., когда советская казна была практически пуста (21). Американцы требовали от Горбачева, чтобы тот прекратил помогать

Кубе, а некоторые московские радикально настроенные публицисты даже предлагали наладить отношения с врагами Кастро — кубинскими эмигрантами в Майами. Однако Горбачев на это не пошел, хотя подобные шаги могли бы принести ему политические дивиденды в США.

Многие на Западе, в том числе и ученые, убеждены, что СССР не подлежал реформированию и крах старой советской системы нельзя было предотвратить. Однако китайские реформы показали, что контролируемая трансформация послесталинской советской модели в авторитарное государство с рыночной экономикой была возможна, и не обязательно с сильными социально-политическими потрясениями. Разумеется, разговоры об упущенной возможности пойти по «китайскому пути» вряд ли корректны. В то же время заслуживает внимания то, с какой быстротой многие партийные аппаратчики, директора советских предприятий и хозяйственная часть коммунистической номенклатуры воспользовались приватизацией государственной собственности и встроились в капитализм в первые годы правления Б. Н. Ельцина. Одно это заставляет усомниться в утверждениях Горбачева о том, что партийная номенклатура не захотела «перестроиться» и выступила в роли «механизма торможения» перестройки. Один из аналитиков, симпатизирующих Горбачеву, признал, что партийная верхушка «была готова в любой момент послать весь этот марксизм-ленинизм к черту, если только это поможет сохранить иерархические позиции и продолжить карьеру, что она потом почти вся целиком и сделала» (22). Горбачев не захотел и не смог опереться на эти кадры, желающие и способные управлять экономикой и страной по-новому, в рыночной экономике. Вместо этого генсек-реформатор апеллировал к либеральной и националистически настроенной интеллигенции, которая быстро впала в радикализм и повернула огонь сокрушительной критики против самого Горбачева. В результате растущий саботаж недовольной и отставленной от дел номенклатуры, с одной стороны, и радикализм интеллигенции, с другой, быстро смяли тот политический центр, на который, по идее, хотел опереться Горбачев в своих реформах. И чем больше Горбачев терял поддержку у себя в стране, тем больше он зависел от признания и помощи руководителей стран Запада.

Третье объяснение окончания холодной войны заключается в том, что советское руководство сменило идейные установки. Ряд авторов видят смену идеологических вех как следствие долговременной эрозии коммунистической идеологии. Другие считают, что эта смена произошла в результате революционной, «обвальной» гласности 1987–1989 гг. Ряд исследователей посвятили свои работы изучению «нового мышления», сменившего прежние идеологические уста-

новки. Особую роль, по их мнению, сыграл отказ от марксистско-ленинских положений о классовой борьбе и неизбежности деления мира на два лагеря. Американский политолог Роберт Инглиш после многочисленных интервью со сторонниками «нового мышления» пришел к выводу, что новый взгляд на окружающий миропорядок начал зарождаться в среде партийных интеллектуалов и образованных аппаратчиков еще в 1940–1950-х гг. Другие авторы считают, что Горбачев усвоил идеи «нового мышления» из внешних источников, в общении с западными партнерами и либерально мыслящими советниками и помощниками (23).

Идеи играли громадную роль в изменении советского поведения на международной арене в годы правления Горбачева. Но уже тогда бросалась в глаза странная особенность Горбачева: он воспринимал идеи слишком серьезно. Приверженность идеям и принципам, прежде всего абстрактным идеям «перестройки», занимала чрезвычайное место в горбачевской системе приоритетов. Идеальные принципы оказались для Горбачева важнее не только текущих выгод от переговоров с западными странами, но и важнее, чем интересы государственной безопасности, как бы их ни трактовать. Таким образом, опять получается, что сами по себе идеи играли меньшую роль, чем историческая личность, которая их усвоила и поставила во главу угла своей деятельности.

Против самодостаточности идеологического фактора в окончании холодной войны говорит и возможность других сценариев демонтажа коммунистической идеологии в СССР. Во-первых, этот демонтаж мог бы протекать не так стремительно и в большей степени контролироваться сверху. В 1988 г. Горбачев и его помощники, как известно, позволили гласности в средствах массовой информации вырваться из-под контроля. В результате шквала разоблачительных и критических публикаций и телевизионных программ произошла стихийная радикальная ревизия всей советской истории, всей коммунистической идеологии и всей внешней политики. Часть «советской интеллигенции» — писатели, журналисты, телеобозреватели — стали выразителями недовольства самых широких масс и одновременно просветителями этих масс по многим вопросам, которые никогда не обсуждались публично. Десятилетия цензуры и привычной лжи сменились страстным желанием выкрикнуть слова правды. Отбросив официальные трактовки, перестроечные интеллектуалы начали пропагандировать версии истории из самиздата, а нередко — из западных публикаций. Ряд публицистов эпохи гласности возложили на Советский Союз исключительную ответственность за развязывание холодной войны, а политику США трактовали исключительно как реакцию на советский империализм и угрозу тоталитарной экспан-

сии. Более консервативный и охранительный подход (которому до сих пор следует руководство Китая), как бы к нему ни относиться, установил бы рамки для ревизии истории и не создал бы ситуации, когда внешняя политика СССР стала заложницей внутренней радикализации и эмоциональной реакции на преступления прошлого.

Отказ от старой идеологии мог бы развиваться в прагматичном ключе по модели «реальной политики», в основе которой лежали бы не высокие принципы, а более приземленные и ясные представления о государственных интересах. В 1984 г. после встречи с Горбачевым премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер пришла к выводу, что «с ним можно иметь дело». Тэтчер особо отметила, что Горбачев процитировал слова лорда Палмерстона: «Нет постоянных союзников, но есть только постоянные интересы» (24). Однако советская политика в 1988–1991 гг. по своей сути оказалась прямо противоположна заповеди Палмерстона: идеалистические принципы заняли место «постоянных интересов», мессианские ожидания заменили стратегию. Летом — осенью 1987 г. Горбачев написал книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», где предлагал новый миропорядок, основанный не на интересах, а на идеалах справедливости и демократии. В этом миропорядке СССР играл ключевую реформаторскую роль, место сверхдержав занимала ООН. Вместо всемирной революционно-имперской идеи, которой руководствовалась советская внешняя политика до Горбачева, генсек предложил не менее глобалистскую, мессианскую идею, где «перестройка в СССР только часть некой всемирной перестройки, рождения нового миропорядка» (25).

Из новых идеологических мотивов вовсе не обязательно следовал полный отказ от применения силы и проекции силы на международные отношения. Для предшественников Горбачева, от Сталина до Андропова, а также для большинства членов горбачевского Политбюро в 1985–1988 гг. реализм во внешней политике всегда был синонимом силы. «Соотношение сил» и судьба державы были для них не менее, если не более важны, чем любой из постулатов коммунистической идеологии и принцип «классовой борьбы». С точки зрения державных интересов требовалось любой ценой сохранить государство. Горбачев, однако, не только отверг коммунистические постулаты, а с ними и всю послесталинскую логику советских геополитических интересов. В отношении Восточной Европы он пошел гораздо дальше — к принципиальному отказу от роли силы и любого вида вмешательства. Более того, то же самое он исповедовал даже внутри Советского Союза.

Даже в рамках «нового мышления» можно было действовать совершенно иначе, чем действовал Горбачев в области внешней и вну-

тренней политики. Можно разделять весь набор этих идей и в то же время расходиться с Горбачевым в вопросе о том, когда начинать радикальные политические реформы и как проводить их, не ставя государство под угрозу полного распада. Для большинства политических деятелей идеи — лишь инструменты в достижении целей и решении задач. И чтобы понять, как идеи влияют на историю, следует внимательнее присмотреться к тому, как они формируются и используются теми людьми, которые их провозглашают. Если говорить о Горбачеве, то он взял на себя явно утопическую и непосильную задачу, когда попытался реформировать СССР и сформировать новый мировой порядок, исходя из высоких принципов «нового мышления».

Вряд ли во всемирной истории найдется еще один пример, когда государственный деятель с такой готовностью поставил бы все, включая геополитическое положение своей слабеющей сверхдержавы и собственное политическое будущее, в зависимость от воплощения глобальной этической программы. Даже Ленин, который оставался героем Горбачева по крайней мере до конца 1989 г., не был готов пойти на риск потери государственной власти в 1918 г. во имя разжигания «мировой революции», а вместо этого заключил «позорный» Брестский мир с кайзеровской Германией. Горбачев поступил наоборот — пожертвовал властью, сохраняя верность «новому мышлению». Во время споров, разгоревшихся на заседаниях Политбюро в марте 1988 г., когда обсуждалось письмо Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», генсек четко обозначил свои приоритеты (26). Отказавшись от андроповского курса на консервативную модернизацию, он бесповоротно вступил на путь рискованных радикальных экспериментов как в идеологии, так и в политике. Этот выбор вызвал раскол в окружении генсека, и этот раскол со временем только усиливался. Члены Политбюро, работники аппарата ЦК КПСС, люди на высоких государственных постах в большинстве своем опасались, что утратят контроль над обществом и окажутся на обочине политической жизни страны. Они хорошо помнили уроки 1956 г., когда Хрущев начал спонтанную кампанию по разоблачению культа личности Сталина. Стали раздаваться голоса о том, что Горбачев хочет разрушить и пустить на ветер все, что построил Сталин. Председатель КГБ Виктор Чебриков предупредил Горбачева о возможном шоковом воздействии потока разоблачительных материалов о недавнем прошлом страны на умы советских людей. Он заявил: «Должны быть кремлевские тайны. Их никто не должен знать. Человек умирает, и с ним умирает эта тайна. Понимаете? Кстати, если посмотреть опыт других государств, то они очень строго к подобным делам относятся. У них есть установленные сроки: какой материал через 30 лет публиковать, какой — через 50 лет, а некоторые материалы прямо идут в

архив с грифом «публикации не подлежат»... Это элементарный порядок, существующий в международной практике. И мы должны его придерживаться». Егор Лигачев, опасавшийся поворота к радикализму, впервые заговорил о будущей судьбе коммунистического блока: «Допустим, мы как-то переживем, выдержим эти нападки, но ведь есть социалистические страны, в мире существует коммунистическое движение — как быть в этом случае?! Не развалим ли мы эту мощную поддержку, всегда существовавшую вместе с нашей социалистической страной? История становится политикой, и, прикасаясь к ней, мы должны думать не только о настоящем, но и о будущем» (27).

Горбачев ответил на сомнения коллег упреками в паникерстве. Ему пришел на помощь Шеварднадзе, который заявил, что «примитивизм, интеллектуальная ограниченность не позволили Н. С. Хрущеву довести до конца линию XX съезда партии». По мнению министра иностранных дел, коммунистическое и рабочее движение стало фикцией, и нечего опасаться нанести ему урон. Шеварднадзе, когда-то славословивший Брежнева, с пафосом заключил: «Возьмите Болгарию, возьмите бывшее руководство Польши, возьмите обстановку в Германской Демократической Республике, Румынии — это разве социализм?» (28).

К весне 1989 г. даже ближайшим соратникам Горбачева стало очевидно, что пересмотр советской идеологии и истории, начатый сверху, вызвал обвал всей политической системы. Горбачев перестал контролировать события как за рубежом, так и в собственной стране. В мае 1989 г. Анатолий Черняев с тревогой записал в своем дневнике: «Внутри растет тоска и тревога, ощущение кризиса горбачевской идеи. Он готов далеко пойти. Но что это означает? Любимое его словечко — “непредсказуемость”. А скорее всего мы будем иметь развал государства или что-то похожее на хаос» (29).

Историческая личность

Предшественником Горбачева на пути реформ был Н. С. Хрущев. Однако сравнение этих двух деятелей требует уточнения. Российский социолог Наталья Козлова, исследуя особенности сознания русского крестьянства, пришла к интересным выводам: быстрое и безжалостное уничтожение традиционного крестьянского уклада привело к тому, что сельское население превратилось в фантастически активную и мобильную часть общества. Молодые выходцы из крестьянских семей переезжали в города и делали там карьеру. Новоявленные горожане, получившие «путевку в жизнь» от советской власти, стремились оставить позади «идиотизм деревенской жизни» и любой ценой достичь как можно более высокого положения в обще-

стве. Первая когорта таких людей сформировалась в 1930-е гг. и во время Великой Отечественной войны. Им была присуща громадная жизнестойкость и жесткий прагматизм. Они верили не в принципы, а в силу принуждения и материальные привилегии. Вторая когорта мигрантов из села пришла в город в 1950-х гг. — когда процессы урбанизации и рост образованных, профессиональных групп в СССР проходили максимальными темпами. У представителей этой группы можно было встретить исключительно оптимистическое мировоззрение, а также безграничную веру в силу «идей» и культурное самосовершенствование. Некоторые неопиты из провинции верили в «социализм» больше, чем столичные жители, среди которых стремительно росло двуличие и цинизм и которые первыми перестали верить каким-либо лозунгам и обещаниям. Сельские, провинциальные выдвиженцы были обязаны партии и государству своим образованием и быстрым продвижением по карьерной лестнице (30). Именно здесь, пожалуй, и следует искать причины сходства и различий между Хрущевым и Горбачевым.

Наиболее заметной чертой характера Горбачева, отмеченной многими, был его исключительный оптимизм и уверенность в себе, способность преодолевать негативные эмоции. Молодой Горбачев обладал здоровым самолюбием и устойчивыми жизненными ценностями. Его социальная среда (Ставропольский край на юге России, Московский государственный университет, да и Политбюро, самым молодым членом которого он стал в свое время) способствовала его крайне высокой самооценке. Это была личность, которая никогда не сомневалась в своем успехе.

Из этой черты, по мнению поклонников Горбачева, исходит его естественное свободолюбие и демократичность. По замечанию Черняева, «его природный демократизм не был совсем испорчен длительной карьерой партработника, хотя кое-какие “благоприобретенные” черты сохранились. Истинная его народность сидит в нем глубоко». Когда Горбачев был введен в состав Политбюро и переехал жить в Москву, он столкнулся с цинизмом, аморальностью и коррупцией. «Будучи физически и душевно очень здоровым человеком и не избалованным жизнью в детстве и юности», продолжает Черняев, Горбачев «искренне ужаснулся тому обществу, тем порядкам и нравам, с которыми вроде свыклись, но которые открылись ему во все своем безобразии», когда он «оказался в столичном эшелоне руководящего слоя партии и государства». Его демократические устремления, включает Черняев, в итоге возобладали, несмотря на то что политические реалии вынуждали его ловчить, лукавить и сознательно тянуть с неприятными решениями (31).

Второй важной чертой его характера, по мнению сторонников Горбачева, была наивность на грани утопизма. Один из его помощников, Георгий Шахназаров, вспоминал о «простодушной вере в здравый смысл своих коллег». По мнению Дмитрия Фурмана, это простодушие распространялось на отношение к идеям, советской интеллигенции и иностранным лидерам. Последний советский лидер наивно, по-провинциальному верил, «что та или иная истина, идея, к которой он пришел, настолько очевидна, что люди обязательно ее усвоят. Так, наверное, Лютеру казалось, что его истины настолько самоочевидны, что он вполне может убедить в них римского папу». Горбачевскую перестройку, считает он, можно считать аналогом лютеровской «реформации», и генсеку требовались качества проповедника, чтобы повести за собой свое окружение, партийный аппарат, всю страну прочь от обанкротившейся системы, милитаризма и систематической нищеты. По мнению Шахназарова, Горбачев своим проповедническим талантом заговорил партийных чиновников, создал у них иллюзию того, что его глубоко революционные, «в полном смысле подрывные для системы идеи» не подорвут их статуса (32).

Жизненный путь Горбачева (как и его жены Раисы) способствовал его стойкому убеждению в возможность «реформации» советской системы. Михаил Сергеевич окончил МГУ и уехал в провинциальный Ставрополь в 1955 г., когда вера в Сталина начала утрачивать свой сакральный смысл, а на ее место пришли романтические мечты о «коммунизме с человеческим лицом». В Москву Горбачев вернулся в конце 1970-х: к этому времени образованная элита и циничные парт-аппаратчики уже давно забыли о романтических идеалах и высмеивали их в анекдотах. В первые годы пребывания у власти Горбачев упорно размышлял о том, как вернуться к «ленинским принципам». В личности Ленина (вернее, в его идеальном мифологизированном образе) Горбачев видел отражение собственных черт: страстную веру в силу революционных идей, «исторический» оптимизм и уверенность в том, что можно оседлать революционный хаос и выстроить из него новый общественно-политический строй. Даже в 1989 г. Горбачев, по воспоминаниям его ближайшего помощника Черняева, «безмерно восхищался» Лениным и мысленно постоянно «советовался» с ним (33).

Для недругов Горбачева его самоуверенность и природный демократизм виделись в другом свете. Егор Лигачев считал, что Горбачев «не мог себе представить, по своему складу характера», насколько трудными могут оказаться реформы (34). Некоторые обвиняли генсека в элитаризме. Валерий Болдин, заведовавший в то время общим отделом ЦК КПСС, отмечает, что между Горбачевым и многими простыми советскими людьми существовала непреодолимая психологи-

ческая пропасть. Начальник службы безопасности генсека Владимир Медведев пишет, что «интеллектуал» Горбачев, в отличие от патриархального Брежнева, в окружении советских людей чувствовал себя не в своей тарелке и предпочитал общаться с людьми с Запада (35).

Соратники Горбачева признают, что личность Горбачева контрастировала с основной массой русских, советских людей, с преобладавшим в обществе менталитетом. Но при этом они считают, что Горбачев был намного лучше народа. Черняев, к примеру, характеризует советское общество как «люмпенизированный народ с иждивенческой психологией», готовый извечно мириться с унижительной жизнью и верить в «происки империализма». По мнению сторонников Горбачева, он должен был совершить титанический подвиг, пробудить общество от губительной спячки и советского тоталитарного рабства. Все остальное, утверждает Черняев, было неизбежным последствием этого пробуждения. Общество оказалось недостойным своего лидера: «новое мышление» опередило свое время. В этих обстоятельствах, когда советское общество, выйдя из-под контроля, начало крушить все на своем пути, Горбачев уже ничего не мог сделать — никакие тормоза бы не сработали (36).

Как отмечают враги и признают друзья, главным следствием чрезмерного оптимизма и наивности Горбачева-политика стала его непредсказуемость, неспособность планировать что-либо на перспективу и его отвращение к традиционным приемам и методам властвования. Все признают, что перестройка шла хаотично, без стратегической последовательности, а «новое мышление» было набором абстракций и не могло стать практической дорожной картой для реформ. Любимыми фразами Горбачева помимо непредсказуемости, были «процессы пошли», «жизнь покажет», «история рассудит» и т. п. По мнению Дмитрия Фурмана, все это проистекало из его чрезмерно положительного отношения к людям, особенно к советским людям. У него была «неиссякаемая вера, что народ надо только пробудить, а там “живое творчество масс” само приведет ко всему хорошему» (37). Он не сомневался в том, что, когда революционные страсти улягутся и «процессы пройдут», общество само выберет оптимальный для себя путь развития.

Даже те, кто обычно восхищается Горбачевым, признают, что эта черта его личности сыграла роковую роль в тот период, когда нужно было наметить практический курс действий для государственного аппарата, осуществить последовательную и продуманную программу перемен и предотвратить психологический разброд и идеологический раскол в обществе. Даже Черняев в своих дневниках и мемуарах не скрывает разочарования и мучительных сомнений по этому поводу. Он пишет, что Горбачев так и не приступил к значимым экономи-

ческим реформам, когда у него был шанс это сделать. Он бесконечно тянул с переходом к рыночным ценам, пока финансовый кризис не разросся до чудовищных размеров. Он три года откладывал неизбежное решение о выводе советских войск из Афганистана, в результате чего война Брежнева — Андропова — Громыко стала в значительной мере «горбачевской войной». Кроме того, он позволил Борису Ельцину перехватить у себя политическую инициативу, стать вождем русского народа, поднявшимся на популистской волне против партийных чиновников и их привилегий (38). В то же время сторонники Горбачева подчеркивают, что все эти «тактические» ошибки перекрываются с лихвой благородством замысла. Они считают, что в то время никто толком не знал, как реформировать тоталитарное общество и экономику. Найти дорогу можно было только методом проб и ошибок. К тому же, если бы Горбачев заранее знал, какая сложная и опасная задача стоит перед ним, он, возможно, никогда бы за нее и не взялся (39). Подобные оценки исходят из общей установки о том, что компартия и советская империя не подлежали реформированию, были обречены на самоуничтожение.

В 1995 г., уже после ухода с политической сцены, Горбачев в откровенной беседе признался, что в его действиях было «много наивного, утопичного». Однако он добавил, что после 1988 г. он сознательно шел на риск политической дестабилизации, потому что хотел «вывести людей из апатии, разбудить в них гражданские чувства». В противном случае, сказал он, «мы бы разделили участь Хрущева», иными словами, партийная номенклатура отодвинула бы Горбачева от власти (40).

Критики Горбачева отрицают наличие в 1988 г. какой-либо серьезной угрозы его власти со стороны партийных функционеров (41). По суровому заключению американского аналитика Уильяма Одома, «Горбачев оказался неисправимым прожектером, талантливым болтуном, неспособным предвидеть вероятные последствия своих действий». Лигачев пишет, что «опаздывать, реагировать на события, когда уже было поздно, было одной из характерных черт политики Горбачева» (42). В своем интервью он так это объяснил: «Он стремился к тому, чтобы все то, что оказывало влияние на общество, задевавшее интересы общества, было осмыслено другими. Чтобы это был плод, созревший и упавший. А он его подберет... Зачастую надо было идти против течения. В истории есть масса примеров, когда лидер оставался в меньшинстве, но оказывался прав. У Горбачева, к сожалению, этого качества не было» (43). Бывший председатель КГБ Крючков говорил и писал о горбачевской «импульсивности». «Нельзя было поворачивать штурвал то в одну, то в другую сторону. Наблюдалась настоящая импульсивность, которая была связана и с са-

мой личностью Горбачева, с чертами его ненормального характера». Крючков признает, что секретари обкомов в 1987 г. уже начали поговаривать о том, что Горбачев гнет не туда. Но выступление Ельцина с критикой руководства партии в ноябре перевело стрелки опасений с Горбачева на новую мишень (44).

Те, кто критикуют Горбачева, убеждены, что с другим руководителем, обладающим более сильной и твердой рукой, все сложилось бы совсем по-другому. Этот гипотетический «другой» смог бы добиться разрядки напряженности со странами Запада и постепенно преобразовать коммунистическую партию и Советский Союз. И все это, по словам критиков, можно было сделать, не разрушая основ государственной власти и не создавая повсюду хаоса политической и общественной жизни.

Для понимания причин окончания холодной войны нам важна и самооценка Горбачева в роли руководителя страны, его, так сказать, «образ себя». Этот образ связан с его целями и идеалами, но вместе с тем отражает его личностную, глубоко психологическую суть, которая позволила ему сохранить приверженность своим идеалам и целям. В конце октября 1988 г. Горбачев готовился поведать о своих новых взглядах всему миру на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Он дал задание «мозговому центру», в который входили Шеварднадзе, Яковлев, Добрынин, новый глава международного отдела Валентин Фалин и Черняев, подготовить речь, которая стала бы ответом на знаменитую речь Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. Она «должна быть «антифултонская» — Фултон наоборот», сказал он. Он предложил «дать миру философию видения мира по итогам трех лет. Отметить процесс демилитаризации нашего мышления, гуманизации нашего мышления» (45).

Примером для Горбачева — как в смысле направления, которое он задал Советскому Союзу, так и на международной арене — был идеализированный Ленин в противоположность Сталину. Сталин, создавший советскую империю, практически не отделял себя от собственного творения. Малейший вызов интересам СССР он воспринимал как личную угрозу, и наоборот, любое проявление недостаточного уважения его личному статусу и авторитету (особенно со стороны иностранцев) он оценивал как недопустимое оскорбление престижа Советского Союза как великой державы. Горбачев не отождествлял лично себя с советским государством и советской империей в том виде и в той форме, как они достались ему в наследство от предшественников. Позже он сказал, что делал все, чтобы «сохранить Союз». Однако речь не шла о сохранении СССР в любой форме и любой ценой. В действительности он считал, что советская империя либо будет преобразована революционно, согласно его идеям перестройки, либо она обречена.

От Сталина и его последователей Горбачев, как уже не раз повторялось на этих страницах, унаследовал пост генерального секретаря и громадную власть. Но у него были другие приоритеты, помимо власти, престижа, стабильности и государственных интересов. На первом месте у него, как уже упоминалось выше, стояла задача создания нового мирового порядка, основанного на сотрудничестве и отказе от насилия. Это ставит Горбачева, по крайней мере в его собственных глазах, в один ряд с такими политическими фигурами XX столетия, как Вудро Вильсон, Махатма Ганди и другие всемирно известные проповедники общечеловеческих ценностей. Важно отметить, что никто из этих проповедников не преуспел в делах государственного строительства и управления.

Влияние Сталина и Горбачева на судьбу Советского Союза было исключительным. При этом вряд ли найдутся в мировой истории два государственных деятеля, занимавшие один и тот же пост и столь сильно отличавшиеся друг от друга. Сталин, действуя бесчеловечными, кровавыми методами, выстроил Советский Союз и его внешнюю империю. Вся политика Сталина была нацелена на создание великой державы. Его излюбленным методом действий было создание сфер влияния, наглухо закрытых от всяких внешних воздействий, прежде всего со стороны других великих держав. Затем он устанавливал полный контроль над этими сферами влияния с помощью террора, силы и угроз силы, политических манипуляций и шантажа — методов, отработанных впервые внутри Советского Союза. Горбачев, напротив, решительно отказался от угроз применения силы даже в тех случаях, когда речь шла о странах, где дислоцировались советские войска и через которые проходили важнейшие советские коммуникации. С необыкновенной щепетильностью он придерживался позиции полного невмешательства во внутренние дела стран Варшавского договора в Центральной и Восточной Европе. Когда Генри Киссинджер, находясь в Москве с визитом в январе 1989 г., осторожно предложил Горбачеву подумать о том, чтобы СССР и США совместно взяли под контроль возможное развитие событий в Европе, чтобы предотвратить всякие неожиданности, Горбачев, проповедующий «новое мышление», с презрением отмахнулся от этой идеи. В то же время Горбачев не спешил с выводом советских войск из Восточной Европы. Когда в октябре 1988 г. Шеварднадзе поднял вопрос: не пора ли убирать войска из Венгрии? Горбачев ответил, что «пока надо сокращать, а не убирать сразу». Он критиковал Хрущева за резкие и непродуманные сокращения армии. Уже через год Горбачеву придется пойти по этому же пути, но в гораздо большей, катастрофической спешке (46).

Западничество Горбачева

Сталин привил всей советской стране и своим подданным вирус шпиономании и крайней ксенофобии, подозрительности ко всему иностранному; в культурном влиянии Запада он видел смертельную угрозу для собственного режима. Сталин был нетерпим к чужому мнению, отличавшемуся от собственного, хотя нередко провоцировал свое окружение на «размышления вслух». Такие размышления в присутствии диктатора были крайне опасным делом. Малейший отход от утвержденной политической линии Сталин расценивал как недопустимое инакомыслие, как опасность утратить контроль над страной. Сталину было свойственно ожидать самого худшего от всех и каждого, он подозревал любых западных политиков и государственных деятелей, даже тех, кто шел навстречу СССР и подлаживался под советские интересы, в том, что они вынашивают коварные планы и плетут антисоветские сети. Горбачев, напротив, не испытывал ни грана ксенофобии или враждебности к Западу, западной жизни и культуре. Более того, ему нравилось общаться с гражданами капиталистических стран, он с уважением относился к западным политикам любых взглядов, а некоторых из них со временем стал называть своими личными друзьями. Он обладал поразительной способностью считать, что «все, что ни происходит, происходит к лучшему», и в отношениях с другими лидерами вел себя, исходя из принципов доверия, честности, сотрудничества и открытости к диалогу.

По мнению иностранцев, восхищавшихся Горбачевым, он стал первым советским руководителем, кто повел себя почти как западный политик. Тогда это явление, с учетом того, какой пост и в какой стране занимал Горбачев, мало кто сумел до конца осмыслить и оценить. Разумеется, за первые годы пребывания у власти он еще сохранял множество принятых в СССР политических и идеологических стереотипов относительно стран Запада, особенно, США. Но даже в то время, когда Горбачев все еще считал президента Рейгана, канцлера Коля и их коллег по НАТО противниками, он уже приступил к разборке железного занавеса, для начала разрешив избранной группе влиятельных интеллектуалов и чиновников свободно общаться с иностранцами, а затем открыв внешний мир для всего советского общества.

Наглядным примером западничества Горбачева может служить идея «общеевропейского дома». Вначале, в 1985 и 1986 гг., эту идею предполагалось использовать для того, чтобы вбить дипломатический клин между США и остальными членами НАТО. Однако уже к 1989 г. она вызвала в СССР общественную дискуссию и с легкой руки Горбачева стала восприниматься как синоним «возвращения в Евро-

пу» и нежелания жить в закрытом обществе сталинского типа. Приверженность общеевропейским ценностям легла в основу убеждений и многих действий последнего генсека (47). Правда, некоторые, например Сергей Тарасенко, помощник и единомышленник министра иностранных дел Шеварднадзе, усматривают в этом прагматический расчет. Он утверждает, что, начиная со второй половины 1988 г., «когда мы столкнулись с трудностями внутри страны, стало формироваться сознание того, что мы сможем еще продержаться какое-то время и даже сохранить статус великой державы, только опираясь на Соединенные Штаты. Мы чувствовали, что, отойди мы на два шага от США, и мы будем отброшены» (48).

Однако проект Горбачева не был просто сухим расчетом, а зовом сердца. Как отмечает Дмитрий Фурман, западничество Горбачева было неким комплексом зависимости, которым страдали многие образованные и даже не очень образованные русские. «Для всех советских людей, в том числе и для партийной верхушки, Запад всегда был предметом вождения. Поездки на Запад были важнейшим статусным символом. Тут уж ничего поделать нельзя — это “в крови”, в культуре». Кроме того, Горбачев наслаждался своей огромной популярностью на Западе, в том числе и в США. «Горбомания» в Америке возникла в результате взаимной симпатии, естественно возникшей между Горбачевым и американской публикой (49).

Черняев восхищается способностью Горбачева настраиваться на одну волну с собеседниками — будь то руководители западных государств или же простые граждане этих стран. Он пишет в своем дневнике об успехе Горбачева в налаживании дружеских отношений с канцлером ФРГ Гельмудом Колем. В конце концов, заметил он, «новое мышление» не было чем-то таким уж оригинальным или невиданным. Новым в нем было то, что советский руководитель, сам сформировавшийся в условиях советской системы и воспитанный советским обществом, смог так быстро освободиться от советской ментальности. В тот день, когда Черняев увидел, как Горбачев и Коль ведут между собой приятную беседу, он записал в своем дневнике: «Физически ощущаешь, что мы уже вступаем в новый мир, в котором не классовая борьба, и не идеология, и вообще не противоположности и враждебность определяют. А берет верх что-то общечеловеческое» (50).

Противники Горбачева заявляют, что невероятный успех, которым Горбачев пользовался у западноевропейской и американской публики, вскружил ему голову. Он начал ставить дружеские отношения с иностранными лидерами выше интересов своей страны. Они уверяют, что Горбачеву не только политически и финансово, но и психологически необходимо было получить признание Запада: его популяр-

ность в собственной стране из-за нараставшего хаоса в общественной и политической жизни стремительно падала. Валерию Болдину это видится так: «После того как началась демократизация, которая вдруг повернула не совсем в ту сторону, куда Горбачев рассчитывал ее направить, и во главе этой демократизации встал его кровный враг Ельцин, тогда он все свои чаяния возложил на Запад» (51). Кроме того, критики указывают на то, что советы, полученные Горбачевым от Запада, лишь ухудшили положение дел и сыграли зловещую роль, так как отвлекли его от приоритетов внешней и внутренней политики 1985–1987 гг. и подтолкнули к радикальным политическим реформам (52).

Особенно резко высказываются об этом советские дипломаты Анатолий Добрынин и Георгий Корниенко, заявляя, что Горбачев «растратил переговорный потенциал советского государства» в обмен на преходящую популярность и добрые отношения с западными государственными деятелями. По мнению Добрынина, западные политики извлекали выгоду из слабости Горбачева. После 1988 г. Горбачев спешил окончить холодную войну, так как это было необходимо ему лично, чтобы прорывом на международной арене компенсировать не оправдавшиеся надежды на улучшение жизни у себя в стране. А в результате «дипломатия Горбачева часто не могла добиться выгодных соглашений в переговорах с Соединенными Штатами и их союзниками» (53). Корниенко уверен, что поспешный шаг Горбачева по созданию новой политической системы в стране объясняется его излишней чувствительностью к мнению и советам Запада. Горбачев-политик страстно хотел, чтобы его называли не «вождем коммунистической партии», а «президентом СССР», легитимным лидером государства (54).

Как со всей очевидностью явствует из записей бесед Горбачева с иностранными руководителями, после 1988 г., если не раньше, общение с самыми разными западными лидерами, от социал-демократов до ярых антикоммунистов, стало для Горбачева ключевым источником психологической поддержки. В этих людях он находил понимание, готовность прислушаться и, что немаловажно, способность оценить грандиозность масштаба осуществляемой им перестройки — то, чего ему так не хватало среди коллег по Политбюро и даже среди собственных помощников-интеллектуалов.

Поклонники Горбачева подтверждают наличие у него подобной психологической зависимости от Запада. Фурман признает, что эта зависимость была и имела опасные следствия. «Во-первых, внимание Горбачева чрезмерно отвлекается на Запад. Он явно отдыхает душой во время частых поездок, в то время как в стране нарастают оппозиция и хаос». Тот же автор отвергает утверждение о том, что Запад ис-

пользовал Горбачева в своих интересах и ускорил распад СССР. Однако он сожалеет, что Горбачев чрезмерно прислушивался к мнению западных коллег. Было бы лучше для страны и «правильно понятых» интересов самого Запада, «если бы Горбачев проявлял к нему большее безразличие» и критически подходил к рекомендациям американских, западногерманских и других европейских политиков (55).

Президент Джордж Буш, госсекретарь Джеймс Бейкер и посол США в Москве Джек Мэтлок признают, что действительно оказывали значительное влияние на Горбачева, но всегда отрицали, что имеют какое-либо отношение к резкой смене его внутривнутриполитического курса и последующему развалу Советского Союза. Уже после кончины СССР Мэтлок напишет: «Если бы это было во власти США и Западной Европы — создать демократический союз из советских республик, то они бы с удовольствием это сделали» (56). Однако совершенно очевидно, что пылкие прозападные настроения Горбачева не совпадали со сдержанным прагматизмом большинства его западных коллег. Политика американцев и западноевропейцев по отношению к Советскому Союзу основывалась не на неких идеях, мессианских планах и личной порядочности, а на геополитических, экономических и военных интересах их государств.

Нежелание применять силу

Еще одна личная особенность Горбачева, которая приводила в недоумение современников и очевидцев, — это его органическое отвращение к применению силы. Разумеется, скептическое отношение к использованию военной силы в ядерный век разделяли многие сторонники «нового мышления» (57). Можно сказать, что пацифистские настроения были присущи всему поколению «шестидесятников», хорошо помнивших войну с Германией и ее колоссальные жертвы. Разрыв поколений здесь был особенно ощутим. Например, бывший министр иностранных дел А. А. Громыко, по словам своего сына, считал Горбачева и его сторонников «марсианами», людьми не от мира сего за то, что они проповедовали отказ от ключевого принципа «реализма». «Представляю себе, в каком недоумении находятся США и другие натовцы. Для них загадка, как Горбачев и его друзья в Политбюро не понимают, как используется силовое давление для защиты своих государственных интересов, — признавался он сыну. — В кризисных ситуациях дозированное применение силы оправдано... Если гордишься своим пацифизмом, не садись в кресло руководителя великой державы» (58).

Горбачев действительно испытывал странную для коммунистического правителя нелюбовь к силовым, военным и административным

мерам, что являлось одной из основополагающих черт его характера. Горбачев искренне верил в принцип ненасилия, ставя его во главу угла своей внутренней и внешней политики, а также личных отношений. Его коллеги и соратники подтверждают, что для Горбачева «нежелание проливать кровь было не только критерием, но и условием для его политической деятельности». По их признанию, Горбачев «по характеру не только не способен применять диктаторские методы, но даже прибегать к жестким административным мерам». Недруги Горбачева заявляют, что он «боялся кровопролития», даже когда это диктовалось интересами государства (59).

Нельзя сказать, что одна лишь приверженность идеям «нового мышления» и либеральным ценностям неизбежно должна была привести Горбачева к отречению от силовых методов. Либеральные политики сплошь и рядом применяют силу во имя либеральных целей. Значительное число демократически мыслящих людей и бывших диссидентов впоследствии считали, что позиция Горбачева, полностью отказавшегося от применения силы в период с 1988 по 1991 г., была порочной и, возможно, даже аморальной. Либеральный российский философ Григорий Померанц похвалил Горбачева за решение «отпустить» страны Центрально-Восточной Европы. Но при этом, сказал он, Горбачевым «отпущены были и силы разрушительные», в результате чего в Закавказье, Средней Азии и других регионах Советского Союза начались варварские погромы, этнические чистки, кровавый хаос. «Именно после Сумгаита, почувствовав слабость власти, оживились агрессивные националистические движения». «Воля к насилию копилась год за годом... Первая обязанность государства — удержать этот хаос», — напомнил Горбачеву Померанц. Еще один либеральный интеллектуал, Владимир Лукин, осуждающе заметил: «Жесткость в такой стране, как Россия, а тем более Советский Союз, была нужна» (60).

Пока холодная война в Европе шла к своему завершению, на здании самого Советского Союза образовывались все более глубокие трещины, и это не было простым совпадением. В обоих случаях предпочтения Горбачева, его личные качества сыграли главную, основополагающую роль. На идеологическом уровне советский лидер никогда не разделял между собой окончание холодной войны и достижение успешных преобразований в СССР. Одним из компонентов такого подхода была идея о неприменении силы, возникшая из личной неприязни Горбачева к силовым методам. После трагедии в Тбилиси в апреле 1989 г. (тогда по просьбе руководства компартии Грузии советские войска разогнали демонстрантов, пустив в ход саперные лопатки и слезоточивый газ; погибло около 20 мирных граждан) Горбачев наложил устный запрет на использование военной силы в гражданских

конфликтах. И это в то время, когда националистические сепаратисты уже начали растаскивать страну на части. «Отныне без решения Политбюро в таких делах армия не должна участвовать», — сказал генсек, обращаясь к министру обороны Язову. 11 мая, на обсуждении в Политбюро массовых националистических выступлений в Прибалтике, Горбачев заявил: «Мы признали, что и во внешней политике сила ничего не дает. А уж внутри — тем более не должна и не будем к ней обращаться» (61). Примечательно, что таким образом Горбачев отказал республиканским и местным властям в помощи и праве наводить порядок — то, на чем держится государственный суверенитет и что является конституционным правом и долгом главы государства. За некоторым исключением, Горбачев до последнего дня своего пребывания у власти стойко придерживался этого, столь необычного для коммунистического лидера принципа.

Западные политики, в частности Буш и Бейкер, знали об этой особенности Горбачева-политика и успешно этим пользовались. Так, например, Буш во время встречи на Мальте предложил Горбачеву заключить джентльменское соглашение по поводу прибалтийских республик, где широкие массовые движения начали требовать полного отделения от СССР. Это было явным вмешательством одной сверхдержавы во внутренние дела другой в нарушение негласного табу, которое уже давно соблюдалось в американо-советских отношениях. Буш тем не менее нашел нужный подход. «Мне бы хотелось иметь наиболее полное представление о вашем отношении к Прибалтике, — сказал он. — Здесь нельзя допустить движения назад. Возможно, нам лучше обсудить данную тему частным образом, поскольку я бы очень хотел понять вашу главную мысль об этом весьма сложном деле». Так как вопрос о Прибалтике был преподнесен в нужном контексте, и Буш показал, что заботится об успехе горбачевской политики «нового мышления», Горбачев с готовностью с ним согласился, чтобы во имя нового мирового порядка не допустить движения назад в американо-советском сотрудничестве. В результате они пришли к договоренности, что американцы будут воздерживаться от любых попыток оказывать помощь движению за отделение Прибалтики от СССР, а Горбачев, в свою очередь, будет воздерживаться от применения военной силы в решении прибалтийской проблемы (62).

Сам Горбачев спустя много лет после того, как утратил власть, продолжает оставаться твердым приверженцем принципа неприменения силы. Он очень сожалеет о тех случаях, когда войска все же были задействованы против гражданского населения в советских республиках. Вспоминая все эти кризисные ситуации (армянские погромы, устроенные толпами азербайджанцев в Сумгаите в феврале 1988 г., межэтнические столкновения в Нагорном Карабахе, кровопролития

в Тбилиси в апреле 1989 г. и в Баку в январе 1990 г., карательные меры в Вильнюсе и Риге в январе 1991 г.), Горбачев сказал: «И сколько ни было потом попыток повязать Горбачева кровью — не удалось» (63). По сути, эти слова Горбачева резонируют с характеристикой, которую ему дал Лигачев: «К таким мерам, которые были связаны с насилием, но направленным на спасение людей, он считал нужным прибегать только тогда, когда самому последнему гражданину будет ясно, что иного выбора нет. Это была черта характера» (64). Всякий раз, когда военные контингенты начинали подавление национально-территориальных конфликтов, выполняя расплывчатые, возможно, устные инструкции из Москвы, Горбачев немедленно уходил от ответственности за пролитие крови, и военным приходилось брать на себя весь удар националистов и радикально-демократической прессы. Подобная схема производила двойной эффект: с одной стороны, она парализовала и разрушала морально советскую армию, а с другой — придавала сил тем, кто хотел развалить Советский Союз (65).

Решение Горбачева ради высоких принципов отказаться от применения силы в международных отношениях и во внутренней политике — явление в мировой истории поразительное и уникальное. Канадский исследователь Жак Левек отмечает, что «то, как СССР отделил себя от советской империи [в Восточной Европе], и то, как он пришел к своему мирному концу», связано друг с другом и «может оказаться самым благом вкладом Советского Союза в мировую историю» (66). Правда, принципиальное неприменение силы Горбачевым, которое так высоко ценили на Западе, в самой России, похоже, не вызывало восторга. Для своих соотечественников Горбачев, помимо всех прочих ипостасей, был в первую очередь и прежде всего «царем», гарантом стабильности, гражданского мира и достатка, а также существования самого государства. Горбачев оказался неспособным исполнять эту роль, и, более того, он сам от нее отказался в кризисной ситуации. Это, безусловно, способствовало внезапному крушению Советского Союза и тому, что десятки миллионов русских и нерусских людей оказались брошенными на произвол судьбы среди обломков империи — в нищете, без работы, а иногда и без крова над головой.

Горбачев, мирные революции 1989 года и воссоединение Германии

Сложное сочетание таких сторон личности Горбачева, как оптимизм, наивность, непредсказуемость, западничество и нелюбовь к насилию, в полной мере отразилось на советской политике во время распада просоветских режимов в Восточной и Центральной Европе и

на отношении самого Горбачева к падению Берлинской стены и краху ГДР. И сторонники, и противники Горбачева указывают на то, что, начиная с 1987 г., проводимая Горбачевым внешняя политика редко обсуждалась официально на заседаниях Политбюро — в основном все происходило в узком кругу. В международных делах Горбачев опирался на министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе и помощника Чернышева, но опять-таки насущные темы в большей мере обсуждал с глазу на глаз, т. е. непосредственно с зарубежными лидерами. Многие межведомственные структуры, ответственные за принятие решений (Совет обороны, комиссия «большой пятерки», которая работала над предложениями по сокращению вооружений и являлась неформальной связкой между МИД, КГБ и Министерством обороны), часто оказывались не в курсе этих переговоров. Как вспоминает Лигачев, он и другие члены Политбюро не особенно разбирались в международных делах и, доверившись Горбачеву и Шеварднадзе, «от месяца к месяцу сдавали все позиции» по германскому вопросу (67). Одним словом, Горбачев, хоть и не считал себя наследником Сталина, тем не менее воспользовался сталинским правом единолично принимать жизненно важные политические решения. Таким образом, личные черты характера Горбачева и его своеобразие в качестве государственного деятеля могли влиять на внешнюю политику СССР без особых сдержек и противовесов.

В частности, не последнюю роль в том, что коммунистические режимы в Восточной и Центральной Европе (за исключением Румынии и Югославии) скончались мирно, сыграл именно горбачевский «антисталинизм». Как показано в исследовании американского политолога Марка Крамера, расшатывание устоев коммунистических режимов в странах бывшего соцлагеря явилось побочным эффектом политики гласности и перестройки в Советском Союзе. А когда стали падать один за другим режимы в Польше и Венгрии, затем в ГДР, Болгарии и Румынии, то эти события отразились на положении в самом СССР — подрывался авторитет Горбачева, страх перед репрессиями исчезал, росла открытая оппозиция контролю государственных и партийных органов (68).

Почему же Горбачев и его советники (но не все члены Политбюро и военные) решили оставить союзников по социалистическому лагерю на произвол судьбы, позволив событиям в Центральной и Восточной Европе развиваться фактически без участия и контроля Москвы? Ключевую роль здесь сыграл идеологический фактор «нового мышления» и мессианской задачи Горбачева объединить Северную Америку, Европу и СССР в рамках единой структуры безопасности и «общеевропейского дома» от Ванкувера до Владивостока. В конце января 1989 г. для работы с различными ведомствами и научными цен-

трами и изучения возможных непредвиденных последствий событий в Восточной и Центральной Европе Горбачев назначил комиссию по международным делам при Политбюро во главе с Александром Яковлевым. Яковлев заказал академическим институтам, МИД и КГБ ряд аналитических записок. Однако при этом комиссия Яковлева не затребовала мнения Генерального штаба. Большинство записок предсказывало всеобщий кризис в соцлагере. В записке международного отдела ЦК заключалось, что на первый план выдвинулся экономический фактор, способность страны вписаться в мировое хозяйство. Восточноевропейские союзники СССР в этом смысле уже давно оказались «в сильнейшем магнитном поле экономического роста и социального благосостояния западноевропейских государств. На этом фоне, с одной стороны, меркнут их собственные достижения, а с другой — практически не воспринимаются существующие на Западе реальные проблемы и трудности». В этой обстановке «в ряде социалистических стран идет процесс отторжения обществом существующих политических институтов, идеологических ценностей». В меморандуме, составленном Олегом Богомоловым и учеными из Института экономики и мировой социалистической системы, сделан вывод, что если правящие партии не пойдут на уступки оппозиционным силам, то начнется цепная реакция народных восстаний, наподобие событий в Венгрии в 1956 г. Аналитики предупреждали, что кризис в восточноевропейских странах зашел слишком далеко и только «революции сверху» могут предупредить «революции снизу». Во всех документах были представлены возражения против любой формы советской интервенции в этих странах. Вывод у всех был один: какой-либо военно-политический нажим не гарантирует успеха, но зато может вызвать цепную реакцию насилия и развал советского блока изнутри. Некоторые говорили о возможности «финляндизации» союзников, т. е. налаживания добрососедских отношений по модели Финляндии и выводе советских войск из Восточной Европы. Авторы записок ломались в открытую дверь. Горбачев и его соратники по «новому мышлению» (Яковлев, Шеварднадзе, Черняев, Шахназаров) были и сами убеждены, что военное вторжение в Чехословакию в 1968 г. было ужасной ошибкой, и они ни при каких условиях не собирались даже рассматривать вопрос использования советских войск (69).

Но все это не в полной мере объясняет отсутствие *позитивного* вовлечения СССР в события в Восточной Европе. Ведь можно было попытаться более решительно координировать действия с реформаторскими силами внутри правящих режимов в ГДР, Польше и Чехословакии — предоставить им материальную поддержку и воздержаться от односторонних шагов, которые ускоряли процессы распада Варшавского договора. Объяснить пассивность советского руководства

можно двумя обстоятельствами. Во-первых, Горбачев и его окружение были полностью поглощены реформами политической системы у себя дома, начавшимися в конце 1988 г. С этого момента события в СССР развивались лавинообразно и с головой накрыли политическое руководство страны. Горбачев и его советники, включая тех, кто курировал ситуацию в странах Варшавского пакта, были всегда заняты чем-то другим. Например, основная часть времени Георгия Шахназарова, помощника Горбачева по «социалистическому содружеству», уходила на составление служебных и докладных записок к первым частично свободным парламентским выборам в СССР в марте 1989 г., на написание нового законодательства, а позже — на работу с текстами выступлений Горбачева и выполнение его поручений к Съезду народных депутатов СССР, который открывался в Москве 25 мая. Во-вторых, в Советском Союзе уже свирепствовал финансовый кризис. В январе 1989 г. Горбачев объявил о сокращении советских вооруженных сил в Центральной и Восточной Европе на 14 % и уменьшении военного производства на 19 %. Эти меры подтвердили его позицию, высказанную во время «антифултонской речи» в ООН 7 декабря 1988 г. Вместе с тем это была отчаянная попытка руководства страны сократить государственные расходы. У советских руководителей просто не было денег на то, чтобы повлиять на события в Центральной и Восточной Европе: им оставалось лишь наблюдать за тем, как правительства этих стран обращаются за кредитами и иными формами поддержки к Западу (70).

И все же даже теперь, по прошествии времени, поражаешься, как просто, словно мимоходом, Горбачев отказался от восточноевропейской части советской империи и как легко страны этого региона пошли своей дорогой. 3 марта 1989 г. председатель Совета министров Венгрии Миклош Немет проинформировал Горбачева о своем решении «полностью снять электронные и технологические средства защиты с западных и южных границ Венгрии. Нужда в них отпала, и они служат лишь для того, чтобы ловить граждан Румынии и ГДР, которые пытаются нелегально уйти на Запад через Венгрию». Он осторожно добавил: «Конечно, нам надо будет поговорить с товарищами из ГДР». Единственными словами Горбачева, сохранившимися в записи, были: «Мы строго охраняем наши границы, но и мы движемся в сторону большей открытости». В дальнейшем вместо консультаций с лидером ГДР Хонеккером Немет и его коллеги договорились с канцлером ФРГ Гельмутом Колем о том, что Венгрия будет беспрепятственно пропускать всех восточных немцев в Австрию, для того чтобы они потом направлялись в Западную Германию (71).

Подобный же принцип невмешательства и отсутствие внятной стратегии отличали советскую дипломатию и в решающий период

лета и осени 1989 г., когда события в Центральной и Восточной Европе приняли революционный характер. Современным исследователям пока не доступны документы, отражающие содержание телефонных разговоров между Москвой и Варшавой, а также шифропереписки, которая велась в переломный момент, когда поляки на парламентских выборах 4 июня проголосовали за «Солидарность», и в течение последующих двух месяцев, когда решался вопрос о президентстве Войцеха Ярузельского. Как вспоминает Мечислав Раковский, один из руководителей ПОРП, выступивший за реформы в стране, Горбачев звонил ему, чтобы узнать «что происходит». При этом советский руководитель умело избегал каких-либо советов и не произнес ничего, что можно было бы трактовать как намек на вмешательство в польские дела (72). 11 сентября, когда венгерское правительство открыло границы своего государства «туристам» из ГДР, желавшим перебраться на постоянное место жительства в ФРГ, Москва по-прежнему подчеркнуто хранила молчание. Когда Венгрия под давлением Хонеккера ограничила выезд, «туристы» из ГДР хлынули в Прагу. В результате десятки тысяч восточных немцев заполнили улицы Праги и Будапешта, что дестабилизировало ситуацию в этих странах. 27–28 сентября министр иностранных дел Шеварднадзе, предположительно по указанию Горбачева, встретился со своими коллегами Джеймсом Бейкером и Гансом-Дитрихом Геншером во время заседания Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, чтобы обсудить проблему. Итогом этой встречи стало разрешение немцам из ГДР временно проживать на территории посольств ФРГ в Праге и Будапеште. Позднее им было разрешено на специальных поездках проехать через всю территорию ГДР в Западную Германию (73).

Позднее Горбачев утверждал, что к началу 1989 г. он уже был готов вывести все советские войска из Центральной Европы, но собирался делать это неспешно, главным образом не из-за геополитической обстановки, а потому что был связан по рукам и ногам у себя дома. В подтверждение этих слов Черняев пишет: «Было опасение, что, если мы начнем выводить войска, поднимется вой: за что мы сражались, за что миллионы наших солдат погибали в Великой Отечественной войне? Почему мы от этого отказываемся? Горбачев в то время очень болезненно относился к таким моментам» (74).

Горбачев был еще больше озабочен тем, какую позицию займут в отношении его реформ администрация Буша и правительство ФРГ. В Вашингтоне новые люди у власти относились отрицательно к «роману» Рейгана с Горбачевым, планам безъядерного мира и т. п. Роберт Гейтс, Ричард Чейни и Брент Скоукрофт не воспринимали всерьез горбачевские призывы к «новому мышлению», считая их в лучшем случае неискренними, а в худшем — намеренным обманом.

Даже вывод советских войск из Афганистана, завершившийся в феврале 1989 г., не поколебал их в этом мнении. Прагматик и сторонник баланса сил Скоукрофт объяснял этот шаг необходимостью «перегруппироваться после поражения». Его вывод: «Приоритеты СССР не изменились, а просто сузились» (75).

Тем не менее к лету 1989 г. президент США Джордж Буш и госсекретарь Джеймс Бейкер пришли к заключению, что им все же придется иметь дело с Горбачевым. Более того, они поняли, что личность Горбачева играет очень важную роль. «Слушайте, этот парень и есть “перестройка”, говорил Буш сомневающимся экспертам. Он не придал значения анализу, проведенному советским отделом ЦРУ, который показывал, что Горбачев теряет контроль над событиями и не может являться надежным партнером в долгосрочном плане. В июле Буш отправился в Польшу и Венгрию, где поддержал коммунистов-реформаторов и призвал националистов, жаждавших свергнуть коммунистический режим, не раскачивать лодку. Эта поездка и личные беседы Буша с Горбачевым развеяли опасения советского лидера (76). В сентябре 1989 г. Шеварднадзе и Бейкер провели переговоры на ранчо госсекретаря США в Вайоминге. Присутствовали только ближайшие помощники и переводчики. Шеварднадзе с откровенностью, поразившей американцев, рассказывал о кризисных проблемах, с которыми начал сталкиваться Кремль, о разногласиях внутри руководства, о растущем недовольстве среди военных. Шеварднадзе и Бейкер расстались друзьями, и эта дружба в дальнейшем пережила распад СССР (77).

Волновала Горбачева и позиция правительства Западной Германии, в том числе в отношении ГДР. В советском политическом классе, если не считать горстки приверженцев «нового мышления», внешнеполитические и военные круги по-прежнему с подозрением косились на ФРГ. Сам Горбачев в течение двух лет отказывался встретиться с канцлером Гельмутом Колем из-за того, что тот сравнил его перестройку с геббельсовской пропагандой. Тем не менее к концу 1988 г. Горбачев принял Коля в Москве и сумел установить с ним прекрасные личные отношения. Их дружба не замедлила отразиться на внешней политике СССР в германском вопросе, один западный ученый описал это событие как «замену одного союзника на другого» — ни много ни мало. В то время как между Кремлем и Бонном произошло резкое потепление, отношения Горбачева с руководством ГДР становились откровенно неприязненными. Горбачев и Шеварднадзе лишили руководство Восточной Германии тех рычагов влияния на международную политику СССР, которыми оно столь часто и с успехом пользовалось в прошлом (78).

Когда Горбачев прибыл в Западную Германию для четырехдневного визита, проходившего 11–15 июня 1989 г., на улицах и площадях немецких городов его встречали громадные толпы людей, почти исторически скандировавших его имя. «Горбимания» западных немцев разительно отличалась от той угрюмой неприветливости, с которой советские граждане все чаще встречали своего лидера дома. В результате общения с Колем психологическая зависимость Горбачева от Запада еще более усилилась. Многим было ясно, что западные немцы прежде всего хотели от советского руководителя помощи в объединении страны. Но Горбачеву казалось, что он добился главной цели: канцлер ФРГ поддержал горбачевскую перестройку и его идею ввести Советский Союз в «общеευропейский дом». В свою очередь, он не протестовал, когда Коль предложил совместно помочь реформам в ГДР и, в частности, постараться убрать с дороги Хонеккера. Черняев утверждает, что в совместной декларации, согласованной лидерами ФРГ и СССР, из всех принципов и норм международного права, под которыми они подписывались, был намеренно выделен пункт об «уважении права нации на самоопределение». Этим подразумевалось, что СССР не будет применять силу и противодействовать переменам в Восточной Германии. В то же время Коль устно заверил Горбачева в том, что ни он сам, ни его правительство не заинтересованы в дестабилизации положения в ГДР (79). Эта неофициальная договоренность сыграла решающую роль в последующем мирном воссоединении Германии.

Однако Коль просто не мог оставаться безучастным, когда перед ФРГ открылась возможность содействовать переменам в Центральной и Восточной Европе. 25 августа 1989 г. Коль добился соглашения с правительством Немета в Венгрии, по которому венгры открыли границу с Австрией для перебежчиков из ГДР. За это Венгрия получила 1 млрд марок для покрытия своего бюджетного дефицита. Детали этого соглашения, сыгравшего роковую роль для судьбы ГДР, стали известны из сборника документов, опубликованных самим Колем (80). До сих пор неясно, когда и какую информацию об этой сделке получила Москва. Когда венгерский лидер послал записку Шеварднадзе о своей договоренности с ФРГ открыть границу (финансовая сторона вопроса в ней не упоминалась), Шеварднадзе лишь ответил: «Это дело, которое касается только Венгрии, ГДР и ФРГ» (81). В октябре Хонеккер сообщил Горбачеву о том, что Немец получил от СДПГ заем на сумму в 550 млн марок при условии, что «венгры открывают границу с Австрией» (82).

Какова была реакция Горбачева на это, неизвестно до сих пор. Он и остальные приверженцы «нового мышления» еще с 1987 г. видели в Хонеккере закоренелого реакционера после того, как тот начал

открыто выступать против политики Горбачева (83). Секретарь ЦК Вадим Медведев, отвечавший за связи с социалистическими странами и за идеологию, побывал в ГДР в сентябре 1989 г. и вернулся в Москву «с нелегкими мыслями». Согласно его выводу, «первое, что надо было сделать, — это принять решение о смене руководства, тем более что в отличие, например, от Чехословакии и Болгарии тут не возникало сложностей с подбором преемника». Об этом он доложил Горбачеву (84). В то же самое время сотрудники КГБ, работавшие в ГДР, сообщали в Москву о расстановке сил в руководстве ГДР (не вдаваясь в подробные политические рекомендации) и указывали на то, что ситуация требует немедленной отставки Хонеккера (85).

5 октября 1989 г. Черняев записал в своем дневнике: «М. С. [Горбачев] завтра летит в ГДР на 40-летие. Очень ему не хочется. Два раза звонил... В поддержку Хонеккера не скажу ни слова... Республику и революцию поддержу». Черняев был под впечатлением шифровок о стремительно развивавшейся революции в Восточной Германии. «Сегодня в Дрездене 20 000 человек вышли на демонстрацию, вчера в Лейпциге еще больше. Идет информация, что в присутствии Горбачева начнут штурмовать стену. Жуткие сцены при прохождении спецпоезда с гэдэрововскими беженцами из Праги в ГДР через Дрезден. Вся западная пресса полна статьями о “воссоединении” Германии» (86). Во время пребывания в ГДР советский руководитель так и не высказал своей четкой позиции о происходящем. Он видел, что «процессы пошли», но стойко придерживался тактики невмешательства. На встрече с руководством ГДР он говорил нарочито туманным языком, сказав, например, что того, кто опаздывает, «наказывает жизнь». Позднее это высказывание расценивалось как явный сигнал к снятию Хонеккера, но неизвестно, что Горбачев имел в виду на самом деле. В то время большинство обозревателей, включая самих немцев, не обратили особого внимания на эту расплывчатую фразу. Выступая перед широкой аудиторией в Берлине, он цитировал стихотворение русского дипломата и поэта Федора Тютчева:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Предназначалась ли эта цитата руководству ФРГ в качестве предостережения — на тот случай, если оно вдруг замышляло силой присоединить к себе ГДР? Или, напротив, означала согласие советского руководства на воссоединение страны на мирных, добровольных началах? Сотрудники аппарата Белого дома Филипп Зеликов и Кондолиза Райс восприняли стихотворение как «странный способ пре-

достеречь ФРГ о том, что необходимо уважать сложившиеся после войны реальности» (87).

Виталий Воротников записал рассказ Горбачева о впечатлениях от своего визита, которыми он поделился с членами Политбюро. Генсек признался, что ему было «неловко» видеть факельное шествие молодежи, скандировавшее «Горби! Горби!» перед трибуной, где стоял он и руководство ГДР. Горбачев рассказал коллегам, что Хонеккер утратил связь с реальностью и что в ГДР зреет взрыв. Никаких мер по этому поводу он обсуждать не стал. Горбачеву явно не хотелось обсуждать на Политбюро возможные последствия краха ГДР для СССР. Тезисы выступления Горбачева на Совете обороны 17 октября содержат примечательный тезис: «Правительства стран НАТО не перестали быть нашими потенциальными противниками, не отказались от своих намерений “отбросить коммунизм”, подорвать роль Советского Союза как мировой державы. Намотившиеся позитивные сдвиги не приобрели еще необратимого характера». Неизвестно, думал ли так сам генсек или он просто выражал общепринятое среди военных мнение (88).

16 октября восточногерманские лидеры Вилли Штоф, Эгон Кренц и Эрих Мильке отправили в Москву своего эмиссара, чтобы просить Горбачева поддержать отставку Хонеккера. Глава госбезопасности «Штази» Мильке был уверен, что с передачей власти опоздали — революцию уже не удастся погасить. Горбачев не стал собирать всех членов Политбюро, а устроил у себя совещание, на котором присутствовали Яковлев, Медведев, Крючков, Рыжков, Шеварднадзе и Воротников. Горбачев предложил связаться с Колем и Бушем. Кроме того, он сказал, что советским войскам в ГДР «следует вести спокойно, без демонстрации». Впервые советский лидер заметил, что речь может пойти «о возможном объединении Германии». Но никакого группового обсуждения того, что нужно делать в этой ситуации, не последовало. Как только Хонеккер окончательно ушел со своего поста, 1 ноября новый руководитель ГДР Эгон Кренц встретился с Горбачевым, чтобы обсудить будущее ГДР. Горбачев был потрясен, узнав, что ГДР задолжала Западу 26,5 млрд долларов, а дефицит бюджета на 1989 г. составляет 12,1 млрд. Он признался Кренцу, а позже — своим коллегам в Политбюро, что без помощи Западной Германии СССР не сможет «спасти» ГДР. Горбачев одобрил предложение Кренца легализовать выезд некоторого количества граждан ГДР на Запад и тем самым уменьшить социальное напряжение в Восточной Германии. Горбачев и Кренц не обсуждали никаких планов постепенного демонтажа пограничного режима между ГДР и Западным Берлином.. 3 ноября на заседании Политбюро Шеварднадзе предложил: «Лучше самим убрать» Берлинскую стену. Глава КГБ Крючков заметил:

«Если убрать, трудно восточным немцам будет». Насколько можно судить по обрезанным фрагментам записей Политбюро, сделанным помощниками Горбачева, он по этому поводу ничего не заметил. Горбачев все еще надеялся, что Кренц удержится у власти, и был уверен, что «Запад не хочет объединения Германии». Он не исключал, что процесс объединения пойдет, но рассчитывал, что он будет протекать медленно и СССР будет ключевым игроком в этом процессе наряду с ФРГ и ГДР (89).

Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. стало для всех сторон полной неожиданностью. Руководители ГДР, действуя под давлением революционного движения в стране, приняли решение открыть контролируемое движение населения между Восточным и Западным Берлином. Однако они это сделали исключительно неуклюже. Представитель правительства Кренца, Гюнтер Шабовский, совершил исторический «ляп» на пресс-конференции с западными журналистами, объявив, что, согласно новым правилам, «постоянный режим выхода возможен через все пограничные пункты ГДР с ФРГ». На вопросы журналистов о том, когда этот режим вступает в силу, Шабовский, запнувшись, ответил: «Немедленно». Это была одна из самых многозначительных оговорок во всемирной истории. Напрасно потом Шабовский пытался уточнить, что вопрос о проходе через Берлинскую стену еще не решен руководством ГДР. Западные журналисты уже бросились к телефонам сообщать сенсацию. Жители Восточного Берлина, узнав о новости из западных телевизионных новостей, бросились к стене, требуя немедленного права прохода. Так неуклюжая попытка Кренца выпустить пар народного недовольства привела к срыву всех заклепок. Падение режима стены под натиском толп восточных немцев положило начало необратимому краху ГДР. События в Берлине застигли Горбачева, Шеварднадзе и других кремлевских руководителей врасплох. Советский посол в ГДР Вячеслав Кочемасов тщетно пытался дозвониться по секретной телефонной линии до Горбачева или Шеварднадзе. Как вспоминает один из старших сотрудников посольства, «все руководство было занято, и никто не мог найти время для ГДР». На самом деле все в кремлевском руководстве уже легли спать (90).

Горбачев не стал создавать никаких чрезвычайных комиссий и групп реагирования по германскому вопросу. Не было никакого содержательного обсуждения положения дел в Германии. Представители вооруженных сил, как и специалисты по Германии, такие как Валентин Фалин и Николай Португалов, были фактически исключены из процесса обсуждения и принятия решений. Между тем, как верно отметил Левек, падение Берлинской стены сгубило великий замысел Горбачева о постепенной мирной интеграции Восточной и

Западной Германии, Восточной и Западной Европы и Советского Союза со странами НАТО. Еще 17 октября, на встрече с Горбачевым, Вилли Брандт, старый партнер СССР по разрядке и президент Социалистического интернационала, осторожно намекал, что создание «общеевропейского дома» и преодоление раскола между Восточной и Западной Европой может со временем позволить поставить вопрос о мирном воссоединении Германии. Горбачев отвечал философски: «Давайте подумаем. Будущее покажет, как будет выглядеть объединенная Европа. У истории достаточно фантазии». После падения Берлинской стены история пошла вперед семимильными шагами, опрокинув осторожные расчеты и Горбачева, и Брандта. Вместо того чтобы терпеливо дожидаться, когда СССР и Запад построят «общеевропейский дом», жители ГДР вместе с остальными правительствами и народами восточноевропейских стран «ринулись сквозь Берлинскую стену», чтобы стать частью Запада немедленно и пользоваться всеми благами западного образа жизни (91).

Чем же были заняты мысли советского руководства в тот знаменательный день? Судя по имеющимся в нашем распоряжении записям и воспоминаниям, 9 ноября, накануне заседания Политбюро, Горбачев проводил информационное совещание в Ореховой комнате, на котором делился своими тревогами в связи с политической ситуацией в Болгарии и сепаратистскими настроениями в Литве. В повестку дня заседания Политбюро входило обсуждение сроков и плана работы Второго съезда народных депутатов СССР, а также возможных изменений в Конституции. Кроме того, предстояло обсудить важную тему, связанную с требованиями независимости в Литве, Латвии и Эстонии. На фоне экономического и финансового обвала центра, Литва и другие республики начали принимать законы, отделявшие их экономику от общего хозяйства СССР. Советское руководство обсуждало программу перевода прибалтийских стран на «хозяйственный расчет», т. е. придания им особого рыночного статуса. Чтобы избежать разговоров об уходе прибалтов, в группу кандидатов на «хозрасчет» добавили Белоруссию. Николай Рыжков выразил общее чувство кризиса и тупика на Политбюро: «Что делать? Внести общий свободный рынок между изолированными республиками? Но это хаос. Надо бояться не Прибалтики, а России и Украины. Пахнет всеобщим развалом. И тогда нужно другое правительство, другое руководство страны, уже иной страны». Он требовал начать реформу цен, без которой был невозможен настоящий переход к рынку. Горбачев признал, что надо переходить к рынку, но при этом отказался отпустить цены. По его словам, резкий рост цен вывел бы народ на улицу, и народ смел бы правительство. С оптимизмом, свойственным только одному ему, генсек считал, что еще можно балансировать, предостав-

ляя постепенно все большие права отдельным республикам Союза, и все обойдется. Он признавал, что крайние националисты могут пойти на отделение. Но, ссылаясь на тактику Ленина по спасению режима большевиков в начале 1918 г., генсек полагал, что еще можно избежать нового «похабного Брестского мира» и что прибалтийские республики можно будет удержать в Союзе с помощью экономических стимулов и уступок по национальной культуре и языку» (92).

Эти события высветили склонность Горбачева к спонтанным решениям, а также то, как его редкий оптимизм, сопряженный с хронической нерешительностью, повлиял на политику СССР во время головокружительных перемен. Даже Георгий Шахназаров, горячий поклонник Горбачева, за его выжидательную позицию позже назовет своего шефа современным Фабием Кунктатором (по имени древнеримского полководца, который месяцами уклонялся от сражения с Ганнибалом) (93). Сыграло роль и то, что в душе самого Горбачева боролись два начала. С одной стороны, он не мог признаться самому себе в том, что его план возможного обновления социализма обречен на неудачу не только в странах Центральной Европы и в Восточной Германии, но и в самом Советском Союзе. Горбачев по-прежнему верил, что «социалистическая база» перестройки будет сохранена, и эти иллюзии позволяли ему, не обращая внимания на хор тревожных голосов, с сочувствием и надеждой наблюдать за стремительным процессом распада коммунистических режимов сначала в Польше и Венгрии, затем в ГДР и остальных странах Центральной Европы (94).

В феврале 1990 г. на переговорах с госсекретарем Бейкером и канцлером Колем в Москве те, как выяснилось по рассекреченным документам, обещали ему, что «НАТО не должно расширять сферу своего действия» на восток. Но это устное обещание не имело статуса международной договоренности и впоследствии было забыто западной стороной. Добрынин позже раздраженно заметил: «Горбачев и Шеварднадзе были талантливыми, но неопытными переговорщиками. Их подвела излишняя торопливость, самоуверенность и податливость на похвалы западной прессы. В итоге западные партнеры на переговорах часто обыгрывали их и обводили вокруг пальца». Горбачеву не удалось вовремя и напрямую выставить условия со стороны СССР насчет объединенной Германии (о нейтралитете и демилитаризации Германии, о денежной компенсации за вывод советских войск). Вместо этого он медлил, действовал наугад и сдавал одну позицию за другой. Добрынин вновь обращается к таким качествам Горбачева, как природный оптимизм, самоуверенность и беспредельная вера в то, что «ход истории» все решит и всех рассудит. По мнению Добрынина, в международных делах эти качества сослужили Горбачеву плохую службу: когда ситуация становилась все более безнадежной, он пи-

тал неоправданные надежды на то, что ему удастся, вопреки слабости своих позиций, убедить западных партнеров в правильности своих инициатив. Эта манера Горбачева действовать как азартный игрок, ставя все на карту, проявилась, по словам Добрынина, еще во время встречи Горбачева с Рейганом в Рейкьявике в 1986 г. (95).

Ключ к поведению Горбачева на этом этапе — его взаимодействие с западными партнерами. После падения Берлинской стены администрация Буша быстро перехватила инициативу, выскользнувшую из слабеющих рук Горбачева, и стала играть активную роль в воссоединении Германии, в стабилизации положения в Европе и завершении холодной войны — как позже выяснилось, полностью на западных условиях. Но для Горбачева в тот момент было очень важно, что Буш и Бейкер действовали, по крайней мере на словах, советуясь с ним как с равным. В итоге, казалось Горбачеву, Буш сдержал личное обещание, данное им еще на посту вице-президента, и повел себя как понимающий и надежный партнер — в духе тех же доброжелательных отношений, которые еще Рейган установил с Горбачевым. В течение первых месяцев своего президентства Буш, казалось, отступил от своего слова. Но лето-осень 1989 г. вернули советско-американские отношения на прежний уровень доверительности. 2 и 3 декабря 1989 г., во время встречи на Мальте, Буш и Горбачев осуществили давний замысел — наладили личные отношения, основанные на взаимном доверии и уважении (96).

Даже много лет спустя, читая рассекреченные документы, удивляешься, насколько Буш, как до него Рейган, поверил в Горбачева, считая, что генсеку КПСС хватит здравого смысла признать, что холодную войну выиграл Запад. Готовясь к встрече на высшем уровне, Буш 11 октября сказал Генеральному секретарю НАТО и своему близкому другу Манфреду Вернеру о том, что для него главное — это уговорить Советы, чтобы они и дальше позволили происходить переменам в Центральной Европе и ГДР. Когда Вернер сказал, что вряд ли Горбачев разрешит ГДР выйти из Варшавского пакта, Буш стал размышлять вслух о том, что, может быть, ему удастся уговорить Горбачева распустить сам Варшавский пакт, так как его полезность с военной точки зрения уже не имеет никакого значения. «Это может показаться наивностью, — сказал Буш, — но кто мог предвидеть те перемены, что мы с вами наблюдаем сегодня?» (97). Трудно себе представить, чтобы кто-то из американских лидеров надеялся уговорить Сталина, Хрущева, Брежнева или Андропова «распустить» социалистический лагерь и отказаться от геополитических позиций в Европе.

Другие члены команды Буша, особенно Скоукрофт и Чейни, в это не верили и продолжали с крайней подозрительностью относиться к намерениям Горбачева. То, что советское руководство отказалось

от своих геополитических притязаний, настолько не укладывалось в их представления и казалось настолько неправдоподобным, что даже через год после встречи на Мальте они продолжали мучиться сомнениями и пытались внушить их своему президенту. Иногда им это удавалось. Даже когда Горбачев выступил на стороне США против давнего союзника СССР Саддама Хусейна, Буш в разговоре со своими советниками торжественно обещал им «не забывать о советских амбициях — получить доступ к портам в теплых морях» (98).

Впрочем, в декабре 1989 г. на Мальте между Бушем и Горбачевым царил редкая гармония: беседуя во время своей первой встречи с глазу на глаз, они почти без видимых усилий договорились по всем основным вопросам. Буш поразил Горбачева и его помощников, когда начал разговор не с обсуждения обстановки в Европе, а с жалоб на «экспорт революции» и советскую помощь Кастро и сандинистам в Никарагуа. Услышав от Горбачева заверения в том, что у Советского Союза «нет никаких планов в отношении сфер влияния в Латинской Америке», американцы вздохнули с облегчением (99). Когда два руководителя приступили к обсуждению германского вопроса, Горбачеву представилась прекрасная возможность для дипломатического торга: выставить четкие советские условия по воссоединению Германии и в обмен на согласие вывести советские войска из Восточной Германии потребовать от Буша твердое обещание довести до конца строительство «общеевропейского дома», предполагая при этом создание новой системы безопасности и одновременный роспуск двух военно-политических блоков — НАТО и ОВД. Другой позицией могло быть сохранение НАТО, но на определенных условиях, учитывающих интересы безопасности СССР. Вместо этого Горбачев лишь раскритиковал программу из «десяти пунктов» Гельмута Коля, которая фактически взяла курс на финансово-экономическое присоединение ГДР к Западной Германии. До падения Берлинской стены канцлер ФРГ заверял Горбачева, что он не будет делать ничего, что дестабилизировало бы ситуацию в Восточной Германии. Но поток беженцев из распадающейся ГДР заставил Коля взять инициативу в свои руки. Он едва успел проинформировать о своем шаге Буша. Горбачев, однако, был застигнут врасплох и не на шутку разгневан. Он заявил президенту США, что «господин Коль торопится, суетится», пытается эксплуатировать тему воссоединения в предвыборных целях. По словам Горбачева, программа Коля ставит под вопрос «очень важные и серьезные вещи, в том числе доверие к правительству ФРГ». Затем он продолжил: «Что же это будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам или членом НАТО? Думаю, мы должны дать понять, что и то, и другое было бы преждевременно сейчас обсуждать. Пусть идет процесс, не надо его

искусственно подталкивать. Не мы с вами ответственны за раздел Германии. Так распорядилась история. Пусть же история распорядится этим вопросом и в будущем. Мне кажется, у нас с вами на этот счет взаимопонимание» (100).

В этом был весь Горбачев: он предпочел договариваться об общих принципах, на которых должен строиться новый мировой порядок и «общеевропейский дом», а не торговаться о практических аспектах урегулирования германского вопроса. Стоит сравнить записи самита на Мальте с протоколами переговоров, которые вел Сталин с 1939 по 1945 г., как в очередной раз станет понятно, что Горбачев-политик — это полная противоположность Сталину-политику. Советский диктатор, если на карте стояли, как он считал, интересы советского государства, с бульдожьим упрямством сражался за каждый пункт договора. Он мог действовать и хитрой лисицей, делая вид, что идет на «щедрые» уступки, когда на самом деле это изначально входило в его планы. Сталинская внешняя политика являлась имперской и слишком дорого обходилась стране, но то, как умело кремлевский вождь вел переговоры, вызывало невольное чувство зависти и восхищения даже у таких «асов империализма», как Уинстон Черчилль и Энтони Иден. Горбачев, напротив, и не пытался добиться каких-то специальных соглашений или обещаний от президента США. Очевидно, на тот момент он считал, что «особые отношения» с Бушем являются для него приоритетом, быть может, последней козырной картой в программе строительства «общеевропейского дома» с участием СССР. Он был удовлетворен заверениями Буша в том, что тот не собирается «прыгать на стену» и ускорять процесс объединения Германии.

Высокопоставленных дипломатов в Москве, включая чрезвычайного и полномочного посла СССР в ФРГ Юлия Квицинского и министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе, уже с ноября 1989 г. предупреждали о том, что ГДР вот-вот исчезнет с карты. Им предлагалось предпринять упреждающие шаги: оказать давление на канцлера Коля и рассмотреть идею о создании конфедерации из двух уже существующих немецких государств. Даже близкий Горбачеву Анатолий Черняев предлагал в качестве альтернативы возродить «дух Рапалло», т. е. достичь предварительного соглашения с Колем о воссоединении Германии, увязывая этот вопрос с созданием новой общеевропейской системы безопасности. Руководитель международного отдела ЦК Валентин Фалин и его помощник Николай Португалов, кадровые германисты, предлагали после падения Берлинской стены выйти на лидеров социал-демократов и начать заранее переговоры о воссоединении. Не получив доступа к Горбачеву, они заручились

устной поддержкой Черняева и вышли на помощника Коля, Хорста Тельчика, с предложением начать переговоры (101).

Все эти попытки обогнать ход событий не были поддержаны Горбачевым. Генсек не проявил склонности к превентивным маневрам и сделкам в духе реальной политики, несмотря на то что первоначально у него имелись серьезные шансы на успех. В течение двух месяцев после падения Берлинской стены, когда надо было решать вопрос о воссоединении Германии, советская внешняя политика просто плыла по течению. И лишь в конце января 1990 г. в ходе подготовки к конференции в Оттаве, куда должны были съехаться министры иностранных дел четырех держав-победительниц и обеих Германий, Горбачев, наконец, провел совещание со своими ближайшими сотрудниками, чтобы выработать политическое решение по этому вопросу. Они постановили, что переговоры об объединении Германии будут вестись по формуле «4 + 2» — четыре державы-победительницы и два германских государства. Горбачев теперь окончательно признал, что эти переговоры приведут к объединению Германии, но, несмотря ни на что, все еще надеялся, что социалистическая ГДР сохранится хотя бы на некоторое время. Говорят, Горбачев пришел к такому заключению, прислушиваясь к ложным советам некоторых экспертов, отражавших мнение тех западногерманских социал-демократов, кто не верил в быстрое исчезновение Восточной Германии. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что другие эксперты, включая руководителя КГБ Крючкова, с самого начала предупреждали Горбачева о том, что ГДР не сможет долго продержаться, учитывая революционный хаос, экономический развал, открытые границы и близость ФРГ. В последующем советский руководитель согласился с западными партнерами, что процесс воссоединения мало зависит от великих держав и «обе Германии» сами будут решать его между собой. Без видимого сопротивления Горбачев согласился на то, что переговоры «4 + 2» превратились в переговоры «2 + 4», т. е. фактически процесс воссоединения был отдан в руки канцлера ФРГ Гельмута Коля (102). Лишь в июле 1990 г. на северокавказском курорте Архыз в Ставрополье советский лидер внял совету Черняева и добился от Коля согласия на заключение двухстороннего соглашения по германскому вопросу. К этому времени Горбачеву почти не с чем было идти на переговоры. Но даже тогда он не захотел воспользоваться своим последним козырем, а именно, присутствием советских войск на немецкой земле. Вместе с тем Горбачева можно понять: к этому моменту СССР был некредитоспособен и на грани превращения в международного банкрота. У советского лидера даже не было средств содержать советскую военную группировку в Восточной Германии. Коль прекрасно это знал. Западные немцы выделили Горбаче-

ву большие кредиты и согласились оплатить полностью пребывание советских войск в Германии до их ухода. Лидеры СССР и ФРГ стались друзьями. В то же время «дух Рапалло» — особых отношений между СССР и Германией, угрожавший единству Североатлантического блока и американскому военному присутствию в Европе, — не возродился, к огромному облегчению руководителей США и других западных стран.

Канцлер Коль по контрасту с постоянно запаздывающим Горбачевым действовал быстро и решительно. При поддержке администрации Буша Коль взял курс на полную интеграцию распадавшегося восточногерманского государства. Благодаря скоординированным действиям, которые стали, по словам двух молодых членов администрации Буша, «образцовым примером международной дипломатии» (103), США и ФРГ достигли желаемого результата: объединенная Германия стала частью НАТО. При этом СССР не получил никаких твердых гарантий насчет будущего системы европейской безопасности и о том, какая роль в ней будет отведена Восточной Европе в целом и Москве в частности.

Могильщик советской державы

Горбачеву, решившему покончить с холодной войной, приходилось вести политическую деятельность в двух направлениях: одна была нацелена на Запад, вторая адресовалась собственному народу. Благодаря таким чертам характера, как терпимость к инакомыслию, идеализм и морализм в политике, способность сомневаться и не рубить сплеча, а также неколебимая вера в здравый смысл людей и широкое понимание «общечеловеческих ценностей», он сделался любимцем Запада. Но у себя дома те же самые качества сделали его объектом презрения и ненависти среди военных и все больше — среди партийной номенклатуры. По этой причине со временем приоритеты Горбачева во внешней и внутренней политике изменились на прямо противоположные. Поначалу внешнеполитический курс генсека должен был помочь СССР преодолеть международную изоляцию, улучшить экономические и торговые отношения с Западом, а также свернуть гонку вооружений. Однако в 1987–1988 гг. Горбачев, постепенно отдалившийся от партийной номенклатуры и начинавший опасаться утраты поддержки в народе, главным своим приоритетом стал считать интеграцию СССР в мировое сообщество. Соответственно проводимая им внешняя политика стала определять политику внутреннюю. Его «новое мышление» превратилось в главную цель и условие реформ в СССР, подменив собой выработку «обычной» государственной стратегии, построенной на реалистичном соотношении целей и

средств. Однако Горбачев твердо верил в то, что провозглашенные им романтические лозунги о приоритете общечеловеческих ценностей, неприменении силы и «общеевропейском доме» станут тем пропуском, который позволит ему и всей советской стране войти в сообщество «цивилизованных наций».

Оглядываясь назад, на уже остывший труп Советского Союза, можно заключить, что последним шансом для спасения государства могла бы стать радикальная финансово-экономическая реформа, разработанная в Москве и проведенная одновременно во всех республиках СССР в 1989 г., а может быть, еще и в первой половине 1990 г. Необходимо было отказаться от значительного числа социальных дотаций отсталым национальным республикам и областям. Позднее и сам Горбачев, и критики Горбачева из числа либеральных экономистов, примкнувших к его противнику Борису Ельцину, станут утверждать, что это было невозможно. Действительно, опасность социального взрыва вследствие «отпуска» цен на продукты и товары массового потребления велика. Однако «шоковая терапия», осуществленная в 1992 г. правительством Ельцина — Гайдара в наиболее жестокой форме и гораздо худшей финансовой ситуации, такого взрыва не вызвала. Напротив, можно представить себе сценарий, когда националистические и другие движения, которые угрожали авторитету и власти Горбачева уже летом — осенью 1989 г., были бы нейтрализованы на месяцы, а то и на годы радикальной экономической реформой, как и произошло в первый год «шоковой терапии» Ельцина — Гайдара. Последующая стихия рынка, реальная экономическая взаимозависимость республик, мириады торговых отношений между различными частями Союза смогли бы более действенно, чем военная сила или пропагандистские призывы, противостоять силам радикального национализма.

В то время правительство Горбачева обладало еще неразрушенным аппаратом управления и могло бы под большие кредиты от Западной Германии и других западных стран наполнить страну товарами массового потребления по «отпущенным» коммерческим ценам, ослабив хотя бы на время разрушительную связку инфляции, «лишних денег» и товарного голода. Ряд грамотных экономистов, включая Николая Петракова, Станислава Шаталина, а позже Григория Явлинского, предлагали подобные меры. Если бы Горбачев в конце 1989 г. поставил коллег по Политбюро перед выбором: сохранение державы с помощью радикальной экономической реформы или неизбежный распад страны, многие бы его поддержали и за ним пошли. Но этот выбор требовал ясного видения проблемы, а также воли и готовности в случае необходимости применить жесткие меры для удержания контроля над страной в критический момент. Ельцину, как известно,

пришлось применить армию в октябре 1993 г., чтобы разгромить политическую оппозицию, выросшую на народном недовольстве «шоковой терапией». Горбачев, однако, не мог и не хотел использовать силу. Кроме того, он был, как мы убедились, больше привязан к идее сохранения «социализма» и дорогостоящих социальных программ, чем многие из правящей верхушки.

Упустив шанс повести весь Советский Союз к рынку и поставив все на карту идеалистического проекта интеграции СССР в «общеевропейский дом», Горбачев стал могильщиком советского государства. После крушения социалистической системы в Восточной Европе сам Советский Союз как государство, где стабильность строилась на непосильных социальных программах и дотациях прежде всего менее развитым республикам и областям, стал чрезвычайно уязвимым (104). И опять Горбачева подвела самонадеянность, но на этот раз речь шла не о сферах влияния советской державы в Восточной Европе: на карте стояла судьба самого СССР. Михаил Сергеевич по-прежнему продолжал полагаться на «процессы» в народных низах и верил, что ему удастся создать правовое государство, т. е. новый, демократический Советский Союз на одних договорных основах, не прибегая к шоковым экономическим мерам и использованию силы. Вместо того чтобы пойти на риск и взять ответственность за переход к рыночным ценам на себя, объяснив народу необходимость такого шага, Горбачев продолжал откладывать эту меру, перекладывая ответственность за углубляющийся хаос на партийную номенклатуру, «силы торможения» и руководство республик, которые получали все больше полномочий и автономии в рамках Союза. Пойдя по этой дороге, Горбачев сделал неизбежным переход политической инициативы к сепаратистским движениям в республиках, включая движение за независимость Российской Федерации, которое возглавил его бывший соратник, а позже кровный враг — Борис Николаевич Ельцин. Возникло опасное двоевластие, которое начало раздирать Советский Союз в самой его сердцевине, в Российской Федерации.

Еще в 1988 г. помощники умоляли Горбачева избавиться от опального Ельцина, уже ставшего притягательной фигурой для оппозиции, отправив его послом в какую-нибудь дальнюю страну. Они утверждали, что Ельцин рвется к власти и очень опасен, но Горбачев всякий раз морщился и отвергал это предложение со словами: «Ну что вы хотите сделать из меня какого-то Брежнева, держиморду» (105). А в 1991 г. Ельцин уже стал первым избранным народом президентом РСФСР и, желая ослабить власть Горбачева, выдвинул лозунг о поддержании суверенитета России в составе СССР. И снова по непонятной для его соратников причине Горбачев совершил политическую ошибку, на этот раз фатальную — он не пошел на всенародные выбо-

ры президента СССР. Кроме того, он поставил во главе армии, КГБ и оборонной промышленности консервативных сторонников жесткой линии — Дмитрия Язова, Владимира Крючкова и Олега Бакланова.

К началу августа 1991 г. Горбачев растратил большую часть советского геополитического капитала, а также своего личного политического авторитета. Отчасти из-за его хронической неспособности определиться с курсом экономических и финансовых реформ денежно-кредитная и банковская системы Советского Союза практически развалились, внешние долги неумолимо росли: огромная страна с богатейшими ресурсами оказалась в мирное время на краю банкротства. Окончание холодной войны и сокращение бремени вооружений не дали народу ощутимых материальных выгод. Напротив, остро встала проблема продовольствия, магазины были пусты, вводилось нормированное распределение всех основных продуктов питания, за любыми товарами люди выстраивались в огромные очереди. Такого СССР еще не видел, даже в годы Великой Отечественной войны. Именно этот тяжелейший финансово-экономический кризис вызвал к жизни национально-сепаратистские движения, получившие широкую популярность в массах. Прежде всего это касалось Российской Федерации. Огромную выгоду из этой ситуации извлек, как уже говорилось, Борис Ельцин (106).

К середине 1990 г. Горбачев казался многим своим соотечественникам жалким и безвольным человеком, который много говорит, но мало что делает. Он вызывал негативные чувства уже не только у тех, кто сопротивлялся переменам, но и у тех, кто решительных перемен требовал. Представители интеллектуальной и творческой элиты, еще недавно называвшие себя «прорабами перестройки», отреклись от Горбачева. Эти люди начали выходить из партии, уничтожать свои партбилеты и горячо поддерживать антикоммунистические лозунги Бориса Ельцина — в недавнем прошлом члена Политбюро ЦК КПСС. Прежние союзники и сателлиты СССР публично называли Горбачева предателем дела социализма. Но даже его новые партнеры, западные политики, получившие немало выгод от его внешнеполитических инициатив, не пришли к нему на выручку. Когда Горбачев обратился к ним за крупными кредитами и субсидиями, они ему отказали. В ситуации, когда казна СССР была совсем пуста, это было жестоким разочарованием для кремлевского лидера. В июле 1991 г., уже на грани финансового и политического краха страны, Горбачев попросил своего «друга» Джорджа Буша организовать нечто вроде плана Маршалла, чтобы помочь превращению советской экономики в экономику рыночную. Это означало, что западные страны, банки и международные организации, вроде Международного валютного фонда, должны были вложить в разваливавшийся Советский Союз

несколько десятков, а может, и сотен миллиардов долларов. Маргарет Тэтчер, уже ушедшая с поста лидера Великобритании, поддерживала эту идею. Однако прижимистый в отношении финансов президент США и особенно его советники прохладно отнеслись к отчаянным призывам Горбачева. Американская экономика переживала некоторый спад, и в бюджете США не нашлось денег ни для СССР, ни для стран Восточной Европы. Мэтлок делает вывод, что Буш, при всей своей симпатии к Горбачеву-политику, «похоже, искал, скорее, повод не помогать Советскому Союзу, чем способ сделать так, чтобы помочь». Единственной страной, которая уже выступала кредитором Горбачева, была объединившаяся Германия канцлера Коля. Но и ее ресурсы оказались перенацелены на реабилитацию «новых», восточных земель, будущее показало, что бывшая ГДР оказалась гигантской черной дырой, требовавшей сотен миллиардов инвестиций и субсидий. Япония, еще один крупный кредитор, требовала вернуть ей спорные «северные территории», острова Южных Курил, захваченные СССР в 1945 г. Главная же причина того, что западные страны отказали Горбачеву в дальнейшей финансовой помощи, была его нерешительность. Поскольку СССР фатально застыл перед прыжком к рынку, поскольку советские финансы пришли в полный беспорядок, западные эксперты справедливо утверждали, что любой объем финансовой помощи Кремлю исчезнет в советском инфляционном водовороте, как в бездонном колодце. Как бы то ни было, тот факт, что западные друзья советского лидера от него отвернулись, не мог не вдохновить сторонников жесткой линии из окружения Горбачева на силовой вариант выхода из сложившейся ситуации — на путч (107).

18 августа 1991 г. Горбачев вместе с супругой Раисой и своим помощником Анатолием Черныевым находился на отдыхе в Крыму, когда группа членов высшего руководства СССР, ставленников Горбачева, предприняла попытку ввести в стране чрезвычайное положение. Основной целью путчистов было не допустить подписания Союзного договора между Горбачевым и руководителями пятнадцати республик — документа, согласно которому СССР должен был превратиться в конфедерацию, что практически вело к превращению союзной власти в церемониальный придаток к республиканским правительствам. В результате получилось нечто вроде пародии на свержение Берии в 1953 г. или на октябрьский переворот 1964 г., когда смещали Хрущева. Москву наводнили танки и бронемашин. Вся страна, затаив дыхание, ждала, что будет дальше. Однако членам самопровозглашенного Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) — все они были министрами в правительстве Горбачева — не хватило духу на то, чтобы применить силу и пролить кровь. Они даже не решились арестовать Бориса Ельцина, а может

быть, и рассчитывали с ним договориться. Лидеры ГКЧП во главе с председателем КГБ Крючковым (номинальным руководителем считался вице-президент СССР Геннадий Янаев) позже заявили, что хотели склонить Горбачева на свою сторону. Горбачев, согласно его собственной версии, гневно отверг это предложение и назвал их действия «преступными». В течение трех дней руководитель великой державы находился в летней резиденции на мысе Форос в Крыму фактически под домашним арестом, под неусыпной охраной служб КГБ — заговорщики объявили о временном отстранении его от власти «по состоянию здоровья». Горбачев и его жена были отрезаны от внешнего мира, им были доступны лишь те новости, что они ловили на коротких волнах радиоприемника, добытого верными охранниками президента. Раиса Максимовна пребывала на грани нервного срыва, она не сомневалась, что их с мужем, дочь и внуков могут убить в любую минуту. Она настояла на том, чтобы Горбачев записал себя на видеопленку (в доказательство того, что они живы), и затем одной из горничных удалось эту пленку, спрятанную в нижнем белье, вынести из здания, охраняемого сотрудниками КГБ (108).

Быстрая утрата Горбачевым реальной политической власти происходила параллельно с падением авторитета государства, разбродом в армии и административном аппарате, разрушением советских структур дисциплины и подчинения — о чем уже давно предупреждали осторожные консерваторы. В отсутствие опыта самоуправления и компромиссов советский менталитет, освобождаясь от страха и принуждения сверху, трансформировался в стихию толп и демагогов, диктатуру большинства над меньшинствами. Национальные движения в Прибалтике развивались в направлении либеральной демократии, но в Грузии, Азербайджане и Армении раскрепощение породило националистический экстремизм, этнические чистки и в конце концов ожесточенные и кровавые войны. Впервые после 1956 г. в Российской Федерации — в столице, а также в крупных городах России — возникли массовые движения. Многие из них развивались под умеренно-национальными и либеральными лозунгами. Новообращенные либералы-антикоммунисты, называвшие себя «демократами», были в России в явном меньшинстве. На пике их популярности, по некоторым оценкам, к ним примыкало до 15 % всего населения, хотя в Москве и Ленинграде эта доля была заметно выше. Ельцин, правда, имел значительно больше популярности в народе, чем движение «демократов». Но и у него было недостаточно рычагов власти. Только благодаря фарсовому, нелепо провалившемуся путчу вся полнота власти в Российской Федерации перешла в руки Ельцина и поддерживавших его «демократов».

Августовский путч стал звездным часом для доживших до этого времени «шестидесятников» и той молодежи, которая за годы пере-

стройки приобрела либерально-антикоммунистические взгляды. Тысячи москвичей, среди которых были представители самых разных социальных групп — от демократически настроенной общественности, студенческой молодежи и интеллигенции до рабочих, предпринимателей и ветеранов Афганской войны, — стихийно собрались на защиту здания, где заседал Верховный Совет РСФСР. В этом громадном здании, образце брежневского «ампира», прозванном в народе «Белым домом», Ельцин организовал центр сопротивления ГКЧП. Эти дни августовского противостояния, начавшиеся с круглосуточного дежурства толпы москвичей у Белого дома и завершившиеся многолюдным траурным митингом и похоронами трех молодых людей, случайно попавших под колеса БМП на Садовом кольце, в западных СМИ получили название «второй русской революции» (хотя хронологически речь шла о третьей, после революций 1905 и 1917 гг.). На первый план массовой политики в столице Советского Союза вышел либеральный антикоммунизм под русским национальным флагом. Российская идентичность сменила советскую, стала доминирующей политической силой. Благодаря иностранной прессе, прежде всего телекомпания Си-эн-эн, мужественный облик Бориса Ельцина, стоящего на танке перед Белым домом и бросающего вызов ГКЧП, стал известен всему миру как образ и символ российского освободительного порыва. В то же время вошедшие в Москву военные, деморализованные предшествовавшими событиями — хаотическим уходом советских войск из Центральной и Восточной Европы, сбитые с толку шквалом злой критики со стороны либеральных СМИ, совсем не желали применять силу и проливать кровь гражданского населения, тем более без ясного приказа сверху (109). Лидеры ГКЧП отдать такой приказ не решились, и, пока они мешкали и вели закулисные переговоры, путч терял свою силу. В итоге замыслы заговорщиков рассыпались, как карточный домик. Растерянные и жалкие Крючков, Янаев и другие заговорщики вылетели в Крым, чтобы вымолить прощение у Горбачева и там же дали себя арестовать силам, стоявшим на стороне Ельцина.

То, что число активных участников «второй русской революции» не превышало 50–60 тыс. человек, не умаляет ее значения. Почти все известные люди, принадлежавшие к культурной и интеллектуальной элите Москвы, выступили против хунты и поддержали Ельцина. Телеэкраны показывали громадные толпы людей с российским триколором на Красной площади, толпы перед Зимним дворцом. Вышедшие чиновники и военные в подавляющей своей массе отвернулись от Горбачева, перешли в лагерь Ельцина. Винить их за это трудно: российский президент разрубил гордиев узел двоевластия, без всяких юридических церемоний отстранив от власти президента Союза.

Горбачев, вернувшийся из Фороса, уже не мог противостоять натиску победителей и окончательно потерял остатки своего авторитета внутри страны, когда на глазах у миллионов телезрителей Ельцин заставил униженного президента СССР подписать декрет о роспуске всех структур КПСС. После этого Горбачев превратился в жалкую церемониальную фигуру. Затем «новая Россия», возглавляемая импульсивным российским президентом, объявила о полном суверенитете и выходе из Советского Союза, и остальные республики также поспешили объявить о своей независимости. 8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще в Западной Белоруссии, вдалеке от Москвы, собрались руководители трех союзных республик — Российской Федерации, Украины и Белоруссии — и объявили о роспуске СССР (110). И на этот раз Горбачев не захотел применить силу, чтобы остаться у власти, впрочем, к этому времени уже никто бы и не подчинился его приказу. 25 декабря 1991 г. торжествующий Борис Ельцин со своими сторонниками заставил Горбачева покинуть кремлевский кабинет. Семья бывшего президента СССР в 24 часа выехала из казенной квартиры и с государственной дачи. Немного погодя с флагштока Московского Кремля в последний раз был спущен государственный флаг СССР.

Без сомнения, споры вокруг личности Горбачева, его решений и поступков, его бездействия и проволочек будут продолжаться. По крайней мере, до тех пор, пока посткоммунистическая Россия будет принуждена выбирать между двумя программами: или сильная государственность, социальная стабильность и процветающая экономика, или активное, уверенное в своих силах гражданское общество и демократический строй. Пока это «или — или» не станет «и — и», примирение сторон в споре о горбачевском наследии невозможно. В прошлом, в схожих обстоятельствах революционных перемен, взгляды либералов и демократов в России приходили в резкий конфликт с убеждениями консервативных защитников идеи сильного государства, даже самых «просвещенных» из них. Вот, к примеру, мнение одного из умнейших русских консерваторов, князя Сергея Евгеньевича Трубецкого о Георгии Львове, возглавившем первый состав Временного правительства после отречения царя Николая II в феврале 1917 г. Поразительно, насколько оно перекликается с критикой, звучавшей в адрес Горбачева. Трубецкой писал в 1940 г., находясь в эмиграции во Франции:

«Народничество... носило у Львова какой-то “фаталистический” характер. Я не подберу другого слова, чтобы охарактеризовать веру кн. Львова — не в русский народ вообще — а именно в простонародие, которое рисовалось ему в каких-то фальшиво-розовых тонах. Мне случалось слушать *наивные* рассуждения кн. Львова на эту тему и до, и после Февральской революции. “Не беспокойтесь, — говорил он на-

кануне первого (летнего) выступления большевиков в Петербурге в 1917-м, — применять силы не нужно, русский народ не любит насилия... Все *само собою* утрясется и образуется... Народ *сам* создаст своим мудрым чутьем справедливые и светлые формы жизни...” Я был потрясен этими словами главы правительства в такие тяжелые минуты, когда от него требовались энергичные действия... Еще поразил меня взгляд кн. Львова: глаза его были устремлены в какую-то даль и он как будто ей улыбался... И это был тот самый кн. Львов, который был известен — притом справедливо известен! — своей хозяйственной энергией. Там он был борцом, в государственных же вопросах это был какой-то “непротивленец”!» (111).

Еще один эмигрант, живший во Франции, историк Михаил Геллер, дал схожую оценку Горбачеву в своей книге по истории советского общества (которую подготовил к печати Юрий Афанасьев): «Горбачев продолжал жить в мире иллюзий, утешая себя химерами, рассчитывая, что политическое лавирование позволит ему не только сохранить, но и укрепить свою власть». О его решении согласиться на воссоединение Германии на условиях Запада Геллер написал: «Создается впечатление, что решение Горбачева не было поступком государственного мужа, обдумавшего все последствия своего шага. Скорее это был акт игрока, верившего, что, пожертвовав ГДР, он получит взамен козыри, которые помогут ему дома. Как человек, поднявшийся на воздушном шаре и обнаруживший, что шар падает, он сбрасывал в качестве балласта все, что лежало под рукой» (112).

Не будь Горбачева (а также Рейгана, Буша, Коля и других западных лидеров в качестве его партнеров), холодная война не окончилась бы так скоро. Но без Горбачева не произошел бы и столь стремительный распад Советского Союза. Каждый шаг, каждый выбор, каждое решение Горбачева на заключительном этапе его правления расшатывали устои СССР и подрывали силы и волю страны выступать на международной арене в качестве сверхдержавы. Как мы видим, объяснить эти действия Горбачева, исходя лишь из внеличных факторов, невозможно. Необходимо принять во внимание личные предпочтения этого политика, особенности его характера. Другой человек на его месте мог повести себя совершенно иначе, и тогда, вероятно, Советский Союз не рухнул бы с такой быстротой, и многих проблем, которые продолжает переживать Россия и некоторые ее соседи, можно было бы избежать. Вклад Горбачева в мирное и быстрое окончание холодной войны уже обеспечил ему место в мировой истории. Его невольный вклад в демонтаж и крушение Советского Союза превратил его в одну из самых противоречивых фигур в истории России — политического деятеля, о роли которого еще долго будут спорить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сорок лет руководители СССР всеми силами стремились сохранить и расширить огромную империю, завоеванную ценой тяжких испытаний и жизни миллионов людей. После исторической победы над нацистской Германией большинство кремлевских вождей, чиновников и военных, руководителей спецслужб и оборонной промышленности окончательно утвердились в мысли, что главной их миссией является не мировая революция, а строительство великой державы, призванной играть главенствующую роль в мире. Великорусский державный шовинизм, насаждаемый и культивируемый Сталиным среди партийных функционеров в Москве, стремление расширить территорию за счет соседних стран, проявившееся в этнических партийных верхушках советских республик (например, в Грузии, Армении и Азербайджане), оказались сплавлены в одну имперскую идентичность. Народы Советского Союза, истощенные ужасными потерями и послевоенной разрухой, мечтали о мире и лучшей жизни, но для Сталина и выращенной им номенклатуры непомерная цена победы лишь оправдывала новые колоссальные траты на строительство сверхдержавы и расширение ее сфер влияния.

Как свидетельствуют протоколы заседаний Политбюро, а также документы, связанные с деятельностью советских внешнеполитических и разведывательных служб, хозяева Кремля отчетливо видели, каково реальное соотношение сил в мире, и прекрасно осознавали слабость СССР. Преодолеть эту слабость, сделать СССР сверхдержавой стало их главной задачей. Но при этом на международной арене Советский Союз продолжал выступать носителем всемирной идеологии «исторического прогресса», авангардом в борьбе с неравенством и эксплуатацией трудящихся, центром солидарности с жертвами расизма и колониализма, наконец, «государством рабочих и крестьян». «Лагерь социализма», созданный Москвой, противостоял «лагерю капитализма», и примирение между ними казалось столь же немыслимым, как задача повернуть ход истории вспять. Таким образом, цели и стратегии советской верхушки должны были строиться, исходя не только из интересов безопасности, но и из коммунистического мировоззрения, основанного на учении о борьбе классов и ленинской

идею о неизбежности империалистических войн. Это двуединство названо в моей книге революционно-имперской парадигмой. Все должностные лица, в том числе высшее руководство страны от Сталина до Андропова, члены партийной элиты, сотрудники дипломатического ведомства и органов безопасности, даже самые законченные циники и прагматики, были вынуждены учитывать эту двойственность, сопрягать милитаризм и империализм с догматами «братской помощи», облекать геополитические расчеты в язык ленинского учения о войне и революции, присягать на верность идее конечного торжества коммунизма.

Сталин был не только самым жестоким, но и самым циничным из всех советских вождей. Ему удалось закрепить территориальные и политические завоевания, достигнутые в ходе Второй мировой войны, и со временем выстроить вокруг СССР зону безопасности из «народных демократий», следовавших советской модели. До осени 1945 г. советскому вождю сопутствовал успех: в его активе были и мощь советской армии, и союзные отношения с США и Великобританией. Страны Восточной Европы были раздавлены катком войны, в Китае шла гражданская война, а престиж Советского Союза — государства, внесшего основной вклад в победу над нацизмом, — был высок как никогда. Сталин надеялся, что США не помешают его планам. Однако американцы уже в годы войны увидели опасность в советской политике экспансии и после смерти Франклина Рузвельта начали быстро переходить от союзных отношений к «сдерживанию» советской «коммунистической угрозы». С самого начала советско-американское противостояние носило и геополитический, и идеологический характер, поскольку сами США были настроены весьма по-мессиански. Им не хотелось уходить из Европы, как это произошло после Первой мировой войны. Напротив, американцы были полны решимости «спасти свободу и демократию» как в Европе, так и в остальном мире, связывая эту задачу со своими жизненными интересами. Столкновение двух систем, двух образов жизни, двух потенциальных мировых держав стало неизбежным (1).

Конфронтация с «ангლოსаксами», США и примкнувшей к ним Великобританией, лишила Сталина возможности играть в геополитические игры, сохраняя членство в «клубе» мировых лидеров, как он это делал в течение Второй мировой войны. В то же время это противостояние придало новое дыхание революционно-имперской парадигме. Американская политика «сдерживания» поставила Советский Союз перед выбором: либо отказаться от завоеванных большими жертвами позиций в Центральной и Восточной Европе, либо сражаться за эти позиции всеми доступными средствами. Сталин колебался недолго: еще до начала открытых стычек с западными державами он ясно

дал понять советским элитам и обществу, что им нужно готовиться к новой, еще более страшной войне. Точно так же еще до разрыва с «ангლოსаксами» Сталин начал подготавливать почву к установлению советских порядков в странах Восточной Европы. Мощная пропагандистская машина в СССР опять стала нагнетать мобилизационную обстановку предвоенного времени. Партийно-государственным элитам ничего другого не оставалось, как еще раз пойти за Сталиным, поверив в его тезис о том, что новая мировая война неизбежна, пока существует капитализм. Вновь, как это уже было в 1930-х гг., Сталин решил «сплотить» правящую верхушку и народ с помощью кровавых репрессий и шумных идеологических кампаний. Нагнетание милитаризма, великодержавного шовинизма и ксенофобии нарастало вплоть до марта 1953 г., когда кремлевский вождь внезапно умер.

Преемники вождя всех народов немедленно приняли меры, чтобы остановить сползание к большой войне и прежде всего позаботились о том, чтобы закончить «малую» войну в Корее. Коллекгиально был разработан «новый внешнеполитический курс» для снижения напряженности и обеспечения долговременного «мирного сосуществования» между СССР и США. Однако это вовсе не означало, что идеологические мотивы перестали влиять на внешнюю политику и новые лидеры руководствовались лишь прагматическими расчетами. Архивные документы опровергают эту точку зрения. На самом деле новые лидеры Кремля и партийно-государственная номенклатура не отказались от революционно-имперской парадигмы. Напротив, она стала неотъемлемой частью их мировоззрения.

Во-первых, члены «коллективного руководства» не собирались отказываться от громадной империи, доставшейся им в наследство от Сталина. Наоборот, весь жизненный опыт новых лидеров убеждал их в необходимости укреплять эту империю любой ценой. Малейшие попытки поставить под сомнение советское присутствие в Центральной и Восточной Европе воспринимались ими как желание перечеркнуть победу СССР во Второй мировой войне. В их глазах Восточная Германия являлась основным геополитическим призом, завоеванным в этой войне. Кроме того, Кремль, стремясь укрепить союз с Коммунистической партией Китая, оказывал китайским товарищам щедрую помощь и поддерживал их внешнеполитические амбиции. Если восточногерманский фактор заставлял Советский Союз держать в центре Европы большую военную группировку, то китайский фактор побуждал Кремль демонстрировать свой революционный дух и верность общим коммунистическим идеалам. Даже после того, как китайские лидеры открыто бросили вызов Кремлю, объявив себя ведущей силой в мировом коммунистическом движении, советские руководители все еще колебались — то ли договариваться с США, то

ли пытаться возродить советско-китайский союз, возникший из совместной борьбы с западным империализмом. В Кремле даже циркулировало предложение Молотова о создании конфедерации между СССР и КНР, впрочем, быстро отвергнутое. В конце концов, Политбюро начало склоняться в пользу разрядки напряженности со странами Запада. Но одновременно советские руководители попытались примириться с китайскими коммунистами, а когда это не удалось, они стали оказывать помощь вьетнамским коммунистам в их войне против США и южновьетнамского режима.

Во-вторых, стиль кремлевского руководства предполагал сочетание гибкости в тактике с жесткостью в стратегических приоритетах, прагматизма — с идеологической ортодоксальностью. Уклонение в одну или другую сторону понижало шансы выжить в борьбе за власть. Когда Хрущев взял верх над Берией и Маленковым, он обвинил их в том, что они замыслили отдать Восточную Германию под протекторат США. Зато когда Никита Сергеевич решил избавиться от Молотова, то главным его аргументом была недостаточная тактическая гибкость бывшего соратника Сталина: якобы молотовское руководство не позволяло советской дипломатии вбивать клин между врагами Советского Союза. Даже когда Хрущев развенчал Сталина, он сделал это под ортодоксальным лозунгом «возвращения к Ленину», очищения марксистско-ленинского наследия от допущенных искажений и продвижения его в качестве всемирной альтернативы американскому капитализму.

В-третьих, после смерти Сталина экономическая и военная мощь Советского Союза продолжала стремительно возрастать. В 1950-х гг. СССР стал второй после Соединенных Штатов ядерной державой. Кроме того, Советский Союз добился впечатляющих успехов в деле научно-технического прогресса, осуществив запуск искусственного спутника Земли в 1957 г. и полет Юрия Гагарина в космос в 1961-м. Это сделало советскую модель развития чрезвычайно привлекательной для стран третьего мира в тот момент, когда колониальные империи западных стран начали рушиться и народы Африки и Азии обретали независимость. В такой ситуации у Кремля возникло непреодолимое искушение прорвать барьеры сдерживания, возведенные американцами вокруг советской империи, и заставить США и другие страны Запада принять такие условия, которые отвечали бы советским интересам.

Личные качества Хрущева, его напористость и амбиции, попытки придать новый динамизм советской системе без террора, за счет искреннего энтузиазма стали главной движущей силой перемен во всех областях общественно-политической жизни СССР, не исключая и внешнюю политику. На первых порах энергичные действия Хрущева

по продвижению «новой внешней политики» позволили советскому государству добиться значительных успехов на международной арене. Но его неистовая вера в революционно-имперскую парадигму, его раздражение на неуступчивость западных соперников побудили советского лидера сойти с пути терпеливых дипломатических маневров и пойти в лобовую атаку. Хрущев считал, что, в случае достижения военного равновесия между советским и западным блоками, западным державам не останется ничего другого, кроме как отступить, и не только в Европе, но и в третьем мире. Он был твердо убежден, что социалистическая ГДР сможет обогнать капиталистическую Западную Германию в экономической гонке и что народы третьего мира выберут коммунизм и сотрудничество с Советским Союзом. Начиная с 1958 г. СССР пустился в рискованные авантюры, в том числе пытался принудить Запад к подписанию мирного договора с ГДР и экспортировать советскую экономическую модель в страны третьего мира. Хрущев хотел добиться своих целей без промедления и во что бы то ни стало. В ситуации, когда по стратегическому арсеналу СССР еще был далеко позади США, Никита Сергеевич прибегнул к ядерному шантажу. Этот опасный курс достиг своего пика в 1962 г., когда советский лидер принял беспрецедентно рискованное решение: разместить на Кубе советские ракеты с ядерными боеголовками для защиты революции Фиделя Кастро от «американской агрессии». Лишь столкнувшись с неожиданно жестким ответом американцев и оказавшись на краю ядерного конфликта с США, Хрущев одумался и отступил.

Карибский кризис показал кремлевским лидерам, что политика ядерного блефа и идеологического мессианства может привести к катастрофе. В октябре 1964 г. Хрущев был снят со всех постов, и новое «коллективное руководство» предпочло более безопасные способы защиты государственных интересов СССР: наращивание стратегических вооружений и переговоры с западными державами с позиции силы. По мнению нового руководителя страны, Леонида Брежнева, которое разделяли и его соратники Громыко и Андропов, советское государство и весь социалистический лагерь только выиграют, если Кремль станет проводить политику разрядки напряженности в отношениях с ФРГ вместо того, чтобы давить на западные державы в Западном Берлине и договорится с США о параметрах паритета, а не будет вечно догонять американцев в гонке вооружений. Генсек стал первым руководителем СССР, добившимся авторитета в номенклатуре и в народе не жестокостью, закручиванием гаек и запугиванием угрозой войны, а своей миротворческой деятельностью. К тому же он, в отличие от Хрущева, был прекрасным переговорщиком, терпели-

вым и настойчивым. Именно Брежнев сыграл ключевую роль в переговорах с Брандтом и Никсоном, придавших мощное ускорение разрядке. Не будь Брежнева, сотрудничество между Кремлем и Белым домом в первой половине 1970-х гг., пусть половинчатое и не всегда искреннее, могло бы не состояться вовсе.

Однако Брежнев, несмотря на свою огромную власть, был все-таки человеком консенсуса, а не решительной, волевой политики. Кроме того, он, как и остальные члены Политбюро, а также большинство высших партийных руководителей его поколения оставался заложником революционно-имперской парадигмы. И хотя Брежнев со своими союзниками из Политбюро отказались от силового шантажа на международной арене, они по-прежнему верили, что чем больше СССР будет вооружен — тем лучше. Даже в период, когда советский ядерный арсенал начал превосходить по ряду показателей американский, советское партийное руководство и генералитет продолжали считать, что этого недостаточно и что США сильнее. Они, как обычно, исходили из того, что американская политика нацелена на «шантаж и в конечном счете поражение Советского Союза в ядерной войне». Впрочем, эти страхи советских милитаристов были родственны страхам американских крайних «ястребов» (2).

Во второй половине 1970-х гг. внешняя и военная политика СССР не подчинялась какой-либо четкой стратегии, а протекала по инерции под воздействием бюрократических и идеологических факторов, в интересах различных групп и ведомств. И все то время, пока шли переговоры с США о контроле над стратегическими вооружениями, наращивание военного арсенала Советского Союза продолжалось полным ходом и не прекращалось ни на минуту. А в странах третьего мира, особенно в Африке, СССР опять, как во времена Хрущева, ступил на скользкий путь идеологической и геополитической экспансии. В результате советская империя втянулась в еще одну дорогостоящую схватку с США без видимой выгоды для обеих сторон.

Американские консерваторы правого толка заявляли, что разрядка — это всего лишь хитроумная уловка со стороны Кремля, за которой кроется стремление СССР добиться военного превосходства и победить в холодной войне. Они ошибались. За время, которое прошло после смерти Сталина, в СССР многое изменилось: в годы хрущевской «оттепели» и брежневской разрядки в советском обществе произошли глубокие сдвиги. Советские элиты, прежде всего творческая и научно-техническая интеллигенция, а также некоторые «просвещенные» партийные аппаратчики стали преодолевать страх, вошедший, казалось бы, в их плоть и кровь после сталинских десятилетий бесчеловечной жестокости и тотального конформизма. Приоткрылся железный занавес, и у советских людей появилась возможность ез-

доть за границу — по туристическим путевкам или по программам «культурного обмена». Это постепенно способствовало тому, что в советском обществе стала таять ксенофобия, уже не наблюдалось такого агрессивного милитаризма и истерического идеологического единomyслия, как было при Сталине. И если представители высших военных кругов, органов госбезопасности, оборонной промышленности оставались стойкими приверженцами сталинского мировоззрения, то другие отряды номенклатуры все более от этих взглядов отходили. Что касается руководителей министерств и директоров крупных промышленных предприятий, то они всегда активно выступали за расширение торговых и экономических связей с западными странами. Среди образованных элит все больше появлялось людей думающих, способных сопоставлять факты и свободно мыслить. В недавнем исследовании, посвященном общественно-политическим процессам, происходившим во второй половине 1960-х гг., отмечен «резкий спад мобилизационного потенциала идеологии марксизма-ленинизма с последующим размыванием идеологических основ легитимности режима». Выдающийся русский социолог Борис Грушин пришел к выводу, что главное изменение в сфере массового сознания в начале 1970-х гг. заключалось «в полном крахе мечты о возможности реализации коммунистической идеи». Опрометчивые обещания Хрущева построить коммунизм при жизни современных ему поколений опустили мечту на землю. Сакральное стало обыденным, обещания оказались блефом. В результате «бесспорная целостность менталитета большинства граждан страны», их принципиальное согласие по важнейшим аспектам общественной жизни сменились «полным расколом», который угрожал «самому существованию советского общества» (3). Тенденция к размыванию идеологии в советском обществе сохранялась на протяжении всего периода разрядки 1970-х и даже в начале 1980-х гг. Она в значительной мере предопределила исход последнего акта советской драмы — провал «социалистических» реформ Михаила Горбачева.

И все же коммунистическая идеология оставалась вездесущей в жизни советского государства и общества. Если раньше идеология вдохновляла людей на жертвы на алтарь революции и великой державы, то теперь она своим навязчивым присутствием способствовала быстрому росту двуличия и цинизма. После жестокого подавления в 1968 г. Пражской весны многие в СССР даже самые закоренелые романтики и идеалисты разуверились в возможность построения «социализма с человеческим лицом». Многие из них ушли в частную жизнь, ударились в религию и стали высмеивать те идеалы, в которые так неистово и наивно верили когда-то. Партийная верхушка, государственные чиновники и профессиональные элиты стали видеть в

официальной идеологии тягостный, привычный ритуал, не имевший отношения к их истинному образу мыслей. Идеологические догмы продолжали играть роль инструмента, который регулировал политический дискурс, определял границы дозволенного и пресекал опасные «ереси» в самом зародыше. Более того, марксистско-ленинские постулаты являлись важнейшей частью советской коллективной идентичности, соединявшей в себе все более противоречивые части, прежде всего растущую самостоятельность нерусских республик СССР и великодержавный шовинизм центра. Важным для этой идентичности была и политика разрядки с Западом, и международное коммунистическое движение, которое — при всем его вырождении — все-таки по-прежнему подтверждало место Москвы в центре мировой политики.

Как показано в этой книге, первостепенную роль во внешней политике Советского Союза играл фактор личности человека, находящегося на самом вершине государственной пирамиды. Особенно роковую и решающую роль в истории СССР сыграла личность Сталина. «Вождь народов» обладал неограниченной властью и оставлял за собой право окончательного решения наиболее важных государственных вопросов, особенно в области госбезопасности, идеологии, военного строительства и внешней политики. Поражает его способность волей и террором держать в узде советские элиты и общество, изменять ход мировых событий. В то же время сталинская монополия на принятие решений увеличивала цену его ошибок и просчетов. В частности, Сталин не предвидел, что его действия в отношении Ирана и Турции ускорят начало холодной войны. Преемники Сталина значительно уступали ему по волевым качествам, масштабу политического мышления и готовности добиваться своих целей любой ценой. Но и они сыграли важную роль в развитии мировых событий. Чего стоит один ядерный шантаж Хрущева, или можно вспомнить личный вклад Брежнева в развитие разрядки. Болезнь генсека, разрушение его личности фатально сказывались на внешнеполитической активности СССР: разрядка напряженности с США пришла в упадок, гонка вооружений вырвалась из-под всякого контроля и, наконец, в декабре 1979 г. советские войска вошли в Афганистан. Эта катастрофическая по своим последствиям интервенция в последний раз в советской истории продемонстрировала страшную силу инерции революционно-имперской парадигмы. Кремлевские руководители, обеспокоенные растущим, как им казалось, влиянием американцев в Афганистане (и при этом недопонимая, какую опасность представляет исламский фундаментализм), решили силой сменить правительство в Кабуле. По их расчетам, советские войска должны были уйти оттуда через несколько недель или, по крайней мере, через

несколько месяцев. Однако советская армия увязла в Афганистане почти на десятилетие. Вторжение дало повод для нового мощного витка американо-советского противостояния и стало переломным в истории советской империи. Невозможность уйти из Афганистана с победой, растущие жертвы и деморализация среди военных, антивоенные настроения в обществе — все это подрывало поддержку экспансии в третьем мире в целом.

В Вашингтоне рассчитывали воспользоваться тем, что СССР завяз в Афганистане, и вынудить Москву уйти из третьего мира. Администрация Рейгана также стремилась заставить советское руководство отказаться от военного вмешательства в Польше и оказывало помощь антикоммунистической «Солидарности». Однако давление Вашингтона на Кремль лишь вызывало эффект осажденной крепости. Ветераны Политбюро, многие из них сталинские назначенцы, упорно оборонялись и не собирались сдавать позиций. И хотя руководство СССР втайне отказалось от применения военной силы в Польше, однако это решение не было связано с прямым нажимом американцев. Более того, советские руководители были готовы нести большие потери в Афганистане, но не уходить оттуда под давлением со стороны. В конце концов второй виток холодной войны лишь укрепил в Москве идеологические установки на конфронтацию с США и усилил образ американского «главного противника» в коллективном мироощущении советских элит и престарелого руководства в Политбюро.

Рональду Рейгану очень повезло, что второй срок его президентства совпал со сменой поколений в Кремле и уходом старой гвардии с политической арены. Михаил Горбачев первым из советских руководителей послесталинского времени радикально пересмотрел взаимосвязь между идеологией и интересами безопасности СССР. Из партийного аппаратчика Горбачев превратился в государственного деятеля с глобальным идеологическим видением. Правда, вместо революционно-имперской парадигмы он предложил свое собственное «новое мышление» — мессианский и довольно расплывчатый проект интеграции Востока и Запада, возвращения Советского Союза в «общеевропейский дом». Этот проект вырос из старой советской идеи «общеевропейской безопасности», но также из мечты о демократичном «социализме с человеческим лицом», вдохновлявшей двадцать лет назад многих интеллектуалов горбачевского поколения. В итоге взгляды генерального секретаря ЦК КПСС эволюционировали до такой степени, что оказались гораздо ближе к идеям западной социал-демократии, чем к марксизму-ленинизму. Горбачев, похоже, искренне хотел реформировать коммунистическую партию и преобразовать советское общество. Однако сделать это ему помешали не только внешние обстоятельства, но и ряд иллюзий. Во-первых, он по-

лагал, что Советский Союз станет лишь сильнее, когда освободится от сталинского наследия и оков революционно-имперской парадигмы. Во-вторых, он рассчитывал, что лидеры и общественное мнение в западных капиталистических странах станут его горячими союзниками и помогут осуществлению великой «конвергенции» реформированного коммунизма с демократическим европейским социализмом.

Как и другие советские вожди, Горбачев на посту главы государства сыграл ключевую роль в изменении внешнеполитического курса СССР. В конце 1988 г. Горбачев, выступая в ООН, публично отрекся от сталинских принципов внешней политики и отказался от применения силы. Он позволил предать гласности преступления прошлого и разрушить железный занавес, окружавший соцлагерь. Но в результате в течение лишь одного года этот лагерь в Центральной и Восточной Европе развалился. А еще через два года сам Советский Союз взорвался изнутри и распался на 15 независимых государств.

Разумеется, не только политика Горбачева была причиной такой поразительной метаморфозы. Она назревала десятилетиями, подготавливалась длительными и еще мало изученными изменениями. Прежде всего переродились сами советские политические и интеллектуальные элиты. Они все меньше были готовы идти на риск конфронтации, грозящей ядерным уничтожением. Уже в 1953 г. преемники Сталина начали менять вектор внешнеполитического курса — от конфронтации с западными державами к разрядке напряженности. Даже давление Хрущева на Запад с 1958 по 1962 г. при всех его негативных последствиях не было продиктовано чисто агрессивными намерениями: просто советский руководитель с присущей ему прямолинейностью хотел убедить западные державы, что пришла пора завершить холодную войну на приемлемых для СССР условиях. Сменивший Хрущева Брежнев, который четыре года воевал на фронтах Великой Отечественной войны, был твердо уверен, что советский народ заслужил право на долгую мирную жизнь. Для осуществления политики разрядки брежневскому руководству нередко требовалось выбирать между идеологическими принципами классовой борьбы и прагматичной политикой партнерства и сотрудничества с западными капиталистическими державами, и Кремль все больше склонялся к последнему. Брежневская разрядка стала важнейшим мостиком между прошлым, где был осторожный, но опасный сталинский империализм и неистовый хрущевский шантаж, и будущим, когда Горбачеву удалось завершить холодную войну.

Необходимо еще раз подчеркнуть огромное значение идеологии для истории холодной войны в целом и понимания становления и краха советской империи в частности (4). Идеологические факторы способствовали решимости СССР не только противостоять США, но

и расширять границы социалистической империи до тех пор, пока в 1970-х гг. эта империя не приобрела воистину глобальный характер. И несмотря на эрозию и загнивание коммунистической веры, несмотря на растущий цинизм в советском руководстве и правящих элитах, все они продолжали формулировать внешнеполитические задачи и говорить о государственных интересах на двух языках: «реальной политики» и марксистско-ленинского учения. При этом одни и те же идеологические факторы могли способствовать прагматичному и более осторожному поведению советского руководства на международной арене, а порой, напротив, толкали его на невероятные просчеты и авантюры. В частности, Сталин, движимый устаревшими или неверными постулатами о борьбе между империалистическими державами за сырье и колонии, невольно помог созданию американо-британского блока, выступившего против советской экспансии на Ближнем Востоке. Немного позже идеологические установки Сталина на неизбежность войн привели к опасной эскалации войны в Корее. Те же искривленные идеологией (и подкрепленные личным опытом) воззрения на мировую политику побуждали Хрущева, Брежнева и других кремлевских лидеров верить в то, что политика с позиции силы рано или поздно заставит США и Запад отступить и согласиться на советские условия. Наконец, идеологический фактор оказал сильнейшее воздействие на поведение Горбачева и во многом ускорил развал СССР. Горбачев, с мессианским пылом продвигавший идеи «нового мышления», отказался от применения силы, даже когда это было необходимо для осуществления его реформаторских проектов, а впоследствии — для сохранения государственности и власти. Советская история закончилась, описав своеобразный чудесный круг: родившись из идеологии революционного насилия, она ушла в небытие под влиянием идеологии ненасилия.

Эта книга посвящена поведению СССР в холодной войне. Но другой стороной медали, без которой невозможно взвешенно судить о советской политике, является странная и исключительно важная роль США в многолетнем мировом конфликте. Выращенный на европейском опыте «реализм» Сталина и его преемников оказался неадекватным, а часто и малопригодным для выстраивания отношений с американцами. В отличие от европейских держав, американцы почти не оставляли СССР возможностей для договоренностей о сферах влияния, для прагматических сделок, хотя бы в духе того же циничного империализма. США не собирались мириться с существованием советской социалистической империи в Центральной и Восточной Европе и были готовы, невзирая на расходы и стратегическую целесообразность, воевать со всеми революционными движениями, которых поддерживал СССР, — будь то в Азии, Африке или Цен-

тральной Америке. За исключением периода Второй мировой войны, а затем разрядки Никсона — Киссинджера, руководство США никогда не признавало советский строй полностью легитимным и считало, что лишь отказ от коммунистической идеологии может стать основой для долговременных прочных отношений. Разумеется, сыграли свою роль и русофобские настроения, страх перед «русским медведем» в американском обществе. Но еще важнее было то, что американская идеология политической свободы и рыночного капитализма была не менее глобальной, мессианской и бескомпромиссной, чем коммунистическая идеология Кремля. В этом смысле холодная война была ближе к религиозному конфликту, чем к тем войнам, которые, согласно Клаузевицу, являются «продолжением политики иными средствами». Советско-американская конфронтация стала схваткой, где ничья была невозможна, где борьба велась до полной победы или поражения. Две сверхдержавы в мессианском угаре навязали всему миру логику биполярного противостояния и на долгие годы подмяли под себя, оттеснили на обочину истории другие виды конфликтов — региональные, экономические и религиозные (5).

По итогам этого грандиозного сражения Соединенные Штаты вышли победителем, остались единственной сверхдержавой. Я надеюсь, однако, что эта книга окажется полезной и для «победителей», и для «побежденных». Мне бы хотелось предостеречь тех американцев, у которых после 1991 г. возникло некоторое «головокружение от успехов». В частности, многие государственные деятели и связанные с государственной властью аналитики поспешили восславить мудрость «стратегии сдерживания», которая якобы привела США к победе над советским коммунизмом. Но чтобы кого-то сдерживать, надо как минимум хорошо понимать мотивы и причины поведения этого «кого-то». Американские «триумфаторы» имели и до сих пор имеют крайне смутное, если не сказать искаженное представление о Советском Союзе, а теперь о России. Некоторые американские политики уже попытались перенести «победоносные» стратегии холодной войны на другие страны и регионы, на конфликты нового поколения — с плачевным результатом.

Рьяные поклонники Рейгана не устают повторять, будто победа в холодной войне одержана в результате «крестового похода» американского президента против коммунизма, а также благодаря его программе СОИ. Эти утверждения — плод мифологизированного сознания американских правых. Пользуясь спортивной аналогией, СОИ была лишь «запасным игроком» в заключительном матче между СССР и США. В то же время сам Рейган действительно сыграл очень важную роль в окончании холодной войны. Он увидел историческую перспективу в отношениях с Горбачевым и в конечном счете

воспользовался этим шансом. Главная заслуга Рейгана перед историей человечества заключается не в том, что он был «рыцарем» холодной войны, а в том, что он выступил, к удивлению своего окружения, миротворцем, сторонником переговоров и горячим поборником полного ядерного разоружения (6).

Главной удачей для Соединенных Штатов стало то, что их противник представлял собой — в идеологии, экономике и политике — их зеркальное отражение. Этот противник появился на свет в результате глубокого кризиса западного либерализма и демократии как результат европейских поисков лучшего, чем необузданный капитализм, пути к современности, прогрессу — к тому, что сейчас некоторые называют «модерном». Иными словами, можно сказать, что холодная война была соперничеством дальних родственников, происходивших от единого корня европейской цивилизации, в поиске дороги к социальной справедливости, модернизации и глобализации. Обе стороны состязались в том, чья экономика развивается лучше и быстрее и кто может предложить лучшую жизнь своим гражданам и более эффективную модель — остальному миру. Многие западные, а также и российские историки считают, что Россия, на свое несчастье, стала испытательным полигоном для ошибочного и тупикового, насильственного пути к модернизации. Большевики, Сталин и последующие лидеры убедили многих, что насилие и террор — лишь временная плата за кратчайший путь от экономической и социальной отсталости к прогрессу и культурной ассимиляции, к плановому хозяйству и социальной справедливости (7). Поначалу казалось, что советская версия ускоренной модернизации работает. Она, как многие верили, обеспечила победу во Второй мировой войне, сделала СССР второй в мире сверхдержавой, помогла завоевать симпатии миллионов в слаборазвитых странах третьего мира. Однако потом, особенно в 1970-х гг., стало очевидным, что американская модель модернизации с ее политическими свободами, частным предпринимательством и обществом массового потребления оказалась более гибкой, эффективной, изобретательной и, главное, способной гасить социальное и политическое напряжение лучше, чем советская модель. В Западной Европе, Японии и других странах — союзниках США (впрочем, не во всех и не всегда) возникли преуспевающие общества, с которыми ни одно государство из социалистического лагеря не могло соперничать по уровню жизни. Западноевропейцам удалось совместить динамизм свободного рынка с социальными программами «общества всеобщего благосостояния». К тому же развитые капиталистические страны оказались значительно более успешными в достижении экономической и в конечном счете политической интеграции, чем страны советского блока. Институты либерального глобального сообщества, созданные

США в начале холодной войны, пережили эту войну. Советские институты рухнули и погребли под собой большую часть реальных достижений социалистического строя, таких как развитая система образования, фундаментальная наука и доступная медицина.

Исход холодной войны решило в конечном счете то, что коммунистическая идеология внутри самой советской империи и среди ее правящих элит пришла в упадок, а привлекательность западной модели демократии и модернизации стала в какой-то момент неодолимой. Вопреки ожиданиям Льва Троцкого в 1926 г., а также хвастливым обещаниям Хрущева в 1961-м, «локомотив» мирового капитализма продолжал убыстрять свой ход. Со временем и первым руководителям СССР, и правящей номенклатуре, и в конце концов многим рядовым людям стало ясно, что социалистическому «паровозу» никогда не угнаться за Западом, и более того, отставание СССР с каждым днем катастрофически увеличивается. Это расшатывало основы официальной идеологии и имперское самосознание представителей наиболее «просвещенных» кругов советской элиты, прежде всего в Москве. Если советский путь модернизации — не скоростная магистраль, а дорога в тупик, то почему бы и не перевести поезд на другие рельсы? Если социалистическая империя стала обузой и опасностью, если она ведет к появлению все новых «афганистанов», а обанкротившиеся режимы Центральной и Восточной Европы нуждаются во все возрастающих субсидиях, то почему бы и не отказаться от такой империи? Горбачев со своим утопическим «новым мышлением» предпринял тщетную, но в чем-то понятную попытку сделать исторический прорыв: он хотел совместить антикапиталистический эксперимент под названием «СССР» с западной демократией. Советский родственник, побуянив и протрезвев, пришел к западным родственникам стучаться в дверь и просить о примирении.

Горбачевское «новое мышление», несмотря на все его заблуждения, сделало одно доброе дело: оно обеспечило мирный конец одному из самых затянувшихся и опасных противостояний нашего времени. Огромная, годами копившаяся военная мощь СССР оказалась ненужным придатком к изношенной советской системе. Самолеты, танки и ядерные ракеты в конечном счете остались ржаветь на базах потому, что заржавела вера в коммунистическую идею, пропала политическая воля в советской правящей элите. Горбачев и те, кто его поддерживал, не были готовы проливать кровь за дело, в которое они уже не верили, за империю, в которой они уже не видели никакой пользы. Вместо того чтобы сражаться за свое существование, советская социалистическая империя, вероятно, самая необычная империя в современной истории, просто покончила с собой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, г. Москва.

АГФ — Архив «Горбачев-фонда», г. Москва.

АОМ — Архив общества «Мемориал», отделения в Москве и Санкт-Петербурге.

АП РФ — Архив Президента Российской Федерации, г. Москва.

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ГАППОД АР — Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики, г. Баку.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, г. Москва.

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза.

ПОРП — Польская объединенная рабочая партия.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, г. Москва.

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории, г. Москва.

РГАСПИ — Российский государственный архив социальной и политической истории, г. Москва.

ЦАДКМ — Центральный архив документальных коллекций Москвы.

ЦАОДМ — Центральный архив общественных движений Москвы.

ЦГА — Центральный государственный архив, г. София (Болгария).

ЦГАСИ — Центральный государственный архив современной истории, г. Тбилиси (Грузия).

ЦК — Центральный комитет.

ЦХДМО — Центр хранения документов молодежных организаций (бывший Центральный архив ВЛКСМ), г. Москва.

Яхранка — материалы круглого стола по теме «Польша, 1980–1982: внутренний кризис, международное измерение», организованного NSArch (Архивом национальной безопасности), SWINP (Проектом по международной истории холодной войны) и Институтом политических исследований Польской академии наук (г. Яхранка, Польша, 8–10 ноября 1997 г.).

Brown — материалы круглого стола по теме «Осмысление итогов холодной войны, 1980–1987 гг.» (Институт Уотсона при Университете Брауна, г. Провиденс, США 7–10 мая 1998 г.).

CWIHP — Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D. C. (Проект по международной истории холодной войны в Международном научном центре Вудро Вильсона, г. Вашингтон, округ Колумбия, США).

FBIS—USR — Foreign Broadcasting Information Service, reports on the USSR (Информационная служба зарубежного радиовещания, сообщения об СССР).

Fort Lauderdale — материалы конференции на тему «Глобальное соперничество и ухудшение советско-американских отношений в 1977–1980 гг.» (г. Форт-Лодердейл, шт. Флорида, США, 23–26 марта 1995 г.).

FRUS — Foreign Relations of the United States (официальные публикации документов по международным отношениям Государственного департамента США).

KDB — Kissinger — Dobrynin Backchannel («Секретный канал Добрынин — Киссинджер») — коллекция документов о периоде разрядки, рассекреченных Государственным департаментом США и Министерством иностранных дел Российской Федерации. Опубликовано в кн.: Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сборник документов. В 2 т. Т. 1. 1969 — май 1972. М., 2007.

LC — Library of Congress, Manuscript Division, Washington, D. C. (Библиотека конгресса, рукописный отдел, г. Вашингтон, округ Колумбия, США).

Lysebu I — материалы симпозиума на тему «Американо-советские отношения и внешняя политика СССР на Ближнем Востоке и в Африке в 1970-х» (Лисебу, г. Осло (Норвегия), 1–3 октября 1994 г.), подготовленные к печати Оддом Арне Вестадам (Норвежский Нобелевский институт, г. Осло, Норвегия, 1995 г.).

Lysebu II — материалы симпозиума на тему «Вторжение в Афганистан и крах разрядки» (Лисебу, г. Осло (Норвегия), 17–20 сентября 1995 г.), подготовленные к печати Дэвидом Уэлчем, Светланой Савранской и Оддом Арне Вестадам (Норвежский Нобелевский институт, г. Осло, Норвегия, 1996).

Musgrove I — материалы конференции «Договор ОСВ-2 и рост взаимного недоверия», осуществленной программой «Картер — Брежнев» при поддержке Центра внешнеполитического развития имени Томаса Уотсона-младшего при Институте международных исследований Университета Брауна и Архива национальной безопасности (плантация Масгров, о. Сент-Саймон, шт. Джорджия, 6–9 мая 1994 г.), подготовленные к печати Дэвидом Уэлчем и Светланой Савранской.

NARA — National Archives, College Park, Md. (Национальный архив США, Колледж-парк, шт. Мэриленд, США).

NSArch — National Security Archive, George Washington University, Washington, D. C. (Архив национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона, г. Вашингтон, США).

ОНРЕСВ — Oral History Project on the End of the Cold War (Конференция по устной истории «Конец холодной войны» под руководством к. и. н. Олега Скворцова), материалы конференции находятся в Институте всеобщей истории РАН (г. Москва, РФ), а также в Архиве национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона (г. Вашингтон, США).

PRO — Public Records Office, London (Государственные архивы Великобритании «Паблик рекордс офис», г. Лондон).

RRPL — Ronald Reagan Presidential Library, Simi Valley, Calif. Президентская библиотека Рональда Рейгана (Сими-Вэлли, шт. Калифорния, США).

SAPMO-BArch — Stiftung Archive der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchive, Berlin (Собрание документов партийных и общественных организаций ГДР в Государственном архиве Германии, г. Берлин).

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Д. — дело

Док. — документ

Инв. — инвентарный номер

Л. — лист

Оп. — опись

Пап. — папка

Пер. — перечень

Пор. — порция

Тетр. — тетрадь

Ф. — фонд

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Различные трактовки рассмотрены в кн.: *Taubman W.* Khrushchev: The Man and His Era. N. Y.: W. W. Norton, 2003; *Suri J.* Power and Protest: Global Revolution and the Rise of Détente. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003; *Wittner L. S.* Resisting the Bomb: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1954–1970. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997; *Idem.* Toward Nuclear Abolition: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1971 to the Present. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003.
2. На протяжении двух десятиков лет CWIHP (Проект по международной истории холодной войны в Международном научном центре Вудро Вильсона, г. Вашингтон, США, руководитель проекта — Кристиан Остерманн) и NSArch (Архив национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона, г. Вашингтон, США, директор архива — Томас Блантон, руководитель научно-исследовательских работ — Малькольм Бирн) координируют свои действия по проведению подобных международных конференций и симпозиумов. О влиянии на политику СССР его союзников и стран — «клиентов» из третьего мира см.: *Harrison H.* Driving the Soviets Up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2003; *Weathersby K.* Soviet Arms in Korea and the Origins of the Korean War, 1945–1950: New Evidence from Russian Archives // CWIHP. Working paper № 8 / Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, November 1993; *Westad O. A.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. N. Y.: Cambridge University Press, 2005.
3. *Zubok V. M., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

Глава 1

1. *Overy R.* Russia's War: A History of the Soviet War Effort, 1941–1945. N. Y.: Penguin, 1997. P. 287; *Beevor A.* The Fall of Berlin 1945. N. Y.: Viking, 2002.

2. В 1941 г. численность населения СССР составляла 196,7 млн человек; спустя пять лет при переписи обнаружилась убыль населения: 37,2 млн умерло, пропало без вести или выехало за пределы СССР. Основную ответственность за потери среди гражданских лиц несут нацисты, проводившие политику геноцида: 7,4 млн человек были преднамеренно истреблены на оккупированной территории СССР, 2,1 млн были угнаны в Германию, где погибли на принудительных работах и в немецких концлагерях. См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общ ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001; *Sokolov B. V. The Cost of War: Human Losses for the USSR and Germany, 1939–1945* // *Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 9. № 1 (March 1996). P. 172; *Idem. The Cost of War: Human Losses for the USSR and Germany, 1939–1945* // *The Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 9. № 1 (March 1996); *Erickson J. Soviet War Losses: Calculations and Controversies* // *Barbarossa: The Axis and the Allies* / ed. J. Erickson, D. Dilks. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. P. 256–258, 262–266; *Korol V. E. The Price of Victory: Myths and Realities* // *Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 9. № 2 (1996). P. 417–424.
3. В послевоенные годы эксперты в ЦРУ считали, что «состояние советской экономики удерживает СССР от реализации своих агрессивных планов». См.: *Assessing the Soviet Threat: The Early Cold War Years* / Ed. W. J. Kuhns. Langley, Va.: Center for the Study of Intelligence, 1997. P. 82, 264.
4. Майский И. М. и Аркадьев Г. П. Руководящие принципы программы репараций СССР (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Пап. 18. Д. 183. Л. 9–10); Н. Вознесенский — Сталину и Молотову (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Пап. 18. Д. 181. Л. 51); *Зубкова Е. Ю. Общество и реформы, 1945–1965*. М., 1993; а также обновленный и дополненный вариант в английском переводе: *Zubkova E. Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957* / Translated by Hugh Ragsdale. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1998. P. 20; *Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление*. М., 1996. С. 192.
5. *Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии* // Литературная газета. 1990. 9 мая. Цит. по: *Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России*. М., 1999. С. 188.
6. См.: *The Impact of World War II on the Soviet Union* / Ed. S. J. Linz. Totowa, N. J.: Rowman and Allanheld, 1985; *Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. L.: Longman, 1991; *Zubkova E. Op. cit.* P. 14–19; *Thurston R. W., Bonwetsch B. The People's War: Responses to*

- World War II in the Soviet Union. Urbana: University of Illinois Press, 2000. P. 137–184.
7. *English R. D.* Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War. N. Y.: Columbia University Press, 2000. P. 44.
  8. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Собр. соч. В 8 т. М., 2000. Т. 7. С. 711; Т. 8. С. 23; *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 513.
  9. *Beevor A.* Op. cit. P. 421–23; *Померанц Г. С.* Записки гадкого утенка. М., 1998. С. 96–97; *Barber J., Harrison M.* Op. cit. P. 209; *English R. D.* Op. cit. P. 44–46.
  10. *Martin T. D.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2001.
  11. *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. P. 55; *Agursky M.* The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder, Colo.: Westview, 1987.
  12. *Иноземцев Н. Н.* Фронтовой дневник. М., 2005. С. 181, 227.
  13. Историк Джон Л. Гэддис пишет, что «по вине Сталина и Гитлера», советские люди выросли в «обстановке жестокости, не имевшей прецедентов в современной истории. Жертвы жестокого обращения и экстремальных условий жизни, многие из них, не колеблясь, проявляли жестокость в обращении с другими» (*Gaddis J. L.* We Now Know: Rethinking Cold War History. N. Y.: Oxford University Press, 1996. P. 287).
  14. Эта тема в исторических исследованиях вплоть до 1990-х была практически под запретом. См.: *Naimark N.* Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1995; *Beevor A.* Op. cit. P. 28–31, 108–110; *Черняев А. С.* Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 132–133, 191–192; *Слуцкий Б.* Из «записок о войне» // Огонек. 1995. № 17 (апрель); Письма с фронта Виктора Оленева // Завтра. 1997. № 19; Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 707.
  15. *Померанц Г. С.* Указ. соч. С. 95, 202, 212.
  16. *Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. N. Y.: Basic Book, 1995. P. 88–89; личные наблюдения автора во время посещения Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Парка Победы на Поклонной горе в Москве в июле 2004 г.
  17. *Некрасов В.* Трагедия моего поколения // Литературная газета. 1990. 12 сент. № 37 (5311). С. 8; *Григоренко П. Г.* В подполье

- можно встретить только крыс. М., 1997. С. 288; *Померанц Г. С.* Указ. соч. С. 150; *Aksyutin Y.* Why Stalin Chose Confrontation Rather Than Cooperation with the Wartime Allies after the Victory? Some Socio-Psychological Aspects of the Cold War Origins. Paper presented at conference «The New Evidence on the Cold War.» Moscow, January 12–15, 1993. P. 4; *Zubkova E.* Op. cit. P. 34.
18. *Brodsky J.* On Grief and Reason: Essays. N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1995. P. 3–21; *Шерстяной Э.* Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 137–151; *Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 48–51.
19. Численность советских войск резко сократилась к сентябрю 1946 г. с максимального значения 12,5 млн человек до 4,5 млн. См.: Weekly Summary Excerpt, September 20, 1946, Effect of Demobilization on Soviet Military Potential // Assessing the Soviet Threat / ed. Kuhn. P. 83; Докладная записка секретаря ЦК ВЛКСМ Н. М. Михайлова А. А. Кузнецову от 19 сентября 1946 г. «О некоторых недостатках политико-воспитательной работы в войсках, находящихся за рубежом СССР» // Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. Сб. документов. М., 2003. С. 356–360; Свергнуть власть несправедливости // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Т. 4. С. 468–475; *Померанц Г. С.* Указ. соч. С. 210; *Зиновьев А. А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 241.
20. См.: *Черняев А. С.* Указ. соч. С. 195, 208–210; *Померанц Г. С.* Указ. соч. С. 91, 154; *Зубкова Е. Ю.* Указ. соч. С. 73.
21. *Яковлев А. Н.* Омут памяти. М., 2000. С. 50.
22. *Зиновьев А. А.* Указ. соч. С. 245.
23. Судьбы российского крестьянства / Под ред. Н. А. Ивницкого. М., 1996. С. 420. По данным Зубковой, соотношение количества женщин и мужчин в колхозах в 1945 г. было 2,7:1. См.: *Zubkova E.* Op. cit. P. 21.
24. *Гудков Л. Д.* Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2 (58). С. 42; *Krylova A.* «Healers of Wounded Souls»: The Crisis of Private Life in Soviet Literature and Society, 1944–46 // Journal of Modern History 73 (June 2001). P. 307–331.
25. О патриотизме и милитаризме в довоенном советском обществе см.: *Brandenberger D.* Op. cit. P. 95–112; о настроениях в армии после войны см.: *Черняев А. С.* Указ. соч. С. 195.
26. *Зубкова Е. Ю.* Указ. соч. С. 77–83.
27. *Гудков Л. Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 34–37; *Tumarkin N.* Op. cit.
28. *Sudolotov P., Sudoplatov A., Schecter J. L. and Schecter L. P.* Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness, a Soviet Spymaster.

- Boston: Little, Brown, 1995. P. 175; см. также расширенный вариант на русском языке: *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 206.
29. *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 513, 514; *Григоренко П. Г.* Указ. соч. С. 288.
  30. *Stalin J.* Works / Ed. R. H. McNeal. 15 vols. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1967. Vol. 2. P. 203.
  31. *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2000. P. 188–191; *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2001; *Miner S. M.* Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
  32. *Slezkine Y.* The Jewish Century. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2004. P. 207. О мотивах политического преследования евреев в СССР см.: *Kostyrchenko G. V.* Out of the Red Shadow: Anti-Semitism in Stalin's Russia. N. Y.: Prometheus Books, 1995. Издание этой книги на русском языке вышло в России в 1994 г.
  33. Об этом см.: *Григоренко П. Г.* Указ. соч. С. 288–289; *Miner S. M.* Op. cit. P. 321.
  34. Майский — Молотову. 11 января 1944 (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 14. Д. 147. Л. 3–40; Источник. 1995. № 4. С. 124–144).
  35. Литвинов. О перспективах и вероятных основаниях для советско-британского сотрудничества (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 14. Д. 143. Л. 53; Докладные записки Литвинова в 1945 г. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 17. Д. 175. Л. 26–44, 52–65, 109–146, 161–164); *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. Документальные очерки. М., 2006. С. 239–257, 339.
  36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 717. Л. 90–97.
  37. Например, см.: Обсуждение поездки группы советских должностных лиц в Чехословакию на заседании Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) 29 июня 1945 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 748. Л. 110–140); Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. В 2 т. Т. 1 / Под ред. Т. В. Волокитиной, Т. М. Исламова, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носковой и др. М.; Новосибирск, 1997. С. 30–32; Дневник Малышева. 28 марта 1945 (Источник. 1997. № 5. С. 128); *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 90.
  38. *Montefiore S. S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2004. P. 548–52.
  39. *Кнышевский П. Н.* Добыча. Тайны германских репараций. 1994. С. 20.

40. *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи, беседы, дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 494, 498–499; Майский — Молотову и др. 18 июня 1945 (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Пап. 18. Д. 182. Л. 32–35).
41. *Brandenberger D.* Op. cit. P. 229.
42. *Slezkine Y.* The USSR as a Communist Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. Vol. 53. № 2 (1994). P. 414–452.
43. *Мгеладзе А. И.* Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Тбилиси, 2001. С. 78–80.
44. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 103–104.
45. Запись беседы Молотова с Рузвельтом 29 мая 1942; Сталин — Молотову, телеграмма от 1 июня 1942; Сталин — Молотову, телеграмма от 4 июня 1942 (*Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 211–212, 244, 258–259; *War and Diplomacy: The Making of the Grand Alliance: Documents from Stalin's Archives* / Ed. O. Rzheshesky. Amsterdam: Harwood Academic, 1996. P. 94, 219).
46. На эту тему существует много публикаций, и их число продолжает расти. См.: *Haynes J. E., Klehr H.* Venona: Deciding Soviet Espionage in America. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999; *Weinstein A., Vasiliev A.* The Haunted Wood: Soviet Espionage in America — The Stalin Era. N. Y.: Random House, 1999; *Mark Ed.* Venona's Source 19 and the «Trident» Conference of May 1943: Diplomacy or Espionage? // *Intelligence and National Security* 13. № 2 (Summer 1998). P. 10–31. Особенно см.: P. 14.
47. *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 156–170; *Fulop-Miller R.* The Mind and Face of Bolshevism: An Examination of Cultural Life in the Soviet Union / Translated by F. S. Flint and D. F. Tait. N. Y.: Harper and Row, 1965. P. 49; *Parks J. D.* Culture, Conflict and Coexistence: America-Soviet Cultural Relations, 1917–1958. Jefferson, N. C.: McFarland, 1983. P. 21–46.
48. *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 300–315.
49. Согласно советским официальным статистическим данным, в 1944 г. по ленд-лизу в СССР было поставлено помощи на 45,6 млрд рублей, что составило 10 % от советского ВВП. Значимость американской помощи в важнейших областях была особенно высока. Например, ленд-лиз давал СССР 55 % грузовиков и легковых автомобилей, 20,6 — тракторов, 23 — металлообрабатывающих и прочих станков, 42 % — двигателей; кроме того, ленд-лиз покрывал 41 % потребности СССР в алюминии, 19 — цинке, 25 — никеле, 37 — ртути, 99 — олове, 57 — кобальте, 67 — молибдене, 24,3 — нержавеющей стали, 18 — авиационном бензине, 100 — природном каучуке, 23,3 — этиловом спирте и 38 % — в глицерине. К тому же

- поставки продовольствия, обуви и грузовиков-«студебекеров» помогли советской армии гораздо быстрее преодолеть путь от Сталинграда до Берлина. См.: *Симонов Н. С.* Указ. соч. С. 194.
50. *Хрущев Н. С.* Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990–1995. С. 81; *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes* / Ed. J. L. Schecter, V. V. Luchkov. Boston: Little, Brown, 1990. P. 85.
  51. *Parks J. D.* Op. cit. P. 86–87, 95–96.
  52. Записная книжка маршала Ф. И. Голикова / Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история. 2004. № 2; Из беседы автора с русским ученым Игорем Семеновичем Александровым в Нью-Йорке, 30 марта 2002. Мать и отец Александрова работали в МГБ и выполняли ответственные задания в США в 1940-х гг.
  53. *Трояновский О. А.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 56, 76.
  54. *Pechatnov V.* Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–47 // *Cold War History* I (January 2001). P. 1–27.
  55. О выскомерии американцев в отношении русских см.: *Costigliola F.* «Like Animals or Worse»: Narratives of Culture and Emotion by U. S. and British POWs and Airmen behind Soviet Lines, 1944–1945 // *Diplomatic History* 28 (November 2004). P. 752–753; *Idem.* I Had Come as a Friend: Emotion, Culture, and Ambiguity in the Formation of the Cold War // *Cold War History* (August 2000). P. 103–128; Записная книжка маршала Ф. И. Голикова. С. 100.
  56. Подобные умонастроения нашли свое отражение в книге: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М., 2000. С. 714.
  57. *Costigliola F.* I Had Come as a Friend. О том, как советские представители охотились за американскими промышленными и техническими секретами, см.: *Rhodes R.* Dark Sun: The Making of the Hydrogen Bomb. N. Y.: Simon and Schuster, 1995. P. 94–102.
  58. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 896–897.
  59. В июле 1945 г. министр иностранных дел Китая д-р Сун Цзывэнь попросил американского посла в СССР уточнить, какие именно уступки Рузвельт сделал Сталину на переговорах в Ялте. Аверелл Харриман был вынужден признать, что никаких письменных следов их обсуждения и интерпретации не имеется. «Все было принято в буквальном виде, по тексту», представленному советской стороной. Navy cable, July 3, 1945, Harriman Collection, Special Files, box 180, LC; *Громыко А. А.* Памятное. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 188–190.
  60. *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 265. По сравнению с американским изданием под редакцией Джеррольда и Леоны Шехтер, в книге на

русском языке содержатся дополнительные сведения о подготовке советской стороны к Ялтинской конференции.

61. *Pechatnov V.* The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Postwar Relations with the United Nations and Great Britain // CWINP working paper № 13. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, July 1995; *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 38.
62. Дневник Майского (АВП РФ. Личный фонд Майского. Оп. 1. Пап. 2. Д. 9. Л. 69); цит. в кн.: СССР и германский вопрос, 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации / Сост. Г. П. Кынин, Й. Лауфер. В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 701; Протокол № 1 комиссии Литвинова (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 14. Д. 141. Л. 23–24).
63. *Aksyutin Y.* Op. cit. P. 17.
64. Майский — Молотову. Черновик телефонограммы для послов и представителей СССР от 15 февраля 1945 (АВП РФ. Ф. 017. Оп. 3. Пап. 2. Д. 1. Л. 52–56) цит. в кн.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 608.
65. Сталин связывал капитуляцию германских войск в Италии с секретными договоренностями между Германией и США, заключенными за его спиной, особенно с деятельностью Алена Даллеса, представителя УСС (Управления стратегических служб) в Берне (Швейцария). Подробнее см.: *Smith B. F., Agarossi E.* Operation Sunrise: The Secret Surrender. N. Y.: Basic Books, 1979.
66. *Montefiore S. S.* Op. cit. P. 486.
67. Громыко не включил этот эпизод в свои мемуары, однако поделился воспоминаниями о нем со своими подчиненными. См.: *Трояновский О. А.* Указ. соч. С. 129–130; *Семенов В. С.* От Хрущева до Горбачева. Из дневника В. С. Семенова // Новая и новейшая история. 2004. № 3–4. С. 127. Семенов заметил огромные расхождения в изложении этого эпизода, когда в 1988 г. среди документов личного фонда Молотова в АВП РФ прочитал отчет о той встрече. Трактовку этого эпизода без учета свидетельств советской мемуаристики см.: *Roberts G.* Sexing up the Cold War: New Evidence on the Molotov — Truman Talks of April 1945 // Cold War History 3 (Summer 1991). P. 105–126.
68. *Powers R. G.* Not without Honor: The History of American Anticommunism. N. Y.: Free Press, 1995. P. 155–189; *Hirshson S. P.* General Patton: A Soldier's Life. N. Y.: HarperCollins, 2002.
69. Микоян — Молотову. Проект решения ГКО от 24 июня 1945 (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Пап. 45. Д. 702). Проект, составленный Микояном, был также передан Берии, Маленкову, Вознесенскому и Булганину. О бюджетном дефиците и военных расходах в СССР см.: *Симонов Н. С.* Указ. соч. С. 187.

70. Инструкции Молотова см.: *Pechatnov V. Averell Harriman's Mission to Moscow* // *Harriman Review*, № 14 (July 2003). P. 30.
71. Текст этой телеграммы был перехвачен и позже расшифрован специалистами американского контрразведывательного проекта «Венона», см.: *The 1944–1945 New York and Washington–Moscow KGB Messages* // *Venona Historical Monograph* № 3 (Fort Meade, MD: National Security Agency, March 1996). P. 69–70. В телеграмме содержались имена других «реакционеров»: Джозефа Грю из Госдепартамента, сенаторов Артура Ванденберга и Тома Коннали, конгрессменов Чарльза Итона и Сола Блума, адмиралов Эрнста Дж. Кинга и Уильяма Д. Леги, генералов Сомервелла и Джорджа Маршалла. Кроме того, телеграмма характеризовала Аверелла Гарримана как «одного из самых ярких антисоветских пропагандистов». Кто-то из осведомителей МГБ слышал, как Гарриман говорил американским журналистам о том, что «СССР стремится к мировому господству и пытается занять главенствующее положение на [Потсдамской] конференции».
72. Гусев — в Москву из Лондона. 18 мая 1945. Цит. в кн.: *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 524. План Великобритании на случай войны с СССР, датированный 22 мая 1945 г., был обнаружен в личном архиве Черчилля (PRO, CAB 120/161/55 911, 1–29); о том, как кремлевские руководители реагировали на донесения ГРУ, автор узнал от ветерана ГРУ генерал-полковника М. А. Мильштейна во время интервью, взятом 14 января 1990 г. в Москве.
73. Добрынин — Киссинджеру, в отчете о беседе от 20 июля 1970 г. (SCF, 486, PTF, D/K 1970, 1, NARA).
74. *Rieber A. Stalin: Man of the Borderlands* // *American Historical Review* 106 (December 2001). P. 1683–1690.
75. *Harriman A. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. N. Y.: Random House, 1975. P. 46; *Kissinger H. Diplomacy*. N. Y.: Simon and Schuster, 1994. P. 398. Давид Холлоуэй пишет, что «политический курс, которым следовал Сталин, был курсом *realpolitik*». См.: *Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1994. P. 168.
76. О роли Литвинова и внешней политике СССР в 1930-е гг. см.: *Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39*. L.: Macmillan, 1984; *Phillips H. D. Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim F. Litvinov*. Boulder, Colo.: Westview, 1992.

77. См.: *Mastny V.* The Cassandra in the Foreign Office // Foreign Affairs 54 (January 1976); *Tucker R. C.* Stalin in Power: The Revolution from Above. N. Y.: W. W. Norton, 1990.
78. Сталин — Кагановичу и Молотову. 2 сентября 1935 г. (Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001. С. 545).
79. О поведении Сталина в период Мюнхенского соглашения см.: *Lukes I.* Czechoslovakia between Hitler and Stalin: The Diplomacy of Edward Benes in the 1930s. N. Y.: Oxford University Press, 1996. Лукеш считает, что советская политика во время чехословацкого кризиса была неискренней, прикрывала дипломатические махинации и агрессивные цели Кремля.
80. *Wohlforth W. C.* The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1993. P. 33.
81. Чичерин — Ленину. 18 августа 1921 (Источник. 1996. №3. С. 55–56).
82. *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001 (гл. 6, 9, 10); Коминтерн против фашизма. Документы / Сост. В. В. Дамье и др. М., 1999. С. 21–30.
83. *Goldgeier J. M.* Leadership Style and Soviet Foreign Policy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. P. 18–21; *Tucker R. C.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality. N. Y.: W. W. Norton, 1973.
84. Более подробно см.: *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 19–25; а также многие проливающие свет детали имеются в кн.: *Montefiore S. S.* Op. cit.
85. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 78, 82.
86. Запись беседы тов. Сталина с группой английских лейбористов — депутатов парламента. 14 октября 1947. ЦГАСИ. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 326d. Л. 16.
87. Более подробно см.: *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 16–17; *Brandenberger D. L., Dubrovsky A. M.* «The People need a Tsar»: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941 // Europe-Asia Studies 50 (1998). P. 879, 883–884.
88. *Илизаров Б. С.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3–4; *Тарле Е. В.* Политика. История территориальных захватов. XV–XX вв. М., 2001. С. 7; *Зеленов М. В.* И. В. Сталин о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» и идеологическая подготовка к мировой войне // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 3–40.
89. *Brandenberger D. L., Dubrovsky A. M.* Op. cit. P. 880; *Зеленов М. В.* Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебни-

- ков по истории (1934–1936 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 3–30; Khrushchev Remembers. P. 144.
90. Zubok V. M., Pleshakov C. Op. cit. P. 13–15. Дополнительно о сочетании идеологических и геополитических приоритетов во внешней политике СССР см.: Gould-Davies N. Rethinking the Role of Ideology in International Politics during the Cold War // Journal of Cold War Studies 1 (Winter 1999). P. 92; Macdonald D. J. Formal Ideologies in the Cold War: Toward a Framework for Empirical Analysis // Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretations, Theory / Ed. O. A. Westad. L.: Frank Cass, 2000.
  91. О переговорах Черчилля со Сталиным в 1944 г. см.: Запись беседы Сталина и Черчилля. 14 октября 1944 г. // Источник. 1995. № 4. С. 147; Records of the Meetings at the Kremlin, Moscow, October 9 – October 17, 1944, Churchill Papers, 3/434/2, PRO; Gardner L. C. Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta. Chicago: Ivan R. Dee, 1993. P. 208; Ржевский О. А. Указ. соч. С. 418–474, 499–506, 507.
  92. Восточная Европа... Т. 1. С. 132–133.
  93. Dimitrov G. The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949. Introduced and edited by Ivo Banac. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003. P. 357–358.
  94. Чув Ф. Указ. соч. С. 92–93.
  95. Сталин — югославам, 9 января 1945 г., см. в кн.: Dimitrov G. Op. cit. P. 352–353;
  96. Чув Ф. Указ. соч. С. 67.
  97. Число исторических исследований, посвященных политике СССР в Восточной Европе, неуклонно растет. Среди них: The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / Ed. N. Naimark, L. Gibiansky. Boulder, Colo.: Westview, 1997; Mastny V. Cold War and Soviet Insecurity: Stalin Years. N. Y.: Oxford University Press, 1996; Mark Ed. Revolution by Degrees: Stalin's National-Front Strategy for Europe, 1941–47 // CWIHP working Paper № 31. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2000; Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. М., 2002; Gibiansky L. Sowjetisierung Osteuropas — Character und Typologie // Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953) / Hg. M. Lemke. Cologne: Bohlau, 1999; Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung, 1945–1955. Beiträge / Hg. S. Karner, P. Ruggenthaler, B. Stelzl-Marx. Vienna: Oldenbourg Verlag, 2005.
  98. Восточная Европа... Т. 1. С. 28–29.
  99. Khrushchev Remembers. P. 100.

100. Намерения Рузвельта в этом случае трактуются разными историками совершенно по-разному. См.: *Gardner L. C.* Op. cit; *Perlmutter A.* FDR and Stalin: A Not So Great Alliance. Columbia: University of Missouri Press, 1993.
101. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 76.
102. *Naimark N.* Op. cit. P. 385–390.
103. Из интервью, взятого автором у Бориса Николаевича Пономарева, бывшего заведующего международным отделом ЦК КПСС, 15 июля 1991 г. (Старая площадь, г. Москва).
104. *Kersten K.* The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943–1948 / Translated by John MacGiel and Michael H. Bernhard. Berkeley: University of California Press, 1991.
105. О выселении немцев с территории Польши и Чехословакии, а также о роли Сталина в этом см.: *Naimark N.* Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 108–138. О противоречиях в венгерском обществе см.: *Krisztian Ungvary.* The Siege of Budapest: One Hundred Days in World War II. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2005.
106. О планах создания восточноевропейских конфедераций см.: Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe / Ed. Naimark, Gibiansky; *Гибянский Л. Я.* Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12; *Murashko G. P., Noskova A. F.* Stalin and The National-Territorial Controversies in Eastern Europe, 1945–1947 // Cold War History. Vol. 1. № 3 (April 2001). P. 161–173.
107. У поляков было достаточно оснований опасаться худшего. В 1937–1938 гг. в мясорубке Большого террора на территории СССР исчезло 110 тыс. этнических поляков — членов польской компартии, политических беженцев, а также советских граждан польского происхождения. В 1939–1940 гг. до миллиона с четвертью бывших польских граждан, среди них поляки, евреи, украинцы и белорусы, были депортированы в восточные районы СССР, в том числе и в сталинские лагеря. Десятки тысяч из них погибли. Весной 1940 г. по приказу Сталина особая команда НКВД расстреляла более 15 тыс. польских военнопленных, в основном офицеров, которые сдались в плен советским войскам. См.: *Petrov N., Roginsky A.* The «Polish Operation» of the NKVD, 1937–1939 // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Ed. B. McLaughlin, K. McDermott. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. P. 12, 170–173; Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Под ред. Р. Г. Пи-

- хои, А. Гейштора. Сост. Н. С. Лебедева, Н. А. Петросова и др. М., 1999; *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 78.
108. 17 октября 1944 г., в последний день переговоров Сталина и Черчилля в Москве, Берия доложил Сталину о том, что руководитель Смерша Виктор Абакумов пошлет «100 офицеров Смерша, чтобы поддержать контрразведку [просоветской] Польской армии». Кроме того, в Польшу были направлены войска НКВД численностью 4500 человек. См. об этом: Восточная Европа. Т. 1. С. 83–84; НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По «особым папкам» И. В. Сталина) / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 1994. С. 41–42; СССР — Польша. Механизмы подчинения, 1944–1949. Сб. документов / Сост. Г. Бордюгов, Г. Матвеев, А. Косецкий и А. Паковский. Под ред. Г. А. Бордюгова, А. Коханьского, Л. А. Роговой. М., 1995; Серов — Берии. 21 марта 1945 г. (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 94. Л. 122–126); Восточная Европа Т. 1. С. 72.
  109. *Hazard E. W.* Cold War Crucible: United States Foreign Policy and the Conflict in Romania, 1943–1953. N. Y.: Columbia University Press, 1996. P. 29, 69, 74; Скайлер — Сусайкову. 6 марта 1945 г. (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. Пап. 24. Д. 335. Л. 32–33); Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов / Сост. Т. В. Волокитина, Д. А. Ермакова, Г. П. Мурашко и др. М., 1998. С. 86–92, 94–96, 98–100, 112–113, 107, 123.
  110. *Dimitrov G.* Op. cit. P. 352–353; Записки В. Коларова о встрече с И. Сталиным (ЦГА. Ф. 147 В. Оп. 2. Д. 1025. Л. 1–6); Коллекция документов CWHIP; Восточная Европа. Т. 1. С. 128–129.
  111. *Губианский Л. Я.* Сталин и триестинское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война / Под ред. А. О. Чубарьяна, Н. И. Егоровой, И. В. Гайдука. М., 1998. С. 49–57.
  112. *Pechatnov V.* «The Allies Are Pressing on You to Break Your Will»: Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and Other Members of Politburo, September 1945 — December 1946 // CWHIP working paper № 26. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, September 1999.
  113. См.: *Hasegawa Ts.* The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. Between War and Peace, 1697–1985. Research Series № 97. Berkeley: University of California, 1998. Vol.1. P. 59–73, особенно P. 69 и 71; *Славинский Б. Н.* Ялтинская конференция и проблема «северных территорий»: современное документальное переосмысление. М., 1996. С. 88; *Leffler M. P.* A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1992. P. 87–88; *Niu Jun.* The Origins of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963 / Ed.

- O. A. Westad. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press; Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1998. P. 57.
114. Westad O. A. Cold War and Revolution: Soviet-American Rivalry and the Origins of the Chinese War, 1944–1946. N. Y.: Columbia University Press, 1993. P. 54–55.
115. Встречи 30 июня, 2 июля и 7 июля 1945 г. (Victor Hoo Papers. Box 2. File «Sino-Soviet Relations, 1945–1946». Гуверовский институт войны, революции и мира Стенфордского университета, шт. Калифорния. Материалы предоставлены д-ром Дэвидом Волфом для конференции CWHIP, посвященной Сталину. Сентябрь 1999 г.); *Goncharov S. N., Lewis J. W., Litai Xue*. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1993. P. 3.
116. Встреча Сталина и Суна 9 июля 1945 г. (Victor Hoo Papers. Box 2. File «Sino-Soviet Relations, 1945–1946». Гуверовский институт войны, революции и мира Стенфордского университета, шт. Калифорния).
117. Chinese Communist Foreign Policy and the Cold War in Asia: Documentary Evidence / Ed. Zhang Shuguang, Chen Jian. Chicago: Imprint Publications, 1996. P. 29–32; *Chen Jian*. Mao's China and the Cold War. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001. P. 27–28.
118. В своем заключении о китайско-советских переговорах, проходивших 18 июля, А. Гарриман отметил, что вопрос о независимости Монгольской Народной Республики от Китая «выходит за пределы строгого толкования Ялтинского соглашения». Тем не менее, добавил он, «мы не считаем, что эта уступка требованиям советского правительства наносит какой-либо ущерб интересам Соединенных Штатов». См.: «Yalta Agreement Affecting China» («О влиянии Ялтинского соглашения на Китай»). July 18, 1945; а также телеграмму от Гарримана госсекретарю от 7 июля 1945 г. (Box 180. Harriman Collection, LC); *Liang Chin-tung*. The Sino-Soviet Treaty of Friendship and Alliance of 1945: The Inside Story // Nationalist China during the Sino-Japanese War, 1937–1945 / Ed. P. K. T. Sih. Hicksville, N. Y.: Exposition Press, 1977. P. 382–390; *Goncharov S. N., Lewis J. W., Litai Xue* Op. cit. P. 5; *Pechatnov V.* Averell Harriman's Mission to Moscow. P. 34.
119. Наиболее подробно эта отмененная операция исследована в публикации Б. Н. Славинского «Советская оккупация Курильских островов и планы захвата северной части Хоккайдо» (Знакомьтесь — Япония. 1993. № 1. С. 62–64). Эта статья основывается на документах, с которых до сих пор не снят гриф секретности, но с которыми Славинскому удалось ознакомиться в Московском филиале Центрального военно-морского архива.

120. *Eisenberg C.* Drawing the Line: The American Decision to Divide Germany, 1944–1949. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 105–107, 110–111, 182–183; Молотов — Димитрову, 6 августа 1945 г. см. в кн.: *Dimitrov G.* Op. cit. P. 492; *Hazard E. W.* Op. cit. P. 114–115; *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 79.
121. *Харитон Ю. Б., Смирнов Ю. Н.* Мифы и реальность советского атомного проекта. Арзамас-16, 1994. С. 64; интервью автора с Игорем Николаевичем Головиным в Москве 30 января 1993 г. Головин рассказал мне, что сразу же после бомбардировки Хиросимы советских ученых-физиков из лаборатории Курчатова практически ежедневно вызывали в высокие инстанции для того, чтобы они объяснили советским руководителям, в чем заключается характер нового оружия.
122. *Werth A.* Russia at War, 1941–1945. L.: Pan Books, 1964. P. 925; *Holloway D.* Op. cit. P. 127. Сын Громыко, Анатолий Андреевич, приводит слова своего отца, вспоминавшего о том, что после Хиросимы «военные в нашем Генеральном штабе схватились за голову. Советский Союз, только что победивший фашистские армии, снова оказался под угрозой нападения... Настроения в Кремле, Генштабе были нервными, недоверие к союзникам быстро нарастало. Высказывались мнения в пользу сохранения многочисленной сухопутной армии, установления контроля над большими пространствами как противовеса возможным потерям от атомных бомбардировок. Другими словами, атомные удары по Японии заставили нас еще раз оценить значение для СССР всего восточноевропейского плацдарма». *Громыко А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 65. Трудно определить, насколько последующее развитие событий оказало воздействие на эту оценку Громыко.
123. Состав Специального комитета, созданного для руководства атомным проектом, был впечатляющим, в него вошли Л. П. Берия (председатель); секретарь ЦК КПСС Г. М. Маленков; председатель Госплана Н. А. Вознесенский; нарком (министр) сельскохозяйственного машиностроения Б. Л. Ванников; два замнаркома внутренних дел — А. П. Завенягин и В. А. Махнев; а также физики-ядерщики И. В. Курчатов и П. Л. Капица. При Спецкомитете был создан Технический совет, который включал в себя научные комиссии по изучению атомной энергии, а при Совете народных комиссаров СССР — Первое главное управление (ПГУ). См.: *Кочарянц С. Г., Горин Н. Н.* Страницы истории ядерного центра «Арзамас-16». Арзамас-16, 1993. С. 13–14.
124. См.: *Alperovitz G.* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam — The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. Boulder, Colo.: Pluto Press, 1994.

125. В советском руководстве и среди должностных лиц установился своего рода заговор молчания по поводу атомной бомбы, прежде всего в общении с иностранцами. В декабре 1945 г. Литвинов писал Молотову: «Согласно вчерашнего сообщения ТАСС, Уоллес на митинге заявил, будто я говорил каким-то американцам, что сброшенная на Нагасаки атомная бомба является последней и что Америка хочет мира. Это является сплошным вымыслом, ибо ни с какими американцами и вообще иностранцами я об атомной бомбе никогда не беседовал. Я всегда считал и считаю, что, поскольку разговоры об атомной бомбе полезных нам результатов дать не могут, нам выгоднее всего проявлять полное безразличие к этой теме, не говорить и не писать о ней, пока нас не спрашивают». Литвинов — Молотову, 8 декабря 1945 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. Пап. 125. Д. 91. Л. 4).

Глава 2

1. Об этом разговоре с Литвиновым см. публикации Хоттлета в газете «Вашингтон пост» за 21–25 января 1952 г., а также статью: *Mastny V. Cassandra in the Foreign Office*. О различиях и сходствах во взглядах Сталина и Литвинова на внешнеполитические задачи СССР в кн.: *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 38–39.
2. *Goncharov S. N., Lewis J. W., Litai Xue* Op. cit. P. 4–5. Надежда на подобное развитие событий со всей очевидностью выражена в служебной записке Соломона Лозовского на имя Сталина от 15 января 1945 г. См.: *Славинский Б. Н.* Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». С. 86.
3. Сталин — Гарриману, 19 августа 1945 г. (Special Files. Box 182. Harriman Collection. LC); *Славинский Б. Н.* Советская оккупация Курильских островов. С. 62–64; *Hasegawa Ts.* Op. cit. Vol. I. P. 63–64. Более подробно о подоплеке этих событий в кн.: *Hasegawa Ts.* *Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.
4. Восточная Европа. Т. 1. С. 247–251; записи от 22 и 24 августа 1945 г. см.: *Dimitrov G.* Op. cit. P. 380. О реакции со стороны англичан см.: *Hazard E. W.* Op. cit. P. 117, 123.
5. Запись от 30 августа 1945 г. см.: *Dimitrov G.* Op. cit. P. 381; из болгарского архива Баева см.: ЦПА. Ф. 146. Оп. 4. Д. 639.
6. Более подробно об этом см.: *Alperovitz G.* Op. cit.
7. Телеграмму от 13 сентября, хранящуюся в АП РФ, см.: *Pechatnov V.* *Allies Are Pressing on You*. P. 4.
8. Телеграмму от 21 сентября, хранящуюся в АП РФ, см.: *Pechatnov V.* *Allies Are Pressing on You*. P. 4; *Idem.* *Averell Harriman*. P. 37.
9. *Pechatnov V.* *Allies Are Pressing on You*. P. 5.

10. Телеграмму от 22 сентября, хранящуюся в АП РФ, см.: Там же. С. 5.
11. Телеграмму от 26 сентября, хранящуюся в АП РФ, см.: Там же. С. 6. Более подробно о борьбе Сталина за контроль над Японией см.: *Pechatnov V. Averell Harriman*.
12. Запись о высказываниях Сталина во время его встречи с болгарской делегацией в Москве 30 августа 1945 г. см.: ЦГА. Ф. 146В. Оп. 4. Д. 639. Л. 20–28. Документ предоставлен болгарским историком Йорданом Баевым в коллекцию документов проекта по истории холодной войны в центре Вудро Вильсона (CWIHP).
13. *Zubok V. M., Pleshakov C. Op. cit.* 97.
14. *Pechatnov V. Allies Are Pressing on You.* P. 6.
15. См.: Восточная Европа. Т. 1. С. 248–251, 280–287, 294–295; Встреча Гарримана со Сталиным 25 октября 1945 г. Harriman Collection. Special Files. Box 183. LC.
16. *Leffler M. P. Op. cit.* P. 47; о представлениях американцев, что такое «открытые» сферы влияния, см.: *Mark Ed. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // Journal of American History* 68 (September 1981).
17. *Werblan A. The Conversation between Wladyslaw Gomulka and Joseph Stalin // CWIHP Bulletin*, № 11 (1998). P. 136.
18. Сталин — В. М. Молотову, Г. М. Маленкову, Л. П. Берии, А. И. Микояну. 9 декабря 1945 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 127); Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002. P. 201–202.
19. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 491–519; *Taubman W. Stalin's American Policy: From Entente to Détente to Cold War.* N. Y.: W. W. Norton, 1982.
20. Дневник Скайлера цитируется в кн.: *Hazard E. W. Op. cit.* P. 152; Запись Димитрова в дневнике за 23 декабря 1945 г. (*Dimitrov G. Op. cit.* P. 518).
21. Беседа Сталина с председателем Совета министров Болгарии К. Георгиевым, министрами П. Стаиновым и А. Юговым, а также посланником Д. Михалчевым 7 января 1946 г. см.: АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252. Л. 28–39. Опубликовано в: Восточная Европа. Т. 1. С. 357, 359, 360, 361. К этому времени советская разведка доложила об интенсивных попытках со стороны англичан и американцев вдохновить болгарскую оппозицию на сопротивление политике советских ставленников. См.: *Political Problems in Bulgaria and Romania Following Moscow Conference Decisions*, Sofia — Moscow, January 8, 1946 // *Venona Historical Monograph* № 5. Fort Mead, Md.: National Security Agency, October 1996.
22. *Dimitrov G. Op. cit.* P. 520, 521, 522–523.

23. Печатнов видел протоколы этой встречи в российских архивах; см.: *Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives*. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2002. P. 121; *Boterbloem K.* The Life and Times of Andrei Zhdanov, 1896–1948. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2004. P. 249–251.
24. Беседу Сталина с Б. Берутом и Э. Осубкой-Моравским 24 мая 1946 г. см.: *Восточная Европа*. Т. 1. С. 458–459, 461, 462–463.
25. *Niu Jun.* Origins of the Sino-Soviet Alliance. P. 55–56.
26. *Chen Jian.* Op. cit. P. 31–32.
27. *Ледовский А. В.* Сталин и Чан Кайши. Тайная поездка сына Чана в Москву в декабре 1945 — январе 1946 // Новая и новейшая история. 1996. № 4 (июль — август).
28. К визиту Цзян Цзинго. Докладная записка Соломона Лозовского на имя Сталина и Молотова от 29 декабря 1945 г., хранящаяся в АП РФ, см.: *Ледовский А. В.* Указ. соч. С. 108.
29. Запись беседы между Сталиным и Цзян Цзинго, личным представителем Чан Кайши, от 30 декабря 1945 г. — документ из АПРФ, опубликован в ст.: *Ледовский А. В.* Указ. соч. С. 106, 108, 109–119; *Chen Jian.* Op. cit. P. 33.
30. Мао уведомил Кремль о своих намерениях сохранять вооруженные силы КПК для будущей борьбы с правительством Гоминьдана. См.: *Ледовский А. В.* Указ. соч. С. 110; *Chen Jian.* Op. cit. P. 32.
31. *Kuisong Yang.* The Soviet Factor and the CCP's Policy towards the United States // *Chinese Historians* 5, № 1 (Spring 1992). P. 26; *Chen Jian.* Op. cit. P. 34.
32. *Westad O. A.* Decisive Encounters: The Chinese Civil War, 1946–1950. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. P. 35.
33. Согласно Конвенции Монтре, принятой в 1936 г., СССР, как и другие государства, мог в мирное время рассчитывать на проход своих военных кораблей через проливы, однако во время войны или в случае «угрозы нападения» Турция имела право закрывать проливы. Страна — гарантами конвенции были Великобритания, Франция, Югославия, Греция и Болгария, а также Германия и Япония.
34. См.: Беседа тов. Сталина и Молотова с министром иностранных дел Турции Сарайоглу. Москва, 1 октября 1939 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 388. Л. 14–32); заметки Молотова с указаниями Сталина по ведению советско-германских переговоров в ноябре 1940 г. в Берлине см.: *Volkogonov Collection*. LC; *On the Eve* // *International Affairs* 7 (July 1991); Запись бесед тов. И. В. Сталина с Черчиллем 9 октября 1944 г. // *Источник*. 2003. № 2. С. 50–51. Тема советско-турецких отношений с привлечением материалов из советских архивов лучше всего раскрыта в следующих работах: *Гасанлы Дж.* СССР — Турция. Полигон холодной войны. Баку,

- 2005; *Лаврова Т. В.* Черноморские проливы (исторический очерк). Ростов н/Д, 1997. С. 42–77; *Кочкин Н. В.* СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 3 (май – июнь). С. 58–77.
35. Максим Литвинов. К вопросу о проливах. 15 ноября 1944 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 14. Д. 143. Л. 52); Миллер — Деканозову. 15 января 1945 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Пап. 57. Д. 946. Л. 6).
  36. К вопросу об истории советско-турецких отношений в 1944–1948 гг. Обзор, подготовленный И. Н. Земсковым для историко-дипломатического управления МИД СССР, см.: РГАНИ. Дело Молотова. Ф. 13/76 Комиссии партийного контроля (КПК). Оп. 8. Д. 13. Подоплека этих событий с западной стороны лучше всего представлена в кн.: *Kuniholm B.* The Origins of the Cold War in the Near West. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1980. P. 257–264; FRUS. 1945. Vol. 1. P. 1017–1018.
  37. Маршал Федор Толбухин, командовавший в 1944 г. советскими войсками в Болгарии, в беседе с грузинским партийным деятелем Акакием Мгеладзе рассказывал, как он дважды звонил Сталину, чтобы уговорить его ввести войска в Турцию. *Мгеладзе А. И.* Указ. соч. С. 61–62.
  38. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. Пап. 168. Д. 22. Л. 15–16; Ф. 06. Оп. 7. Пап. 47. Д. 758. Л. 6–14, цит. по: *Лаврова Т. В.* Указ. соч. С. 77–78, а также см.: *Кочкин Н. В.* Указ. соч. С. 60.
  39. *Fromkin D.* A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. N. Y.: Owl Books, 2001; *Гасанлы Дж.* СССР — Турция. С. 154–154; *Мелконян Э.* Пути политической адаптации армянской диаспоры // Выступление на международной конференции «Грузия, Армения и Азербайджан в холодной войне: новые архивные доказательства», г. Цинандали, Грузия, 8–9 июля 2002; С. Карапетян, министр иностранных дел Армянской ССР, — Г. А. Арутюнову, секретарю ЦК КП Армении, 29 мая 1946 г. Служебная записка по армянскому вопросу (Центральный партийный архив Армении. «Особые папки». 1946 г.).
  40. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 102–103; *Zubok V. M., Pleshakov S.* Op. cit. P. 92–93; *Лаврова Т. В.* Указ. соч. С. 78.
  41. Записи В. Коларова после его встречи со Сталиным 28 января 1945 г. Мнение Сталина по определенным вопросам см.: ЦГА. Ф. 147 В. Оп. 2. Д. 1025. Л. 12. Предоставлено Йорданом Баевым в коллекцию документов CWINP.
  42. *Kuniholm B.* Op. cit. P. 262–265; *Лаврова Т. В.* Указ. соч. С. 84–86; АВП РФ. Ф. 017. Оп. 3. Пап. 2. Д. 2. Л. 56. Опубликовано в кн.: СССР и Германский вопрос. Т. 1. С. 608.
  43. *Taubman W.* Stalin's American Policy. P. 116–118; *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 103; *Pechatnov V.* Allies Are Pressing on You. P. 7–8.

44. Владимиров — Димитрову. 27 декабря 1944 г. см.: *Dimitrov G.* Op. cit. P. 456; К вопросу об истории советско-турецких отношений в 1944–1948 годах. Обзор, подготовленный И. Н. Земсковым для историко-дипломатического управления МИД СССР (РГАНИ. Дело Молотова. Ф. 13/76 Комиссии партийного контроля (КПК). Оп. 8. Д. 13).
45. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 102–103; стенограммы пленума ЦК КПСС 11 июля 1955 г. (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. Л. 224).
46. *Гасанлы Дж.* СССР — Турция. С. 212–213, 296.
47. Кроме того, в Комиссариате иностранных дел заметную роль играли еще два грузина — Сергей Кавтарадзе и Владимир Деканозов. *Khrushchev N.* Khrushchev Remembers: The Last Testament. Translated and edited by Strobe Talbott. Boston: Little, Brown, 1971. P. 295–296; *Beria S.* Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin / Ed. Françoise Thom. London: Duckworth, 2001. P. 200–201.
48. Архив Президента Грузии, Тбилиси. Ф. 14. Оп. 19. Д. 209. Л. 27–29, 51–57; *Гасанлы Дж.* СССР — Турция. С. 216–221; интервью, взятое автором у Дэви Стурва в Тбилиси, 20 августа 1999 г., хранящееся в личном архиве автора.
49. *Гасанлы Дж.* СССР — Турция. С. 250–251, 259–261, 271; Известия. 1945. 16 дек.
50. Сталин — Виноградову. Телеграмма, полученная в Анкаре 7 декабря 1945 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 117–118).
51. *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. Начало холодной войны. Баку, 2003. С. 74, 421–422; At the Dawn of the Cold War: The Soviet-American Crisis over Iranian Azerbaijan, 1942–1946. N. Y.: Rowan and Littlefield, 2006. О Багирове см.: *Исмаилов Э.* Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945–1953. Баку, 2003; *Scheid F.* Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945 // Cold War History I (October 2001). P. 3.
52. *Байбаков Н. К.* От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 81, 83.
53. Л. Берия — Сталину. О мировой добыче и запасах нефти (ГА РФ. Ф. 9401 («Особая папка Сталина»). Оп. 2. Д. 66. Л. 151–158).
54. *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. С. 35–75; рапорт М. Д. Багирова Сталину, 6 сентября 1945 г. (ГАППОД АР, копия в Архив национальной безопасности (Вашингтон) предоставлена Джамилем Гасанлы).
55. Kennan to the State Department, November 7, 1944: FRUS. 1944. Vol. 5. P. 470; *Skrine C.* World War in Iran. L.: Constable, 1962. P. 227; *Abrahamian E.* Iran between the Two Revolutions. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1982. P. 210.
56. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 176. Л. 54–106, 121–166; Д. 819. Л. 31–85, 155–229.

57. Политбюро — Багирову. 6 июля 1945. (ГАППОД АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 4–5), копия письма предоставлена в Архив национальной безопасности (Вашингтон) Джамилем Гасанлы; также см.: *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. С. 74–78.
58. Данные предоставлены профессором Эльдаром Исмаиловым на международной конференции «Армения, Азербайджан, Грузия в холодной войне», проходившей в г. Цинандали, Грузия, 8–9 июля 2002 г.
59. В 1920–1921 гг. Красная армия помогла группе сепаратистов образовать на севере Ирана Гилянскую советскую республику, которая провозгласила независимость. Однако впоследствии Кремль пожертвовал сепаратистами ради сделки с Реза-шахом, сосредоточившим в своих руках всю полноту власти в Тегеране. Основным мотивом, двигавшим большевистским руководством, было желание покончить с влиянием англичан в Иране. *Jakobson J.* When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 63–67; *Chaqueri C.* The Soviet Social Republic of Iran, 1920–1921: Birth of the Trauma. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995. P. 426–429, 442–447; *Abrahamian E.* Op. cit. P. 210, 218, 236–237. Об участии в этих событиях Сталина см.: Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Сост. и авт. коммент. Я. С. Драбкин и др. М., 1998. С. 215–216.
60. L'Estrange Fawcett, L. Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 46; *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. С. 86–87.
61. Политическая ситуация в Иране и меры по развитию демократического движения. Донесение Ашурова на имя Фитина и Емельянова от 30 декабря 1945 г. с резолюцией Емельянова от 19 января 1946 г. и Багирова от 23 января 1946 г. (ГАППОД АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 113. Л. 17–33). Копия документа в Архив национальной безопасности (Вашингтон) предоставлена Джамилем Гасанлы; Донесения Арташеса (Ованесяна), одного из осведомителей Кремля в рядах партии Туде, в ЦК ВКП (б) от 21, 22 и 24 сентября, а также от 5 октября 1945 г. см.: РГНИ. Ф. 17. Оп. 128. Л. 31–85, более подробно об этом см.: *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. С. 85–86, 88–135.
62. Подобные ожидания не были лишены основания: Сталину поступали сигналы о том, что Великобритания может выбрать подобный вариант решения вопроса. *Abrahamian E.* Op. cit. P. 222.
63. Посол Великобритании в Тегеране сэр Ридер Буллард сказал начальнику штаба Ирана: «Мы не собираемся из-за этого объявлять России войну». *Kuniholm B.* Op. cit. P. 279; *Ulam A.* Expansion and Coexistence: Soviet Foreign Policy, 1917–1973. 2nd ed. N. Y.: Holt,

- Rinehart and Winston, 1974. P. 426; *Lytle M. H.* The Origins of the Iranian-American Alliance, 1941–1953. N. Y.: Holmes and Meier, 1987. P. 149–151.
64. Стенограммы переговоров Молотова с Кавамом см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пап. 35. Д. 547. Л. 3–20; Д. 552. Л. 14–32. К записям бесед Сталина с Кавамом до сих пор нет доступа, однако их содержание можно восстановить, основываясь на других свидетельствах, см.: *Fatemi F. S.* The USSR in Iran. Cranbury, N. J.: A. S. Barnes, 1980. P. 102–104; *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. С. 220–311.
65. *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. С. 423.
66. *Kuniholm B.* Op. cit. P. 310–311, 314; *Lytle M. H.* Op. cit. P. 161–163.
67. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 103–104.
68. Цит. по: *Егорова Н. И.* «Иранский кризис» 1945–1946 гг. По рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3 (май — июнь). С. 41.
69. *Pechatnov V.* Allies Are Pressing on You.
70. *Исмаилов Э.* Указ. соч. С. 276.
71. См.: *Mark Ed.* The War Scare of 1946 and Its Consequences // Diplomatic History 21, № 3 (Summer 1997). P. 400–406; *Idem.* The Turkish War Scare of 1946 // Origins of the Cold War: An International History / Ed. Melvyn Leffler and David Painter. New York: Routledge, 2005. P. 112–126.
72. *Мгеладзе А. И.* Указ. соч. С. 61–62.
73. В отчете от 13 февраля 1947 г. Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), финансируемой государством «общественной организации», созданной Кремлем для привлечения сторонников СССР и распространения советского влияния за рубежом, было указано, что в 1946 г. ВОКС имело свои представительства в 54 странах. Для сравнения: в 1940 г. таких стран было всего лишь шесть. Число отделений общества возросло с 24 до 4306, а количество членов этой организации увеличилось с 800 до 3 млн (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1013. Л. 8). Кроме того, количество членов компартий в Италии и Франции в 1946 г. исчислялось миллионами.
74. Донесение сотрудника НКГБ Анатолия Горского Владимиру Меркулову цитируется в кн.: *Weinstein A., Vasiliev A.* Op. cit. P. 283–285.
75. *Weinstein A., Vasiliev A.* Op. cit. P. 104–107; ГРУ, опасаясь провалов, должно быть, также «заморозило» свою агентурную сеть, поскольку многие агенты ГРУ после чисток 1938 г. были переданы в под контроль НКВД, а позже — НКГБ. В конце 1945 г. органы ГРУ, как и НКГБ, подверглись тщательной проверке специальной комиссией Политбюро (состоящей из Маленкова и Берии), рас-

- следовавшей предательство Гузенко и Бентли (Интервью, взятое автором у бывшего сотрудника ГРУ Михаила Абрамовича Мильштейна в Москве, 20 января 1990 г.; *Мильштейн М. А.* Сквозь годы войн и нищеты. Воспоминания военного разведчика. М., 2000).
76. *Debating the Origins of the Cold War*. P. 114–119.
77. *Werblan A.* Op. cit. P. 136.
78. *Gaddis J. L.* Op. cit. P. 196, 197, 292, 294.
79. *Smyser W. R.* From Yalta to Berlin: The Cold War Struggle over German. N. Y.: St. Martin's, 1999. P. 62–63; о геостратегической подоплеке внешней политики США см.: *Leffler M. P.* Op. cit.
80. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 86.
81. В телеграмме от 19 сентября 1945 г. Молотов писал Сталину: «Всем известно, что первая половина или первые три четверти времени таких международных конференций проходят в разногласиях и в прощупывании позиций друг друга. Сейчас пришло время подготовки некоторых решений, что, видимо, будет происходить во время узких встреч глав делегации, определенно, как я думаю, по инициативе американцев. У нас есть немало возможностей использовать сложившееся положение при этих переговорах в нашу пользу». Частично цит. в кн.: *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 97.
82. *Dimitrov G.* Op. cit. October 8, 1945. P. 506; *Beyond the Cold War: New Dimensions in International Relations* / Ed. G. Lundestad, O. A. Westad. N. Y.: W. W. Norton, 1982. P. 30–31.
83. С документами по данному эпизоду можно ознакомиться в кн.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 195–202; *Pechatnov V., Chubarian A.* Molotov «the Liberal»: Stalin's 1945 Criticism of His Deputy // *Cold War History I* (August 2000). P. 129–140; *Naimark N.* Cold War Studies and New Archival Materials on Stalin // *Russian Review* 61 (January 2002). P. 1–15. Более подробный анализ этих событий с точки зрения внутренней политики см.: *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. N. Y.: Oxford University Press, 2004. P. 21–23.
84. *Pechatnov V.* Allies Are Pressing on You. P. 11.
85. Иван Майский — В. М. Молотову. Об экономической политике США после войны. 14 ноября 1945 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Пап. 18. Д. 184. Л. 38–75). Майский писал докладные записки исключительно на имя Молотова, однако каждый документ присылался в пяти экземплярах. По-видимому, Молотов передавал копии остальным членам ведущей «четверки» в Политбюро. А. Арутюнян — В. М. Молотову. О Международном валютном фонде и Всемирном банке реконструкции и развития (справка). 2 март 1946 г., служебная записка без подписи на имя В. Деканозова от 9 марта 1946 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. Пап. 19. Д. 225.

- Л. 3–4, 16–17); о позиции Вознесенского см.: *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 493–494.
86. Levering et al. Debating the Origins of the Cold War. P. 115; *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 88–89.
87. *Stalin J. Works. Vol. 15.* P. 2–3, 5–6, 15–16, 19–20. Черновик речи с собственноручными правками Сталина хранится в «Фонде Сталина» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1127). О речи Сталина см.: *Resis A. Stalin, the Politburo, and the Onset of the Cold War, 1945–1946* // *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies* № 701. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1988.
88. См. об этом: *Tucker R. C. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change* / Rev. ed. N. Y.: W. W. Norton, 1971. P. 91; *Wohlforth W. C. Elusive Balance.* P. 63.
89. Зверев — Сталину. 8 октября 1946 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 18. Л. 55, 56). См. также: *Источник. 2001. № 5. С. 21–47; Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1980-е гг. Экономические аспекты развития* // *Экономическая история. Ежегодник* / Отв. ред. Л. И. Бородин, Ю. А. Петров. М., 2003. С. 242.
90. АП РФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 18. Л. 59, 60, 66. Документ опубликован в журнале «Источник». 2001. № 5.
91. Черновик статьи Сталина хранится в РГАСПИ (Ф. 558. Оп. 11. Д. 1127). Ответы тов. Сталина на вопросы газеты «Правда» 14 марта 1946 г. см.: *Stalin J. Works. Vol. 15.* P. 36–37; *Печатнов В. О. Фултонская речь Черчилля* // *Источник. 1998. № 1. С. 92–93; Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека* // *Отечественная история. 1998. № 4. С. 104–105; Он же. Сталин и общественное мнение в СССР* // *Сталин и холодная война* / Под ред. А. О. Чубарьяна, И. В. Гайдюка, Н. И. Егоровой. М., 1998. С. 282.
92. *Boterbloem K.* Op. cit.; *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 112–119, 124.
93. Weekly Summary Excerpt, September 20, 1946, Effect of Demobilization on Soviet Military Potential // *Assessing the Soviet Threat* / Ed. Kuhns. P. 83.
94. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953. С. 204–206; *Решетников В. Драма маршала Новикова* // *Красная звезда. 1993. 5 июня. С. 3; Косенко И. Н. Загадка «авиационного дела»* // *Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 57–62; № 8. С. 54–66; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 45–47.*
95. *Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957) пленума ЦК КПСС и другие документы* / Сост. В. Наумов, М. Прозуменщиков. М., 2001. С. 15–23; *Пихоя Р. Г. Советский Союз.*

96. *Максимова Э.* Подслушали и расстреляли // Известия. 1992. 16 июля. Из записанного на магнитофон частного разговора между генералом армии В. Гордовым и бывшим начальником его штаба Ф. Рыбальченко, состоявшегося 28 декабря 1946 г., а также между Гордовым и его женой Татьяной — 31 декабря 1946 г.; *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. С. 52–53.
97. *Максимова Э.* Указ. соч. С. 5.
98. *Черняев А. С.* Указ соч. С. 198; Хрущев вспоминал, что в то время и он будто бы критиковал вождя, однако это утверждение мы не можем брать в расчет, так как оно было сделано значительно позже описываемых событий. См.: *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 80.
99. Масштабы и последствия засухи 1946 г. были сопоставимы с бедствием, постигшим Советскую Россию в 1921–1922 гг., когда миллионы людей погибли от голода. *Khrushchev N.* Khrushchev Remembers. P. 229. Также см. официальный отчет Госплана СССР, приведенный в кн.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 18; *Taubman W.* Khrushchev. P. 199–201.
100. К 1948 г. государственный запас зерна составил 10,5 млн тонн; в 1952 г. он возрос до 17,3 млн тонн — половины всего скудного урожая СССР. Без ввоза сельскохозяйственной продукции из-за рубежа или отпуска продовольствия из государственных резервов Советскому Союзу грозил неминуемый голод. См. об этом: Г. С. Золотухин — Л. И. Брежневу. Справка о заготовках и расходе зерна из госресурсов в 1940–1977 сельскохозяйственных годах (Volkogonov Collection, reel 18, container 28, LC); *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 526.
101. *Levering et al.* Debating the Origins of the Cold War. P. 115; Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. Сб. документов. М., 2003. С. 110–116, 497–503.
102. *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 517–519, 526.
103. Из докладных записок Сергея Круглова и Романа Руденко Хрущеву, декабрь 1953 г. (Volkogonov Collection, box 28, LC).
104. Известия. 1992. 16 июля; *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 556–557. Микоян уверен, что Сталин «и с Жуковым расправился бы», не будь маршал столь популярен в народе.
105. *Naimark N.* Fires of Hatred. P. 187. О послевоенной чистке по принципу этнической принадлежности в советском обществе и высших эшелонах власти см.: *Weiner A.* Op. cit.
106. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 272; о смешанных браках между русскими и евреями в 1920-х гг. см.: *Slezkine Y.* Jewish Century. P. 179–180.
107. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 35, 36; Д. 378. Л. 1–2, 76–85. О критике в адрес Совинформбюро см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 870. Л. 118–134. Об отношении Жданова к «засилью» евреев в органах советской пропаганды, идеологии и культуры

- см.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 282, 290–291, 361–365; *Slezkine Y.* Jewish Century. P. 275, 301–305.
108. С. А. Виноградов и Б. Е. Штейн — А. Я. Вышинскому, 15 марта 1948 г., а также Б. Е. Штейн — А. Я. Вышинскому, 14 апреля 1948 г., см.: Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. 1947–1967. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2003. С. 29–30, 36–37; Советско-израильские отношения. Сб. документов. Т. 1 / Сост. Б. Л. Колоколов, Э. Бенцур и др. М., 2000. С. 276–286; *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 93–94.
  109. Советско-израильские отношения Т. 1. С. 276–286; *Rucker L.* Moscow's Surprise: The Soviet-Israeli Alliance of 1947–1949 // CWINP working papers № 46. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2005 (прежде всего с. 20–23, 24–25).
  110. *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 388–391, 401–407, 422–448; *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 473.
  111. *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 401–407; *Brent J., Naumov V. P.* Stalin's Last Crime: The Plot against the Jewish Doctors, 1948–1953. N. Y.: HarperCollins, 2003.
  112. *Гасанлы Дж.* СССР — Турция. С. 387–403.
  113. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 83. Л. 1–2, 87–89. Я выражаю глубокую признательность академику Гранту Аветисяну, директору Института истории Национальной академии наук Республики Армения, г. Ереван, за то, что он обратил мое внимание на эти документы.
  114. *Бердинских В.* Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 25–26.
  115. *Montefiore S. S.* Op. cit. P. 597–598; Справку об освобождении арестованных по «ленинградскому делу» от 10 декабря 1953 г. см.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 306.
  116. *Brandenberger D.* Op. cit. P. 224.
  117. *Гудков Л. Д.* Негативная идентичность. С. 20–58; *Shirayev E., Zubok V.* Anti-Americanism in Russia: From Stalin to Putin. N. Y.: Palgrave, 2000.
  118. *Черняев А. С.* Указ соч. С. 203–206, 208.
  119. *Alexeyeva L., Goldberg P.* The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1990. P. 30–31.
  120. *Эймонтова Р. Г.* Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 149.

121. *Holloway D.* Op. cit. P. 163; Интервью, взятое автором у сына Александрова, Игоря Семеновича Александрова, в Нью-Йорке 2 ноября 2004 г.
122. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 39. Д. 12. Л. 23, 28, 61–66, 67.
123. О судьбах империй см.: *Le Concept d'Empire* / Ed. Maurice Duverger. P.: Presses Universitaires de France, 1980; *Miles G.* Roman and Modern Imperialism // *Comparative Studies in Society and History* 32 (1990); *Abernethy D. B.* The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415–1980. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001; *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001; *Ferguson N.* Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. N. Y.: Basic Books, 2003.

Глава 3

1. *Eisenberg C.* Op. cit. 1996.
2. *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 95; *Израэлян В. Л.* На фронтах холодной войны. Записки советского посла. М., 2003. С. 60.
3. *Loth W.* Stalin's Unwanted Child: The Soviet Union, the German Question, and the Founding of the GDR. L.: Macmillan, 1998. P. 7–12, 170–174; *Kramer M.* The Soviet Union and the Founding of German Democratic Republic: 50 Years Later — A Review Article // *Europe-Asia Studies* 51. № 6. 1999. P. 1132; *Smyser W. R.* Op. cit. P. 32; *Creuzberger S.* Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. Cologne-Weimar: B. hlau, 1996; *Wettig G.* Bereitschaft zu Einheit in Freiheit? Die Sowjetische Deutschland-Politik, 1945–1955. Munich: Olzog, 1999; *Филитов А. М.* СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961) // Холодная война 1945–1963. Историческая ретроспектива. Сб. ст. / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 223–256.
4. *Naimark N.* Russians in Germany.
5. Дневник Майского, запись от 5 января 1943 г. // СССР и германский вопрос, 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации / Сост. Г. П. Кынин, Й. Лауфер. В 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 701.
6. *Семенов В. С.* От Хрущева до Горбачева. Из дневника В. С. Семенова // Новая и новейшая история. 2004. № 3–4. С. 110.
7. Озаинтересованности СССР в экономической эксплуатации Германии в 1945 г. см.: *Eisenberg C.* The Old Cold War // Review of No Exit: America and the German Problem, 1943–1954, by James McAllister / *Diplomatic History* 28. № 5 (November 2004). P. 802–803; *Laufer J.* Stalin and German Reparations, 1941–1953 // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999. P. 23.

8. Дневник Майского, запись от 6 февраля 1945 г., цитируется в кн.: *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 499; см. также: *Коваль К. И.* На посту заместителя Главноначальствующего СВАГ, 1945–1949 гг. // Новая и новейшая история. 1987. № 3.
9. *Коваль К. И.* Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997. С. 63; *Он же.* Записки уполномоченного ГКО на территории Германии // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 126, 142–143, 144–145; *Laufer J.* Op. cit. P. 11–12.
10. Впечатляет своими размерами том с различного рода документами, содержащими планы в отношении Германии, которые создавались специальными комиссиями: о мирных соглашениях (комиссией Ворошилова), репарациях (комиссией Майского) и послевоенном мироустройстве (комиссией Литвинова). См.: СССР и германский вопрос. Т. 1.
11. *Naimark N.* Fires of Hatred. P. 108–138; СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 66–67.
12. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» (Дневник Вячеслава Малышева, запись от 28 марта 1945 г.) // Источник. 1997. № 5. С. 128. Телеграмма Молотова советскому послу в Лондоне Федору Гусеву от 24 марта 1945 г. опубликована в книге «СССР и германский вопрос» (Т. 1. С. 626); *Кынин Г. П.* Антигитлеровская коалиция и послевоенное устройство Германии // Международная жизнь. 1995. № 8. С. 100.
13. *Коваль К. И.* Записки уполномоченного ГКО на территории Германии // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 143.
14. *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 48; *Gaddis J. L.* Op. cit. P. 116. Одним из источников является Милован Джилас, который написал о встрече югославских коммунистов со Сталиным 26–27 мая 1946 г. (См.: *Djilas M.* Conversations with Stalin / Translated by M. B. Petrovich. N. Y.: Harcourt, Brace and World, 1962. P. 153–154.) Сталин будто бы сказал: «Вся Германия должна стать нашей, то есть советской, коммунистической». Однако в записях об этой встрече в югославских архивах эта фраза не упоминается, см.: Архив Иосипа Броз Тито. Фонд Кабинета маршала Югославии, 1–1/7. Л. 6–11. Рукописный оригинал, переведен на русский язык Л. Гибианским, СВИНР. О встрече немецких коммунистов со Сталиным 4 июня 1945 г. см.: *Wilhelm Pieck: Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik, 1945–1953* / Hg. R. Badst bner, W. Loth. Berlin: Akademie-Verlag, 1994. S. 50–52; SAPMO–BArch, NL 36 / 629, 62–66.
15. Семенов вспоминает, как сотрудники госбезопасности Абакумов, Серов и Круглов постоянно плели против него интриги: то, что

- он являлся сталинским посланником в Германии и одновременно «ушами и глазами» Молотова, возбуждало в них зависть и даже враждебность. *Semjonow W. S. Von Stalin bis Gorbatschow: Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission, 1939–1991. Berlin: Nicolai, 1995. S. 279–281.*
16. Маршал Соколовский помимо опыта командной и штабной работы был неплохо образован. Он мог по памяти цитировать Библию и декламировать стихи Гете на немецком языке. См.: *Semjonow W. S. Op. cit. S. 216.*
  17. СССР и германский вопрос. С. 19–22; *Semjonow W. S. Op. cit. S. 207, 218.* В своих мемуарах Семенов не придает этой проблеме большого значения и, похоже, сильно преувеличивает свой доступ к Сталину и свою роль в разработке советской политики по Германии.
  18. Запись беседы Сталина с Черчиллем, состоявшейся 9 октября 1944 г. в 22 часа (расшифрована В. Павловым) // Источник. 2003. № 2. С. 52.
  19. Обсуждение в СССР американского предложения заключить договор о разоружении и демилитаризации Германии (1945–1947) // Международная жизнь. 1996. № 8. С. 70–71.
  20. Жуков — в ЦК ВКП(б), 24 мая 1946 // Международная жизнь. 1996. № 8. С. 73.
  21. СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 517–524, 543–551, 574–582. В заключении МИД приводились мнения членов Политбюро А. А. Андреева, К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина, Л. М. Кагановича, Н. М. Шверника, А. Я. Вышинского, В. Г. Деканозова, К. В. Новикова, Л. А. Говорова и Н. Н. Воронова. Эти же доводы приводились и в знаменитой «телеграмме Новикова», присланной в Москву из посольства СССР в США в сентябре 1946 г. См.: *Origins of the Cold War / Ed. K. M. Jensen. Washington, D. C.: U. S. Institute of Peace Press, 1994. P. 3–67.*
  22. СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 277.
  23. Там же. С. 452–453, 473–475; Жуков, Соколовский и Семенов — В. М. Молотову (без даты) см.: Обсуждение в СССР американского предложения... С. 76. Вероятнее всего, эта служебная записка была составлена в марте — апреле 1946 г.
  24. Department of State Bulletin 15 (September, 1946). P. 496; *Leffler M. P. Op. cit. P. 119–120.*
  25. СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 693–703.
  26. Wilhelm Pieck. S. 68.
  27. Семенов В. С. От Хрущева до Горбачева. Из дневника В. С. Семенова // Новая и новейшая история. 2004. № 3–4. С. 85, 117.
  28. В число наиболее влиятельных функционеров СВАГ входили: руководитель Управления политической информации и пропаганды полковник Сергей Тюльпанов, военный комендант Берлина

- генерал-майор Александр Котиков, советские наместники различных земель в Восточной Германии Д. Дубровский, П. Колесниченко и В. Шаров, а также Павел Малетин и Константин Коваль, ведавшие финансовыми и экономическими вопросами. См.: *Боков Ф. Е.* Весна победы. М., 1985. С. 391–394.
29. На первых порах авторитет политсоветника и его влияние на осуществление советской политики на территории Германии были жестко ограничены. В подчинении у Семенова находился весьма скромный по численности штат, который не шел ни в какое сравнение с огромным аппаратом СВАГ. В 1946 г. Сталин даже ни разу не встретился с Семеновым, тогда как у начальников СВАГ имелись непосредственные выходы на высшее партийное руководство и в различные отделы ЦК. Семенову, человеку сугубо штатскому и не воевавшему, приходилось иметь дело с когортой боевых военачальников, отмеченных наградами маршалов, генералов и полковников, что также не способствовало его авторитету.
  30. О «загадочной» неуязвимости Тюльпанова и о том, как он утратил свое влияние, см.: *Naimark N.* Russians in Germany. P. 327–352; *Бордюгов Г. А.* Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. С. 236–246. Более подробно о взлетах и падениях «ждановских выдвиженцев» см.: *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. N. Y.: Oxford University Press, 2004; а также: *Boterbloem K.* The Life and Times of Andrei Zhdanov, 1896–1948. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2004 (прежде всего см. P. 269, 273, 286–288).
  31. СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 24; *Коваль К. И.* Последний свидетель. С. 59, 278.
  32. Серов — Берии, письмо передано 20 октября 1946 г. А. Н. Поскребышеву, секретарю И. В. Сталина, см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 50–51.
  33. СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 34–35; *Werblan A.* Op. cit. P. 137; *Коваль К. И.* Последний свидетель. С. 333; *Naimark N.* Russians in Germany. P. 48–49, 189–190; сообщение С. Агамирова, участника проекта «Висмут», г. Воронеж, 1 июля 2002.
  34. Цит. в кн.: *Eisenberg C.* Drawing the Line. P. 182.
  35. *Naimark N.* Russians in Germany. P. 150–151; *Semjonow W. S.* Op. cit. S. 237–239.
  36. Wilhelm Pieck. S. 33; *Боков Ф. Е.* Указ. соч. С. 403–404.
  37. *Naimark N.* Russians in Germany. P. 327–329; *Kramer M.* Op. cit. P. 1100; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1091. Л. 43–54; кроме того, см.: *Bonwetsch B., Bordjugov G.* Stalin und die SBZ: Ein Besuch der SED Führung in Moskau vom 30. Januar — 7. Februar 1947 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 42, № 2 (1994). S. 279–303.

38. Чувев Ф. Указ. соч. С. 45–46.
39. Запись беседы Сталина с В. Пеком, О. Гротеволем, В. Ульбрихтом, М. Фешнером и Ф. Олснером (встреча проходила в присутствии Молотова, Суслова и Семенова) от 31 января 1947 г. см.: АП РФ. Ф. 45. Д. 303. Л. 7. Л. 8–11. Цит. по: Volkov V. German Question as Stalin Saw It, 1947–1952 // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999. Кроме того, см.: Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.
40. Semjonow W. S. Op. cit. S. 253–254.
41. Naimark N. Russians in Germany. P. 394; Semjonow W. S. Op. cit. S. 254–257.
42. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1091. Л. 43–54, опубликовано в: Bonwetsch B., Bordjugov G. Op. cit. S. 294–301; Volkov V. Op. cit. P. 8.
43. Naimark N. Russians in Germany. P. 467; также см.: Scherstjanoi E. Political Calculation and the Interpretation of Western Positions as a Topic: Research into Stalin's Policy toward Germany // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War» / Translated by CWIHP. Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999. P. 5; Semjonow W. S. Op. cit. S. 262–262.
44. Также см. телеграммы из АВП РФ, опубликованные в журнале «Новая и новейшая история» (1993. № 2 (март — апрель). С. 14–15).
45. Телеграмма Молотова цитируется в статье: Pechatnov V. O. The Soviet Union and the World, 1944–1953 // The Cambridge History of the Cold War / Ed. M. P. Leffler, O. A. Westad. N. Y.: Cambridge University Press. Vol. 1. P. 104–105. Телеграмма из ЦК ВКП(б) — Георгию Димитрову и коммунистическому руководству Болгарии от 8 июля 1947 г. (ЦГА. Ф. 146. Оп. 4. Д. 639, копия в Архиве национальной безопасности, Вашингтон).
46. Stalin, Czechoslovakia, and the Marshall Plan: New Documentation from Czechoslovak Archives // Bohemia: Zeitschrift fur Geschichte und Kultur der bomischen Lander 32. № 1 (1991). S. 133–144. Запись беседы Сталина с членами правительственной делегации Чехословакии об их отношении к плану Маршалла и перспективах экономического сотрудничества с СССР, состоявшейся 9 июля 1947 г., приводится в книге Восточная Европа... Т. 1. С. 672–675.
47. Доклад Н. В. Новикова цит. по его книге «Воспоминания дипломата, 1938–1947» (М., 1989. С. 394).
48. Более подробно в кн.: Zubok V. M., Pleshakov C. Op. cit. P. 114, 125–133.

49. *Boterbloem K.* Life and Times of Andrei Zhdanov. P. 321–322.
50. Дополнительно см.: Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Сост. Г. М. Адибеков и др. М., 1998 (прежде всего см. С. XIV–XXI, 3–20); *Губианский Л. Я.* Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // *Russian History – Histoire Russe* 29, № 2–4 (2002). С. 197–215.
51. *Kramer M.* Op. cit. P. 1101–1102; *Volksarmee schaffen – ohne Geschrei! Studien zu den Anfängen einer verdeckten Aufrüstung in der SBZ/DDR, 1947–1952* / Hg. B. Thoss. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1995.
52. *Maier Ch. S.* Dissolution: The Crisis of Communism and the End of East Germany. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1997. Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов / Сост. Г. Бордюгов, Л. Кошелева, Л. Роговая / Под ред. Г. Бордюгова, Б. Бонвеча, Н. Неймарка. М., 1994. С. 115–116; *Бордюгов Г. А.* Указ. соч. С. 204–207.
53. *Smyser W. R.* Op. cit. P. 75–76; *Narinsky M.* Soviet Policy and the Berlin Blockade, 1948 // Paper presented at the conference «The Soviet Union, Germany and the Cold War, 1949–1953: New Evidence from Eastern Archives». Essen, Germany, June 28–29, 1994. P. 5–8; *Volkov V.* Op. cit. P. 10.
54. Этот вопрос изучен в статье: *Laufer J.* Die UdSSR und die deutsche Währungsfrage, 1944–1948 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 3 (July 1998). S. 460–471.
55. Там же. S. 483.
56. *Gibiansky L.* The Soviet Block and the Initial Stage of the Cold War: Archival Documents on Stalin's Meetings with Communist Leaders of Yugoslavia and Bulgaria, 1946–1948 // *CWIHP Bulletin*, № 10 (March 1998). P. 112–134.
57. М. Костылев — в Москву. 24 марта 1948 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 198. Л. 55–58); В. Молотов — М. Костылеву. 26 марта 1948 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 198. Л. 59). Переписка приведена и проанализирована в работе: *Zaslavsky V.* Lo Stalinismo e la Sinistra Italiana. Dal mito dell'Urss alla fine del comunismo 1945–1991. Rome: Mondadori, 2004 (прежде всего см. P. 84–85). Кроме того, см.: *Aga-Rossi E., Zaslavsky V.* Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archive di Mosca. Rome: Il Mulino, 1997.
58. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. Документальные очерки. М., 2006. С. 527–550.
59. *Smyser W. R.* Op. cit. P. 87; *Laufer J.* Die UdSSR und die deutsche Währungsfrage. S. 474–485.

60. Я выражаю глубокую признательность журналисту Михаэлю Туманну (из еженедельника *Die Zeit*), доктору Михаэлю Лемке (*Zentrum für Zeitgeschichte, Potsdam*), а также доктору Гансу Сайту (*Ost-Europa Institute*) за их консультации, позволившие мне прийти к подобным заключениям.
61. *Naimark N. Russians in Germany. P. 129–140; Goedde P. GIs and Germans: Culture, Gender, and Foreign Relations, 1945–1949. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003 (прежде всего см. P. 85–86, 203–210).*
62. Запись беседы Сталина с группой английских лейбористов — депутатов парламента. 14 октября 1947 г. (ЦГАСИ. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 326. Л. 14, 15, 16).
63. *Волков В. К. За советами в Кремль. Запись беседы И. В. Сталина с руководителями СЕПГ. Март 1946 г. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 9–25; Volkov V. Op. cit. P. 11.*
64. Запись беседы Сталина с В. Пиком, О. Гротеволем, В. Ульбрихтом, М. Фешнером и Ф. Олснером от 18 декабря 1948 г. (АВП РФ. Ф. 45. Д. 303. Л. 57–58). Опубликовано А. Д. Черневым в журнале «Исторический архив» (2002. № 5. С. 5–23).
65. *Pechatnov V. The Soviet Union and the World; Harrison H. Op. cit. P. 18.*
66. *Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. N. Y.: Oxford University Press, 2004. P. 75, 76–78. Молотова на посту наркоминдела сменил Андрей Вышинский, подобострастный подручный Сталина, выступавший прокурором на показательных судебных процессах 1936–1938 гг., см.: Vaksberg A. Stalin's Prosecutor: The Life of Andrei Vyshinsky. N. Y.: Grove Press, 1991; Westad O. A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. N. Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 66. Репарки из разговора Сталина с Ким Ир Сеном в Москве в апреле 1950 г. взяты из российских документов в коллекции CWINP.*
67. *Чуев Ф. Указ. соч. С. 104.*
68. О невнимании к нуждам вьетнамских коммунистов и отсутствии поддержки со стороны Кремля до 1949 г. см.: *Duiker W. J. Ho Chi Minh. N. Y.: Hyperion, 2000. P. 420–422; Olsen M. Changing Alliances: Moscow's Relations with Hanoi and the Role of China, 1949–1964 // Ph. D. diss., University of Oslo, 2004. P. 26–28, 37–39.*
69. *Zubok V. M. «To Hell with Yalta!»: Stalin Opts for a New Status Quo // CWINP Bulletin, № 6–7 (Winter 1995/96); Westad O. A. Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press; Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1998.*

70. Существуют различные точки зрения на итоги китайско-советских переговоров, например, см.: *Шень Чжихуа*. Столкновение и урегулирование интересов в процессе переговоров о китайско-советском договоре 1950 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 126–129; *Ледовский А. В.* Сталин, Мао Цзэдун и корейская война 1950–1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5 (сентябрь – октябрь). С. 81–86; *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 58–62; *Chen Jian.* Op. cit. P. 52–53.
71. О том, что привело к Корейской войне, см.: *Weatherby K.* To Attack or Not to Attack: Stalin, Kim Il Sung, and the Prelude to War // CWHIP Bulletin, № 5 (1995). P. 15; *Bajanov E.* Assessing Politics of the Korean War, 1949–1951 // CWHIP Bulletin, № 6–7 (Winter 1995/96). P. 40–42; *Ледовский А. В.* Сталин, Мао Цзэдун и корейская война 1950–1953 гг. С. 85–93.
72. *Leffler M. P.* Op. cit. P. 361–390; *Hitchcock W. I.* France Restored: Cold War Diplomacy and the Quest for Leadership in Europe, 1944–1954. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998. P. 134–147.
73. Документы Министерства иностранных дел СССР (секретариата министра и 3-го европейского (германского) отдела МИД) со всей очевидностью свидетельствуют о том, что советское руководство и внешнеполитическое ведомство заранее узнавали от разведывательных служб о содержании переговоров между западными союзниками (впрочем, некоторые, например Андрей Громыко, опасались дезинформации). Во внутриведомственной переписке обсуждалось наличие «секретных военных статей» в договорах, заключаемых Бонном. См.: Служебная записка Громыко на имя Сталина от 21 января 1952 г. (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 25. Пап. 13. Д. 144. Л. 27); Служебная записка 3-го отдела на имя Сталина от 26 февраля 1953 г. о позиции советского правительства в отношении «европейской интеграции угольной и сталелитейной промышленности» (АВП РФ. Ф. 084. Оп. 11. Пап. 275. Д. 51. Л. 3). Также см.: *Ruggenthaler P.* Новые советские документы к ноте Сталина от 10 марта и к австрийскому «краткому договору» от 13 марта 1952 г. (статья предоставлена автору в рукописи); *Ruggenthaler P.* Stalins grosser Bluff: Die Geschichte der Stalin-Note in Dokumenten der sowjetischen Führung. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, vol. 95. Munich, 2007.
74. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 71–72. Эту телеграмму обнаружил и опубликовал Ледовский А. В. в статье «Сталин, Мао Цзэдун и корейская война 1950–1953 гг.» (С. 96–97).
75. Телеграмма Сталина Ким Ир Сёну (через Штыкова) от 8 (??) октября 1950 г. (АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 65–67). Обнаружена и переведена А. Мансуровым; запись беседы Сталина с

- Чжоу Эньлаем 20 августа 1952 г. Оба документа опубликованы в *CWHP Bulletin* № 6–7 (winter 1995/1996). P. 13, 116.
76. Американский военный историк Стивен Залога считает, что к 1953 г. было построено лишь 847 стратегических бомбардировщиков Ту-4. Этот самолет по своим характеристикам (в том числе по дальности полета) значительно уступал оригиналу — американскому В-29, с которого был скопирован. Залога делает вывод, что «советские ВВС вряд ли были способны наносить удары по территории США». *Zaloga S. The Kremlin's Nuclear Sword: The Rise and of Russia's Strategic Nuclear Forces, 1945–2000*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 2002. P. 15.
77. *Dobrynin A. In Confidence: Moscow Ambassador to America's Six Cold War Presidents (1962–1986)*. N. Y.: Random House, 1995. С. 525; *Cristescu C. Ianuarie 1951: Stalin decide inarmarea Romaniei // Magazin Istoric* 10 (Bucharest) (1995). S. 15–23.
78. В распоряжении автора нет текста этого решения, однако ссылка на него приводится в служебной записке МИД (за подписью А. А. Громыко) на имя Молотова от 21 января 1952 г. (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 25. Пап. 13. Д. 144. Л. 28); *Руггенталер П.* Указ. соч. С. 20.
79. *Naimark N. Russians in Germany*. P. 470; *Harrison H.* Op. cit. P. 4.
80. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 25. Пап. 13. Д. 144. Л. 27–29. Другие факты, свидетельствующие об отношении СССР к ГДР как к инструменту политического манипулирования, см.: *Loth W. The Origins of Stalin's Note of 10 March 1952 // Cold War History* 2 (January 2004). P. 66–89.
81. *Hitchcock W. I.* Op. cit. P. 167; *Soutou G.-H. La France et les notes sovietique de 1952 sur l'Allemagne // Revue de l'Allemagne* 20, № 3 (July – September 1988). P. 261–273; *Wetting G. Die Stalin-Note vom 10 Marz: Antwort auf Elke Scherstjanoi // Deutschland Archiv* 25 (August 1992). S. 862–865; *он же. Bereitschaft zu Einheit in Freiheit? Die Sowjetische Deutschland-Politik, 1945–1955*. Munich: Olzog, 1999. Мои представления о политике Сталина в Австрии основываются на документах, представленных в кн.: *Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung, 1945–1955. Beiträge / Hg. S. Karner, P. Ruggenthaler, B. Stelzl-Marx*. Vienna: Oldenbourg Verlag, 2005; а также в научной статье 2006 г.: *Karner S., Ruggenthaler P. Stalin und Österreich: Sowjetische Österreich-politik 1938 bis 1953*. Полезные суждения я услышал во время обсуждения докладов на симпозиуме «*Begann der Kalten Krieg in Österreich?*», проводившемся Институтом исследования войны имени Людвига Больцмана 20 мая 2006 г. в Граце, Австрия.
82. Копия документа из АП РФ (Ф. 45. Инв. 1. Д. 303. Л. 168–169: Volkogonov Collection, LC); кроме того, см. заметки В. Пека о

- заключительном обсуждении 7 апреля 1952 г. в книге «Wilhelm Pieck» (S. 396).
83. *Volkov V.* Op. cit. Данная цитата приведена также Наринским, см.: *Narinsky M.* Stalin and the SED Leadership, 7 April 1952: «You Must Organize Your Own State» // *CWIHP Bulletin*, № 4 (Fall 1994). P. 34–35, 48.
  84. Копия документа, хранящегося в АП РФ (Ф. 45. Пап. 1. Д. 303. Л. 187: Volkogonov Collection, LC).
  85. *Dijk R. V.* The Bunkruptcy of Stalin's German Policy, 1949–1953 // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999. P. 19.
  86. Официальные советские данные взяты из записки Владимира Семенова на имя Молотова «Справка по германскому вопросу» от 5 мая 1953 г. (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. Пап. 271. Д. 19. Л. 37–38).
  87. Выступление Хрущева на июльском пленуме ЦК показывает, что кремлевское руководство прекрасно знало о бедственном положении советских людей. См.: Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999. С. 93–94.
  88. Наиболее полная картина сложившейся ситуации представлена в записке генерала Фадейкина, которую он подготовил по просьбе Л. Берии для Президиума ЦК 18 мая 1953 г. Опубликовано в: *CWIHP Bulletin*, № 10 (March 1998). P. 74–78; кроме того, см.: О мерах по улучшению политической ситуации в ГДР. Приложение к решению Совета министров от 2 июня 1953 г. за № 7576-rs // Лаврентий Берия. С. 55.
  89. *Naumov V. P.* The Cold War: On the Brink of Nuclear Catastrophe // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999. P. 3–5. Западные руководители об этих планах ничего не знали (*Zaloga S.* Op. cit. P. 12–21).
  90. Об этих «делах» см.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / Сост. Хлевнюк О. В. и др. М., 2002. С. 342–397; *Thome F.* Stalin, Beria, and Mingrellian Affair // Paper presented at the international conference «Georgia, Armenia, and Azerbaijan in the Cold War: New Archival Evidence». Tsinandali, Georgia, July 8–9, 2002. О том, как Сталин вмешивался в научные дискуссии, в том числе по вопросам лингвистики, см.: *Pollock E.* Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2006.
  91. См.: *Richter J.* Reexamining Soviet Policy towards Germany in 1953 // *Europe-Asia Studies* 45, № 4. 1993. P. 671–691; *Wetting G.* Die beginnende Umorientierung der sowjetischen Deutschland-Politik im Frühjahr und Sommer 1953 // *Deutschland Archiv* 28, № 5 (May 1995). S. 495–507; *Ostermann C.* «This Is Not a Politburo,

- But a Madhouse»: The Post-Stalin Succession struggle, Soviet Deutschlandpolitik, and the SED // *CWIHP Bulletin*, № 10 (March 1998). P. 61–110; *Uprising in East Germany, 1953: The Cold War, The Germany Question, and the First Major Upheaval behind the Iron Curtain* / Ed. C. Ostermann. Budapest: Central University Press, 2001; *Scherstjanoi E.* Die Sowjetische Deutschlandpolitik nach Stalins Tod 1953: Neue Dokumente aus dem Archiv des Moskauer Aussenministeriums // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 3 (July 1998). S. 497–549; *Scherstjanoi E.* In 14 Tagen werden Sie vielleicht schon keinen Staat mehr haben // *Deutschlandarchiv* 31 (1998). S. 907–937; *Kramer M.* The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy Making (Part 1) // *Journal of Cold War Studies* 1, № 1 (Winter 1999). S. 3–55; *Harrison H.* Op. cit. Chap. 1.
92. В связи с этим необходимо отметить, что 26 апреля 1953 г. Молотов направил членам Коллегии МИД и Семенову пакет из трех документов: 1) служебная записка Якова Малика и Григория Пушкина «Предложения по германскому вопросу», 2) записка Я. Малика «Предложения по австрийскому вопросу», 3) записка Г. Пушкина «Предложения по иранскому вопросу» (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. Пап. 271. Д. 19. Л. 1).
  93. Khrushchev Remembers. P. 100–101.
  94. *Richter J.* Op. cit. P. 676.
  95. Выступление Молотова на пленуме ЦК КПСС 2 июля 1953 г. См.: Лаврентий Берия. С. 101.
  96. Записка по германскому вопросу. 18 апреля 1953 г. От Пушкина и Грибанова — Молотову (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. Пап. 271. Д. 18. Л. 15).
  97. Лаврентий Берия. С. 219, 220.
  98. Там же. С. 243. О большом внимании к германскому вопросу в эти недели свидетельствуют записки Комитета информации: О политике западных держав в отношении германского вопроса. 18 апреля 1953 г. (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. Пап. 271. Д. 18. Л. 13–29); Записка Пушкина и Грибанова Молотову от 21 апреля 1953 г. (Там же. Л. 30–43); Предложения по германскому вопросу от Малика и Пушкина — Молотову. 28 апреля 1953 г. (Там же. Л. 44–47); Справка по германскому вопросу от [неразборчиво] Семенову. 5 мая 1953 г. (Там же. Д. 19. Л. 31–38).
  99. Кроме того, специалисты по германскому вопросу выдвигали идею о том, чтобы пригласить руководство ГДР в Москву с первым официальным визитом. Что касается экономических вопросов, то мидовские записки содержали рекомендации передать ГДР фабрики, которые до этого принадлежали совместным советско-

германским акционерным предприятиям, находящимся в ведении Главного управления советского имущества за границей (ГУСИМЗ), см.: Записка по германскому вопросу. 18 апреля 1953 г. От Пушкина и Грибанова — Молотову (Там же. Д. 18. Л. 15).

100. Владимир Семенов возглавил 3-й европейский (германский) отдел МИД. В своих мемуарах он вспоминал, что писал свои предложения совместно со своим коллегой по СВАГ, маршалом Василием Соколовским, который в то время служил начальником Генерального штаба. *Semjonow W. S.* Op. cit. S. 290: Записка по германскому вопросу. 2 мая 1953 г. От Семенова — Молотову (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. Пап. 271. Д. 18. Л. 54–55, 58).
101. О дальнейших мероприятиях советского правительства по германскому вопросу (не раньше 4 мая 1953 г.) см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12. Пап. 16. Д. 259. Л. 45–46; Об обмене мнениями, имевшем место на Президиуме, см. записку Молотова — Маленкову, Берии, Хрущеву и Микояну от 8 мая 1953 г. (Там же. Л. 48, 49–55); Проект указаний тт. Жукову и Семенову от 18 марта 1953 г. с резолюцией В. Молотова в адрес Президиума ЦК (Там же. Пап. 18. Д. 283). (Документ выявлен Хоуп Гаррисон.)
102. *Beria S.* *Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin* / Ed. Françoise Thom. L.: Duckworth, 2001. P. 262; *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 581–584; Лаврентий Берия. С. 17–66. Я уже имел возможность изложить свою точку зрения по данной теме в книгах: *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 156–157; *Zubok V. M.* «Unverfroren und grob in der Deutschlandfrage»: Berija, der Nachfolgestreit nach Stalins Tod und die Moskauer DDR–Debatte im April — Mai 1953 // 1953 — Krisenjahr des Kalten Krieges in Europa / Hg. Ch. Klessmann, B. Ströver. Cologne: Böhlau, 1999. S. 32–34. Иное толкование роли Берии и Маленкова см.: *Kramer M.* The Early Post-Stalin Succession Struggle // *Journal of Cold War Studies* 1, № 1 (Winter 1999).
103. *Semjonow W. S.* Op. cit. S. 290; Дневник Семенова, запись от 31 мая 1964 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 112.
104. *Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness, a Soviet Spymaster.* Boston: Little, Brown, 1995. С. 363–365; расширенная версия на русском языке: *Судоплатов А. П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 369–370. Некоторые поступки Берии не поддаются однозначному объяснению. Например, он вызвал в Москву высшее руководство советских спецслужб в ГДР и предложил им отозвать большую часть советников МВД из всех органов власти ГДР, за исключением советских советников в Министерстве безопасности. По словам заместителя Берии, представители МВД в

- ГДР оставались в Москве «в течение трех месяцев», т. е. начиная с апреля, в ожидании реорганизации аппарата своего ведомства. См. выступление Сергея Круглова после ареста Берии на пленуме ЦК в июле 1953 г. (Лаврентий Берия. С.155).
105. Доклад № 44/В от 6 мая 1953 г. Берия — Президиуму ЦК КПСС. Архив Службы внешней разведки (СВРА). Пап. 2589. Т. 7. Д. 3581. Цит. в кн.: *Murphy D. E., Kondrashev S. A., Baily G. Battleground Berlin: CIA vs. KGB in the Cold War.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997. P. 156–158.
  106. См.: *Neus Deutchland*, May 7, 1953, S. 3; *Судоплатов А. П.* Указ. соч. С. 370.
  107. Протокол № 8 заседания Президиума ЦК КПСС от 14 мая 1953 года (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 23. Л. 41). Цит. в ст.: *Kramer M. The Early Post-Stalin Succession Struggle.* P. 24–25.
  108. Неподписанный проект Министерства иностранных дел «О дальнейших мерах советского правительства по германскому вопросу». 8 мая 1953 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12. Пап. 16. Д. 259. Л. 39–46).
  109. Семенов. По вопросу о предотвращении ухода населения из ГДР в Западную Германию. 15 мая 1953 г. (АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 41. Пап. 271. Д. 92. Л. 99–102).
  110. Лаврентий Берия. С. 98.
  111. О перипетиях этих событий мы писали ранее в книге *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 160–161; выступление Молотова 2 июля 1953 г. на пленуме ЦК КПСС см.: Лаврентий Берия. С. 102, 103.
  112. *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 584; письмо Берии Маленкову из тюрьмы от 1 июля 1953 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 165). Опубликовано в журнале «Источник» (1994. № 4. С. 5); а также в книге «Лаврентий Берия» (С. 73); кроме того, см. выполненный мной перевод данного письма на английском языке: *CWIPR Bulletin*, № 10 (March 1998). P. 99.
  113. *Wettig G.* Op. cit.; замечания коллег и обмен мнениями между Алексеем Филитовым, Герхардом Веттигом и Эльке Шерстяной во время конференции «The Crisis Year 1953 and the Cold War in Europe». Потсдам, ноябрь 1996; *Kramer M. The Early Post-Stalin Succession Struggle.* P. 28.
  114. Как вспоминает Семенов, Берия «зачитал свой проект по германскому вопросу, который в корне отличался от того, что находился в моем кармане. Чтобы обхитрить Берию, Хрущев внес предложение принять его проект. Молотов подал мне знак, чтобы я молчал. “Согласны, согласны”, — все присутствующие присоединились к этому предложению. Я вернулся в МИД совершенно подавленный» (*Semjonow W. S.* Op. cit. S. 291).

115. О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР. Приложение к распоряжению Совета министров СССР от 2 июня 1953 г. Ф. № 7578-рс (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 803. Л. 153–161). В книге «Лаврентий Берия» (С. 55–59).
116. Там же. С. 58, 59.
117. 3 мая состоялись выступления и забастовки в болгарских городах Пловдиве и Хасково, а 1–2 июня — в чехословацком Пльзене, что вызвало серьезную озабоченность в Москве. *Kramer M.* The Early Post-Stalin Succession Struggle. P. 15–22; Uprising in East Germany.
118. Лаврентий Берия. Через 2–3 года я крепко исправлюсь (Письма Л. П. Берии из тюремного бункера, 1953) // Источник. 1994. № 4. С. 5; CWINP Bulletin №10 (March 1998); также см.: *Herrnstadt R.* Das Herrnstadt-Dokument: Das Politburo der SED und die Geschichte des 17. Juni 1953 / Hg. Nadja Stulz-Herrnstadt. Hamburg: Rowohlt, 1990. S. 59.
119. Записка министра внутренних дел СССР С. Круглова в ЦК КПСС Г. Маленкову с препровождением сообщения ответственных работников МВД СССР Федотова и Фадейкина, 9 июля 1953 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 925. Л. 156–165), копия в CWINP предоставлена Леонидом Решиным для NSArch (Архива национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона).
120. Лаврентий Берия / Сост. Наумов, Сигачев. С. 97, 102–103; Стенографический отчет о пленуме ЦК КПСС, 31 января 1955 г. (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 65–66).
121. Из дневника Якова Малика. 30 июня 1953 г. Запись беседы с премьер-министром Великобритании Черчиллем, 3 июня 1953 г. (Источник. 2003. № 2) (запись беседы с Черчиллем, обнаруженная в архивах Политбюро, датирована 30 июня, т. е. после ареста Берии). О том, как Черчилль посещал Вашингтон, см.: *Immerman R.* «Trust in the Lord but Keep Your Powder Dry»: American Policy Aims at Geneva // Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955 / Ed. G. Bischof, S. Dockrill, Baton Rouge: Louisiana State University, 2000. P. 36–41.
122. Это письмо Берии, датированное 1 июля, было обнаружено в АП РФ (Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 170–170 об.). Опубликовано в книге «Лаврентий Берия» (С. 407); *Судоплатов А. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 372–374. О Пьере Коте см.: *Andrew C. M., Mitrokhin V.* The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. N. Y.: Basic Books, 1999. P. 108–109; *Smyser W. R.* Op. cit. P. 128.
123. Исчерпывающая документация об этом эпизоде представлена в книге «Uprising in East Germany».

124. *Судоплатов А. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 372–374.
125. В. Соколовский, В. Семенов, П. Юдин. О событиях 17–19 июня 1953 г. в Берлине и ГДР и некоторые выводы из этих событий. 24 июня 1953 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. Пап. 5. Д. 301. Л. 1–51). Выборочно опубликовано в статье: *Ostermann C.* New Documents on the East German Uprising of 1953 // *CWHP Bulletin*, № 5 (Spring 1995). P. 10–21.
126. Заметки Маленкова на Президиуме ЦК, где Берия был взят под стражу. К решению вопроса о Берии. Протокол № 10 от 26 июня 1953 г. См. в книге «Лаврентий Берия» (С. 69–70); *Мукоян А. И.* Указ. соч. С. 565–566; *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 140–155.
127. См. стенограммы пленума, опубликованные в книге «Лаврентий Берия». С. 93–94, 207, 353.
128. Записка министра внутренних дел СССР С. Круглова. 9 июля 1953 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 925. Л. 156–165).
129. Лаврентий Берия / Сост. Наумов, Сигачев. С. 97, 189–190; также см.: *The Beria Affair* / Ed. D. M. Stickle. N. Y.: Nova Science, 1992. P. 22–23, 134–135.
130. Так, например, в Австрии 9 июня 1953 г. советские власти перестали обыскивать и проверять людей и их личные вещи при переходе демаркационной линии между советской и западными зонами. Кроме того, они отказались от цензуры газет в советской зоне и вернули австрийскому государству средства радиовещания. Было принято решение, что с августа 1953 г. Австрия не будет оплачивать пребывание советских частей на ее территории. Последняя группа австрийских военнопленных вернулась домой. После ареста Берии эти жесты «доброй воли» остались в силе, но проводились в жизнь ограниченно и без особого энтузиазма. *Prozumenschikov M.* Nach Stalins Tod. Sowjetische Österreich-Politick, 1953–1955 // *Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung, 1945–1955. Beiträge* / Hg. S. Karner, P. Rugenthaler, B. Steitzl-Marx. Vienna: Oldenbourg Verlag, 2005. S. 733–734.
131. *Semjonow W. S.* Op. cit. S. 297; Записка Пушкина на имя А. Вышинского от 9 июля 1953 г. (АВП РФ. Ф. 82. Оп. 41. Пап. 280. Д. 93. Л. 63–68). Опубликовано в: *CWHP Bulletin* № 10 (March 1998). P. 105. Узнать больше о «группировке» Хернштадта — Цейснера и о действиях Ульбрихта можно из книги: *Harrison H.* Driving the Soviets Up the Wall. P. 42–43.
132. О «дне икс» в ГДР см.: *Безыменский Л. А.* Кто и как готовил в Германии день икс // Новое время. 1953. № 27 (июль). С. 22–26; *Zubok V.* Soviet Intelligence and the Cold War: The «Small» Committee of Information, 1952–1953 // *Diplomatic History* 19, № 3 (Summer 1995). P. 465.

Глава 4

1. *Troyanovsky O. A.* The Making of Soviet Foreign Policy // *Nikita Khrushchev: Fresh Perspectives on the Last Communist* / Ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000. P. 213–214.
2. *Immerman R.* Op. cit.; *Trachtenberg M.* A Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945–1963. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1999; *Mitrovich G.* Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2000; *Brooks J.* Stalin's Ghost: Cold War Culture and the U. S.-Soviet Relations // *After Stalin's Death: The Cold War as International History* / Ed. K. Larres, K. Osgood. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2003.
3. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Сб. документов. Том 1 / Отв. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003; *The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents* / Ed. C. Bekes, M. Byrn, J. Rainer. Budapest: Central European University Press, 2003. О процессе выработки внешнеполитических решений см.: *Richter J.* Khrushchev' Double Bind: International Pressures and Domestic Coalition Politics. Baltimore: John Hopkins University Press, 1994; *Brooks J.* Stalin's Ghost; *Taubman W.* Khrushchev.
4. В коллективное руководство вошли члены Бюро Президиума, избранные и утвержденные при Сталине на пленуме ЦК КПСС в октябре 1952 г.: Климент Ворошилов, Николай Булганин, Лаврентий Берия, Лазарь Каганович, Никита Хрущев, Георгий Маленков, более молодые Матвей Сабуров и Михаил Первухин, а также Анастас Микоян и Вячеслав Молотов.
5. См.: *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 555–558, 572–574; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002; материалы октябрьского (1952 г.) пленума ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21–22). Выступление Сталина на этом пленуме воспроизвел в своих воспоминаниях Константин Симонов, входивший в состав ЦК. См.: *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине // Знамя. 1988. № 4. С. 96–99.
6. *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. N. Y.: Oxford University Press, 2004. P. 6; *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 471; *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 584.
7. См.: Протокол № 105 заседания Президиума от 31 января 1955 г. в книге: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Сб. документов / Отв. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. Т. 1. С. 37.

8. *Эймонтова Р. Г.* Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000 № 1. С. 160.
9. *Zubok V. M.* CPSU Plenums, Leadership Struggles, and Soviet Cold War Politics // *CWHP Bulletin*, № 10 (March 1998). P. 28–33; заметки В. А. Кочетова, главного редактора «Литературной газеты», примерно 1955 г. (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Д. 1516. Л. 13).
10. Известия. 1953. 9 авг. Годовые доходы крестьян увеличились с 13 млн руб. в 1953 г. до 25 млн руб. в 1954 г. Стенограмма заседания партийной группы Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–34. Документ опубликован в журнале «Источник» (2003. № 6); *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 518; *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 53–57.
11. *Сахаров А. Д.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1990. С. 230; *Holloway D.* Op. cit. P. 337.
12. О соперничестве Маленкова и Хрущева в этой сфере см.: *Zubkova E.* The Rivalry with Malenkov // *Nikita Khrushchev: Fresh Perspectives on the last Communist* / Ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000. P. 78–81; *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 599–600; *Taubman W.* Khrushchev. P. 262–263.
13. *Barsukov N.* The Rise to Power // *Nikita Khrushchev: Fresh Perspectives on the Last Communist* / Ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000. P. 52; *Taubman W.* Khrushchev. P. 258–264.
14. См. заседания Президиума ЦК, 22 и 31 января 1955 г. в кн.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 35–38.
15. Пленум ЦК КПСС, 25–31 января 1955 г. Протокол № 7 (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 45); *CWHP Bulletin* № 10 (March 1998). P. 34–35; *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 70.
16. См. замечания, высказанные Булганиным, Первухиным и Ворошиловым в книге «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» (Т. 1. С. 37, 887); а также см.: Стенограмма заседания партийной группы Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. (АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–34. Документ опубликован в журнале «Источник» (2003. № 6).
17. Президиум ЦК. Протоколы № 66 от 20 декабря 1954 г. и № 106 от 7 февраля 1955 г. в книге «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» (Т. 1. С. 29–31, 40).
18. *Zubkova E.* The Rivalry with Malenkov. P. 76; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 36–72.
19. Там же. Т. 1. С. 29–31.
20. Обо всех событиях вокруг советско-австрийских переговоров см.: *Stourzh G.* Um Einheit und Freiheit: Staatsvertrag, Neutralität, ...

- und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945–1955. 4th ed. Vienna: Bohlau, 1998; *Bischof G.* Austria in the First Cold War, 1945–1955. N. Y.: St. Martin's, 1999. P. 130–149.
21. *Zubok V. M.* Soviet Policy in Germany and Austria and the Post-Stalin Succession Struggle, 1953–1955 // Paper prepared at the conference «The Soviet Union, Germany, and the Cold War, 1945–1962: New Evidence from Eastern Archives». Essen, Germany, June 28–30, 1994. P. 21–24. Также см.: *Mastny V.* NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–1956 // CWINP working paper № 35. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, March 2001. P. 61–62.
  22. См.: Примечания к заседанию Президиума 19 мая 1955 г. в книге «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» (Т. 1. С. 41, 888–890).
  23. CWINP Bulletin № 10 (March 1998). P. 43.
  24. *Trojanovsky O. A.* Making of Soviet Foreign Policy. P. 214. Выступление Молотова на пленуме ЦК КПСС 9 июля 1955 г. см.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 173. Л. 3. Молотов здесь ссылается на то, что в 1949 г. Гомулка был смещен с поста генерального секретаря ПОРП, а позже арестован по обвинению в «националистическом уклоне». Чтобы ознакомиться с деталями этого дела и соответствующими документами, см.: Восточная Европа... Т. 1. С. 505–511.
  25. Пленум ЦК КПСС, 9 июля 1955 г. (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 172. Л. 76, 87); CWINP Bulletin № 10 (March 1998). P. 29, 38.
  26. На заседании Президиума 25 мая Ворошилов и Молотов выступили против использования этой формулировки. На что Булганин заметил: «Тогда о Сталине будут говорить». См. замечания Булганина и Микояна на заседаниях Президиума 19 и 23 мая 1955 г. в книге «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» (Т. 1. С. 43, 45, 46).
  27. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 173. Л. 4.
  28. *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 82, 84, 85; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 173. Л. 40; Исторический архив. 1993. № 4. С. 77.
  29. Цит. по: *Immerman R.* Op. cit. P. 48–49.
  30. *Trojanovsky O. A.* Nikita Khrushchev and the Making of Soviet Foreign Policy // Paper presented at the Khrushchev Centenary Conference. Brown University, December 1–3, 1994. P. 38.
  31. *Prozumenschikov M.* Nach Stalins Tod // Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung, 1945–1955. Beiträge / Hg. S. Karner, P. Rugenthaler, B. Steizl-Marx. Vienna: Oldenbourg Verlag, 2005. S. 750.
  32. *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания. М., 1994. С. 93; также см.: *Trojanovsky O. A.* Nikita Khrushchev and the Making of Soviet Foreign Policy. С. 7.
  33. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 93–94.

34. Стенографическая запись заседаний Президиума ЦК КПСС по вопросу «О директивах советской делегации в Комитете десяти по разоружению», 1 февраля 1960 г. см. в книге «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» (Т. 1. С. 424).
35. Войтек Мاستны убежден, что кремлевское руководство намеревалось пойти дальше: во время переговоров по вопросам общеевропейской безопасности распустить Организацию Варшавского договора в обмен на роспуск НАТО. «Если бы дело дошло до одновременного роспуска созданного пока только на бумаге союза восточноевропейских стран и уже сложившегося западного военного блока, при том что двусторонние военные договоры Москвы со всеми ее сателлитами остались бы нетронутыми, то такое положение вещей позволило бы Советскому Союзу, как наиболее сильному участнику процесса, вершить судьбы европейской безопасности». См.: *Mastny V. NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–1956* // CWINP working paper № 35. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, March 2001. P. 66. С моей точки зрения, СССР ставил более насущные и прямые цели.
36. *Zubok V. M. Soviet Foreign Policy in Germany and Austria and the Post-Stalin Succession Struggle, 1953–1955* // Paper prepared at the conference «The Soviet Union, Germany, and the Cold War, 1945–1962: New Evidence from Eastern Archives». Essen, Germany, June 28–30, 1994; *Prozumenschikov M. Nach Stalins Tod* // Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung, 1945–1955. Beiträge / Hg. S. Karner, P. Rugenthaler, B. Stelzl-Marx. Vienna: Oldenbourg Verlag, 2005. S. 747–751.
37. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 93, 94.
38. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001. С. 159–163; *Zubok V. M., Pechatnov V. O. Stalin and the Wall Street* (неопубликованная рукопись).
39. Интервью с Олегом Трояновским. Москва, 6 мая 1994 г.; беседа автора с Ростиславом Сергеевым. Москва, 14 мая 1994.
40. *Caute D. The Dancer Defects: The Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War*. N. Y.: Oxford University Press, 2003. P. 411; *Аджубей А. И.* Крушение иллюзий. Время в событиях и лицах. М., 1991. С. 128–135.
41. *Зубок В. М.* Небо над сверхдержавами // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 7. С. 47–55.
42. Если внимательно приглядеться к происходящему в самом Кремле, то нетрудно заметить, что в 1955 г. из всей кремлевской верхушки Молотов оставался практически единственным (правда, Каганович и Ворошилов присоединялись к нему по некоторым

- вопросам), кто сомневался, а иногда и открыто возражал по поводу «новой» внешней политики. См.: Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 35–158.
43. Протокол № 184. Заседание 30 января 1956 г. Прения по проекту доклада ЦК КПСС XX съезду КПСС (Там же. Т. 1. С. 90, 92).
44. *Taubman W. Khrushchev*. С. XVII–XX.
45. Ibid. С. 330. Выступление Хрущева на совещании аппарата Ленинградского областного и городского комитетов КПСС. 8 мая 1954 г. (АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 398. Л. 222–238). Опубликовано в журнале «Источник» (2003. № 6. С. 9–14); стенографический отчет заседания Президиума. 1 июля 1959 г. См.: Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 256–287.
46. *Trojanovsky O. A. Nikita Khrushchev and the Making of Soviet Foreign Policy* P. 5.
47. Свой план премьер-министр Великобритании Энтони Иден выдвинул на встрече министров иностранных дел в Берлине в январе — феврале 1954 г. Суть плана Идена заключалась в том, чтобы провести свободные выборы на территории всей Германии и сформировать общегерманское правительство, которое бы заключило мирный договор с четырьмя оккупационными державами, имеющими войска на германской территории. Согласно этому плану, объединенная Германия должна была самостоятельно определиться, с кем вступать в союз — с Востоком или Западом. См.: *Dockrill S. The Eden Plan and European Security // Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955 / Ed. G. Bischof and S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State University, 2000. P. 162–189; Varsori A. Le gouvernement Eden et l'Union Sovetique, 1955–1956: de l'espoir à la disillusion // Relations Internationales 71 (Autumn 1992).*
48. О позициях правительств США, Великобритании и Франции по германскому вопросу в свете предстоящей встречи глав правительств четырех держав. Комитет информации (КИ). Докладная/служебная записка. Июнь 1955 г. (АВП РФ. Ф. 595. Оп. 6. Пор. 51. Д. 769. Пап. 51. Л. 29–47); Позиции западных держав относительно создания системы коллективной безопасности в Европе в свете предстоящей встречи глав правительств четырех держав (АВП РФ. Ф. 595. Оп. 6. Д. 769. Пап. 51. Л. 48–63; РГАНИ. Ф. 89. Пер. 70. Д. 7. Л. 6).
49. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 70. Д. 7. Л. 6. Оценки советского руководства оказались по большей части верными; о том, какие цели ставила перед собой Великобритания в Женеве, пишет Антонио Варсори, чего добивалась Франция — Коллетт Барбьер, см.: *Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955 / Ed. G. Bischof, S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State University, 2000. P. 75–116.*

50. Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 69; FRUS, 1955–1957. Vol. 5. P. 259, 417–418; Richter J. Khrushchev' Double Bind. P. 71; Taubman W. Khrushchev. P. 349–353.
51. Immerman R. Op. cit. P. 49.
52. Memorandum of discussion at the 256th meeting of the National Security Council, Washington, July 28, 1955. FRUS, 1955–1957. Vol. 5. P. 534.
53. Георгий Корниенко, в то время старший аналитик Комитета информации, находился в Женеве в составе группы, которая собирала оперативную информацию для советских руководителей. (Интервью Корниенко, данное автору в Москве 16 апреля 1990 г.)
54. Prados J. Open Skies and Closed Minds: American Disarmament Policy at the Geneva Summit // Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955 / Ed. G. Bischof, S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State University, 2000. P. 224–225, 232–233; кроме того см.: Rostow W. W. Open Skies: Eisenhower's Proposal of July 21, 1955. Austin: University of Texas Press, 1982.
55. FRUS, 1955–1957. Vol. 5. P. 534.
56. Dobrynin A. Op. cit. P. 38.
57. Более подробно об этом см.: Zubok V. M., Smirnov Y. Moscow and Nuclear Weapons after Stalin's Death // CWIHP Bulletin, № 4 (1994); также см.: FRUS, 1955–1957. Vol. 5. P. 413.
58. Запись беседы Н. А. Булганина с послом КНР в СССР Лю Цяо. 19 марта 1955 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 116. Л. 19); Эймонтова Р. Г. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 1. С. 161.
59. Аденауэр знал, что на встрече руководителей великих держав достичь договоренности об объединении Германии не удастся. Для него визит в СССР явился тактическим шагом, целью которого было не допустить в Западной Германии роста настроений в пользу нейтралитета. См.: Schwarz H.-P. Die Ära Adenauer, 1949–1957: Grunderjahre der Republik 1919–1957. Vol. 2. Geschichte der Bundesrepublik. Stuttgart: DVA/Brockhaus, 1989; Entspannung und Wiedervereinigung: Deutschlandpolitische Vorstellungen Konrad Adenauers 1955–1958. Vol. 2. Rhondorfer Gespräche / Hg. Schwarz H.-P. Stuttgart: Belser, 1979; Conze E. No Way Back to Potsdam: The Adenauer Government and the Geneva Summit // Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955 / Ed. G. Bischof, S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State University, 2000. P. 209–210. В Москве были хорошо осведомлены о мотивах Аденауэра. Например, см. письмо в ЦК Павла Наумова, корреспондента газеты «Правда» в Западной Германии от 3 июля 1955 г. Хрущев и Булганин прочли это письмо 20 июля, когда началась встреча в Женеве (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 114. Л. 176–177).

60. Аналогичные доводы приводятся в книге: *Harrison H.* Op. cit. P. 47–48, 53–57.
61. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 900; более подробно см.: *Zubok V. M.* The Multi-Level Dynamics of Moscow's German Policy from 1953 to 1964 // *Re-Viewing the Cold War: Domestic Factors and Foreign Policy in the East-West Confrontation* / Ed. P. M. Morgan, K. L. Nelson. Westport, Conn.: Praeger, 2000.
62. Протокол № 168 заседания Президиума. 6 ноября 1957 г. и 7 ноября 1958. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 58–60, 900). Олег Трояновский вспоминал, что, «добиваясь объединения Германии, западные делегации готовы были пойти на дальнейшие серьезные уступки советской стороне, которая могла бы получить гораздо больше того, что она получила в результате объединения Германии в 1990-м», к примеру, создание демилитаризованного коридора между Востоком и Западом и заключение пакта о взаимной безопасности. Но, как подозревает Трояновский, «Хрущев просто не хотел, чтобы Молотов, отставка которого была уже предпрешена, заработал под занавес какие-либо лавры». *Трояновский О. А.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 189.
63. Советско-израильские отношения. Сб. документов / Сост. Б. Л. Колоколов, Э. Бенцур и др. Т. 2. М., 2000. С. 430–436; О мероприятиях США по превращению Израиля в военный плацдарм на Ближнем Востоке. КИ — Сталину. 19 сентября 1952 г. (АВП РФ. Ф. 595. Оп. 6. Пор. 8. Д. 769. Л. 74–87).
64. Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. 1947–1967 гг. / Отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2003. Т. 1. С. 114, 139–141, 148, 149–156, 170–171, 180–181; КИ — Сталину о положении в Египте. 9 декабря 1952 г. (АВП РФ. Ф. 595. Оп. 6. Пор. 8. Д. 569. Л. 45–48); КИ — ЦК Президиума о Насере. 8 марта 1954 г. (АВП РФ. Ф. 595. Д. 769. Л. 25).
65. *Zubok V.* Soviet Intelligence and the Cold War. P. 466–468.
66. *Млечин Л. М.* МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. С. 335–336; *Сахаров А. Д.* Указ. соч. С. 247.
67. Информация отдела Ближнего и Среднего Востока Министерства иностранных дел СССР. 18 июля 1955 г. // Ближневосточный конфликт / Отв. ред. Наумкин. Т. 1. С. 306–307; также см.: С. 301, 328, 333–334, 335, 340–344, 365–367.
68. *Gaiduk I. V.* Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. P. 15–16; *Olsen M.* Changing Alliances: Moscow's Relations with Hanoi and the Role of China, 1949–1964 // Ph. D. diss., University of Oslo, 2004. P. 65–66.

69. См.: *Qiang Zhai*. The Dragon, the Lion, and the Eagle: Chinese-British-American Relations, 1949–1958. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1994. P. 175; о стратегических намерениях США в этом противостоянии см.: *Chang G. H.* Friends and Enemies: The United States, China and the Soviet Union, 1948–1972. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990. P. 129–142; *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 217–218.
70. *Westad O. A.* Global Cold War. P. 69; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 154–155, 162–163; СССР — КНР (1949–1983). Документы и материалы. Ч. 1. 1949–1963. М., 1985; С. 145–146, 147–148; *Негин Е. А., Смирнов Ю. Н.* Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами? // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е и 50-е годы). Труды международного симпозиума (14–18 мая, 1996 г., Дубна). М., 1997. С. 303–317.
71. *Chen Jian*. Op. cit. P. 167–169. В июле 1955 г. во время проведения ежегодного авиашоу советские руководители хотели во что бы то ни стало произвести впечатление на западных военных атташе. Для этого пришлось прибегнуть к хитрости: единственное имеющееся в наличии авиакрыло из десяти стратегических бомбардировщиков М-4 трижды пролетело над полем. *Zaloga S.* Op. cit. P. 24.
72. FRUS, 1955–1957. Vol. 5. P. 416.
73. См. записи бесед советского посла Павла Юдина с Мао Цзедунем 8 марта и 25 мая 1955 г., хранящиеся в АВП РФ, в статье: *Wingrove P.* Mao's Conversation with the Soviet Ambassador, 1953–1956 // CWINP work paper № 36 (April 2002). P. 28, 35–41.
74. *Chen Jian*. China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation. N. Y.: Columbia University Press, 1994. P. 42–43; *Idem.* Mao's China and the Cold War. P. 63.
75. *Chang G. H.* Op. cit. P. 137; *Qiang Zhai*. Op. cit. P. 173–174.
76. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / Сост. К. Аймермахер, В. Афиани, М. Ю. Прогуменщиков и др. М., 2002; *Барсуков Н.* Как создавался «закрытый доклад Хрущева» // Литературная газета. 1996. 21 февр.; *Медведев Р. Наумов В.* XX съезд: тайна закрытого заседания // Вечерний клуб. 1996. 26 февр.; *Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В.* О подготовке закрытого доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС в свете новых документов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 107–117.
77. О реакции Пospelова см.: *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 592.
78. Там же. С. 594; Из рабочей протокольной записи Президиума ЦК КПСС от 9 февраля 1956 г. и стенограмма пленума ЦК КПСС от 13 февраля 1956 г. см. в книге: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности. С. 234–237, 241–243.
79. *Яковлев А. Н.* Op. cit. М., 2000. С. 116.

80. Трояновский отмечает в своей книге, что во время встречи на высшем уровне в Женеве он стал свидетелем того, как «ссора руководителей может негативно отражаться на важнейших государственных делах». *Трояновский О. А.* Через годы и расстояния. История одной семьи. С. 189; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 95.
81. *Чуев Ф.* Каганович, Шепилов. М., 2001. С. 342, 352.
82. О поведении советских дипломатов. Докладная записка в ЦК КПСС, составленная Борисом Полевым, членом писательской делегации (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 3826. Л. 9–10).
83. Заседание Президиума 11 августа 1956 г. Протокол № 32, см. в книге «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» (Т. 1. С. 156–157).
84. *Чуев Ф.* Каганович, Шепилов. С. 352; *Fursenko A., Naftali T.* Khrushchev's Cold War: The Inside Story of an American Adversary. N. Y.: W. W. Norton, 2006. P. 101–106.
85. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 156–159, 162–163; *Млечин Л. М.* Указ. соч. С. 343; непроизнесенная речь Владимира Семенова на июньском (1957) пленуме ЦК КПСС, см. в кн.: Молотов, Маленков, Каганович, 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Ковалева Н. и др. / Под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 1998. С. 678.
86. Иную точку зрения см.: *Наринский М.* Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 года. Новые данные // Новая и новейшая история. 2004. № 2 (март — апрель). С. 54–66.
87. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 149; Т. 2. С. 359–362.
88. Протоколы заседаний Президиума от 9 и 12 июля, а также от 4, 20 и 21 октября 1956 г. см. в книге «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» (Т. 1, С. 149, 168, 173–175); *Granville J.* The First Domino: International Decision Making during the Hungarian Crisis of 1956. College Station: Texas A&M University Press, 2004. P. 121–123. Президиум постановил созвать чрезвычайное совещание руководителей компартий стран — членов Организации Варшавского договора. Записи Малина содержали загадочные фразы о «подготовке документа» и «создании комитета», которые можно истолковать самым различным образом. Серго Микоян утверждает, что слышал как его отец, Хрущев и другие члены руководства обсуждали вопрос о вводе войск в Польшу (из доклада С. Микояна на международном семинаре в Саратове, 3 июля 2001 г.). О событиях в Польше глазами поляков см.: *Gluchowski L. W.* The Soviet-Polish Confrontation of October, 1956: The Situation in the Polish Internal Security Corps. With Edward Nalepa // CWIHP working paper № 17 (1997).

89. *Chen Jian*. Mao's China and the Cold War. P. 146–148. Кроме того, я учитывал документы, выявленные канадским историком Лео Глуховским и переданные им в фонд Архива национального безопасности (NSArch).
90. Текст декларации был опубликован в газете «Правда» 31 октября 1956 г. Венгерские и другие источники, имеющие отношение к событиям в Венгрии, можно найти в информационном сборнике: *Hungary and the World, 1956: The New Archival Evidence*, сост. в Будапеште 26–29 сентября 1996 г. / Архив национальной безопасности (NSArch), Проект по истории холодной войны в центре Вудро Вильсона (CWIHP) и Институт истории и документации Венгерской революции 1956 г.
91. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 180, 181, 185, 188–190; *Kramer M.* New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises // *CWIHP Bulletin*, № 8–9 (Winter 1996/97). P. 389–392.
92. О роли китайцев см.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 178–179, 188–189; *Chen Jian*. Mao's China and the Cold War. P. 150–157.
93. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 1988–1991.
94. Там же. С. 191–192; *Kramer M.* New Evidence on Soviet Decision-Making. P. 393.
95. Марк Крамер и Джоанна Грэнвилл придают особое значение фактору Суэцкого кризиса и опасениям в Кремле, что революции в Польше и Венгрии дестабилизируют обстановку в пограничных районах СССР. См.: *Kramer M.* New Evidence on Soviet Decision-Making. P. 369–371; а также: *Granville J.* Op. cit. Александр Стыкалин полагает, что на решение, принятое Кремлем, в последний момент повлияло мнение руководства КНР, Пальмиро Тольятти и других коммунистических лидеров. См.: *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003; *Gluchowski L. W.* Khrushchev, Gomulka, and the «Polish October» // *CWIHP Bulletin*, № 5 (Spring 1995).
96. Записи Фалина от 28 октября 1956 г. см.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 186, 191.
97. *Яковлев А. Н.* Op. cit. С. 117.
98. О позиции Тито и Гомулки см.: *Granville J.* Op. cit. P. 100–121.
99. *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 604; Записи Фалина от 4 ноября 1956 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 202).
100. О том, как данные события воспринимались китайцами, см.: *Ши Чже*. Рядом с Мао Цзэдуном и Сталиным. Воспоминания Ши Чже. Перевод Чень Цзяня (цитируется с его разрешения); *Chen Jian*. Mao's China and the Cold War. P. 158–162; *Zubok V. M.* «Look What Chaos in the Beautiful Socialist Camp!» Den Xiaoping and the Sino-Soviet Split, 1956–1963 // *CWIHP Bulletin*, № 10 (March 1998). P. 153.

101. Наблюдения о Советском Союзе, высказанные Чжоу Эньлаем 24 января 1957 г., переведены на английский язык и опубликованы, см.: *Zhang Shuguang and Chen Jian. The Emerging Disputes between Beijing and Moscow: Ten Newly Available Chinese Documents, 1956–58* // *CWHP Bulletin*, № 6–7 (Winter 1995). P. 153–154; кроме того, см. замечания, высказанные Дэн Сяопином в адрес советской делегации на встрече в Москве, 5–20 июля 1963 г. Копия обнаружена автором в собрании документов партийных и общественных организаций ГДР в Государственном архиве Германии в Берлине (SAPMO–BArch). JIV 2/ 207 698, S. 75. Согласно Чень Цзяню, Мао в своих выступлениях внутри страны не раз подчеркивал, что Хрущев и его соратники отреклись не только от «знамени Сталина», но и от «знамени Ленина». Настало время Китаю исполнить свой долг пролетарского интернационализма и подхватить это знамя. *Chen Jian. Mao's China and the Cold War*. P. 158–162.
102. Замечание Молотова на июньском (1957) пленуме ЦК в кн.: Молотов, Маленков, Каганович. С. 131.
103. Там же. С. 128.; Правда. 1956. 19 и 23 нояб.; Выступление Хрущева в Варне 16 марта 1962 г. (Источник. 2003. № 6. С. 136); о причинах столь противоречивых действий Тито см.: *Granville J. Tito and the «Nagy Affair»* // *East European Quarterly* 32, № 1 (1998). P. 23–57; *Rainer M. J. Nagy Imre, 1953–1958*. Budapest: 1956-os Intezet, 1999. Vol. 2. P. 347. О реакции Хрущева на отступничество Тито см.: *Tischler J. Poland's October and the 1956 Hungarian Revolution: Gomulka's Intercession with Khrushchev on Behalf of Imre Nagy: Excerpt from the Records of the Discussions Conducted between the Party and Government Delegation of the Polish People's Republic and the Party and Government Delegation of the Soviet Union, May 24–25, 1957*. URL: <http://www.rev.hu/html/en/studies/1956/interconn.htm>
104. Письмо Антонины Петерсон Шепилову, датированное 3 мая 1957 г., письмо инженера М. Петрыгина в ЦК КПСС, датированное 25 января 1957 г., письмо полковника П. Нестерова Хрущеву, датированное 30 января 1957 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 189. Л. 1–6, 29–30. Д. 190. Л. 142–162).
105. Микоян А. И. Указ. соч. С. 599, 602.
106. Последняя антипартийная группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 3, 4, 5. 1994. № 1, 2; те же материалы в неотредактированном виде см. в книге «Молотов, Маленков, Каганович» и др.
107. Исторический архив. 1993. № 3. С. 74–75.
108. Там же. № 4. С. 27, 29.

109. Там же. № 3. С. 79.
110. Микоян в своих воспоминаниях сравнивает новый и старый состав Президиума. См.: *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 604.
111. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957) пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, М. Прозуменщиков. М., 2001. С. 297, 425; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 252, 263–264, 1011–1012 (примечания); *Dobrynin A.* Op. cit. P. 37–38. О критическом отношении Жукова к Хрущеву см.: *Taubman W. Khrushchev.* P. 314.
112. Георгий Жуков. С. 379.
113. *Zubok V.* Soviet Intelligence and the Cold War. P. 453–472.
114. *Trojanovsky O. A.* Making of Soviet Foreign Policy. P. 216.

Глава 5

1. В основу настоящей главы положена статья, написанная мной в соавторстве с профессором Хоуп Гаррисон. См.: *Zubok V. M., Harrison H.* The Nuclear Education of Nikita Khrushchev // *Cold War Statesmen Confront the Bomb* / Ed. J. L. Gaddis, P. H. Gordon, E. R. May, J. Rosenberg. L.: Oxford University Press, 1996. Выражаю искреннюю признательность профессору Гаррисон за ее разрешение использовать фрагменты нашей совместной публикации в данной главе.
2. См.: *Weart S. R.* Nuclear fear: A History of Images. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
3. *Zaloga S.* Op. cit. P. 21. Внешнеполитическая стратегия администрации Эйзенхауэра «Новый взгляд» была принята в 1953 г. Особое значение в ней придавалось ядерным средствам сдерживания советской угрозы, что нашло свое отражение в размещении ядерных вооружений всех типов и различной дальности в Западной Европе для «массированного возмездия» в случае возможной агрессии со стороны СССР. В конце 1957 г. президент Эйзенхауэр, желая смягчить шок, вызванный на Западе запуском советского спутника, объявил о готовности разместить баллистические ракеты средней дальности в тех странах блока НАТО, которые пожелают иметь их на своей территории. См.: *Bundy McGeorge.* Danger and Survival. N. Y.: Random House, 1988. P. 245–255; *Trachtenberg M.* History and Strategy. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1991. P. 138–139, 156–162, 202.
4. О дискуссиях по поводу стабилизирующей роли ядерного оружия см.: *Mearsheimer J. J.* Nuclear Weapons and Deterrence in Europe // *International Security* 9, № 3 (Winter 1984/1985). P. 19–46; *Gaddis J. L.* The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System // *International Security* 10, № 4 (Spring

- 1986). P. 99–142; Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. J. L. Gaddis, P. H. Gordon, E. R. May, J. Rosenberg. N. Y.: Oxford University Press, 1999.
5. Об этом изъятие американской «доктрины сдерживания» см.: *Logevall F.* Bernath Lecture: A Critique of Containment // *Diplomatic History* 28 (September 2004). P. 475–484.
  6. В. Б. Адамский в книге «*Andrei Sakharov: Facets of a Life*» (Ed. P. N. Lebedev. Hong Kong: Edition Frontières, 1991. P. 31). Свежий взгляд на гонку стратегических вооружений в СССР содержится в кн.: *Zaloga S.* Op. cit. О советском проекте «сверхбомбы», который пошел по совершенно иному пути, чем аналогичный проект в США, см.: *Holloway D.* Op. cit. P. 294–319.
  7. См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2. Атомная бомба 1945–1954. Кн. 1 / Под общ. ред. Л. Д. Рябева, отв. сост. Г. А. Гончаров. Саров, 1999. С. 639–643; Маршал Александр Василевский — Сталину о подготовке мер защиты от атомного и биологического оружия. 12 сентября 1950 г. Копия рукописного документа: Volkogonov Collection, LC.
  8. Стенограмма пленума ЦК КПСС от 3 июля 1953 г. // *Известия ЦК КПСС*. 1991. № 2. С. 166–170.
  9. *Khrushchev N.* Khrushchev Remembers. P. 68; *Хрущев С. Н.* Никита Хрущев: кризис и ракеты. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 45; *Khrushchev S.* Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000; *Гончаров Г. А.* Хронология основных событий истории создания водородной бомбы в СССР и США // Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96, Дубна, 14–18 мая 1996 г. М., 1997. С. 247; *Sakharov A.* Memoirs. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1990. P. 180–181; *Holloway D.* Op. cit. P. 324.
  10. *Zubok V. M., Smirnov Y.* Op. cit. P. 1, 14–18.
  11. О том, как известие об этом испытании повлияло на мировое общественное мнение, см.: *Holloway D.* Op. cit. P. 337. Также см.: *Weisgall J. M.* Operation Crossroads: The Atomic Tests at Bikini Atoll. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 1994. P. 302–307; *York H. F.* The Advisors: Oppenheimer, Teller, and the Superbomb. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1989. P. 85–86; *Hewlett R. G., Holl J. M.* Atoms for Peace and War, 1953–1961: Eisenhower and the Atomic Energy Commission. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 168–182.
  12. *Гончаров Г. А.* Указ. соч. С. 249.
  13. Опасности атомной войны и предложение президента Эйзенхауэра. Записка В. А. Малышева Н. С. Хрущеву от 1 апреля 1954 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 16. Л. 38).

14. Там же. Л. 39, 40, 41; также см.: *Zubok V. M., Smirnov Y.* Op. cit. P. 14–15. Физики-ядерщики могли поделиться своими тревогами в устных беседах с руководством, по крайней мере с Маленковым, прежде чем излагать их в письменном виде.
15. Речь Маленкова см.: Правда. 1954. 13 марта; речь Микояна см.: Коммунист (Ереван). 1954. 12 марта.
16. Правда. 1954. 27 апр.
17. *Volkov A., Kolesova M.* Soviet Reaction to U. S. Nuclear Policy (1953–1962) // Paper presented at the conference «The New Evidence on the Cold War». Moscow, January 12–15, 1993. P. 6–9.
18. *Хрущев С. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 45; Кадры из фильма, снятого специально для советского руководства, впоследствии вошли во многие документальные киноленты, в том числе в фильм «Научный директор. Жизнь Юлия Борисовича Харитона», созданный в Москве в 1990-х гг. *Власов Н. А.* Десять лет рядом с Курчатовым // Воспоминания об академике И. В. Курчатове / Под ред. М. К. Романовского. М., 1983. С. 42; *Holloway D.* Op. cit. P. 307; *Heikal M.* Sphinx and Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Arab World. London: Collins, 1978. P. 129.
19. *Хрущев С. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 62–67.
20. *Zubok V. M., Pleshakov C.* The Soviet Union // The Origins of the Cold War in Europe / Ed. D. Raynolds. P. 53–76. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 71.
21. Турнир длиной в три десятилетия // Исторический архив. 1993. № 2. С. 58–67.
22. *Wittner L. S.* Resting the Bomb. P. 316–317.
23. Запись беседы Г. К. Жукова с президентом США Эйзенхауэром. 20 июля 1955 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 116. Л. 122–123), опублик. в кн. «Георгий Жуков» (С. 38–40); американскую версию этой встречи см.: FRUS, 1955–1957. Vol. 5. P. 408–418.
24. Правда. 1956. 15 февр.
25. Сергей Хрущев вспоминает, как однажды, «кажется, в январе 1956-го», он сопровождал отца, когда тот отправился смотреть ракеты, создававшиеся в конструкторском бюро Королева. Хрущев поинтересовался у Устинова, в то время председателя Комиссии Президиума Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам, сколько бомб хватит, чтобы «вывести из строя Англию». Когда Устинов ответил «пять», Хрущев, подумав, сказал: «Да, ужасная сила. Прошлая война была кровавой, а с такими зарядами она становится просто невозможной». *Хрущев С. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 103; Правда. 1955. 18 нояб.; *Holloway D.* Op. cit. P. 343.
26. Правда. 1956. 15 февр.
27. *Rosendorf N.* John Foster Dulles' Nuclear Schizophrenia // Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945 /

- Ed. J. L. Gaddis, et al. N. Y.: Oxford University Press, 1999. P. 83; *Erdmann A.* War No Longer Has Any Logic Whatever: Dwight D. Eisenhower and the Thermonuclear Revolution // Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. J. L. Gaddis, et al. N. Y.: Oxford University Press, 1999. P. 98–110; *Dobrynin A.* Op. cit. P. 38; Совещание первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий стран — участниц Варшавского договора в г. Москве 3–5 августа 1961 г. по вопросам подготовки и заключения мирного договора с Германией // CWIHP Bulletin. № 3 (Fall 1993). P. 60. О том, как Хрущев «раскусил» Джона Фостера Даллеса и о его «дуэли» с братьями Даллес, см.: *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 190–191; а также см.: *Zubok V. M.* Inside the Covert Cold War: The KGB vs CIA, 1960–1962 // CWIHP Bulletin, № 4 (Fall 1994). P. 25–27.
28. *Taubman W.* Khrushchev. P. 359–360; Стенограмма июньского (1957) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 4. С. 36; John Foster Dalles and the Diplomacy of the Cold War: A Reappraisal / Ed. R. Immerman. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1989. Действительно, с 1957 г. Джон Фостер Даллес начал всерьез задумываться о практической целесообразности выдвинутой им доктрины «массированного возмездия», поскольку, как он однажды выразился, «обмен ядерными ударами между США и СССР может превратить все Северное полушарие в непригодное или, во всяком случае, опасное место для проживания». См.: Memorandum of conversation at National Security Council (NSC) meeting, April 7, 1958: Архив национальной безопасности (NSArch). Выражаю признательность Уильяму Бэру за то, что привлек мое внимание к этому документу.
29. Насколько хорошо Хрущев был знаком с идеями Клаузевица — не вполне ясно. Но советский генералитет всегда высоко чтит прусского военного теоретика. Наследие Клаузевица неизменно являлось частью экзегезы коммунистической идеологии, ведь еще Фридрих Энгельс восхищался его книгой о войне, а Ленин также дал весьма положительную оценку этому труду. В 1947 г. Сталин вновь обратился к этой книге, чтобы напомнить: «Немарксист Клаузевиц подтверждал в своих трудах известное марксистское положение о том, что между войной и политикой существует прямая связь, что политика порождает войну, что война есть продолжение политики насильственными средствами». См.: *Сталин И.* Ответ товарищу Разину. 23 февраля 1946 г. // Большевик. 1947. № 3. Труды Клаузевица издавались в СССР, см.: *Клаузевиц К.* О войне. М., 1934; также см.: *Kokoshin A. A.* Soviet Strategic Thought, 1917–91. Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1998.

30. Правда. 1957. 14 мая; Стенограмма июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 4. С. 5.
31. Заседание Президиума. 1 февраля 1960 г. (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 424).
32. Статистические данные Госплана свидетельствовали о том, что в 1958 г. на испытание и строительство МБР и других ракет у Министерства обороны уходило лишь 8,5 % от общих расходов на производство вооружений. В 1959 г. эта доля увеличилась чуть ли не втрое, достигнув 21,5 %. В 1962 г. она выросла почти до 44 %. См.: *Симонов Н. С.* Указ. соч. С. 247; *Хрущев С. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 384; Стратегическое ядерное вооружение России. М., 1998; *Быстрова И. В.* Советский военный потенциал периода холодной войны в американских оценках // Отечественная история. 2004. № 2. С. 132–136; также см. данные Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте. URL: <http://www.armscontrol.ru>
33. *Engerman D. C.* The Romance of Economic Development and the New Histories of the Cold War // *Diplomatic History* 28, № 1 (January 2004). P. 29–42; *Taubman W.* Khrushchev. P. 364–365, 480.
34. *Симонов Н. С.* Указ. соч. С. 249–250, 303, 307; *Glazyrina V.* Krasnoyarsk-26: A Closed City of the Defense-Industry Complex // Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L.: Longman, 1991. P. 196; *Ладыженский Я.* Красноярск-26 // Дружба народов. 1996. № 6. С. 125–151.
35. Это означало, что все подъездные пути и воздушные коридоры из Западной Германии в Западный Берлин оказывались под контролем правительства Ульбрихта. Западные державы опасались, что власти ГДР могут перекрыть эти пути, что поставило бы их в затруднительное положение: пришлось бы либо выводить войска из Западного Берлина, либо вступать в войну. Об идее аннулирования Потсдамских соглашений 1945 г. см.: Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 338–339.
36. *Trojanovskiy O. A.* Making of Soviet Foreign Policy. P. 221; *Burr W.* Eisenhower's Search for Flexibility: Strategy and Diplomacy during the Berlin Crisis, 1958–1960 // Paper presented at the conference «The Second Berlin Crisis». Woodrow Wilson Center for International Scholars, Washington, D. C., May 1993.
37. См.: *Adomeit H.* Soviet Risk-Taking and Crisis Behavior: A Theoretical and Empirical Analysis. Boston: George Allen and Unwin, 1982; *Catudal H.* Kennedy and the Berlin Wall Crisis: A Case Study of the U. S. Decision-Making. Berlin: Berlin-Verlag, 1980; *Shusser R. M.* The Berlin Crisis of 1961: Soviet-American Relations and the Struggle for Power in the Kremlin, June–November 1961. Baltimore: John Hopkins

- University Press, 1973; *Beschloss M.* The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960–1963. N. Y.: Edward Burlinghame Books, 1991; *Harrison H.* Op. cit. P. 114. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр и министр обороны Франц Йозеф Штраус на самом деле стремились к тому, чтобы Западная Германия получила доступ к ядерному оружию. См.: *Kosthorst D.* Brentano und die deutsche Einheit: die Deutschland – und Ostpolitik des Aussenministers im Kabinett Adenauer, 1955–1961. Dusseldorf: Droste, 1993. S. 137–143. На тему атомного вооружения ФРГ см.: *Kelleher C.* Germany and the Politics of Nuclear Weapons. N. Y.: Columbia University Press, 1975. P. 43–49; а также: *Trachtenberg M.* History and Strategy. P. 252–253.
38. *Хрущев С. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 416; *Harrison H.* Op. cit. P. 116–117. В ноябре – декабре 1958 г. в подтверждение его угроз советские ракеты среднего радиуса все же были размещены на недавно созданных базах в Восточной Германии: *Uhl M., Ivkin V. I.* «Operation Atom»: The Soviet Union's Stationing of Nuclear Missiles in the German Democratic Republic // *CWIHP Bulletin*, № 12–13 (Fall-Winter 2001). P. 299–307.
39. *Wittner L. S.* Resting the Bomb. P. 278–280; Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 252.
40. Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС по вопросу «О директивах советской делегации в Комитете десяти по разоружению». 1 февраля 1960 г. (Президиум ЦК. Т. 1. С. 423–424, 427, 431, 432, 434–435).
41. О растущем нетерпении и внутреннем беспокойстве Хрущева см.: *Taubman W.* Khrushchev. P. 423–439.
42. *Zubok V. M.* Khrushchev's 1960 Troop Cut: New Russian Evidence // *CWIHP Bulletin*, № 8–9 (Winter 1996/97). P. 416–420; *Nichols T. M.* The Sacred Cause: Civil-Military Conflict over Soviet National Security, 1917–1992. Ithaca: Cornell University Press, 1993. P. 71–83; *Hansen J.* Correlation of Forces: Four Decades of Soviet Military Development. N. Y.: Praeger, 1987. P. 67.
43. Доклад Президиума ЦК КПСС Центральному комитету. Не позднее 14 октября 1964 г. (Источник. 1998. № 2. С. 112).
44. Журналы для служебного пользования «Военная мысль» копировались Пеньковским и передавались в ЦРУ. Они были рассекречены и изданы в июне 1992 г., в настоящее время с ними можно ознакомиться в Архиве национальной безопасности (NSArch).
45. *Military Strategy* / Ed. V. D. Sokolovskii. Translated by H. S. Dinerstein, L. Goure, Th. W. Wolfe. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1963. Интервью с генерал-майором Валентином Ларионовым (участвовавшим в написании книги «Военная стратегия»), 29 мая 1991 г.; *Ларионов В.* Тяжкий путь познания (Из истории ядерной страте-

- гии). Неопубликованная рукопись. С. 9–10 (используется с разрешения Валентина Ларионова).
46. О том, что стояло за длительной враждой Мао Цзэдуна и Хрущева см.: *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 210–235; *Chen Jian.* Mao's China and the Cold War. P. 64–67; *Taubman W.* Khrushchev. P. 336–342, 389–395, 470–471. О сотрудничестве в области создания атомного оружия см.: *Харитон Ю., Смирнов Ю.* Откуда взялось и было ли нам необходимо ядерное оружие // Известия. 1994. 21 июля. С. 5; *Негин Е. А., Смирнов Ю. Н.* Указ. соч. С. 303–317.
47. *Khrushchev N.* Khrushchev Remembers. P. 467–468; Khrushchev Remembers. P. 147–150; Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 326–327.
48. *Li Zhisui.* The Private Life of Chairman Mao: The Memoirs of Mao's Personal Physician. N. Y.: Random House, 1994. P. 270–271; ЦК КПСС — ЦК КПК. Письмо от 27 сентября 1958 г. // CWIHP Bulletin. № 6–7 (Winter 1995/96). P. 219, 226–227; *Zubok V. M.* The Khrushchev-Mao Conversations, 31 July–3 August 1958 and 2 October 1959 // CWIHP Bulletin, № 12–13 (Fall/Winter 2001). P. 243–272.
49. *Негин Е. А., Смирнов Ю. Н.* Указ. соч. С. 311–312; *Trojanovsky O. A.* Making of Soviet Foreign Policy. P. 229.
50. *Taubman W.* Khrushchev. P. 393–395.
51. О спекуляциях по поводу того, что могло произойти в Кремле в марте — апреле 1960, см.: *Гриневский О.* Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 154–164. Никаких документов, подтверждающих эти домыслы, не обнаружено; *Taubman W.* Khrushchev. P. 454–455.
52. О подробностях инцидента с У-2 и действиях Хрущева в 1960 г. см.: *Zubok V. M., Pleshakov C.* Op. cit. P. 202–209; *Taubman W.* Khrushchev. P. 442–479; *Израэлян В. Л.* Указ. соч. С. 76.
53. *Давидсон А., Мазов С., Цыпкин Г.* СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. М., 2002. С. 99; *Мирский Г. И.* Полвека в мире востоковедения // Восток. 1996. № 6. С. 130.
54. *Taubman W.* Khrushchev. P. 474–477; Хрущев — Президиуму ЦК. 10 октября 1960 г. (Источник. 2003. № 6. С. 116–117).
55. Более подробно см. в книге: *Taubman W.* Khrushchev. P. 491, 495; *Dobrynin A.* Op. cit. P. 44.
56. Протокол № 331 заседания Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1961 г., а также: Высказывания Н. С. Хрущева в ходе заседания Президиума ЦК КПСС об обмене мнениями к встречам Хрущева Н. С. с Кеннеди в Вене. 26 мая 1961 г. (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 498–499, 502–503).

57. Корниенко Г. М. Упущенная возможность. Встреча Н. С. Хрущева и Д. Кеннеди в Вене в 1961 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 102–103.
58. Beschloss M. Op. cit. P. 330.
59. О донесениях советской разведки в связи с разработкой в США планов нанесения упреждающего ядерного удара по СССР, в частности о донесении 29 июня 1960 г., см.: Фурсенко А. А. Необычная судьба разведчика Г. Н. Большакова // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 94–95; Совещание первых секретарей ЦК. 3–5 августа 1961 г. (перевод выборочных мест) // CWIHP Bulletin. 1993. № 3. P. 60.
60. Harrison H. Op. cit. P. 116, 164, 195; Tismaneanu V. Stalinism for All Seasons: A Political History of Romanian Communism. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 144, 163, 167, 177–181. 18 июля 1961 г. Пеньковский сообщил сотрудникам ЦРУ, что если «принять в расчет сегодняшнее положение, то советская армия не готова вести какую-либо масштабную войну». Отчеты Пеньковского от 18–19 июля 1961 г., 14, NSArch; Schecter J. L., Deriabin P. S. The Spy Who Saved the World: How a Soviet Colonel Changed the Course of the Cold War. N. Y.: Scribner's, 1992. P. 205–213.
61. Zubok V. Inside the Covert Cold War. P. 26–27.
62. О принятии такого решения можно заключить из документа, который цитируется в статье генерал-майора в отставке Вадима Макаревского: Макаревский В. И. О премьере Н. С. Хрущеве, маршале Г. К. Жукове и генерале И. А. Плиеве // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 8–9. С. 193; Andrei Sakharov: Facets of a Life / Ed. Lebedev. P. 602–603; Adamsky V. B., Smirnov Y. N. Soviet 50–Megaton Test in 1961 // CWIHP Bulletin, № 4 (Fall 1994). P. 3, 19–20.
63. Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М., 2006. С. 248–249, 252–253; Fursenko A., Naftali T. Op. cit. P. 372–375; Harrison H. Op. cit. P. 178–186; Заметки Хрущева по германскому вопросу. 11 декабря 1961 г. (Источник. 2003. № 6. С. 123–127).
64. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. М., 1992. С. 573.
65. О противостоянии у КПП «Чарли» см.: Troyanovsky O. A. Making of Soviet Foreign Policy. P. 233; а также объяснения Хрущева на Президиуме 8 января 1961 г. (Президиум ЦК КПСС). Т. 1. С. 546; Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы. С. 243–244; Fursenko A., Naftali T. Op. cit. P. 403–404. Есть также мнение, что ситуация могла легко выйти из-под контроля, см.: Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999. С. 88–89; Falin V. Politische Erinnerungen. Munich: Dromer Knauer,

1993. S. 345–346; *Garthoff R.* Berlin 1961: The Record Corrected // Foreign Policy 84 (Fall 1991).
66. Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС по вопросу о позиции правительства СССР на дальнейших переговорах с правительствами США, Англии и Франции по германскому вопросу. 8 января 1962 г. (Президиум ЦК КПСС . Т. 1. С. 545, 547).
67. *Naftali T.* NATO, the Warsaw Pact, and the Rise of Détente, 1965–1972 // Talk at international conference «NATO, the Warsaw Pact, and Détente, 1965–73». Dobbiaco, Italy, September 26–28, 2002; кроме того, см. комментарии Нафтали. URL: <http://www.cia.gov/csi/books/watchingthebear/article06.html>
68. Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 536–537; *Sakharov A.* Sakharov Speaks. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1974. P. 33.
69. Дискуссия о том, насколько серьезной была угроза третьей мировой войны, продолжается. Например, см.: *Kramer M.* Tactical Nuclear Weapons, Soviet Command Authority, and the Cuban Missile Crisis // CWIHP Bulletin, № 3. Fall 1993; *Blight J. G., Allyn B. J., Welch D. A.* Kramer vs. Kramer // CWIHP Bulletin, № 3 (Fall 1993). P. 40, 41, 42–46, 47–50; *Lebow R. N., Stein J. G.* We All Lost the Cold War. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994. P. 94–109.
70. *Ulam A.* Op. cit. P. 668–672.
71. *Blight J. G., Allyn B. J., Welch D. A.* Cuba on the Brink: Castro, the Missile Crisis, and the Soviet Collapse. N. Y.: Pantheon Books, 1993. P. 348.
72. *Fursenko A., Naftali T.* «One Hell of a Gamble»: Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964. N. Y.: W. W. Norton, 1997. P. 170–171, 182–183; *Taubman W.* Khrushchev. P. 406, 414, 531–532.
73. См. документальные свидетельства из американских архивов о секретных планах США высадиться на Кубу с целью свержения кубинского руководства: *Hershberg J. G.* Before «The Missiles of October»: Did Kennedy Plan a Military Strike against Cuba? // The Cuban Missile Crisis Revisited / Ed. J. A. Nathan. N. Y.: St. Martin's, 1992.
74. Когда весной 1963 г., уже после Карибского кризиса, Фидель Кастро приехал в СССР, его повсюду встречали многолюдные восторженные толпы советских граждан, приветствовавшие кубинского лидера. Кастро лично убедился, «насколько глубоко советские люди прониклись идеей Кубинской революции. Мы просто представить себе не могли, что бы тут началось, если б советские люди узнали о вторжении американцев на Кубу и как бы они [советские руководители] сдержали эту огромную волну возмущения, взрывоопасную и неконтролируемую». (*Blight J. G., Brenner Ph.* Sad

- and Luminous Days: Cuba's Struggle with the Superpowers after the Missile Crisis. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2002. P. 63.)
75. Там же. P. 38; *Fursenko A., Naftali T.* One Hell of a Gamble. P. 167–170.
  76. Фурсенко и Нафтали приходят к выводу, что на принятие Хрущевым решения повлияли не только разведанные о деятельности США против Кубы, но и неправильно истолкованные им политические сигналы из Белого дома. *Fursenko A., Naftali T.* One Hell of a Gamble. P. 152–153, 156–160, 176–177.
  77. Выдержки из протокола заседания Особой группы по подготовке операции «Мангуст» от 4 октября 1962 г. с участием Роберта Кеннеди, Линдона Джонсона, Розвелла Гилпатрика, генерала Максвелла Тэйлора, генерала Лансдэйла, главы ЦРУ Маккоуна и др., а также запись о встрече директора ЦРУ Маккоуна с президентом США 23 августа 1962 г. см.: Primary Source Documents for an International Conference «The Cuban Missile Crisis: A Political Perspective after 40 Years» / Ed. Th. Blanton, P. Kornbluh, S. Savranskaya, M. Byrne. Palacio de Convenciones, La Habana, Cuba, October 11–13, 2002. Unpublished.
  78. *Trojanovsky O. A.* Making of Soviet Foreign Policy. P. 234. В советских источниках приводятся весьма различные данные о балансе стратегических сил двух стран. Один из авторов утверждает, что осенью 1962 г. с территории СССР могли достичь США 48 МБР. Фурсенко приводит число 20. Количество МБР в США к тому времени достигло как минимум 93. Кроме того, американские ракеты и бомбардировщики среднего радиуса действия размещались на военных базах в Западной Европе и Азии. См.: *Леутин А. П.* В погоне за паритетом (Из истории американско-советской гонки ядерных вооружений) // Советское общество: будни холодной войны. Материалы круглого стола / Под ред. Лельчука В. С., Сагателяна Г. Ш. М.; Арзамас, 2000. С. 91; *Fursenko A., Naftali T.* Khrushchev's Cold War. P. 429–431; *Фурсенко А. А.* Россия и международные кризисы. С. 338. Независимый американский научный центр Совет по защите природных ресурсов (NRDC), утверждает, что в 1962 г. СССР обладал 36 МБР и 72 баллистическими ракетами на атомных подлодках. У США было 203 МБР и 144 ракеты, установленные на подводных лодках. В распоряжении Стратегического авиакомандования ВВС США находилось 1306 бомбардировщиков дальнего действия, тогда как на вооружении СССР их было всего лишь 138. URL: <http://www.nrdc.org/nuclear/nudf/datainx.asp/>
  79. *Fursenko A., Naftali T.* One Hell of a Gamble. P. 179–180.
  80. Протокол № 32 заседания Президиума от 21 мая 1963 г. (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 556); *Garthoff R.* Reflections on the Cuban

- Missile Crisis. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1987. P. 12–17; *Hansen J.* Soviet Deception in the Cuban Missile Crisis // *Studies of Intelligence* 46, № 1 (2002).
81. *Uhl M., Ivkin V. I.* Op. cit. P. 299–304.
82. Об этом Рауль Кастро вспоминал 23 января 1968 г. на пленуме ЦК компартии Кубы. См.: *Blight J. G., Brenner Ph.* Op. cit. P. 43.
83. *Fursenko A., Naftali T.* One Hell of a Gamble. P. 191–192; Из беседы автора с генералом Николаем Леоновым во время Кубинской конференции в Гаване 12 октября 2002 г.
84. Докладная записка Родиона Малиновского и Матвея Захарова на имя Хрущева от 24 июня 1962 г. Дислокация советских вооруженных сил на Кубе (Volkogonov Collection. LC // *CWHP Bulletin* № 11 (Winter 1998). P. 254–256).
85. *Каманин Н. П.* Скрытый космос. Т. 1. М., 1997. С. 174–175.
86. Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. М., 1993. С. 229–256, цит. в ст.: *Адамский В. Б. и Смирнов Ю. Н.* Моральная ответственность ученых и политических лидеров в ядерную эпоху // *Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы)*. Труды международного симпозиума ИСАП-96, Дубна, 14–18 мая 1996 г. М., 1997. С. 335–337.
87. *Сахаров А. Д.* Указ. соч. С. 294; *Адамский В. Б. и Смирнов Ю. Н.* Указ. соч. С. 334–335.
88. *Fursenko A., Naftali T.* One Hell of a Gamble. P. 195, 232; *Taubman W. Khrushchev.* P. 553–556.
89. Протокол № 60 заседания Президиума от 22 октября 1962 г. // Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 617; *Фурсенко А. А.* Россия и международные кризисы. С. 358–359; *Fursenko A., Naftali T. Khrushchev's Cold War.* P. 467–474.
90. Данная информация неоднократно подтверждалась генералом Анатолием Грибковым, являвшимся представителем министра обороны СССР на Кубе до начала и в период Карибского кризиса. Например, см.: Материалы Кубинской конференции, 11–13 октября 2002 г., Гавана, а также беседа автора с Грибковым во время этой конференции, 12 октября 2002 г.; *Gribkov A., Smith W.* Operation Anadyr: U. S. and Soviet Generals Recount the Cuban Missile Crisis. Chicago: Edition q, 1994. P. 183.
91. Воспоминания капитана 1-го ранга Рюрика Кетова в кн. Н. А. Черкашина «Повседневная жизнь российских подводников» (М., 2000. С. 143, 146); а также см.: Мозговой А. Ф. Кубинская самба квартета «фокстротов». Советские подводные лодки в Карибском кризисе 1962 года. М., 2002.
92. Телеграмма Добрынина в МИД СССР от 24 октября 1962 г. // *Primary Source Documents* / Ed. Blanton et al; Протокол № 61

- заседания Президиума от 25 октября 1962 г. (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 621–622).
93. Letter from chairman Khrushchev to President Kennedy. FRUS, 1961–1963. Vol. 6. P. 178–181; *Fursenko A., Naftali T.* One Hell of a Gamble. P. 275–277; *Исраэлян В. Л.* Указ. соч. С. 81–82.
94. Все, что говорилось Добрыниным и другими участниками этой встречи, см.: *Hershberg J. G.* Anatomy of a Controversy: Anatoly F. Dobrynin's Meeting with Robert F. Kennedy, Saturday, 27 October 1962 // *CWHP Bulletin*, № 5 (Spring 1995). P. 75, 77–80.
95. *Blight J. G., Allyn B. J., Welch D. A.* Cuba on the Brink. P. 361–365; Khrushchev Remembers. P. 177; текст телеграмм, которыми обменивались Хрущев с Кастро, опубликован в кн.: *Blight J. G., Allyn B. J., Welch D. A.* Cuba on the Brink. P. 481–491.
96. Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 569; Тростник — Павлову. 27 октября 1962 г. Рассекреченная телеграмма (АП РФ // *Primary Source Documents* / Ed. Blanton et al).
97. *Трояновский О. А.* Карибский кризис — взгляд из Кремля // *Международная жизнь*. 1992. № 3–4. С. 147–157; интервью Трояновского автору. Вашингтон, 2 марта 1993 г. О гневной реакции Кастро и кубинцев см.: *Blight J. G., Brenner Ph.* Op. cit. P. 49–56.
98. Тростник — товарищу Павлову. Телеграмма от 20 ноября 1962 г. Рассекречена (АП РФ // *Primary Source Documents* / Ed. Blanton et al).
99. Записи бесед между делегациями Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) и Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Кремль, 30 октября 1962 г. (Центральный государственный архив, Архив ЦК компартии Чехословакии (г. Прага). Antonin Novotny, Kuba. Vox 193). Документ предоставлен чешским историком Олдричем Тумой и переведен Линдой Ма-сталир (*Primary Source Documents*).
100. *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 606.
101. См. дискуссию на эту тему, предложенную Томасом Блантоном: *Blanton T. S.* Cuban Missile Crisis: 40 Years Later // *Washington Post*. October 16, 2002; также см.: *Sagan S.* The Limits of Safety: Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1993.
102. *Trojanovsky O. A.* Making of Soviet Foreign Policy. P. 238–239.
103. *Шелест П. Е.* Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 161.
104. Президиум ЦК КПСС. Т. 2. С. 569; *Fursenko A., Naftali T.* Khrushchev's Cold War. P. 470.
105. *Исраэлян В. Л.* Указ. соч. С. 82–83; *Fursenko A., Naftali T.* One Hell of a Gamble. P. 301–302, 307–308.

106. Автор обобщил выступления участников конференции «Карибский кризис 1962 года», проходившей 27–29 сентября 1994 г. в Москве, а также мнения ветеранов тех событий с советской стороны, которые они высказывали в частных беседах.
107. *Taubman W.* Khrushchev. P. 579; Воспоминания Ф. Кастро о поездке в СССР см.: *Blight J. G., Brenner Ph.* Op. cit. P. 63–65; заметки автора, сделанные во время Кубинской конференции 11–13 октября 2002 г., на которой Кастро еще раз рассказал о чувствах, которые он тогда испытывал.
108. *Sakharov A.* Memoirs. P. 204; о том, как Курчатов «просвещал» советское руководство, см.: *Smirnov Y., Zubok V.* Nuclear Weapons after Stalin's Death: Moscow Enters the H-Bomb Age // *CWIHP Bulletin*, № 4 (Fall 1994). С. 16; *Evangelista M.* Soviet Scientists and Nuclear Testing, 1954–1963 // Paper presented at the conference «The New Evidence on the Cold War». Moscow, January 12–15, 1993; *Wittner L. S.* Resisting the Bomb: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1954–1970. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997. P. 278–280.
109. О многочисленных переговорах на всевозможных уровнях и по различным каналам о моратории на ядерные испытания см.: *Bunn G.* Arms Control by Committee: Managing Negotiations with the Russians. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991. P. 26–35. В. Б. Адамский в книге «*Andrei Sakharov: Facets of a Life*» (Ed. P. N. Lebedev. P. 38–39); также см.: *Сахаров А. Д.* Указ. соч. С. 307–308. О значении движения международного научного сообщества за запрещение ядерного оружия см.: *Evangelista M.* Soviet Scientists and Nuclear Testing.
110. Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС от 25 апреля 1963 г. (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 705, 706); *Хрущев С. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 458.
111. То, что Хрущев болезненно реагировал на критику со стороны китайских товарищей, признают все, кто был вхож в то время в коридоры ЦК. *Arbatov G.* The System: An Insider's Life in Soviet Politics. N. Y.: Times Books, 1992. P. 95; *Burlatsky F.* Khrushchev and the First Russian Spring: The Era of Khrushchev Through the Eyes of His Advisor. L.: Weidenfield and Nicolson, 1991. P. 185–186.
112. *Хрущев Н. С.* Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза. Доклад на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 г. // *Current Digest of the Soviet Press*. Vol. 14. № 52 (January 23, 1963). P. 3; Протокол № 107 заседания Президиума от 23 июля 1963 г. // Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 734; также см.: *Mastny V.* Documentation on the PPC of Warsaw Treaty Organization in Moscow, July 26, 1963; *Bunn G.* Op.

- cit. P. 37. О китайской ядерной программе см.: *Lewis J., Litai Xue. China Builds a Bomb. Stanford University Press, 1988.*
113. *Seaborg G. T., Loeb B. S. Kennedy, Khrushchev, and the Test Ban. Berkeley: University of California Press, 1981. P. 239; Ф. Колер — Государственному департаменту США. Москва, 18 и 19 июля 1963 г.: FRUS. 1961–1963. Vol. 7. P. 808, 814; Burr W., Richelson J. T. A Chinese Puzzle // Bulletin of Atomic Scientists 53, № 4 (July – August 1997); Zubok V. M. «Look What Chaos in the Beautiful Socialist Camp!» P. 152–162.*
114. *Selva D. The Warsaw Pact and Nuclear Nonproliferation, 1963–1965 // CWINP working paper № 33. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 2001. P. 10.*
115. О докладе Малиновского см. в дневнике Каманина, запись от 8 февраля 1963 г.: *Каманин Н. П. Указ. соч. С. 220; о «восстановлении» более традиционной для СССР военной политики и доктрины после «революционного» хрущевского курса см.: Nichols T. M. Op. cit. P. 84–86.*

Глава 6

1. В отсутствии каких-либо рефлексий о Карибском кризисе в те дни можно убедиться, читая дневники представителей интеллигенции. См.: *Нагибин Ю. Дневник. М., 1996. С. 151–159; Самойлов Д. Поденные записи. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 306–318; Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М., 1997. С. 531–567.*
2. *Caute D. Op. cit. P. 1.*
3. Об изменениях в общественном сознании американцев, их чаяниях и надеждах см.: *Whitfield S. The Culture of the Cold War. Baltimore: John Hopkins University Press, 1991; Hixson W. L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961. N. Y.: St. Martin's, 1997; Major P., Mitter R. East Is East and West Is West? Toward a Comparative Socio-Cultural History of the Cold War // Cold War History 1 (October 2003). P. 1–22; May E. T. Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. N. Y.: Basic Books, 1988; Farber D. The Age of Great Dreams: America in the 1960s. N. Y.: Hill and Wang, 1994; Dudziak M. Cold War Civil Rights: Race and the Image of American Democracy. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2000.*
4. *Волков С. В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999. С. 30–31, 126–127.*
5. *Zubkova E. Russia after the War. P. 175.*
6. См.: *Bushnell J. The «New Soviet Man» Turns Pessimist // The Soviet Union Since Stalin / Ed. S. F. Cohen, A. Rabinowitch, R. Sharlet. Bloomington: Indiana University Press, 1980. P. 179–185.*

7. Рассуждение на тему превращения советского общества из «тоталитарного» в «посттоталитарное» в сжатом виде можно найти в кн.: *Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
8. *Cohen S. F. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917*. N. Y.: Oxford University Press, 1985. P. 128–134; *Zaslavsky V. The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society*. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1982; *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1998; *English R. D.* Op. cit. N. Y.: Columbia University Press, 2000. О сторонниках жесткой линии в СССР см.: *Dunlop J. B. New Russian Revolutionaries*. Belmont, Mass.: Nordland, 1976; *Yanov A. The Russian New Right*. Berkeley: University of California Press, 1978; *Laqueur W. The Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. N. Y.: HarperCollins, 1993.
9. *Suri J. Power and Protest: Global Revolution and the Rise of Détente*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.
10. *Brandenberger D.* Op. cit. P. 224–225. Я предпочитаю подчеркивать «имперскую», а не «национальную» составляющую сталинской идеологии и массовой культуры.
11. *Pollock E. Conversations with Stalin on Questions of Political Economy* // CWIHP working paper № 33. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2001; *Илизаров Б. С.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3–4.
12. *Зезина М. Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. М., 1999. С. 97; *Панерный В.* Культура два. М., 1996; *Громов Е. С.* Сталин. Власть и искусство. М., 1998.
13. *Dobrenko E. The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2001; *Громов Е. С.* Указ. соч. С. 149.
14. Автограф Курчатова из архива Института им. Курчатова см.: *Смирнов Ю.* Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 128–129; Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было. Н. Новгород; Арзамас-16, 1995; Создание первой советской ядерной бомбы / Под ред. В. Н. Михайлова, А. М. Петросьянца. М., 1995.
15. *Kostyrchenko G. V.* Op. cit.; *Костырченко Г. В.* Указ. соч. Костырченко отрицает существование у Сталина каких-либо планов по депортации евреев; другие авторы, ссылаясь на косвенные источники, тем не менее считают, что подобный план существовал. См.: *Костырченко Г.* Депортация-мистификация // Лехаим. 2002. Сент. Противоположный взгляд на ту же проблему см.: *Таубкин Д., Лясс Ф.* О статье Костырченко «Прощание с мифом сталинской эпохи» // Заметки по еврейской истории. 2002. № 22. URL: <http://>

- www.berkovich-zametki.com. О последствиях сталинской анти-семитской кампании в долгосрочном плане см.: *Slezkine Y. Jewish Century*. Р. 310–311, 335–337.
16. *Эймонтова Р. Г.* Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева (25 мая 1949 г. и 26 марта 1954 г.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 152, 164; № 4. С. 122.
  17. Дневник коммуны 33. 9 июля 1960 г. ЦАДКМ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1. Тетр. 1959–1961. Л. 19–220 (коллективный дневник группы образованных русских людей, жаждавших реформ); *Taubman W. Khrushchev*. Р. 306–310, 384; *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. 1989. № 7–9. С. 135–140; Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964 гг. Документы / Сост. Афанасьева Е. С., Афиани В. Ю., Величанская Л. А. и др. М., 1998. С. 7 (предисловие Карла Аймермахера).
  18. *Зезина М. Р.* Указ. соч. С. 131.
  19. См.: *Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era*. L.: I. B. Tauris, 1990.
  20. *Spechler D. R.* Permitted Dissent in the USSR: «Novy Mir» and the Soviet Regime. N. Y.: Praeger, 1982; *Frankel E. R.* «Novy Mir»: A Case Study in the Politics of Literature, 1952–1958. N. Y.: Cambridge University Press, 1981; *Woll J.* Real Images: Soviet Cinema and the Thaw. N. Y.: I. B. Tauris, 2000; *Faraday G.* Revolt of the Filmmakers: The Struggle for Artistic Autonomy and the Fall of the Soviet Film Industry. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.
  21. Эта публикация вызвала настоящий кризис в Итальянской коммунистической партии. О реакции итальянских коммунистов во время их встречи с Хрущевым в Москве см.: *Relazione della delegazione Pajetta, Negarville, Pellegrino ad Direzione del Partito*. July 18, 1956: архив Итальянской коммунистической партии. Fondazione Gramsci. Рим. Италия.
  22. Стенограмма закрытого партсобрания московских писателей, издательства «Советский писатель», Литфонда СССР и правления СП СССР от 29 марта 1956 г. (ЦАОДМ. Ф. 8132. Оп. 1. Д. 5. Л. 106–198; Д. 6. Л. 1–138); *Taubman W. Khrushchev*. Р. 283.
  23. *Эймонтова Р. Г.* Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 4. С. 166.
  24. *Кузовкин Г.* Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М., 1996. С. 100–124.
  25. *Таранов Е.* «Раскачаем Ленинские горы!»: из истории «вольнодумства» в Московском университете (1955–1956) // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 99–101.

26. *Иофе В. В.* Политическая оппозиция в Ленинграде 50–60-х // Звезда. 1997. № 7 (июль). С. 212–215; *Иофе В. В.* Новые этюды об оптимизме. Сборник статей и выступлений. СПб., 1998. С. 98–99; *Трофименко М.* «Маленький Будапешт» на площади Искусств: Эрмитаж, Пикассо, 1956... // Смена. 1990. 26 янв.
27. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 13–15, 67–68; *Bukovsky V.* To Build a Castle: My Life as a Dissenter. N. Y.: Viking Press, 1977. P. 109.
28. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 236. Это письмо было адресовано писателю Юрию Збанацкому, который направил его в ЦК КПСС 2 января 1957 г.
29. *Трояновский В.* Человек «оттепели» // Кинематограф «оттепели». Документы и свидетельства / Сост. В. И. Фомин. М., 1998. С. 31; *Woll J.* Op. cit. P. 41.
30. Russia under Khrushchev: An Anthology from Problems of Communism / Ed. A. Brumberg. N. Y.: Praeger, 1962. P. 428; из интервью автора с Владленом Кривошеевым, работавшим в начале 1960-х гг. корреспондентом газеты «Известия» (Москва. 19 мая 1999 г.).
31. *Орлова Р.* Воспоминания о непрошедшем времени. Анн-Арбор, 1983. С. 227; цитируется в книге М. Р. Зезина «Советская художественная интеллигенция и власть» (С. 170).
32. Интервью Марата Чешкова (Вопросы истории. 1994. № 4 (апрель). С. 118–119); Интервью Т. Косиновой с Маратом Чешковым. 28 сентября 1992 г. Коллекция материалов по устной истории. АОМ. Москва и Санкт-Петербург.
33. *Бовин А. Е.* XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 54–55.
34. Заседание Политбюро КПСС. 12 июля 1984 г. // *CWIPR Bulletin*. № 4 (Fall 1994). P. 81.
35. *Григоренко П. Г.* Указ. соч. С. 312–315.
36. См.: Стенографический отчет о собрании редколлегии «Литературной газеты» от 18 октября 1956 г. (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Д. 1271); *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 144–145; *Kulavig E.* Evidence of Public Dissent in the Khrushchev Years // *Soviet Civilization between Past and Present* / Ed. M. Bryld, E. Kulavig. Viborg, Denmark: Odense University Press, 1998. P. 85–86.
37. Борис Пустынцев в ст. Татьяны Косиновой «События 1956 г. в Польше глазами советских диссидентов» (Корни травы. С. 194).
38. Литературная газета. 1956. 22 и 24 нояб.
39. Официальные доклады в ЦК КПСС см.: Студенческое брожение в СССР (конец 1956) // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 2–23.
40. *Зезина М. Р.* Шоковая терапия: от 1953 к 1956 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 133.
41. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 39. Д. 12. Л. 23, 28, 61–66, 67, 161–217.

42. Борис Пастернак и власть. 1956–1972 гг. Документы / Под ред. В. Ю. Афиани и Н. Г. Томилиной. М., 2001; *Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернак. Жизнь Бориса Пастернака: Документальное повествование.* СПб., 2004. С. 436–484.
43. Доклад Министерства внутренних дел СССР от 13 мая 1958 г. (ГАРФ. Ф. 9041. Д. 498. Л. 37–38).
44. *Garthoff R. A Journey through the Cold War: A Memoir of Containment and Coexistence.* Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 2001. P. 30–31.
45. О том, как менялись форма и содержание наглядной агитации и кинопропаганды, см.: *Kenez P. Cinema and Soviet Society from the Revolution to the Death of Stalin.* N. Y.: I. B. Tauris, 2001.
46. *Brodsky J. Spoils of War // On Grief and Reason: Essays.* N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1995. P. 3–21.
47. *Aksenov V. In Search of Melancholy Baby.* N. Y.: Random House, 1987.
48. *Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation.* Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2006. P. 170–175; *Garthoff R. Journey through the Cold War.* P. 32.
49. *Brodsky J. Spoils of War // On Grief and Reason: Essays.* N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1995. P. 13–14.
50. Л. Ильичев, А. Романов, Г. Казаков — в ЦК КПСС, от 6 августа 1958 г. О глушении иностранных радиостанций (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 75. Л. 165–167).
51. *Starr S. F. Red and Hot: The Fate of Jazz in the USSR, 1917–1980.* Oxford: Oxford University Press, 1983; *Caute D.* Op. cit. P. 441–461; *Козлов А. Козел на саксе.* М., 1998. С. 76–96.
52. Стенограммы заседаний организационного комитета фестиваля (ЦХДМО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 11. Л. 18).
53. Не совсем ясно, в какой степени Хрущев принимал личное участие в подготовке фестиваля. См.: *Аджубей А. И.* Указ. соч. С. 186.
54. О подготовке к фестивалю и праздничных мероприятиях см.: ЦХДМО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 136, а также ежедневные рапорты комсомольских активистов и сотрудников МВД о фестивале (ЦХДМО. Ф. 4. Оп. 104. Д. 31; ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 491). В доступе к донесениям сотрудников КГБ о фестивале, хранящимся в ЦХДМО, автору было отказано.
55. *Козлов А.* Указ. соч. С. 102.
56. Там же. С. 100–101.
57. *Bukovsky V.* Op. cit. P. 139; интервью с Майей Туровской. 25 июня 2000 г. Москва.
58. Краткий отчет о переговорах с партийно-правительственной делегацией ГДР 9 июня 1959 г. (АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 4. Пап. 31. Д. 33).

- Л. 86–87). Переведен и опубликован Х. Гаррисон, см.: *CWHP Bulletin*, № 11 (Winter 1998). P. 212.
59. Gorbachev Mikhail and Zdenek Mlynar. *Conversations with Gorbachev*. Introduction by Archie Brown. N. Y.: Columbia University Press, 2001.
60. *Russia in the Era of Nep: Explorations in Soviet Society and Culture* / ed. Sh. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991; *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2000; *Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Boston: Massachusetts Institute of Technology Press, 2002; *Эймонтова Р. Г.* Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // *Отечественная история*. 1999. № 5. С. 169; *Аджубей А. И.* Указ. соч. С. 130–134.
61. Литературная газета. 1957. 28 февр.; 23 марта.
62. Более подробно об этой полемике см.: *Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М., 2003.
63. О природе этого явления см.: *Shirayev E., Zubok V.* Anti-Americanism in Russia: From Stalin to Putin. N. Y.: Palgrave, 2000. С. 7–24.
64. *Барсуков Н.* Коммунистические иллюзии Хрущева: о разработке третьей программы партии; *Он же.* Мысли вслух: замечания Н. С. Хрущева на проект третьей программы КПСС. Цит. в кн.: *Taubman W.* Khrushchev. P. 509–511.
65. *Аджубей А. И.* Указ. соч. С. 135–136.
66. Комсомольская правда. 1960. 19 мая; воспоминания Бориса Грушина см.: *Батыгин Г. С., Ярмольник Ц. Ф.* Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 208–209.
67. *Woll J.* Op. cit. P. 84–86.
68. *Зиновьев А. А.* Указ. соч. С. 327–330.
69. Интервью Элигиуша Лясоты, 3 ноября 1992 г. Коллекция материалов по устной истории. АОМ. Москва.
70. Интервью Т. Косиновой с Маратом Чешковым. Москва, 21 сентября 1992 г. Коллекция материалов по устной истории. АОМ. Москва и Санкт-Петербург.
71. *Батыгин Г. С., Ярмольник Ц. Ф.* Указ. соч. С. 48.
72. *Черняев А. С.* Указ. соч. С. 238.
73. Об атмосфере того времени см.: *Вайль П., Генис А.* Указ. соч. С. 12–18.
74. *Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001. С. 29.
75. *English R. D.* Op. cit. P. 72; Грушин в кн.: *Батыгин Г. С., Ярмольник Ц. Ф.* Указ. соч. С. 211–213. Большинство членов «пражской группы» впоследствии стали ответственными партийными и со-

- ветскими работниками, но некоторые из них, в том числе Борис Грушин, Нелли Мотрошилова, Мераб Мамардашвили, Эдвард Араб-оглы и Юрий Замошкин, — виднейшими социологами и философами.
76. Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 103, 263.
  77. Симонов Н. С. Указ. соч. С. 273–276; Владимиров Л. В. Россия без прикрас и умолчаний. Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 124–125.
  78. *Krementsov N.* Stalinist Science. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1997. P. 8–9; *Gerovitch S.* Op. cit. P. 3, 299.
  79. Негин Е. А., Смирнов Ю. Н. Указ. соч. С. 303–304.
  80. СССР и Африка. С. 198, 251.
  81. Стенограмма выступления секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова о его поездке на Кубу от 25 января 1961 г. (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 782. Л. 38–39).
  82. Леонов Н. С. Лихолетье. М., 1995. С. 52.
  83. ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 782. Л. 51–52.
  84. Кончаловский А. С. Низкие истины. М., 1998. С. 115.
  85. ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 824. Л. 172.
  86. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 155–168; Грачев А. С. Горбачев. С. 56.
  87. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 416. Л. 9–11. Перевод и комментарий автора // *SWINP Bulletin*. № 8–9 (Winter 1996–1997). P. 416–420.
  88. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 456. Л. 66.
  89. *Friedberg M.* A Decade of Euphoria: Western Literature in Post-Stalin Russia, 1954–1964. Bloomington: Indiana University Press, 1977. P. 306–310; *Wittner L. S.* Resisting the Bomb. P. 282.
  90. *Woll J.* Op. cit. P. 39–41, 72–74, 80–81, 88–91, 96–98, 118–122, 139–141.
  91. *Wittner L. S.* Resisting the Bomb. P. 282; Интервью Вознесенского французскому журналу *Candide*: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 46. Л. 33; Дедков И. Как трудно даются иные дни. Из дневниковых записей 1953–1974 гг. // Новый мир. 1996. № 4. С. 184; Адамович А. Пацифизм шестидесятников // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественной мысли России / Под ред. Т. А. Павловой. М., 1997. С. 323.
  92. *Wittner L. S.* Resisting the Bomb. P. 23–25, 105–106; Сахаров А. Д. Указ. соч. С. 257–258; *Sakharov A.* Sakharov Speaks. P. 31.
  93. *Galay N.* Soviet Youth and the Army // *Bulletin of the Institute for the Study of the USSR* (Munich) (February 1963). P. 17–20.
  94. Солдатенков П. Владимир Высоцкий. М., 1999. С. 56.
  95. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. М., 1990.

96. Более подробно на эту тему см.: *Martin T. D.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2001. P. 1–27, 432–461.
97. *Slezkine Y.* Jewish Century. P. 310–311, 335–337.
98. *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. Ч. 2. М., 2002. С. 411–431.
99. *Самойлов Д.* Указ. соч. Т. 1. С. 268.
100. На эту тему см.: *Slezkine Y.* Jewish Century. P. 335–336, 338–345; *Агурский М.* Пепел Клааса. Разрыв. Иерусалим, 1996. С. 27.
101. Стенограмма выступления Михаила Ромма (приложена к переписке Ильичева) (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 51. Л. 24, 30).
102. *Липкин С.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Анна Берзер. Прощание. М., 1990. С. 60–61, 94–95; *Вайль П., Генис А.* Указ. соч. С. 299–301.
103. «В 1956 я негодовал на Израиль за то, что он расколол мировое общественное мнение в дни будапештского кризиса», — вспоминал Григорий Померанц (Указ. соч. С. 321).
104. Воспоминания Арсения Березина, в то время молодого ленинградского ученого-физика, принимавшего участие в фестивале; Интервью автору 15 ноября 2000 г. г. Александрия, шт. Вирджиния.
105. ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 104. Д. 31. Л. 8–9, 67, 81, 110.
106. *Brudny I.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. P. 36–56, прежде всего см. P. 36–37. Русскими националистами были Александр Солженицын, а также писатель Владимир Солоухин, художник Илья Глазунов, поэт Станислав Куняев и литературный критик Вадим Кожинов. См.: *Митрохин Н.* Русская партия. С. 204–211.
107. Об антагонизме между социалистами-интернационалистами и русскими националистами см.: *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. С. 436–448. О произраильских настроениях см.: *Морозов Б.* Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив, 1998.
108. *Эймонтова Р. Г.* Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева (3 марта 1961) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 76.
109. *Евтушенко Е.* Волчий паспорт. М., 1998. С. 280–281, 296–298.
110. Доклад КГБ Центральному комитету КПСС от 11 декабря 1965 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 462. Л. 250).
111. *Alexeyeva L., Goldberg P.* Op. cit. P. 117–138; *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 150–157; On Trial: the Soviet State versus «Abram Terz» and «Nikolai Arshak» / Ed. Max Hayward. N. Y.: Harper and Row, 1966.

1. Интересное обсуждение этого вопроса см.: *Westad O. A. The Fall of the Détente and the Turning Tides of History // The Fall of Détente: Soviet-American Relations during the Carter's Years / Ed. O. A. Westad. Oslo: Scandinavian University Press, 1997. P. 4–33.*
2. Специалисты по периоду разрядки, в основном дипломаты и политологи, называют целый ряд факторов, которые побудили СССР и США пойти на сближение. Многие считают, что наиболее существенную роль сыграл рост к концу 1960-х гг. ядерного стратегического арсенала СССР на фоне сильнейшего внутривластного кризиса в США. Кроме того, они отмечают, что советское вторжение в Чехословакию в 1968 г. и вооруженные столкновения на советско-китайской границе в 1969 г. обнажили глубину кризиса в коммунистическом мире. Аналитики указывают на растущие проблемы автаркической, замкнутой на внутренний рынок модели советского экономического развития и на рост потребности СССР в торгово-экономических связях с капиталистическими развитыми странами, на острую нужду в западных займах и технологиях. Наконец, многие полагают, что истоки разрядки следует искать в инициативах западных лидеров, таких как «трехсторонняя дипломатия» Ричарда Никсона и Генри Киссинджера в США и «восточная политика» Вилли Брандта и Эгона Бара в ФРГ. См.: *Hanhimäki J. The Flawed Architect: Henry Kissinger and American Foreign Policy. N. Y.: Oxford University Press, 2004; Isaacson W. Kissinger: A Biography. N. Y.: Simon and Schuster, 1992; Baring A. Machtwechsel: Die Ära Brandt-Scheel. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1982; Haftendorn H. Security and Détente: Conflicting Priorities in German Foreign Policy. N. Y.: Praeger, 1985; Nelson K. L. The Making of Détente: Soviet-American Relations in the Shadow of Vietnam. Baltimore: John Hopkins University Press, 1995.*
3. *Gelman H. The Brezhnev Politburo and the Decline of Détente. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1984; Anderson R. D. Jr. Public Politics in an Authoritarian State: Making Foreign Policy during the Brezhnev Years. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1993.*
4. Доклад Президиума ЦК КПСС Центральному комитету, не позднее 14 октября 1964 г. (Источник. 1998. № 2. С. 102–125, цит. на 113).
5. Там же. С. 113–114.
6. В личном блокноте Брежнева, подготовленного к заседанию Политбюро в октябре 1964 г., его рукой записано и подчеркнуто: «Доклад Полянского», а затем «О докладе тов. Суслова на Пленуме (раздать)». Речь шла о двух возможных вариантах обсуждения прегрешений Хрущева на главном форуме партийной элиты. В конце

- концов был выбран второй, более краткий вариант, и Суслов облек критику Хрущева в более общие тона, опустив целиком большой раздел о внешней политике и многое другое из доклада Полянского. *Волкогонов Д. А. Семь вождей: галерея лидеров СССР: в 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 83.*
7. В группу, которая смещала Хрущева, входили члены Политбюро Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Н. М. Шверник, В. В. Гришин, Л. Н. Ефремов, К. Т. Мазуров, В. П. Мжаванадзе, П. Е. Шелест и Ш. Р. Рашидов, а также секретари ЦК и руководители отделов ЦК Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, В. И. Поляков, Б. Н. Пономарев, Н. Г. Игнатов и А. Н. Шелепин. Из них лишь Андропов, Шелепин, Пономарев и в какой-то степени Суслов разбирались в международных делах.
  8. *Микоян А. И. Указ. соч. С. 619.*
  9. См. стенограммы встреч премьера Косыгина и президента Джонсона в Глассборо. FRUS, 1964–1968. Vol. 14. P. 514–556. О внешнеполитической деятельности Косыгина см. воспоминания Олега Трояновского, который был помощником Косыгина по международным вопросам в 1964–1966 гг.: *Трояновский О. А. Через годы и расстояния. С. 267, 269–274; Воронов А. На ниве внешней политики // Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Н. Косыгине. М., 1997. С. 57–63.*
  10. *Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 168.*
  11. Согласно дошедшим до нас обрывочным сведениям, в эту «группировку» входили глава КГБ Семичастный, Полянский, руководитель московской партийной организации Николай Егорычев и Николай Месяцев. В своих воспоминаниях Владимир Семичастный категорически отрицает, что подобная группировка существовала. *Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 375, 389–390.*
  12. О шелепинском взгляде как об «изоляционизме во вражеском окружении» см.: *English R. D. Op. cit. P. 120–122.*
  13. Материалы о встрече Сталина с авторами учебника по политэкономии социализма в апреле 1950 г. см.: РГАНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 41. Л. 20–25; цит. в статье: *Pollock E. Conversations with Stalin on Questions of Political Economy // CWINP working paper № 33. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2001. P. 182.* Подобные же мысли отражены в дневнике Владимира Семенова, см.: *Новая и новейшая история. 2004. № 4 (июль — август). С. 96–97.*
  14. *English R. D. Op. cit. P. 121–122; Zubok V. M., Pleshakov C. Op. cit. P. 177–179.*

15. О негативных последствиях неосталинистских проявлений и настроениях в кругах интеллигенции см.: *Alexeyeva L., Goldberg P.* Op. cit. P. 116–146; *Самойлов Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 15–16; *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя.* 2002. № 4. С. 165.
16. *Taubman W. Khrushchev.* P. 508–511; *English R. D.* Op. cit. P. 72–73, 122; *Arbatov G.* Op. cit. P. 85–86; *Арбатов Г. А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985). Свидетельство современника. М., 1991. С. 45; *Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. М., 1990. С. 257; *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 144–147.
17. *Arbatov G.* Op. cit. P. 115.
18. *Gaiduk I. V.* Op. cit. P. 203–204, 207.
19. *Gaiduk I. V.* The Soviet Union and the Vietnam War. Chicago: Ivan R. Dee, 1996. P. 8–9, 17–21, 28–30, 37–38, 40, 54–55, 58. Гайдук считает, что снятие Хрущева всего лишь ускорило процесс пересмотра политики СССР в отношении Вьетнама, однако не явилось «отправной точкой» такого пересмотра. Я же отставке Хрущева придаю больше значения. На самом деле северные вьетнамцы по собственной инициативе пошли на эскалацию военных действий и вынудили Москву принять этот факт. Конечно, трудно себе представить, чтобы Хрущев стоял в сторонке, пока американцы бомбят Вьетнам. В то же время при Хрущеве северным вьетнамцам было бы гораздо сложнее добиться от СССР поддержки своих действий.
20. Из интервью автору Федора Мочульского, служившего в то время советником посольства СССР в Пекине. Москва, 20 июня 1992 г.; *Елизаветин А. И.* Переговоры Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту // *Проблемы Дальнего Востока.* 1993. № 1. С. 54; *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 131–132; *Karnow S.* Vietnam: A History. N. Y.: Penguin, 1997. P. 427. Обо всех перипетиях тех событий и о том, что их участники с неодобрением вспоминают советско-китайско-вьетнамское сотрудничество см.: *Gaiduk I. V.* Confronting Vietnam; а также: *Olsen M.* Changing Alliances: Moscow's Relations with Hanoi and the Role of China, 1949–1964 // Ph. D. diss., University of Oslo, 2004.
21. О том, что предшествовало американскому вторжению, см.: *Logevall F.* Choosing War: The Lost Chance for Peace and the Escalation of War in Vietnam. Berkeley: University of California Press, 1999.
22. Георгий Корниенко, в то время руководивший отделом США в Центральном аппарате МИД СССР, впоследствии высказал свое мнение о том, насколько пагубно отразилась Вьетнамская война на советско-американских отношениях. См.: *Корниенко Г. М.* Холодная война: свидетельство ее участника. М., 1994. С. 123.

23. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997. С. 127; Огнетов И. Тонкинский инцидент и советская помощь Вьетнаму // Международная жизнь. 1999. № 5. С. 97–98; FRUS, 1964–1968. Vol. 14. P. 233–259.
24. О позиции Брежнева и Громыко см.: Добрынин А. Ф. Op. cit. С. 140, 143; также см.: Gaiduk I. V. The Soviet Union and the Vietnam War. P. 48.
25. Микоян А. И. Указ. соч. С. 619–620.
26. Бовин А. Е. Указ. соч. С. 134; Микоян А. И. Указ. соч. С. 620.
27. Председатель КГБ Андропов — ЦК КПСС. 17 ноября 1967 г. (Морозов Б. Указ. соч. С. 60–61).
28. Корниенко Г. М. Холодная война. С. 130–135.
29. Шелест П. Е. Да не судимы будете. С. 283–284.
30. Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 160–167; Бовин А. Е. Указ. соч. С. 160.
31. Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 162–167; Корниенко Г. М. Холодная война. С. 124–127; Интервью Корниенко автору. Москва. 15 марта 1990 г.; Savelyev A. G., Detinov N. N. The Big Five: Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Translated by Dmitry Trenin. Edited by Gregory Varhall. Westport, Conn.: Praeger, 1995. P. 7–9.
32. Рабочие личные записи, которые Брежнев вел с 1944 г., по словам Дмитрия Волкогонова, содержат малозначительный материал. Нередко это листы с «полуграмотными фразами, отдельными малопонятными выражениями и просто словесными знаками» (Волкогонов Д. А. Указ. соч. Т. 2. С. 11).
33. Там же.
34. Воспоминания Леонида Замятина в кн.: Млечин Л. М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999. С. 439; на эту же тему см.: Аджубей А. И. Указ. соч. С. 309–310; Григоренко П. Г. Указ. соч. С. 268.
35. Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 112–113; также его интервью // Совершенно секретно. 1992. № 6. С. 8.
36. Арбатов Г. А. Указ. соч. С. 45; English R. D. Op. cit. P. 122.
37. Виктор Суходрев рассказал о Нагорной проповеди Брежнева на конференции Musgrove I. Вариант брежневской проповеди взят из докладной записки о беседе Аверелла Гарримана с Л. И. Брежневым от 4 июня 1974 г. Special Files / Box 586. Harriman Collection, LC.
38. Бовин А. Е. Указ. соч. С. 138, 139; см.: Протокол № 137 заседания Президиума ЦК КПСС от 20 марта 1964 г. (Президиум ЦК КПСС). Т. 1. С. 820.
39. Данные, сообщенные автору генералом КГБ Николаем Леоновым во время конференции, посвященной истории Карибского кризиса, которая проходила в Гаване 12 октября 2002 г.; о критическом

- отношении Брежнева к Хрущеву см. записи Анатолия Черняева, 1 января 1976 г.: NSArch.
40. Бовин А. Е. Указ. соч. С. 256–257.
  41. Микоян А. И. Указ. соч. С. 619; Семичастный В. Е. Указ. соч. С. 352.
  42. Brezhneva L. The World I Left Behind: Peaces of the Past. N. Y.: Random House, 1995. P. 38; Чазов Е. И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992. С. 85; Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 118; Дневник коммуны 33 (ЦАДКМ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 156).
  43. О подобных разговорах руководителю компартии Украины Петру Шелесту доложил начальник Тернопольского областного Управления госбезопасности Л. Ступак; см.: Шелест П. Е. Да не судимы будете. С. 266 (запись от 5 декабря 1966 г.).
  44. Arbatov G. Op. cit. P. 245–248; Бовин А. Е. Указ. соч. С. 254–255.
  45. Кеворков В. Тайный канал. М., 1997. С. 127; Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 116, 250; Бурлацкий Ф. М. Указ. соч. С. 149; Чазов Е. И. Указ. соч. С. 14–15.
  46. П. Родионов // Знамя. 1989. № 8 (август). С. 194–195; Шелест П. Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях / Сост. В. Шелудько. Ростов н/Д, 1989. С. 223–224; Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 257, 259.
  47. Шелест П. Е. Да не судимы будете. С. 219–220; Аджубей А. И. Указ. соч. С. 312; Savelyev A. G., Detinov N. N. Op. cit. P. 16; Корниенко Г. М. О договоре по ПРО. Лекция для сотрудников Института США и Канады. Москва. 15 ноября 1989 г. Конспект лекции из личного архива автора.
  48. О Гречко см.: Красная звезда. 2003. 18 окт.; Хрущев С. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 417–429. Об Устинове см.: Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 455; Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 268; Кеворков В. Указ. соч. С. 234–237.
  49. Savelyev A. G., Detinov N. N. Op. cit. P. 9–11.
  50. Holloway D. The Soviet Union and the Arms Race. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1983. P. 58–59; Zaloga S. Op. cit. P. 103, 118–141.
  51. Черняев А. С. Указ. соч. С. 305.
  52. Бовин А. Е. Указ. соч. С. 141, 145–146. О борьбе за душу Брежнева см.: Arbatov G. Op. cit. P. 127–130; Черняев А. С. Указ. соч. С. 259–260.
  53. Черняев А. С. Указ. соч. С. 305.
  54. Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 68; см. очерк о Громыко в кн.: Млечин Л. М. МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. С. 352–442.

55. *Dobrynin A.* Op. cit. P. 640.
56. Ibid. P. 642; интервью Георгия Корниенко автору. Москва, 10 декабря 1996 г.
57. Наиболее полное собрание документов, относящихся к событиям в Чехословакии, в кн.: *The Prague Spring, 1968: A National Security Archive Documents Reader* / Ed. J. Navratil, M. Byrn, P. Kornbluh, et al. Budapest: CEU Press, 1998.
58. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 309. Л. 58–72. Цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 321. Документы из чешских архивов на эту тему подтверждают эту картину, но не слишком убедительно. См.: *Mastny V.* «We Are in a Bind»: Polish and Czechoslovak Attempts at Reforming the Warsaw Pact, 1956–1969 // *CWHP Bulletin*, № 11 (Winter 1998). P. 230–250; *Черняев А. С.* Указ соч. С. 265.
59. *Suri J.* Power and Protest: Global Revolution and the Rise of Détente. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. P. 199–200; *Шелест П. Е.* Да не судимы будете. С. 287, 330, 337, 396–397; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 146–147; *Черняев А. С.* Указ. соч. С. 264; также см.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 303, 336.
60. *Шмелев Н.* Curriculum vitae // *Знамя-плюс.* 1997/98. С. 112; *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 301–326; *Prague Spring, 1968* / Ed. Navratil, et al. P. 114–125, 132–143, 158–159, 212–233, 336–338.
61. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 112–113; *Шелест П. Е.* Да не судимы будете. С. 363, 368, 384–385.
62. *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 326–340.
63. Протокол заседания Политбюро от 19 июля 1968 г., цит. в кн.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 327.
64. *Медведев Р. А.* Неизвестный Андропов. Политическая биография Юрия Андропова. М., 1999. С. 106–107, 114.
65. Выдержки из отчета о внешнеполитическом курсе и состоянии советско-американских отношений от 16 сентября 1968 г. (одобренного на Политбюро) см.: *Dobrynin A.* Op. cit. P. 643.
66. *Квицинский Ю. А.* Время и случай: заметки профессионала. М., 1999. С. 278.
67. *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 194–195.
68. *Prague Spring, 1968* / Ed. Navratil, et al. P. 547–563; *Kramer M.* Ukraine and the Soviet-Czechoslovak Crisis of 1968 (Part 1): New Evidence from the Diary of Petro Shelest // *CWHP Bulletin*, № 10. March 1998. P. 234–247.
69. Вторжение войск Организации Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г. стало водоразделом для интеллектуальных кругов советского общества. См.: *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 193; *Черняев А. С.* Указ соч. С. 266; *Alexeyeva L., Goldberg P.* Op. cit. P. 216; *Арбатов Г. А.* Указ. соч. С. 143; *English R. D.* Op. cit. P. 110–115, прежде всего см. P. 114.

70. Черняев А. С. Указ соч. С. 268, 272, 292.
71. Гончаров С., Усов В. Переговоры А. Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 5. С. 41, 43; *Kuisong Yang*. The Sino-Soviet Border Clash of 1969: From Zhenbao Island to Sino-American Rapprochement // Cold War History 1 (2000). P. 21–52.
72. Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 216–217; Семичастный В. Е. Указ. соч. С. 328.
73. Kissinger H. The Years of Upheaval. Boston: Little, Brown, 1982. P. 233; Burr W., Richelson J. T. Whether to «Strangle the Baby in the Cradle»: The United States and the Chinese Nuclear Program, 1960–1964 // International Security 3 (Winter 2000–2001). P. 67–71.
74. Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 217.
75. Гончаров С., Усов В. Указ. соч. С. 54–56, 57–58; продолжение этих воспоминаний см.: Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 1. С. 118.
76. Квицинский Ю. А. Указ. соч. С. 226.
77. Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 184; Квицинский Ю. А. Указ. соч. С. 272.
78. Фалин В. М. Указ. соч. С. 127.
79. Из дневника Семенова. 27 января 1969 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 4 (июль — август). С. 91; Квицинский Ю. А. Указ. соч. С. 264–271; Sarotte M. E. Dealing with the Devil: East Germany, Détente, and Ostpolitik, 1969–1973. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001. P. 31–32.
80. Чазов Е. И. Указ. соч. С. 90.
81. Sarotte M. E. Op. cit. P. 34–35; Кеворков В. Указ. соч. С. 24–25.
82. Кеворков В. Указ. соч. С. 58–64.
83. Bahr E. Zu meiner Zeit. Munich: Carl Blessing Verlag, 1996. S. 284–338; Sarotte M. E. Op. cit. P. 77–84.
84. О том, что происходило на американской стороне см.: Garthoff R. Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Rev. ed. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1994. P. 279–287; Kissinger H. White House Years. Boston: Little, Brown, 1982. P. 406–407, 801–803, 809–810; Hanhimäki J. Flawed Architect. P. 85–91; The Kissinger Transcripts: The Top Secret Talks with Beijing and Moscow / Ed. W. Burr. N. Y.: New Press, 1998. P. 11, 44; Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сб. документов. Т. I. Кн. 1–2. М., 2007.
85. Кеворков В. Указ. соч. С. 95–96; Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 189–191. О том, как эти события оценивались в ФРГ, см.: Brandt W. Erinnerungen. Berlin: Siedler Verlag, 1989. S. 206–210.
86. Бовин А. Е. Указ. соч. С. 245–246; Квицинский Ю. А. Указ. соч. С. 276–277.

87. Молотов — Чуеву. 12 июля 1976 г. (*Чуев Ф.* Сто сорок бесед. С. 116). Израильский историк И. Брудный преувеличивает степень сочувствия Брежнева русским националистам, утверждая, что генсек всячески способствовал их «включению» в систему советской пропаганды и аппарат культуры. Брежнев, на мой взгляд, относился крайне осторожно к любым проявлениям национализма и этим вызывал большое неудовольствие «русских патриотов». *Brudny I.* Op. cit. P. 70–93; *Laqueur W.* Op. cit.; *Семанов С. Н.* Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002.
88. Записи Черныева, 1 января 1976 г.: NSAch. Также см. протокольные записи официальной встречи с Брежневым 16 декабря 1975 г., цит. в кн.: *Брутенц К. Н.* Тридцать лет на Старой площади. М., 2005. С. 279.
89. *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 213–214, 229–230.
90. *Nelson K. L.* Op. cit. P. 101.
91. *Кеворков В.* Указ. соч. С. 95.
92. *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 256–257.
93. *Savelyev A. G., Detinov N. N.* Op. cit. P. 9–11.
94. В состав советской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений (ОСВ) входили замминистра иностранных дел Владимир Семенов, руководитель отдела США в Центральном аппарате МИД Георгий Корниенко, председатель научно-технического совета при Военно-промышленной комиссии Александр Щукин, представитель Министерства радиопромышленности Петр Плешаков, генералы Николай Огарков и Николай Алексеев, а также представитель Первого главного управления КГБ Владимир Павличенко. См.: *Savelyev A. G., Detinov N. N.* Op. cit. P. 9, 12; интервью Корниенко, данное автору в Москве, 22 декабря 1989 г.; Из дневника Семенова // Новая и новейшая история. 2004. № 4 (июль — август). С. 101.
95. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 184, 216–217.
96. Записка о беседе посла СССР в США А. Ф. Добрынина с помощником президента Никсона Киссинджером от 12 июля 1969 г.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 92–105; *CWHP Bulletin*. № 3 (Fall 1993). P. 64.
97. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 206; также см.: KDB.
98. *Hersh S.* The Price of Power: Kissinger in the Nixon White House. N. Y.: Summit Books, 1983. P. 376; *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 245–263; *Ross R. R.* Negotiating Cooperation: The United States and China, 1969–1989. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995. P. 17–54; Kissinger Transcripts / Ed. Burr. P. 12–13; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 217.
99. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 218; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 214–215.

100. Кеворков В. Указ. соч. С. 97–107.
101. О причинах и событиях индо-пакистанского вооруженного конфликта 1971 г. см.: *Kissinger H. White House Years*. P. 842–918; *Nixon R. RN: The Memoirs of Richard Nixon*. N. Y.: Grosset and Dunlap, 1978. P. 525–531; *Garthoff R. Détente and Confrontation*. P. 295–322; значительно менее подробная, но содержательная оценка этих событий с советской стороны дана в кн.: *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 218–220.
102. *Garthoff R. Détente and Confrontation*. P. 300–301; *Hanhimäki J.* Op. cit. P. 161, 171, 179–184; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 242; *Arbatov G.* Op. cit. P. 195.
103. *Kissinger H. White House Years*. P. 1113–1122, 1154, 1176–1191; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 228–229.
104. Черняев в своих воспоминаниях приводит один такой телефонный разговор Косыгина с Брежневым 9 марта 1972 г., см.: *Черняев А. С.* Моя жизнь. С. 285.
105. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 222–223.
106. Там же. С. 221, 226; мнение Георгия Корниенко выражено в его кн.: *Корниенко Г. М.* Холодная война. 144–145.
107. Согласно американской записи беседы, Брежнев сказал Киссинджеру: «Мы с вами можем многого достичь сами, договариваясь между собой. Наверное, стоит просто упразднить наши министерства иностранных дел». Киссинджер в ответ: «Мы со своей стороны уже предприняли шаги в этом направлении. А теперь нам бы нужно сократить Громыко». На что Брежнев сказал: «Если я увижу, что у президента Никсона хмурое лицо, то расскажу ему парочку анекдотов для поднятия настроения». Киссинджер заметил, что Громыко выглядит «почти как президент». Этих шутливых фраз нет в советской записи этой беседы. См.: *Memorandum of Brezhnev-Kissinger conversation, April 22, 1972, NARA; record of conversation of Brezhnev with the special assistant of the U. S. president, Henry Kissinger, April 22, 1972, KDB.*
108. KDB; *Суходрев В.* Язык мой — друг мой. От Хрущева до Горбачева. М., 1999. С. 263.
109. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 221; KDB.
110. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 223–224; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 233.
111. Записи в дневнике Шелеста от 10–25 октября 1969 г. и 8 января 1972 г. (*Шелест П. Е.* Да не судимы будете. С. 437–438, 496).
112. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 233–234.
113. *Hanson Ph. The Rise and Fall of the Soviet Economy*. L.: Pearson Education, 2003. P. 122–123.
114. Записи Черняева, 8 апреля 1972 г.: NSArch.

115. Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 210; Киссинджер о Смирнове см.: *Kissinger H. White House Years*. P. 1234. О стремлении Брежнева делать крупные вложения в сельское хозяйство, см.: *Brudny I. Op. cit.* P. 58–59; Из дневника Семенова. 18 апреля и 31 мая 1972 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 4 (июль — август). С. 104–105.
116. Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 223–224.
117. *Kissinger H. White House Years*. P. 1138; *Idem. Years of Upheaval*. P. 231.
118. Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 224.
119. Суходрев В. Указ. соч. С. 269; Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 225, 232.
120. Запись беседы между Брежневым и Гарриманом от 4 июня 1974 г. в кабинете Брежнева. Кремль. Harriman Collection. Special Files. Box 586. LC.
121. Суходрев, материалы конференции Musgrove I. С. 14–16.
122. *Nelson K. L. Op. cit.* P. 32–39.
123. *Kissinger H. White House Years*. P. 1138; *Idem. Years of Upheaval*. P. 231.
124. Киселева, Кишмарева, Тюричева. (Дневник Евгении Киселевой) / публикация Е. М. Ольпанской // Новый мир. 1992. № 2. С. 9–27; Козлова Н. Н. Крестьянский сын. Опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112–123.
125. Черняев А. С. Указ соч. С. 290.
126. *Gelman H. Op. cit.*
127. *Bahr E. Op. cit.* S. 420.

Глава 8

1. В американской литературе наиболее детальным и документированным исследованием о политике СССР в Афганистане в 1978–1979 гг. является: *Garthoff R. Détente and Confrontation*; также см.: *Cordovez D., Harrison S. S. Out of Afghanistan: The Inside Story of the Soviet Withdrawal*. N. Y.: Oxford University Press, 1995; *Westad O. A. Prelude to Invasion: The Soviet Union and the Afghan Communists, 1978–1979* // *International History Review* 16, № 1 (Canada) (February 1994). Самыми авторитетными исследованиями, опирающимися на советские архивы, являются книги Александра Ляховского. См.: *Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана*. М., 1995, и его же более поздняя книга: *Ляховский А. Пламя Афгана*. М., 1999. Также см.: *Корниенко Г. М. Холодная война*. С. 188–209; *Гай Д., Снегирев В. Вторжение* // *Знамя*. 1991. № 3–4 (март — апрель); *Гареев М. А. Почему и как мы вошли в Афганистан* // Ори-

- ентир (Москва). 1994. № 6. С. 17–23; *Ганковский Ю.* Кто, где, когда принял решение о вводе советских войск в Афганистан? // *Азия и Африка сегодня*. 1994. № 5. С. 2–9.
2. *Cordovez D., Harrison S. S.* Op. cit. P. 14.
  3. См.: *Quimet M. J.* The Rise and Fall of the Brezhnev Doctrine in Soviet Foreign Policy. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003; *Kramer M.* Soviet Deliberations during the Polish Crisis, 1980–1981 // CWIHP working paper № 1. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 1999. P. 10; *Mastny V.* The Soviet Non-Invasion of Poland, 1981 // CWIHP working paper № 233. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars; *Воронков В. И.* События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // *Вопросы истории*. 1995. № 10; *Материалы круглого стола в Яхранке*.
  4. *Mastny V.* Soviet Non-Invasion of Poland. P. 14, 34.
  5. *Westad O. A.* Fall of Détente; *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 164–186; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 487–494.
  6. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 245.
  7. Протоколы Секретариата ЦК КПСС от 20 ноября 1972 г.: Volkogonov Collection, LC.
  8. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 193–195.
  9. Там же. С. 232.
  10. *Kissinger H.* Years of Upheaval. P. 233, 274–286; *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 376–386; *Idem.* A Journey through the Cold War: A Memoir of Containment and Coexistence. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 2001. P. 283. О Китае см.: служебная записка о беседе между Брежневым и Никсоном в Сан-Клементе, Калифорния, 23 июня 1973 г.: NARA. Копия в NSArch.
  11. *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 1135–1137; также см.: *Idem.* Journey through the Cold War. P. 282–285.
  12. *Garthoff R.* Journey through the Cold War. P. 285; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 193–195.
  13. См.: *Kissinger H.* Ending the Vietnam War: A Personal History of America's Involvement in and Extrication from the Vietnam War. N. Y.: Touchstone, 2002; *Hanhimäki J.* Op. cit. P. 341–344.
  14. Записи Черняева, 9 марта 1975 г.: NSArch.
  15. Memorandum of conversation between Brezhnev and Kissinger, September 13, 1972, NARA. Копия в NSArch.
  16. Доклад Пятого управления КГБ от 9 мая 1973 г. (*Морозов Б.* Указ. соч. С. 169).
  17. *Buwalda P.* They Did Not Dwell Alone: Jewish Immigration from the Soviet Union, 1967–1990. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press, 1997; *Goldberg J. J.* Jewish Power: Inside the American Jewish Establishment. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1996. P. 167–174.

18. На эту же тему см.: *Hunt M. H.* Ideology and U. S. Foreign Policy. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1987; *Ninkovich F.* The Wilsonian Century: U. S. Foreign Policy since 1900. Chicago: Chicago University Press, 1999; *Smith T.* America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994; *Mead W. R.* Special Providence: A History of U. S. Foreign Policy. N. Y.: Century Foundation, 2001; *Stephansson A.* The Cold War Considered as a U. S. Project // Reinterpreting the End of the Cold War: Issues, Interpretations, Periodizations / Ed. F. Romero, S. Pons. L.: Frank Cass, 2005. P. 52–67.
19. Черняев, входивший в команду спичрайтеров Брежнева и чутко реагировавший на любые проявления антисемитизма, никогда не замечал ничего подобного ни в поведении генсека, ни в его разговорах. (Интервью Черняева с автором, Москва, 4 января 2003 г.)
20. К вопросу о выезде за границу лиц еврейской национальности. Протокол заседания Политбюро от 20 марта 1973 г. (Источник. 1996. № 1. С. 156); также см.: *Морозов Б.* Указ. соч. С. 164–168.
21. К вопросу о выезде за границу // Источник. 1996. № 1. С. 158.
22. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 492.
23. *Brudny I.* Op. cit. P. 108, 111, 112, 113.
24. Там же. P. 156; *Kissinger H.* Years of Upheaval. P. 252. В воспоминаниях Добрынина об этих деталях ничего не говорится.
25. Среди них были помощники Джексона — Ричард Перл, Джейн Киркпатрик, редактор американского сионистского интеллектуального журнала *Commentary* Норман Подгорец, Макс Кампельман, Юджин Ростои и Пол Вулфовиц.
26. *Медведев Р.* Диссиденты о диссидентстве // Знамя. 1997. № 9 (сентябрь). С. 183; *Pontuso J. F.* Solzhenitsyn's Political Thought. Charlottesville: University Press of Virginia, 1990. P. 143, 149–157.
27. *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 257–258.
28. *Кеворков В.* Указ. соч. С. 169–172.
29. *Аксенов В., Бородин Л.* Диссиденты о диссидентстве // Знамя. 1997. № 9 (сентябрь). С. 164–165, 170–171; *Морозов Б.* Указ. соч. С. 190–191, 213; *Pearson J.* Solzhenitsyn: A Soul in Exile. Grand Rapids, Mich.: Baker Book House, 2001; *Scammell M.* Solzhenitsyn: A Biography. N. Y.: W. W. Norton, 1984; The Solzhenitsyn Files: Secret Soviet Documents Reveal One Man's Fight against the Monolith / Ed. M. Scammell. Chicago: Edition q, 1995; Кремлевский самосуд (Сб. документов). Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994.
30. Докладная записка Н. Щелокова «Вопрос о Солженицыне» от 7 октября 1971 г., протокол заседания Политбюро от 30 марта

- 1972 г., протокол совещания ЦК от 13 апреля 1972 г. // Solzhenitsyn Files / Ed. M. Scammell, P. 161–163, 164, 185–187, 194–197, 199–210, 221–222, 256–257.
31. *Solzhenitsyn A. I.* The Oak and the Calf: Sketches of Literary Life in the Soviet Union / Translated by Harry Willets. N. Y.: Harper and Row, 1980; *Carlisle O. A.* Solzhenitsyn and the Secret Circle // Under the New Sky: A Reunion with Russia, by Olga Andreyev Carlisle. N. Y.: Ticknor and Fields, 1993. P. 27–33; *Медведев Р. А.* Неизвестный Андропов. Политическая биография Юрия Андропова. М., 1999. С. 143.
32. Протокол заседания Политбюро от 7 января 1974 г. Volkogonov Collection, LC; Solzhenitsyn Files / Ed. M. Scammell, P. 283–92.
33. *Кеворков В.* Указ. соч. С. 169–172.
34. Там же. С. 174–176; письмо Ю. Андропова Л. Брежневу, 7 февраля 1974 г. // Solzhenitsyn Files. P. 342–344.
35. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 333; из беседы автора с Добрыниным в Осло 20 сентября 1995 г.
36. *Israelyan V.* Inside the Kremlin during the Yom Kippur War. University Park: Pennsylvania State University Press, 1996; кроме того см.: *Виноградов В. М.* Дипломатия: люди и события. Из записок посла. М., 1998. С. 201–272; *Курпиченко В. А.* Из архива разведчика. М., 1993; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 268–279; *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 160–164; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 203–206; *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 404–446; Lebow, Stein. We All Lost the Cold War; *Ginor I.* «Under the Yellow Arab Helmet Gleamed Blue Russian Eyes»: Operation Kavkaz and the War of Attrition // Cold War History 1 (October 2002). P. 127–157.
37. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 244; *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 1135–1137; *Idem.* Journey through the Cold War. P. 282–285.
38. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 261; *Hanhimäki J.* Op. cit. P. 281–282, 305–306.
39. Президент Сирии Хафиз Ассад информировал посла СССР в Дамаске Нуритдина Мухитдинова о готовящейся войне. Кроме того, советскому руководству за несколько дней до начала военных действий было уже известно, когда произойдет нападение, вероятно, из донесений разведслужб. *Israelyan V.* Op. cit. P. 10–11, 15–18.
40. Там же. P. 26, 99.
41. Записка о беседе, состоявшейся 18 марта 1974 г. между Киссинджером, Гельмутом Сонненфельдом, Артуром Хартманом, Уильямом Хайландом и Лоуренсом Иглбергером (Kissinger Transcripts. P. 225).

42. *Israelyan V.* Op. cit. P. 10–11, 95, 125–126, 128, 168; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 266–283; *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 160–164; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 203–206; оценка событий Киссинджером см. в его книге «Years of Upheaval» (Р. 450–613).
43. Андропов — Брежневу, от 29 октября 1973 г.: Volkogonov Collection. LC.
44. *Israelyan V.* Op. cit. P. 165–166; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 273; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 204.
45. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 274; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 204–206; протокол заседания Политбюро от 25 октября 1973 г., цит. в кн.: *Israelyan V.* Op. cit. P. 179–1781.
46. *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 428; *Israelyan V.* Op. cit. P. 182–186; *Hanhimäki J.* Op. cit. P. 310, 315–316.
47. Прямо противоположный вывод см.: *Hanhimäki J.* Op. cit. P. 328–330.
48. *Israelyan V.* Op. cit. P. 188; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 277–278.
49. См. запись Черняева о беседе на эту тему Брежнева с Громыко в ноябре 1973 г. в кн.: *Черняев А. С.* Моя жизнь. С. 301.
50. Высказывание генерала КГБ Леонида Шебаршина см.: *Westad O. A.* Fall of Détente. P. 132.
51. Meeting with Soviet ambassador Anatoly Dobrynin in the Oval Office, December 26, 1973, from Henry A. Kissinger to President's File. Копия: NSArch; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 280–283, 291–292; *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 233; *Суходрев В.* Указ. соч. С. 315.
52. Источники из КГБ утверждают, что Брандт пал жертвой интриг внутри самой СДПГ. См.: *Кеворков В.* Указ. соч. С. 177–187; *Bahr E.* Op. cit. S. 261–262; *Smyser W. R.* Op. cit. P. 267–270; *Чазов Е. И.* Указ. соч. С. 87.
53. *Чазов Е. И.* Указ. соч. С. 75.
54. *Суходрев В.* Указ. соч. С. 288–289, 290.
55. Андропов — Брежневу, 29 октября 1973 г. Volkogonov Collection. Reel 16. Container 24. LC.
56. Волкогонов свидетельствует, что Брежнев мог получать некоторые лекарства от Андропова. См.: *Волкогонов Д. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 99–100.
57. *Чазов Е. И.* Указ. соч. С. 85, 112–113, 116–117; *Arbatov G.* Op. cit. P. 192; Записи Черняева, 24 сентября и 16 октября 1975 г.: NSArch.
58. Стратегическое ядерное вооружение России / Под ред. П. Л. Подвига. М., 1998; URL: <http://www.armscontrol.ru>; *Zaloga S.* Op. cit. P. 171–177.
59. *Savelyev A. G., Detinov N. N.* Op. cit. P. 3.
60. Дискуссия на эту тему прошла во время конференции Musgrove I.

61. *Garthoff R.* Journey through the Cold War. P. 331–332; *Cahn A.* Killing Détente: The Right Attacks the CIA. University Park: Pennsylvania State University Press, 1998; *Zaloga S.* Op. cit. P. 177.
62. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 336.
63. *Суходрев В.* Указ. соч. С. 309; версию других участников этого разговора см.: *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 259–260.
64. Memorandum of conversation Brezhnev – Kissinger, October 26, 1974 // Kissinger Transcripts / Ed. Burr. P. 345–354; *Kissinger H.* The Years of Renewal. N. Y.: Simon and Schuster, 1999. P. 277–279.
65. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 315; Memorandum of conversation, Brezhnev – Ford meeting, November 23, 1974, on board a train between Vozdvizhenka Airport and Okeanskaya Sanatorium near Vladicostok, 2:30 P. M.: NSArch.
66. *Kissinger H.* Years of Renewal. P. 288–290; авторами горбачевского предложения по ядерному разоружению станут заместитель министра иностранных дел Георгий Корниенко и заместитель начальника Главного оперативного управления Генерального штаба генерал Сергей Ахромеев, являвшиеся членами комиссии по контролю над вооружениями («малой пятёрки») во Владивостоке; см.: *Saveljev A. G., Detinov N. N.* Op. cit. P. 37.
67. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 315; *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 157–158.
68. *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 158; интервью Корниенко автору в Москве 23 ноября 1989 г.; Николай Дитинов на конференции Musgrove I; *Kissinger H.* Years of Renewal. P. 297.
69. «Intelligence Community Experiment in Competitive Analysis. Soviet Strategic Objectives: An Alternative View» (Team-B report). December 1976: NSArch; также см.: *Pipes R. Vixi: Memoirs of a Non-Belonger.* New Haven, Con.: Yale University Press, 2003. P. 134–142.
70. *Kissinger H.* Years of Renewal. P. 302–307; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 320–322; 327; *Hanson Ph.* Op. cit. P. 123.
71. *Чазов Е. И.* Указ. соч. С. 127–128; Шелудько в книге «Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях» (С. 320–323); Записи Черняева, 2 марта и 11 сентября 1975 г.: NSArch.
72. См. Записи Черняева, 24 сентября 1975 г.: NSArch.
73. Неофициальную запись высказываний Брежнева 16 декабря 1975 г. см.: *Брутенц К. Н.* Указ. соч. С. 270–271; другая запись тех же самых слов в блокноте Черняева, 2 января 1976 г.: NSArch.
74. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 236–237; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 335, 492.
75. См.: Lysebu I; также см.: Fort Lauderdale.
76. Олег Трояновский о реакции Андропова, см.: Fort Lauderdale. С. 12.

77. СССР и Африка. С. 132, 198–199.
78. *Westad O. A.* Global Cold War. Ch. 3.
79. Анатолий Добрынин и Олег Трояновский. см.: Fort Lauderdale. С. 8, 11.
80. *Брутенц К. Н.* Указ. соч. С. 325; СССР и Африка. С. 251–303.
81. СССР и Африка. С. 220–221.
82. Источник. 1998. № 2. С. 114–120.
83. Brezhnev — Kissinger memorandum of concersation, April 22, 1972 (Записка о беседе Брежнев — Киссинджер. 22 апреля 1972 г.), Kissinger Papers. NARA.
84. *Westad O. A.* Moscow and the Angolan Crisis, 1974–1976: A New Pattern of Intervention // *CWIHP Bulletin*, № 8–9 (Winter 1996/97). Р. 20. В 1991–1992 гг. Вестад получил доступ к документам бывшего ЦК КПСС. Позже эти документы стали вновь недоступны для исследователей.
85. *Ibid.* Р. 20.
86. Карен Брутенц, см. материалы Fort Lauderdale. С. 22, 23.
87. О Горшкове см.: *Chipman D.* Admiral Gorshkov and the Soviet Navy. URL: <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1982/jul-aug/chipman.html>
88. *Hewett E. A.* Open for Business: Russia's Return to the Global Economy. With Clifford G. Gaddy. Washington, D. C.: Brookings Institution, 1992. Р. 12; *Пухоя Р. Г.* Почему распался СССР? // Конец холодной войны: новые факты и аспекты: Сб. научных трудов / Отв. ред. В. М. Зубок, С. Ю. Шенин, А. А. Шубин. Саратов, 2004. С. 16–17. URL: www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/historynewtime/cold_war/i.php
89. Об этом «социальном контракте» см.: *Millar J. R.* The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review* 4 (Winter 1985). Р. 694–706; *Derluguian G.* A Tale of Two Cities // *New Left Review* 3 (May/June 2000); переписка автора с Георгием Дерлугьяном (в архиве автора).
90. *Garthoff R.* A Journey through the Cold War. Р. 295.
91. Записи Черняева, 13 мая 1974 г.: NSArch; материалы Lysebu I. С. 33.
92. *Kissinger H.* Years of Renewal. Р. 818.
93. Корниенко, см.: материалы Lysebu I. С. 78.
94. *Westad O. A.* Moscow and the Angolan Crisis. Р. 21.
95. *Gleijeses P.* Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002; также см.: *Gleijeses P.* Havana's Policy in Africa, 1959–1976: New Evidence from Cuban Archives // *CWIHP Bulletin*, № 8–9 (Winter 1996/97). Р. 5–8.
96. *Blight J. G., Brenner Ph.* Op. cit.

97. Воспоминания Георгия Шахназарова: материалы Fort Lauderdale. С. 39–40.
98. Че Гевара и Агостиньо Нето впервые установили контакт в 1965 г.; см.: *Gleijeses P. Havana's Policy in Africa*. P. 7.
99. *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 166.
100. *Arbatov G.* Op. cit. P. 194–195; о консервативной позиции членов «тройки» и их давлении на Брежнева после Хельсинского совещания см.: *Черняев А. С.* Указ соч. С. 317; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 359.
101. *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 167–168; из интервью автора с Корниенко в Москве, 23 ноября 1989 г. и 15 марта 1990 г.; *Westad O. A.* Moscow and the Angolan Crisis. P. 24, 30–31; материалы Lysebu I. С. 32; *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 566–567; *Gleijeses P.* Havana's Policy in Africa. P. 271–272.
102. *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 586.
103. *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 167–168; Карен Брутенц излагал эту точку зрения на симпозиуме, см.: материалы Lysebu I. С. 47.
104. *Brenner P., Blight J. G.* Cuba, 1962: The Crisis in Cuban-Soviet Relations: Fidel Castro's Secret 1968 Speech // *CWIHP Bulletin*, № 5 (Spring 1995). P. 81–85; *Westad O. A.* Moscow and the Angolan Crisis. P. 25–27.
105. *Garthoff R.* Détente and Confrontation. P. 581. Гартхофф цитирует обращение Киссинджера из Бюллетеня Госдепартамента: Department of State Bulletin 74 (April 5, 1976). P. 428; *Westad O. A.* Moscow and the Angolan Crisis. P. 28–29.
106. Анатолий Добрынин, см.: материалы Fort Lauderdale. С. 44–45; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 383.
107. Автор видел несколько аналитических записок о политической карьере Бжезинского, которые были составлены специалистами Института США и Канады АН СССР в период с осени 1976 до начала 1977 г.; также см.: *Черняев А. С.* Указ соч. С. 298; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 409.
108. *Alexeyeva L., Goldberg P.* Op. cit. P. 288–289; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Док. 44.
109. *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 170–172; Записи Черняева, 9 и 15 января 1977 г.: NSArch.
110. Осенью 1976 г. правые консерваторы и наиболее активные противники разрядки и ОСВ создали «Комитет по текущей опасности». Они заявили, что Владивостокские договоренности выгодны лишь Советскому Союзу, особенно в части, где США давали свое согласие на сохранение советских «тяжелых» ракет, «забрасываемый вес» которых многократно превосходил параметры американских МБР. Члены администрации Картера, особенно

- министр обороны Гарольд Браун и помощник министра обороны Уильям Пери, не скрывали озабоченности по поводу растущего советского превосходства в количестве стратегических и обычных вооружений. О влиянии Пола Нитце на Картера см.: Бжезинский, материалы Musgrove I. С. 48–49; *Njolstad O. Peacekeeper and Troublemaker: The Containment Policy of Jimmy Carter, 1977–1978. Oslo: Norwegian Institute for Defense Studies, 1995.*
111. Бжезинский, см.: материалы Musgrove I. С. 56–57; *Njolstad O. Keys of Keys? SALT II and the Breakdown of Détente // The Fall of Détente: Soviet-American Relations during the Carter Years / Ed. O. A. Westad. Oslo: Scandinavian University Press, 1997. P. 43–46.*
  112. *Kissinger H. Years of Renewal. P. 856–859; Garthoff R. Détente and Confrontation. P. 596–599; интервью автора с Корниенко в Москве, 23 ноября 1989 г. и 15 марта 1990 г.; об этом также у Вестада: Westad O. A. Fall of Détente. P. 12; Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 391; Брежнев — Картеру, 4 февраля 1977 г. // *CWIPR Bulletin. № 5 (1995); Корниенко Г. М. Холодная война. С. 173; ежедневник Добрынина, запись о беседе с госсекретарем США Вэнсом от 21 марта 1977 г.: NSARch; Виктор Суходрев, см.: материалы Musgrove I. С. 74; дневник Брежнева, запись от 18 марта 1977 г.: Volkogonov Collection. LC.**
  113. Вэнс, см.: материалы Musgrove I. С. 62; записи Черняева о том, как он читал стенограмму советско-американских переговоров, 1 апреля 1977 года: NSARch.
  114. См. дискуссию на эту тему, в которой участвовали Гарольд Браун, Збигнев Бжезинский, Николай Детинов, Виктор Стародубов и Анатолий Добрынин в материалах Musgrove I. С. 27–37.
  115. Запись беседы между А. А. Громыко и госсекретарем США С. Вэнсом. 31 мая 1978 г. Нью-Йорк. Предоставлена МИД РФ в феврале 1994 г. для проекта Картер — Брежнев в NSARch.
  116. Добрынин, см.: материалы Musgrove I. С. 136; также см.: *Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 397; КГБ — ЦК КПСС, от 18 марта 1977 г. (РГНИ. Ф. 89. Пер. 18. Док. 63).*
  117. Добрынин, см.: материалы Musgrove I. С. 136; также см.: *Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 395–396.*
  118. Указания Картера Бжезинскому, 17 мая 1978 г.: NSARch; также см. материалы Fort Lauderdale. С. 145–146. Обсуждение возможного партнерства с Китаем см.: *minutes of Security Coordinating Council on Horn of Africa, March 2, 1978: NSARch. Подробное описание визита Бжезинского в его мемуарах: Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Advisor, 1977–1981. N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1983. P. 208–215; также см.: Garthoff R. Détente and Confrontation. P. 705–706; 770–778; за-*

- пись беседы между Авереллом Гарриманом и послом Добрыниным за обедом, N Street, 3 марта 1978 г.: Harriman Collection. LC.
119. Запись беседы Громыко — Вэнс, 31 мая 1978 г., и речь тов. Л. И. Брежнева на заседании Политбюро ЦК КПСС по некоторым вопросам международных отношений, выдержка из Протокола № 107 заседания Политбюро ЦК КПСС от 8 июня 1978 г. (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 34. Док. 1. Л. 7); Советско-американские отношения в современную эпоху (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 76. Док. 28. Л. 1–2).
  120. Расшифровка стенограммы встречи на высшем уровне в Вене, 16–18 июня 1979 г.: NSARch; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 422–427; *Суходрев В.* Указ. соч. С. 344–345.
  121. *Garthoff R.* Journey through the Cold War. P. 285. Прекрасно документированное и авторитетное описание событий, предшествовавших вводу советских войск в Афганистан, представлено в книге А. Ляховского «Пламя Афгана» (С. 11–46).
  122. *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 190; *Kalugin O., Montaigne F.* The First Directorate. N. Y.: St. Martin's, 1994. P. 230–233; *Mitrokhin V.* KGB in Afghanistan // CWINP working paper № 40. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2002.
  123. *Kalugin O., Montaigne F.* Op. cit. P. 232.
  124. *Westad O. A.* The road to Kabul: Soviet Policy on Afghanistan, 1978–1979 // The Fall of Détente: Soviet-American Relations during the Carter Years / Ed. O. A. Westad. Oslo: Scandinavian University Press, 1997. P. 123–124.
  125. Стенографическая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. Обострение ситуации в Демократической Республике Афганистан и наши возможные действия. 17–19 марта 1979 г. (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 25. Док. 1).
  126. Там же.
  127. Карен Брутенц подтверждает эту версию. См.: *Брутенц К. Н.* Указ. соч. С. 465.
  128. Запись о встрече А. Н. Косыгина, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова и Б. Н. Пономарева с Н. М. Тараки, 20 марта 1979 г. (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 14. Док. 26); запись беседы Л. И. Брежнева с Н. М. Тараки, 20 марта 1979 г. (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 14. Док. 25).
  129. Наша будущая политика в связи с ситуацией в Афганистане. 1 апреля 1979 г. Записка Громыко, Андропова, Устинова и Пономарева — ЦК КПСС (CWINP Bulletin № 3 (Fall 1993). P. 67–69); из-за утечки информации данные американской разведки о количестве советских советников в Афганистане появились в печати: New York Times, April 13, 1979.
  130. *Гай Д., Снегирев В.* Указ. соч. С. 204–208. Телеграмма с предупреждениями об угрозе со стороны Амина датирована 13 сентября,

- и Добрынин ссылается на нее в своих записках. См.: Lysebu II. С. 89; *Westad O. A. Fall of Détente*. P. 129–130.
131. Чазов Е. И. Указ. соч. С. 152; Записи Черняева, 30 декабря 1979 г.: NSARch. Черняев ссылается на Карена Брутенца, который якобы слышал мнение Александрова-Агентова. Однако в своих мемуарах Брутенц этот факт не упоминает.
132. Кеворков В. Указ. соч. С. 243.
133. О захвате американских заложников в Тегеране и ответных действиях США см.: *Farber D. Taken Hostage: The Iran Hostage Crisis and America's First Encounter with Radical Islam*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2004; об опасениях советского руководства см.: Валентин Варенников, материалы Lysebu II. С. 73; *Брутенц К. Н.* Указ. соч. С. 477.
134. Текст личного письма Андропова Брежневу и содержание информации Андропова и Устинова Брежневу в начале декабря 1979 г. зачитал на международной конференции в Осло бывший посол СССР в США Анатолий Добрынин; см. материалы Lysebu II. С. 91–93; а также *Westad O. A. Fall of Détente*. P. 134–135.
135. На эти факты ссылается Добрынин, см.: материалы Lysebu II. С. 91–93; цитируется в кн.: *Westad O. A. Fall of Détente*. P. 135.
136. Этот параграф основан на материалах конференций в Лисебу, Масгроув и Форт-Лаудердэйл, а также на свидетельствах советских ветеранов холодной войны, которыми они делились с автором в частных беседах во время этих конференций.
137. Добрынин, см.: материалы Lysebu II. С. 91–93; *Westad O. A. Fall of Détente*. P. 135; о «последней капле» см.: *Ляховский А.* Пламя Афгана. С. 123.
138. *Ляховский А.* Трагедия и доблесть Афгана. С. 109; *Он же.* Пламя Афгана. С. 121; Варенников, см.: материалы Lysebu II. С. 85–86.
139. *Александров-Агентов А. М.* Указ. соч. С. 246–247; признание Добрынина в кн.: *Westad O. A. Fall of Détente*. P. 141–142.
140. Записи Черняева, 30 декабря 1979 г.: NSARch.

Глава 9

1. Об этих прогнозах см.: *Gray C. S. The Most Dangerous Decade: Historic Mission, Legitimacy, and Dynamics of the Soviet Empire in the 1980s* // *Orbis* 25, № 1 (Spring 1981). P. 16, 18, 24, 25; *Brzezinski Z. The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. L.: Macdonald Books, 1989. P. 99, 100, 254–255.
2. Данные американской разведки до 1985 г. преуменьшали бремя военных расходов СССР и сильно преувеличивали объем советского ВВП. Помимо неверной методики подсчетов играли роль и ошибочные представления большинства специалистов-советологов

разведывательного сообщества США. Они не отдавали себе до конца отчета, насколько прогнила советская экономика. Никто из них не мог себе представить, что Варшавский договор и сам Советский Союз могут развалиться. См. доклады и дискуссии по ним на конференции «Американская разведка и окончание холодной войны». Bush Presidential Conference Center, College Station, Texas, November 19–29, 1999.

3. Предыстория событий и сами события в Польше описаны в кн.: *Ouimet M. J.* Op. cit. 4–6; также см.: *Мусатов В. Л.* Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996; *Грибков А. И.* Доктрина Брежнева и польский кризис начала 80-х годов // Военно-исторический журнал. 1992. № 9; *Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. Леонид Замятин, в то время заведующий отделом международной информации ЦК КПСС, в интервью 16 января 1995 г. в Москве говорил автору о польском «подполье». Об опасениях советского руководства в отношении Польской католической церкви см.: *Andrew C. M., Mitrokhin V.* The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. N. Y.: Basic Books, 1999, P. 513–514.
4. *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 109.
5. Заседание Политбюро ЦК КПСС, 2 апреля 1981 г. Цит.: *Kramer M.* Soviet Deliberations during the Polish Crisis. P. 24–34, 100–101.
6. *Dobrynin A.* Op. cit. P. 500.
7. Записи из личного архива автора, Яхранка.
8. *Леонов Н. С.* Указ. соч., 1995. С. 212; *Pavlov V.* Bylem rezydentem KGB w Polsce. Warszawa: BGW, 1994. S. 28, как процитировано в ст.: *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 98.
9. *Dobrynin A.* Op. cit. P. 500; также см. воспоминания двух других участников этого обсуждения, генерала армии Анатолия Грибкова и Георгия Шахназарова. Записи из личного архива автора, Яхранка.
10. *Kania S.* Zatrzymac konfrontacje. Warsaw: BGW, 1991. S. 91, цит. в ст.: *Mastny V.* Soviet Non-Invasion of Poland. P. 15. Советский вариант ответа Брежнева приведен в статье: *Воронков В. И.* Указ. соч. Воронков, работавший в то время в международном отделе ЦК, слышал об этом от своего коллеги-переводчика, работавшего на этой встрече.
11. *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 105; протокол заседания Политбюро, 22 января 1981 г.: NSArch; интервью Леонида Замятина автору в Москве, 16 января 1995 г.

12. *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 106.
13. Встреча с Устиновым произошла 4 марта 1981 г.; см.: *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 110. Воронков был переводчиком на этой встрече.
14. Цит. в ст.: *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 107.
15. Там же. С. 113.
16. Записи Черняева, 10 августа 1981 г.: NSArch.
17. *Шубин А. В.* Истоки перестройки, 1978–1984. М., 1997. Т. 1. С. 63; *Горбачев М. С.* Андропов: новый генеральный секретарь действует // Свободная мысль. 1995. № 11. С. 24; *Пихоя Р. Г.* Советский Союз. С. 414.
18. *Ouimet M. J.* Op. cit. P. 88.
19. Записи Черняева, 9 февраля и 1 марта 1980 г.: NSArch.
20. Письмо Брежнева Хонеккеру (такие же письма были направлены правителям остальных соцстран Центральной Европы), 4 ноября 1980. SAPMO–BArch. J IV 2/202. Akt 550; о том, как к письму отнеслись руководители этих стран, см.: «Hart und kompromisslos durchgreifen». Die SED contra Polen 1980/81. Geheimakten der SED–Führung über die Unterdrückung der polnischen Demokratiebewegung / Hg. Von Michael Kubina und Manfred Wilke. Berlin: Akademie Verlag, 1995. S. 140–195. Также см.: *Tuma O.* The Czechoslovak Communist Regime and the Polish Crisis, 1980–1981 // CWIHP Bulletin, № 11 (Winter 1998); *Tischler J.* The Hungarian Party Leadership and the Polish Crisis of 1980–1981 // CWIHP Bulletin, № 11 (Winter 1998); *Baev J.* Bulgaria and the Political Crises in Czechoslovakia (1968) and Poland (1980/81) // CWIHP Bulletin, № 11 (Winter 1998).
21. Заседание Политбюро ЦК КПСС, 10 декабря 1981 г.: NSArch; *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 119; комментарии Ярузельского в записях из личного архива автора, Яхранка. Более подробно см.: *Kramer M.* Soviet Deliberations during the Polish Crisis. P. 160–161, *Idem.* Jaruzelski, the Soviet Union, and the Imposition of Martial Law in Poland: New Light on the Mystery of December 1981 // CWIHP Bulletin, № 11 (Winter 1998). P. 5–39.
22. Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 10 декабря 1981 г., цит.: *Kramer M.* Soviet Deliberations during the Polish Crisis. P. 165; *Волкогонов Д. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 99–101; *Леонов Н. С.* Указ. соч. С. 212.
23. *Ouimet M. J.* Op. cit. P. 243.
24. О размерах экономической помощи Польше см.: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 9. Эти данные нуждаются в проверке. Шубин ссылается на данные Г. Урушадзе, якобы работавшего в архивах Кремля.

25. О реакции Рейгана см.: *Thatcher M.* The Downing Streets Years. N. Y.: HarperCollins, 1993. P. 253. Куклинский сбежал в США накануне введения в Польше военного положения; см.: *Kramer M.* Colonel Kuklinski and the Polish Crisis, 1980–1981 // *CWIHP Bulletin*, № 11 (Winter 1998). P. 48–59.
26. *Schweizer P.* Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union. Boston: Atlantic Monthly, 1996; *Idem.* Reagan's War: The Epic Story of His Forty Year Struggle and Final Triumph over Communism. N. Y.: Doubleday, 2002; *Weinberger C.* In the Arena: A Memoir of the 20th Century. Washington, D. C.: Regnery, 2001.
27. Правда. 1982. 23 апр. Цит. в кн.: *Garthoff R.* The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1994. P. 62.
28. *Andrew C. M., Gordievsky O.* Comrade Kryuchkov's Instructions: Top Secret Files on KGB Foreign Operations, 1977–1985. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1994. P. 67, 69; рассекреченные материалы по операции РЯН анализируются в кн.: *Fischer B. B.* A Cold War Conundrum: The 1983 Soviet War Scare. An Intelligence Monograph. Langley, Va.: Center for the Study of Intelligence, September 1997. P. 4–5. Советские источники не придают этой операции особого значения. См.: *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М., 1992. С. 14; *Dobrynin A.* Op. cit. P. 522.
29. *Dobrynin A.* Op. cit. С. 482; Правда. 1982. 16 июня, 12 июля; *Устинов Д. Ф.* Отвести угрозу ядерной войны. М, 1982. С. 7; *Garthoff R.* Great Transition. P. 56, 77.
30. *Fischer B. B.* Op. cit. P. 9–10; высказывания генерала Владимира Слипченко (записи из личного архива автора, Brown); *Gordievsky A.* Comrade Kryuchkov's Instructions. P. 69–85.
31. *Gates R. M.* From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. N. Y.: Simon and Schuster, 1996. P. 265, 266; высказывания Роберта Макфарлейна: записи из личного архива автора, Brown; *FitzGerald F.* Way Out There in the Blue: Reagan, Star Wars, and the End of the Cold War. N. Y.: Simon and Schuster, 2000.
32. *Велихов Е. П.* Наука работает на безъядерный мир // *Международная жизнь*. 1988. № 10. С. 50–51; *Sagdeev R.* The Making of a Soviet Scientist: My Adventures in Nuclear Fusion and Space from Stalin to Star Wars. N. Y.: John Willey, 1994. P. 261–262, 273; высказывания Николая Детинова: записи автора, Brown; *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 19–20; *Evangelista M.* Soviet Scientists and Nuclear Testing, 1954–1963 // Paper presented at the

- conference «The New Evidence on the Cold War». Moscow, January 12–15, 1993. P. 238–242.
33. Горбачев М. С. Андропов. С. 18, 25; также см.: Волкогонов Д. А. Указ. соч. Т. 2. С. 139–143.
34. Печенев В. А. Горбачев: к вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М., 1999. С. 54; Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Указ. соч. С. 32–33; о реакции общества на кампании Андропова см.: Волкогонов Д. А. Указ. соч. Т. 2. С. 143.
35. Рейган — Андропову, 11 июля 1983 г. и Андропов — Рейгану, 27 августа 1983 г. Executive Secretariat NSC, Head of the State File: USSR: Andropov. Box 38. RRPL; Александров-Агентов А. М. Указ. соч. С. 282–283; Dobrynin A. Op. cit. P. 523, 530–532.
36. О том, как инцидент с корейским авиалайнером был воспринят американцами, см.: Pearson D. E. KAL 007: The Cover-up. N. Y.: Summit Books, 1987. О том, как проходило обсуждение этого инцидента в Кремле, см. выдержки из стенографического отчета заседания Политбюро от 2 сентября 1983 г. (Пихоя Р. Г. Советский Союз. С. 438–441); также см.: Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Указ. соч. С. 44–45, 49–50.
37. Dobrynin A. Op. cit. P. 540.
38. В ночь на 23 сентября 1983 г. оперативный дежурный в командном пункте системы предупреждения о ракетном нападении войск ПВО «Серпухов-15» подполковник Станислав Петров получил сообщение системы о запуске ракет с американской базы, однако, проанализировав обстановку, понял, что это ложное срабатывание системы, и принял решение не передавать сигнал тревоги руководству страны. Если бы он доложил об этом инциденте, считает американский автор, «Кремль вполне мог принять решение об ответно-встречном ракетном ударе», см.: Zaloga S. Op. cit. P. 201.
39. Информация ЦК КПСС правительствам государств — участников Организации Варшавского договора, копия направлена генеральному секретарю СЕПГ Эриху Хонеккеру. Без даты, вероятно, 1 или 2 декабря 1983 г.: NSArch.
40. Информация ЦК КПСС правительствам государств — участников Организации Варшавского договора (другой вариант). Без даты, примерно 1 декабря 1983 г.: NSArch.
41. Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Указ. соч. С. 51.
42. Высказывания Олега Гриневского: записи из личного архива автора, Brown.
43. Основу для будущих переговоров, состоящую из четырех элементов, разработала группа, в которую входили госсекретарь Джордж Шульц, советник президента по национальной безопасности Роберт Макфарлейн, помощники президента при Совете национальной безопасности Джэк Мэтлок, Рик Берт, а также

- Джереми Азраэл. См.: Jack Matlock, memorandum for Robert C. McFarlane, February 24, 1984. U. S.-Soviet Relations: «Framework Paper». Matlock Papers. Box 23. RRPL. Также см.: *Matlock J. F. Jr. Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. N. Y.: Random House, 2004. P. 75–87; *Idem. Jr. Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union*. N. Y.: Random House, 1995. P. 84–86.
44. Слова Громыко из дневника Гриневского, запись от 16 января 1984 г. Гриневский цитировал эту запись на конференции в Университете Браун: записи из личного архива автора, Brown. Это и другие свидетельства Гриневского нуждаются в проверке. Там же в Университете Браун Анатолий Черняев заявил, что в международном отделе ЦК «не поняли» смысла речи Рейгана в январе 1984 г.
45. *Dobrynin A.* Op. cit. P. 482.
46. Личные наблюдения автора во время его поездок с лекциями по Советскому Союзу в 1984–1986 гг.; также см.: *Горбачев М. С.* Откровенный диалог о перестройке // Известия. 1990. 29 апр. Цитируется в кн.: *English R. D.* Op. cit. P. 189.
47. Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС, от 12 июля 1984 г. // *SWINP Bulletin* № 4 (Fall 1994). P. 81; *Прибытков В. В.* Аппарат. 390 дней и вся жизнь генсека Черненко. М., 2002. С. 67–70; *English R. D.* Op. cit. P. 186–191.
48. Известия. 1990. 29 апр. Косвенные расходы СССР на оборону включали в себя стоимость военно-промышленной продукции, научные программы, расходы на разведку и т. п. Цифра 40 % приводится в книге Горбачева, см.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 334. К сожалению, пока невозможно подтвердить достоверность этой цифры.
49. Об этих «дискуссиях» см.: *English R. D.* Sources, Methods, and Competing Perspectives on the End of the Cold War // *Diplomatic History* 23, № 2 (Spring 1997). P. 286; *Fischer B. B.* Op. cit. P. 27; *Воротников В. И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 59–62; *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 17.
50. О режиме работы членов, кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарей ЦК КПСС и заместителей председателя Совета министров СССР. Решение Политбюро от 24 марта 1983 г.: *Volkogonov Collection*. LC; *Прибытков В. В.* Указ. соч. С. 128–129.
51. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 264.
52. *Reddaway P.* Khrushchev and Gorbachev: An American View // *Nikita Khrushchev* / Ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000. P. 321–324; *Zubok V. M.*,

- Pleshakov C.* Op. cit. P. 175–179; *Черняев А. С.* Феномен Горбачева в контексте лидерства // *Международная жизнь.* 1993. № 7. С. 51–53. Психологический портрет Горбачева, новатора и лидера переходного периода, дан в кн.: *The Russian Transformation: Political, Sociological, and Psychological Aspects* / Ed. B. Glad, E. Shiraev. N. Y.: St. Martin's Press, 1999.
53. *Taubman W.* Khrushchev. P. 648.
54. Утверждения о том, что Горбачева был избран с небольшим перевесом голосов и ему пришлось скрывать свои реформаторские наклонности от консервативного Политбюро, выглядят неубедительными. Это утверждается, в частности, в кн.: *Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 69, 84, 122–123. Опровержения этой точки зрения даются в кн.: *Ligachev Y.* Inside Gorbachev's Kremlin. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001. P. 69, 72–78; *Пихоя Р. Г.* Советский Союз. С. 448–449; *Печенев В. А.* Указ. соч. С. 110. По воспоминаниям самого Горбачева, процесс его избрания прошел гладко, см.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 265–270; протокол заседания Политбюро от 11 марта 1985 г. (Источник. 1993. № 0. С. 34–75).
55. Речь Горбачева о согласии занять пост генерального секретаря ЦК КПСС. 11 марта 1985 г. (Источник. 1993. № 0. С. 74–75); *Пихоя Р. Г.* Советский Союз.
56. *Воротников В. И.* Указ. соч. С. 86; *Пихоя Р. Г.* Почему распался СССР? С. 18.
57. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 336–337, 338–342. Документы подтверждают, что Горбачев и его «команда» первоначально продолжили курс Андропова по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины; см.: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз. С. 454, 456, 457–463.
58. *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 55–56, 86–89; *Savel'ev A. G., Detinov N. N.* Op. cit. P. 31–53, 83–84.
59. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 2. С. 7.
60. Там же. Т. 1. С. 288–289. Позже, когда Горбачев ушел с головой в «домашние» кризисы и проблемы, он все чаще делегировал международные дела Шеварднадзе. О роли Шеварднадзе см.: *McGiffert E. C., Goodman M. A.* The Wars of Eduard Shevardnadze. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.
61. *Громыко А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 133–137.
62. *English R. D.* Russia and the Idea of the West. P. 212, 330; *Matlock J. F.* Reagan and Gorbachev. P. 214.
63. Об истоках «нового мышления» см.: *English R. D.* Russia and the Idea of the West; *English R. D.* The Road(s) Not Taken: Causality and Contingency in Analysis of the Cold War's End // Cold War

Endgame: Oral History, Analyses, Debates / Ed. W. C. Wohlforth. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 256–257; Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991. С. 37, 181, 188.

64. В эту группу, в частности, входили Георгий Арбатов, Евгений Велихов, Анатолий Черняев, Георгий Шахназаров, Абель Аганбегян и Татьяна Заславская. См.: Brown. Gorbachev Factor. P. 97–103; о роли Арбатова и Велихова в начале горбачевского правления см.: Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1997. С. 23–24; Sagdeev R. Op. cit. P. 266; English R. D. Russia and the Idea of the West. P. 201–202.
65. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 41; Arbatov G. Op. cit. P. 321–322.
66. Записи Черняева, 11 ноября 1982 г.: NSArch; Sagdeev R. Op. cit. P. 268–269.
67. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 36–37, 42–51.
68. Возможно, Горбачеву приходилось касаться ядерной темы и раньше, еще в 1984 г., когда он в отсутствие больного Черненко время от времени председательствовал на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК.
69. Информация Олега Скворцова из его интервью с Олегом Баклановым во время конференции, посвященной окончанию холодной войны. Мершон-центр Огайского государственного университета (Mershon Center, Ohio State University), 15–16 октября 1999 г. Москва.
70. Михаил Горбачев в интервью с Юрием Смирновым. Москва, 23 августа 1994 г. (Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50 годы). С. 333).
71. Gates R. M. Op. cit.; Schweizer P. Reagan's War.
72. Matlock J. F. Reagan and Gorbachev. P. 113–122. Анатолий Черняев, помощник Горбачева по внешней политике с января 1986 г., узнал о существовании этого документа от Мэтлока лишь в 1997 г.
73. О письмах Горбачеву с предложением уйти из Афганистана и об отношении к этому вопросу его советников см. записи из дневника Черняева, датированные 4 апреля, 20 июня и 17 октября 1985 г. (Свободная мысль. 2002. № 11. С. 39–41); Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 276; Корниенко Г. М. Холодная война. С. 197–199.
74. Письма Горбачева Рейгану от 24 марта, 22 июня и 12 сентября 1985 г. Executive Secretariat of the NSC. Head of State File: USSR: Gorbachev. Box 40. RRPL.
75. Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 92, 622–623. В русском издании своих мемуаров Добрынин приводит почти полный текст проекта инструкций, одобренного на Политбюро с поправками.

76. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 2. С. 15; Записи Черняева, заметки о выступлении Горбачева 27 ноября 1985 г.: NSArch. Слова Горбачева, сказанные о Рейгане на Политбюро, см.: Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 655; *Sagdeev R.* Op. cit. P. 271.
77. Черняев А. С. Феномен Горбачева в контексте лидерства // Международная жизнь. 1993. №7. С. 57.
78. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 293.
79. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 61.
80. *English R. D.* Russia and the Idea of the West. P. 210.
81. Горбачев М. С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986; *Garthoff R.* Journey through the Cold War. P. 348–450.
82. Записи Черняева, 20 марта 1986 г.: NSArch.
83. *Garthoff R.* Journey through the Cold War. P. 350; *Gates R. M.* Op. cit, 349–368; *Bearden M., Risen J.* The Main Enemy: The CIA's Final Showdown with the KGB. N. Y.: Random House, 2003. Даже много лет спустя Черняев признавался, что так и не понял причин столь враждебного отношения американского руководства к сигналам из Москвы; см. его высказывания: Brown; а также: Understanding the End of the Cold War, 1980–1987 / Ed. Tannenwald N. An Oral History Conference, Brown University, Providence, R. I., May 1999.
84. Высказывания Роберта Макфарлейна о программе СОИ: Brown; Understanding the End of the Cold War / ed. Tannenwald.
85. Заседание Политбюро. 15 апреля 1986 г. Записи Черняева. АГФ. Ф. 2. Оп. 1.
86. Записи Черняева, 5 апреля и 5 мая 1986 г.: NSArch.
87. Рейган — Горбачеву, ноябрь 1985 г. (без указания числа), после встречи в Женеве. Executive Secretariat of the NSC. Head of State File: USSR: Gorbachev. Box 40. RRPL.
88. *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 72; высказывания генерала Владимира Слипченко и записи автора на конференции: Brown; Understanding the End of the Cold War / Ed. Tannenwald; Заседание Политбюро. 24 марта 1986 г. Записи Анатолия Черняева. АГФ. Ф. 2. Оп. 1; *Sagdeev R.* Op. cit. P. 272.
89. Размышления Горбачева об одностороннем моратории на ядерные взрывы в присутствии председателя КГБ Виктора Чебрикова, Шеварднадзе, главы Военно-промышленной комиссии Льва Зайкова, Добрынина, Александра Яковлева, Владимира Медведева и Черняева 24 марта 1986 г. Записи Черняева: NSArch.
90. *Yaroshinska A.* Chernobyl: The Forbidden Truth. Lincoln: University of Nebraska Press, 1995; Протоколы заседаний Политбюро от 28, 29 апреля и 5 мая 1986 г. (Источник. 1996. № 5. С. 87–103).

91. *English R. D. Russia and the Idea of the West.* P. 215–216.
92. *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 98–99. По свидетельству Джека Мэтлока, нечто похожее произошло с Язовым, министром обороны СССР с мая 1987 г. См.: *Matlock J. F. Autopsy on an Empire.* P. 137.
93. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев; Горбачев-Фонд. М., 2006. С. 43; записи Черняева на заседании Политбюро ЦК КПСС, 3 июля 1986 г. Копия хранится в NSArch.
94. Эта речь зафиксирована в кн.: *Горбачев М. С.* Годы трудных решений. М., 1993. С. 48, 50.
95. Записи автора о высказываниях Гриневского на конференции: *Brown; Understanding the End of the Cold War.*
96. *English R. D. Russia and the Idea of the West.* P. 212.
97. Запись беседы М. С. Горбачева с президентом Ф. Миттераном. 7 июля 1986 г. (АГФ).
98. *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 137–138.
99. Запись беседы М. С. Горбачева с бывшим президентом США Р. Никсоном. 17 июля 1986 г. (АГФ).
100. В Политбюро ЦК КПСС... С. 66, 77, 96, 103, 169.
101. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 306; из записей Черняева на Политбюро, 16 октября 1986 г. (АГФ. Ф. 2. Оп. 1).
102. О войне двух разведок см.: *Matlock J. F. Reagan and Gorbachev.* P. 197–202.
103. Горбачев — Рейгану. 15 сентября 1986 г.: *Executive Secretariat of the NSC. Head of State File: USSR: Gorbachev.* Box 40. RRPL.
104. Главный источник произошедшего — сам Ахромеев, который писал (без указания точной даты), что проект новой военной доктрины был готов вскоре после Рейкьявика. Это означает, что военные начали работу над этим проектом до встречи в верхах; см.: *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 121, 125.
105. *Thatcher M.* Op. cit. P. 470–471; *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 2. С. 26–27.
106. Из записей Черняева на Политбюро, 4 и 8 октября 1986 г. (АГФ. Ф. 2. Оп. 1).
107. Запись беседы М. С. Горбачева с президентом Ф. Миттераном. 7 июля 1986 г. (АГФ; *Brown A. Gorbachev Factor.* С. 226).
108. Установки Горбачева группе по подготовке Рейкьявика. Записи Черняева, 4 октября 1986 г.: NSArch.
109. Записи бесед Горбачева и Рейгана в Рейкьявике, 11–12 октября 1986 г. (Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4, 5, 7, 8); частично переведены в FBIS–USR–93–087, 12 July, 1993, 1–6, а также в FBIS–USR–93–113, 30 August, 1993, 1–11.

110. Беседы Горбачева и Рейгана в Рейкьявике. Утренняя беседа 11 октября 1986 г. (Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4. С. 81–83).
111. *Shultz G. P. Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State.* N. Y.: Scribner's, 1993. P. 760, 765.
112. Беседы Горбачева и Рейгана в Рейкьявике. Встреча днем 12 октября 1986 г. (Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 8. С. 68–78); запись беседы американцев цитируется см.: *Shultz G. P. Op. cit.* P. 767–773; *Matlock J. F. Reagan and Gorbachev.* P. 229. Критический взгляд на действия американцев см.: *FitzGerald F. Op. cit.*
113. Об этом см.: *Matlock J. F. Reagan and Gorbachev.* P. 232–238.
114. Записи Черняева о размышлениях Горбачева по поводу Рейкьявика, 12 октября 1986 г. (АГФ. Ф. 2. Оп. 1).
115. *Горбачев М. С. Жизнь и реформы.* Т. 2. С. 27; *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 120; *Dobrynin A. Op. cit.* P. 606.
116. *Горбачев М. С. Жизнь и реформы.* Т. 1. С. 312, 348.
117. Заседание 1 декабря 1986. О директивах делегации СССР на переговорах по СНВ в Женеве. Записи Черняева: NSArch.
118. Там же.
119. Там же; *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 127.
120. Заседание Политбюро 1 декабря 1986 г. О директивах делегации СССР на переговорах по СНВ в Женеве. Записи Черняева: NSArch.
121. Интервью Олега Скворцова с Владимиром Крючковым, 13 октября и 7 декабря 1998 г.: ОНРЕСВ.
122. *Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым.* С. 69; *Он же.* Феномен Горбачева в контексте лидерства. С. 50–51, 53; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 653.
123. *Cordovez D., Harrison S. S. Op. cit;* также см.: *Crile G. Charlie Wilson's War: The Extraordinary Story of the Largest Covert Operation in History.* N. Y.: Atlantic Monthly, 2003.
124. *Корниенко Г. М. Холодная война.* С. 200–203; записи Черняева и Вадима Медведева о дискуссиях в Политбюро, 21–22 января, 28 февраля, 7 мая, 21–22 мая 1987 г. (АГФ).
125. *Cordovez D., Harrison S. S. Op. cit.* P. 246–248.
126. См. запись беседы Горбачева с Фиделем Кастро (2 марта 1986 г.), Менгисту Хайле Мариам (17 апреля 1987 г.) и Радживом Ганди (2–3 июля 1987 г.) (АГФ).
127. *Matlock J. F. Autopsy on an Empire.* P. 106. Тем не менее передачи радиостанции «Свобода», штаб-квартира которой находилась в Мюнхене, продолжали глушиться.

128. У Черняева сложилось впечатление, что Горбачев лишь весной 1988 г., когда решился на изменение политической системы в СССР, перестал рассматривать вопрос о соблюдении прав человека как некую уступку, необходимую для достижения внешнеполитических задач (из высказываний Черняева в беседе с автором 8 мая 1998 г., г. Провиденс, шт. Род-Айленд, США). Отчеты КГБ за 1985, 1986, 1987 гг.: NSArch; также см.: *Garthoff R. The KGB Reports to Gorbachev // Intelligence and National Security* 11, № 2 (April 1996). P. 224–244.
129. *Пихоя Р. Г.* Почему распался СССР?
130. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 346, 349, 351.
131. Эти суммы назывались Горбачевым и другими членами Политбюро, согласно записям Черняева, сделанным на его заседаниях, 29 мая, 23 октября и 1 декабря 1986 г. (NSArch).
132. О расходах СССР на оборону расчеты экономистов Ю. Д. Маслюкова и Е. С. Глубокова см.: Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / Под ред. А. В. Минаева. М., 1999. С. 105–106; заседания Политбюро 30 октября 1986 г. и 23 апреля 1987 г., записи Черняева: NSArch. Также см.: *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М., 1996. С. 184–192; *Воротников В. И.* Указ. соч. С. 130–131, 164–168; В Политбюро ЦК КПСС... С. 102–103, 169–172. О неготовности и неспособности членов Политбюро справиться с экономическим и финансовым кризисом см.: *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 235–246, 306, 310–311.
133. Заседание Политбюро, 26 февраля 1987 г. Записи Черняева (NSArch).
134. Запись беседы Горбачева с Дж. Андреотти, 27 февраля 1987 г. (АГФ).
135. Заседания Политбюро, 23 и 26 февраля 1987 г. Записи Черняева (NSArch); о горбачевской идее попытаться добиться «вытеснения» американского военного присутствия в Западной Европе см.: *Dobrynin A.* Op. cit. P. 570; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 607.
136. *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 130–133. Еще одной «ошибкой» и «уступкой» Горбачева, за которую его потом нещадно критиковали оппоненты, стало согласие генсека включить в условия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, подписанного на саммите в Вашингтоне в декабре 1987 г., пункт об уничтожении советских ракетных комплексов средней дальности РСД-10 «Пионер» (СС-20), размещенных на азиатской территории СССР (в противовес американским и китайским ра-

- кетам); *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 656–657. По-другому объясняет свою позицию сам Горбачев, см.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Т. 2. С. 35–49; *Shultz G. P.* Op. cit. P. 889–895.
137. Выступление Горбачева на Совете обороны 28 мая 1987 г. Записи Черняева (АГФ. Ф. 2. Оп. 1); *Odom W. E.* The Collapse of the Soviet Military. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998. P. 112–114. Американский военный аналитик Уильям Одом ошибочно посчитал, что перемены наступили осенью 1987 г., когда Горбачев опубликовал свою книгу о перестройке, см.: *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.
138. *Черняев А. С.* Феномен Горбачева в контексте лидерства. С. 53.
139. В то время я работал научным сотрудником в Институте США и Канады АН СССР в Москве и хорошо помню, как многие специалисты из института восприняли эту речь как сигнал к переосмыслению внутренней и внешней политики СССР.
140. *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 191.
141. См. воспоминания переводчика Горбачева Игоря Корчилова: *Korchilov I.* Translating History. N. Y.: Scribner's, 1997. P. 35, 42–43.
142. Для сравнения см.: *Ouimet M. J.* Op. cit. P. 7.

Глава 10

1. Например, см.: *Lebow R. N.* The Long Peace, the End of the Cold War, and the Failure of Realism // International Organization 48 (Spring 1994). P. 249–277; *Gaddis J. L.* International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security 17 (Winter 1992/93). P. 5–58; *Wohlforth W. C.* Realism and the End of the Cold War // International Security 19 (Winter 1994/95). P. 91–129; *Hopf T.* Getting the End of the Cold War Wrong // International Security 18 (Fall 1993). P. 202–208; *Risse-Kappen T.* Did «Peace through Strength» End the Cold War? Lessons from INF // International Security 16 (Summer 1991). P. 162–188; *Tannenwald N., Wohlforth W. C.* The Role of Ideas and the End of the Cold War // Journal of Cold War Studies 7, № 2 (Spring 2005). P. 3–12; *English R. D.* The Sociology of New Thinking: Elites, Identity Change, and the End of the Cold War // Journal of Cold War Studies 7, № 2 (Spring 2005). P. 43–80.
2. *Levesque J.* The Enigma of 1989: The USSR and the Liberation of Eastern Europe. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 252.
3. *Brown A.* Gorbachev Factor. P. 317. Среди других работ, авторы которых придают большое значение личности Горбачева,

- см.: *Greenstein F. I.* Reagan and Gorbachev: What Difference Did They Make? // Retrospective on the End of the Cold War / Ed. W. Wohlforth. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996; а также см.: *Matlock J. F.* Reagan and Gorbachev.
4. *Черняев А. С.* Феномен Горбачева в контексте лидерства; *Он же.* Шесть лет с Горбачевым; а также см.: *Он же.* 1991 год. Дневник помощника президента СССР. М., 1997.
  5. *Волкогонов Д. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 322–323. Обзор точек зрения о роли Горбачева см.: *Guerra A.* Urss. Perché è crollata. Analisi sulla fine di un impero. Rome: Editori Riuniti, 2001. P. 131–160.
  6. *Болдин В. И.* Крушение пьедестала: штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995; *Лигачев Е. К.* Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992; *Воротников В. И.* Указ. соч; *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М., 1996; *Он же.* Перестройка. История предательств. М., 1992; *Крючков В. А.* Личное дело. В 2 т. М., 1996; *Леонов Н. С.* Указ. соч; *Медведев В. Т.* Человек за спиной. М., 1994; *Шенин О. С.* Родину не продавал, и меня обвинили в измене. М., 1994; *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Указ. соч; *Корниенко Г. М.* Холодная война; *Falin V.* Politische Erinnerungen. Munich: Dromer Knaur, 1993; *Печенев В. А.* Взлет и падение Горбачева глазами очевидца. М., 1996; *Он же.* Горбачев: к вершинам власти; *Громыко А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля; *Ельцин Б. Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. Кроме того, я использовал мнения и оценки из интервью Олега Скворцова с бывшими высшими должностными лицами СССР, ОНРЕСВ.
  7. *Черняев А. С.* Феномен Горбачева в контексте лидерства; *Он же.* Шесть лет с Горбачевым; *Он же.* 1991 год. *Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993; *Медведев В. Т.* В команде Горбачева: взгляд изнутри. М., 1994; *Он же.* Распад: как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994; *Яковлев А. Н.* Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 2000; *Шеварднадзе Э. А.* Мой выбор в защиту демократии и свободы. М., 1991; *Грачев А. С.* Дальше без меня. Уход президента. М., 1994; *Он же.* Кремлевская хроника. М., 1994; *Palazhchenko P.* My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. В дополнение к этим источникам я использовал материалы конференций в рамках проекта «Критическая устная история о конце холодной войны», в которых участвовали некоторые из упомянутых выше лиц. См.: Understanding the End of the Cold War, 1980–1987 / Ed. Tannenwald N. An Oral History Conference, Brown University, Providence, R. I., May 1999, а также: The End of the Cold War in Europe, 1989: «New Thinking» and New Evidence // Transcript of the

Proceedings of the Musgrove Conference on the Openness in Russia and Eastern Europe Project, Musgrove Plantation, St. Simon's Island, Ga., May 1–3, 1998, Prepared by Svetlana Savranskaya under the auspices of the National Security Archive, George Washington University.

8. *Брутенц К. Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 651.
9. *Горбачев М. С.* Августовский путч: причины и следствия. М., 1991; *Он же.* Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992; *Он же.* Жизнь и реформы. Т. 1. Т. 2. Также см. его разговор с советской интеллигенцией в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». М., 1987.
10. *Фурман Д.* Феномен Горбачева // Свободная мысль. 1995. №11. С. 62.
11. *Ligachev Y.* Op. cit. P. 126, 128. На русском языке книга Лигачева называется «Загадка Горбачева».
12. *Brooks S. G., Wohlforth W. C.* Economic Constraints and the End of the Cold War // *Cold War Endgame: Oral History, Analysis, Debates* / Ed. W. C. Wohlforth. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 273–309.
13. Олег Гринеvский, руководивший советской делегацией на переговорах в Вене по обычным вооружениям, утверждает, что Кремль даже подумывал о том, чтобы вернуться к «Карибскому сценарию» и разместить советские ракеты в непосредственной близости от США, ответив тем самым на вызывающее поведение американцев, разместивших «Першинги» в Западной Германии. См.: *Grinevsky O.* Understanding the End of the Cold War, 1980–1987 // Provisional transcript of Oral History Conference, Brown University, May 7–10, 1998 / Translated and transcribed by J. W. Dillon. Ed. Tannenwald N. Георгий Корниенко заявил, что ничего подобного не было и утверждение Гринеvского — плод его воображения. (Из телефонного разговора автора с Корниенко в Москве, 29 июня 2002 г.)
14. Черняев, см.: *Grinevsky O.* Op. cit. P. 77–78.
15. *Gates R. M.* Op. cit. P. 330–334, 335–340.
16. Черняев, см.: *Grinevsky O.* Op. cit. P. 78.
17. Совершенно очевидно, что в 1980-х гг. в Советском Союзе не могло использоваться выражение «китайский путь». В то время еще никто не предвидел масштабов и результатов экономических реформ, намеченных Дэн Сяопином в 1978–1979 гг.
18. *Gates R. M.* Op. cit. P. 385–388, 439; *Shultz G. P.* Op. cit. Прежде всего см. P. 765; *Bush G., Scowcroft B.* A World Transformed. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1998; также см. анализ экономического состояния СССР в кн.: *Garthoff R.* Great Transition.

19. Из блокнотов Черняева на Политбюро, 4 и 8 октября 1986 г. (АГФ. Ф. 2. Оп. 1).
20. Майкл Эллман и Владимир Канторович пришли к аргументированному заключению, что «СССР погубила политика, а не экономика. Непосредственной причиной этой гибели, роспуска союзного государства, стала цепь событий, приведенная в действие Горбачевым еще в 1985 г.». *Ellman M., Kantorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System: An Insider's History.* N. Y.: M. E. Sharpe, 1998. P. 22–23, 26, 165–169. Также см.: *Ellman M., Kantorovich V. The Collapse of the Soviet System and the Memoir Literature // Europe-Asia Studies* 49 (March 1997). Это же заключение подтвердил Гайдар в своей книге «Гибель империи».
21. Документы о советской помощи странам-«клиентам» находятся в РГАНИ (фонд 89).
22. *Фурман Д.* Указ. соч. С. 70–71.
23. *Brown A. Gorbachev Factor.* P. 59, 220–230.
24. Устное свидетельство Джеффри Хоу, см.: *Strober D. H., Strober G. S. Reagan: The Man and His Presidency.* Boston: Houghton Mifflin, 1998. P. 327.
25. *Фурман Д.* Указ. соч. С. 71.
26. В начале марта 1988 г. газета «Советская Россия» опубликовала статью «ленинградского преподавателя» Нины Андреевой под заголовком «Не могу поступаться принципами». Эта статья стала манифестом тех, кто был не согласен с направлением горбачевских реформ. В их числе были и некоторые члены Политбюро, в том числе Е. К. Лигачев. Горбачев в это время находился в зарубежной поездке, однако по возвращении он поднял эту тему на заседании Политбюро и воспользовался «делом Андреевой», чтобы подавить оппозицию проводимой им политике гласности и либерализации.
27. Из блокнотов Черняева на Политбюро, 24–25 марта 1988 г. (АГФ. Ф. 2. Оп. 1).
28. Заседание Политбюро, 24–25 марта 1988 г. Записи Черняева: NSArch.
29. *Черняев А. С.* 1991 год. С. 15–16.
30. *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.
31. *Черняев А. С.* Феномен Горбачева в контексте лидерства. С. 52.
32. *Шахназаров Г.* Указ. соч. С. 47; *Фурман Д.* Указ. соч. С. 66; также стоит обратить внимание на слова Владимира Шемятенкова, в 1985–1988 гг. бывшего заместителем заведующего отделом кадров ЦК КПСС, который полагает, что Горбачев был слишком хорош для советского общества. Из интервью Олега Скворцова с Шемятенковым в Москве, 18 ноября 1998 г. (ОНРЕСВ).

33. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 278, 280.
34. Интервью Олега Скворцова с Лигачевым в Москве, 17 декабря 1998 г. (ОНРЕСВ).
35. Медведев В. Т. Человек за спиной. С. 214–215, 225; интервью Олега Скворцова с Валерием Болдиным в Москве, 24 февраля 1999 г. (ОНРЕСВ).
36. Черняев А. С. Феномен Горбачева в контексте лидерства. С. 59.
37. Фурман Д. Указ. соч. С. 65–67.
38. Черняев А. С. Феномен Горбачева в контексте лидерства. С. 56; также см.: Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 241, 343.
39. Фурман Д. Указ. соч. С. 67.
40. Перестройка десять лет спустя (апрель 1985 — апрель 1995 г.). М., 1995. С. 102–103; слова Горбачева косвенно подтверждают воспоминания Лигачева и Болдина о том, что после 1986 г. среди партийных областных и районных секретарей начало расти недовольство Горбачевым прежде всего из-за их реакции на гласность и либерализацию советского режима, а также на неэффективность первоначального плана реформ.
41. Вряд ли мы когда-нибудь получим исчерпывающий ответ на этот важный вопрос. Теоретически, после того как Горбачев начал насаждать «демократизацию партийной жизни», шансы его свержения на каком-нибудь из пленумов ЦК только выросли. Однако Горбачев и тогда, и значительно позже (даже в 1990 г.) сумел сохранить рычаги контроля над партией. Организованной оппозиции против него, способной поддержать альтернативного лидера внутри партии, так и не возникло. Борис Ельцин стал таким альтернативным лидером только потому, что стал изгоем в партии и вышел из нее в 1990 г.
42. Odom W. E. The Sources of 'New Thinking' in Soviet Politics // The Last Decade of the Cold War: From Conflict Escalation to Conflict Transformation / Ed. O. Njolstad. N. Y.: Frank Cass, 2004. P. 150; Ligachev Y. Op. cit. P. 128.
43. Интервью Олега Скворцова с Лигачевым в Москве, 17 декабря 1998 г. (ОНРЕСВ).
44. Интервью Олега Скворцова с Крючковым в Москве, 13 октября и 7 декабря 1998 г. (ОНРЕСВ).
45. Записи Черняева, 31 октября 1988 г. (АГФ); также см.: Palazhchenko P. Op. cit. P. 103–104.
46. На заседании 24 января 1989 г. Горбачев рассказал членам Политбюро о том, что Киссинджер «намекал на идею кондоминиума США — СССР над Европой». «Намекал на то, что Япония, Германия, Испания, Южная Корея поднимаются и давайте, мол, договоримся так, чтобы «европейцы не баловались»». «Эту проблематику нужно основательно доработать, — подвел итог Горба-

- чев, — но так, чтобы не просочилась, потому что в Европе больше всего бояться... попытки сговора между СССР и США за счет Европы». Записи Черняева (АГФ. Ф. 2. Оп. 1). Черняев убежден, что Горбачева предложение Киссинджера не заинтересовало. См.: *End of the Cold War in Europe*. P. 158–159.
47. *Rey M.-P.* «Europe is Our Common Home»: A Study of Gorbachev's Diplomatic Concept // *Cold War History* 2 (January 2004). P. 33–65.
  48. Интервью Олега Скворцова с Сергеем Тарасенко в Москве 19 марта 1999 г. (ОНРЕСВ).
  49. О решающей роли режима закрытости для сохранения социальной стабильности в СССР см.: *Connor W. D.* Soviet Society, Public Attitudes, and the Perils of Gorbachev's Reforms // *Journal of Cold War Studies* 5, № 5 (2003). P. 43–80; *Фурман Д.* Указ. соч. С. 68, 70–71.
  50. *Черняев А. С.* 1991 год. С. 11–12.
  51. Интервью Олега Скворцова с Валерием Болдиным в Москве, 24 февраля 1999 г. (ОНРЕСВ).
  52. *Dobrynin A.* Op. cit. P. 624–627.
  53. *Ibid.* P. 627
  54. Из беседы Корниенко с автором в Москве, 18 октября 1996 г.
  55. *Фурман Д.* Указ. соч. С. 71–72.
  56. *Matlock J. F.* Autopsy on an Empire. P. 16, 672.
  57. *Levesque J.* Op. cit. P. 252; также см.: *Bennett A.* Condemned to Repetition? The Rise, Fall, and the Reprise of Soviet Russian Military Interventionism, 1973–1996. Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1999.
  58. *Громыко А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. С. 182, 184.
  59. Интервью Александра Яковлева и Андрея Грачева цит. в кн.: *Brown A.* Gorbachev Factor. P. 383–384; *Yegorov V.* Out of a Dead End into the Unknown: Notes on Gorbachev's Perestroika. Chicago: Edition 9, 1993; *Шахназаров F.* Указ. соч. С. 147.
  60. Перестройка десять лет спустя. С. 29–30, 60.
  61. Записи Черняева и Медведева на Политбюро, 11 мая 1989 г. Обсуждение докладных записок шести членов Политбюро о ситуации в Прибалтийских республиках (АГФ. Ф. 4. Оп. 1); также см.: Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / Сост. А. Б. Вебер и др. М., 1995. С. 52, 55.
  62. Записи советской стороны о встрече на высшем уровне на Мальте (АГФ. Ф. 4. Оп. 1); *Zelikow P., Rice C.* Germany Unified and Europe Transformed: A Study in Statecraft. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. P. 129.

63. Перестройка десять лет спустя. С. 19.
64. Интервью Олега Скворцова с Лигачевым в Москве, 17 декабря 1998 г. (ОНРЕСВ).
65. См.: *Odom W. E.* Collapse of the Soviet Military.
66. *Levesque J.* Op. cit. P. 2.
67. Интервью Олега Скворцова с Лигачевым в Москве, 17 декабря 1998 г. (ОНРЕСВ); о том, как члены Политбюро, партийные структуры, военные и эксперты оказались отсеченными от процесса выработки внешней политики, в которой монопольно действовали Горбачев и Шеварднадзе, с одним-двумя помощниками, см.: *McGiffert E. C., Goodman M. A.* The Wars of Eduard Shevardnadze. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. С. 71–98.
68. *Kramer M.* The Collapse of East European Communism and the Repercussions within the Soviet Union // Pts. 1 and 2. Journal of Cold War Studies. Vol. 5. № 4 (2003); Vol. 6. № 4 (2004). Pt. 1. P. 178–256; Pt. 2. P. 3–64.
69. Тексты всех этих докладных записок есть в NSArch; *Levesque J.* Op. cit. P. 68–90; *Шахназаров Г.* Указ. соч. С. 369.
70. См.: *Zubok V.* New Evidence on the Soviet Factor in the Peaceful Revolution of 1989 // CWINP Bulletin. № 12/13 (Fall/Winter 2001). P. 10; *Гайдар Е. Т.* Указ. соч. С. 245.
71. Беседа между М. С. Горбачевым с членом ЦК Венгерской социалистической рабочей партии и председателем Совета министров Венгерской Народной Республики Миклошем Неметом, 23 марта 1989 г. Записи Черняева (NSArch).
72. Из беседы автора с Раковским 8 апреля 1999 г. на конференции, посвященной десятилетию круглого стола 1989 г. в Польше, которая была организована Мичиганским университетом, Анн-Арбор. Раковский сообщил Левеку о том, что Горбачев отказался принять его в Москве для консультаций. См.: *Levesque J.* Op. cit. P. 125.
73. Другие подробности об этих событиях можно найти в воспоминаниях последнего посла СССР в ГДР Вячеслава Кочемасова, см.: *Kochemasov V.* Meine letzte Mission. Berlin: Dietz, 1994. P. 168–169. Кочемасов утверждает, что ему принадлежала инициатива решения отдать приказ советскому военному командованию о невмешательстве в события в Лейпциге, где многотысячная демонстрация положила начало мирной революции в ГДР; Сергей Тарасенко сообщил о деятельности Шеварднадзе на конференции в Нью-Йорке (материалы Musgrove I. С. 98).
74. Материалы Musgrove I. С. 79.
75. *Bush G., Scowcroft B.* Op. cit. P. 135.

76. Цит. по: *Talbott S., Beschloss M. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War*. Boston: Little, Brown, 1993. P. 73–100. Например, см.: аналитический обзор Фрица Эрмарта, бывшего в 1989 г. председателем Национального разведывательного совета, ЦРУ (The Russian Revolution and the Future Russian Threat to the West. May 18, 1990). Обзор был рассекречен, и 30 июня 1999 г. выложен Эрмартом на сайте Центра оборонной информации (Center for Defense Information, Johnson Russia List) <http://www.cdi.org/russia/johnson/>. Также см.: документы американских разведслужб: *Rising Political Instability under Gorbachev: Understanding the Problem and Prospects for Resolution, an Intelligent Assessment*. Directorate of Intelligence, April 1989; *Gorbachev's Domestic Gambles and Instability in the USSR, an Intelligent Assessment*. September 1989. В соответствии с законом о свободе информации США оба эти документа рассекречены и доступны (NSArch). Буш и Скоукрофт подчеркивают, что встречи Буша в Польше, где президент США выступил в качестве посредника, сыграли решающую роль в разрешении опасного политического конфликта между Ярузельским и лидерами «Солидарности». См.: *Bush G., Scofield B.* Op. cit. P. 117–123. Это полностью подтверждает сам Ярузельский, см. его воспоминания: *Jaruselski W. Les chaines et le refuge: Memoirs*. P.: Jean-Claude Lattes, 1992. P. 337; *Levesque J.* Op. cit. P. 123.
77. *Baker J. A., III. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992*. With Thomas M. DeFrank. N. Y.: G. P. Putnam's, 1995. P. 144–152; *Bush G., Scofield B.* Op. cit. P. 173.
78. О том, как складывались отношения между СССР и ФРГ до встречи канцлера Коля с Горбачевым, см.: *Smyser W. R.* Op. cit. P. 304–313, 316.
79. Третья беседа М. С. Горбачева с канцлером ФРГ Г. Колем (один на один), Бонн, 14 июня 1989 г. Записи Черняева, переданы им в NSArch.
80. Беседы канцлера Коля и министра иностранных дел Геншера с президентом Неметом и министром иностранных дел Хорном. Palais Gymnich, 25 августа 1989 г. // *Dokumente zur Deutschlandpolitik: Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90* / Hg. H. J. Küsters, D. Hoffmann. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1998. S. 377–382.
81. Интервью Ласло Ковача Жаку Левеку. Будапешт, 2 мая 1992 г. Цитируется в кн.: *Levesque J.* Op. cit. P. 153.
82. Запись беседы Горбачева с Хонеккером, 7 октября 1989 г.; передана Черняевым для NSArch.
83. *Медведев В. А. Распад. С. 171*; записи Черняева, 5 октября 1989 г. (АГФ. Ф. 2. Оп. 2).

84. *Медведев В. А.* Распад. С. 191.
85. *Кузьмин И. Н.* Крушение ГДР. История. Последствия. М., 1996. С. 112–113.
86. Записи Черняева, 5 октября 1989 г. (АГФ. Ф. 2. Оп. 2); *Zubok V.* New Evidence on the Soviet Factor in the Peaceful Revolution of 1989 // *CWHP Bulletin*. № 12/13 (Fall/Winter 2001). P. 13; В Политбюро ЦК КПСС... С. 524.
87. *Zelikow P., Rice C.* Op. cit. P. 83.
88. *Воротников В. И.* Указ. соч. С. 347; Тезисы к началу выступления Горбачева на Совете обороны (АГФ).
89. *Воротников В. И.* Указ. соч. С. 350–351; Запись беседы между М. С. Горбачевым и генеральным секретарем Центрального комитета СЕПГ Эгоном Кренцем, 1 ноября 1989 г., запись А. С. Черняева (АГФ). Немецкая версия опубликована в *International Cold War History Bulletin*. Winter/Fall 2001. P. 140–151.
90. Наиболее полный и всесторонний отчет об этих событиях в кн.: *Hertle H.-H.* Chronik des Mauerfalls. Die dramatischen Ereignisse um den 9. November 1989. Berlin: Ch. Links Verlag, 1996; также см.: *Максимычев И.* Берлинская стена: Ее падение глазами очевидца // Независимая газета. 1993. 10 нояб.; *Kochemasov V.* Op. cit. P. 185; *Кузьмин И. Н.* Указ. соч. С. 60.
91. *Levesque J.* Op. cit. P. 162–165.
92. *Воротников В. И.* Указ. соч. С. 311–318; Союз можно было сохранить. С. 75–77.
93. *Шахназаров Г.* Указ. соч. С. 353.
94. *Levesque J.* Op. cit. P. 83, 178–181, 255. Советские послы и руководители советских спецслужб в восточноевропейских столицах, как и некоторые хорошо информированные советники Горбачева (один из них, Вадим Загладин, ездил в Чехословакию в июле 1989 г.), постоянно предупреждали Москву о серьезности происходящего. Вместе с тем никто не мог предвидеть, какой именно характер примут революционные события в странах Восточной Европы.
95. *Dobrynin A.* Op. cit. P. 627–628, 630–631, 642; разговор автора с Добрыниным. Москва, 18 июня 1999 г.; кроме того, см.: *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 261–268.
96. *Baker J. A., III.* Op. cit. P. 144–152; *Bush G., Scowcroft B.* Op. cit. P. 173.
97. Запись этой беседы цитируется в кн.: *Zelikow P., Rice C.* Op. cit. P. 398–399.
98. *Bush G., Scowcroft B.* Op. cit. P. 317.
99. Советский вариант записи беседы М. С. Горбачева с президентом США Джорджем Бушем (встреча один на один), 2 декабря 1989 г. (АГФ). Павел Палажченко, переводивший эту беседу, расска-

- зал автору о том, как удивлен был Горбачев тем, что Буш начал беседу не с Германии, а с Кубы и Никарагуа; также см.: *Bush G., Scowcroft B.* Op. cit. P. 165.
100. Запись советской стороной беседы М. С. Горбачева с президентом США Джорджем Бушем (встреча один на один), 2 декабря 1989 г. (АГФ).
  101. Термин «Рапалло» восходит к двустороннему договору между Германией и Советской Россией в 1922 г., заключенному во время Генуэзской конференции в г. Рапалло (Италия). Этот договор о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий, торгово-экономических связей стал неприятным сюрпризом для других держав, поскольку он бросал вызов «версальской системе», созданной в Европе лидерами Великобритании, Франции и США.
  102. *Kvitsinsky Yu. A.* Vor dem Sturm: Errinerungen eines Diplomaten. Translated by Hilde and Helmut Ettinger. Berlin: Siedler Verlag. 1993. S. 16–17; *Zelikow P., Rice C.* Op. cit. P. 124–125; узкое совещание в ЦК КПСС по германскому вопросу, 28 января 1990 г., запись Черняева (NSArch).
  103. *Zelikow P., Rice C.* Op. cit.
  104. О ситуации внутри советской «империи» и причинах ее нестабильности см.: *Zaslavsky V.* Nationalism and Democratic Transition in Postcommunist Societies // *Daedalus* (Spring 1992). P. 99–119; также см.: *Zaslavsky V.* Collapse of Empires: The Soviet Union // *After Empire* / Ed. K. Barkley, M. Hagen. Boulder, Colo.: Westview, 1997; *Tuminez A. S.* Nationalism, Ethnic Pressures, and the Breakup of the Soviet Union // *Journal of Cold War Studies* 5, № 4 (2003). P. 81–136.
  105. Из беседы автора с Георгием Шахназаровым, 9 ноября 1997 г., Яхранка, Польша.
  106. Наиболее развернутый анализ финансовых причин краха СССР дан в кн.: *Гайдар Е. Т.* Указ. соч. Главы 6 и 7. Прежде всего см. с. 318, 332, 344.
  107. *Matlock J. F.* Autopsy on an Empire. P. 551–559; *Brown A.* Gorbachev Factor. P. 291.
  108. Подробнее см.: *Черняев А. С.* 1991 год. С. 186–207; также см.: Путч. Хроника тревожных дней. М., 1991.
  109. *Odom W. E.* Collapse of the Soviet Military; Taylor B. D. The Soviet Military and the Disintegration of the USSR // *Journal of Cold War History* 5, № 1 (Winter 2003). P. 17–66.
  110. *Matlock J. F.* Autopsy on an Empire. P. 612–647; *Dunlop J. B.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1995. Наиболее полный и всесторон-

- ний анализ этих событий на архивных материалах в российской исторической литературе дан в кн.: *Пухоя Р. Г.* Советский Союз. 111. *Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., 1991. С. 109, 110.
112. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997. Т. 2. С. 560, 562.

Заключение

1. На эту тему см.: *Westad O. A.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. N. Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 4, 396–397.
2. Parallel History Project of NATO and the Warsaw Pact: Annual Report, 2003. P. 9.
3. *Brudny I.* Op. cit. P. 58; *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2. Эпоха Брежнева. Ч. 2. М., 2006. С. 843, 876.
4. См.: *Nuti L., Zubok V.* Ideology // Cold War History / Ed. S. R. Dockrill, G. Hughes. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 73–110.
5. *Logevall F.* Bernath Lecture: A Critique of Containment // Diplomatic History 28 (September 2004). P. 475–484.
6. *Zubok V. M.* Reagan the Dove: Soft Power // New Republic. June 21, 2004. P. 11–12.
7. Этот тезис ярко изложен в кн.: *Malia M.* The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. N. Y.: Free Press, 1994. P. 50–78.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Архив внешней политики Российской Федерации, г. Москва

Архив «Горбачев-Фонда», г. Москва

Архив Итальянской коммунистической партии, Fondazione Gramsci, г. Рим (Италия)

Архив национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона, Вашингтон, округ Колумбия (США)

Архив общества «Мемориал», г. Москва и г. Санкт-Петербург

Архив Президента Грузии, г. Тбилиси (Грузия)

Архив Президента Российской Федерации, г. Москва

Архив ЦК Коммунистической партии Армении, г. Ереван (Армения)

Библиотека конгресса, рукописный отдел, Вашингтон, округ Колумбия (США):

Коллекция Аверелла У. Гарримана

Коллекция Дмитрия Волкогонова

Библиотека президента Рональда Рейгана, Сими-Вэлли, штат Калифорния (США)

Государственный архив Российской Федерации, г. Москва

Главный государственный архив Англии («Паблик рекордс офис»), Лондон

Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики, г. Баку (Азербайджан)

Государственный архив Армении, г. Ереван (Армения)

Гуверовский институт войны, революции и мира Стенфордского университета, г. Стенфорд, штат Калифорния (США)

Документы по Восточной Германии в Государственном архиве Германии, Берлин (ФРГ)

Национальный архив США, Колледж-парк, штат Мэриленд (США)

Проект по международной истории холодной войны, Международный научный центр Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия (США)

Российский государственный архив новейшей истории, г. Москва

Российский государственный архив литературы и искусства, г. Москва

Российский государственный архив социальной и политической истории, г. Москва

Центр хранения документов молодежных организаций (бывший Центральный архив ВЛКСМ), г. Москва

Центральный архив документальных коллекций г. Москвы

Центральный архив общественных движений г. Москвы

Центральный государственный архив современной истории, г. Тбилиси (Грузия)

Документы

Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2. Атомная бомба 1945–1954. Кн. 1 / Под общ. ред. Л. Д. Рябева, отв. сост. Г. А. Гончаров. Саров: РФЯЦ–ВНИИЭФ, 1999.

Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. 1947–1967 гг. В 2 т. Т. 1. 1947–1956; Т. 2: 1957–1967 гг. / Отв. ред. В. В. Наумкин. М.: Международный Фонд «Демократия» (МФД), 2003.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957) пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, М. Прозуменщиков. М.: Международный фонд «Демократия» (МФД), 2001.

Давидсон А., Мазов С., Цыпкин Г. СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / Сост. К. Аймермахер, В. Афиани, М. Ю. Прозуменщиков и др. М.: РОССПЭН, 2002.

Еврейский антифашистский комитет в СССР в 1941–1948 гг. Документированная история. Сб. документов / Сост. Р. Шимон и Г. Костырченко. М.: Международные отношения, 1996.

Идеологические комиссии ЦК КПСС, 1958–1964. Документы / Сост. Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афиани, Л. А. Величанская и др. Вступ. ст. К. Аймермахера. М.: РОССПЭН, 1998.

Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Под ред. Р. Г. Пихои, А. Гейштора; сост. Н. С. Лебедева, Н. А. Петросова и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

Кинематограф «оттепели». Документы и свидетельства / Сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 1998.

Коминтерн против фашизма. Документы / Сост. Дамье В. В. и др. М.: Наука, 1999.

Кремлевский самосуд (Сб. документов). Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М.: Родина, 1994.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: Международный фонд «Демократия» (МФД), 1999.

Молотов, Маленков, Каганович, 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Ковалева Н. и др.; под ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия» (МФД), 1998.

НКВД и польское подполье 1944–1945 гг. (По «особым папкам» И. В. Сталина) / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / Сост. Хлевнюк О. В. и др. М.: РОССПЭН, 2002.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Сб. документов. Т. 1 / Отв. ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003.

Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов / Сост. Г. Бордюгов, Л. Кошелева, Л. Роговая / Под ред. Г. Бордюгова, Б. Бонвеча, Н. Неймарка. М.: Россия молодая, 1994.

Советская жизнь. 1945–1953. Сб. документов. / Сост. Зубкова Е. Ю. и др. М.: РОССПЭН, 2003.

Советско-израильские отношения. Сб. документов. Т. 1. 1941–1953 / Сост. Б. Л. Колоколов, Э. Бенцур и др. М.: Международные отношения, 2000.

Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Сост. Г. М. Адибеков и др. М.: РОССПЭН, 1998.

Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / Сост. А. Б. Вебер и др. М.: Горбачев-Фонд; Апрель-85, 1995.

СССР и германский вопрос, 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации / Сост. Г. П. Кынин, Й. Лауфер. В 3 т. М.: Международные отношения, 2000.

СССР — Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сб. документов / Сост. Г. Бордюгов, Г. Матвеев, А. Косецкий и А. Паковский; под ред. Г. А. Бордюгова, А. Коханьского, Л. А. Роговой. М.: АИРО, 1995.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001.

Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов / Сост. Т. В. Волокитина, Д. А. Ермакова, Г. П. Мурашко и др. М.: РОССПЭН, 1998.

Dokumente zur Deutschlandpolitik: Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90 / Hg. H. J. Küsters, D. Hoffmann. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1998.

The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents / Ed. C. Bekes, M. Byrn, J. Rainer. Budapest: Central European University Press, 2003.

The Prague Spring, 1968: A National Security Archive Documents Reader / Ed. J. Navratil, M. Byrn, P. Kornbluh, et al. Budapest: CEU Press, 1998.

Primary Source Documents for an International Conference, «The Cuban Missile Crisis: A Political Perspective after 40 Years» / Ed. Th. Blanton, P. Kornbluh, S. Savranskaya, M. Byrne. Palacio de Convenciones, La Habana, Cuba, October 11–13, 2002. Unpublished.

Литература

Адамский В. Б., Смирнов Ю. Н. Моральная ответственность ученых и политических лидеров в ядерную эпоху // Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96, Дубна, 14–18 мая 1996 г. М.: ИздАТ, 1997.

Аджубей А. И. Крушение иллюзий. Время в событиях и лицах. М.: Интербук, 1991.

Агурский М. Пепел Клааса. Разрыв. Иерусалим: URA, 1996.

Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Международные отношения, 1992.

Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.

Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В. О подготовке закрытого доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС в свете новых документов // Новая и новейшая история. 2002. № 2.

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1994.

Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985). Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991.

Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М.: ГазОйл Пресс, 1998.

Батыгин Г. С., Ярмольник Ц. Ф. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Безыменский Л. А. Кто и как готовил в Германии день икс // Новое время. 1953. № 27 (июль).

Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. 1947–1967. В 2 т. / Отв. ред. В. В. Наумкин. Т. 1: 1947–1956. М.: Международный фонд «Демократия», 2003.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995.

Боков Ф. Е. Весна победы. М.: Мысль, 1985.

Болдин В. И. Крушение пьедестала: штрихи к портрету М. С. Горбачева. М.: Республика, 1995.

Бордюгов Г. А. Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

Борис Пастернак и власть. 1956–1972 гг. Документы / Под ред. В. Ю. Афиани и Н. Г. Томилиной. М.: РОССПЭН, 2001.

Бовин А. Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: «Захаров», 2003.

Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005.

Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 2005.

Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. М.: Политиздат, 1990.

Быстрова И. В. Советский военный потенциал периода холодной войны в американских оценках // Отечественная история. 2004. № 2.

Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1980-е гг. Экономические аспекты развития // Экономическая история. Ежегодник / Отв. ред. Л. И. Бородин, Ю. А. Петров. М.: РОССПЭН, 2003.

В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. Горбачев-Фонд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Велихов Е. П. Наука работает на безъядерный мир // Международная жизнь. 1988. № 10.

Виноградов В. М. Дипломатия: люди и события. Из записок посла. М.: РОССПЭН, 1998.

Владимиров Л. В. Россия без прикрас и умолчаний. Франкфурт: Издательство «Посев», 1969.

Власов Н. А. Десять лет рядом с Курчатовым // Воспоминания об академике И. В. Курчатове / Под ред. М. К. Романовского. М.: Наука, 1983.

Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. М.: Книжная палата, 1990.

Волкогонов Д. А. Семь вождей: галерея лидеров СССР. В 2 т. М.: Новости, 1995.

Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000.

Волков В. К. За советами в Кремль. Запись беседы И. В. Сталина с руководителями СЕПГ. Март 1946 // Исторический архив. 2002. № 2.

Волков С. В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: Фонд «Развитие», 1999.

Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002.

Воронков В. И. События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории. 1995. № 10.

Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Совет ветеранов книгоиздания: SI-MAR, 1995.

Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. В 2 т. / Под ред. Т. В. Волокитиной, Т. М. Исламова, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носковой и др. Т. 1. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 2. 1949–1953. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Гай Д., Снегирев В. Вторжение // Знамя. 1991. № 3–4 (март — апрель).

Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

Ганковский Ю. Кто, где, когда принял решение о вводе советских войск в Афганистан? // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5.

Гареев М. А. Почему и как мы вошли в Афганистан // Ориентир (Москва). 1994. № 6.

Гасанлы Дж. СССР — Турция. Полигон холодной войны. Баку: Адильоглу, 2005.

Гасанлы Дж. Южный Азербайджан. Начало холодной войны. Баку: Адильоглу, 2003.

Гибианский Л. Я. Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12.

Гибианский Л. Я. Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // Russian History — Histoire Russe 29, № 2–4 (2002). С. 197–215.

Гибианский Л. Я. Сталин и триестинское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война / Под ред. А. О. Чубарьяна, Н. И. Егоровой, И. В. Гайдука. М.: ИВИ РАН, 1998.

Голованов Я. Беседа на даче // Комсомольская правда. 1989. 30 сент.

Гончаров Г. А. Хронология основных событий истории создания водородной бомбы в СССР и США // Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50 годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96, Дубна, 14–18 мая 1996 г. М.: ИздАТ, 1997.

Гончаров С., Усов В. Переговоры А. Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 5.

Горбачев М. С. Андропов: новый генеральный секретарь действует // Свободная мысль. 1995. № 11.

Горбачев М. С. Августовский путч: причины и следствия. М.: Новости, 1991.

Горбачев М. С. Годы трудных решений. М.: Альфа-Принт, 1993.

Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. М.: Новости, 1992.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2 т. М.: Новости, 1995.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987.

Горбачев М. С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М.: Новости, 1986.

Горбачев М., Млынар З. Диалог о перестройке, «Пражской весне» и о социализме. 1994 (Неопубликованная рукопись, любезно предоставлена Робертом Инглишем).

Городницкий А. Возьмемся за руки, друзья // ЛГ–Досье Барды (приложение к «Литературной газете»). 1992. № 11.

Грачев А. С. Дальше без меня. Уход президента. М.: Прогресс — Культура, 1994.

Грачев А. С. Горбачев. М.: Вагриус, 2001.

Грачев А. С. Кремлевская хроника. М.: ЭКСМО, 1994.

Грибков А. И. Доктрина Брежнева и польский кризис начала 80-х годов // Военно-исторический журнал. 1992. № 9.

Григоренко П. Г. В подполье можно встретить только крыс. М.: Звенья, 1997.

Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М.: Вагриус, 1998.

Громов Е. С. Сталин. Власть и искусство. М.: Республика, 1998.

Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: ИПО «Автор», 1997.

Громыко А. А. Памятное. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1988.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2. Эпоха Брежнева. Ч. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение — ВЦИОМ-А, 2004.

Гудков Л. Д. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2 (58).

Дедков И. Как трудно даются иные дни. Из дневниковых записей 1953–1974 гг. // Новый мир. 1996. № 4.

Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1997.

Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественной мысли России / Под ред. Т. А. Павловой. М.: ИВИ РАН, 1997.

Евтушенко Е. Волчий паспорт. М.: Вагриус, 1998.

Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. По рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3 (май — июнь).

Елизаветин А. И. Переговоры Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 1.

Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М.: ПИК, 1990.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999.

Зезина М. Р. Шоковая терапия: от 1953 к 1956 году // Отечественная история. 1995. № 3.

Зеленов М. В. И. В. Сталин о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» — и идеологическая подготовка к мировой войне // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 3–40.

Зеленов М. В. Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934–1936 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6.

Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: ЗАО «Центрполиграф», 1999.

Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека // Отечественная история. 1998. № 4.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1965. М.: Россия молодая, 1993.

Зубкова Е. Ю. Сталин и общественное мнение в СССР // Сталин и холодная война / Под ред. А. О. Чубарьяна, И. В. Гайдука, Н. И. Егоровой. М.: ИВИ РАН, 1998.

Зубок В. М. Небо над сверхдержавами // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 7.

Илизаров Б. С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3–4.

Иноземцев Н. Н. Фронтовой дневник. М.: Наука, 2005.

Иофе В. В. Политическая оппозиция в Ленинграде 50–60-х // Звезда. 1997. № 7 (июль).

Исмаилов Э. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945–1953. Баку: Адильоглы, 2003.

Израэлян В. Л. На фронтах холодной войны. Записки советского посла. М.: Мир, 2003.

Каманин Н. П. Скрытый космос. Т. 1. М.: Инфортекст-ИФ, 1997.

Квицинский Ю. А. Время и случай: заметки профессионала. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Кеворков В. Тайный канал. М.: Гея, 1997.

Кирпиченко В. А. Из архива разведчика. М.: Международные отношения, 1993.

Киселева, Кишмарева, Тюричева (Дневник Евгении Киселевой) / Публикация Е. М. Ольшанской // Новый мир. 1992. № 2.

Кнышевский П. Н. Добыча. Тайны германских репараций. М.: Собратья, 1994.

Коваль К. И. На посту заместителя Главноначальствующего СВАГ, 1945–1949 гг. // Новая и новейшая история. 1987. № 3.

Коваль К. И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М.: РОССПЭН, 1997.

Коваль К. И. Записки уполномоченного ГКО на территории Германии // Новая и новейшая история. 1994. № 3.

Козаков М. Актерская книга. М.: Вагриус, 1997.

Козлов А. Козел на саксе. М.: Вагриус, 1998.

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М.: Институт философии РАН, 1996.

Козлова Н. Н. Крестьянский сын. Опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6.

Конец холодной войны: новые факты и аспекты (Сб. научных трудов) / Отв. ред. В. М. Зубок, С. Ю. Шенин, А. А. Шубин. Саратов: Научная книга, 2004.

Кончаловский А. С. Низкие истины. М.: Совершенно секретно, 1998.

Корниенко Г. М. Упущенная возможность. Встреча Н. С. Хрущева и Д. Кеннеди в Вене в 1961 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 2.

Корниенко Г. М. Холодная война: свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1994.

Корни травы. Сб. ст. молодых историков. М.: Звенья, 1996.

Косенко И. Н. Тайна «авиационного дела» // Военно-исторический журнал. 1994. № 6.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001.

Кочарянц С. Г., Горин Н. Н. Страницы истории ядерного центра «Арзамас-16». Арзамас-16: ВНИИЭФ, 1993.

Кочкин Н. В. СССР, Англия, США и «Турецкий кризис». 1945–1947 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 3 (май – июнь).

Крючков В. А. Личное дело. В 2 т. М.: Олимп, 1996.

Кузьмин И. Н. Крушение ГДР. История. Последствия. М.: Научная книга, 1996.

Кынин Г. П. Антигитлеровская коалиция и послевоенное устройство Германии // Международная жизнь. 1995. № 8.

Кынин Г. П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании, 1941–1943. Обзор документов // Новая и новейшая история. 1995. № 1.

Кынин Г. П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании, 1944–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 4.

Лаврова Т. В. Черноморские проливы (исторический очерк). Ростов н/Д, 1997.

Ладыженский Я. Красноярск-26 // Дружба народов. 1996. № 6.

Ледовский А. В. Сталин и Чан Кайши. Тайная поездка сына Чана в Москву в декабре 1945 – январе 1946 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 4 (июль – август).

Ледовский А. В. Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5 (сентябрь – октябрь).

Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях / Сост. В. Шелудько. Ростов н/Д: Феникс, 1989.

Леонов Н. С. Лихолетье. М.: Международные отношения, 1995.

Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск: Интербук, 1992.

Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Анна Берзер. Прощание. М.: Книга, 1990.

Ляховский А. Пламя Афгана. М.: Вагриус, 1999.

Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ «Искона», 1995.

Максимова Э. Подслушали и расстреляли // Известия. 1992. 16 июля.

Малашенко Е. И. Операция «Вихрь» // Военно-исторический журнал. 1993. № 11.

Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М.: Техно-экос, 1992.

Медведев Р. А. Личность и эпоха: политический портрет Л. И. Брежнева. В 2 т. М.: Новости, 1991.

Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. Политическая биография Юрия Андропова. М.: Права человека, 1999.

Медведев Р. А., Ермаков Д. «Серый кардинал»: М. А. Суслов, политический портрет. М.: Изд-во «Республика», 1992.

Медведев В. А. Распад: как он назревал в «мировой системе социализма». М.: Международные отношения, 1994.

Медведев В. А. В команде Горбачева: взгляд изнутри. М.: Былина, 1994.

Медведев В. Т. Человек за спиной. М.: Русслит, 1994.

Мелконян Э. Пути политической адаптации армянской диаспоры // Выступление на международной конференции «Грузия, Армения и Азербайджан в холодной войне: новые архивные доказательства», г. Цинандали, Грузия, 8–9 июля 2002 г.

Мгеладзе А. И. Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Тбилиси, 2001.

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.

Мильтштейн М. А. Сквозь годы войн и нищеты. Воспоминания военного разведчика. М.: ИТАР-ТАСС, 2000.

Мирский Г. И. Полвека в мире востоковедения // Восток. 1996. № 6.

Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Млечин Л. М. МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М.: Центрполиграф, 2001.

Млечин Л. М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М.: Центрполиграф, 1999.

Мозговой А. Ф. Кубинская самба квартета «фокстротов». Советские подводные лодки в Карибском кризисе 1962 года. М.: Военный парад, 2002.

Морозов Б. Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив: Иврус, 1998.

Мусатов В. Л. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М.: Научная книга, 1996.

Нагибин Ю. Дневник. М.: Книжный сад, 1996.

Наринский М. Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 года. Новые данные // Новая и новейшая история. 2004. № 2 (март — апрель).

Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП–96, Дубна, 14–18 мая 1996 г. М.: ИздАТ, 1997.

Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было. Н. Новгород: Арзамас-16, 1995.

Негин Е. А., Смирнов Ю. Н. Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами? // Наука и общество: история советского атомного проекта (40 и 50-е годы). Труды международного симпозиума (14–18 мая, 1996 г., Дубна). М.: ИздАТ, 1997.

Некрасов В. Трагедия моего поколения // Литературная газета. 1990. 12 сент. № 37 (5311).

Новиков Н. В. Воспоминания дипломата, 1938–1947. М.: Политиздат, 1989.

Огнетов И. Тонкинский инцидент и советская помощь Вьетнаму // Международная жизнь. 1999. № 5.

Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. Анн Арбор: Ardis, 1983.

Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.

Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Жизнь Бориса Пастернака. Документальное повествование. СПб.: Звезда, 2004.

Перестройка десять лет спустя (апрель 1985 — апрель 1995). М.: Апрель-85, 1995.

Печатнов В. О. Фултонская речь Черчилля // Источник. 1998. № 1.

Печатнов В. О. «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю. Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре — декабре 1945 г. // Источник. 1999. № 2.

Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. Документальные очерки. М.: ТЕРРА, 2006.

Печенев В. А. Горбачев: к вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М.: Господин народ, 1999.

Печенев В. А. Взлет и падение Горбачева глазами очевидца. М.: Республика, 1996.

Пихоя Р. Г. Почему распался СССР? // Конец холодной войны: новые факты и аспекты: Сб. научных трудов / Отв. ред. В. М. Зубок, С. Ю. Шенин, А. А. Шубин. Саратов: Научная книга, 2004.

Печенев В. А. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Поликовская Л. В. Мы предчувствие... предтеча... Площадь Маяковского. 1958–1965 / Ред. А. И. Добкин; НИПЦ «Мемориал». М.: Звенья, 1997.

Померанц Г. С. Записки гадкого утенка. М.: Московский рабочий, 1998.

Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Н. Косыгине. М.: Республика, 1997.

Прибытков В. В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь генсека Черненко. М.: Молодая гвардия, 2002.

Путч. Хроника тревожных дней. М.: Прогресс, 1991.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Решетников В. Драма маршала Новикова // Красная звезда. 1993. 5 июня.

Руггенталер П. Новые советские документы к ноте Сталина от 10 марта и к австрийскому «краткому договору» от 13 марта 1952 (неопубликованная статья).

Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М.: Книга, Просвещение, Милосердие, 1996.

Рыжков Н. И. Перестройка. История предательств. М.: Новости, 1992.

Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи, беседы, дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004.

Самойлов Д. Поденные записи. В 2 т. М.: Время, 2002.

Сахаров А. Д. Воспоминания. Нью-Йорк: Chekhov Press, 1990.

Семанов С. Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М.: Вече, 2002.

Семенов В. С. От Хрущева до Горбачева. Из дневника В. С. Семенова // Новая и новейшая история. 2004. № 3, 4.

Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине // Знамя. 1988. № 4. С. 96–99.

Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя, 1942–1945. М.: Известия, 1981.

Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996.

Славинский Б. Н. Советская оккупация Курильских островов и планы захвата северной части Хоккайдо // Знакомьтесь — Япония. 1993. № 1.

Славинский Б. Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий»: современное документальное переосмысление. М.: ТОО «Новина», 1996.

Славкин В. Памятник неизвестному стилисте. М.: Артист-Режиссер-Театр, 1996.

Слущкий Б. Из записок о войне // Огонек. 1995. № 17 (апрель).

Смирнов Ю. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2.

Снегирев Г. И. Вторжение // Знамя. 1989. № 3.

Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / Под ред. А. В. Минаева. М.: Военный парад, 1999.

Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. Т. 2. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 1997.

Создание первой советской ядерной бомбы / Под ред. В. Н. Михайлова, А. М. Петросьянца. М.: Энергоатомиздат, 1995.

Солдатенков П. Владимир Высоцкий. М.: Олимп, 1999.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. М.: Русский путь, 2002.

Сталин и холодная война / Под ред. А. О. Чубарьяна, И. В. Гайдук, Н. И. Егоровой. М.: ИВИ РАН, 1998.

Стратегическое ядерное вооружение России / Под ред. П. Л. Подвига. М.: ИздАТ, 1998.

Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М.: Новый хронограф, 2003.

Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. В 2 кн. М.: Современник; ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гей, 1996.

Судьбы российского крестьянства / Под ред. Н. А. Ивницкого. М.: РГГУ, 1996.

Суходрев В. Язык мой — друг мой. От Хрущева до Горбачева. М.: Олимп-АСТ, 1999.

Таранов Е. «Раскачаем Ленинские горы!»: из истории «вольнодумства» в Московском университете (1955–1956) // Свободная мысль. 1993. № 10.

Тарле Е. В. Политика. История территориальных захватов. XV–XX вв. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.

Таубкин Д., Лясс Ф. О статье Костырченко «Прощание с мифом сталинской эпохи» // Заметки по еврейской истории 2002. № 22. <http://www.berkovich-zametki.com>

Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. 1989. № 7–9.

Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2002. № 4.

Трояновский О. А. Карибский кризис — взгляд из Кремля // Международная жизнь. 1992. № 3–4.

Трояновский О. А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М.: Вагриус, 1997.

Трубецкой С. Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991.

Устинов Д. Ф. Отвести угрозу ядерной войны. М.: Политиздат, 1982.

Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Республика; Современник, 1999.

Филитов А. М. СССР и Германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961) // Холодная война 1945–1963. Историческая ретроспектива. Сб. ст. / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Фурман Д. Феномен Горбачева // Свободная мысль. 1995. № 11.

Фурсенко А. А. Необычная судьба разведчика Г. Н. Большакова // Новая и новейшая история. 2005. № 4.

Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М.: Наука, 2006.

Харитон Ю. Б., Смирнов Ю. Н. Мифы и реальность советского атомного проекта. Арзамас-16: ВНИИЭФ, 1994.

Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива. Сб. ст. / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Хрущев Н. С. Мемуары // Вопросы истории. 1990–1995.

Хрущев С. Н. Никита Хрущев: кризис и ракеты. В 2 т. М.: Новости, 1994.

Чазов Е. И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992.

Черкашин Н. А. Повседневная жизнь российских подводников. М.: Молодая гвардия, 2000.

Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М.: Международные отношения, 1995.

Черняев А. С. 1991 год. Дневник помощника президента СССР. М.: ТЕРРА; Республика, 1997.

Черняев А. С. Феномен Горбачева в контексте лидерства // Международная жизнь. 1993. № 7.

Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М.: Издательская группа «Прогресс»; Культура, 1997.

Чуев Ф. Каганович, Шепилов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М.: Согласие, 1997.

Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Россия — Зевс, 1993.

Шеварднадзе Э. А. Мой выбор в защиту демократии и свободы. М.: Новости, 1991.

Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Edition q, 1995.

Шенин О. С. Родину не продавал, и меня обвинили в измене. М.: Палес, 1994.

Шень Чжихуа. Столкновение и урегулирование интересов в процессе переговоров о китайско-советском Договоре 1950 года // Проблемы дальнего Востока. 2002. № 4.

Шерстяной Э. Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2.

Шубин А. В. Истоки перестройки, 1978–1984. Т. 1. М.: Академия наук, 1997.

Эймонтова Р. Г. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3–6; 2000. № 1–6.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 2000.

Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.

Яковлев А. Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000.

Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М.: Новости, 2000.

Abernethy D. B. The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415–1980. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001.

Abrahamian E. Iran between the Two Revolutions. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1982.

Adamsky V. B., Smirnov Y. N. Soviet 50-Megaton Test in 1961 // CWHIP Bulletin, № 4 (Fall 1994).

Adomeit H. Soviet Risk-Taking and Crisis Behavior: A Theoretical and Empirical Analysis. Boston: George Allen and Unwin, 1982.

Aga-Rossi E., Zaslavsky V. Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archive di Mosca. Rome: Il Mulino, 1997.

Agursky M. The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder, Colo.: Westview, 1987.

Akinsha K., Kozlov G. *Beautiful Loot: The Soviet Plunder of Europe's Art Treasures*. With Sylvia Hochfield. N. Y.: Random House, 1995.

Aksenov V. *In Search of Melancholy Baby*. N. Y.: Random House, 1987.

Aksyutin, Yuri. *Why Stalin Chose Confrontation Rather Than Cooperation with the Wartime Allies after the Victory? Some Socio-Psychological Aspects of the Cold War Origins*. Paper presented at conference «The New Evidence on the Cold War». Moscow, January 12–15, 1993.

Alexeyeva L., Goldberg P. *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1990.

Alperovitz G. *Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam – The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power*. Boulder, Colo.: Pluto Press, 1994.

Anderson R. D., Jr. *Public Politics in an Authoritarian State: Making Foreign Policy during the Brezhnev Years*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1993.

Andrew C. M., Gordievsky O. *Comrade Kryuchkov's Instructions: Top Secret Files on KGB Foreign Operations, 1977–1985*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1994.

Andrew C. M., Mitrokhin V. *The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB*. N. Y.: Basic Books, 1999.

Andrei Sakharov: *Facets of a Life* / Ed. P. N. Lebedev. Hong Kong: Edition Frontières, 1991.

Arbatov G. *The System: An Insider's Life in Soviet Politics*. N. Y.: Times Books, 1992.

Assessing the Soviet Threat: The Early Cold War Years / Ed. W. J. Kuhns. Langley, Va.: Center for the Study of Intelligence, 1997.

Baev J. *Bulgaria and the Political Crises in Czechoslovakia (1968) and Poland (1980/81)* // *CWIHP Bulletin*, № 11 (Winter 1998).

Bahr E. *Zu meiner Zeit*. Munich: Carl Blessing Verlag, 1996.

Bajanov E. *Assessing Politics of the Korean War, 1949–1951* // *CWHIP Bulletin*, № 6–7 (Winter 1995/96).

Baker J. A., III. *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992*. With Thomas M. Defrank. New York: G. P. Putnam's, 1995.

Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. L.: Longman, 1991.

Baring A. *Machtwechsel: Die Ära Brandt-Scheel*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1982.

Barsukov N. *The Rise to Power* // *Nikita Khrushchev: Fresh Perspectives on the Last Communist* / ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000.

Bearden M., Risen J. *The Main Enemy: The CIA's Final Showdown with the KGB*. N. Y.: Random House, 2003.

Beevor A. *The Fall of Berlin 1945*. N. Y.: Viking, 2002.

Bennett A. *Condemned to Repetition? The Rise, Fall, and the Reprise of Soviet Russian Military Interventionism, 1973–1996*. Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1999.

The Beria Affair / Ed. D. M. Stickle. N. Y.: Nova Science, 1992.

Beria S. *Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin* / Ed. Françoise Thom. London: Duckworth, 2001.

Beschloss M. *The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960–1963*. N. Y.: Edward Burlingame Books, 1991.

Beyond the Cold War: New Dimensions in International Relations / Ed. G. Lundestad, O. A. Westad. N. Y.: W. W. Norton, 1982.

Bischof G. *Austria in the First Cold War, 1945–55*. N. Y.: St. Martin's 1999.

Blight J. G., Allyn B. J., Welch D. A. *Cuba on the Brink: Castro, the Missile Crisis, and the Soviet Collapse*. N. Y.: Pantheon Books, 1993.

Blight J. G., Allyn B. J., Welch D. A. *Kramer vs. Kramer* // CWIHP Bulletin, № 3 (Fall 1993).

Blight J. G., Brenner Ph. *Sad and Luminous Days: Cuba's Struggle with the Superpowers after the Missile Crisis*. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2002.

Bonwetsch B., Bordjugov G. *Stalin und die SBZ: Ein Besuch der SED Führung in Moskau vom 30. Januar-7. Februar 1947* // *Viertelsjahrshefte für Zeitgeschichte* 42, № 2 (1994). S. 279–303.

Boterbloem K. *The Life and Times of Andrei Zhdanov, 1896–1948*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2004.

Brandenberger D. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.

Brandenberger D. L., Dubrovsky A. M. «The People need a Tsar»: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941 // *Europe-Asia Studies* 50 (1998).

Brandt W. *Erinnerungen*. Berlin: Siedler Verlag, 1989.

Brenner P., Blight J. G. *Cuba, 1962: The Crisis in Cuban-Soviet Relations: Fidel Castro's Secret 1968 Speech* // CWIHP Bulletin, № 5 (Spring 1995).

Brent J., Naumov V. P. *Stalin's Last Crime: The Plot against the Jewish Doctors, 1948–1953*. N. Y.: HarperCollins, 2003.

Brezhneva L. *The World I Left Behind: Peaces of the Past*. N. Y.: Random House, 1995.

Brodsky, Joseph. *On Grief and Reason: Essays*. N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1995.

Brooks J. *Stalin's Ghost: Cold War Culture and the U. S.-Soviet Relations // After Stalin's Death: The Cold War as International History* / Ed. K. Larres, K. Osgood. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2003.

Brooks J. *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2000.

Brooks S. G., Wohlforth W. C. *Economic Constraints and the End of the Cold War // Cold War Endgame: Oral History, Analysis, Debates* / Ed. W. C. Wohlforth. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003.

Brown A. *The Gorbachev Factor*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Brudny I. *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

Brzezinski Z. *The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. L.: Macdonald Books, 1989.

Brzezinski Z. *Power and Principle: Memoirs of the National Security Advisor, 1977–1981*. N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1983.

Bukovsky V. *To Build a Castle: My Life as a Dissenter*. N. Y.: Viking Press, 1977.

Bundy M. *Danger and Survival*. N. Y.: Random House, 1988.

Bunn G. *Arms Control by Committee: Managing Negotiations with the Russians*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.

Burlatsky F. *Khrushchev and the First Russian Spring: The Era of Khrushchev Through the Eyes of His Advisor*. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1991.

Burr W. *Eisenhower's Search for Flexibility: Strategy and Diplomacy during the Berlin Crisis, 1958–1960* // Paper presented at the conference «The Second Berlin Crisis». Woodrow Wilson Center for International Scholars, Washington, D. C., May 1993.

Burr W., Richelson J. T. *A Chinese Puzzle* // *Bulletin of Atomic Scientists* 53, № 4 (July – August 1997).

Burr W., Richelson J. T. *Whether to «Strangle the Baby in the Cradle»: The United States and the Chinese Nuclear Program, 1960–1964* // *International Security* 3 (Winter 2000–2001).

Bush G., Scowcroft B. *A World Transformed*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1998.

Bushnell J. *The «New Soviet Man» Turns Pessimist* // *The Soviet Union Since Stalin* / Ed. S. F. Cohen, A. Rabinowitch, R. Sharlet. Bloomington: Indiana University Press, 1980.

Buwalda P. *They Did Not Dwell Alone: Jewish Immigration from the Soviet Union, 1967–1990*. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press 1997.

Cahn A. Killing Détente: The Right Attacks the CIA. University Park: Pennsylvania State University Press, 1998.

Carlisle O. A. Solzhenitsyn and the Secret Circle // Under the New Sky: A Reunion with Russia, by Olga Andreyev Carlisle. N. Y.: Ticknor and Fields, 1993.

Catudal H. Kennedy and the Berlin Wall Crisis: A Case Study of the U. S. Decision-Making. Berlin: Berlin-Verlag, 1980.

Caute D. The Dancer Defects: The Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War. N. Y.: Oxford University Press, 2003.

Chang G. H. Friends and Enemies: The United States, China and the Soviet Union, 1948–1972. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990.

Chaqueri C. The Soviet Social Republic of Iran, 1920–1921: Birth of the Trauma. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995.

Chen Jian. Beijing and the Hungarian Crisis of 1956 // Paper presented at the conference «The Soviet Union, Germany, and the Cold War: New Evidence from Eastern Archives». Essen, Germany, June 28–30, 1994.

Chen Jian. China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation. N. Y.: Columbia University Press, 1994.

Chen Jian. Mao's China and the Cold War. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001.

Chen Jian, Wilson D. L. All Under the Heaven Is Great Chaos: Beijing, the Sino-Soviet Border Clashes, and the Turn toward Sino-American Rapprochement, 1968–1969 // CWIHP Bulletin, № 11 (Winter 1998).

Chernyaev A. S. My Six Years with Gorbachev. Translated and edited by Robert D. English and Elizabeth Tucker. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.

Chinese Communist Foreign Policy and the Cold War in Asia: Documentary Evidence / Ed. Zhang Shuguang, Chen Jian. Chicago: Imprint Publications, 1996.

Chipman D. Admiral Gorshkov and the Soviet Navy. // <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1982/jul-aug/chipman.html>

Cohen S. F. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. N. Y.: Oxford University Press, 1985.

Cold War Endgame: Oral History, Analysis, Debates / Ed. W. C. Wohlforth. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003.

Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955 / Ed. G. Bischof, S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State University, 2000.

Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. J. L. Gaddis, P. H. Gordon, E. R. May, J. Rosenberg. N. Y.: Oxford University Press, 1999.

Connor W. D. Soviet Society, Public Attitudes, and the Perils of Gorbachev's Reforms // *Journal of Cold War Studies* 5, № 5 (2003).

Conze E. No Way Back to Potsdam: The Adenauer Government and the Geneva Summit // *Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955* / Ed. G. Bischof, S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State University, 2000.

Cordovez D., Harrison S. S. Out of Afghanistan: The Inside Story of the Soviet Withdrawal. N. Y.: Oxford University Press, 1995.

Costigliola F. I Had Come as a Friend: Emotion, Culture, and Ambiguity in the Formation of the Cold War // *Cold War History* (August 2000).

Costigliola F. «Like Animals or Worse»: Narratives of Culture and Emotion by U. S. and British POWs and Airmen behind Soviet Lines, 1944–1945 // *Diplomatic History* 28 (November 2004).

Creuzberger S. Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. Cologne-Weimar: Bhlau, 1996.

Crile G. Charlie Wilson's War: The Extraordinary Story of the Largest Covert Operation in History. N. Y.: Atlantic Monthly, 2003.

Cristescu C. Ianuarie 1951: Stalin decide inarmarea Romanei // *Magazin Istoric* 10 (Bucharest) (1995).

Derluguian G. A Tale of Two Cities // *New Left Review* 3 (May/June 2000).

Detinov N., Savelyev A. The Big Five: Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Westport, Conn.: Praeger, 1995.

Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung, 1945–1955. Beiträge / Hg. S. Karner, P. Ruggenthaler, B. Stelzl-Marx. Vienna: Oldenbourg Verlag, 2005.

Dijk R. V. The Bunkruptcy of Stalin's German Policy, 1949–1953 // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999.

Dimitrov G. The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949. Introduced and edited by Ivo Banac. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003.

Djilas M. Conversations with Stalin. Translated by M. B. Petrovich. N. Y.: Harcourt, Brace and World, 1962.

Dobrenko E. The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2001.

Dobrynin A. In Confidence: Moscow Ambassador to America's Six Cold War Presidents (1962–1986). N. Y.: Random House, 1995.

Dockrill S. The Eden Plan and European Security // *Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955* / Ed. G. Bischof and S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State University, 2000.

Dudziak M. Cold War Civil Rights: Race and the Image of American Democracy. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2000.

Duiker W. J. Ho Chi Minh. N. Y.: Hyperion, 2000.

Dunlop J. B. *New Russian Revolutionaries*. Belmont, Mass.: Nordland, 1976.

Dunlop J. B. *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1995.

Le Concept d'Empire / Ed. Maurice Duverger. Paris: Presses Universitaires de France, 1980.

Eisenberg C. *Drawing the Line: The American Decision to Divide Germany, 1944–1949*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Eisenberg C. *The Old Cold War // Review of No Exit: America and the German Problem, 1943–1954, by James McAllister / Diplomatic History 28, № 5 (November 2004)*.

Ellman M., Kantorovich V. *The Collapse of the Soviet System and the Memoir Literature // Europe-Asia Studies 49 (March 1997)*.

Ellman M., Kantorovich V. *The Destruction of the Soviet Economic System: An Insider's History*. N. Y.: M. E. Sharpe, 1998.

The End of the Cold War in Europe, 1989: «New Thinking» and New Evidence // Transcript of the Proceedings of the Musgrove Conference on the Openness in Russia and Eastern Europe Project, Musgrove Plantation, St. Simon's Island, Ga., May 1–3, 1998, Prepared by Svetlana Savranskaya under the auspices of the National Security Archive, George Washington University.

Engerman D. C. *The Romance of Economic Development and the New Histories of the Cold War // Diplomatic History 28, № 1 (January 2004)*.

English R. D. *The Road(s) Not Taken: Causality and Contingency in Analysis of the Cold War's End // Cold War Endgame: Oral History, Analyses, Debates / Ed. W. C. Wohlforth. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003.*

English R. D. *Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War*. N. Y.: Columbia University Press, 2000.

English R. D. *The Sociology of New Thinking: Elites, Identity Change, and the End of the Cold War // Journal of Cold War Studies 7, № 2 (Spring 2005)*.

English R. D. *Sources, Methods, and Competing Perspectives on the End of the Cold War // Diplomatic History 23, № 2 (Spring 1997)*.

Entspannung und Wiedervereinigung: Deutschlandpolitische Vorstellungen Konrad Adenauers 1955–1958. Vol. 2. Rhondorfer Gespräche / Hg. Schwarz H.-P. Stuttgart: Belser, 1979.

Erdmann Andrew P. N. *War No Longer Has Any Logic Whatever: Dwight D. Eisenhower and the Thermonuclear Revolution // Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. J. L. Gaddis, et al. N. Y.: Oxford University Press, 1999.*

Erickson J. Soviet War Losses: Calculations and Controversies // Barbarossa: The Axis and the Allies / Ed. J. Erickson, D. Dilks. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.

The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / Ed. N. Naimark, L. Gibiansky. Boulder, Colo.: Westview, 1997.

Evangelista M. Soviet Scientists and Nuclear Testing, 1954–1963 // Paper presented at the conference «The New Evidence on the Cold War». Moscow, January 12–15, 1993.

Evangelista M. Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War. Itchaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999.

Falin V. Politische Erinnerungen. Munich: Dromer Knaur, 1993.

The Fall of Detente: Soviet-American Relations during the Carter Years / Ed. O. A Westad. Oslo: Scandinavian University Press, 1997.

Faraday G. Revolt of the Filmmakers: The Struggle for Artistic Autonomy and the Fall of the Soviet Film Industry. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.

Farber D. The Age of Great Dreams: America in the 1960s. N. Y.: Hill and Wang, 1994.

Farber D. Taken Hostage: The Iran Hostage Crisis and America's First Encounter with Radical Islam. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2004.

Fatemi F. S. The USSR in Iran. Cranbury, N. J.: A. S. Barnes, 1980.

Ferguson N. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. N. Y.: Basic Books, 2003.

Fischer B. B. A Cold War Conundrum: The 1983 Soviet War Scare. An Intelligence Monograph. Langley, Va.: Center for the Study of Intelligence, September 1997.

FitzGerald F. Way Out There in the Blue: Reagan, Star Wars, and the End of the Cold War. N. Y.: Simon and Schuster, 2000.

Frankel E. R. «Novy Mir»: A Case Study in the Politics of Literature, 1952–1958. N. Y.: Cambridge University Press, 1981.

Friedberg M. A Decade of Euphoria: Western Literature in Post-Stalin Russia, 1954–1964. Bloomington: Indiana University Press, 1977.

Fromkin D. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. N. Y.: Owl Books, 2001.

Fulop-Miller R. The Mind and Face of Bolshevism: An Examination of Cultural Life in the Soviet Union. Translated by F. S. Flint and D. F. Tait. N. Y.: Harper and Row, 1965.

Fursenko A., Naftali T. Khrushchev's Cold War: The Inside Story of an American Adversary. N. Y.: W. W. Norton, 2006.

Fursenko A., Naftali T. «One Hell of a Gamble»: Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964. N. Y.: W. W. Norton, 1997.

Gaddis J. L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security 17 (Winter 1992/93).

Gaddis J. L. The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System // *International Security* 10, № 4 (Spring 1986).

Gaddis J. L. *We Now Know: Rethinking Cold War History*. N. Y.: Oxford University Press, 1996.

Gaiduk I. V. *Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003.

Gaiduk I. V. *The Soviet Union and the Vietnam War*. Chicago: Ivan R. Dee, 1996.

Galay N. Soviet Youth and the Army // *Bulletin of the Institute for the Study of the USSR* (Munich) (February 1963).

Gardner L. C. *Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta*. Chicago: Ivan R. Dee, 1993.

Garthoff R. Berlin 1961: The Record Corrected // *Foreign Policy* 84 (Fall 1991).

Garthoff R. *Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Rev. ed. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1994.

Garthoff R. *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1994.

Garthoff R. *A Journey through the Cold War: A Memoir of Containment and Coexistence*. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 2001.

Garthoff R. The KGB Reports to Gorbachev // *Intelligence and National Security* 11, № 2 (April 1996).

Garthoff R. *Reflections on the Cuban Missile Crisis*. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1987.

Gates R. M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. N. Y.: Simon and Schuster, 1996.

Gelman H. *The Brezhnev Politburo and the Decline of Détente*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1984.

Gerovitch S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Boston: Massachusetts Institute of Technology Press, 2002.

Gibiansky L. The Soviet Block and the Initial Stage of the Cold War: Archival Documents on Stalin's Meetings with Communist Leaders of Yugoslavia and Bulgaria, 1946–1948 // *CWIHP Bulletin*, № 10 (March 1998).

Gibiansky L. Sowjetisierung Osteuropas – Character und Typologie // *Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953)* / Hg. M. Lemke. Cologne: Bohlau, 1999.

Ginor I. «Under the Yellow Arab Helmet Gleamed Blue Russian Eyes»: Operation Kavkaz and the War of Attrition // *Cold War History* 1 (October 2002).

Glejjeses P. *Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959–1976*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002.

Glejjeses P. *Havana's Policy in Africa, 1959–1976: New Evidence from Cuban Archives* // *CWIHP Bulletin*, № 8–9 (Winter 1996/97)

Gluchowski L. W. *Khrushchev, Gomulka, and the «Polish October»* // *CWIHP Bulletin*, № 5 (Spring 1995).

Gluchowski L. W. *The Soviet-Polish Confrontation of October, 1956. The Situation in the Polish Internal Security Corps*. With Edward Nalepa // *CWIHP working paper* № 17 (1997).

Goedde P. *GIs and Germans: Culture, Gender, and Foreign Relations, 1945–1949*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003.

Goldberg J. J. *Jewish Power: Inside the American Jewish Establishment*. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1996.

Goldgeier J. M. *Leadership Style and Soviet Foreign Policy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994.

Goncharov S. N., Lewis J. W., Litai Xue. *Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1993.

Gorbachev M. *On My Country and the World*. N. Y.: Columbia University Press, 2000.

Gorbachev Mikhail and Zdenek Mlynar. *Conversations with Gorbachev*. Introduction by Archie Brown. N. Y.: Columbia University Press, 2001.

Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. N. Y.: Oxford University Press, 2004.

Gould-Davies N. *Rethinking the Role of Ideology in International Politics during the Cold War* // *Journal of Cold War Studies* 1 (Winter 1999).

Granville J. *The First Domino: International Decision Making during the Hungarian Crisis of 1956*. College Station: Texas A&M University Press, 2004.

Granville J. *Tito and the «Nagy Affair»* // *East European Quarterly* 32, № 1 (1998).

Gray C. S. *The Most Dangerous Decade: Historic Mission, Legitimacy, and Dynamics of the Soviet Empire in the 1980s* // *Orbis* 25, № 1 (Spring 1981).

Greenstein F. I. *Reagan and Gorbachev: What Difference Did They Make?* // *Retrospective on the End of the Cold War* / Ed. W. Wohlforth. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

Gribkov A., Smith W. *Operation Anadyr: U. S. and Soviet Generals Recount the Cuban Missile Crisis*. Chicago, 1994.

Grinevsky O. *Understanding the End of the Cold War, 1980–1987* // Provisional transcript of Oral History Conference, Brown University,

May 7–10, 1998. Translated and transcribed by J. W. Dillon. Edited by Nina Tannenwald.

Griscom R. Report on Soviet Youth // Ladies Home Journal, February 1957.

Guerra A. Urss. Perché è crollata. Analisi sulla fine di un impero. Rome: Editori Riuniti, 2001.

Haftendorn H. Security and Détente: Conflicting Priorities in German Foreign Policy. N. Y.: Praeger, 1985.

Hanhimäki J. The Flawed Architect: Henry Kissinger and American Foreign Policy. N. Y.: Oxford University Press, 2004.

Hansen J. Correlation of Forces: Four Decades of Soviet Military Development. N. Y.: Praeger, 1987.

Hansen J. Soviet Deception in the Cuban Missile Crisis // Studies of Intelligence 46, № 1 (2002).

Hanson Ph. The Rise and Fall of the Soviet Economy. L.: Pearson Education, 2003.

Harriman A. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y.: Random House, 1975.

Harrison H. Driving the Soviets Up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2003.

«Hart und kompromisslos durchgreifen». Die SED contra Polen 1980/81. Geheimakten der SED-Führung über die Unterdrückung der polnischen Demokratiebewegung / Hg. von Michael Kubina und Manfred Wilke. Berlin: Akademie Verlag, 1995.

Hasanli J. P. The Place Where the Cold War Began: Southern Azerbaijan, 1945–1946. Baku: Muterjim, 1999.

Hasanli J. P. Soviet Policy in the Iranian Azerbaijan, 1945–1946: The first Crisis of the Cold War // Paper presented at the international conference «Georgia, Armenia, and Azerbaijan in the Cold War: New Archival Evidence». Tsinandali, Georgia, July 8–9, 2002.

Hasegawa Ts. The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. Vol.1. Between War and Peace, 1697–1985. Research Series № 97. Berkeley: University of California, 1998.

Hasegawa Ts. Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.

Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. L.: Macmillan, 1984.

Haynes J. E., Klehr H. Venona: Deciding Soviet Espionage in America. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.

Hazard E. W. Cold War Crucible: United States Foreign Policy and the Conflict in Romania, 1943–1953. N. Y.: Columbia University Press, 1996.

Heikal M. Sphinx and Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Arab World. L.: Collins, 1978.

Herrnstadt R. Das Herrnstadt-Dokument: Das Politburo der SED und die Geschichte des 17. Juni 1953 / Hg. Nadja Stulz-Herrnstadt. Hamburg: Rowohlt, 1990.

Hersh S. The Price of Power: Kissinger in the Nixon White House. N. Y.: Summit Books, 1983.

Hershberg J. G. Anatomy of a Controversy: Anatoly F. Dobrynin's Meeting with Robert F. Kennedy, Saturday, 27 October 1962 // CWIHP Bulletin, № 5 (Spring 1995).

Hershberg J. G. Before «The Missiles of October»: Did Kennedy Plan a Military Strike against Cuba? // The Cuban Missile Crisis Revisited / Ed. J. A. Nathan. N. Y.: St. Martin's, 1992.

Hertle H.-H. Chronik des Mauerfalls. Die dramatischen Ereignisse um den 9. November 1989. Berlin: Ch. Links Verlag, 1996.

Hewett E. A. Open for Business: Russia's Return to the Global Economy. With Clifford G. Gaddy. Washington, D. C.: Brookings Institution, 1992.

Hewlett R. G., Holl J. M. Atoms for Peace and War, 1953–1961: Eisenhower and the Atomic Energy Commission. Berkeley: University of California Press, 1989.

Hirshson S. P. General Patton: A Soldier's Life. N. Y.: HarperCollins, 2002.

Hitchcock W. I. France Restored: Cold War Diplomacy and the Quest for Leadership in Europe, 1944–1954. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998.

Hixson W. L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961. N. Y.: St. Martin's, 1997.

Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1994.

Holloway D. The Soviet Union and the Arms Race. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1983.

Hopf T. Getting the End of the Cold War Wrong // International Security 18 (Fall 1993).

Hoskings G. Russia: People and Empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987.

Hunt M. H. Ideology and U. S. Foreign Policy. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1987.

Iatrides J. O. Revolution or Self-Defense? Communist Goals, Strategy, and Tactics in the Greek Civil War // Journal of Cold War Studies 7, № 3 (Summer 2005).

Immerman R. «Trust in the Lord but Keep Your Powder Dry»: American Policy Aims at Geneva // Cold War Respite: The Geneva

Summit of 1955 / Ed. G.Bischof, S. Dockrill, Baton Rouge: Louisiana State University, 2000.

The Impact of World War II on the Soviet Union / Ed. S. J. Linz. Totowa, N. J.: Rowman and Allanheld, 1985.

Isaacson W. Kissinger: A Biography. N. Y.: Simon and Schuster, 1992.

Israelyan V. Inside the Kremlin during the Yom Kippur War. University Park: Pennsylvania State University Press, 1996.

Jakobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley: University of California Press, 1994.

Jaruselski W. Les chaines et le refuge: Memoirs. Paris: Jean-Claude Lattes, 1992.

Jervis R. Stalin, an Incompetent Realist // National Interest (Winter 1997/98).

John Foster Dalles and the Diplomacy of the Cold War: A Reappraisal / Ed. R. Immerman. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1989.

Kalugin O., Montaigne F. The First Directorate. N. Y.: St. Martin's, 1994.

Kania S. Zatrzymac konfrontacje. Warsaw: BGW, 1991.

Karnow S. Vietnam: A History. N. Y.: Penguin, 1997.

Kelleher C. Germany and the Politics of Nuclear Weapons. N. Y.: Columbia University Press, 1975.

Kenez P. Cinema and Soviet Society from the Revolution to the Death of Stalin. N. Y.: I. B. Tauris, 2001.

Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Kersten K. The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943–1948. Translated by John MacGiel and Michael H. Bernhard. Berkeley: University of California Press, 1991.

Khrushchev N. Khrushchev Remembers: The Last Testament. Translated and edited by Strobe Talbott. Boston: Little, Brown, 1971.

Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes / Ed. J. L. Schecter, V. V. Luchkov. Boston: Little, Brown, 1990.

Khrushchev S. Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.

Kissinger H. Diplomacy. N. Y.: Simon and Schuster, 1994.

Kissinger H. Ending the Vietnam War: A Personal History of America's Involvement in and Extrication from the Vietnam War. N. Y.: Touchstone, 2002.

Kissinger H. White House Years. Boston: Little, Brown, 1982.

Kissinger H. The Years of Renewal. N. Y.: Simon and Schuster, 1999.

Kissinger H. The Years of Upheaval. Boston: Little, Brown, 1982.

The Kissinger Transcripts: The Top Secret Talks with Beijing and Moscow / Ed. W. Burr. N. Y.: New Press, 1998.

Klehr H., Haynes J. E. *Venona: Decoding Soviet Espionage in America*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.

Kochemasov V. *Meine letzte Mission*. Berlin: Dietz, 1994.

Kokoshin A. A. *Soviet Strategic Thought, 1917–1991*. Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1998.

Korchilov I. *Translating History*. N. Y.: Scribner's, 1997.

Korol V. E. *The Price of Victory: Myths and Realities* // *Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 9. № 2 (1996).

Kosthorst D. *Brentano und die deutsche Einheit: die Deutschland – und Ostpolitik des Aussenministers im Kabinett Adenauer, 1955–1961*. Dusseldorf: Droste, 1993.

Kostyrchenko G. V. *Out of the Red Shadow: Anti-Semitism in Stalin's Russia*. N. Y.: Prometheus Books, 1995.

Kotkin S. *The Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.

Kotz D., Weir F. *Revolution from Above: The Demise of the Soviet System*. L.: Routledge, 1997.

Kramer M. *The Collapse of East European Communism and the Repercussions within the Soviet Union* // Pts. 1 and 2. *Journal of Cold War Studies*. Vol. 5. № 4 (2003); Vol. 6. № 4 (2004).

Kramer M. *Colonel Kuklinski and the Polish Crisis, 1980–1981* // *CWHP Bulletin*, № 11 (Winter 1998).

Kramer M. *The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy Making (Part 1)* // *Journal of Cold War Studies*. Vol. 1. № 1 (Winter 1999).

Kramer M. *Jaruzelski, the Soviet Union, and the Imposition of Martial Law in Poland: New Light on the Mystery of December 1981* // *CWHP Bulletin*, № 11 (Winter 1998).

Kramer M. *New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises* // *CWHP Bulletin*, № 8–9 (Winter 1996/97).

Kramer M. *Soviet Deliberations during the Polish Crisis, 1980–1981* // *CWHP working paper* № 1. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 1999.

Kramer M. *The Soviet Union and the Founding of German Democratic Republic: 50 Years Later – A Review Article* // *Europe-Asia Studies* 51. № 6. 1999.

Kramer M. *Tactical Nuclear Weapons, Soviet Command Authority, and the Cuban Missile Crisis* // *CWHP Bulletin*, № 3. Fall 1993.

Kramer M. Ukraine and the Soviet-Czechoslovak Crisis of 1968 (Part 1): New Evidence from the Diary of Petro Shelest // CWIHP Bulletin, № 10. March 1998.

Krementsov N. Stalinist Science. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

Krylova A. «Healers of Wounded Souls»: The Crisis of Private Life in Soviet Literature and Society, 1944–1946 // Journal of Modern History 73 (June 2001). P. 307–331.

Kuisong Yang. The Sino-Soviet Border Clash of 1969: From Zhenbao Island to Sino-American Rapprochement // Cold War History 1 (2000).

Kuisong Yang. The Soviet Factor and the CCP's Policy towards the United States // Chinese Historians 5, № 1 (Spring 1992).

Kuniholm B. The Origins of the Cold War in the Near West. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1980.

Kvitsinsky Yu. A. Vor dem Sturm: Erinnerungen eines Diplomaten. Translated by Hilde and Helmut Ettinger. Berlin: Siedler Verlag. 1993.

Laqueur W. The Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. N. Y.: HarperCollins, 1993.

Laufer J. Stalin and German Reparations, 1941–1953 // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999.

Laufer J. Die UdSSR und die deutsche Währungsfrage, 1944–1948 // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte 3 (July 1998).

Lebow R. N. The Long Peace, the End of the Cold War, and the Failure of Realism // International Organization 48 (Spring 1994).

Lebow R. N., Stein J. G. We All Lost the Cold War. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994.

Leffler M. P. A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1992.

L'Estrange Fawcett, L. Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives. N. Y.: Rowman and Littlefield, 2002.

Levesque J. The Enigma of 1989: The USSR and the Liberation of Eastern Europe. Berkeley: University of California Press, 1997.

Lewis J., Litai Xue. China Builds a Bomb. Stanford University Press, 1988.

Liang Chin-tung. The Sino-Soviet Treaty of Friendship and Alliance of 1945: The Inside Story // Nationalist China during the Sino-Japanese War, 1937–1945 / Ed. P. K. T. Sih. Hicksville, N. Y.: Exposition Press, 1977.

Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001.

Ligachev Y. Inside Gorbachev's Kremlin. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001.

Li Zhisui. The Private Life of Chairman Mao: The Memoirs of Mao's Personal Physician. N. Y.: Random House, 1994.

Logevall F. Bernath Lecture: A Critique of Containment // Diplomatic History 28 (September 2004).

Logevall F. Choosing War: The Lost Chance for Peace and the Escalation of War in Vietnam. Berkeley: University of California Press, 1999.

Loth W. The Origins of Stalin's Note of 10 March 1952 // Cold War History 2 (January 2004).

Loth W. Stalin's Unwanted Child: The Soviet Union, the German Question, and the Founding of the GDR. Translated by Robert F. Hogg. L.: Macmillan, 1998.

Lukes I. Czechoslovakia between Hitler and Stalin: The Diplomacy of Edward Benes in the 1930s. N. Y.: Oxford University Press, 1996.

Lytle M. H. The Origins of the Iranian-American Alliance, 1941–1953. N. Y.: Holmes and Meier, 1987.

Macdonald D. J. Formal Ideologies in the Cold War: Toward a Framework for Empirical Analysis // Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretations, Theory / Ed. O. A. Westad. L.: Frank Cass, 2000.

Maier Ch. S. Dissolution: The Crisis of Communism and the End of East Germany. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1997.

Major P., Mitter R. East Is East and West Is West? Toward a Comparative Socio-Cultural History of the Cold War // Cold War History 1 (October 2003).

Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. N. Y.: Free Press, 1994.

Mark Ed. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // Journal of American History 68 (September 1981).

Mark Ed. «Charles E. Bohlen and the Acceptable Limits of Soviet Hegemony in Eastern Europe: A Memorandum of 18 October 1945». Diplomatic History 3 (Spring 1979).

Mark Ed. Revolution by Degrees: Stalin's National-Front Strategy for Europe, 1941–47 // CWHIP working Paper № 31. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2000.

Mark Ed. The Turkish War Scare of 1946 // Origins of the Cold War: An International History, edited by Melvyn Leffler and David Painter. N. Y.: Routledge, 2005.

Mark Ed. Venona's Source 19 and the «Trident» Conference of May 1943: Diplomacy or Espionage? // Intelligence and National Security 13, № 2 (Summer 1998).

Mark Ed. *The War Scare of 1946 and Its Consequences* // *Diplomatic History* 21, № 3 (Summer 1997).

Martin T. D. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2001.

Mastny V. *The Cassandra in the Foreign Office* // *Foreign Affairs* 54 (January 1976).

Mastny V. *Cold War and Soviet Insecurity: Stalin Years*. N. Y.: Oxford University Press, 1996.

Mastny V. *Documentation on the PPC of Warsaw Treaty Organization in Moscow, July 26, 1963*. URL: http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_3/PCC_texts/ed_note_63.htm

Mastny V. *NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–1956* // *CWIHP working paper* № 35. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, March 2001.

Mastny V. *Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism, 1941–1945*. N. Y.: Columbia University Press, 1973.

Mastny V. *The Soviet Non-Invasion of Poland, 1981* // *CWIHP working paper* № 233. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars.

Mastny V. «We Are in a Bind»: Polish and Czechoslovak Attempts at Reforming the Warsaw Pact, 1956–1969 // *CWIHP Bulletin*, № 11 (Winter 1998).

Matlock J. F., Jr. *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union*. N. Y.: Random House, 1995.

Matlock J. F., Jr. *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. N. Y.: Random House, 2004.

May E. T. *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*. N. Y.: Basic Books, 1988.

McGiffert E. C., Goodman M. A. *The Wars of Eduard Shevardnadze*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.

Mead W. R. *Special Providence: A History of U. S. Foreign Policy*. N. Y.: Century Foundation, 2001.

Mearsheimer J. J. *Nuclear Weapons and Deterrence in Europe* // *International Security* 9, № 3 (Winter 1984/85).

Miles G. *Roman and Modern Imperialism* // *Comparative Studies in Society and History* 32 (1990).

Millar J. R. *The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism* // *Slavic Review* 4 (Winter 1985).

Military Strategy / Ed. V. D Sokolovskii. Translated by H. S. Dinerstein, L. Goure, Th. W. Wolfe. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1963.

Miner S. M. *Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988.

Miner S. M. *Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.

Mitrokhin V. *KGB in Afghanistan* // CWIHP working paper № 40. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2002.

Mitrovich G. *Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2000.

Molotov Remembers: *Inside Kremlin Politics: Conversation with Felix Chuev* / Ed. A. Resis. Chicago: Ivan Dee, 1993.

Montefiore S. S. *Stalin: The Court of the Red Tsar*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2004.

Murashko G. P., Noskova A. F. *Stalin and The National-Territorial Controversies in Eastern Europe, 1945–1947* // *Cold War History* 1, № 3 (April 2001).

Murphy D. E., Kondrashev S. A., Baily G. *Battleground Berlin: CIA vs. KGB in the Cold War*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997.

Naftali T. *NATO, the Warsaw Pact, and the Rise of Détente, 1965–1972* // Talk at international conference «NATO, the Warsaw Pact, and Détente, 1965–73». Dobbiaco, Italy, September 26–28, 2002.

Naimark N. *Cold War Studies and New Archival Materials on Stalin* // *Russian Review* 61 (January 2002). P. 1–15.

Naimark N. *Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.

Naimark N. *Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1995.

Narinsky M. *Soviet Policy and the Berlin Blockade, 1948* // Paper presented at the conference «The Soviet Union, Germany and the Cold War, 1949–1953: New Evidence from Eastern Archives». Essen, Germany, June 28–29, 1994.

Narinsky M. *Stalin and the SED Leadership, 7 April 1952: «You Must Organize Your Own State»* // *CWIHP Bulletin*, № 4 (Fall 1994).

Narinsky M. *The USSR and the Berlin Crisis, 1948–1949* // Paper presented at the conference «The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–1953». Cortona, Italy, September 23–24, 1994.

Naumov V. P. *The Cold War: On the Brink of Nuclear Catastrophe* // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999.

Nelson K. L. *The Making of Détente: Soviet-American Relations in the Shadow of Vietnam*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1995.

Neumann I. B. *Russia and the Idea of Europe: A Study of Identity and International Relations*. L.: Routledge, 1996.

Newhouse J. *Cold Dawn: The Story of SALT*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1973.

Nichols T. M. *The Sacred Cause: Civil-Military Conflict over Soviet National Security, 1917–1992*. Ithaca: Cornell University Press, 1993.

Nikita Khrushchev / Ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000.

Ninkovich F. *The Wilsonian Century: U. S. Foreign Policy since 1900*. Chicago: Chicago University Press, 1999.

Niu Jun. *The Origins of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963* / Ed. O. A. Westad. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press; Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1998.

Nixon R. RN: *The Memoirs of Richard Nixon*. N. Y.: Grosset and Dunlap, 1978.

Njolstad O. *Keys of Keys? SALT II and the Breakdown of Détente // The Fall of Détente: Soviet-American Relations during the Carter Years* / Ed. O. A. Westad. Oslo: Scandinavian University Press, 1997.

Njolstad O. *Peacekeeper and Troublemaker: The Containment Policy of Jimmy Carter, 1977–1978*. Oslo: Norwegian Institute for Defense Studies, 1995.

Nuti L., Zubok V. *Ideology // Cold War History* / Ed. S. R. Dockrill, G. Hughes. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006.

Odom W. E. *The Collapse of the Soviet Military*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998.

Odom W. E. *The Sources of «New Thinking» in Soviet Politics // The Last Decade of the Cold War: From Conflict Escalation to Conflict Transformation* / Ed. O. Njolstad. N. Y.: Frank Cass, 2004.

Olsen M. *Changing Alliances: Moscow's Relations with Hanoi and the Role of China, 1949–1964* // Ph. D. diss., University of Oslo, 2004.

On the Eve // International Affairs 7 (July 1991).

Origins of the Cold War / Ed. K. M. Jensen. Rev. ed. Washington, D. C.: U. S. Institute of Peace Press, 1994.

Origins of the Cold War: The Novikov, Kennan, and Roberts «Long Telegrams» of 1946. Washington, D. C.: United States Institute of Peace, 1991.

Ostermann C. *New Documents on the East German Uprising of 1953 // CWIHP Bulletin*, № 5 (Spring 1995).

Ostermann C. *«This Is Not a Politburo, But a Madhouse»: The Post-Stalin Succession struggle, Soviet Deutschlandpolitik, and the SED // CWIHP Bulletin*, № 10 (March 1998).

Ouimet M. J. *The Rise and Fall of the Brezhnev Doctrine in Soviet Foreign Policy*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.

Overy R. *Russia's War: A History of the Soviet War Effort, 1941–1945*. N. Y.: Penguin, 1997.

Palazhchenko P. *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.

Parallel History Project of NATO and the Warsaw Pact: Annual Report, 2003.

Parks, J. D. *Culture, Conflict and Coexistence: America-Soviet Cultural Relations, 1917–1958*. Jefferson, N. C.: McFarland, 1983.

Pavlov V. *Bylem rezydentem KGB w Polsce*. Warszawa: BGW, 1994.

Pearson D. E. *KAL 007: The Cover-up*. N. Y.: Summit Books, 1987.

Pearson J. *Solzhenitsyn: A Soul in Exile*. Grand Rapids, Mich.: Baker Book House, 2001.

Pechatnov V. «The Allies Are Pressing on You to Break Your Will»: Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and Other Members of Politburo, September 1945 – December 1946 // CWIHP working paper № 26. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, September 1999.

Pechatnov V. *Averell Harriman's Mission to Moscow* // Harriman Review, № 14 (July 2003).

Pechatnov V. *The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Postwar Relations with the United Nations and Great Britain* // CWIHP working paper № 13. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, July 1995.

Pechatnov V. *Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–1947* // Cold War History I (January 2001).

Pechatnov V., Chubarian A. *Molotov «the Liberal»: Stalin's 1945 Criticism of His Deputy* // Cold War History I (August 2000).

Perlmutter A. *FDR and Stalin: A Not So Great Alliance*. Columbia: University of Missouri Press, 1993.

Perry J. C., Pleshakov C. *The Flight of the Romanovs: A Family Saga*. N. Y.: Basic Books, 1999.

Petrov N., Roginsky A. *The Polish Operation of the NKVD, 1937–1939* // *Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union* / Ed. B. McLaughlin, K. McDermott. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003.

Phillips H. D. *Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim F. Litvinov*. Boulder, Colo.: Westview, 1992.

Pipes R. *Vixi: Memoirs of a Non-Belonger*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003.

Political Problems in Bulgaria and Romania Following Moscow Conference Decisions, Sofia – Moscow, January 8, 1946 // Venona

Historical Monograph № 5. Fort Mead, Md.: National Security Agency, October 1996.

Pollock E. Conversations with Stalin on Questions of Political Economy // CWIHP working paper № 33. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2001.

Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2006.

Pontuso J. F. Solzhenitsyn's Political Thought. Charlottesville: University Press of Virginia, 1990.

Powers R. G. Not without Honor: The History of American Anticommunism. N. Y.: Free Press, 1995.

Prados J. Open Skies and Closed Minds: American Disarmament Policy at the Geneva Summit // *Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955* / Ed. G. Bischof, S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State University, 2000.

Prizel I. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia, and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Prozumenschikov M. Nach Stalins Tod // *Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung, 1945–1955. Beiträge* / Hg. S. Karner, P. Rugenthaler, B. Steitz-Marx. Vienna: Oldenbourg Verlag, 2005.

Qiang Zhai. The Dragon, the Lion, and the Eagle: Chinese-British-American Relations, 1949–1958. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1994.

Rainer M. J. Nagy Imre, 1953–1958. 2 vols. Budapest: 1956-os Intezet, 1999.

Reddaway P. Khrushchev and Gorbachev: An American View // *Nikita Khrushchev* / Ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000.

Resis A. Stalin, the Politburo, and the Onset of the Cold War, 1945–1946 // *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies* № 701. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1988.

Retrospective on the End of the Cold War / Ed. W. C. Wohlforth. Baltimore: John Hopkins University Press, 1996.

Rey M.-P. «Europe is Our Common Home»: A Study of Gorbachev's Diplomatic Concept // *Cold War History* 2 (January 2004).

Rhodes R. Dark Sun: The Making of the Hydrogen Bomb. N. Y.: Simon and Schuster, 1995.

Richter J. Khrushchev's Double Bind: International Pressures and Domestic Coalition Politics. Baltimore: John Hopkins University Press, 1994.

Richter J. Reexamining Soviet Policy towards Germany in 1953 // *Europe-Asia Studies* 45, № 4. 1993.

Rieber A. Stalin: Man of the Borderlands // American Historical Review 106 (December 2001).

Risse-Kappen T. Did «Peace through Strength» End the Cold War? Lessons from INF // International Security 16 (Summer 1991).

Roberts G. Sexing up the Cold War: New Evidence on the Molotov-Truman Talks of April 1945 // Cold War History 3 (Summer 1991).

Rosendorf N. John Foster Dulles' Nuclear Schizophrenia // Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. J. L. Gaddis, et al. N. Y.: Oxford University Press, 1999.

Ross R. R. Negotiating Cooperation: The United States and China, 1969–1989. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995.

Rostow W. W. Open Skies: Eisenhower's Proposal of July 21, 1955. Austin: University of Texas Press, 1982.

Rucker L. Moscow's Surprise: The Soviet-Israeli Alliance of 1947–1949 // CWIHP working papers № 46. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2005.

Ruggenthaler P. Stalins grosser Bluff: Die Geschichte der Stalin-Note in Dokumenten der sowjetischen Führung. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, vol. 95. Munich: 2007.

Russia in the Era of Nep: Explorations in Soviet Society and Culture / Ed. Sh. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991.

Russia under Khrushchev: An Anthology from Problems of Communism / Ed. A. Brumberg. N. Y.: Praeger, 1962.

The Russian Transformation: Political, Sociological, and Psychological Aspects / Ed. B. Glad, E. Shiraev. N. Y.: St. Martin's Press, 1999.

Sagan S. The Limits of Safety: Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1993.

Sagdeev R. The Making of a Soviet Scientist: My Adventures in Nuclear Fusion and Space from Stalin to Star Wars. N. Y.: John Wiley, 1994.

Sakharov A. Memoirs. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1990.

Sakharov A. Sakharov Speaks. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1974.

Sarotte M. E. Dealing with the Devil: East Germany, Détente, and Ostpolitik, 1969–1973. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001.

Savelyev A. G., Detinov N. N. The Big Five: Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Translated by Dmitry Trenin. Edited by Gregory Varhall. Westport, Conn.: Praeger, 1995.

Scammell M. Solzhenitsyn: A Biography. N. Y.: W. W. Norton, 1984.

Schecter J. L., Deriabin P. S. The Spy Who Saved the World: How a Soviet Colonel Changed the Course of the Cold War. N. Y.: Scribner's, 1992.

Scheid F. Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945 // *Cold War History* I (October 2001).

Scherstjanoi E. In 14 Tagen werden Sie vielleicht schon keinen Staat mehr haben // *Deutschlandarchiv* 31 (1998).

Scherstjanoi E. Political Calculation and the Interpretation of Western Positions as a Topic: Research into Stalin's Policy toward Germany // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Translated by CWIHP. Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999.

Scherstjanoi E. Die Sowjetische Deutschlandpolitik nach Stalins Tod 1953: Neue Dokumente aus dem Archiv des Moskauer Ausenministeriums // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 3 (July 1998).

Schick J. The Berlin Crisis, 1958–1962. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971.

Schulzinger R. D. Henry Kissinger: Doctor of Diplomacy. N. Y.: Columbia University Press, 1989.

Schwarz H.-P. Die Ära Adenauer, 1949–1957: Grunderjahre der Republik 1919–1957. Vol. 2. Geschichte der Bundesrepublik. Stuttgart: DVA/Brockhaus, 1989.

Schweizer P. Reagan's War: The Epic Story of His Forty Year Struggle and Final Triumph over Communism. N. Y.: Doubleday, 2002.

Schweizer P. Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union. Boston: Atlantic Monthly, 1996.

Seaborg G. T., Loeb B. S. Kennedy, Khrushchev, and the Test Ban. Berkeley: University of California Press, 1981.

Selva D. The Warsaw Pact and Nuclear Nonproliferation, 1963–1965 // CWIHP working paper № 33. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 2001.

Semjonov W. S. Von Stalin bis Gorbatschow: Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission, 1939–1991. Berlin: Nicolai, 1995.

Shirayev E., Zubok V. Anti-Americanism in Russia: From Stalin to Putin. N. Y.: Palgrave, 2000.

Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era. L.: I. B. Tauris, 1990.

Shultz G. P. Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State. N. Y.: Scribner's, 1993.

Skrine C. World War in Iran. London: Constable, 1962.

Slezkine Y. The Jewish Century. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2004.

Slezkine Y. The USSR as a Communist Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. Vol. 53. № 2 (1994). P. 414–452.

Slusser R. M. The Berlin Crisis of 1961: Soviet-American Relations and the Struggle for Power in the Kremlin, June-November 1961. Baltimore: John Hopkins University Press, 1973.

Smirnov Y. This Man Has Done More Than All of Us // Andrei Sakharov: Facets of a Life / Ed. P. N. Lebedev. Hong Kong: Edition Frontières, 1991.

Smirnov Y., Zubok V. Nuclear Weapons after Stalin's Death: Moscow Enters the H.-Bomb Age // CWIHP Bulletin, № 4 (Fall 1994).

Smith B. F., Agarossi E. Operation Sunrise: The Secret Surrender. N. Y.: Basic Books, 1979.

Smith T. America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994.

Smyser W. R. From Yalta to Berlin: The Cold War Struggle over German. N. Y.: St. Martin's, 1999.

Sokolov B. V. The Cost of War: Human Losses for the USSR and Germany, 1939–1945 // Journal of Slavic Military Studies. Vol. 9. № 1 (March 1996).

Solzhenitsyn, A. I. The Oak and the Calf: Sketches of Literary Life in the Soviet Union / Translated by Harry Willets. N. Y.: Harper and Row, 1980.

The Solzhenitsyn Files: Secret Soviet Documents Reveal One Man's Fight against the Monolith / Ed. M. Scammell. Chicago: Edition q, 1995.

Soutou G.-H. La France et les notes soviétique de 1952 sur l'Allemagne // Revue de l'Allemagne 20, № 3 (July – September 1988).

Soviet Civilization between Past and Present / Ed. M. Bryld, E. Kulavig. Viborg, Denmark: Odense University Press, 1998.

Spechler D. R. Permitted Dissent in the USSR: «Novy Mir» and the Soviet Regime. N. Y.: Praeger, 1982.

Stalin Joseph. Works / Ed. R. H. McNeal. 15 vols. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1967.

Starr S. F. Red and Hot: The Fate of Jazz in the USSR, 1917–1980. Oxford: Oxford University Press, 1983.

Steininger R. Eine vertane Chance: Die Stalin-Note vom 10 März 1952 und die Wiedervereinigung Deutschlands. Berlin: Dietz, 1985.

Stent A. E. Russia and Germany Reborn. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1999.

Stephansson A. The Cold War Considered as a U. S. Project // Reinterpreting the End of the Cold War: Issues, Interpretations, Periodizations / Ed. F. Romero, S. Pons. L.: Frank Cass, 2005.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N. Y.: Oxford University Press, 1989.

Stourzh G. Um Einheit und Freiheit: Staatsvertrag, Neutralität, und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945 -1955. 4th ed. Vienna: Bohlau, 1998.

Strober D. H., Strober G. S. Reagan: The Man and His Presidency. Boston: Houghton Mifflin, 1998.

Strober D. H., Strober G. S. The Reagan Presidency: An Oral History of the Era. Washington, D. C.: Brasseys, 2003.

Sudolotov P., Sudoplatov A., Schecter J. L., and Schecter L. P. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness, a Soviet Spymaster. Boston: Little, Brown, 1995.

Suri J. Power and Protest: Global Revolution and the Rise of Détente. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.

Talbott S., Beschloss M. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. Boston: Little, Brown, 1993.

Tannenwald N., Wohlforth W. C. The Role of Ideas and the End of the Cold War // Journal of Cold War Studies 7, № 2 (Spring 2005).

Taubman W. Khrushchev: The Man and His Era. N. Y.: W. W. Norton, 2003.

Taubman W. Stalin's American Policy: From Entente to Détente to Cold War. N. Y.: W. W. Norton, 1982.

Taylor B. D. The Soviet Military and the Disintegration of the USSR // Journal of Cold War History 5, № 1 (Winter 2003). P. 17–66.

Thatcher M. The Downing Streets Years. N. Y.: HarperCollins, 1993.

Thome F. Stalin, Beria, and Mingrellian Affair // Paper presented at the international conference «Georgia, Armenia, and Azerbaijan in the Cold War: New Archival Evidence». Tsinandali, Georgia, July 8–9, 2002.

Thornton R. C. The Nixon-Kissinger Years: Reshaping America's Foreign Policy. 2nd rev. ed. St. Paul, Minn.: Paragon House, 2001.

Thurston R. W., Bonwetsch B. The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union. Urbana: University of Illinois Press, 2000.

Timasheff N. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. N. Y.: E. P. Dutton, 1946.

Tischler J. The Hungarian Party Leadership and the Polish Crisis of 1980–1981 // CWIHP Bulletin, № 11 (Winter 1998).

Tischler J. Poland's October and the 1956 Hungarian Revolution: Gomulka's Intercession with Khrushchev on Behalf of Imre Nagy: Excerpt from the Records of the Discussions Conducted between the Party and Government Delegation of the Polish People's Republic and the Party and Government Delegation of the Soviet Union, May 24–25, 1957. URL: <http://www.rev.hu/html/en/studies/1956/interconn.htm>

Tismaneanu V. Stalinism for All Seasons: A Political History of Romanian Communism. Berkeley: University of California Press, 2003.

Trachtenberg M. *A Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945–1963*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1999.

Trachtenberg M. *History and Strategy*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1991.

Troyanovsky O. A. *The Making of Soviet Foreign Policy // Nikita Khrushchev: Fresh Perspectives on the Last Communist* / Ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000.

Troyanovsky O. A. *Nikita Khrushchev and the Making of Soviet Foreign Policy* // Paper presented at the Khrushchev Centenary Conference. Brown University, December 1–3, 1994.

Tucker R. C. *The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change*. Rev. ed. N. Y.: W. W. Norton, 1971.

Tucker R. C. *Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality*. N. Y.: W. W. Norton, 1973.

Tucker R. C. *Stalin in Power: The Revolution from Above*. N. Y.: W. W. Norton, 1990.

Tuma O. *The Czechoslovak Communist Regime and the Polish Crisis, 1980–1981* // *CWHP Bulletin*, № 11 (Winter 1998).

Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. N. Y.: Basic Book, 1995.

Tuminez A. S. *Nationalism, Ethnic Pressures, and the Breakup of the Soviet Union* // *Journal of Cold War Studies* 5, № 4 (2003).

Uhl M., Ivkin V. I. «Operation Atom»: *The Soviet Union's Stationing of Nuclear Missiles in the German Democratic Republic* // *CWHP Bulletin*, № 12–13 (Fall-Winter 2001).

Ulam A. *Expansion and Coexistence: Soviet Foreign Policy, 1917–1973*. 2nd ed. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1974.

Understanding the End of the Cold War, 1980–1987 / Ed. Tannenwald N. *An Oral History Conference*, Brown University, Providence, R. I., May 1999.

Ungvary K. *The Siege of Budapest: One Hundred Days in World War II*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2005.

Uprising in East Germany, 1953: The Cold War, The Germany Question, and the First Major Upheaval behind the Iron Curtain / Ed. C. Ostermann. Budapest: Central University Press, 2001.

Vaksberg A. *Stalin's Prosecutor: The Life of Andrei Vyshinsky*. N. Y.: Grove Press, 1991.

Varsori A. *Le government Eden et l'Union Sovetique, 1955–1956: de l'espoir à la disillusion* // *Relations Internationales* 71 (Autumn 1992).

Venona Historical Monograph № 3. Fort Mead, Md.: National Security Agency, March 1996.

Voinovich V. *The Life and Extraordinary Adventures of Private Ivan Chonkin*. Translated by Richard Lourie. Chicago: Northwestern University Press, 1995.

Volkogonov D. *Stalin: Triumph and Tragedy*. N. Y.: Prima Lifestyles, 1996.

Volkov A., Kolesova M. *Soviet Reaction to U. S. Nuclear Policy (1953–1962)* // Paper presented at the conference «The New Evidence on the Cold War». Moscow, January 12–15, 1993.

Volkov V. *German Question as Stalin Saw It, 1947–1952* // Paper presented at the conference «Stalin and the Cold War». Yale University, New Haven, Conn., September 24–25, 1999.

Volksarmee schaffen – ohne Geschrei! Studien zu den Anfängen einer verdeckten Aufrüstung in der SBZ/DDR, 1947–1952 / Hg. B. Thoss. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1995.

War and Diplomacy: The Making of the Grand Alliance: Documents from Stalin's Archives / Ed. O. Rzheshevsky. Amsterdam: Harwood Academic, 1996.

Weart S. R. *Nuclear fear: A History of Images*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.

Weatherby K. *Should We Fear This? Stalin and the Danger of War with America* // CWIHP working paper № 39. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, July 2002.

Weatherby K. *Soviet Arms in Korea and the Origins of the Korean War, 1945–1950: New Evidence from Russian Archives* // CWIHP working paper № 8 / Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, November 1993.

Weatherby K. *To Attack or Not to Attack: Stalin, Kim Il Sung, and the Prelude to War* // CWIHP Bulletin, № 5 (1995).

Weinberger C. *In the Arena: A Memoir of the 20th Century*. Washington, D. C.: Regnery, 2001.

Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2001.

Weinstein A., Vasiliev A. *The Haunted Wood: Soviet Espionage in America – The Stalin Era*. N. Y.: Random House, 1999.

Weisgall J. M. *Operation Crossroads: The Atomic Tests at Bikini Atoll*. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 1994.

Werblan A. *The Conversation between Wladyslaw Gomulka and Joseph Stalin* // CWIHP Bulletin, № 11 (1998).

Werth A. *Russia at War, 1941–1945*. L.: Pan Books, 1964.

Westad O. A. *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press; Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1998.

Westad O. A. Cold War and Revolution: Soviet-American Rivalry and the Origins of the Chinese War, 1944–1946. N. Y.: Columbia University Press, 1993.

Westad O. A. Decisive Encounters: The Chinese Civil War, 1946–1950. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003.

Westad O. A. The Fall of the Détente and the Turning Tides of History // The Fall of Détente: Soviet-American Relations during the Carter's Years / Ed. O. A. Westad. Oslo: Scandinavian University Press, 1997.

Westad O. A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. N. Y.: Cambridge University Press, 2005.

Westad O. A. Moscow and the Angolan Crisis, 1974–1976: A New Pattern of Intervention // CWIHP Bulletin, № 8–9 (Winter 1996/97).

Westad O. A. Prelude to Invasion: The Soviet Union and the Afghan Communists, 1978–1979 // International History Review 16, № 1 (Canada) (February 1994).

Westad O. A. The road to Kabul: Soviet Policy on Afghanistan, 1978–1979 // The Fall of Détente: Soviet-American Relations during the Carter Years / Ed. O. A. Westad. Oslo: Scandinavian University Press, 1997.

Westad O. A. Secrets of the Second World: The Russian Archives and the Reinterpretation of the Cold War History // Diplomatic History 21 (Spring 1997).

Wetting G. Die beginnende Umorientierung der sowjetischen Deutschland-Politik im Frühjahr und Sommer 1953 // Deutschland Archiv 28, № 5 (May 1995).

Wetting G. Bereitschaft zu Einheit in Freiheit? Die Sowjetische Deutschland-Politik, 1945–1955. Munich: Olzog, 1999.

Wetting G. Die Stalin-Note vom 10. März: Antwort auf Elke Scherstjanoi // Deutschland Archiv 25 (August 1992).

Wetting G. Zum Stand der Forschung über Berijas Deutschland-Politik // Deutschland Archiv 26 (1993).

Wilhelm Pieck: Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik, 1945–1953 / Hg. R. Badstübner, W. Loth. Berlin: Akademie-Verlag, 1994.

Whitfield S. The Culture of the Cold War. Baltimore: John Hopkins University Press, 1991.

Wingrove P. Mao's Conversation with the Soviet Ambassador, 1953–1956 // CWIHP work paper № 36 (April 2002).

Wittner L. S. Resisting the Bomb: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1954–1970. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997.

Wittner L. S. Toward Nuclear Abolition: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1971 to the Present. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003.

Wohlforth W. C. *The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1993.

Wohlforth W. C. *Realism and the End of the Cold War* // *International Security* 19 (Winter 1994/95).

Wolff D. *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999.

Woll J. *Real Images: Soviet Cinema and the Thaw*. N. Y.: I. B. Tauris, 2000.

Yanov A. *The Russian New Right*. Berkeley: University of California Press, 1978.

Yaroshinska A. *Chernobyl: The Forbidden Truth*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1995.

Yegorov V. *Out of a Dead End into the Unknown: Notes on Gorbachev's Perestroika*. Chicago: Edition 9, 1993.

York H. F. *The Advisors: Oppenheimer, Teller, and the Superbomb*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1989.

Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2006.

Zaloga S. *The Kremlin's Nuclear Sword: The Rise and of Russia's Strategic Nuclear Forces, 1945–2000*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 2002.

Zaslavsky V. *Collapse of Empires: The Soviet Union* // *After Empire* / Ed. K. Barkley, M. Hagen. Boulder, Colo.: Westview, 1997.

Zaslavsky V. *Nationalism and Democratic Transition in Postcommunist Societies* // *Daedalus* (Spring 1992).

Zaslavsky V. *The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society*. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1982.

Zaslavsky V. *Lo Stalinismo e la Sinistra Italiana. Dal mito dell'Urss alla fine del comunismo 1945–1991*. Rome: Mondadori, 2004.

Zelikow P., Rice C. *Germany 'Unified and Europe Transformed: A Study in Statecraft*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

Zhang Shuguang and Chen Jian. *The Emerging Disputes between Beijing and Moscow: Ten Newly Available Chinese Documents, 1956–58* // *CWIHP Bulletin*, № 6–7 (Winter 1995).

Zubkova E. *The Rivalry with Malenkov* // *Nikita Khrushchev: Fresh Perspectives on the last Communist* / Ed. W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000.

Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. Translated by Hugh Ragsdale. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1998.

Zubok V. M. *CPSU Plenums, Leadership Struggles, and Soviet Cold War Politics* // *CWIHP Bulletin*, № 10 (March 1998).

Zubok V. M. Inside the Covert Cold War: The KGB vs CIA, 1960–1962 // CWIHP Bulletin, № 4 (Fall 1994).

Zubok V. M. The Khrushchev-Mao Conversations, 31 July–3 August 1958 and 2 October 1959 // CWIHP Bulletin, № 12–13 (Fall/Winter 2001).

Zubok V. M. Khrushchev's 1960 Troop Cut: New Russian Evidence // CWIHP Bulletin, № 8–9 (Winter 1996/1997).

Zubok V. M. «Look What Chaos in the Beautiful Socialist Camp!» Den Xiaoping and the Sino-Soviet Split, 1956–1963 // CWIHP Bulletin, № 10 (March 1998).

Zubok V. M. The Multi-Level Dynamics of Moscow's German Policy from 1953 to 1964 // Re-Viewing the Cold War: Domestic Factors and Foreign Policy in the East-West Confrontation / Ed. P. M. Morgan, K. L. Nelson. Westport, Conn.: Praeger, 2000.

Zubok V. M. Soviet Foreign Policy in Germany and Austria and the Post-Stalin Succession Struggle, 1953–1955 // Paper prepared at the conference «The Soviet Union, Germany, and the Cold War, 1945–1962: New Evidence from Eastern Archives». Essen, Germany, June 28–30, 1994.

Zubok V. Soviet Intelligence and the Cold War: The «Small» Committee of Information, 1952–1953 // Diplomatic History 19, № 3 (Summer 1995).

Zubok V. «To Hell with Yalta!»: Stalin Opts for a New Status Quo // CWIHP Bulletin, № 6–7 (Winter 1995/96).

Zubok V. «Unverfroren und grob in der Deutschlandfrage»: Berija, der Nachfolgestreit nach Stalins Tod und die Moskauer DDR-Debatte im April – Mai 1953 // 1953 – Krisenjahr des Kalten Krieges in Europa / Hg. Ch. Klessmann, B. Ströver. Cologne: Böhlau, 1999.

Zubok V. M., Harrison H. The Nuclear Education of Nikita Khrushchev // Cold War Statesmen Confront the Bomb / Hd. J. L. Gaddis, P. H. Gordon, E. R. May, J. Rosenberg. L.: Oxford University Press, 1996.

Zubok V. M., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

Zubok V. M., Pleshakov C. The Soviet Union // The Origins of the Cold War in Europe / Ed. D. Reynolds, 53–76. New Haven: Yale University Press, 1994.

Zubok V. M., Smirnov Y. Moscow and Nuclear Weapons after Stalin's Death // CWIHP Bulletin, № 4 (1994).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов, Виктор — 161, 515, 530
Агурский, Михаил — 272, 575, 621
Адамович, Алесь — 267, 268, 574
Адамский, Виктор — 193, 231, 556, 565, 567, 621
Аденауэр, Конрад — 127, 129, 137, 141, 171, 305, 549, 560
Аджубей, Алексей — 208, 258, 260, 306, 547, 572, 573, 579, 580, 621
Аксенов, Василий — 251, 275, 287
Александров, Анатолий — 393, 415
Александров, Семен — 102
Александров-Агентов, Андрей — 163, 292, 295, 299, 301, 305, 315, 317, 320, 332, 355, 364, 376, 378, 381, 394, 546, 547, 552, 577, 579–590, 595, 599, 621
Альперовиц, Гар — 58
Амин, Хафизулла — 327, 347, 374, 375, 377–381, 595
Андреева, Нина — 447, 610
Андреотти, Джулио — 432, 606
Андропов, Юрий — 184, 287, 288, 299, 302, 306–310, 320, 322, 333, 335, 336, 338–341, 345, 346, 348, 349, 353, 355, 356, 359, 362, 363, 365, 369, 370, 373, 376–384, 389, 391–399, 401, 402, 406, 427, 430, 440, 442, 446, 452, 473, 487, 490, 577–579, 581, 588–590, 594, 595, 597, 599, 601, 622, 624, 628
Арбатов, Георгий — 13, 259, 262, 293, 298, 310, 364, 406, 578, 579, 602, 621
Арутюнов, Григорий — 99, 521
Ассад, Хафиз — 588
Ахромеев, Сергей — 134, 353, 391, 409, 415, 417, 425, 426, 428, 429, 432, 435, 439, 590, 598–601, 603–606, 621
Багиров, Мир-Джафар — 73–75, 79, 99, 522, 523
Байбаков, Николай — 72, 318, 319, 388, 522, 621
Бакланов, Олег — 408, 480
Бар, Эгон — 305, 307, 313, 326, 340, 576
Бевин, Эрнст — 52, 57, 58, 60, 76, 83, 113
Бейкер, Джеймс — 458, 460, 465, 466, 472, 473
Бентли, Элизабет — 82, 83, 525
Берия, Лаврентий — 140, 151, 154, 155, 158, 159, 161, 168, 194–196, 207, 338, 401, 481, 489, 510, 515, 517, 519, 522, 524, 531, 538–544, 620
Бжезинский, Збигнев — 328, 329, 367, 368, 371, 372, 383, 592, 593
Бирнс, Джеймс — 52, 57, 59–62, 64, 72, 76, 78, 81, 87, 111–114, 119
Бирюзов, Сергей — 57, 108, 223, 234
Блатов, Анатолий — 298
Бовин, Александр — 246, 288, 289, 298, 303, 571, 575, 578–581, 583, 587, 622
Богомолов, Олег — 262, 463
Болдин, Валерий — 405, 411, 438, 450, 457, 608, 611, 612, 622
Большаков, Георгий — 219, 562
Ботвинник, Михаил — 199

- Брандт, Вилли — 303, 305–309, 311, 313, 314, 325, 330, 331, 333, 339, 348, 471, 491, 576, 589
- Браун, Арчи — 421, 438
- Браун, Гарольд — 371, 372, 593
- Брежнев, Леонид — 10, 158, 189, 216, 246, 276, 278, 280–283, 285, 286, 289, 292–326, 328–349, 351–355, 358, 360, 362–373, 375–382, 384–386, 388, 389, 391, 392, 398, 406, 407, 410, 411, 426, 427, 441, 448, 451, 452, 473, 479, 490, 491, 493, 495, 496, 501, 527, 576, 577, 579, 580, 583–597, 617, 624, 625, 627, 628, 630, 663
- Бродский, Иосиф — 251, 252
- Брудный, Ицхак — 273, 583
- Бругенц, Карен — 13, 357, 361, 439, 583, 590–592, 594, 595, 609, 622
- Буковский, Владимир — 244, 254, 338, 367
- Булганин, Николай — 74, 100, 143, 145, 158, 160–162, 170, 183, 187, 194, 197, 356, 510, 544–546, 549
- Бурлацкий, Федор — 259, 578, 580, 622
- Буш, Джордж — 458, 460, 465, 466, 469, 473–475, 477, 480, 481, 485, 614–616
- Вайнштейн, Аллен** — 82
- Ван Дик, Рууд — 138
- Ванденберг, Артур — 511
- Варенников, Валентин — 378, 428, 595
- Васильев, Александр — 82
- Велихов, Евгений — 393, 414, 598, 602, 622
- Вестад, Одд Арне — 12, 176, 501, 691, 693
- Виноградов, С. А. — 71, 522, 528, 622
- Вознесенский, Андрей — 268, 275, 517
- Вознесенский, Николай — 89, 100, 109, 504, 510, 526, 574
- Войнович, Владимир — 270, 574, 623
- Волкогонов, Дмитрий — 292, 438, 577, 579, 589, 597, 599, 608, 618, 623
- Воротников, Виталий — 469, 600, 601, 606, 608, 615, 623
- Ворошилов, Клемент — 47, 96–98, 143, 178, 182, 183, 187, 213, 530, 531, 544–547
- Высоцкий, Владимир — 269, 574, 631
- Вышинский, Андрей — 47, 48, 114, 135, 299, 515, 528, 531, 535, 543, 621
- Вэник, Чарльз — 334, 335, 337, 354
- Вэнс, Сайрус — 367–372, 593, 594
- Гагарин, Юрий — 215, 223, 261, 489
- Гайдук, Илья — 288, 515, 526, 578, 624, 626, 631
- Ганди, Индира — 314
- Гарриман, Аверелл — 35, 38, 51, 52, 60–62, 232, 233, 304, 321, 372, 509, 511, 516, 518, 519, 579, 585, 594, 618
- Гаррисон, Селиг С. — 238
- Гаррисон, Хоуп — 151, 207, 540, 555, 573
- Гартхофф, Рэймонд — 12, 249–251, 412
- Гасанлы, Джамиль — 70, 77, 520–524, 528, 623
- Гейтс, Роберт — 393, 442, 465
- Геллер, Михаил — 485
- Геншер, Ганс-Дитрих — 465, 614
- Георгиу-Деж, Георге — 217
- Герасимов, Геннадий — 562
- Гилпатрик, Росвелл — 216, 219, 564
- Гинзбург, Александр — 194, 338, 367
- Голдгайер, Джеймс — 41
- Голиков В. А. — 286, 287
- Голиков, Филипп — 32
- Гомулка, Владислав — 181, 184, 185, 301, 546, 553
- Гонсалес, Фелипе — 417
- Гопкинс, Гарри — 30, 32, 37, 81
- Горбачев, Михаил — 4, 10, 11, 13, 14, 19, 22, 158, 238, 242, 246, 259, 261, 262, 266, 303, 310, 326, 353, 370,

- 371, 394, 399–485, 492, 494–497, 499, 500, 510, 529, 531, 546, 573, 574, 584, 596, 597, 599–616, 618, 620–622, 624, 627–633, 663, 664
- Горбачева, Раиса — 246, 261, 262, 266, 404, 405, 433, 438, 450, 481, 482
- Гордов, Василий — 55, 93–95, 100, 527
- Горшков, Сергей — 359, 601
- Готвальд, Клемент — 133
- Гречко, Андрей — 224, 225, 294, 297, 312, 317, 319, 322, 325, 335, 336, 346, 351, 353, 355, 362, 363, 373, 380
- Гриневский, Олег — 361, 399, 600, 604, 609, 624
- Громыко, Андрей — 33–35, 97, 132, 152, 190, 191, 212, 216, 233, 283, 287, 291, 299, 300, 302, 306–313, 315, 317, 318, 320, 322, 332, 336, 340–342, 346, 352, 362–365, 369, 370, 372, 376–380, 384, 392, 397, 398, 400, 403, 404, 425, 428, 432, 452, 458, 490, 509, 510, 517, 536, 537, 579, 580, 584, 589, 593, 594, 600, 601, 608, 612, 624, 625
- Гротеволь, Отто — 146, 171, 533, 535
- Гузенко, Игорь — 82, 83, 525
- Гусев, Федор — 37, 511, 530
- Даллес, Джон Фостер — 153, 162, 169–171, 195, 201–203, 217, 345, 510, 558,
- Данилофф, Николас — 420
- Даниэль, Юлий — 276, 339
- Деканозов, Владимир — 114, 521, 522, 525, 531
- Дерлугьян, Георгий — 360, 591
- Джексон, Генри М. (Скуп) — 334, 335, 337, 352, 354, 368, 587
- Джонсон, Линдон — 289, 291, 300, 564, 577
- Димитров, Георгий — 26, 43, 44, 53, 57, 62, 63, 129, 517, 522, 533
- Дмитриев, Сергей — 102, 155, 156, 174, 194, 219, 235, 243, 274, 528, 545, 549, 570, 573, 575, 633
- Добрынин, Анатолий — 13, 38, 134, 227, 291, 292, 300, 312–314, 316, 333, 335, 351, 355, 357, 364, 367, 368, 372, 394, 397, 404, 424, 440, 453, 457, 472, 473, 511, 565, 566, 579, 583, 584, 586–595, 603, 605, 607, 608, 612, 625
- Дубчек, Александр — 300, 301, 385
- Дудинцев, Владимир — 244, 245
- Евтушенко, Евгений — 264, 272, 273, 275, 575, 625
- Ельцин, Борис — 4, 434, 444, 452, 453, 457, 478–484, 522, 608, 611, 621, 625
- Жданов, Андрей — 46, 63, 92, 96, 100, 123, 527
- Жуков, Георгий — 16, 27, 52, 87, 92, 93, 111–114, 158–160, 162, 169–171, 179, 183, 184, 187, 189–200, 267, 526, 527, 531, 540, 555, 557, 562, 619, 625
- Завенягин, Авраамий — 150, 194, 517
- Загладин, Вадим — 259, 262, 298, 615
- Залогов, Стивен — 193, 537
- Замятин, Леонид — 385, 579, 596, 597
- Заславский, Виктор — 12, 14, 125
- Захаров, Матвей — 224, 233, 565
- Зверев, Арсений — 89, 90, 526
- Зеликов, Филипп — 468
- Зиновьев, Александр — 22, 506, 573, 625
- Зубкова, Елена — 13, 159, 237, 504, 506, 526, 527, 620, 625, 626
- Иден, Энтони — 48, 168, 171, 172, 475, 548
- Иммерман, Ричард — 13, 16, 169
- Инглиш, Роберт — 12, 412, 445, 624
- Иноземцев, Николай — 19, 259, 298, 505, 626
- Израэлян, Виктор — 226, 343, 529, 561, 566, 626

- Кавам эс-Салтане, Ахмад — 77–79, 524
- Кавтарадзе, Сергей — 73, 113, 522
- Каганович, Лазарь — 39, 98, 143, 178, 182, 183, 187–189, 213, 295, 512, 531, 547, 552, 554, 620, 621, 633
- Кадар, Янош — 185, 186
- Каманин, Николай — 223, 224, 565, 568, 626
- Каня, Станислав — 385, 386, 388,
- Кармаль, Бабрак — 327, 409, 428
- Картер, Джимми — 280, 328, 329, 366–373, 376, 379, 381, 387, 392, 422, 501, 592, 593
- Кастро, Рауль — 223, 363, 565
- Кастро, Фидель — 215, 221, 222, 227–229, 231, 264, 265, 363, 365, 429, 444, 474, 490, 563, 566, 567, 605
- Квицинский, Юлий — 305, 475, 581–583, 626
- Кеворков, Вячеслав — 306, 580, 582, 583, 584, 587–589, 595, 626
- Кейси, Уильям — 397, 408
- Кемаль, Мустафа (Ататюрк) — 68
- Кеннан, Джордж — 31, 73, 78, 83
- Кеннеди, Джон Ф. — 215–220, 222–232, 234, 304, 325, 257, 366, 561, 562, 564, 626
- Кеннеди, Роберт Ф. — 219, 227
- Ким Ир Сен — 130–132, 535, 536
- Кириленко, Андрей — 296, 340, 346, 577
- Киссинджер, Генри — 38, 210, 280, 295, 304, 307, 308, 312–318, 320, 324, 330–334, 337, 342, 344–346, 348, 349, 351–355, 358, 361, 365, 367, 370, 441, 454, 497, 501, 511, 576, 583–585, 589, 591, 592, 611, 612
- Клаузевиц, Карл фон — 203, 497, 558
- Ковалев, Анатолий — 341, 342
- Козлов, Алексей — 254, 572, 626
- Козлова, Наталья — 448, 585, 610, 626
- Коларов, Василь — 44, 57, 69, 515, 521
- Коль, Гельмут — 455, 456, 464, 466, 467, 469, 472, 474–477, 481, 485, 614
- Конев, Иван — 184, 185
- Коннали, Том — 511
- Кончаловский, Андрей — 265, 266, 574, 626
- Корниенко, Георгий — 13, 170, 216, 300, 352, 364, 365, 404, 428, 429, 457, 549, 562, 578, 579, 581, 583–586, 588, 590–594, 599–606, 608, 609, 612, 621, 626, 627
- Королев, Сергей — 194, 203, 204, 557
- Косыгин, Алексей — 283, 284, 286, 288, 289, 291, 296, 304, 313, 315, 318, 320, 322, 326, 335, 339, 340, 344, 351, 353, 376, 577, 578, 582, 584, 594, 624, 625, 630
- Кот, Дэвид — 165, 235
- Кот, Пьер — 148, 542
- Кочемасов, Вячеслав — 470, 613
- Крамер, Марк — 12, 462, 553
- Кременцов, Николай — 263
- Кренц, Эгон — 469, 470, 615
- Крючков, Владимир — 375, 427, 428, 438, 452, 453, 469, 476, 480, 482, 483, 605, 608, 611, 627
- Кузнецов, Алексей — 100, 115, 506
- Кузнецов, Николай — 230
- Куликов, Виктор — 384
- Курчатов, Игорь — 196, 199, 200, 231, 240, 517, 557, 567, 569, 623
- Лаврентьев, Михаил — 224
- Лапин, Сергей — 287
- Левек, Жак — 12, 437, 461, 470, 613, 614
- Леднев, Валерий — 306
- Летранж-Фосет, Луиза — 75, 523
- Ли, Сын Ман — 131
- Лигачев, Егор — 14, 399, 401, 404, 419, 424, 425, 432, 438, 439, 448, 450, 452, 461, 462, 608–611, 613, 627
- Литвинов, Максим — 25, 26, 34, 39, 40, 55, 56, 67, 84, 441, 507, 510, 511, 518, 521, 530
- Лозовский, Соломон — 64, 65, 89, 112, 518, 520

Лукин, Владимир — 459
Лумумба, Патрис — 358
Лю Шаоци — 182, 183

Майский, Иван — 25, 26, 28, 89, 108,
109, 356, 504, 507, 508, 510, 525,
529, 530

Макартур, Дуглас — 56, 57, 61

Макклой, Джон — 230

Маклин, Дональд — 82

Макмиллан, Гарольд — 206

Макнамара, Роберт — 227, 291

Макфарлейн, Роберт — 397, 408, 598,
600, 603

Маленков, Георгий — 61, 87, 93, 99,
100, 109, 110, 140–150, 153, 155–
159, 162, 163, 166, 175, 178, 179,
183, 187, 188, 194–197, 199, 207,
489, 510, 517, 519, 524, 540, 541–
545, 552, 554, 557, 620, 628

Малик, Яков — 142, 147, 539, 542

Малин, Владимир — 163, 181, 183,
185, 552

Малиновский, Родион — 108, 210,
213, 224–226, 234, 283, 289, 297,
565, 568

Малышев, Вячеслав — 26, 53, 158,
195, 196, 507, 530, 556

Мао Цзедун — 51, 65, 66, 130–134,
177, 182, 183, 185, 186, 210–214,
221, 287, 288, 295, 304, 305, 313,
520, 536, 551, 553, 554, 561, 627

Маршалл, Джордж — 64, 65, 120–124,
126, 129, 139, 176, 480, 511, 533

Мастны, Войтек — 329, 547

Мгеладзе, Акакий — 80, 508, 521, 524,
628

Медведев, Вадим — 439, 468, 604,
605, 614, 615, 622

Медведев, Владимир — 451, 603, 608,
611

Менгисту Хайле Мариам — 363, 429,
605

Мендес-Франс, Пьер — 148

Мехлис, Лев — 115

Миколайчик, Станислав — 48, 63

Микоян, Анастас — 14, 19, 23, 31, 61,
87, 89, 94, 95, 130, 145, 154, 159,

162–164, 183, 185, 187–189, 197,
203, 216, 225, 229, 253, 265, 283, 289,
505, 507, 508, 510, 519, 526, 527, 540,
541, 544–546, 551, 553–555, 557,
566, 577, 579, 580, 628

Микоян, Серго — 552

Мильке, Эрих — 348, 469

Мильтштейн, Михаил — 37, 511, 525,
628

Мирский, Георгий — 214, 261, 628

Миттеран, Франсуа — 417, 604

Михоэлс, Соломон — 98

Млынарж, Зденек — 242, 255

Молотов, Вячеслав — 16, 25–27, 29,
30, 32–36, 41, 44–46, 48, 51, 53, 55,
58–61, 66–69, 71, 73, 77–79, 82,
83, 86, 87, 89, 94, 96–98, 106, 109,
112–114, 118, 120, 121, 123, 129,
130, 135, 138, 140–145, 147, 149,
150, 152, 154, 155, 158–162, 166,
167, 171–175, 178, 179, 182–189,
196–198, 213, 282, 284, 299, 309,
327, 342, 347, 398, 489, 504, 507,
508, 510–512, 517, 518–522, 524,
525, 530, 531, 533–535, 537, 538–
541, 544, 546, 547, 550, 552, 554,
583, 620, 629, 633

Моссадык, Мухаммад — 162, 174

Мэтлок, Джек — 12, 397, 405, 458,
481, 600, 602, 604

Нагиб, Мохаммед — 174, 568, 628

Наджибулла, Мухаммад — 409, 428

Надь, Имре — 185–187

Наймак, Норман — 12, 96, 116

Насер, Гамаль Абдель — 174, 179,
180, 290, 343, 550

Неделин, Митрофан — 200, 217, 269

Неизвестный, Эрнст — 275

Немет, Миклош — 464, 467, 613, 614

Нето, Агостиньо — 363, 364, 366, 592

Никсон, Ричард — 215, 280, 293, 303,
307, 308, 312–321, 325, 330–334,
336, 337, 339, 342–348, 351–353,
355, 367, 368, 372, 373, 418, 422,
441, 491, 497, 576, 583, 584, 586,
604

Нитце, Пол — 368, 593

- Новиков, Александр — 92, 122, 526, 531, 533, 629, 630
- Новотный, Антонин — 301
- Огарков, Николай — 380, 399, 426, 583
- Одом, Уильям — 433, 452, 607
- Окуджава, Булат — 267, 268
- Орлов, Юрий — 246, 367
- Орлова (Копелева), Раиса — 571, 629
- Павлов, Сергей — 265, 574
- Пастернак, Борис — 248, 249, 339, 572, 622, 629
- Паустовский, Константин — 245, 247
- Пек, Вильгельм — 114, 117, 118, 135, 533, 537
- Пеньковский, Олег — 217, 560, 562
- Первухин, Михаил — 53, 159, 187, 544, 545
- Перл, Ричард — 368, 587
- Петров, Станислав — 599
- Печатнов, Владимир — 13, 58, 83, 89, 126, 507, 520, 526, 534, 629
- Пишевари, Джафар — 79
- Плиев, Исса — 225, 226, 228, 562
- Подгорный, Николай — 283, 285, 289, 315, 317, 318, 320, 322, 340, 344, 351, 353, 377
- Полянский, Дмитрий — 282–284, 358, 576, 577
- Померанц, Григорий — 20, 21, 242, 459, 505, 506, 575, 630
- Пономарев, Борис — 299, 320, 363, 374, 375, 377, 412, 577, 594
- Поскребышев, Александр — 98, 532
- Поспелов, Петр — 178, 199, 551
- Примаков, Евгений — 405
- Райс, Кондолиза — 468
- Раковский, Мечислав — 386, 465, 613
- Рейган, Рональд — 281, 294, 337, 370, 371, 382, 390–398, 408–414, 416–418, 420–425, 429, 430, 432, 435, 437, 440, 441, 455, 465, 473, 485, 494, 497, 498, 502, 598, 599, 600, 602–605, 618
- Рокоссовский, Константин — 181
- Ромм, Михаил — 103, 243, 272, 273, 575
- Рузвельт, Франклин Делано — 16, 30, 32–38, 45, 46, 50, 51, 66, 67, 69, 81, 85, 215, 318, 321, 402, 487, 507–509, 514, 534, 629
- Рыбальченко, Филипп — 55, 93–95, 100, 527
- Рыжков, Николай — 399, 401, 404, 414, 424, 438, 469, 471, 606, 608, 630
- Сабуров, Матвей — 187, 544
- Садат, Анвар — 343–349, 378
- Саид, Мухаммад — 73
- Самойлов, Давид — 272, 568, 575, 578, 630
- Сарпер, Селим — 67
- Сахаров, Андрей — 156, 174, 194, 195, 200, 218, 220, 224, 231, 269, 328, 341, 430, 545, 550, 565, 567, 574, 630
- Семенов, Владимир — 106, 111, 113–119, 135, 142–144, 146, 148, 150, 223, 242, 312, 319, 510, 529–533, 538–541, 543, 552, 577, 582, 583, 585, 630
- Семичастный, Владимир — 283, 577, 580, 582, 630
- Серов, Иван — 27, 48, 157, 187, 515, 530, 532
- Симонов, Константин — 102, 103, 243, 245, 248, 267, 504, 509, 511, 544, 559, 574, 630
- Синявский, Андрей — 268, 276, 339
- Скоукрофт, Брент — 465, 466, 473, 614
- Славский, Ефим — 231, 415
- Слезкин, Юрий — 24, 28
- Смайзер, Уильям — 85
- Смирнов, Леонид — 319, 351
- Соколов, Сергей — 409, 428, 433
- Соколовский, Василий — 111, 113, 114, 116, 135, 148, 210, 224, 531, 540, 543

- Солженицын, Александр — 235, 274, 275, 337–341, 354, 375, 587, 620, 631
- Сталин, Иосиф — 4, 6, 9, 10, 16–21, 23–26, 28–31, 33–35, 37–52, 54–143, 145, 147, 149, 152–158, 160–170, 172, 173, 175–179, 181, 182, 184–187, 189, 191, 193, 194, 198, 207, 210, 211, 215, 217, 236–247, 249, 250, 252, 254, 255, 257–260, 267, 268, 270, 271, 274, 276–279, 282–286, 291, 292, 294–299, 305, 309, 320, 321, 324, 325, 335, 342, 347, 357, 377, 381, 382, 398, 399, 406, 407, 441, 446, 447, 450, 453–455, 462, 473, 475, 486–489, 491–493, 495, 496, 498, 504, 505, 507–516, 518–528, 530–538, 544, 546, 547, 550, 551, 553, 554, 556, 558, 569, 577, 580, 606, 619–621, 624–631, 663, 664
- Стародубов, Виктор — 13, 350, 393
- Стивенсон, Эдлай — 230
- Стураа, Дэви — 14, 70, 522
- Судоплатов, Павел — 23, 24, 33, 143, 148, 507, 510, 540–543, 631
- Сун Цзывэнь — 50, 64, 509
- Сури, Джереми — 537
- Суслов, Михаил — 183, 212, 216, 285, 286, 289, 291, 296, 317, 320, 322, 334, 335, 364, 384, 385, 533, 576, 577, 628
- Суходрев, Виктор — 14, 293, 320, 321, 400, 579, 584, 585, 589, 590, 593, 594, 631
- Тараки, Нур Мухаммад — 374– 378, 594
- Тарасенко, Сергей — 456, 612, 613
- Таубман, Вильям — 14, 156, 221, 400
- Твардовский, Александр — 242, 247, 275, 570, 632
- Тито, Иосип Броз — 47, 49, 122, 123, 125, 147, 160, 161, 177, 180, 185–187, 530, 553, 554
- Толбухин, Федор — 80, 521
- Тольятти, Пальмиро — 126, 185, 318, 553
- Трапезников, Сергей — 286
- Трояновский, Александр — 32
- Трояновский, Олег — 14, 35, 152, 162, 173, 191, 212, 221, 222, 229, 509, 510, 547, 550, 552, 566, 577, 590, 591, 632
- Трубецкой, Сергей — 484, 617, 632
- Трумэн, Гарри — 35–37, 48, 50–53, 55–57, 60, 64, 65, 69, 78–82, 84, 85, 87, 97, 120, 121, 126, 132, 194, 215, 382, 484, 507, 534, 551, 629
- Тэтчер, Маргарет — 418, 420, 446, 481
- Тюльпанов, Сергей — 115, 116, 531, 532, 534, 620
- Уайнбергер, Каспар — 390, 397, 408, 422
- Уимэт, Мэтью — 389
- Ульбрихт, Вальтер — 114, 117, 128, 135, 138, 139, 142–144, 146, 148–151, 172, 217–219, 255, 301, 306, 307, 348, 533, 543, 559
- Уоллес, Генри — 81, 126, 518
- Устинов, Дмитрий — 53, 231, 246, 285, 294, 297, 322, 325, 332, 346, 351, 353, 362, 369, 373, 375, 377–381, 384–386, 391–394, 398–400, 440, 557, 580, 594, 595, 597, 598, 632
- Фалин, Валентин — 453, 470, 475, 553, 562, 582, 632
- Форд, Джеральд — 31, 280, 342, 351–355, 361, 362, 364–366, 368, 369
- Фурман, Дмитрий — 439, 450, 451, 456, 457, 609–612, 632
- Хаммаршельд, Даг — 358
- Хонеккер, Эрих — 307, 348, 597
- Хоттлет, Ричард — 55, 518
- Хрущев, Никита — 10, 17, 42, 45, 51, 70, 140, 143, 145, 147, 149–153, 155–163, 165–170, 172–194, 196–234, 236–238, 241–243, 246–248, 251–255, 257–267, 270, 271, 274, 275, 277, 281–287, 291, 292, 294–296, 304, 306, 308, 323–325, 345, 346, 351, 355–358, 362, 366,

- 371, 398, 400, 401, 407, 429, 434, 435, 441, 447–449, 452, 454, 473, 481, 489–493, 495, 496, 499, 509, 510, 527, 529, 531, 538, 540, 541, 544–546, 548–552, 554, 556–558, 560–562, 565–567, 570, 572, 573, 576, 577, 578, 580, 584, 619, 621, 622, 630–632, 663
- Хрущев, Сергей — 198, 204, 207, 554, 556, 557, 559, 560, 567, 632
- Хусейн, Саддам — 377, 474
- Цзян Цзинго** — 64, 65, 520
- Чазов, Евгений** — 295, 306, 349, 580, 582, 589, 590, 595, 632
- Чан Кайши** — 40, 51, 64–66, 130, 520, 627
- Чаушеску, Николае** — 386
- Чебриков, Виктор** — 401, 425, 430, 447, 603
- Чейни, Ричард** — 465, 473
- Чень Цзянь** — 553, 554
- Червоненко, Степан** — 287
- Черненко, Константин** — 382, 398–400, 403, 442, 600, 602, 630
- Черняев, Анатолий** — 13, 101, 259, 261, 262, 298, 299, 303, 310, 318, 325, 333, 346, 349, 355, 361, 368, 377, 381, 386, 406, 411, 418, 427, 434, 435, 437–439, 441, 448–451, 453, 456, 462, 463, 465, 468, 475, 476, 481, 505, 506, 527, 528, 573, 580–583, 584–587, 589, 590–593, 595, 597, 600–616, 622, 632
- Черчилль, Уинстон** — 37, 38, 43, 44, 48, 52, 57, 63, 67, 78, 83, 87, 91, 111, 144, 147, 157, 158, 347, 453, 475, 508, 511, 513, 515, 520, 526, 531, 542, 629, 630
- Чешков, Марат** — 246, 571, 573
- Чжоу Эньлай** — 175, 177, 186, 288, 295, 304, 305, 537, 554, 578, 582, 624, 625
- Чуйков, Василий** — 135
- Шахназаров, Георгий** — 13, 259, 262, 310, 439, 450, 463, 464, 472, 592, 596, 602, 604, 608, 610, 612, 613, 615, 616, 622, 633
- Шахурин, Алексей** — 92
- Шверник, Николай** — 166, 531, 577
- Шебаршин, Леонид** — 357, 389
- Шеварднадзе, Эдуард** — 13, 404, 405, 413, 416, 428, 429, 432, 433, 435, 443, 448, 453, 454, 456, 462, 463, 465–467, 469, 470, 475, 601, 603, 608, 613, 633
- Шейд, Фернанде** — 72
- Шелепин, Александр** — 283, 284, 286, 287, 296, 326, 577
- Шелест, Петр** — 230, 301, 315, 317, 322, 566, 577, 579, 580, 581, 584, 633
- Шепилов, Дмитрий** — 174, 178, 179, 180, 183, 184, 187, 191, 248, 253, 552, 554, 633
- Шишлин, Николай** — 259, 298
- Шлезингер, Джеймс** — 353
- Шостакович, Дмитрий** — 272, 273
- Шульц, Джордж** — 394, 397, 403, 408, 422, 432, 435, 442, 600
- Щаранский, Натан** — 341, 367
- Щелоков, Николай** — 336, 339, 587
- Эйзенхауэр, Дуайт** — 34, 92, 147, 153, 162, 168–172, 177, 190, 192, 195, 196, 198, 200–202, 206–208, 211–214, 215, 217, 223, 234, 345, 357, 382, 391, 555–557
- Эренбург, Илья** — 19, 242, 247, 256, 273, 505, 509, 633
- Эттли, Клемент** — 52, 58, 83, 97
- Юдин, Павел** — 148, 182, 211, 543, 551
- Язов, Дмитрий** — 433, 460, 480, 604
- Яковлев, Александр** — 14, 22, 210, 262, 303, 405, 406, 411, 427–429, 433–435, 453, 463, 469, 506, 551–553, 602, 603, 608, 612, 620, 633
- Янаев, Геннадий** — 482, 483
- Ярузельский, Войцех** — 385, 386, 388, 389, 465, 597, 614

На советской карикатуре 1949 г. Гарри Трумэн и Уинстон Черчилль изображены как вдохновители создания НАТО. За ними прячутся зловещные фигуры поджигателей войны из Пентагона

Иосиф Сталин и его будущий разоблачитель Никита Хрущев
на трибуне Мавзолея Ленина (1949 или 1950 г.)

Никита Хрущев, Анастас Микоян и Георгий Маленков
идут на работу в Кремле (1954 г.)

Вооружен и опасен. Хрущев любил рисковать в международной политике, но еще больше любил охоту

Военачальники сверхдержавы.

Правительственный прием в честь первого космонавта Юрия Гагарина в апреле 1961 г. Слева направо: Ю. А. Гагарин, министр обороны СССР маршал Родион Малиновский (за Гагариным), маршал Андрей Гречко, Н. С. Хрущев, начальник Генерального Штаба вооруженных сил СССР маршал Матвей Захаров, командующий Ракетными войсками стратегического назначения маршал Кирилл Москаленко, маршал Василий Соколовский (?) и командующий войсками Московского округа ПВО Павел Батицкий

Хрущев был неутомимым путешественником и приоткрыл железный занавес. Советская пресса называла его борцом за мир

Леонид Брежнев на Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

После парада он участвовал в кремлевском банкете, где тамадой был Сталин. Двадцать лет спустя, став генеральным секретарем ЦК КПСС, Брежнев продолжал восхищаться «вождем народов»

Брежнев говорил: «Обаяние – это очень важный фактор в политике». Он практиковал этот принцип от души, пока позволяло здоровье

Митинг на советском предприятии после советско-китайского пограничного инцидента на острове Даманский в марте 1969 г. Еще десять лет назад эти люди пели: «Русский с китайцем – братья на век»

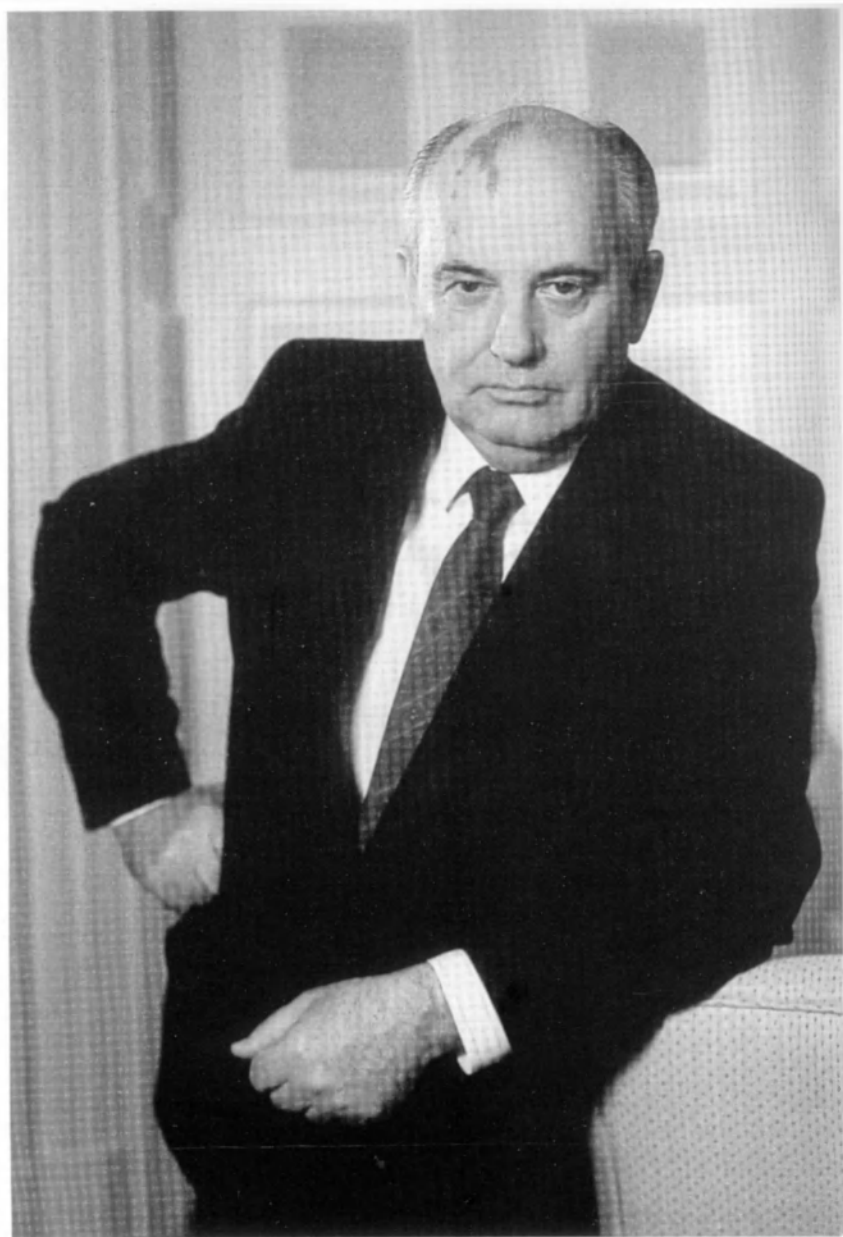
«Разрядка» при Брежневе происходила не только в международных отношениях. Генеральный секретарь и Эгон Бар, советник канцлера Федеративной республики Германия, расслабляются в охотничьем хозяйстве Завидово

Прощание «старой гвардии». Михаил Горбачев и старцы из Политбюро на московском вокзале (1981 или 1982 г.).

В первом ряду слева направо: Михаил Горбачев, Андрей Громыко, Николай Тихонов, Леонид Брежнев, Михаил Суслов, Михаил Соломенцев, Константин Черненко, Юрий Андропов, Борис Пономарев, зять Брежнева Юрий Чурбанов.

За спиной у Брежнева стоят Дмитрий Устинов и Виктор Гришин

Михаил Горбачев в конце 1991 г. После шести лет речей, планов и надежд он потерял и советскую империю, и свой пост

СОДЕРЖАНИЕ

К русскому изданию	5
Предисловие.....	7
Глава 1. Советский народ и Сталин — между войной и миром, 1945	16
Глава 2. Сталин на пути к холодной войне, 1945–1948.....	55
Глава 3. Путь к разделу Германии, 1945–1953	106
Глава 4. Борьба в Кремле и «мирное сосуществование», 1953–1957.....	152
Глава 5. Ядерные опыты Хрущева, 1953–1963	192
Глава 6. Брожение в тылу, 1953–1968	235
Глава 7. Леонид Брежнев и дорога к разрядке, 1962–1972.....	280
Глава 8. Закат разрядки. Имперская инерция, 1973–1979.....	327
Глава 9. Уход старой гвардии, 1980–1987	382
Глава 10. Горбачев и конец советской империи, 1988–1991	437
Заключение	486
Список сокращений.....	500
Список условных обозначений	502
Примечания	503
Библиография	618
Указатель имен	663

Научное издание

История сталинизма

Зубок Владислав Мартинович

НЕУДАВШАЯСЯ ИМПЕРИЯ

Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева

Авторизованный перевод с английского языка
Макбал Шахановны Мусиной

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *Н. П. Зимарина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Н. П. Голубцова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 01.03.2011.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 42. Тираж 1500 экз. Заказ № 2216

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117 393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

НЕУДАВШАЯСЯ ИМПЕРИЯ

Советский Союз в холодной войне
от Сталина до Горбачева

Владислав Зубок —

(р. 1958), профессор русской истории

в университете Темпл (Филадельфия).

Закончил исторический факультет МГУ.

Многие годы работал в Институте США и Канады Академии Наук СССР.

В 1990-е годы участвовал в нескольких международных проектах по истории холодной войны, в том числе работал в Архиве рассекреченных документов в области национальной безопасности при университете Джорджа Вашингтона.

Автор работ о советской политике в годы холодной войны, переведенных на многие языки.

Среди них совместная с К. Плешаковым книга «Кремлевская холодная война от Сталина до Хрущева» (Кэмбридж, Массачусетс, 1996) и «Антиамериканизм в России» (Нью-Йорк, 2000) совместно с Э. Ширяевым, а также английская версия «Неудавшейся империи» (Чэпл-Хилл, 2007).

Участвовал в редактировании и публикации документов по истории распада коммунистических режимов в Восточной Европе в 1989 г.

В последние годы занимался историей советской интеллигенции, опубликовал книгу

«Дети доктора Живаго. Последняя русская интеллигенция» (Кэмбридж, Массачусетс, 2009).

